ИСТОРИЯ КИРГИЗСКОЙ ССР

2

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ КИРГИЗСКОЙ ССР

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

С. И. ИЛЬЯСОВ
(председатель),

А. К. КАНИМЕТОВ, К. К. КАРАКЕЕВ,
И. И. МИНЦ,
А. М. МОЛДОКУЛОВ
(зам. председателя),

В. М. ПЛОСКИХ
(ответ. секретарь),

С. Т. ТАБЫШАЛИЕВ,
В. П. ШЕРСТОБИТОВ
(зам. председателя)

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ КИРГИЗСКОЙ ССР

ТОМ ВТОРОЙ

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ КИРГИЗИИ В СОСТАВ РОССИИ И ЕГО ПРОГРЕССИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (РАЗЛОЖЕНИЕ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ. 1855 — МАРТ 1917 г.)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
С. И. ИЛЬЯСОВ *(главный редактор)*,
А. А. АЛТМЫШБАЕВ, В. Я. ГАЛИЦКИЙ,
В. М. ПЛОСКИХ, К. У. УСЕНБАЕВ *(ответ. секретарь)*

ФРУНЗЕ «КЫРГЫЗСТАН» 1986

9(С54)
И 907
63. 3. (2 Кп)
И 90

И $\frac{0505010000}{М\ 451\ (17)-85}$ 7—85

591689

Центральная библиотека Академии наук Кирг. ССР

© Издательство «Кыргызстан», 1986.

ВВЕДЕНИЕ

В многовековом дореволюционном прошлом киргизского и других народов нашей страны особо важным в их истории является время единения с великим русским народом в многонациональном Российском государстве. Именно поэтому как большие всенародные праздники отмечались юбилеи 300-летия воссоединения Украины с Россией (1954 г.), 100-летия добровольного вхождения Киргизии в состав России (1963 г.), 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России (1981 г.), 100-летия добровольного вхождения Туркмении в состав России (1984 г.), а также другие юбилеи добровольного принятия российского подданства нерусскими народами нашей страны. В братском единстве с Россией, с русским народом видели киргизы и другие народы, их наиболее дальновидные представители того времени путь к своему национальному и социальному возрождению. Именно в пользу такого пути во второй половине XIX в. сделал свой исторический выбор и киргизский народ. Как подчеркивается в постановлении ЦК Компартии Киргизии «О 100-летии добровольного вхождения Киргизии в состав России», добровольное принятие киргизским народом российского подданства явилось переломным моментом в досоветский период его истории и имело большое прогрессивное значение[1]. Сказанное предопределило выделение специального тома «Истории Киргизской ССР» для освещения истории киргизского народа в составе России, разложения здесь патриархально-феодальных и развития капиталистических отношений.

Второй том «Истории Киргизской ССР» хронологически охватывает время от добровольного вхождения края в состав России и до победы Февральской буржуазно-демократической революции включительно, а его содержание представляет собой систе-

[1] О 100-летии добровольного вхождения Киргизии в состав России: Постановление ЦК Компартии Киргизии от 22 января 1963 года. — В кн.: Навеки вместе с русским народом! Сборник материалов празднования столетия добровольного вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1964, с. 217—218.

матическое изложение дооктябрьской истории Киргизии на основе марксистско-ленинской методологии. При этом авторы стремились показать на примере истории киргизского и других народов Киргизстана как общие закономерности исторического процесса, так и специфические особенности политического, социально-экономического и культурного развития Киргизстана в рассматриваемый период.

Добровольное вхождение Киргизии в состав России принесло киргизскому народу избавление от угрозы порабощения соседними отсталыми феодально-деспотическими государствами Востока, от колониальной экспансии цинского Китая и Британской империи, от ига Кокандского ханства. На многострадальной земле Киргизстана прекратились разорительные междоусобные войны, инициаторами которых выступала феодально-родовая верхушка, были запрещены рабство и работорговля. Ускорилось экономическое, социально-политическое и культурное развитие киргизского народа. Его исторические судьбы оказались неразрывно связанными с судьбой русского и других народов Российского государства[1].

Распространение российского капитализма вширь, в том числе на среднеазиатские окраины страны, не могло не сказаться на социально-экономическом и политическом положении Киргизстана. На вторую половину XIX и начало XX в. приходится втягивание его во всероссийский и международный капиталистический рынок, образование новых городов, торговых слобод и оседло-земледельческих поселений, появление ростков товарного производства в сельском хозяйстве, расширение неземледельческих промыслов, увеличение городского и сельского населения, возникновение мелких, кустарного типа, и первых сравнительно крупных частнокапиталистических промышленных предприятий, в основном перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, а на юге края — горнодобывающих.

Крайне важным фактором общественно-политической жизни Киргизии конца XIX и начала XX в. явилось зарождение здесь новых социальных сил общества — торгово-ростовщической и промышленной буржуазии и противостоящих ей первых интернациональных отрядов наемных рабочих, в том числе из среды киргизской дехканской и переселенческой крестьянской бедноты.

Но Киргизия не успела пройти стадию промышленного капитализма, а киргизский народ не сформировался к 1917 г. в буржуазную нацию. В ауле и кишлаке вплоть до победы Великого Октября продолжали господствовать патриархально-феодальные отношения, хотя проникновение капиталистических элементов в местную экономику вело к их постепенному разложению. Это

[1] См.: Навеки вместе с русским народом! Сборник материалов празднования столетия добровольного вхождения Киргизии в состав России. Фрунзе, 1964, с. 46—48.

обусловливало известные изменения в отсталом народном хозяйстве горного края, сдвиги в социальной структуре населения, общественно-политической мысли и культуре киргизского народа.

Трудящиеся массы Киргизстана испытывали тяжелый социальный и национально-колониальный гнет со стороны царизма и местных эксплуататоров — баев, манапов, кулаков. Это вело к углублению антагонистических противоречий, особенно обострившихся в период империализма в России, вызывало чувство протеста и поднимало разнонациональные трудящиеся массы на борьбу за социальную и национальную свободу. «В этой справедливой борьбе киргизский народ, связавший свою судьбу с судьбой великого русского народа, обрел в лице рабочего класса России верного друга, союзника и руководителя. Участие в едином общероссийском революционном движении под руководством партии большевиков стало главным фактором, определившим направление исторического прогресса киргизского народа, как и других народов страны»[1]. Действительно, именно приобщение трудящихся масс киргизского народа к освободительной революционной борьбе народов России при гегемонии российского пролетариата во главе с большевиками-ленинцами, активное участие трудящихся Киргизстана в трех российских революциях, открывшее путь для их всестороннего прогресса в условиях социализма, и было решающим историческим последствием добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Великими поборниками дружбы киргизского и русского народов были акыны-демократы Токтогул Сатылганов и Тоголок Молдо. Они призывали свой народ к овладению передовой русской культурой, видели в дружбе с русским народом светлое будущее киргизов[2].

Авторский коллектив и редколлегия тома стремились полнее и глубже, чем в предшествующих изданиях первого тома «Истории Киргизской ССР» (1956, 1963, 1968 гг.), осветить социально-экономические процессы в Киргизии, историко-революционное и культурное прошлое трудящихся края после его вхождения в состав России. Особое внимание при этом уделялось раскрытию исторических последствий добровольного вхождения Киргизии в состав Российского государства, расширению хозяйственно-культурных связей и дружественных взаимоотношений киргизского народа с русским и другими народами страны, характеристике общности их исторических судеб и коренных классовых интересов, истории совместной борьбы против социального и национального гнета под руководством российского пролетариата во главе с ленинской большевистской партией. При этом авторы и ред-

[1] О 50-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии: Постановление ЦК Компартии Киргизии от 22 января 1974 года. Фрунзе, 1974, с. 34.

[2] Торжество идей пролетарского интернационализма в Советском Киргизстане. Фрунзе, 1963, с. 10.

коллегия тома вполне сознают, что и сегодня далеко не все проблемы и вопросы дооктябрьской истории Киргизии разработаны с достаточной глубиной и полнотой или полностью разрешены.

Руководствуясь трудами классиков марксизма-ленинизма, решениями XXVII съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС, XVIII съезда Компартии Киргизии, XVIII пленума ее Центрального Комитета (май 1983 г.), другими партийными документами, авторский коллектив ставил своей задачей охарактеризовать основные проблемы истории Киргизии рассматриваемого периода с учетом современных достижений советской исторической науки, а также выявленного и опубликованного за время с 1968 г. нового документального материала. При этом во главу угла были поставлены принципиально важные положения ЦК КПСС о месте и роли советского обществоведения в идеологической работе, о том, что важным инструментом утверждения в общественном сознании советского патриотизма и социалистического интернационализма было и остается воспитание историей, трактуемой с позиций марксистско-ленинского мировоззрения, указания Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о необходимости усиления наступательности против идеологических врагов социализма[1].

Второй том «Истории Киргизской ССР» написан авторским коллективом в составе сотрудников Института истории АН Киргизской ССР и Института философии АН Киргизской ССР, а также преподавателей Киргизского государственного университета им. 50-летия СССР:

Историография и источники — В. Я. Галицким.

Глава I: 1—Б. Д. Джамгерчиновым; 2—Б. Д. Джамгерчиновым, К. У. Усенбаевым; 3— В. Я. Галицким с использованием материалов Д. Б. Сапаралиева и А. Бедельбаева.

Глава II: 1— А. Б. Джаманкараевым, А. А. Сапелкиным, М. Я. Сушанло; 2— К. У. Усенбаевым, А. Б. Джаманкараевым, Р. Е. Доронбековой, В. Я. Галицким; 3— К. У. Усенбаевым, А. Х. Хасановым.

Глава III: 1 — Т. Д. Баялиевой; 2 — В. Я. Галицким, Д. О. Айтмамбетовым; 3 — Б. Алагушевым, Д. О. Айтмамбетовым, Т. Д. Баялиевой; 4 — Д. О. Айтмамбетовым.

Глава IV: 1— К. У. Усенбаевым, В. П. Тутлисом; 2— К. У. Усенбаевым.

Глава V: 1 — В. П. Тутлисом, В. Я. Галицким; 2 — В. Я. Галицким, А. Б. Джаманкараевым, В. П. Тутлисом, К. У. Усенбаевым.

Глава VI: 1 — В. П. Тутлисом, В. Я Галицким; 2 — В. Я. Галицким, К. У. Усенбаевым; 3— К. У. Усенбаевым.

Глава VII:1,2— В. П. Тутлисом.

Хронологический указатель составлен Д. Б. Сапаралиевым; библиография — Г. К. Кронгардтом.

Спецредактор тома — Б. В. Лунин.

Карта «Революционное движение в Киргизии в начале XX в.» составлена А. Бедельбаевым, А. Б. Джаманкараевым, А. А. Сапелкиным.

Иллюстрации подобраны Д. Б. Сапаралиевым, А. Бедельбаевым, Г. К. Кронгардтом. Фотографии выполнены В. М. Жигайловым, рисунки — художниками А. Акматовым и А. Момуналиевым.

Указатели составлены А. Бедельбаевым, Д. Б. Сапаралиевым, Г. М. Айтбаевой.

См.: [1] *Горбачев М. С.* Живое творчество народа: Доклад на Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» 10 декабря 1984 г. М., 1985, с. 36 и др.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Методологическая основа изучения истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в.

Историческая наука в Киргизской ССР — детище Великого Октября. Ее становление и развитие приходится на годы Советской власти, а все успехи неразрывно связаны с социально-экономическим и культурным прогрессом республики в братской семье народов СССР, с достижениями общественных наук в стране. В эти годы создана и подлинно научная, основанная на марксистско-ленинской методологии, историография дореволюционной истории Киргизии[1].

Труды основоположников научного коммунизма имеют первостепенное значение для изучения отечественной и мировой истории. Они позволяют с единственно верных методологических позиций освещать и историю каждого отдельного народа, каждого отдельного региона.

Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, их богатое эпистолярное наследие, в том числе переписка с деятелями русского революционного движения[2], крайне важны для разработки ряда кардинальных проблем российской истории. Они содержат принципиально важные оценки различных исторических событий, явлений и процессов, характеризуют, в частности, прогрессивную роль России по отношению к Востоку и его народам[3].

Основу научной концепции истории нашего многонационального государства заложили труды В. И. Ленина, ознаменовавшие начало нового этапа в отечественной историографии. Они образуют фундамент методологии истории России и ее народов, объективно и всесторонне, с классово-партийных позиций анализируют широкий круг проблем, отражающих сущность и различные стороны исторического процесса.

Научно-теоретическое наследие В. И. Ленина показывает его пристальное внимание к историческим судьбам народов Востока в целом и среднеазиатских в частности. В своих трудах В. И. Ленин глубоко осветил роль народов Востока во всемирной истории, значение их участия в борьбе за свержение капитализма и торжество социализма. Ленин доказал возможность и необходимость

соединения рабочего движения в развитых странах и национально-освободительного движения в колониях в единый общий фронт борьбы против империализма.

Уже в капитальном труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (1899 г.)[4] был рассмотрен вопрос о среднеазиатско-казахстанском регионе как рынке российского капитализма, развивающегося не только вглубь, но и вширь, а также об исторически прогрессивном значении этого процесса. В работе «Еще к вопросу о теории реализации» (1899 г.), подчеркивая зависимое положение Средней Азии от центра России, В. И. Ленин писал: «Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»[5]. Позднее он указывал, что формально вассальные царизму Бухарский эмират и Хивинское ханство — «тоже нечто вроде колонии»[6]. В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» (1916 г.) В. И. Ленин, рассматривая место Средней Азии в системе российского империализма, характеризовал Туркестан как колонию «чистейшего типа»[7]. В подготовительных материалах к работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» содержатся сведения о поэтапном продвижении царизма в Среднюю Азию при обострении взаимоотношений России с Британской империей, а также данные о территории и населении в областном разрезе, развитии экономики и торговли в крае[8].

В трудах В. И. Ленина проводится отчетливая мысль о том, что реакционная колонизаторская политика царизма консервировала и усугубляла отсталость среднеазиатских и других нерусских народов России. По оценке Ленина, Туркестан стоял на докапиталистической стадии развития[9]; в крае господствовали патриархально-феодальные отношения, а духовная жизнь народов Средней Азии находилась в значительной мере в плену реакционной идеологии ислама. Здесь основную массу населения составляло крестьянство коренных национальностей, а промышленный пролетариат был слаб или почти отсутствовал.

В то же время Ленин отмечал объективно-прогрессивную роль российского капитализма в Средней Азии, поскольку развитие капитализма означало «повышение производительных сил общественного труда и обобществление его»[10]. Происходило втягивание прежде замкнутого края в мировое товарное обращение, нивелирование его местных патриархальных особенностей, создание здесь рынка для фабрично-заводских товаров; развертывалось железнодорожное строительство, шел процесс вовлечения в промышленность сельского населения и т. п. Русскому капитализму в Средней Азии (как и английскому в Индии) предстояло выполнить двоякую миссию: с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой — заложить материальную основу общества капиталистического. При этом, указывал В. И. Ленин, признание прогрессивной роли капитализма в хозяйственном раз-

вития «вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма»[11].

Пробуждение к политической жизни азиатских народов, отмечал В. И. Ленин, получило особенный толчок от русско-японской войны и от первой русской революции 1905—1907 годов[12]. Приобщение угнетенных трудящихся масс Средней Азии и Казахстана к общероссийскому революционному движению во главе с пролетариатом — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России.

Для понимания характера и сущности национально-освободительного движения и классовой борьбы трудового дехканства Средней Азии ценным является указание В. И. Ленина на то, что здесь «национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением»[13].

Ленинские положения имеют принципиальное, непреходящее значение для правильного освещения истории социально-экономического и политического развития народов Средней Азии, и в их числе киргизского народа, в дооктябрьский период. Эти положения вместе со всем ленинским теоретическим наследием составили методологическую основу развития советской историографии народов Средней Азии и Казахстана.

Неотъемлемой частью методологического фундамента советской историографии являются партийные документы. Так, в решениях X съезда РКП(б) (март 1921 г.) отмечалось, что народы Туркестана, в том числе и киргизы, не успели до Великого Октября пройти стадию капиталистического развития, не имели или почти не имели своего промышленного пролетариата, сохраняли в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт. Важно также указание съезда на то, что политика царизма в кочевых районах «...состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений»[14]. XII съезд партии (апрель 1923 г.), характеризуя значение большевистского лозунга о праве наций на самоопределение для сплочения нерусских народов в борьбе против социального и национального гнета, подчеркивал, что «...освободительная политика нашей партии завоевала ей сочувствие и поддержку широких масс этих национальностей в их борьбе против царизма и империалистической русской буржуазии. Едва ли можно сомневаться в том, что это сочувствие и эта поддержка послужили одним из решающих моментов, определивших победу нашей партии в Октябрьские дни»[15]. Для изучения истории дореволюционного Киргизстана важное методологическое значение имеют положения, содержащиеся в материалах XXVII и других съездов КПСС, пленумов ее Центрального Комитета, а также в тезисах ЦК КПСС «Пятьдесят лет русской революции (1905—1907 годов)», «60 лет Великой Октябрьской революции», «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича

Ленина», в постановлениях ЦК КПСС «О 80-летии Второго съезда РСДРП», «О 80-летии революции 1905—1907 годов в России» и др.

Велико методологическое значение документов Коммунистической партии Киргизии. В материалах XVIII и других ее съездов содержатся принципиальные оценки состояния научных исследований по истории республики, а также программные указания на важнейшие направления дальнейшей работы (в том числе по изучению истории дооктябрьского Киргизстана). Огромную помощь в правильном освещении многих проблем истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в. оказали постановления ЦК Компартии Киргизии: о работе Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР (1947 г.), «О 100-летии добровольного вхождения Киргизии в состав России» (1963 г.), о 40-летии и 50-летии образования Киргизской ССР и др. Большое внимание анализу историографии республики дореволюционного периода уделил XVIII (май, 1983 г.) пленум ЦК Компартии Киргизии. На вооружение исторической науки становятся положения, содержащиеся в постановлении ЦК Компартии Киргизии о 60-летии образования Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии (1984 г.), а также в материалах празднования этого юбилея.

Как отмечалось на торжественном заседании Центрального Комитета Коммунистической партии Киргизии и Верховного Совета Киргизской ССР в г. Фрунзе, посвященном 60-летию образования Киргизской республики и Компартии Киргизии, важным шагом на нелегком пути киргизского народа к свободе и счастью явилось добровольное вхождение Киргизии в состав России. Этим актом большого прогрессивного значения, выявившим мудрость исторического выбора киргизского народа, он навечно связал свою судьбу с судьбой великого русского народа. Киргизы обрели в его лице старшего брата и надежного союзника в борьбе за социальное и национальное освобождение[16].

Марксистско-ленинская методология, неотрывная от принципов объективности и партийности, позволяет советской историографии глубоко проникать в суть исторических процессов и явлений.

В дооктябрьский период господствовал идеалистический взгляд на историю, но уже тогда был накоплен значительный фактический материал по истории киргизов и Киргизстана второй половины XIX — начала XX в. Советские историки, отдавая должное познавательному значению трудов ученых того времени, вместе с тем критически относятся к содержащимся в них выводам и оценкам.

Досоветский период

Вхождение Киргизии в состав России и последовавшее затем оживление торгово-экономических связей между ними в рамках развивающегося общероссийского рынка, стремление царского

правительства и торгово-промышленного капитала к «хозяйственному освоению» Туркестанской колонии империи привели, начиная с середины XIX в., к постепенному развертыванию первоначального изучения природных ресурсов Киргизстана, жизни и быта его коренного населения.

Почти неведомый мировой науке Тянь-Шань привлек к себе внимание выдающихся отечественных географов П. П. Семенова, Ч. Ч. Валиханова, И. А. Северцова, А. П. Федченко, а также ряда других его первопроходцев. Трудами прогрессивных российских ученых, непосредственно соприкасавшихся с жизнью, бытом и культурой исконных обитателей гор и долин Тянь-Шаня, было положено начало познания его природы и населения, прошлого и настоящего. Примечательно, что многие страницы научно-литературного наследия первооткрывателей Тянь-Шаня и Памиро-Алая, как и их последователей в конце XIX — начале XX в., отмечены дружеской симпатией к киргизскому народу и уважением к его многовековому историко-культурному прошлому.

Определенный вклад в исследование археологии и этнографии Средней Азии, включая и изучение памятников духовной и материальной культуры населения Киргизстана, внесли центральные научные учреждения России: Азиатский музей АН (с 1818 г.), Императорская археологическая комиссия (ИАК, с 60-х годов XIX в.), Восточное отделение Русского археологического общества (ВОРАО, с 90-х годов XIX в.), Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношениях (с 1903 г.)[17], а также научные общества Москвы и Петербурга.

Особо должна быть отмечена роль выдающегося отечественного востоковеда В. В. Бартольда, посетившего Киргизию еще во время своей первой научной поездки в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. для исследования на месте памятников древности[18]. Киргизия и история тянь-шаньских киргизов оставались и далее в сфере его научных интересов.

Командированные в Среднюю Азию и Казахстан представители центральных научных учреждений страны — востоковеды, археологи, этнографы, языковеды и другие — нередко устанавливали результативные для науки контакты с местными (туркестанскими) научными обществами[19], а в Киргизии — с любителями-краеведами из Пишпека, Токмака, Пржевальска, Нарына и Ош. При этом ознакомление с историко-археологическими памятниками края, а также своеобразием культуры и быта, с нравами и обычаями его коренных жителей нередко осуществлялось при благожелательном содействии знатоков края старожилов-информаторов из среды киргизов и дунган, казахов и узбеков, чьи имена, к сожалению, по большей части остались неизвестными для науки.

Забытые ранее страницы историко-культурного прошлого края и киргизской этнографии открывали сообщения и публикации

членов Туркестанского кружка любителей археологии (Ташкент, 1895—1917 гг.) В. А. Каллаура, Л. А. Зимина, Н. Ф. Петровского, Н. Г. Хлудова и др.[20] Заметный след в археолого-этнографическом изучении Киргизского края, истории его народов в новое время оставили Н. Н. Пантусов, Ф. В. Поярков, В. П. Ровинский, Я. И. Корольков и другие местные краеведы[21].

В этот период появился и ряд работ, написанных в духе реакционно-монархического направления в историографии Средней Азии. К их числу относятся сочинения генералов Л. Ф. Костенко, Н. Н. Гродекова, М. А. Терентьева и некоторых других «старых туркестанцев», а также авторов из чиновничьей среды местной администрации[22].

События внешне- и внутриполитической истории Киргизии второй половины XIX в. — от ее вхождения в состав России и до Андижанского восстания 1898 г.— рассматривались в известной трехтомной работе М. А. Терентьева, но лишь в аспекте истории «завоевания» Средней Азии и последующей ее колонизации. При этом игнорировались проявления стремлений киргизского народа к вхождению в состав России.

В духе официальной дворянско-буржуазной историографии написан и исторический очерк А. Талызина о вхождении северной части Киргизии в состав России. В нем излагались сведения о положении чуйских киргизов под гнетом Кокандского ханства, а затем история их перехода в подданство России, который трактовался в аспекте «покорения края» царизмом. Подобный же характер носили книги, статьи и некоторых других военных авторов.

Небезосновательные суждения и любопытные факты из истории формирования киргизской народности феодального типа, ее этнокультурных связях с соседними и другими народами в новое время и ранее, данные о родоплеменном составе и численности, расселении и кочевках, хозяйственном быте и обычном праве киргизов находим в трудах Н. А. Аристова и Н. Ф. Ситняковского[23], Г. С. Загряжского[24], А. Ф. Вышегорского (работа последнего издана от имени Н. И. Гродекова)[25]. Работы названных и других авторов в известной мере помогают выяснить положение различных классово-сословных групп населения и эволюцию социально-экономических отношений в дореволюционный период XX в.

Исследований о народном хозяйстве собственно Киргизстана в дореволюционный период по сути дела не было. Но в работах об экономике Туркестанского края в целом, отдельных его областей содержится немало информации о хозяйстве тех или иных районов Киргизии или отдельных населяющих ее народов — киргизов, дунган и др. В этом плане выделяются три наиболее значительных издания: «Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана», опубликованные как приложение к Отчетам сенаторской ревизии Туркестанского края К. К. Палена в 1909—

1910 гг. [26]; книга инженера В. А. Васильева[27] — экономическое обоснование проекта орошения р. Чу, а также совместный труд исследовательниц-экономистов В. В. Заорской и К. А. Александер (Рудневой)[28]. Последний посвящен промышленному развитию Туркестанского края в начале XX в. и составлен на основе анкетного обследования относительно крупных предприятий, включая Пишпекский, Пржевальский и отчасти Ошский уезды (правда, отдельные области края и горнопромышленное производство в книге остались неохваченными), а также личных экспедиционных изысканий и исследований авторов. При всем множестве и разнообразии фактических материалов о социально-экономической жизни Средней Азии в начале XX в., статистических, в первую очередь, содержащихся в названных и подобных работах, их использование требует критического подхода. Это особенно относится к изданиям официального и полуофициального характера.

В книгах агрономов и других специалистов освещалось состояние, а иногда и история хлопководства и других отраслей сельского хозяйства Средней Азии, включая и южные районы Киргизии, рассматриваемые преимущественно с точки зрения интересов правящих классов метрополии.

В конце XIX — начале XX в. стали появляться работы, раскрывающие в той или иной мере историю переселения русских крестьян и экономическое освоение территории Киргизии и соседних с ней областей Узбекистана и Казахстана[29]. Их авторов, преимущественно чиновников, ведавших на местах или ревизовавших переселенческое дело, объединяло стремление обосновать целесообразность дальнейшего расширения колонизационного фонда и насаждения на окраинах крупного хозяйства фермерского типа. Вопросы социальной дифференциации в переселенческой деревне и киргизском ауле, классовой борьбы крестьянско-дехканских масс, в т. ч. в связи с оседанием киргизской кочевой бедноты, в этих работах, как правило, обходились.

Среди работ по истории переселения русских крестьян на среднеазиатские окраины в конце XIX — начале XX в. можно назвать труды А. А. Кауфмана[30] — известного статистика-экономиста и публициста, одного из лидеров кадетов. На публикации Кауфмана неоднократно ссылался В. И. Ленин[31], используя некоторые из его цифровых и других данных и критикуя за либерально-буржуазную ограниченность взглядов. Сам же В. И. Ленин и аграрники-марксисты, как известно, связывали решение аграрного вопроса в центре России и на ее окраинах прежде всего с ликвидацией помещичьего землевладения и национализацией земли в условиях буржуазно-демократической и затем социалистической революции.

Обширные статистико-экономические показатели содержат материалы обследования русского переселенческого и коренного («туземного») населения края чиновниками Переселенческого управления под руководством П. П. Румянцева[32]. Эти и некоторые

другие, близкие по характеру и содержанию, публикации (при критическом к ним отношении) представляют в своей совокупности собрание многоплановых источников о сельском хозяйстве и его эволюции с конца XIX в., о многонациональном крестьянстве края, в т. ч. киргизском дехканстве.

Специально изучением истории крестьянских, национально-освободительных и революционных движений в Туркестанском крае дореволюционные авторы не занимались, а отдельные публикации о них (А. И. Брянова, Н. Корытова, В. П. Салькова и др.) носили явно тенденциозный характер и были написаны в духе официальной «охранительной» историографии.

В дореволюционном Киргизстане не имелось условий для развития национальной историографии. Однако известны попытки знатоков киргизской старины сохранить запечатлевшиеся в памяти народа и еще широко бытовавшие во второй половине XIX — начале XX в. исторические предания и легенды — отзвуки многовекового историко-культурного прошлого киргизов. Реальная историческая действительность со всеми ее противоречиями нашла отражение в издревле бытующих среди народа эпосах, в т .ч. в героическом эпосе «Манас» и других произведениях устно-поэтического творчества киргизского народа.

В дооктябрьской акынской поэзии получили отзвук все более углублявшееся к 1917 г. классовое, идейно-политическое размежевание и разгоравшаяся борьба представителей двух основных противоположных направлений: господствующего реакционного, антинародного, и прогрессивно-демократического[33].

Антиисторические, религиозные и антинародные взгляды проповедовали в своем творчестве акыны — «заманисты» — Калыгул Баев, Арстанбек Бойлошев и Молдо Кылыч (Клыч) Шамырканов, служившие рупором реакционного бай-манапства и феодально-клерикальных элементов. В своих произведениях они выражали резко негативное отношение к факту добровольного вхождения Киргизии в состав России[34]. Полностью отрицая его прогрессивные последствия и исторические перспективы, акыны-«заманисты» тем самым вредили сближению киргизских и русских трудящихся в общей борьбе за социальную и национальную свободу.

К этому реакционному течению идейно примыкал и автор некоторых «исторических» трактатов Осмоналы Сыдыков[35]. Всячески восхваляя крупнейших представителей феодально-родовой киргизской верхушки (манапов Шабдановых и др.), он выступал откровенным выразителем идей бай-манапства, пантюркизма и нарождавшегося буржуазного национализма, проповедуя мнимую бесклассовость киргизского общества, идеализируя его родоплеменное устройство, «тюркоязычное родство» и т. п.[36]

Во главе противоположного — народного, демократического идейно-политического течения в акынской поэзии стояли Токтогул Сатылганов, Тоголок Молдо и Барпы Алыкулов. В трактовке исторического прошлого киргизского народа акыны-демократы,

591689
Центральная научная Академии наук Кирг. ССР

и прежде всего Токтогул, смыкались с подлинно народной основой эпоса «Манас». К сожалению, пока вопрос об исторических взглядах киргизских акынов-демократов второй половины XIX — начала XX в. в литературе достаточно не разработан, а их творчество как исторический источник детально не исследовано. Однако рассмотрение идейных, социально-политических мотивов в творческом наследии Токтогула позволяет говорить о нем как выразителе взглядов своего народа на его историю и культуру. Он ярко отразил не только далекое историческое прошлое, но и современную ему действительность: тяжелую жизнь трудящейся бедноты, ее надежды и чаяния на лучшее будущее, борьбу трудового дехканства, направленную на избавление от нищеты и эксплуатации со стороны бай-манапов и царизма. Токтогул и другие акыны-демократы активно выступали глашатаями добрососедских отношений и дружбы с русским и другими народами страны.

Таким образом, ко всему, что было сделано в изучении истории киргизского края и его населения в дооктябрьский период, как нельзя более приложима оценка В. И. Лениным домарксовской «социологии» и историографии, которые «в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»[37]. Познавательное значение вклада русских ученых-путешественников и востоковедов в изучение истории Киргизии, как и все лучшее из эпического наследия киргизского народа, творчества акынов-демократов еще предстояло всесторонне оценить, переосмыслить, проанализировать с методологических позиций исторического материализма советским историкам Киргизстана.

Советский период

Как было показано выше, основополагающие ленинские труды, документы КПСС представляют незыблемый фундамент советской исторической науки. Содержащиеся в них общеметодологические положения и конкретные оценки, относящиеся к истории народов Средней Азии и Казахстана[38], дают возможность советским историкам действительно научно подойти к правильному освещению истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в.

Рассмотрим как изучалась история Киргизии указанного времени: 1) с октября 1917 г. и до 1937 г., 2) далее до середины 60-х годов; 3) с последнего рубежа и до середины 80-х годов.

Октябрь 1917 г.— 1937 г.

Для процесса становления в Киргизстане советской исторической науки с самого начала был характерен интерес не только к современности, но и к историко-культурному прошлому края, дореволюционной истории киргизского народа.

Одна из первых попыток краткого освещения истории киргизского народа с древнейших времен и до начала нынешнего века была предпринята в 1923 г. В. Н. Дублицким[39]. Однако в его работе довлели материалы о былом родоплеменном составе киргизской народности.

Четыре года спустя была опубликована очерковая работа по истории киргизского народа, написанная выдающимся востоковедом В. В. Бартольдом[40]. По полноте и достоверности приводимых сведений этот труд превосходил работы всех предшествовавших авторов и долгое время служил основным пособием по истории Киргизии. Да и сегодня он не потерял своего познавательного значения, особенно в историографическом плане, хотя историческая наука с тех пор ушла далеко вперед[41]. Конечно, очерк Бартольда отнюдь не вооружал читателей марксистско-ленинской концепцией исторического процесса. В нем преобладало изложение политической истории, преувеличивалось значение географических, культурных и торговых факторов. Вместе с тем добротная фактическая основа очерка, максимально возможная при современном ему уровне знаний, обогащала читателей знанием основных событий по истории киргизского народа. Очерк Бартольда предшествовал выходу новых, написанных с марксистско-ленинских позиций работ и в определенной мере облегчил возможность их появления[42].

Проблема вхождения Киргизии в состав Российского государства неоднократно затрагивалась в литературе конца 20-х и середины 30-х годов. Значение этого переломного события в исторических судьбах киргизского народа в общем не отрицалось, но его правильная, всесторонняя оценка утвердилась в исторической науке не сразу. Еще бытовал односторонне упрощенный взгляд на принятие российского подданства казахами, киргизами, узбеками и таджиками только как результат «завоевания Средней Азии русскими». Характеристика колониальной политики царизма в Средней Азии и Казахстане (П. Г. Галузо и др.) зачастую заслоняла в литературе тех лет проблему объективно прогрессивного значения государственного объединения народов этого региона с русским и всеми другими народами России — страны, где не за горами была очистительная гроза Октября 1917 г. Некритическое восприятие концепций дореволюционной литературы отрицательно сказалось на содержании книги советского государственного и партийного деятеля Т. Рыскулова[43], в которой фигурировали ошибочные утверждения, что присоединение Заилийского и Зачуйского краев происходило якобы при враждебном отношении и сопротивлении всей массы казахов и киргизов[44]. Впрочем, сам же Т. Рыскулов в противоречие со сказанным признавал, что «влиятельный киргизский род (племя) Богу решился перейти в русское подданство»[45] в 1855 г., после чего этому примеру последовало и киргизское население других районов Тянь-Шаня.

Изучение общественно-экономического строя дореволюционного Киргизстана и связанной с этим проблемы об уровне его экономического развития к Октябрю 1917 г. диктовалось практическими потребностями социалистического строительства, не-

обходимостью проведения первых аграрных преобразований, а затем и осуществления коллективизации сельского хозяйства при одновременном и нараставшем переводе киргизских кочевых и полукочевых хозяйств на оседлый образ жизни. Задачи советизации доколхозного аила и кишлака, борьба с байством и кулачеством, антисоветская деятельность которых давала себя знать как в хозяйственной, так и общественно-политической жизни, закономерно и властно требовали изучения эволюции социально-экономических отношений в дооктябрьском Киргизстане и в переходный период, определения социальной природы различных сословно-классовых групп и категорий в киргизском обществе, в т. ч. манапства и байства.

Немаловажный вклад в выяснение положения и состава букары, а также характера социального института манапства, его эволюции с дореволюционного времени и до самой ликвидации в ходе социалистического переустройства сельского хозяйства внесли публикации партийно-советских работников, экономистов и этнографов[46] Киргизской республики конца 20— начала 30-х годов, когда борьба с бай-манапством стала насущной практической задачей дня.

Заметным явлением в историографии второй половины 20-х первой половины 30-х годов было появление обзорных работ П. Г. Галузо и В. А. Лаврентьева[47] по истории дореволюционного Туркестана, интересных рядом фактических данных и об экономике Киргизии. Относительно же общих оценок и суждений названных авторов о характере и уровне социально-экономического развития Туркестанского края со времени его присоединения к России, в исторической литературе довольно единодушно отмечалось, что П. Г. Галузо фактически отрицал возникновение и развитие к 1917 г. частно-капиталистического уклада в хозяйстве и общественно-экономическом строе Туркестана (тем более — Киргизии)[48]. В. А. Лаврентьев же, наоборот, преувеличивал степень проникновения и воздействия российского капитала на экономику края, особенно его сельское хозяйство[49].

Специальные работы об экономике кочевых районов Средней Азии (к ним относилась и Киргизия) стали появляться в первой половине 30-х годов. По введению в научный оборот этнографических, статистико-экономических данных и сведений о дореволюционной Киргизии в целом и отдельных ее районах особую важность имели работы П. Кушнера (П. И. Кнышева), а также П. Погорельского и В. Батракова[50], М. С. Сахарова[51] и др. В то же время П. Кушнер, как и П. Погорельский и его соавтор В. Батраков, допускали существенные ошибки. Рецидивы теории «родового строя» у киргизов в работах П. Кушнера получили острокритическую оценку со стороны П. Погорельского и В. Батракова, которые, однако, явно переоценивали удельный вес товарно-денежных отношений и элементов капитализма в общественно-экономическом строе и хозяйстве киргизов до 1917 г.[52] При всем том авторы этих взаимоисключающих точек зрения были согласны с тем, что дореволюционный Туркестан, включая Киргизию, представлял в целом глубоко отсталую окраину царской России.

Приводившиеся уже в литературе материалы об оседлом и полуоседлом населении Киргизстана к 1917 г. были дополнены в 1934 г. П. Погорельским в обстоятельном введении к книге М. Сахарова[53]. Некоторые из названных выше и ряд других вопросов истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в. вкратце освещались в упоминавшейся книге Т. Рыскулова[54].

Из других проблем дооктябрьской истории Киргизии наибольшее внимание уделялось национальным движениям, и прежде всего восстанию 1916 г. В статьях о Кокандском восстании 1873—1876 гг.[55] и Андижанском восстании 1898 г.[56] еще не содержалось их объективной оценки. Появившаяся во второй половине 20-х годов противоречивая характеристика Андижанского восстания сказывалась и на его последующей историографии[57].

Следует остановиться на начале изучения истории восстания 1916 г. в Киргизии. Уже в 1924 г. появились публикации двух очевидцев — Г. И. Бройдо[58] и Т. Рыскулова[59]. Но они оба ошибочно считали, что восстание было преднамеренно спровоцировано царизмом. Реакционные действия манапов на севере Киргизии выдавались Т. Рыскуловым за выступления «всех туземцев». Тогда же, в 1924 г., была опубликована и сугубо односторонняя и ошибочная статья А. Миклашевского.[60] Участники последовавшей вскоре (1926—1927 гг.) дискуссии в преобладающем большинстве пришли к верному выводу, что указанное восстание было крупнейшим проявлением национально-освободительного движения народов Средней Азии в период империализма.

Значительную роль в дальнейшем изучении и правильном освещении истории восстания 1916 г. сыграли приуроченные к его 15-й годовщине тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б), опубликованные в 1931 г.[61]. Интерес к истории этого восстания вновь обозначился накануне и в год его 20-летнего юбилея. Так, в 1932 г. во Фрунзе была издана брошюра Б. Исакеева «Восстание 1916 года», написанная на материалах северной части Киргизии. В 1935 г. опубликована статья К. А. Денисова «Манапы в восстании 1916 года»[62], вскрывавшая реакционную роль эксплуататорской верхушки аила в народно-освободительном движении. Публиковались также юбилейные статьи в республиканской и союзной периодической печати.

Освещение в трудах В. И. Ленина вопросов освободительной борьбы народов Востока, определение революции 1905—1907 гг. в России как фактора политического пробуждения Азии, раскрытие классовой сущности национальных движений в период империализма и роли подлинно демократического национально-освободительного движения колониальных народов как резерва назревавшей пролетарской революции и многих других имело

принципиально важное значение для начинавшейся разработки истории революционного движения в Киргизии в период российских буржуазно-демократических революций [63].

Некоторые из статей, написанных участниками революционных событий в дооктябрьском Туркестане, интересны привлеченными документами или свидетельствами очевидцев, но их недостатком было слабое освещение участия трудящихся коренных национальностей в революционном движении[64].

Таков был круг проблемных вопросов по истории Киргизии второй половины XIX—начала XX в., поставленных и рассматривавшихся в киргизской историографии в период ее становления. Наибольшее внимание историков и других обществоведов привлекали из экономической истории края проблема социально-экономического строя киргизского народа в дооктябрьский период, а из событий общественно-политической жизни — восстание 1916 г. Хотя многое в выяснении этих вопросов было сделано, детальное их изучение с позиций марксистско-ленинской методологии еще предстояло осуществить в будущем.

1937 г.—середина 60-х годов

Уже во второй половине 30-х годов в республиканской печати стали появляться историко-краеведческие очерки (В. Борзукова, Н. Ситникова, К. Денисова и др.), повествующие о примечательных событиях, памятных местах и людях дореволюционного Киргизстана.

События первых послефевральских месяцев 1917 г. в северной части Киргизстана весьма кратко освещались в изданных в 1941 г. книгах Азиза Ниалло (А. В. Станишевского)[65] и А. Я. Чубукова[66]. При этом Азиз Ниалло дополнил свою работу хронологической таблицей событий 1916—1924 гг., а А. Я. Чубуков обрисовал с привлечением архивных документов антинародную политику местных властей Временного правительства, поддержанных меньшевиками, эсерами и буржуазными националистами. Но раскрыть нарастание национально-освободительного движения киргизского народа и его слияние с революционной борьбой русских рабочих во главе с большевиками за победу Советской власти, а также правильно установить время возникновения первых Советов в крае (март, а не июнь 1917) г.) А. Я. Чубукову не удалось[67].

Страницы дореволюционной истории края кратко освещались в первом юбилейном сборнике статей «XV лет Киргизской ССР» (Фрунзе, 1941). Редактором и ведущим автором этой книги, в написании которой приняли участие и молодые киргизские историки, был Г. Г. Куранов.

Значительному росту научных исследований в республике, в том числе и в области дореволюционной истории Киргизии, способствовало образование в 1943 г., в составе Киргизского филиала АН СССР Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) с сектором истории. Некоторые из статей тех лет, посвященные

боевым традициям и проблемам историко-культурного прошлого киргизского народа, были созвучны героико-патриотической тематике, преобладавшей в литературе военного времени[68].

Актуальная проблема объединения исторических судеб киргизского народа с русским и другими народами страны в составе единого Российского государства стала все более активно исследоваться на той глубоко соответствовавшей действительности концептуальной основе[69], что Киргизия вошла в состав Российской империи в результате обращения киргизских племен о приеме их в подданство России. Уже публикации конца 40-х и первой половины 50-х годов[70] свидетельствовали о том, что в историографии Киргизии, как и всей страны, успешно преодолевались бытовавшие прежде в исторической науке ошибочные концепции[71], в том числе и по вопросу о присоединении к России среднеазиатских и других нерусских народов (например, трактовка его как «наименьшего зла»). Все обстоятельнее обосновывалось положение о том, что добровольное принятие киргизами российского подданства было глубоко прогрессивным событием, переломным моментом в дооктябрьской истории киргизского народа, открывшим перспективы его экономического и культурного прогресса[72].

Как и в предшествующие годы, исследователей привлекала проблема социально-экономического строя и господствующих отношений в киргизском ауле второй половины XIX-начала XX в. Эти отношения признавались патриархально—феодальными[73] (как то и было определено еще X съездом партии). Принципиально важное значение для научного освещения сущности патриархально-феодальных отношений у киргизов и других народов Средней Азии и Казахстана имела объединенная научная сессия в Ташкенте (30 января — 6 февраля 1954 г.). Сессия показала, что советские историки успешно преодолели «теорию» особого пути развития феодализма у кочевых народов и установили, что в основе феодализма у кочевников лежат общие экономические законы, свойственные феодализму у всех народов, что основой феодализма у кочевников, как и повсюду, являлась феодальная собственность на землю, которая реализовалась в различных формах присвоения земельной ренты[74]. В 50-х годах внимание исследователей привлекали и различные стороны аграрных отношений на территории Киргизстана[75] и его промышленного развития[76].

Внимание к актуальным вопросам историко-партийной науки в республике усилилось с созданием в 1950 г. Института истории партии при ЦК Компартии Киргизии — филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Естественно, что Институт не обходил своим вниманием изучение революционного движения и деятельности большевиков в дооктябрьский период[77].

Публикация важного партийного документа—тезисов отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС «Пятьдесят лет русской рево-

люции»[78], подготовка и проведение полувекового юбилея революции 1905—1907 гг., способствовали дальнейшему изучению истории революционного движения народов нашей страны[79].

Освещение рядом авторов на документальных материалах участия киргизских дехкан и трудящихся других национальностей края в революционном движении 1905—1907 гг. еще и еще раз показало безосновательность преуменьшения или замалчивания этого вопроса в работах исследователей 20-х годов (Е. Федоров и др.) и отрицания исторического опыта «пятого года» как школы революционной борьбы для киргизского дехканства и для русской переселенческой бедноты.

Классовая борьба и революционные события на севере Киргизии в феврале—марте 1917 г. также затрагивались в некоторых работах, написанных с учетом достижений советской историографии послевоенного времени[80].

Важную роль в подготовке обобщающей «Истории Киргизии» и разработке истории национальных движений в Киргизии второй половины XIX—начала XX в. сыграли материалы и рекомендации научной конференции, посвященной этому вопросу (характеру национальных движений в Киргизии в названный период) и обсуждению макета I тома «Очерков по истории Киргизской ССР» (Фрунзе, 12—16 мая 1953 г.) с участием ученых-историков Москвы, Ленинграда и некоторых братских республик[81]. Ведущие историки Киргизстана приняли самое активное участие в работе конференции[82]. В решениях конференции перед историками была поставлена задача дальнейшего углубленного изучения национальных движений и выступлений трудящихся Киргизии в период революции 1905—1907 гг.

В послевоенное время литературоведы, этнографы и историки Киргизии заметно активизировали разработку различных аспектов истории материальной и духовной культуры, общественно-политической и философской мысли киргизского народа досоветского периода. Появились исследования о жизни и творческом пути выдающихся киргизских акынов-демократов—Токтогула Сатылганова, Тоголока Молдо, Барпы Алыкулова, их учеников и последователей[83].

В научный оборот вводились также новые сведения и материалы по культуре киргизов XIX—начала XX в.[84], хотя локальные особенности в развитии духовной и материальной культуры населения отдельных районов Киргизии отражались еще слабо[85].

Наряду с первыми серьезными и обстоятельными исследованиями по истории культуры киргизского народа отдельные культуроведы тех лет допускали однако грубые отступления от марксистско-ленинского подхода к изучению культурного наследия прошлого. В партийных документах отмечался некритический подход авторов отдельных работ к антинародным, бай-манапским наслоениям в эпосе, а также то, что в них не разоблачались антилетописная «теория» «единого потока» и реакционное течение «за-

манов» в поэзии. Причем реакционные акыны-«заманисты» конца XIX— начала XX в. — проповедники упадочничества и пессимизма, панисламистских, пантюркистских взглядов — порой ставились в один ряд с акынами-демократами, подлинными выразителями народных интересов.

Реализуя постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, ЦК КП(б) Киргизии обсудил в 1947 г. работу Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР, отметив, что «историческое прошлое киргизского народа изучалось оторванно от истории народов СССР, прежде всего от истории великого русского народа, а это, естественно, приводило к национальной ограниченности и неверным трактовкам наследия прошлого»[86]. В частности, история классов и классовой борьбы в киргизском обществе подчас освещалась антиисторически как история отдельных феодалов. Неоправданно восхвалялись деяния ханов и военных предводителей из крупных манапов. Наряду с известной идеализацией феодального прошлого[87] еще проскальзывала неверная трактовка добровольного принятия киргизами российского подданства. Допускались субъективные оценки характера национальных движений в Киргизии после ее вхождения в состав России. ЦК КП(б) Киргизии нацеливал обществоведов республики на непримиримую борьбу против проявлений чуждой советскому народу националистической идеологии, а историков на создание сводного труда по истории Киргизской ССР с древнейших времен и до наших дней.

Постоянная забота партии и правительства о развитии общественных наук в республике на основе марксизма-ленинизма, помощь ученых историков Москвы и Ленинграда и братских республик, коллективное обсуждение дискуссионных вопросов дореволюционной истории киргизского и других народов среднеазиатско-казахстанского региона на двух крупных научных форумах — конференции историков Киргизии во Фрунзе (1953 г.))[88] и объединенной научной сессии в Ташкенте (1954 г.) — вскоре положительно сказались на развитии исторической науки в республике, ускорении подготовки первого обобщающего труда — «Истории Киргизии». Ступенями к его созданию послужили юбилейные сборники, освещавшие в очерковой форме дореволюционное прошлое киргизского народа: «20 лет со дня образования Киргизской ССР», «Киргизия за 30 лет Советской власти», «25 лет Киргизской ССР» и особенно «Очерки по истории Киргизской ССР» (макет, ч. I—II. Фрунзе, 1952), первая часть которых широко обсуждалась на упомянутой конференции во Фрунзе с привлечением научной общественности республики.

Дальнейшей активизации исторических исследований, в том числе проблем истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в., немало способствовало создание в составе республиканской Академии наук Института истории в декабре 1954 г. Раз-

работка же историко-партийной тематики, включая дооктябрьский период, стала все более сосредоточиваться в Институте истории партии при ЦК Компартии Киргизии — филиале ИМЛ при ЦК КПСС.

Своеобразным рубежом в развитии исторической мысли в республике явилась двухтомная «История Киргизии» (Фрунзе, 1956), в создании которой участвовали историки Киргизской ССР, Москвы и Ленинграда. Тем самым подводился итог предшествующему развитию республиканской историографии, перед которой открывались новые горизонты после XX съезда КПСС[89]. В первом томе «Истории Киргизии» впервые систематически излагалась на значительном фактическом материале, хотя и не без некоторых пробелов[90], история Киргизстана с древности до кануна Октября 1917 г.

К середине 60-х годов в изучении истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в. вычленились следующие основные направления: вхождение Киргизии в состав России и его прогрессивные последствия, социально-экономические отношения и их эволюция, национальные движения, культура и развитие общественно-политической мысли киргизского народа.

Исключительно важное значение для утверждения в историографии Киргизской ССР концепции о добровольности вхождения Киргизии в состав России и углубленной разработки его прогрессивных последствий имели постановление ЦК Компартии Киргизии «О 100-летии добровольного вхождения Киргизии в состав России» (1963 г.) и письмо ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР в связи с этим юбилеем[91]. Подготовка к нему и само всенародное празднование 100-летия добровольного вхождения киргизов в состав Российского государства явились крупными событиями в общественно-политической и научной жизни республики, наглядным выражением братской интернациональной дружбы всех народов нашей страны. За успехи, достигнутые киргизским народом в развитии экономики и культуры и в ознаменование 100-летия добровольного вхождения Киргизии в состав России Киргизская ССР была награждена орденом Ленина. На торжественном заседании Центрального Комитета Компартии Киргизии, Верховного Совета и Совета Министров Киргизской ССР от 30 октября 1963 г., посвященном вековому единению киргизского и русского народов, на конкретных исторических материалах, с позиций марксизма-ленинизма охарактеризованы исторические предпосылки и добровольное принятие подданства России киргизским народом как осуществление его давней мечты к объединению со своим старшим братом — русским народом в составе единого Российского государства. Были обстоятельно раскрыты и прогрессивные последствия этого знаменательного события, решающим из которых было приобщение киргизских трудящихся к революционной борьбе российского пролетариата в период трех революций в центре и на окраинах страны. Названное и другие постановления Центрального Комитета Компартии Киргизии по идеологическим вопросам, как и остальные партийные документы и материалы, в которых освещаются добровольное вхождение Киргизии в состав России и благотворные результаты этого шага, служат идейно-теоретической базой для изучения историками и другими обществоведами республики сложного процесса становления нерушимой дружбы киргизского народа с великим свободолюбивым русским народом и другими народами страны[92].

Проблема вхождения Киргизии в состав России разрабатывалась Б. Д. Джамгерчиновым[93], К. У. Усенбаевым[94] и А. Х. Хасановым[95]. Однако авторы первоначально не смогли дать точного определения этого важного этапа в истории киргизского народа, а прогрессивные последствия вхождения Киргизии в состав России освещались недостаточно. Причем, нередко колонизаторская политика царизма преобладала над показом объективно-прогрессивных результатов влияния русского народа, его передовой культуры и общественно-политической мысли. В дальнейшем исследователи критически пересмотрели свои позиции в последующих работах в свете постановления ЦК Компартии Киргизии «О 100-летии добровольного вхождения Киргизии в состав России» (1963 г.), отмечая особую важность приобщения трудящихся Киргизии к общероссийскому революционному движению. В основе монографии Б. Д. Джамгерчинова (1959 г.)[96] лежали материалы о событиях 50—60-х годов XIX в. в северной части Киргизстана, где проживала большая часть коренного населения. Ее общее заключение и выводы относились к характеристике переломного этапа дореволюционной истории всего киргизского народа. К. У. Усенбаев опубликовал (1960 г.)[97] письма-обращения киргизских повстанцев к русским властям с просьбами о помощи в их борьбе против кокандских карательных отрядов, о разрешении на переселение в пределы Российского государства и принятии российского подданства.

А. Х. Хасановым рассматривались внешнеполитические аспекты взаимоотношений киргизов с их соседями — Кокандским ханством и Российской империей (1961 г.)[98]. Автор уточнил ряд исторических событий, в т. ч. и даты принятия российского подданства киргизским населением в различных местностях края. Однако постановка им такой задачи, как необходимость «исследовать коренное отличие (выделено нами.— *Ред.*) между присоединением Северной и Южной Киргизии»[99] была неправомерной. В основе названного исторического события повсеместно в Киргизии лежали одни и те же факторы: в первую очередь желание всего киргизского населения избавиться от жестокого ханско-феодального гнета, найти в добровольном принятии подданства России ее покровительство и защиту, спасение от межфеодальных усобиц, а также гарантию от закабаления соседними отсталыми феодально-деспотическими государствами Востока, от угрозы цинской агрессии и происков Британской империи. Да и прогрессивные

последствия этого мудрого, дальновидного и оправдавшегося в ближайшей исторической перспективе решения киргизского народа были одинаковыми для коренного населения как северной, так и южной части Киргизии.

Ключевые вопросы проблемы присоединения к России народов Средней Азии и Казахстана, а также его объективно-прогрессивных последствий, и в первую очередь приобщения трудящихся масс киргизского и других среднеазиатских народов к общероссийскому революционному движению[100] освещались на объединенной научной сессии (Ташкент, 1959 г.). Исследователи истории Киргизии стали стремиться полнее раскрывать органические связи между принятием киргизским народом подданства России и историческими последствиями этого важнейшего события в его дореволюционной истории. Главный вывод, к которому к началу 60-х годов пришли историки Киргизстана, состоял в том, что принятие подданства Российского государства киргизским народом было исполнением его давних устремлений[101].

В работе Б. Д. Джамгерчинова «Добровольное вхождение Киргизии в состав России» (1963 г.), как и в следующей его книге[102], освещалась прогрессивная роль России в социально-экономической и культурной жизни киргизского народа, а также предпринята попытка, хотя и коротко, показать его приобщение к революционной борьбе русского народа. При этом в литературе отмечалось, что в последней монографии были недостаточно раскрыты главные прогрессивные последствия этого акта[103], наличествовал и терминологический разнобой («вхождение», «присоединение»).

В соответствующих главах первого тома «Истории Киргизии» (Фрунзе, 1963) рассматриваемая проблема излагалась точнее, чем в предыдущем издании (1956 г.). Заслуживали внимания и статьи по конкретным вопросам истории, экономики и культуры края, освещавшие прогрессивные последствия добровольного вхождения Киргизии в состав России, а также внешнеполитическую обстановку 50—70-х годов XIX в.[104]

Добровольное вхождение Киргизии в состав России, его социально-экономические и политические предпосылки, а также прогрессивные последствия рассматривались Б. Д. Джамгерчиновым в двух последующих его книгах по политической истории Киргизии первых трех четвертей XIX в.[105]

Анализ сложных, нередко противоречивых политических событий и тенденций в развитии киргизского общества (с учетом внешнеполитических факторов) позволил еще более надежно обосновать объективные причины, обусловившие добровольное принятие киргизами российского подданства и исключительно важное прогрессивное значение этого акта для исторических судеб киргизского народа. Вместе с тем не оставалось без внимания и изучение внутренней политики царизма в крае, введения нового административного и налогово-судебного устройства[106].

Осуществлялась дальнейшая разработка проблемы социально-экономического строя Киргизстана второй половины XIX — начала XX в.[107] Производственные отношения и социальная структура киргизского аила, узбекского кишлака и переселенческой деревни в крае также привлекали внимание историков, экономистов и других обществоведов[108]. Они отмечали, что хозяйство оседло-земледельческого населения, а отчасти кочевого и полукочевого, к 1917 г. было в той или иной степени втянуто в товарно-денежные отношения. При этом кочевой аил еще оставался опутанным патриархально-феодальными отношениями, сквозь толщу которых пробивались ростки капитализма. В совокупности все работы подтверждали, что господствующими в дооктябрьской Киргизии оставались патриархально-феодальные отношения, которые разлагались под влиянием проникновения в ее экономику элементов капитализма. Правда, в частностях взгляды ученых здесь не всегда совпадали, а отдельные выдвинутые положения вызвали критические замечания[109].

Изучению аграрных отношений в крае в период после его вхождения в состав России посвящены многолетние труды С. И. Ильясова, завершившиеся выходом в свет обобщающей монографии[110]. Автор глубоко проанализировал формы земельной собственности, землевладения и землепользования у кочевого и оседлого киргизского и переселенческого населения, а также формы ренты, показал, что ряд изменений в характере земельных отношений в крае во второй половине XIX — начале XX в. объективно способствовал возникновению условий для развития новых, капиталистических отношений, хотя капиталистический уклад к 1917 г. не стал преобладающим в киргизском аиле и кишлаке, где еще господствовали докапиталистические, патриархально-феодальные отношения при натуральном и полунатуральном экстенсивном хозяйстве.

Работы по конкретным вопросам истории сельского хозяйства и земельных отношений в Киргизии способствовали изучению сложной и многоаспектной проблемы разложения патриархально-феодальных и возникновения капиталистических отношений в крае[111].

В публикациях историков и экономистов освещалось также развитие ремесел, неземледельческих промыслов[112] и мелкой обрабатывающей и горнодобывающей промышленности в Киргизии[113]. Были введены в оборот ценные статистико-экономические данные, отражающие как известные сдвиги в промышленном развитии Киргизии к 1917 г., так и общую ее отсталость в этом отношении. Но не все работы, в которых затрагивалось развитие промышленности Киргизии в дореволюционное время, были равноценны по полноте фактического материала, глубине и объективности его анализа. Справедливой критике подвергалась, например, работа Н. С. Есипова[114]. Вопреки общеизвестным фактам автор неправомерно отрицал капиталистический уклад в экономике дореволю-

ционной Киргизии, а потому «проглядел» и зарождение здесь новых социально-классовых сил — наемных рабочих и полупролетарских элементов в городе и на селе, сыгравших важную роль в событиях трех российских революций в крае[115].

В монографии М. П. Вяткина[116] исследовалось проникновение монополистического капитала в основные отрасли промышленности Туркестана, подчеркивалось развитие железнодорожного строительства в крае, включая и территорию Киргизии. Но переоценка автором действительной роли и удельного веса иностранного капитала в промышленном производстве Средней Азии вызвала критические возражения[117].

Существенным пробелом в историографии являлось отсутствие обобщающей работы, посвященной наемным промышленным и сельскохозяйственным рабочим дооктябрьского Киргизстана, условиям их труда, жизни и быта, общей численности и профессиональному составу, складыванию в рабочей среде интернациональных и революционных традиций[118].

Привлекла внимание проблема развития торговли в Киргизстане после вхождения его в состав России. Этому вопросу была посвящена монография А. Б. Джаманкараева[119].

В коллективном труде «Формирование и развитие киргизской социалистической нации» (1957 г.) и в других работах[120] рассматривался процесс постепенного складывания зачатков экономической (через торговлю) и территориальной общности киргизской народности к Октябрю 1917 г., имевшей тенденцию к перерастанию ее в нацию буржуазного типа.

В исследовании слабо изученной проблемы классовой борьбы в ауле[121] и в целом революционого движения конца XIX—начала XX в. в Киргизии были сделаны первые заметные шаги. Предприняты попытки раскрыть сущность, этапы и формы классовой борьбы в ауле и кишлаке, выявить ее особенности. Представляли интерес и сведения о первых киргизских революционерах, свидетельства нелегальной деятельности революционно настроенных крестьян-самовольцев, а также данные о распространении в Киргизии революционных листовок в годы первой буржуазно-демократической революции в России[122]. Монографически исследовались вопросы влияния классовой борьбы и революционного движения на развитие общественно-политической мысли киргизского народа в начале XX в.[123]

В книгах А. В. Пясковского[124] и А. Г. Зимы[125] раскрывался народный, демократический и интернациональный характер революции 1905—1907 гг. на среднеазиатских окраинах страны, в том числе в Киргизии. В ряде других трудов освещались распространение идей марксизма-ленинизма и агитационно-пропагандистская работа членов социал-демократических кружков и групп в крае до победы Великого Октября[126]. Исследовались важные страницы деятельности революционной социал-демократии и борьбы трудящихся Киргизстана за социальное и национальное освобождение[127]. Были опубликованы книги о жизненном пути и революционной деятельности борцов за свободу народа — Т. Жукееве (А. А. Пудовкине) и А. И. Иваницыне — первые опыты историков республики в историко-биографическом жанре[128].

Продолжалось изучение наиболее крупных национальных движений в Средней Азии и особенно восстания 1916 г. Так, в монографии К. У. Усенбаева [129] его характер определялся в целом как антивоенный, антиимпериалистический и частью антифеодальный[130]. Однако автору не удалось полностью решить все вопросы, связанные с характером восстания. Не показаны и реакционные моменты («очаги») восстания в отдельных местах на севере Киргизии. В литературе отмечался излишний акцент в книге на фактах межнациональной розни[131].

Труды советских историков о восстании 1916 г. убедительно опровергают попытки буржуазных идеологов извратить его предпосылки, движущие силы, истинную сущность и историческое значение[132]. Все фальсификаторские версии истории этого восстания, неоднократно и убедительно разоблачавшиеся советскими историками, «преследуют цель посеять межнациональную рознь, умалить роль русского народа в судьбах и освободительной борьбе бывших угнетенных народов царской России»[133].

Учеными-историками предпринимались попытки к воссозданию исторической обстановки в Киргизии (правда, преимущественно в северной ее части) во время Февральской революции и в предоктябрьский период[134]. Вскрывая назревание социально-экономических и политических предпосылок Февраля 1917 г. на национальных окраинах страны, показывая его движущие силы, проявления общих закономерностей и местных особенностей, советские историки опровергают тем самым фальсификаторские трактовки буржуазной историографии трех российских революций[135]. Общие классовые интересы трудящихся различных национальностей края — киргизов, русских, узбеков, дунган и др. — совпадали, будучи направлены против социального и национального гнета; в совместной борьбе против царизма и местных эксплуататоров крепли корни классовой солидарности многонациональных трудящихся масс — таков основной вывод, к которому пришли исследователи по рассматриваемой проблематике.

Заметно активизировалось освещение истории культуры Киргизстана. Внимание исследователей привлекали вопросы народного образования, создания первых лечебных и культурно-просветительных учреждений, изучения Киргизии отечественными путешественниками и учеными, а также развитие устно-поэтического и музыкального творчества киргизского народа и его общественно-политической мысли[136]. Исследование по истории культуры киргизского народа было проведено Д. О. Айтмамбетовым[137].

В центре внимания историков и литературоведов по-прежне-

му оставались акынская поэзия и отражение в ней двух идейно-политических течений — народно-демократического и мистико-феодального, оценка литературного наследия наиболее видных их представителей.[138] При этом наблюдались и отдельные попытки затушевать острую идейную борьбу в акынской поэзии после вхождения Киргизии в состав России[139].

ЦК Компартии Киргизии, отмечая важность всестороннего и правильного освещения дореволюционной истории и культуры киргизского народа, осудил как вредное для дела интернационального воспитания трудящихся стремление отдельных деятелей науки и литературы пропагандировать творчество реакционного поэта-мистика Молдо Кыча, а также идеолога буржуазного национализма К. Тыныстанова. Указания партийных органов республики по идеологическим вопросам положительно сказались на дальнейшем изучении культуры киргизского народа, испытавшей благотворное влияние прогрессивной культуры русского народа.

Серьезным вкладом в историографию культуры явилась монография А. А. Чукубаева[140] о жизни и творчестве Токтогула Сатылганова.

История географического изучения дореволюционного Киргизстана и деятельность местных краеведов и отечественных путешественников отразилась в трудах ряда авторов[141]. Много внимания уделялось также освещению различных сторон материальной культуры и прикладного искусства киргизского народа дореволюционного времени[142].

Были сделаны первые шаги в изучении дореволюционного прошлого той части киргизского народа, которая проживает вне пределов современной Киргизской ССР и, естественно, издавна связана с другими братскими народами Средней Азии[143]. Ученых привлекали различные аспекты давних русско-киргизских хозяйственно-культурных контактов и взаимовлияний[144]. Стимулом дальнейшего исследования этого круга вопросов явилось празднование 100-летия добровольного вхождения Киргизии в состав России[145]. Велось также изучение истории переселенческого населения Киргизии, особенно дунган (труды М. Сушанло, И. Юсупова, Ю. Яншансина, Л. Шинло и др.)[146].

Вторая половина 60— середина 80-х годов

Наиболее значительным достижением республиканской историографии второй половины 60-х годов явилось третье издание «Истории Киргизской ССР» (Фрунзе, 1968).

Исследователи истории дореволюционного Киргизстана продолжали углубленное изучение проблем, разрабатывавшихся в предшествующие годы, а также обращали внимание на новые темы, выдвигавшиеся в ходе поступательного развития исторической науки. Так, изучались некоторые новые аспекты добровольного вхождения Киргизии в состав России[147].

Общеизвестно, что одним из проявлений прогрессивных последствий вовлечения в конце XIX — начале XX в. Киргизии в орбиту общероссийской капиталистической экономики было определенное развитие в крае производительных сил и появление новых социальных слоев в структуре киргизского населения, возникновение капиталистических и разложение господствовавших патриархально-феодальных отношений. Этой проблеме была посвящена монография А. А. Сапелкина, А. Б Джаманкараева, М. П. Вяткина и В. Я. Галицкого, выполненная под руководством М. П. Вяткина[148]. К ней примыкал и тематический сборник статей, в котором впервые в среднеазиатской историографии исследовались вопросы функционирования сосуществовавших различных социально-экономических укладов в дореволюционном Киргизстане[149]. В 1980 г. была издана обобщающая монография К. У. Усенбаева по социально-экономическим отношениям киргизского народа в XIX и начале XX в.[150]

Значительную работу об аграрных отношениях в крае в период империализма опубликовал А. А. Сапелкин[151]. Вместе с ранее изданной монографией С. И. Ильясова она дает возможность проследить на богатом фактическом материале, использованном автором, процесс классового расслоения киргизского и переселенческого крестьянства во второй половине XIX в. и начале XX в. Труды вышеназванных и других исследователей позволяют отчетливее уяснить, как в ходе нараставшей антифеодальной и национально-освободительной борьбы дехканско-крестьянских масс складывались предпосылки для совместных выступлений трудящихся на различных этапах буржуазно-демократической революции в России[152].

Отсутствие специальных обобщающих работ о дореволюционном крестьянстве края (помимо упоминавшейся монографии С. И. Ильясова) — киргизском и переселенческом — представляет заметный пробел в историографии Киргизии XIX — начала XX в. Его несколько восполняет обобщенный социальный портрет многонационального крестьянства в дореволюционном Киргизстане, данный В. П. Шерстобитовым во введении к коллективной монографии о крестьянстве Советского Киргизстана[153]. Вместе с тем ученых все чаще привлекают темы, связанные с историей крестьянства до 1917 г., в том числе вопросы социально-экономического положения в ауле, кишлаке и деревне, обострения классовых противоречий в киргизском обществе в период империализма и буржуазно-демократических революций в России и др. [154].

Важное методологическое значение для дальнейшего углубленного изучения истории борьбы трудящихся Киргизии против двойного гнета имеют постановления ЦК КПСС «О 80-летии Второго съезда РСДРП» и «О 80-летии революции 1905—1907 годов в России».

Бурный рост национально-освободительного движения после второй мировой войны в бывших колониальных и зависимых странах Азии, Африки и Латинской Америки сделал особо актуальным изучение истории борьбы народов Советского Востока за социальное и национальное освобождение, а также обобщение исторического опыта их перехода к социализму, минуя капитализм. В этом плане примечательны работы ряда обществоведов[155], содержащие краткие исторические экскурсы о крае накануне победы Великого Октября, и коллективная монография[156], освещающая поэтапное развитие освободительного революционного движения трудящихся Киргизии против двойного гнета — «своих», местных эксплуататоров и царских колонизаторов. При этом авторский коллектив учел критические замечания по поводу ошибочного освещения некоторых исторических событий в их предшествующей книге[157], что обусловило повышение идейно-научного уровня монографии.

Большим вкладом в развитие историко-партийной науки в республике явился выход в свет второго, переработанного издания «Очерков истории Компартии Киргизии» (Фрунзе, 1979). В соответствии с ленинской периодизацией истории КПСС они открываются главой о революционном движении и деятельности социал-демократических кружков и групп в дореволюционной Киргизии. В ней (с. 34—35) также получили верное освещение характер, особенности и политическое значение восстания 1916 г. «Восстание 1916 года в Киргизии, как и во всем Среднеазиатском регионе, по своему политическому содержанию носило антивоенный, антиимпериалистический, а в отдельных случаях антифеодальный характер. В некоторых же районах Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины, где у руководства восстанием оказалась феодальная знать, ей удалось свернуть его на реакционный путь, против местного русского населения».

Внимание исследователей вновь привлекает тема о распространении идей марксизма-ленинизма на среднеазиатских окраинах страны в дооктябрьский период[158].

По истории культурной жизни Киргизстана и его народов во второй половине XIX — начале XX в. новых обобщающих трудов в 70-х и начале 80-х годов не появилось. Однако во вступительных главах работ А. К. Каниметова[159] и С. С. Даниярова[160] на новых документальных материалах раскрываются влияние передовой культуры России на развитие национальной культуры киргизов и распространение среди них русского языка в дооктябрьский период.

Освещается деятельность отечественных ученых и путешественников по первоначальному изучению Киргизстана, а также активная помощь им со стороны представителей коренных жителей края[161]. Раскрывается и значение научно-литературного наследия путешественников и исследователей (в источнико-историографическом плане) для изучения отдельных аспектов политической истории, социально-экономических отношений, хозяйства и культуры киргизского народа во второй половине XIX — начале XX в.[162] Для правильного освещения отдельных сторон духовной культуры киргизского и другого коренного населения Туркестана имеет важное значение обращение культуроведов к ленинским положениям по проблемам истории и теории культуры, развития культуры в классовом антагонистическом обществе[163]. Изучению общественного сознания киргизов в дооктябрьский период посвящена работа А. А. Алтмышбаева[164].

Внимание исследователей, как и прежде, привлекают различные виды материальной и духовной культуры киргизского народа, его верования, развлечения и спортивные игры, многие другие явления культурно-общественной жизни дореволюционного периода[165].

Корни исторических связей киргизского народа с русским и другими народами страны как одна из предпосылок слияния национально-освободительного движения угнетенных народов среднеазиатских окраин с общероссийским революционным движением за победу Октября рассматриваются в крупной монографии обществоведов[166]. В круг интересов историков, этнографов все более входят также политические и хозяйственно-культурные связи киргизского народа с другими народами Средней Азии[167].

Представляют значительный интерес обзоры историко-культурного прошлого населения крупных районов на юге Киргизии — Кетмень-Тюбе[168] и Памиро-Алая[169]. В свете постановления ЦК Компартии Киргизии «О столетии образования г. Фрунзе» заслуживает внимания опыт разноаспектного изучения дореволюционной истории г. Пишпека[170] (ныне г. Фрунзе).

Особо важными ориентирами для дальнейшего развития всех общественных наук в республике имеют решения XXVII съезда КПСС и XVIII съезда Компартии Киргизии, постановления Коммунистической партии и Советского правительства по идеологическим вопросам, пленумов ЦК КПСС, а также пленумов ЦК Компартии Киргизии последних лет. Так, на XVIII пленуме ЦК Компартии Киргизии в мае 1983 г., где рассматривалось состояние исторической науки в республике, отмечались не только ее достижения, но и были подвергнуты критике выявившиеся некоторые негативные явления в работах отдельных исследователей и литераторов. Как указывалось на этом пленуме ЦК Компартии Киргизии, в частности, допускались искажения процесса вхождения Южной Киргизии в состав России и односторонняя трактовка в оценке деятельности отдельных исторических личностей и событий.

Решения партии и правительства по идеологическим вопросам, принципиальные и справедливые партийная оценка и критика явились важным фактором дальнейшего развития исторической науки и литературы в республике.

Одно из свидетельств этих положительных сдвигов — подго-

товленная коллективом исследователей Института истории АН Киргизской ССР монография «Взаимосвязи киргизского народа с народами Средней Азии, Казахстана и России (конец XVIII—XIX в.)». Здесь на фоне широкого показа усиления политических, социально-экономических и культурных связей киргизского народа с его среднеазиатскими соседями и Россией в XVIII—XIX в. освещаются и упомянутые сюжеты с учетом замечаний и рекомендаций, сделанных на пленуме ЦК Компартии Киргизии в мае 1983 г.

Таковы основные итоги и современное состояние изучения истории Киргизии второй половины XIX и начала XX в., отражающие пути развития киргизской историографии.

История Киргизии в зарубежных публикациях

Со времени добровольного вхождения Киргизии в состав России ее история стала все заметнее привлекать внимание и зарубежных путешественников, исследователей, политических деятелей. Причем первые записки довольно беспристрастных путешественников, представляющих главным образом источниковедческий интерес, затем все чаще сменяются субъективными и даже прямо фальсификаторскими описаниями, авторы которых ставили перед собой чисто конъюнктурные и политические цели.

Довольно обстоятельный обзор сведений иностранных путешественников о дореволюционном Киргизстане принадлежит работавшему одно время в Киргосуниверситете ленинградскому профессору-медиевисту О. Л. Вайнштейну[171]. Им были проанализированы книги зарубежных авторов, имеющие некоторое значение для освещения истории Киргизии. При этом автор специально останавливался на двухтомном труде американца Юджина Скайлера, переиздававшемся в Лондоне[172], книге о соперничестве Англии и России в Средней Азии англичанина Д. Боулджера[173], записках британского агента Роберта Шоу[174] и др.

Хотя объем информации о Киргизии в иностранных изданиях намного уступает отечественным, а сами сведения порядком отрывочны и не точны, но некоторые из них небезынтересны, причем красноречивы даже умолчания. Так, французский путешественник (венгр по национальности) К.— Е. Уйфальви, посетивший в 1876 г. северные районы Киргизии, не смог назвать здесь ни одного промышленного предприятия даже в уездных центрах, не говоря о Пишпеке, который тогда был меньше старожильческого селения Беловодского. В Токмаке, славившемся своим базаром, по сведениям этого же автора, в 1870 г. насчитывалось 1770 жителей, преимущественно переселенцев, в Караколе же (Пржевальске) и того менее — всего 447 человек.

Англичанин Г. Ленсделл в своей книге «Русская Средняя Азия» (1885 г.) обратил внимание на продававшиеся на рынках изделия киргизских промыслов и ремесел: характерные войлочные головные уборы — колпаки и сапоги «туземной выделки»,

своеобразные ювелирные украшения, кожаную посуду, упряжь и т. п.

По наблюдениям упомянутого К.— Е. Уйфальви и англичанина Э. Дилка, бывавшего в Семиречье в 1883 г., меновые торговые операции кашгарских купцов с киргизскими скотоводами (неэквивалентный обмен привозной дешевой домотканой материи на баранов), как и перепродажа сельскими кулаками-ростовщиками зерна, скупленного по дешевке у переселенческой бедноты, приносила им баснословные барыши. Как вынужденно признавал тот же Г. Ленсделл, смотревший на царские порядки на окраинах сквозь радужную призму, представители торгово-ростовщического капитала, манапы, подкупные «народные» судьи — би, вымогатели-переводчики и другие представители так называемого «военно-народного управления» сообща обирали трудящихся Киргизии, уделом которых были беспросветная нужда, болезни и темнота. Этот же автор отмечал, что киргизские дети редко получали даже элементарное начальное образование. Лишь немногие учились чтению и письму у малограмотных, жадных и ленивых бродячих мулл. Девочек же в киргизских семьях обучали лишь ведению домашнего хозяйства. Не удивительно, что по данным, собранным К.— Е. Уйфальви через местную администрацию, в середине 70-х годов XIX в. среди 126632 киргизов в 21 волости Токмакского (позднее Пишпекского) уезда было всего 54 мало-мальски грамотных, а в других его волостях, как и в соседнем Иссык-Кульском (Пржевальском) уезде, их не значилось вообще.

Как видно уже из этих примеров, приводившихся О. Л. Вайнштейном в его обзоре иностранной литературы[175], в последней содержится ряд этнографических деталей из жизни, быта и культуры киргизского населения, а также известия о событиях политической истории, данные о состоянии хозяйства и социальных отношениях в Киргизии, правда, зачастую заимствованных из работ русских путешественников и представителей уездной администрации. К такого рода публикациям можно отнести также работы французской экспедиции под руководством Г. Бонвало[176] и одного из ее участников Г. Капю[177], труд известного французского географа Э. Реклю[178], материалы Памиро-Алайской экспедиции немецко-австрийского клуба под руководством Р. Рикмерса[179], труд известного немецкого географа В. Сиверса[180], публикации на русском и на польском языках ученого путешественника Б. Л. Громбчевского[181] и ряд других.

Но уже и в то время стали проявляться фальсификаторские тенденции, появлялись работы, сознательно извращавшие политику России в Киргизии, и превратно трактующие традиционный быт и культуру киргизского народа. Это было связано с колониальными устремлениями проводников британского экспансионизма на Востоке, попытками укрепиться там Германской империи, а Америки и Франции — расширить свое влияние в Средней и Центральной Азии. К примеру, можно назвать работы проводни-

ков британской экспансии на Востоке — Г. Роулинсона, Ф. Скрайна, Э. Росса, как и американца В. Куртиса[182], нередко компилировавших или «обрабатывавших» материалы из русских источников.

Это направление в зарубежной литературе усилилось после Великого Октября и получило особенное развитие в послевоенный период. В фальсификаторских политологических «трудах» нынешних «советологов» СССР представляется прямым преемником царской политики в Средней Азии и дореволюционная история, революционная освободительная борьба народов этого региона подвергается грубому искажению (Э. Олуорз, Д. Уиллер, А. Беннигсен, Ш. Лемерсье-Келькёже, В. Монтей, М. Рывкин, Ф. Гольчевский, Э. Д. Сокол, Е. Саркисян, Р. А. Пирс и др.)[183].

В условиях все более обостряющегося идеологического противоборства на международной арене советские историки активно разоблачают методологическую несостоятельность, антинаучную сущность писаний идейных защитников империализма. Причем критика носит все более наступательный характер. Должную, научно-аргументированную отповедь зарубежным фальсификаторам истории дают в своих трудах многие историки республик Советского Востока[184], отвечая на требования партии не только развенчивать всяческую ложь и клевету, подтасовку фактов, фальсификацию событий, мифы и стереотипы буржуазных «советологов», подвизающихся на поприще среднеазиатской истории, но и вести активную пропаганду исторических достижений социализма[185].

* * *

Необходимо рассмотреть кратко также сам процесс изучения историографии Киргизии второй половины XIX — начала XX в.

Первые статьи, освещающие вклад русских ученых в познание исторического прошлого киргизов и Киргизстана, как и краткие обзоры его изучения после Октября, особенно за два десятилетия после образования Киргизской АССР, стали появляться только к 20-летию Киргизской республики, а впоследствии и к другим юбилейным датам[186].

В ряде публикаций подводились итоги развития исторической науки в республике, анализировалось ее состояние, намечались новые задачи в изучении истории Киргизстана, в том числе и дооктябрьского периода[187].

Первой и пока единственной специальной работой, в которой уделено значительное место историографии Киргизии эпохи развития капитализма, является коллективный очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане[188]. Заслуга авторов в том, что они выделили основные проблемы, по которым к началу 60-х годов велось изучение истории Киргизстана после вхождения его в состав России, объективно проанализировали состояние их изученности и наметили некоторые из наиболее перспективных направлений дальнейшего научного поиска.

Представляют интерес также статьи в сборниках, историографические обзоры в сводных трудах по истории дооктябрьского Киргизстана, посвященные преимущественно какой-либо одной проблеме — добровольному вхождению киргизского народа в состав России, социально-экономическому строю киргизского народа и развитию отдельных отраслей хозяйства, национальному и революционному движениям, материальной и духовной культуре киргизов и других народов края, его изучению отечественными и отчасти иностранными исследователями[189] и т. д.

Вопросы изученности истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в. освещались в историографических обзорах, помещенных в «Истории Киргизской ССР» предшествующих изданий (том I, 1963 и 1968 гг.), в справочно-энциклопедических публикациях, посвященных Киргизской ССР[190] и развитию науки в республике[191].

Заслуживают быть отмеченными и весьма содержательный историографический очерк М. П. Вяткина (1974) об изучении социально-экономического развития Средней Азии, включая и Киргизстан, за столетний период с 1865 г., а также ряд фундаментальных востоковедных работ Б. В. Лунина.

Заключая историографический обзор, прежде всего следует констатировать, что создание систематической истории Киргизии второй половины XIX—начала XX в.— результат больших и плодотворных усилий всех советских ученых-киргизоведов. Особенно заметные успехи в изучении дореволюционной истории Киргизстана приходятся на период между XX и XXVII съездами партии. КПСС определила программу развития всей исторической науки в стране, в общем русле которой развивается и киргизстанская историография. И сегодня, как отмечалось, еще не все события истории Киргизии после вхождения ее в состав России изучены с достаточной полнотой и глубиной, имеется немало пробелов, спорных и нерешенных вопросов. Вдохновленные великими идеями коммунистического строительства, историки Киргизской ССР исполнены стремления вслед за предлагаемым читателям четвертым изданием «Истории Киргизской ССР» создавать новые фундаментальные труды, посвященные богатейшему прошлому и замечательному настоящему киргизского и других народов Советского Востока, вступивших в период совершенствования развитого социализма. На уровень его требований ставится весь интеллектуальный потенциал общественных наук, в том числе воспитание историей. «Повышение трудовой и социальной активности советских людей, укрепление дисциплины, воспитание патриотизма и интернационализма — важные задачи всей идеологической деятельности[192],— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС т. М. С. Горбачев на внеочередном мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС.

ИСТОЧНИКИ

Источники к изучению истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в. довольно многочисленны, разнообразны по форме и историко-социальной значимости. Их краткое рассмотрение дает представление и о комплексе тех источников, на которые опирался авторский коллектив второго тома «Истории Киргизской ССР».

Важнейшими источниками изучения исторического процесса, в том числе истории Киргизии рассматриваемого периода, являются труды классиков марксизма-ленинизма, партийные документы. Они образуют и методологический фундамент подлинно научного источниковедения, учат объективно, с классовых позиций анализировать весь круг документов и материалов, относящихся к изучаемому процессу или явлению. Труды В. И. Ленина, опирающиеся на огромную документальную базу, представляют собой классический пример использования наиболее рациональных приемов извлечения из различного типа и видов источников достоверных данных, а также методов их научной обработки. Эти приемы служили и служат руководящим началом и для советских исследователей исторического прошлого Киргизстана.

Значительную группу источников по истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в. образуют действовавшие в этот период законы, указы, манифесты, положения, уставы, официальные дипломатические документы, выражавшие в юридических нормах интересы и волю господствующих классов и отражавшие внутреннюю и внешнюю политику Российского государства. К ним примыкают различные проекты, записки, инструкции, распоряжения и другие документы, раскрывающие происхождение того или иного законодательного акта, его обнародование и проведение в жизнь. Помимо вышеназванных разновидностей общеимперских актов[1] в Туркестане действовали и региональные, закрепляющие его положение в системе Российской империи или касавшиеся отдельных категорий населения (крестьян-переселенцев, семиреченских казаков и др).

Основными документами, определявшими административно-территориальное устройство Киргизии, служат «Положения» об управлении Средней Азией и Казахстаном (1867, 1886, и 1891 гг.)[2]. Эти «Положения» позволяют проследить историю царских учреждений в Киргизии, вскрыть классово-социальную ограниченность и тенденциозность их авторов — представителей господствующих классов империи, показать истинный смысл законодательных акций царизма в крае, осуществление здесь земельной и налоговой политики, угнетательскую сущность его политико-административного устройства и органов так называемого «военно-народного управления». Они отражают и некоторые положительные для киргизского населения стороны, которые нельзя сбрасывать со счета. В частности, известно, что введенное волостное деление в определенной степени подрывало патриархально-феодальные связи, а общероссийские положения, регламентируя права и обязанности должностных лиц, несколько ограничивали произвол администрации, столь беспредельный при ханской власти. Предоставление права собственности на землю местному оседлому населению, в том числе оседлым киргизам в 1886 г., способствовало развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве края.

Особую ценность как исторический источник представляют собой хранящиеся в основном в Архиве внешней политики России МИД СССР (АВПР) оригиналы присяг отдельных киргизских племен на подданство Российскому государству и предшествующая этому переписка между западносибирскими властями и киргизскими родоправителями. Они отражают предысторию и сам процесс вхождения Киргизии в состав России, добровольность волеизъявления киргизского народа[3].

Делопроизводственная документация, характеризующая деятельность государственных управленческих учреждений и организаций — один из самых многочисленных и разнообразных по форме и содержанию исторических источников. Основная масса первичной документации возникла в результате деятельности уездно-городских, областных и краевых управленческих учреждений.

Одними из источников для воссоздания истории Киргизии с середины 60 годов XIX в. и до февраля 1917 г. служат отчеты и другие документы уездной администрации[4]. Подобный же интерес представляют журналы областных и краевых органов[5], а также отчетные материалы последних: доклады, докладные записки, отчеты (годовые или обзорные за несколько лет) о деятельности административных и отраслевых краевых учреждений[6]. Понятно, что при использовании официальных отчетов и докладов представителей царской администрации и обзоров областей Туркестанского генерал-губернаторства[7] они должны подвергаться критическому анализу и сопоставительной проверке с другими источниками.

Одну из групп делопроизводственной документации составляет ведомственная корреспонденция. В делах центральных и местных государственных учреждений помимо документации административных органов и частнокапиталистических предприятий представлены и документы, исходящие от представителей трудящихся классов. Это — крестьянские письма, прошения киргизских дехкан и неустроенных переселенцев, жалобы городской и сельской бедноты, коллективные и индивидуальные ходатайства о наделении землей, выдаче ссуд на домообзаведение, приговоры волостных и сельских сходов, нередко написанные на киргизском и других языках коренного населения Средней Азии и Казахстана. Они особенно ценны как источник, отражающий положение трудящихся масс, их настроения и чаяния, проявления протеста против социального и национального угнетения. К сожалению, они еще мало выявлены и лишь сравнительно немногие из них введены в научный оборот.

В судебно-следственной документации выделяются по своему значению материалы политических процессов в Туркестане и Семиречье. В них наиболее часто встречаются сведения о «нарушителях общественного порядка» — участниках крестьянско-дехканских волнений и национально-освободительных выступлений, реже о рабочих-забастовщиках и административно-судебных репрессиях против революционных социал-демократов. Значительный интерес представляют сведения о революционной деятельности и судебных преследованиях царскими властями Киргизии и Семиречья И. А. Поцелуева, В. В. Особо, А. П. Березовского, И. А. Благодарного, А. И. Рувимова, Табалды Жукеева-Пудовкина, И. С. Свинухова[8], а также многих участников антивоенного выступления солдат-запасников в Пишпеке, Верном и Андижане в июле 1914 г., среди которых было немало уроженцев и жителей Киргизии[9]. Особенно много документов о расправе царизма над активными участниками Андижанского восстания 1898 г. и самого массового национально-освободительного восстания 1916 г.[10]

Особую разновидность делопроизводственной документации составляют различные бухгалтерские деловые бумаги, характеризующие хозяйственную деятельность торговых и промышленных предприятий, их влияние на экономическую жизнь на местах и свидетельствующие о проникновении в экономику края российского и иностранного капитала.

Одним из важных справочных изданий официального и полуофициального характера по Туркестанскому краю, его областям и уездам, включая и территорию современной Киргизской ССР, являются адреса-календари, справочные и памятные книги[11]. Это — источник информации о территории, населении, городах и селениях, хозяйстве и путях сообщения, учреждениях народного образования, здравоохранения и т. д. по «киргизским» уездам,

не говоря уже о фактических материалах в историко-краеведческих статьях, публиковавшихся в такого рода изданиях.

Справочно-статистические данные о торгово-промышленных предприятиях и фирмах, сельском хозяйстве в Туркестане, его областях и уездах, включая территорию современной Киргизской ССР, имеются в специальных календарях[12]. Более широкий круг сведений, но лишь по Пржевальскому и Пишпекскому уездам за 1897—1915 гг., публиковался в экономико-статистических обзорах Семиречья, помещавшихся в справочных изданиях по Западной Сибири[13].

Важное место в комплексе письменных источников по социально-экономической истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в. занимают статистические источники.

В фондах Центрального статистического комитета (ЦСК, создан по положению 1863 г. при Министерстве внутренних дел) наиболее полно представлена демографическая статистика[14] со сведениями о населении и населенных пунктах страны, включая и области Туркестанского генерал-губернаторства, в меньшей мере — сельскохозяйственная и лишь отчасти — промышленная[15].

Среди документов аграрной статистики, сравнительно регулярно поступавших в ЦСК из среднеазиатских областей страны, имеются сведения о посевах и урожаях хлебов на местах, а также о численности скота. Важны материалы военно-конских переписей о поголовье лошадей и повозочно-транспортных средствах в населенных пунктах и даже у отдельных владельцев[16]. Так, сравнение сведений о коневладельцах из материалов «Опытной военно-конской переписи в Сибирском и Туркестанском военных округах»[17] в 1901 г. и переписи лошадей в 1912 г., охватившей уже всю Среднюю Азию, помогает уяснить динамику имущественного расслоения коренного и переселенческого крестьянства в крае в начале XX в.[18]

Информация о фабриках и заводах в Туркестане и Киргизии почти не отражалась в изданиях и материалах промышленной статистики ЦСК, а имеющаяся не отличается достаточной полнотой[19].

Подведомственными ЦСК органами правительственной статистики в Средней Азии, включая Киргизию, являлись Туркестанский статистический комитет (Ташкент, 1868)[20] и четыре областных статистических комитета, созданных в Сыр-Дарьинской, Семиреченской, Самаркандской и Ферганской областях в 70—90-х годах XIX в.[21] Работе статистических комитетов содействовали и знатоки-краеведы из уездов (А. М. Фетисов и Ф. В. Поярков в Пишпеке и др.). Ими собирались различные статистические и другие данные краеведческого значения о Киргизии и ее поселениях, частью сохранившиеся в архивах Ташкента и Алма-Аты, а частью опубликованные в свое время в изданиях областных статистических комитетов и в местной периодической печати[22].

Большой и ценный массив статистических материалов по землепользованию коренного и отчасти переселенческого (старожильческого) населения Киргизии и сопредельных областей был собран и опубликован в конце XIX — начале XX в. по итогам работы поземельно-податных комиссий, а также подворных обследований статистическими партиями Переселенческого управления (под руководством П. П. Румянцева и др.)[23]. Они работали по программам, составленным в соответствии с принципами земской статистики, но сбор материалов, осуществляемый экспедиционным методом, и участие в их разработке видных статистиков обеспечивали этим материалам определенную достоверность. Группировка данных по посевам и покосу в северных и южных районах края позволяет выяснить социальный состав населения аила и деревни. Одним из крупных недостатков рассматриваемых и других материалов по аграрной статистике является то, что за средними данными скрывался социальный облик полярных по социальному положению групп хозяйств.

Заслуживают также внимания сведения об обеспеченности сельского хозяйства машинами и инвентарем в 1910 г.[24] и данные всероссийских переписей сельского хозяйства в 1916 и 1917 гг. Правда, последние охватывали не все районы Средней Азии (в 1917 г. вне переписи остались Ошский уезд и ряд волостей в других уездах на территории Киргизии), а результаты переписи 1916 г. изданы как предварительные и лишь частично[25].

В числе опубликованных материалов ведомственной статистики просвещения представляют интерес итоги всероссийской переписи, проведенной в январе 1911 г. Министерством народного просвещения. При этом были собраны важные данные о типах и состоянии начальных школ в городах и селениях по стране, в том числе и в Средней Азии, о составе учителей, их образовании и материальном положении. Это издание привлекло внимание В. И. Ленина. Вскрывая мнимую заботу «Министерства народного затемнения» о просвещении трудящихся, он показал, что данные этого источника «обработаны» (искажены и затушеваны) либеральными статистиками так, чтобы *«прикрыть неприятную правду»*[26].

Статистические материалы о Киргизстане и его населении собирались и публиковались научными обществами в России[27] и их отделениями в Туркестане. Так, например, в составе крупнейшего научного общества страны — Российского географического общества — имелось и статистическое отделение.

Кроме того, статистические данные о городах и городской жизни в Киргизии после вхождения ее в состав России и до канупа Великого Октября, откладывались в архивах городских общественных «самоуправлений» Пишпека и Пржевальска, а также уездно-городских властей Оша.

Некоторые статистические данные об экономике Туркестана, в частности, о состоянии горного дела и хлопководства в областях

и входящих в них уездах, можно встретить и в архивных комплексах, отчетно-статистических и других изданиях торгово-промышленных объединений. Таковы круг и характер отдельных групп статистических источников по социально-экономической истории дооктябрьского Киргизстана, характеризующих также и некоторые сдвиги в культурной жизни его населения со второй половины XIX в.

Документы историко-партийного характера, относящиеся к Киргизии начала XX в., не составляют самостоятельных архивных фондов, а входят в состав других комплексов документальных источников. Появление на среднеазиатских окраинах России «Извещения о втором очередном съезде РСДРП» и материалов третьего съезда РСДРП, попадавшая в руки полицейских и судебно-следственных властей Туркестана переписка местных социал-демократов со своими единомышленниками (к примеру, корреспонденция В. В. Особо и его товарищей, высланных в Ошскую штрафную роту из Нового Маргелана), свидетельствуют, что семиреченским и ферганским революционным социал-демократам были известны важнейшие программные документы и тактические установки большевиков по аграрному, национальному вопросам, о работе среди солдат. К сожалению, такого рода документальные источники, отражающие, в частности, единство революционного процесса в центре страны и на местах, работу партии среди многонациональных трудящихся масс Киргизстана в период буржуазно-демократических революций в стране, выявлены недостаточно, а в источниковедческом плане исследованы пока слабо, публикации их крайне редки.

Крупную группу исторических источников о дореволюционной Киргизии составляет туркестанская (с 70-х годов XIX в.) и отчасти российская (с середины 50-х годов XIX в.) периодическая печать. К ней примыкают также издания местных и российских научных обществ, учреждений, и организаций, обычно выходившие под общим заглавием: «Труды», «Записки», «Протоколы», «Известия», «Вестники» и т. п. Как общероссийская, так и туркестанская пресса (официальные органы краевых и областных властей на русском и некоторых языках коренного населения, газеты буржуазно-националистического направления и др.), хотя и является важным источником разнообразной информации, требует со стороны исследователей сугубо критического отношения[28].

Ценным источником по истории рабочего и крестьянского движения, о деятельности революционной социал-демократии в Киргизии и Туркестане в период революции 1905—1907 гг. служат материалы демократической печати в крае[29], в том числе легальных, находившихся под большевистским влиянием, газет «Русский Туркестан» (с декабря 1905—1907) и «Самарканд», неоднократно подвергавшихся преследованиям царской цензуры и властей[30], а также первых пяти номеров нелегальной газеты «Обстрел», издававшейся социал-демократами г. Верного, входившим-

ми в «Семиреченскую революционную группу социалистов»[31]. Особо важным источником общеполитического характера по истории революционного движения в крае является российская демократическая и большевистская легальная и нелегальная печать, в том числе ленинская «Искра» (1900—1903), «Правда» (1912—1917) и др., чутко откликавшиеся на значительные события общественно-политической жизни, борьбы многонациональных трудящихся масс Туркестанского края за свое социальное и национальное освобождение.

Разносторонними по характеру и содержанию материалами, многогранной информативностью отличаются местные и российские издания различных научных обществ[32]. В них содержится немало сведений по истории Киргизии рассматриваемого периода.

Уникальным собранием печатных источников, посвященных «русскому Туркестану» и соседним с ним зарубежным азиатским странам, служит один из замечательных памятников культурной работы передовой части русской интеллигенции в крае — «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся к Средней Азии и Туркестану в особенности»[33]. Он состоит из 594 томов, содержащих вырезки из газет и журналов, а также разбронюрованных книг на русском и иностранных языках.

Важным источником сведений об аграрных выступлениях и требованиях трудящихся Киргизии, о пропагандистской деятельности революционных социал-демократов Семиречья служат антиправительственные листовки, распространявшиеся в 1905—1907 гг. в Верном, Пишпеке и ряде переселенческих деревень Пишпекского, Пржевальского и Верненского уездов. В них содержатся прямые отзвуки первых открытых политических выступлений местной городской и сельской бедноты, требования революционной социал-демократии по национальному вопросу и т. п.

Воспоминания, дневники, автобиографии и частная переписка составляют группу источников личного происхождения. Например, широкоизвестные мемуары крупного географа П. П. Семенова о его путешествии в Тянь-Шань[34] емко характеризуют укрепление русско-киргизских взаимоотношений в середине прошлого века. Собранные в советское время воспоминания Тоголока Молдо, Алымкула Усенбаева, Калыка Акиева, Болота Джартакова, А. И. Власова и других о Токтогуле Сатылганове представляют ценный источник по истории и культуре Киргизии конца XIX—начала XX в.[35]

Воспоминания важны и для освещения событий национально-освободительного и революционного движения в дооктябрьском Киргизстане. Записанные уже при Советской власти свидетельства участников и очевидцев восстания 1916 г. вносят весьма существенные уточнения в официальные материалы, помогая выяснить истинные причины, характер и движущие силы восстания, цели повстанцев из различных социальных слоев киргизского населения[36]. Значительную ценность представляют как опубликованные[37], так и хранящиеся в архивах воспоминания активных участников революционного движения, борьбы за установление и упрочение Советской власти в Киргизии.

Среди дневников различных лиц по богатству содержания, новизне, достоверности и другим критериям на первое место следует поставить «Дневник поездки на Иссык-Куль» (1856) Ч. Ч. Валиханова. Сведения о тянь-шаньских киргизах в нем позднее значительно дополняются материалами его так называемых «Кашгарских дневников» с новыми данными историко-этнографического характера о Киргизии, полученными во время путешествия Ч. Ч. Валиханова в Кашгар (1857)[38].

Своеобразным историческим источником о Киргизии второй половины XIX — начала XX в. является частная, личная переписка. Так, например, известный интерес для характеристики деятельности русской прогрессивной интеллигенции в крае представляет переписка ученых-путешественников и местных краеведов (переписка Ч. Ч. Валиханова, отчасти П. М. Пржевальского, местного краеведа Я. И. Королькова с родными великого путешественника и продолжателями его дела)[39].

Одним из важных источников о деятельности революционной социал-демократии в крае служат письма социал-демократов, оказавшиеся в руках царских властей. Такова, в частности, переписка, принадлежащая В. И. Лойцнеру, сосланному в Пржевальск в 1903 г. и В. В. Особо со своими единомышленниками, приоткрывающая малоизвестные начальные страницы агитационно-пропагандистской работы местных социал-демократов, их связи с социал-демократами Ташкента и Маргелана (документы хранятся в ЦГА УзССР).

Довольно значительную группу исторических источников и пособий составляет литература на среднеазиатскую тематику. Возьмем, к примеру, записки, отчеты и некоторые другие работы отечественных и частью зарубежных путешественников по Средней и Центральной Азии[40]. Они служат свидетельствами начинавшегося изучения Киргизии и ее населения, нередко содержат статистико-экономические, демографические и другие данные о городах и селениях, кочевых аилах и волостях, полученные от уездно-городских властей. И сами по себе они ценны непосредственными наблюдениями авторов-путешественников.

В военно-исторической литературе и некоторых изданиях с участием военных специалистов («Военный» и «Морской» сборники, «Инженерный журнал» и т. п.) помещались не только разного рода материалы, связанные с продвижением царизма в Среднюю Азию и столкновением здесь военных сил России и Коканда, а также отношением к ним киргизов, но и статистическая и другая информация о крае и его населении.

Немаловажным подспорьем является также официальная, ведомственная и другая литература, нередко содержащая ценные фактические материалы о национальном составе населения края,

ми в «Семиреченскую революционную группу социалистов»[31]. Особо важным источником общеполитического характера по истории революционного движения в крае является российская демократическая и большевистская легальная и нелегальная печать, в том числе ленинская «Искра» (1900—1903), «Правда» (1912—1917) и др., чутко откликавшиеся на значительные события общественно-политической жизни, борьбы многонациональных трудящихся масс Туркестанского края за свое социальное и национальное освобождение.

Разносторонними по характеру и содержанию материалами, многогранной информативностью отличаются местные и российские издания различных научных обществ[32]. В них содержится немало сведений по истории Киргизии рассматриваемого периода.

Уникальным собранием печатных источников, посвященных «русскому Туркестану» и соседним с ним зарубежным азиатским странам, служит один из замечательных памятников культурной работы передовой части русской интеллигенции в крае — «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся к Средней Азии и Туркестану в особенности»[33]. Он состоит из 594 томов, содержащих вырезки из газет и журналов, а также разброшюрованных книг на русском и иностранных языках.

Важным источником сведений об аграрных выступлениях и требованиях трудящихся Киргизии, о пропагандистской деятельности революционных социал-демократов Семиречья служат антиправительственные листовки, распространявшиеся в 1905—1907 гг. в Верном, Пишпеке и ряде переселенческих деревень Пишпекского, Пржевальского и Верненского уездов. В них содержатся прямые отзвуки первых открытых политических выступлений местной городской и сельской бедноты, требования революционной социал-демократии по национальному вопросу и т. п.

Воспоминания, дневники, автобиографии и частная переписка составляют группу источников личного происхождения. Например, широкоизвестные мемуары крупного географа П. П. Семенова о его путешествии в Тянь-Шань[34] емко характеризуют укрепление русско-киргизских взаимоотношений в середине прошлого века. Собранные в советское время воспоминания Тоголока Молдо, Алымкула Усенбаева, Калыка Акиева, Болота Джартакова, А. И. Власова и других о Токтогуле Сатылганове представляют ценный источник по истории и культуре Киргизии конца XIX—начала XX в.[35]

Воспоминания важны и для освещения событий национально-освободительного и революционного движения в дооктябрьском Киргизстане. Записанные уже при Советской власти свидетельства участников и очевидцев восстания 1916 г. вносят весьма существенные уточнения в официальные материалы, помогая выяснить истинные причины, характер и движущие силы восстания, цели повстанцев из различных социальных слоев киргизского населения[36]. Значительную ценность представляют как опубликованные[37], так и хранящиеся в архивах воспоминания активных участников революционного движения, борьбы за установление и упрочение Советской власти в Киргизии.

Среди дневников различных лиц по богатству содержания, новизне, достоверности и другим критериям на первое место следует поставить «Дневник поездки на Иссык-Куль» (1856) Ч. Ч. Валиханова. Сведения о тянь-шаньских киргизах в нем позднее значительно дополняются материалами его так называемых «Кашгарских дневников» с новыми данными историко-этнографического характера о Киргизии, полученными во время путешествия Ч. Ч. Валиханова в Кашгар (1857)[38].

Своеобразным историческим источником о Киргизии второй половины XIX — начала XX в. является частная, личная переписка. Так, например, известный интерес для характеристики деятельности русской прогрессивной интеллигенции в крае представляет переписка ученых-путешественников и местных краеведов (переписка Ч. Ч. Валиханова, отчасти Н. М. Пржевальского, местного краеведа Я. И. Королькова с родными великого путешественника и продолжателями его дела)[39].

Одним из важных источников о деятельности революционной социал-демократии в крае служат письма социал-демократов, оказавшиеся в руках царских властей. Такова, в частности, переписка, принадлежащая В. И. Лойцперу, сосланному в Пржевальск в 1903 г. и В. В. Особо со своими единомышленниками, приоткрывающая малоизвестные начальные страницы агитационно-пропагандистской работы местных социал-демократов, их связи с социал-демократами Ташкента и Маргелана (документы хранятся в ЦГА УзССР).

Довольно значительную группу исторических источников и пособий составляет литература на среднеазиатскую тематику. Возьмем, к примеру, записки, отчеты и некоторые другие работы отечественных и частью зарубежных путешественников по Средней и Центральной Азии[40]. Они служат свидетельствами начинавшегося изучения Киргизии и ее населения, нередко содержат статистико-экономические, демографические и другие данные о городах и селениях, кочевых аилах и волостях, полученные от уездно-городских властей. И сами по себе они ценны непосредственными наблюдениями авторов-путешественников.

В военно-исторической литературе и некоторых изданиях с участием военных специалистов («Военный» и «Морской» сборники, «Инженерный журнал» и т. п.) помещались не только разного рода материалы, связанные с продвижением царизма в Среднюю Азию и столкновением здесь военных сил России и Коканда, а также отношением к ним киргизов, но и статистическая и другая информация о крае и его населении.

Немаловажным подспорьем является также официальная, ведомственная и другая литература, нередко содержащая ценные фактические материалы о национальном составе населения края,

развитии социально-экономической и культурной жизни в нем, об установлении дружественных добрососедских отношений между представителями киргизского и переселенческого населения и т. п. Так, например, при внимательном и критическом подходе можно извлечь немало фактических данных из опубликованных, а также первичных материалов ревизий Туркестанского края сенаторами Ф. К. Гирсом и К. К. Паленом. В частности, представляют интерес сводные данные из «Приложения» к последней из названных ревизий о территории и административном делении Киргизии, расселении киргизов по волостям и уездам за 1897 г., о национальном составе населения по родному языку — киргизскому, дунганскому, уйгурскому, о сельском хозяйстве — скотоводстве и земледелии (в поуездном разрезе), а также занятиях горожан и сельского населения (по данным уездной администрации за 1907 г.). Ценны и материалы о классовом расслоении в ауле и столкновении социально-экономических интересов различных категорий киргизского населения[41].

Накопилось значительное количество различных публикаций за 1850—1917 гг., содержащих данные по истории промышленного развития Киргизии за этот период[42].

Медико-санитарная статистика Киргизии, относящаяся в первую очередь к коренным ее жителям, представлена в работах врачей В. Вышпольского, И. Колбасенко, П. Яворского и др. Небезынтересны также их наблюдения о некоторых сторонах семейно-бытового уклада киргизов, их хозяйственной деятельности, приемах народной ветеринарии и т. п. Особого внимания в этом отношении заслуживает фундаментальная работа В. И. Кушелевского[43].

На грани источника и пособия стоят летописи событий и хроники из истории революционного движения в Средней Азии (включая Киргизию) и Казахстане в конце XIX — начале XX в.[44]

Ряд статей о киргизах и Киргизии включен в энциклопедические словари 50—70-х годов XIX в., отраслевые и общего назначения многотомные энциклопедические издания конца XIX — начала XX в.[45] В более доступной и живой форме, чем в работах энциклопедического характера, сведения о Киргизии и ее коренных жителях второй половины XIX — начала XX в. излагались и на страницах дореволюционной научно-популярной литературы, рассчитанной отчасти на учащихся («Литературная библиотека», «Книжная неделя», «Книжки для школ» и другие такого же типа издания). Так, следом за популярной брошюрой революционного демократа 60-х годов XIX в. М. Л. Михайлова о казахах (1867)[46], где описаны и киргизы Семиречья, стали появляться подобные книги, написанные самими первооткрывателями Тянь-Шаня и Памира или другими авторами по материалам их путешествий[47].

Киргизская тема в русской художественной литературе нашла отражение уже в 70-х годах XIX в. с появлением очерков, рассказов и книг Е. П. Ковалевского, Н. Н. Каразина, А. П. Хорошхина, Б. Д. Тагеева (Рустам-бека) и др., которые давали в целом верное представление о Киргизстане, жизни и быте киргизов и других его жителях[48].

Историко-документальная советская проза Киргизии еще сравнительно молода, но наши представления о дореволюционной истории края, жизни и чаяниях народа, участниках национально-освободительных выступлений и революционной борьбы трудящихся были бы намного беднее, если бы писатели республики не создали целый ряд произведений исторического цикла. К исторической тематике обращаются не только писатели старшего поколения, такие как А. Токомбаев (роман в стихах «Перед зарей», 1962), Т. Сыдыкбеков (роман «Батыйна», 1962), но и некоторые из тех, кто вошел в литературу в послевоенные годы[49].

Особую группу составляют изобразительные источники о Киргизии 1855—1917 гг., авторами которых являлись художники-профессионалы и любители из числа лиц, сопровождавших ученых-путешественников, либо сами последние, обладавшие художественным талантом, а также топографы-рисовальщики, чьи произведения обычно отличались документальной точностью.

Первым русским профессиональным художником, посетившим Киргизию еще в 1857 г. в составе экспедиции П. П. Семенова на Тянь-Шань и талантливо запечатлевшим его природу («виды») и коренное население («типы»), предметы его материальной культуры и бытовые сцены, был П. М. Кошаров. «Неоценимую услугу моей экспедиции оказал художник П. М. Кошаров»,— отмечал П. П. Семенов,— многое, что не передается словами, а только рисунками, было бы для меня утрачено без сопутствия Кошарова»[50]. Его документально-точные зарисовки с натуры вместе с пояснениями самого художника дают наглядное представление о хозяйственных занятиях и социально-экономических отношениях у киргизов Восточного Прииссыккулья второй половины 50-х годов XIX в. Непреходящую ценность представляют цветные этнографические рисунки П. М. Кошарова[51].

Среди художников-любителей, посетивших дореволюционный Киргизстан, значительное по своей широте и разнообразию изобразительное наследие оставил Ч. Ч. Валиханов. Киргизская тематика нашла отражение в реалистически исполненных им акварельных портретах и графических работах преимущественно этнографического характера[52]. Интересны и путевые зарисовки сибирского художника М. С. Знаменского — спутника Ч. Ч. Валиханова (1864 г.).

В конце 50 — начале 60-х годов XIX в. топографами Сироткиным, Азарьевым и другими были зарисованы ханские укрепления — Пишпек, Токмак, Куртка, Джумгал и др. Особо выразительны и точны видовые акварели, сделанные с натуры прикомандированным к отряду М. И. Венюкова топографом М. Сироткиным[53].

В конце 60-х годов XIX в. почти одновременно в Киргизии по-

бывали два профессиональных художника-путешественника — Н. Н. Каразин и В. В. Верещагин[54]. Их туркестанские произведения далеко не равноценны не только с художественной стороны, но и как историко-этнографические источники о крае. Но оба они не могли не отразить мрачных сторон ханско-феодального господства (ср.: «Казнь в зиндане» Н. Н. Каразина и «Самаркандский зиндан» В. В. Верещагина и др.), а также отдельные эпизоды из истории его ликвидации. Таков, например, рисунок Н. Н. Каразина о бегстве Худояр-хана из Коканда (1875) от повстанцев.

Большой вклад в ознакомление отечественной и зарубежной общественности с природой и населением Киргизии конца 60-х и начала 70-х годов XIX в. внес выдающийся русский художник-баталист В. В. Верещагин. Его довольно многочисленные картины, этюды и рисунки о Киргизии являются ценнейшими изобразительными источниками по истории и культуре киргизского народа вскоре после вхождения в состав России. Эти произведения составили добрую половину из 106 литографий, включенных В. В. Верещагиным в альбом «Туркестан», который еще при жизни художника стал библиографической редкостью. Свои впечатления о путешествиях по Киргизии и Семиречью художник-гуманист оставил также в книге воспоминаний.

Обладая незаурядным художественным талантом, О. А. Федченко, Н. А. Северцов, В. И. Роборовский, Д. Л. Иванов, А. М. Фетисов во время своих экспедиций и поездок по Киргизии в 70—90-х годах XIX в. зарисовали с натуры ландшафты, примечательные исторические места и архитектурные памятники (виды и памятники Оша и Узгена О. А. Федченко и Н. А. Северцова). Некоторые из их рисунков и этюдов демонстрировались в 1872 г. на Всероссийской политехнической выставке (рисунки О. А. Федченко и Д. Л. Иванова), иллюстрировались научные записки и отчеты путешественников, публиковались в России и за рубежом.

В числе художников, наследие которых важно для изучения памятников культуры и искусства киргизов и других среднеазиатских народов, выделяются С. М. Дудин (он же первоклассный фотограф) и Н. Н. Щербина-Крамаренко[55]. Первый из них, будучи страстным собирателем этнографических коллекций из Средней Азии, сделал несколько десятков акварельных таблиц, включавших образцы тиснения по коже у киргизов и казахов, для готовившегося им альбома «Орнаментика Средней Азии»[56]. Он был активным участником ряда научных экспедиций в Среднюю и Центральную Азию (1899—1908), сопровождая, в частности, В. В. Бартольда в его первой поездке по Киргизии и соседним с ней областям. Второй оставил в 1897 г. описания и зарисовки с памятников старинной архитектуры на юге Киргизии.

Киргизию, дореволюционный Пишпек и их жителей начала нашего века запечатлел также художник Б. В. Смирнов, участник комплексной научной экспедиции в край в 1903—1904 гг. Находясь в Пишпеке, он создал свыше двух десятков этюдов и зарисовок с натуры, главным образом, этнографического характера. Они составили интереснейший альбом «По Киргизии, 1903 г.» (хранится в Историческом музее г. Фрунзе). Впоследствии он воспроизвел некоторые из этих рисунков в книге «В степях Туркестана» (М., 1914). Значительную историко-краеведческую ценность представляют его зарисовки с натуры киргизской бедноты, а также старого Пишпека (городских харчевен и чайхан и т. п.) тем более, что фотоснимков тех лет сохранилось весьма немного[57].

Определенную значимость как изобразительные источники имеют произведения на киргизские темы художников Н. Г. Хлудова[58] (г. Верный) и П. М. Никифорова (г. Новый Маргелан).

В 70—80-х годах XIX в. по инициативе ученых-востоковедов, туркестанских и семиреченских краеведов в Ташкенте, Омске и Верном предпринимались попытки создания фотоальбомов, которые бы наглядно отражали природу, хозяйство, жизнь и быт различных национальностей края. Из них наибольшую известность получили два: «Туркестанский альбом» из четырех частей — археологической, этнографической, промысловой и исторической[59], и «Этнографический альбом Кульджинского района Семиреченской области» из 115 листов большого формата, в составлении которого участвовал Н. Г. Хлудов, бывший не только художником, но и квалифицированным фотографом.

Ученые-путешественники конца XIX — начала XX в. придавали важное значение документальной фотографии. Впоследствии ценнейшие снимки, сделанные во время экспедиций по Киргизии и сопредельным с ней областям Средней Азии, включая и первоклассные фотографии С. М. Дудина, запечатлевшие хозяйственно-бытовой уклад и этнографические особенности в материальной культуре южнокиргизского населения, стали достоянием крупнейших исторических, этнографических и художественных музеев Москвы и Петербурга, архивов РГО и других российских научных обществ. Сегодня они составляют поистине «золотой фонд» уже немногочисленных источников исторического прошлого Киргизии конца XIX и начала XX в. Лучшие работы профессиональных фотографов и любителей из областных и крупных уездных городов Туркестанского края публиковались на страницах научной и популярной литературы[60]. А некоторые наиболее удачные фотографии с изображением городов и других населенных пунктов, базаров, дорог, а также этнических типов из коренных жителей Средней Азии и Киргизии (в частности, фотографии П. Лейбина из г. Верного) репродуцировались в виде почтовых открыток, издававшихся в России и за рубежом.

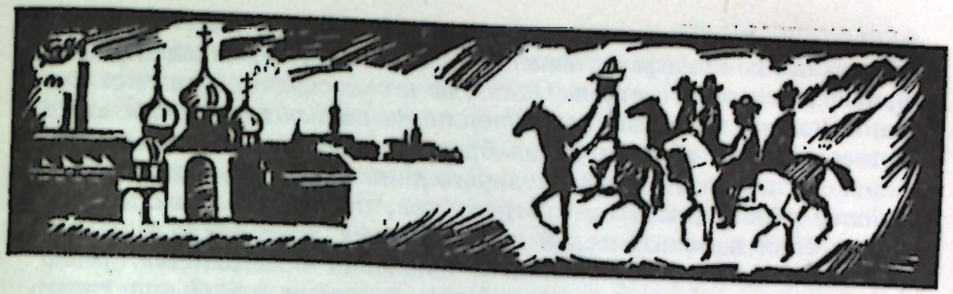
Многие уникальные фотографии дореволюционной Киргизии и ее населения экспонировались на Ташкентской фотографической выставке 1899 г., материалы которой хранятся в Музее истории народов Узбекистана в Ташкенте. Ряд фотографий по истории и этнографии Киргизии дооктябрьского времени собраны

в Центральном архиве кинофотофонодокументов Киргизской ССР в г. Фрунзе. Из фонодокументов всего дооктябрьского периода истории Киргизии там же сохраняется и звукозапись отрывков из эпоса «Семетей», сделанная в 1903 г. в Пишпеке от киргизского акына Кенджо-Кара художником Б. В. Смирновым, который также зарисовал самого акына с его кыяком.

Мало известны и еще менее введены в научный оборот документально-графические источники по истории Киргизии, такие, как карты, планы укреплений и чертежи различных памятников истории и культуры Киргизстана, которые еще ждут специального исследования. В большинстве они хранятся в фондах архивохранилищ Москвы, Ленинграда, Фрунзе и других столичных центров среднеазиатских республик и Казахстана.

Группа этнографических источников представлена такими их разновидностями, как устные, письменные и вещественные. Причем подлинные вещи — коллекции одежды, предметов прикладного искусства и быта, орудий крестьянского и ремесленного труда, как и их фото или рисунки с указанием размеров, считаются первоисточниками[61]. Без привлечения этнографических источников, свидетельств о правах, обычаях и традициях, а также народных преданиях[62] исторические исследования хозяйства и культуры киргизского и других народов края не могут быть полноценными, поскольку такого рода материалы зачастую отсутствуют в традиционных письменных источниках. Столь же важны для историков фольклорные, эпические, разного рода лингвистические источники[63]. Последние, в частности, содержат данные о местной топонимике, социальной и хозяйственной терминологии, словарных заимствованиях из русского и других языков народов СССР и зарубежных стран. Совместная работа этнографов Киргизии, Москвы и Ленинграда по подготовке к изданию регионального историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, а также связанные с этим предварительные публикации[64] расширяют круг этнографических источников. Началось изучение киргизского эпоса как историко-этнографического источника, появились специальные исследования языковедов, интересные и в источниковедческом аспекте[65]. Все это — крайне важно и в том отношении, что помогает опровергнуть распространенные среди буржуазных ученых домыслы о якобы «вольном» обращении советских исследователей с историческими фактами[66].

Таковы основные виды источников по истории Киргизии с середины XIX в. и до 1917 г. Дальнейшая работа по выявлению, собиранию и изучению источников, причем не только письменных (рукописных и печатных), но и этнографических, лингво-топонимических и изобразительных, призвана восполнить некоторые пробелы и отдельные, все еще недостаточно освещенные вопросы дореволюционной истории Киргизстана.

Глава I

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ КИРГИЗИИ В СОСТАВ РОССИИ

1. Исторические предпосылки вхождения Киргизии в состав Российского государства

Историческая обусловленность вхождения Киргизии в состав России

Вхождение Киргизии в состав России в 50—70-х годах XIX в. было закономерным итогом развития исторически сложившихся в предыдущий период политических, социально-экономических и культурных взаимоотношений киргизского народа с Россией, составной частью общего процесса присоединения к ней ряда национальных окраин, в первую очередь Казахстана и Средней Азии.

«Добровольное вхождение Киргизии в состав России явилось выраженном неодолимого стремления трудовых масс киргизского народа к установлению прочных дружественных связей с русским и другими народами России. Оно было исторической необходимостью на пути развития в прошлом отсталого и бесправного киргизского народа.

На протяжении веков киргизский народ, ослабляемый ожесточенными внутренними феодальными распрями, служил постоянным объектом захватнических устремлений со стороны более сильных соседних государств. Накануне вхождения в состав России киргизский и другие среднеазиатские народы находились под жестокой деспотической властью Кокандского ханства...

...Киргизский народ все отчетливее видел, что его спасение в покровительстве со стороны несравненно более могучего и более развитого в общественно-экономическом отношении государства. Таким государством являлась к тому времени Россия»[1].

Хотя в первой половине XIX в. в России все еще господствовали феодально-крепостнические отношения, тормозившие развитие производительных сил, тем не менее новый капиталистический способ производства пробивал себе дорогу. В стране неуклонно развивалась фабрично-заводская промышленность, осно-

ванная на вольнонаемном труде, капиталистические отношения проникали во все сферы общественной жизни, порождая глубокий кризис крепостного строя. Одним из его проявлений явилось возникновение и развитие революционного движения, первым актом которого стало восстание декабристов, положившее начало дворянскому периоду освободительного движения. Оно вызвало дальнейшее обострение всех противоречий, присущих социально-экономической и политической жизни России, обусловило заметный рост массового антифеодального движения крестьянства, усиление борьбы нарождавшегося рабочего класса за улучшение своего положения.

Жестоко подавляя освободительное движение и выступления народных масс, царизм вынужден был проводить некоторые ограниченные преобразования, пытаясь любой ценой сохранить феодально-крепостнический строй. Между тем самодержавно-крепостнические порядки вызывали все более широкий протест в различных слоях русского общества. В ходе общественно-политической борьбы 30—50-х годов, с одной стороны, начало оформляться либерально-буржуазное течение, стремившееся к ликвидации крепостничества и утверждению буржуазных отношений не путем революции, а в результате реформ «сверху», с другой — зарождалась идеология революционной демократии, выражавшая подлинные интересы массы. Это вело к подъему освободительного движения в России на новую, более высокую ступень.

Поражение царизма в Крымской войне (1853—1856 гг.) вскрыло гнилость самодержавия и крепостного права и способствовало резкому обострению классовых противоречий. К 1859 г. в стране сложилась революционная ситуация, заставившая царское правительство провести 19 февраля 1861 г. крестьянскую реформу, которая привела к падению крепостного права в России. Хотя реформа 1861 г. (как и другие преобразования в буржуазном духе, проведенные вслед за нею) носила половинчатый характер, представляя собой ограбление крестьянства в пользу помещиков и сохраняя многочисленные пережитки крепостничества, прежде всего помещичье землевладение и самодержавие, тем не менее она существенно способствовала переходу России на путь капиталистического развития, создавала условия для относительно быстрого роста производительных сил и явилась шагом «по пути превращения России в буржуазную монархию»[2]. В стране складывались несравненно более благоприятные, чем раньше, возможности для развития капиталистической промышленности, переживавшей в пореформенное время бурный подъем. Развернулось железнодорожное строительство, приводившее к существенному расширению всероссийского рынка. Резко ускорилось формирование основных классов капиталистического общества — буржуазии и пролетариата, игравших все более активную роль в экономической и политической жизни России.

Сравнительно быстрыми темпами развивался капитализм и в

сельском хозяйстве. Это нашло выражение не только в растущем применении вольнонаемного труда, сельскохозяйственных машин, развитии торгового земледелия и скотоводства, заметном повышении общего уровня сельскохозяйственного производства, но и в разрушении патриархальных устоев деревни, быстро прогрессирующем процессе разложения крестьянства, неудержимо распадавшегося на сельскую буржуазию и сельский пролетариат.

Характеризуя эти явления в социально-экономической жизни страны, В. И. Ленин писал, что «после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»[3]. И хотя в первые годы после реформы (время вхождения Киргизии в состав России) российский капитализм только набирал темпы, основные тенденции его развития определились достаточно ясно. Россия представала перед всем миром, как крупное, обретавшее силу, молодое капиталистическое государство. В сравнении с отсталыми феодально-деспотическими государственными образованиями Средней Азии XIX в. Россия являла собой обширную, быстро крепнущую и развивающуюся страну, способную оказывать положительное влияние на жизнь и судьбы соседних с нею народов, в том числе киргизов.

В этом свете (а в более отдаленной перспективе — и в свете быстрого и мощного подъема рабочего революционного движения) и надо рассматривать, прежде всего, проблему добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Одной из особенностей развитого капитализма, как отмечал В. И. Ленин, являлось его «...могучее стремление... расшириться на другие территории, заселить и распахать новые части света, образовать колонии... В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах, колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия (выделено нами. — *Ред.),* Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»[4]. Развитие российского капитализма «вширь», его стремление овладеть новыми обширными рынками сбыта и источниками дешевого сырья для развивающейся промышленности, чрезвычайно важно для понимания событий 60—70-х годов XIX в., приведших к вхождению Киргизии в состав России. Торгово-экономические связи России со Средней Азией, в том числе и с Киргизией, нарастали в течение всей первой половины XIX в. Русское правительство всячески содействовало их укреплению и расширению; охрана торговых путей, предоставление купцам различных привилегий и льгот, установление низких пошлин и другие меры благоприятно влияли на развитие торговли. «Русские товары,— писал Ф. Энгельс,— про-

никали вплоть до самого Инда и в некоторых случаях даже пользовались предпочтением перед английскими»[5]. Особенно заметный рост этой торговли отмечен в 50—60-е годы. Если в 1840—1850 гг. среднегодовой товарооборот России со Средней Азией составляя 1,4 млн. руб., то в 1857 г. он достиг уже 9,9 млн. руб., а в 1867 г.— 30 млн. руб.[6]

К середине 60-х годов XIX в. в русско-среднеазиатских торгово-экономических связях все более заметное место по ввозу и вывозу товаров стала занимать и торговля России с Киргизией, как непосредственная (с уже вошедшей в состав Российского государства территорией северной части края и остававшейся еще под властью Кокандского ханства), так и транзитная (с Восточным Туркестаном).

Существенную роль в экономических связях России со Средней Азией играла торговля хлопком и хлопчатобумажными изделиями. Хлопчатобумажная промышленность России развивалась быстрыми темпами: за 48 лет — с 1812 по 1860 г. — количество перерабатываемого ею хлопка возросло более чем в 50 раз, а вместе с подъемом промышленного производства усиливался и вывоз готовой продукции. Так, за десятилетие — с 1857 по 1867 г. вывоз хлопчатобумажных изделий в Среднюю Азию увеличился на сумму с 1,9 до 10,8 млн. руб.[7]

Однако в 1861—1865 гг. вследствие гражданской войны в США, являвшихся в то время одним из главных поставщиков хлопка в Европу, ввоз его в Россию резко сократился, и русская текстильная промышленность оказалась в тяжелом состоянии. Цены на хлопок, в том числе и среднеазиатский, значительно возросли: на Нижегородской ярмарке они поднялись с 4—5 руб. за пуд в 1860 г. до 12—13 руб. в 1862 г. и до 22—24 руб. в 1864 г.[8] Дороговизна и недостаток хлопка усилили стремление русской буржуазии и правящих кругов России к приобретению постоянных и надежных источников сырья, каким в данных условиях становилась прежде всего Средняя Азия. Показательно, что в течение только первого года гражданской войны в США ввоз среднеазиатского хлопка в Россию увеличился почти в три раза. Между тем, известная часть юга Киргизии уже в то время входила в зону возделывания хлопка, привлекавшую особое внимание русского капитала.

Не только оседлые, но и кочевые, скотоводческие районы Средней Азии, к которым относилась большая часть Киргизии, представляли для развивавшегося российского капитализма значительную ценность. Русские купцы привозили в аилы киргизов многое из того, что было нужно для повседневного быта кочевников: ситец, различные металлические изделия и другие товары, пользовавшиеся широким спросом среди кочевого скотоводческого населения, которое в свою очередь охотно сбывало скот, шерсть, кожи, сало, пушнину и др. Скот (главным образом овцы) и продукты скотоводства служили своего рода всеобщим

эквивалентом в торговых сделках русских, среднеазиатских и кашгарских купцов с киргизами. Торговые отношения укрепляли и расширяли экономические связи киргизского народа с Россией. Но это была лишь одна сторона дела.

Существовали и другие причины, заставлявшие царское правительство добиваться присоединения Средней Азии (и территории Киргизии в том числе) к России. Весь этот регион мог быть использован в дальнейшем для переселения крестьянства из европейской части России, а также как новый источник государственных доходов.

В носивших официальный характер «Материалах к характеристике народного хозяйства в Туркестане» прямо отмечалось, что «...этот край с первых же дней присоединения представлял двоякий интерес: 1) с точки зрения доходов и как рынок для продуктов внутреннего производства и 2) с точки зрения колонизационной политики, как новая область для переселения избытков населения из центральных губерний»[9]. Переселение «избыточного» населения (при всех колебаниях в политике правительства по этому вопросу) имело своей целью разрядить массовое недовольство безземельного и малоземельного крестьянства России, ограбленного реформой 1861 г., и создать в лице русских крестьян-переселенцев и прежде всего его зажиточной прослойки опору царизма на окраинах.

Следует учитывать также, что определенное число российского дворянства, утратившее после отмены крепостного права часть своих былых доходов и привилегий, оттесняемое новоиспеченными предпринимателями буржуазного типа, возлагало не лишенные основания надежды на то, что с присоединением Средней Азии к России ему удастся заполучить крупные участки земли, должности в чиновничьей иерархии управленческого аппарата и новые возможности продвижения по службе.

Существенным обстоятельством, побуждавшим русское правительство к мерам по присоединению к России Средней Азии, в том числе и Киргизии, была агрессивная политика Англии на Востоке. Еще во второй половине XVIII в., вытеснив своих европейских соперников из Индии, Англия захватила большую часть этой страны и прочно там обосновалась. В дальнейшем под предлогом защиты своих индийских владений она стала стремиться к захвату соседних стран — Афганистана, Ирана, западных провинций Китая, а также среднеазиатских ханств — Бухары, Хивы и Коканда.

На эти слаборазвитые страны английская буржуазия смотрела не только как на объект выгодной эксплуатации, но и как на удобный плацдарм для действий против России — наиболее серьезного и опасного в то время соперника Британской империи на Востоке. Искусственно раздувая шумиху вокруг «нависшей угрозы» со стороны России, английская дипломатия старалась морально и политически подготовить почву для оправдания оче-

редных имперских захватов. Начиная с 20-х годов XIX в., агенты Ост-Индской компании под видом путешественников и торговцев, а позже и более открыто, стали посещать земли среднеазиатских ханств. Вскоре Англия приступила к прямому захвату соседних с Индией государств, напав в 1838—1839 гг. на Афганистан, покорение которого давало ей возможность укрепиться на подступах к Средней Азии. Уже в начале военных действий в Афганистане в пределах среднеазиатских ханств стали появляться отдельные отряды английских войск. Но Англии не удалось тогда обосноваться в Афганистане. Зимой 1841—1842 гг. английские войска, встретив упорное и мужественное сопротивление свободолюбивого афганского народа, вынуждены были оставить афганскую территорию, что временно устранило нависавшую над Средней Азией угрозу прямого нападения со стороны Британской империи. Однако действенным средством осуществления колониальной политики Англии оставалась торговля.

Проникновение английской агентуры и капитала в Среднюю Азию принимало иной раз настолько угрожающие, грубые формы, что уже в 1841 г. к западно-сибирскому губернатору явился посланник Кокандского ханства, заявивший о желании его правительства искать покровительства России. В этих условиях многие деятели внешней политики России и представители высших военных кругов решительно настаивали на активных действиях в Средней Азии.

Таковы в общем были основные причины, побуждавшие русское правительство держать курс на присоединение Средней Азии к России, в результате осуществления которого пределы Российского государства постепено расширились до хребтов Тянь-Шаня и Памиро-Алая[10]. Как видим, указанный курс складывался исторически и обусловливался как прогрессивными последствиями развивающегося капитализма, необходимостью обороны от агрессии Британской империи, так и своекорыстной политикой царизма и правящих классов тогдашней России. Это был сложный процесс, который приводил к тому, что добровольное вхождение Киргизии в состав России сочеталось с навязыванием кабальных договоров, отвечающих интересам царизма, русских помещиков и буржуазии, а закономерности развития капитализма осуществлялись путем превращения Киргизии в зависимую от метрополии окраину.

В то же время создавались объективные благоприятные условия для усиления политических, хозяйственных и культурных связей Киргизии с Россией как со страной, способной в силу своего возраставшего могущества и влияния содействовать защите и обеспечению жизненных интересов киргизского народа, жестоко страдавшего от произвола и насилий кокандских правителей. В силу этого добровольное вхождение в состав России становилось важным фактором развития экономической, социальной и духовной жизни киргизского народа.

Политическая обстановка в Киргизии перед вхождением ее в состав России

Именно этими объективными обстоятельствами объясняется прежде всего добровольный характер вхождения Киргизии в состав Российского государства. Вместе с тем существовал и другой ряд причин, обусловивших то, что свободолюбивый и мужественный киргизский народ в подавляющей своей массе выразил желание принять российское подданство. Эти причины были связаны с политическим положением Киргизии, сложившимся к 50—60-м годам прошлого века.

В первой половине и середине XIX в. киргизы находились в составе Кокандского ханства, государственное устройство которого носило яркий отпечаток порядков феодальной раздробленности. Господство над Киргизией представляло для ханства большие выгоды с точки зрения пополнения его материальных ресурсов как посредством многочисленных налогов, так и путем массового грабежа кочевников во время походов. Определенное значение имело также стремление обеспечить безопасность торговых путей в Кашгар и другие города Западного Китая. Походы кокандских военачальников, преследовавшие цель укрепить кокандское господство, сопровождались беспощадным разгромом киргизских аилов, разграблением имущества и скота, массовыми убийствами населения и захватом пленных.

Для упрочения своей власти кокандские ханы широко использовали межродовые распри киргизов, натравливая киргизских феодалов друг на друга и попеременно поддерживая то одну, то другую феодально-родовую группировку. Постоянно разжигаемые кокандцами феодальные междоусобицы ослабляли киргизов в политическом и военном отношениях.

Важным средством поддержания власти Коканда являлось и прямое насилие. В зинданах — тюрьмах-колодцах, построенных в кокандских крепостях на территории Киргизии, томилось немало мужественных представителей киргизского народа, осмеливших-ся протестовать против произвола правителей и тяжелого ханского ига. Обычными были жестокие казни и взятие аманатов-заложников из знатных фамилий.

Исключительно тяжелой для киргизского народа была налоговая политика кокандских ханов. Сбор налогов, особенно наиболее обременительного из них — зякета, почти всегда сопровождался массовыми вымогательствами и насилиями чиновников-зякетчи, стремившихся к личному обогащению. Желая обеспечить политическое господство над киргизским народом, кокандские ханы привлекали к себе на службу феодально-родовую верхушку киргизов. Эта знать играла заметную роль в делах ханства, иногда участвовала и в дворцовых переворотах, но ее не интересовали нужды киргизского народа.

Кокандское владычество явилось временем тяжких испытаний для киргизских трудящихся. Эксплуатация, которой они подвергались со стороны «своей» феодально-родовой верхушки, усугуб-

лялась тяжелым игом кокандских завоевателей. Не удивительно, что народные массы нередко поднимались против ханского гнета с оружием в руках. Особенно значительными были выступления 1842—1843, 1857—1858, 1873—1874 гг., наглядно продемонстрировавшие всеобщее стремление киргизского народа сбросить ненавистное кокандское иго.

Кокандская колонизация не принесла киргизскому народу прогресса ни в экономическом, ни в политическом отношении. У киргизов, по-прежнему, не было никаких писаных законов, все основывалось на традиционном обычном праве *(адат, нарх)*, которое толковалось феодально-родовой знатью в своих интересах.

Кокандское правление не смогло обеспечить ни внутренней, ни внешней безопасности Киргизии: оно не прекратило ни разорительных феодально-родовых междоусобиц между киргизскими племенами, ни постоянных военных столкновений киргизов с соседними народами. Эти распри, сопровождавшиеся грабежом населения и захватом скота, наносили огромный ущерб хозяйству, сильно сдерживали развитие оседлой земледельческой культуры. Вся политика кокандских ханов и их феодальной администрации обрекала киргизское общество на застой, приводила к консервации отсталых патриархально-феодальных отношений и примитивных форм хозяйства.

Столь же негативными были последствия кокандского владычества и в области культуры и народного просвещения. Киргизский народ оставался сплошь неграмотным, литературы на родном языке вообще не существовало. Не случайно поэтому киргизы стали проявлять желание принять российское подданство, рассматривая его как путь к избавлению от тяжелого положения, питая надежду на лучшую жизнь.

Такова была историческая обстановка, в которой постепенно складывались объективные и субъективные предпосылки обращения киргизского народа к России, как к стране, способной обеспечить возможность мирного развития хозяйства и культуры Киргизстана. Разумеется, при этом сталкивались и переплетались разнородные классовые интересы, проявлялись различные тенденции, имели место события противоречивого характера. Однако, учитывая исторические условия и конкретные особенности развития киргизского народа в XVIII—XIX вв., следует признать, что решающее значение в определении его позиции по отношению к России имели отмеченные выше факторы, обусловившие закономерность, необходимость и целесообразность добровольного вхождения Киргизии в состав России.

До 40-х годов XIX в. власть кокандских ханов над киргизами была более или менее прочной. С 1842 г., когда в столице ханства произошел дворцовый переворот и разгорелась ожесточенная борьба различных групп феодалов, выступления киргизов против господства Коканда заметно усилились. В отдельных местах Киргизии имели место попытки уничтожить кокандские военные укрепления. Особенно приметным было выступление иссык-кульских киргизов, разрушивших несколько кокандских крепостей и изгнавших оттуда ханские отряды и сборщиков зякета. Одновременно прииссыккульские киргизы стремились перейти в российское подданство, чтобы таким путем избавиться от кокандского ига и угрозы со стороны Китая. Другой важной причиной настойчивых обращений к русским властям явилась вспышка в это время внутренних родоплеменных междоусобиц и феодальных войн между казахскими султанами и киргизскими манапами.

Киргизы и казахи, два братских народа, имели очень много общего в быте и культуре, в экономике и в общественном строе. Трудящиеся массы киргизского и казахского народов были близки и дружны между собою, однако феодально-родовая верхушка обоих народов нередко разжигала грабительские феодальные войны, в которые трудящиеся зачастую втягивались насильственно. Во второй половине 40-х годов такую войну против киргизского народа развязал казахский султан Кенесары из Среднего жуза, пытавшийся восстановить ханскую власть в Казахстане. Вытесненный царскими войсками из Центрального Казахстана, он хотел подчинить своей власти казахов Старшего жуза и киргизов северных районов Киргизстана, с тем чтобы продолжить борьбу против России и Кокандского ханства. Однако к этому времени от него отошли не только народные массы казахов, но и многие казахские феодалы. К 1846 г. султаны и бии казахов Старшего жуза решили окончательно принять российское подданство и принесли присягу на верность России.

Тем не менее Кенесары продолжал борьбу. Используя вражду казахских старшин и киргизских манапов, он сумел установить свою власть над частью казахов Старшего жуза и начал грабительскую завоевательную войну против киргизского народа. Эта война велась варварскими методами, с необычайной жестокостью по отношению к киргизам, оказавшим упорное сопротивление завоевателям. К 1847 г. положение киргизов несколько укрепилось в результате установления более тесных связей с русской администрацией Западной Сибири, которая призывала их к решительным действиям, обещая в случае необходимости вооруженную помощь. Это вселило в киргизов уверенность в победе и усилило их отпор Кенесары, вторгшемуся весной 1847 г. в пределы Киргизии. Он столкнулся с подлинной национально-освободительной борьбой киргизского народа. В сражении при Майтобе Кенесары был разбит, захвачен в плен, где и погиб насильственной смертью.

В отражении этой агрессии киргизы не получили никакой помощи от кокандских властей, что в значительной степени способствовало падению их влияния, ослаблению власти Коканда над Киргизией и усилению независимости отдельных племен. Киргизы все чаще стали обращаться к правительству России с просьбой об оказании военной поддержки против кокандского

хана. Существенную роль здесь сыграло и добровольное принятие в 1845—1847 гг. российского подданства значительной частью казахов Старшего жуза. Историческая тенденция поиска киргизами союза и покровительства со стороны могущественной передовой державы приняла конкретные формы сближения с Россией[11].

В 1848 г. к генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой о покровительстве России обратились киргизы, населявшие Чуйскую долину. Один из их представителей, влиятельный манап Джантай, в своем письме просил разрешения отправить в Россию своего сына и прямо указывал: «Как я, так и Ормон-батыр убедились в том, что правление России гораздо легче для нас, чем кипчакское (кокандское.— *Ред.)*, и потому сделались мы врагами кокандцев». В том же году с подобным прошением к западносибирскому генерал-губернатору обратилась и часть иссык-кульских киргизов. Они писали, что «...существует между ними вражда и междоусобные войны. Если бы здесь был учрежден диван (округ), то этого не было бы, и все они находились бы в тишине и спокойствии»[12].

Начиная с этого времени, политические и экономические связи киргизов с Российским государством значительно расширились, и царская администрация широко использовала возраставшее влияние России, чтобы добиться усиления недовольства киргизов Кокандским ханством. Однако русское правительство не торопилось удовлетворить просьбы киргизов о принятии в российское подданство. Опасаясь осложнения международных отношений из-за активизации действий на восточных границах, оно занимало выжидательную позицию, отклоняя под разными предлогами прошения о покровительстве.

Между тем к концу 40-х годов положение Кокандского ханства, распутанное событиями предшествующих лет, улучшилось, и ему удалось вновь достигнуть известного усиления ханской власти над северной частью Киргизии. В 1849 г. кокандское правительство сумело даже создать в Заилийском крае, среди кочевий казахов Старшего жуза, свой опорный пункт. Это было укрепление Таучубек, построенное на реке Ак-Сай, левом притоке Или, с помощью некоторых казахских феодалов. Существование на левобережье Или кокандской крепости грозило ослабить влияние России среди казахов Старшего жуза и киргизов. Поэтому власти Западной Сибири предприняли военную экспедицию, чтобы взять и разрушить этот кокандский форпост.

19 апреля 1850 г. небольшой отряд царских войск совершил нападение на Таучубек. Киргизы Чуйской долины расценили это как обещанную им помощь и выступили против кокандского укрепления Пишпек в то время, когда ханский наместник послал несколько сот воинов на помощь гарнизону Таучубека. Кокандский отряд вынужден был вернуться. Однако русскому отряду овладеть Таучубеком тогда не удалось, и экспедицию пришлось повторить в 1851 г. Против кокандского гарнизона выступили

батальон пехоты и пять сотен казаков при поддержке двух дивизионов артиллерии. На этот раз кокандские военачальники, оценив соотношение сил, предпочли оставить укрепление без боя. Оно было разрушено. Это заметно упрочило влияние России в Заилийском крае и среди киргизов Чуйской долины. Их отношения с Кокандом в начале 50-х годов настолько обострились, что подчас принимали форму вооруженных столкновений.

23 марта 1852 г. часть киргизов, подвластная манапу Ормону Ниязбекову, обратилась с письмом к правительству России, в котором просила покровительства и позволения занимать земли по левую сторону реки Или. Авторы письма сообщали также, что имеют «сношения с черными киргизами, кочующими по урочищам: Джумгал, Кочкор, Нарын и Кетмень-Тюбе — эти киргизы тоже хотят перекочевать сюда»[13]. Причины откочевки киргизов в Заилийский край были связаны в известной мере с угрозой расправы со стороны кокандских властей. Но определяющее значение имело стремление народных масс полностью избавиться от тяжелого ханского гнета, приняв подданство России.

Правительство России решило признать право киргизов заселять земли между реками Чу и Или и поддерживать с ними дружественные отношения, но вновь временно воздержалось от предоставления им российского подданства. Одновременно принимались меры к усилению позиций России в Заилийском крае, где создавались новые укрепленные пункты. В 1853 г. отряды царских войск расположились на зимовку на реке Талгар. Это поставило на практическую почву вопрос о принятии в подданство России упоминавшейся выше части северных киргизов.

2. Добровольное вхождение Киргизии в состав России

Принятие населением Иссык-Кульской котловины российского подданства

Киргизские феодалы, обращаясь к русским властям с просьбами об оказании покровительства, преследовали собственные классовые интересы. Они рассчитывали с помощью царского правительства избавиться от господства кокандских ханов, упрочить свою власть над народными массами, оградить себя от посягательств со стороны правителей соседних феодальных государств. Вместе с тем стремление феодально-родовой знати принять российское подданство объективно совпадало с интересами киргизского народа, видевшего во вхождении в состав России путь к избавлению от ненавистного кокандского ига и прекращению разорительных междоусобных войн.

Однако политика некоторых представителей феодальной верхушки не отличалась последовательностью. Они нередко лавировали, меняли под влиянием своекорыстных интересов политическую ориентацию, не прочь были расширить свои владения за счет более слабых соседей. Это характерно, в частности, для дей-

ствий крупного манапа Ормона Ниязбекова и его сына Уметалы. Весной 1853 г. они увели подвластные им аилы из Заилийского края в районы прежних кочевий. Преследуя свои эгоистические цели, они и в дальнейшем вели двусмысленную политику, то обращаясь за покровительством к России, то выступая на стороне Коканда. Определенной была позиция иссык-кульских киргизов, наиболее отдаленных от центра Кокандского ханства. В сентябре 1853 г. через посредство пристава Большой орды манапы этих киргизов обратились к западносибирскому генерал-губернатору с письмом, в котором выражали желание вступить с подвластным им населением в подданство России. Они писали, что находятся «...в беспрестанном от окружающих народов страхе, день и ночь опасаются с какой-либо стороны нападения»[14]. Несомненное влияние на их действия оказала кровопролитная междоусобная война, развязанная по инициативе Ормона Ниязбекова против манапа иссык-кульских киргизов Боромбая.

Большую роль в обострении отношений между Ормоном и Боромбаем сыграли и власти Кокандского ханства, которые разжигали эти распри, ослаблявшие киргизов, всячески побуждали Ормона к открытым военным действиям. Вскоре Ормон захватил кочевья иссыккульцев на южном побережье озера и большую часть расположенных здесь пашен. Иссык-кульские киргизы, удержавшие за собой только восточный берег Иссык-Куля и северовосточную часть Кунгея, и здесь постоянно подвергались нападениям Ормона. Воспользовавшись трудным положением иссыккульцев, предприняли набеги на их земли также правители соседних казахских племен албан и субан. В такой обстановке киргизы, кочевавшие в Иссык-Кульской котловине, и направили генерал-губернатору Западной Сибири вышеуказанное прошение о приеме их в российское подданство.

Однако власти Западной Сибири предпочитали придерживаться выжидательной позиции. В записке на имя управляющего Министерством иностранных дел от 31 декабря 1853 г. западносибирский генерал-губернатор писал: «Сколько ни полезно принятие сих ордынцев в подданство России по видам обеспечения пролегающего через их кочевья торгового пути из Семиреченского края в Каштарию, тем не менее, в настоящее время не усматриваю никакой возможности воспользоваться их просьбою; почему, не связывая себя положительным ответом, и написал им только, что вполне похваляя их преданность его императорскому величеству и верноподданические чувства, довожу о том до высочайшего его величества сведения, а затем я советовал им жить мирно и в согласии с нашими киргизами (казахами) Большой Орды, обращаться по делам с ними к нашему приставу, покровительствовать проходящим через кочевья их торговцам и тому подобное»[15].

В Министерстве иностранных дел расценили ситуацию иначе; вопрос был передан на личное усмотрение императора и получил положительное решение. В отношении от 12 января 1854 г. генерал-губернатору Западной Сибири было предписано принять иссык-кульских киргизов в подданство России с соблюдением соответствующей присяги. На основании этого западносибирский генерал-губернатор предложил иссык-кульским киргизам прислать в Омск депутацию для принесения присяги от имени своих доверителей.

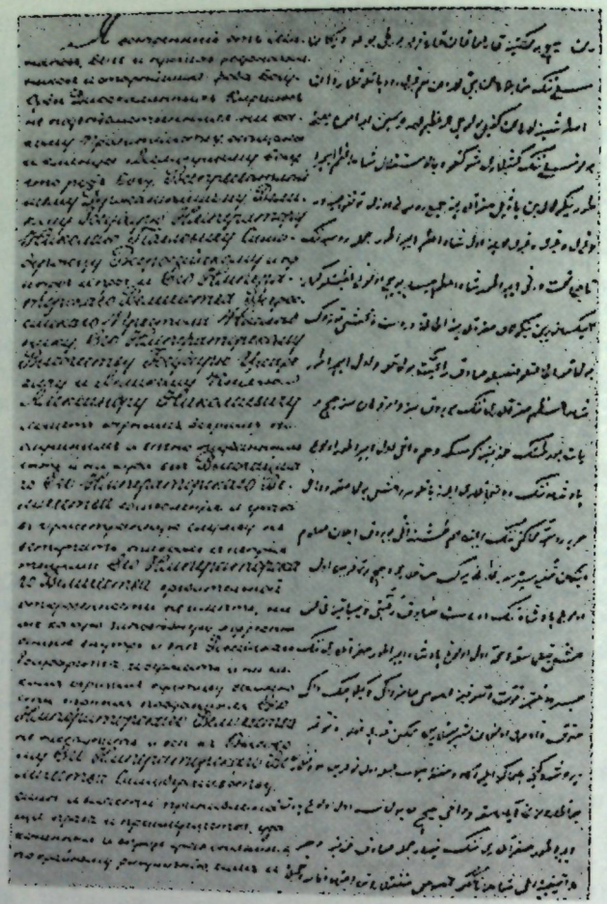
Представители иссык-кульских киргизов прибыли в Омск 26 сентября 1854 г. Они имели при себе грамоту, утверждавшую полномочия главы делегации манапа Качибека Ширалина, в подтверждение чего к грамоте были приложены печати и тамги двенадцати иссык-кульских манапов. Перед принятием присяги на подданство между делегатами и генерал-губернатором Западной Сибири было достигнуто соглашение об обязательствах правительства России по отношению к киргизам и киргизов —по отношению к России.

17 января 1855 г. киргизские посланцы принесли присягу от имени основной массы приссыккульских киргизов общей численностью около 10 тыс. юрт. Текст присяжного листа, подписанный Качибеком Ширалиным, гласил: «Я, доверенный от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода богу дикокаменных киргизов, неподведомственных никакому правительству, обещаюсь и клянусь... верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никуда без высочайшего его императорского величества соизволения и указа в чужестранную службу не вступать»[16].

С принятием российского подданства положение иссыккульцев изменилось, особенно после того, как на реке Малая Алматинка было построено укрепление Верный, что привело к упрочению власти России в Заилийском крае. Отныне подвластные России земли стали непосредственно граничить с киргизскими кочевьями. Это существенно облегчило отношения киргизов с Россией и открыло возможность оказания иссык-кульским киргизам, принявшим ее подданство, политической и военной помощи. В конце 1856 г. Верный стал центром вновь образованного Алатавского округа, куда в административном отношении вошли и земли приссыккульских киргизов.

Между тем правители Кокандского ханства не желали смириться с таким положением дел. Им удалось, использовав в своих интересах междоусобную вражду между Ормоном и Боромбаем,— побудить Ормона к новому нападению на иссыккульцев. Однако предпринятый им летом 1855 г. поход оказался неудачным: отряды Ормона были окружены иссыккульцами и разбиты, а сам он погиб в сражении.

Сторонники Ормона потребовали за его гибель *кун* в размере тысячи лошадей или ста девушек на лошадях во главе с дочерьми Боромбая, а когда иссыккульцы отвергли это требование, при поддержке кокандских властей и в соответствии с нормами кровной мести развернули ожесточенную войну против них. Иссык-

Присяга на подданство России иссык-кульских киргизов, 17 янв. 1855 г. (фрагмент)

кульцы вынуждены были бежать со своими аилами на Текес и Каркару, а сторонники Ормона заняли их земли.

В таких условиях Боромбай настойчиво просил русские власти выслать военный отряд на Иссык-Куль и построить здесь укрепление с постоянным гарнизоном, чтобы надежно обеспечить безопасность иссыккульцев от нападений сторонников Ормона, кандцев, казахских феодалов. Он писал: «...Мы покорнейше просим поставить курган на наше озеро, на солнечную сторону гор, без чего нельзя. В третьем году, в первой нашей просьбе, мы писали об этом. Теперь мы, склонив свои шеи, сделались подданными великого государя»[17].

В ответ на это послание русские военные власти 9 сентября 1855 г. отправили на Иссык-Куль казачий отряд. Вместе с ним в качестве представителя русских властей для постоянного пребывания среди иссыккульцев был послан татарский торговец Файзулла Ногаев, которому поручалось извещать эти власти о всех событиях, происходящих у киргизов, а также попытаться установить мирные отношения между киргизскими племенами. Это временно сдержало нападения сторонников Ормона, но после ухода отряда их разорительные набеги возобновились. В Иссык-Кульской котловине вновь появились кокандские сборщики зякета. Только с основанием в 1859 г. Кастекского укрепления, гарнизон которого находился в непосредственной близости от кочевий племени сарыбагышей, их манапы прекратили свои нападения на Иссык-Кульскую котловину. Однако иссыккульцев начали притеснять китайские власти, не оставляли их в покое и кокандские налогосборщики.

В 1863 г. по просьбе иссык-кульских киргизов к ним был послан постоянный отряд царских войск, что резко изменило ситуацию: кокандские сборщики не рисковали более приезжать за зякетом, а китайские власти вынуждены были отказаться от своих претензий к местному населению. Власть России в этом районе была закреплена. При этом ее организация на первых порах отличалась известным своеобразием: около 10 лет после принятия подданства России иссык-кульские киргизы не платили никаких податей царскому правительству.

Ликвидация кокандских крепостей — важное условие вхождения киргизов в состав России

Весной и летом 1857 г. позиции Кокандского ханства пошатнулись на всей территории Киргизии. Антикокандские волнения среди киргизов Чуйской долины и казахов, кочевавших в окрестностях Аулие-Аты и Чимкента, вылились в восстание, носившее национально-освободительный характер. Непосредственным толчком к восстанию явился произвол кокандского бека Мирзы-Ахмета, который беспощадно взыскивал зякет. «По своей жестокости и алчности,— писал один из исследователей истории Кокандского ханства,— Мирза-Ахмет оказался слугою, вполне достойным своего господина (кокандского хана. — *Ред.)*. Так, например, собирая с киргизов недоимки, он продавал их малолетних детей в рабство сартам. Киргизы сначала взвыли, а затем в 1857 году восстали»[18].

Хотя кокандским властям удалось подавить это восстание, однако внутреннее положение ханства оставалось трудным. В конце 1857 г. начались волнения кипчаков и киргизов Ферганской долины. В этих условиях среди чуйских киргизов стало заметно усиливаться стремление перейти, по примеру иссыккульцев, под покровительство Российского государства. Западносибирский генерал-губернатор в отношении на имя генерал-губернатора Оренбургского края от 28 сентября 1857 г. упоминал, что «...еще одно многочисленное колено рода сарыбагыш просило о поступлении в подданство его величества государя императора»[19].

То было время, когда царское правительство после поражения в Крымской войне стало проводить в Казахстане и Средней Азии

все более активную политику, рассматривая ее в известной мере как реванш за неудачный для него исход Крымской войны 1853—1856 гг. и стремясь не допустить утверждения влияния Англии в Средней Азии. Активизации внешней политики России в этом регионе способствовала и возраставшая неустойчивость положения Кокандского ханства.

Весной 1858 г. отдельные отряды кокандцев стали переходить на правый берег реки Чу и совершать нападения на казахские аулы. Действия отдельных манапов, выступивших в это время на стороне Коканда, носили вынужденный характер и происходили под давлением кокандских военачальников, о чем хорошо знали русские военные власти. Так, один из русских офицеров в донесении от 21 мая 1858 г. указывал, что манап «...Джангарач, в знак покорности и мира, прислал мне пулю со своей печатью, что он сделал тайно от ташкентцев (кокандцев.— *Ред.*), ибо они строго за ним присматривают»[20].

В связи с осложнением внутреннего положения Коканда киргизы уже открыто стремились к усилению контактов с подвластными России казахами Старшего жуза и русскими властями в этом районе. Так, киргизы Чуйской долины обратились с письмом к начальнику Алатавского округа, в котором выразили желание жить в мире и дружбе с подданными России.

Напряженное положение в Кокандском ханстве повлияло и на кокандских наместников в Чуйской долине. Не имея достаточных военных сил, они были заинтересованы теперь в том, чтобы всячески избегать военных столкновений с Заилийским отрядом царских войск.

В 1859 г. на границе казахов Старшего жуза и Киргизии было основано, как уже отмечалось, укрепление Кастек, которое должно было обеспечить продвижение царских войск в глубь Кокандского ханства — через Чуйскую долину к Аулие-Ате, Чимкенту и Ташкенту,— чтобы завершить соединение Сибирской и Сырдарьинской линий и еще более укрепить позиции России в Средней Азии и Казахстане. К этому времени со стороны Сырдарьинской линии уже были заняты некоторые районы Кокандского ханства и создан ряд укрепленных пунктов. Особенно важное значение имело взятие отрядом царских войск еще в 1853 г. крепости Ак-Мечеть.

В сложившейся обстановке произошло дальнейшее обострение отношений Кокандского ханства с Россией. В кокандских крепостях Пишпек и Токмак, находившихся в Чуйской долине, сосредоточивались значительные отряды кокандских войск. Стали учащаться пограничные столкновения между Россией и Кокандом.

Киргизы, населявшие Чуйскую долину, оказались между двумя противоборствующими сторонами, что чрезвычайно осложняло их положение. Кокандские власти упорно стремились склонить киргизскую феодальную верхушку к антирусской политической ориентации. Однако авторитет России среди киргизов становился с каждым днем все прочнее. Вместе с тем для ликвидации влияния Кокандского ханства на чуйских киргизов царским войскам необходимо было овладеть кокандскими крепостями Пишпек и Токмак. В 1859 г. генерал-губернатор Западной Сибири запросил у царя разрешения на занятие Пишпека. 24 декабря 1859 г. особое правительственное совещание дало санкцию на эти действия, но ее практическая реализация была отложена на год.

В конце августа 1860 г. отряд царских войск, состоявший из пехоты и конницы численностью в 1750 человек при 15 орудиях, перешел р. Чу и двинулся на Токмак. С его приближением гарнизон Токмакской крепости стал разбегаться, и в ней осталось только 70 человек. На требование сдачи комендант Токмака ответил, что он не будет сопротивляться, но сдать укрепление не может, и попросил два дня отсрочки. Через час после этого ответа по крепости был открыт артиллерийский огонь. 28 августа Токмак пал, а его глиняные стены разрушены.

29 августа царские войска выступили из Токмака по направлению к Пишпеку, а 30 августа их авангард достиг реки Аламедин у восточной стены крепости. Это укрепление было намного больше Токмака, располагало сильными оборонительными сооружениями, а его гарнизон достигал до 500 человек. Тем не менее 4 сентября 1860 г., после пятидневной осады, Пишпек был взят и разрушен.

Падение Пишпека произвело большое впечатление на прочуйских киргизов, поскольку эта крепость являлась наиболее мощным в военном отношении оплотом Кокандского ханства в Киргизии. Однако вскоре после возвращения русского отряда в Верный положение в Чуйской долине стало изменяться. Отход царских войск из Чуйской долины к Кастеку, прибытие значительных кокандских подкреплений в Аулие-Ату и их энергичная деятельность по подготовке новой экспедиции в Заилийский край делали позицию России в Чуйской долине неустойчивой. Кокандцы, стянув крупные военные силы до 10—15 тыс. человек, вновь заняли и восстановили крепости Токмак и Пишпек.

В начале октября 1860 г. в Верный стали поступать тревожные известия о появлении в Чуйской долине большого количества кокандских войск. Это заставило начальника Алатавского округа спешно начать подготовку к отражению наступления кокандцев.

18 октября 1860 г. царские войска прибыли в Кастек, а 20 октября начались военные действия на пикете Узун-Агач. В тот день кокандская конница предприняла атаку на пикет, но была отбита картечным огнем русской артиллерии. Основное сражение между кокандскими и царскими войсками произошло в долине реки Кара-Кастек близ Узун-Агача. Значительные силы кокандской пехоты и кавалерии атаковали продвигавшие-

ся по долине русские части, но встреченные ураганным артиллерийским огнем, несли большие потери и вынуждены были отступить. 21 октября, не добившись никакого успеха, кокандские военачальники на военном совете решили считать поход оконченным и отвести войска назад за р. Чу. Это сражение имело большое значение для окончательного закрепления позиций России среди причуйских казахов и упрочения ее влияния в Киргизии.

В 1862 г. часть киргизов, занимавших восточную половину Чуйской долины, обратилась к начальнику Алатавского округа с просьбой о принятии в подданство России. Эта просьба была поддержана генерал-губернатором Западной Сибири, доносившим военному министру, что «старшины окрестных родов киргизских Дикокаменной и Большой орд», явившись в русский лагерь под Мерке и действуя «в уверенности, что мы пришли занять Чуйские земли навсегда..., выразили полную подчиненность России...»[21]

Принятие российского подданства восточной частью чуйских киргизов не было исключительным явлением. В том же году против кокандского господства восстали киргизы, населявшие среднюю полосу Чуйской долины. Повстанцы убили ханского наместника и окружили кокандскую крепость Пишпек, а их руководители обратились за помощью к русским военным властям, подав одновременно прошение принять их в российское подданство. Это ускорило уже предрешенное русским командованием новое наступление на Пишпек, приобретавшее теперь важный политический смысл: отказ от помощи повстанцам мог произвести на чуйских киргизов невыгодное для России впечатление.

3 октября 1862 г. царские войска выступили из Верного в направлении Пишпека и 24 октября после недолгой осады овладели им. Вторичное занятие Пишпека имело большое значение. Оно открывало возможность беспрепятственного движения царских войск на Аулие-Ату и явилось шагом на пути к соединению Сибирской и Сыр-Дарьинской линий. Вместе с тем взятие Пишпека—опорного пункта кокандских властей на севере Киргизии — отвечало интересам чуйских киргизов.

Правда, отдельные киргизские манапы Чуйской и Таласской долин, а также Тянь-Шаня продолжали поддерживать Кокандское ханство. При господстве в Киргизии патриархально-феодального строя им порой удавалось увлечь за собой и своих сородичей. Однако подавляющее большинство киргизского народа все решительнее высказывалось в пользу принятия российского подданства. Показательно, что от позиции дружественного нейтралитета по отношению к военным силам России киргизы перешли к активной поддержке их действий. Осенью 1862 г., когда царские войска начали операции против кокандских гарнизонов в Чуйской долине и осадили Пишпек, на их стороне выступили отряды, состоявшие из местного киргизского населения.

К концу 1862 г. кокандское господство над киргизским населением Чуйской долины фактически было уже почти уничтожено. Главным опорным пунктом ханства оставалась здесь лишь Аулие-Ата, но эта крепость не могла обеспечить власть Коканда над киргизами, ибо внутреннее положение ханства не позволяло направлять в Киргизию сколько-нибудь значительные подкрепления.

Весной 1863 г. начальником Алатавского округа была произведена рекогносцировка Чуйской долины до крепости Аулие-Ата и Центрального Тянь-Шаня, имевшая важное значение. 3 мая русский разведывательный отряд выступил из Кастека, прошел по ущелью Боом к озеру Иссык-Куль, а оттуда через Кызартский перевал проник в долину Джумгала, где находилась кокандская крепость. Ее гарнизон был очень малочислен — менее 50 человек, и крепость была взята без боя и разрушена. Продолжая движение, русский отряд через Сон-Куль направился к главной кокандской крепости на Тянь-Шане—Куртке. Хотя эта крепость была довольно значительной и имела относительно сильный гарнизон, тем не менее кокандцы и здесь отказались от обороны и предпочли заранее отступить. Куртка также была занята без боя. При разрушении крепости русскому отряду оказывали помощь киргизы.

Падение Куртки произвело сильное впечатление на тянь-шаньских киргизов, умалив в их глазах престиж Коканда. Киргизское население, кочевья которого были расположены в окрестностях разрушенных крепостей, считало себя избавленным от ненавистной власти кокандского хана и тяжелых ханских поборов. Таким образом, экспедиция царских войск на Тянь-Шань содействовала усилению здесь влияния России.

В апреле 1863 г. представители киргизов Центрального Тянь-Шаня прибыли в Верный и заявили, что они уполномочены от имени своих доверителей (около 6 тыс. юрт) принести присягу на подданство Российской империи. В их прошении начальнику Алатавского округа говорилось: «...Терпя разные насилия и притеснения от соседей наших всех четырех сторон, мы решились идти в подданство одного Великого народа ...мы по общему совету и согласию добровольно решились быть (разрядка наша. — *Ред.)* подданными великого падишаха, подобно бугинцам...»[22] В другом прошении, поданном в это же время, старшины черików заявляли: «...Мы все от малого до старика подаем эту просьбу и покорнейше просим препроводить ее к белому царю с ходатайством принять нас на подданство, а мы, со своей стороны, готовы собственноручно и добровольно поднять коран и присягнуть на верность с обещанием до последней ложки крови служить царю»[23]. Начальник Алатавского округа сделал соответствующее представление генерал-губернатору Западной Сибири.

Находя нужным удовлетворить желание тянь-шаньских кир-

гизов, генерал-губернатор Западной Сибири в письме на имя вице-канцлера и военного министра подчеркивал, что «принятие рода черик в подданство России, по мнению моему, будет для нас выгодно в том отношении, что через распространение на них нашего влияния можно ожидать самых благоприятных последствий как для спокойствия подвластных России киргизов Дикокаменной Орды рода бугу, так и в видах обеспечения торговых путей в Кашгарию; с переводом черików в подданство России должно ожидать, что и другие роды Дикокаменных киргизов, а в особенности сарыбагыш, кочующие в верховьях Кебина и на западной стороне Иссык-Куля, также последуют их примеру и тогда окончательно распространится решительное влияние России над сими племенами до самых пределов Кашгарии. Но, с другой стороны, принятие рода черик в подданство России налагает на нас некоторого рода обязательство оказывать им вооруженную защиту и покровительство от притеснений как соседних племен, так и самих кокандцев»[24].

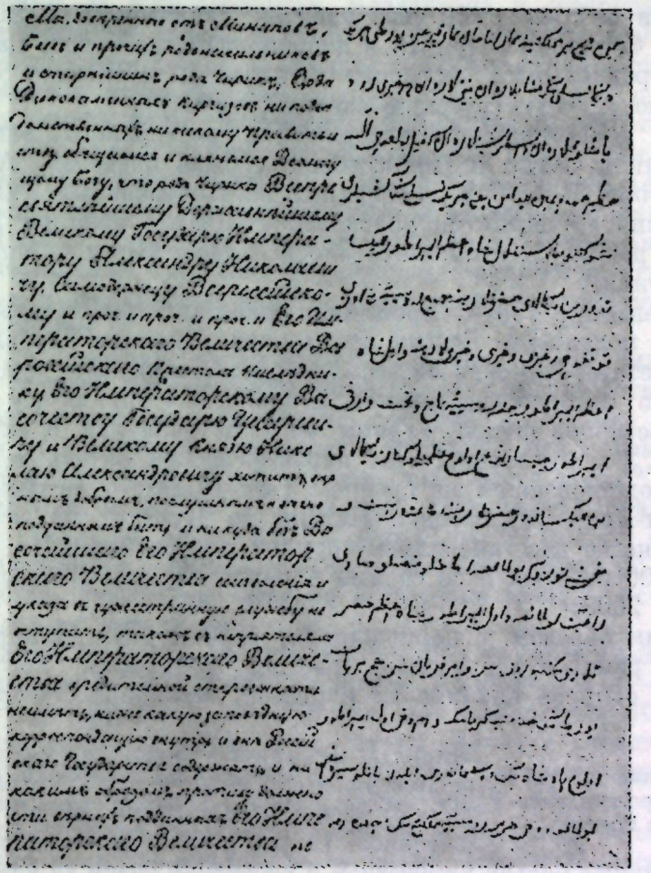
Вопрос о принятии черików в подданство России, которому царское правительство придавало важное значение, быстро получил положительное решение. 21 мая 1863 г. министр иностранных дел России телеграфировал об этом генерал-губернатору Западной Сибири.

Вскоре депутация киргизов племени черик прибыла в Омск. 13 октября 1863 г. она в торжественной обстановке была допущена к присяге от имени всего племени. Текст присяжного листа гласил: «Мы, доверенные от манапов, биев и прочих родопачальников и старшин рода черик..., не подведомственных никакому правительству, обещаем и кляпемся, что род черик... хочет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никуда без высочайшего е. и. в. соизволения и указа в чужестранную службу не вступать»[25].

Примеру черików вскоре последовали все киргизы Центрального Тянь-Шаня, которые искали подданства России, чтобы освободиться от кокандского гнета и обезопасить себя от возможной мести со стороны кокандских властей.

Все эти события способствовали распространению влияния России почти на всю территорию Киргизии. Для того чтобы закрепить достигнутые результаты, необходимо было дать не только словесные обещания защищать киргизское население от притеснений кокандских и иных феодальных правителей, но и реально обеспечивать его безопасность. Это требовало возведения в наиболее важных районах среди кочевьев киргизов укреплений с постоянным пребыванием там военных отрядов.

В 1863 г. на берега озера Иссык-Куль впервые был отправлен на зимовку отряд царских войск, что положило начало не только юридическому, но и фактическому установлению власти России в северных районах Киргизии. В том же году войска Сыр-Дарьинской линии заняли кокандские укрепления Сузак

Присяга на подданство России тянь-шаньских киргизов, 13 окт. 1863 г. (фрагмент)

и Чулак-Курган. Таким образом, в начале 60-х годов Кокандское ханство в основном утратило свое былое господство в северных районах Киргизии и в районе Сыр-Дарьи.

Тем временем в правительственных кругах России было окончательно решено соединить Сыр-Дарьинскую и Сибирскую линии. Это произошло после того, как в 1864 г. царские войска заняли города Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Позиции России в Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине упрочились окончательно.

В том же году российское подданство приняли киргизы, населявшие Чаткальскую, Сусамырскую и Кетмень-Тюбинскую долины. По примеру чуйских и иссык-кульских киргизов они обратились к русским властям с соответствующими прошениями. В одном из них, написанном манапами кетмень-тюбинских

киргизов от имени «10 тыс. кибиток саяковского рода», выражалось «желание вступить в верноподданство белого царя вместе с управляемым... народом» и давалось обещание «служить государю и вам» (русским властям. —*Ред.*)[26].

Для окончательного утверждения российского влияния в Киргизии в 1864 г. в Прииссыккулье было построено Аксуйское укрепление. В 1867 г. экспедиция на Центральный Тянь-Шань, предпринятая царскими войсками, утвердила позиции России и в этом районе, что обеспечивалось строительством Нарынского укрепления.

В сентябре 1867 г. произошли события, окончательно упрочившие положение России среди тянь-шаньских киргизов. Манап Уметалы Ормонов со всеми подвластными ему родами окончательно принял российское подданство. По этому поводу Н. А. Северцов писал: «Таким образом вернулся в наше подданство, без выстрела... этот каракиргизский батыр, четыре года господствовавший на среднем Тянь-Шане, от Иссык-Куля до гор Кок-Кия, и от истоков Нарына до Куртки; на всем этом пространстве восстановились порядок и спокойствие, а вернулся он с 3000 кибиток и со своими подручными..., у которых их было еще 2000»[27].

Таким образом, в период между 1855 и 1867 гг. киргизы северных районов добровольно приняли подданство России, что оказало сильное влияние на киргизов, населявших Ферганскую долину.

Завершение вхождения Киргизии в состав России

Киргизы Ферганы продолжали оставаться в зависимости от Кокандского ханства и страдали от произвола и насилия ханов и местных феодалов. На их положении тяжело сказывались также борьба киргизской и узбекской знати за власть, кровавые войны между Кокандским ханством и Бухарским эмиратом. Бесконечные феодальные междоусобицы и войны уносили тысячи человеческих жизней, разоряли трудящиеся массы, подрывали экономику. Налицо была и серьезная угроза порабощения коренного населения этого района претендовавшими на Среднюю Азию английскими колонизаторами, а также Турцией и некоторыми другими отсталыми государствами Востока. Все это вместе взятое подсказывало киргизам путь сближения с Россией. Они искали у российского правительства поддержки, стремились по примеру своих собратьев на севере Киргизии связать свою судьбу с судьбой русского народа.

Еще в конце июля 1864 г. киргизы, населяющие Чаткал, в частности Карабурлинское и Каракиштакское ущелья, передали русским военным властям прошение «о принятии их в подданство Белого царя», направив с этой целью своих представителей к начальнику Аулие-Атинского уезда[28].

К 60-м годам XIX в. обширные владения Кокандского ханства частично уже отошли к России. Вытеснив кокандские вооруженные силы из Юго-Западного Казахстана и северной части Киргизии, царские войска вступили на территорию самого Кокандского ханства. Терпя поражение в борьбе с превосходящими силами России, часть феодальной верхушки во главе с ханом Худояром искала пути сближения с царскими властями в надежде на сохранение своего господствующего положения, подорванного как военными неудачами, так и нараставшей антиханской борьбой широких масс узбекского и киргизского народов. В январе 1868 г. Худояр-хан подписал договор, предложенный ему туркестанским генерал-губернатором Кауфманом. Этот договор ставил Кокандское ханство в вассальную зависимость от царской России.

В 1872 г. десятки тысяч южных киргизов вновь «изъявили желание принять русское подданство»[29]. По свидетельству одного из современников и очевидцев событий, в январе 1873 г. «киргизы (населяющие Ферганскую долину. —*Ред.*) сами просили, чтобы их приняли под русское покровительство»[30].

Стремление киргизов к принятию российского подданства особенно усилилось во время восстания 1873—1876 гг. Именно с этим восстанием, направленным против господства Кокандского ханства, неразрывно связано вхождение южной части Киргизии в состав России.

Восстание началось весной 1873 г. Непосредственным поводом к восстанию послужило появление в конце марта — начале апреля среди киргизов, кочевавших на юго-востоке Коканда, ханских зякетчи, потребовавших уплаты зякета и хараджа, размеры которых были увеличены в три раза. Киргизы, решительно отказавшись от внесения резко повышенных налогов, избили сборщиков податей. Несколько зякетчи было убито, а все, что они успели собрать, повстанцы отобрали. Получив известие об этом, хан направил против восставших карательный отряд в составе нескольких тысяч регулярных сипаев (конников), распорядившись жестоко «наказать киргизов». Тем временем восстание быстро распространилось по всему Алаю и Гульче. К восставшим киргизам присоединилась значительная часть кипчаков. В последовавшей вскоре ожесточенной битве плохо вооруженные повстанцы были разбиты и «Худояр-хан приказал вырезать бунтующих киргизов и кипчаков без всякого суда не только сотнями, но тысячами, так что можно сказать... обратил Коканд в лобное место»[31]. Это вынудило 20 тыс. семейств киргизов и 10 тыс. семейств кипчаков бежать в предгорья Каттар-Давана, в местности Кирлик и Хазраты, которые считались недоступными для кокандских войск.

Кровавые действия карателей ожесточили повстанцев, дух протеста и гнев которых уже невозможно было сломить. Киргизы и кипчаки готовились к новому выступлению. Под их влиянием находилось население южной и юго-западной частей ханства. С симпатией относились к повстанцам и жители север-

киргизов от имени «10 тыс. кибиток саяковского рода», выражалось «желание вступить в верноподданство белого царя вместе с управляемым... народом» и давалось обещание «служить государю и вам» (русским властям. —*Ред.*)[26].

Для окончательного утверждения российского влияния в Киргизии в 1864 г. в Прииссыккулье было построено Аксуйское укрепление. В 1867 г. экспедиция на Центральный Тянь-Шань, предпринятая царскими войсками, утвердила позиции России и в этом районе, что обеспечивалось строительством Нарынского укрепления.

В сентябре 1867 г. произошли события, окончательно упрочившие положение России среди тянь-шаньских киргизов. Манап Уметалы Ормонов со всеми подвластными ему родами окончательно принял российское подданство. По этому поводу Н. А. Северцов писал: «Таким образом вернулся в наше подданство, без выстрела... этот каракиргизский батыр, четыре года господствовавший на среднем Тянь-Шане, от Иссык-Куля до гор Кок-Кия, и от истоков Нарына до Куртки; на всем этом пространстве восстановились порядок и спокойствие, а вернулся он с 3000 кибиток и со своими подручными..., у которых их было еще 2000»[27].

Таким образом, в период между 1855 и 1867 гг. киргизы северных районов добровольно приняли подданство России, что оказало сильное влияние на киргизов, населявших Ферганскую долину.

Завершение вхождения Киргизии в состав России

Киргизы Ферганы продолжали оставаться в зависимости от Кокандского ханства и страдали от произвола и насилия ханов и местных феодалов. На их положении тяжело сказывались также борьба киргизской и узбекской знати за власть, кровавые войны между Кокандским ханством и Бухарским эмиратом. Бесконечные феодальные междоусобицы и войны уносили тысячи человеческих жизней, разоряли трудящиеся массы, подрывали экономику. Налицо была и серьезная угроза порабощения коренного населения этого района претендовавшими на Среднюю Азию английскими колонизаторами, а также Турцией и некоторыми другими отсталыми государствами Востока. Все это вместе взятое подсказывало киргизам путь сближения с Россией. Они искали у российского правительства поддержки, стремились по примеру своих собратьев на севере Киргизии связать свою судьбу с судьбой русского народа.

Еще в конце июля 1864 г. киргизы, населяющие Чаткал, в частности Карабуринское и Каракиштакское ущелья, передали русским военным властям прошение «о принятии их в подданство Белого царя», направив с этой целью своих представителей к начальнику Аулие-Атинского уезда[28].

К 60-м годам XIX в. обширные владения Кокандского ханства частично уже отошли к России. Вытеснив кокандские вооруженные силы из Юго-Западного Казахстана и северной части Киргизии, царские войска вступили на территорию самого Кокандского ханства. Терпя поражение в борьбе с превосходящими силами России, часть феодальной верхушки во главе с ханом Худояром искала пути сближения с царскими властями в надежде на сохранение своего господствующего положения, подорванного как военными неудачами, так и нараставшей антиханской борьбой широких масс узбекского и киргизского народов. В январе 1868 г. Худояр-хан подписал договор, предложенный ему туркестанским генерал-губернатором Кауфманом. Этот договор ставил Кокандское ханство в вассальную зависимость от царской России.

В 1872 г. десятки тысяч южных киргизов вновь «изъявили желание принять русское подданство»[29]. По свидетельству одного из современников и очевидцев событий, в январе 1873 г. «киргизы (населяющие Ферганскую долину. —*Ред.*) сами просили, чтобы их приняли под русское покровительство»[30].

Стремление киргизов к принятию российского подданства особенно усилилось во время восстания 1873—1876 гг. Именно с этим восстанием, направленным против господства Кокандского ханства, неразрывно связано вхождение южной части Киргизии в состав России.

Восстание началось весной 1873 г. Непосредственным поводом к восстанию послужило появление в конце марта — начале апреля среди киргизов, кочевавших на юго-востоке Коканда, ханских зякетчи, потребовавших уплаты зякета и хараджа, размеры которых были увеличены в три раза. Киргизы, решительно отказавшись от внесения резко повышенных налогов, избили сборщиков податей. Несколько зякетчи было убито, а все, что они успели собрать, повстанцы отобрали. Получив известие об этом, хан направил против восставших карательный отряд в составе нескольких тысяч регулярных сипаев (конников), распорядившись жестоко «наказать киргизов». Тем временем восстание быстро распространилось по всему Алаю и Гульче. К восставшим киргизам присоединилась значительная часть кипчаков. В последовавшей вскоре ожесточенной битве плохо вооруженные повстанцы были разбиты и «Худояр-хан приказал вырезать бунтующих киргизов и кипчаков без всякого суда не только сотнями, но тысячами, так что можно сказать... обратил Кокапд в лобное место»[31]. Это вынудило 20 тыс. семейств киргизов и 10 тыс. семейств кипчаков бежать в предгорья Каптар-Давана, в местности Кирлик и Хазраты, которые считались недоступными для кокандских войск.

Кровавые действия карателей ожесточили повстанцев, дух протеста и гнев которых уже невозможно было сломить. Киргизы и кипчаки готовились к новому выступлению. Под их влиянием находилось население южной и юго-западной частей ханства. С симпатией относились к повстанцам и жители север-

ных районов края. Все это не могло не беспокоить Худояр-хана, и он решил еще раз преподать кровавый урок непокорным. С этой целью в мае 1873 г. против восставших был направлен карательный отряд, предводительствуемый главнокомандующим ханскими войсками Абдуррахманом Афтобачи. Этот высокопоставленный ханский сановник, крупнейший кипчакский феодал, видя боевое настроение повстанцев, предпочел обман прямым военным действиям. Выдавая себя за человека, якобы сочувствующего повстанцам и понимающего причины их выступления, он лицемерно посоветовал им не выступать открыто против Худояр-хана, не проливать кровь, а направить к нему делегацию в количестве 40 человек, которая объяснила бы тяжелое положение киргизов и кипчаков и просила о сокращении размеров поборов. Однако хан, даже не выслушав представителей повстанцев, велел умертвить их.

Занимая выжидательную позицию, Афтобачи некоторое время оставался в кочевьях повстанцев, а затем явился к хану в роли «умелого» усмирителя восставших и в дальнейшем продолжал возглавлять отряды ханских карателей.

Повстанцы, узнав о зверском убийстве своих представителей и коварстве ханского военачальника, снова поднялись на решительную борьбу. К ним стали прибывать подкрепления из других районов ханства. В июне 1873 г. десятки тысяч киргизских и кипчакских скотоводов, собравшиеся в Кирлике и Хазраты, двинулись в сторону Ферганы. Без боя они заняли Узген—главное укрепление Кокандского ханства, служившее опорой его власти над Алаем и Гульчей. Ханская казна, хранившаяся в этом укреплении, была захвачена повстанцами, а представители ханской власти во главе с комендантом убиты. Вдохновленные первыми успехами, повстанцы овладели также укреплением Сох, гарнизон был уничтожен. Восстание продолжало набирать силу.

Кокандский хан направил против восставших карательный отряд под предводительством своего брата—бека города Маргелана, который в столкновении с повстанцами потерпел полное поражение. Около трех тысяч (по некоторым сведениям до 5 тыс.) ханских сарбазов перешли на сторону повстанцев, 300 человек были пленены. Восставшие без боя взяли Ош, Сузак, Булак-Баши, Уч-Курган и ряд других населенных пунктов, жители которых присоединялись к ним, тогда как беки и старшины спасались бегством. Бек города Булак-Баши, попавший в руки повстанцев, был казнен.

Получив сведения об успешных действиях восставших, Худояр-хан послал против них многочисленное войско во главе с Абдуррахманом Афтобачи. Произошел ряд боев, в которых обе стороны понесли значительные потери. Несмотря на плохое вооружение и неорганизованность, повстанцы в битве недалеко от Тюре-Кургана разгромили кокандские войска, затем заняли город Андижан, часть населения которого присоединилась

к ним. Однако вскоре восставшие вынуждены были покинуть город и отойти.

Восстание охватывало все новые и новые районы ханства, особенно южную часть Киргизстана. На борьбу против феодально-ханского гнета поднялось большинство киргизов, а также значительная часть кипчаков и соседнего узбекского населения.

Весной 1873 г. на борьбу поднялись киргизские кочевники Андижанского вилайета во главе с Мамыром Мергеновым—выходцем из народа[32]. Мамыр Мергенов, как сообщалось в одном из донесений русских военных властей, «не желая платить ханскому правительству податей, хотел силою отстоять это желание и, собрав шайку киргизов (отряд повстанцев. — *Ред.*), произвел нападение на представителей ханской власти»[33]. Вначале повстанцы действовали успешно и сумели занять г. Ханабад. Однако в битве, происшедшей недалеко от Ханабада, они потерпели поражение и потеряли только убитыми 300 человек. На поле боя осталось много раненых. В руки ханских войск попало немало пленных, которых каратели варварски казнили, посадив на кол. Жестокие репрессии обрушились на мирное население: по свидетельству очевидцев, ханские сарбазы «убивали женщин и детей, беременным женщинам распарывали животы»[34].

Преследуемая карателями часть повстанцев (1700 семейств) бежала в высокогорные районы Киргизии—Тогуз-Торо и Кетмень-Тюбе, расположенные в Токмакском уезде Семиреченской области, в пределах владений России. Ханское правительство обратилось к русским властям с просьбой выдать беженцев. Часть повстанцев действительно вернулась, но одни из них (около 60 человек) были посажены в сырые и темные сараи, а другие—полностью ограбленные—бежали снова в Кетмень-Тюбе. Мамыр Мергенов с сотней верных ему людей ушел на зиму в горы в восточной части ханства.

Стихийные, разрозненные восстания продолжали вспыхивать в разных районах южной части Киргизстана и на юго-востоке Кокандского ханства. Так не приняло широкого размаха и было подавлено выступление киргизов и кипчаков, кочевавших в горах на востоке ханства.

Летом 1873 г. подняли восстание киргизы-кутлуксеитовцы и найманцы. Во главе повстанцев встал Мулла-Исак Хасан оглы, действовавший под именем Пулат-хана. Восставшие заняли кишлаки Ахмат, Напай и Кок-Яр. Их жители присоединились к восстанию, которое быстро разрасталось. Его поддержало и местное узбекское трудовое население, также изнемогавшее под ханским гнетом. Повстанцы приближались к городу Наманган, и против них был направлен карательный отряд во главе с наманганским беком. Не решаясь сразиться с многочисленными отрядами восставших, каратели два дня простояли в кишлаке Сафид-Булане. Тем временем повстанцы напали ночью на позиции ханских войск между Сафид-Буланом и Ала-Букой и на-

несли им значительный урон. «При виде такой отваги беки одними из первых пустились наутек, за ними бежали их войска», но продолжавшие преследование повстанцы перебили значительную часть карателей[35]. Восставшие заняли населенные пункты Кукумбай и Юмалах-шейх, жители которых также перешли на их сторону.

Однако, повстанческие отряды, действовавшие разрозненно, не сумели закрепить достигнутые успехи и вскоре потерпели поражение в бою с ханскими карательными войсками. Пулат-хану с несколькими сотнями человек удалось уйти от карателей, а киргизские аилы, жители которых принимали участие в восстании или подозревались в этом, подверглись жестокому грабежу.

Восстание охватило и кочевые районы Ляйляка, где появились ханские сборщики податей. На просьбу кочевников о семидневной отсрочке их уплаты ханский чиновник и его джигиты ответили угрозами и избиениями. Это послужило толчком к открытому выступлению, в ходе которого был убит глава сборщиков зякета и четыре его охранника. Имущество и скот, отобранные у местного населения, были вновь возвращены ему.

В район Ляйляка был направлен карательный отряд, который в первом столкновении с повстанцами потерпел поражение. Ему на помощь прибыло подкрепление численностью в 1000 сарбазов под начальством Абдуррахмана Афтобачи, уже известного своей хитростью и вероломством. Не надеясь на выигрыш в открытом бою с восставшими, превосходившими его войско в несколько раз, он вступил с ними в переговоры, уверяя в своем сочувствии, уговаривая разойтись и обещая решить дело мирным путем. Вновь наивно поверив ему, повстанцы стали разъезжаться по аилам, чего только и ждали каратели. Они набросились на разобщенные отряды восставших и разбили их. Около 400 человек были взяты в плен, привезены в Коканд и казнены.

Выступления киргизов имели место в разных районах южной части Киргизстана и в 1874 г. Они нередко охватывали и территории с узбекским населением. В мае 1874 г. снова под предводительством Мамыра Мергенова восстали киргизы, кочевавшие в Кара-Кульдже. Они заняли кишлак Базар-Курган и напали на город Андижан, но не смогли овладеть им. Против них был направлен карательный отряд, состоявший из 2 тыс. сарбазов[36]. Ему удалось подавить восстание и захватить сотни пленных, а также немало лошадей и других трофеев. Мамыр бежал во владения России — на урочище Капка, где 15 июля 1874 г. по просьбе ханского правительства был задержан токмакским уездным начальником, опасавшимся распространения волнений на территорию уезда, и отправлен им в станицу Лепсинскую.

В июле 1874 г. возобновились волнения кочевников Чаткала,

возглавленные Мусульманкулом, Мумыном Шамурзаковым и Пулат-ханом. Как явствует из документов того времени, «инсургенты (восставшие.— *Ред.*) переманили к себе Мумына с целью получения его помощи (как русского подданного из Кураминского уезда.— *Ред.*) в случае успеха при переговорах с русскими властями, с которыми они надеялись быть в хороших дружественных отношениях»[37] (выделено нами. — Ред.). Повстанцы численностью до 10 тыс. человек двинулись из Чаткала вниз через ущелье Алабуки в направлении г. Касана. К ним присоединялись киргизы из окрестных аилов. Наступление восставших было решительным, и попытки приостановить его у кишлака Сафид-Булан, крепостей Чартак и Янги-Курган оказались тщетными. Они были взяты так же, как и г. Касан, начальник которого бежал в Тюре-Курган, расположенный недалеко от Намангана. 1 августа «киргизы напали на кокандцев (ханский военный гарнизон в Тюре-Кургане. — *Ред.)* и отбросили их обратно в укрепление»[38].

Все это грозило вылиться в крупное народное восстание, и 2 августа 1874 г. Худояр-хан направил против повстанцев почти все свои военные силы из 7 тыс. конных воинов. В сражении, которое состоялось у Тюре-Кургана, плохо вооруженные и слабо организованные отряды восставших, несмотря на свое численное превосходство, были разбиты. Обе стороны понесли большие потери, несколько сот повстанцев попало в плен. Мусульманкул был убит, Пулат-хан с остатками повстанцев бежал в горы в северо-западную часть ханства, а Мумын Шамурзаков возвратился на Чаткал. В горах севернее Намангана, в урочище Кызыл-Тогай, уцелевшие повстанцы попытались дать отпор преследовавшим их карателям, но были окончательно разгромлены.

Ханские карательные отряды действовали с неслыханной жестокостью. Они безжалостно грабили и беспощадно сжигали киргизские аилы и кишлаки. Особенно варварскому грабежу и массовым убийствам подвергались киргизы, кочевавшие по течению рек Алабука, Урюкты и Касан. Каратели не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. Число одних только повешенных составило тысячу человек: «за неимением виселиц вешали на деревьях»[39]. Производя по пути следования погромы и оставляя за собою дымящиеся аилы и кишлаки, ханские войска с захваченной добычей — скотом и имуществом — возвращались в столицу ханства Коканд. За кровавое подавление выступления киргизов, кипчаков и узбеков Абдуррахман Афтобачи был пожалован ханом высоким титулом «парваначи». Так закончился первый этап восстания, продолжавшийся около полутора лет.

Но бесчинства ханских карателей не сломили свободолюбивый дух киргизского народа, а лишь ожесточили народные массы против ненавистного кокандского ига. Только с наступлением зимы, лютых морозов и закрытием горных перевалов повстанцы, понесшие тяжелые потери, вынуждены были временно прекратить активные действия. Новый подъем движения был впереди.

Несмотря на широкий размах, восстание на этом этапе отличали во многом локальность и стихийность выступлений, которые возникали то в одном, то в другом районе южной части Киргизстана и были слабо связаны друг с другом. Восставшие действовали разрозненно, проявляли подчас наивную доверчивость к ханским сановникам. Вместе с тем в восстании приняло участие почти все население юга Киргизии. Нередко число участников выступлений достигало многих десятков тысяч человек. Главную движущую силу восстания составляли киргизские скотоводы и земледельцы во главе с выходцами из народа. В движении принимали участие и некоторые представители феодальной знати, посвоему недовольные Худояр-ханом, а подчас сами стремившиеся захватить ханский престол и власть в Коканде.

Однако в целом на этом этапе восстание носило ярко выраженный народно-освободительный характер. Его острие было направлено против господства Кокандского ханства. Участники восстания захватывали и разрушали кокандские крепости, убивали представителей ханской власти. В нередких случаях в выступлениях киргизов принимали активное участие и трудящиеся соседнего Узбекистана, также обездоленные и разоряемые кокандскими властями. Вопреки интересам феодальной знати и политике правителей Кокандского ханства, сеявшим вражду между народами, в ходе освободительного движения проявлялась солидарность трудящихся масс киргизов и узбеков.

Восставшие киргизы старались быть в тесных дружественных отношениях с русскими. Сам факт неоднократных просьб киргизских повстанцев о принятии их в российское подданство и перекочевки части восставших в русские владения показывает, что по существу имело место широкое движение населения южной части Киргизии за добровольное вхождение в состав России и освобождение от ига Кокандского ханства. Одним из важных побудительных мотивов этого движения являлось нараставшее стремление южных киргизов воссоединиться со своими кровными братьями — северными киргизами. По сравнению с югом северная часть Киргизии, уже вошедшая в состав России, оказалась в значительно лучших, мирных условиях жизни. Это отмечали сами южные киргизы в беседах с представителями русских властей: «Сколько сот киргизов — наших единоплеменников (т. е. казахов, киргизов. — *Ред.)* в подданстве белого царя в Оренбургском крае, в Сибири и Туркестане, и все благодарят бога. Того же желаем и мы»[40]. Известные всем факты свидетельствовали, что северные киргизы после принятия российского подданства избавились от насилия и произвола со стороны кокандских ханов и их наместников. Им не грозили больше систематические истязания, пытки и казни, продажа детей в рабство, насильственный увод несовершеннолетних девушек в ханские гаремы и т. п. На севере Киргизии прекратились кровавые и разорительные междоусобицы и феодально-родовые раздоры, что открывало благоприятные возможности для занятия скотоводством и земледелием. В усилении симпатий к России немалую роль играла и заинтересованность населения южных районов Киргизии в развитии ставших необходимыми торговых связей.

Своеобразные позиции занимали киргизские феодалы. Значительная их часть, пользовавшаяся в пределах Кокандского ханства определенными льготами и привилегиями и в то же время находившаяся в сильной зависимости от своеволия кокандских правителей, надеялась с вхождением края в состав России освободиться от зависимого положения и обеспечить себе возможность безраздельно эксплуатировать трудящиеся массы киргизского народа. Другая группа феодалов, игравшая крупную роль при ханском дворе, опасаясь, что с вхождением Киргизии в состав России утратит свою власть над соплеменниками и лишится всех преимуществ, всячески поддерживала ханское правительство.

Между тем летом 1875 г. народное восстание, которое, казалось, пошло на убыль зимой 1874 г., вспыхнуло с новой силой, охватив как кочевые, так и оседлые районы, населенные киргизами, узбеками и таджиками. Его причины, по единодушному признанию очевидцев и официальных русских военных властей, крылись в неустраненном предшествующими событиями всеобщем недовольстве «против хана и его приближенных, душивших народ непомерными налогами, взяточничеством, насилием и т. п. действиями»[41].

Начало второму этапу восстания положили волнения, возникшие в июне 1875 г. в районах Узгена и Ляйляка. Во главе восставших стоял уже упоминавшийся выше Пулат-хан. В короткое время восстание охватило всю юго-восточную часть ханства, особенно южные районы Киргизстана.

Худояр-хан бросил против повстанцев все свои основные военные силы, возглавляемые Абдуррахманом Афтобачи. К ним присоединились также выступившие из Андижана войска под начальством старшего сына Худояра Насреддина (Хан-заде). Однако 17 июля ханские войска, состоявшие из узбекских дехкан, киргизских и кипчакских скотоводов, начали переходить на сторону восставших, не исключая и начальников ханских карательных отрядов во главе с Абдуррахманом Афтобачи. Но последние пытались использовать восстание в классовых интересах феодальной знати или в личных целях.

Вскоре повстанцы заняли Ош, Наманган, Андижан, Ассаке и некоторые другие города, жители которых поддерживали восстание. Повстанческие отряды овладели Маргеланом и приближались к столице ханства—городу Коканду, в котором вспыхнули волнения против деспотизма Худояра и окружавшей его хищной феодальной верхушки. Лишившись основной части своих войск и не имея надежной поддержки даже со стороны ближайшего окружения, Худояр-хан вынужден был искать помощи у краевой царской администрации. 20 июля он обратился к туркестанскому

генерал-губернатору Кауфману с письмом, в котором умолял спасти его от неминуемой расправы, а 22 июля, захватив казну, с семейством и придворными, под прикрытием остатков ханской армии и казачьего взвода бежал в Ходжент под защиту царских властей. Повстанцы заняли Коканд и при активной помощи жителей расправились с уцелевшими ханскими чиновниками и некоторыми представителями ненавистной народу феодальной знати.

Между тем попутчики восстания — Абдуррахман Афтобачи и другие выходцы из феодальной среды, опираясь на верхушку бывшей ханской армии, провозгласили ханом послушного им Насреддина, а Пулат-хана, также претендовавшего на престол, заточили в крепость Махрам. Лишь через месяц —22 августа — ему удалось бежать на Чаткал, где он скрывался до конца сентября 1875 г.

Что касается Насреддин-хана, то он являлся марионеткой в руках Абдуррахмана Афтобачи и его приверженцев, пытавшихся притупить социальную остроту восстания и придать ему религиозно-фанатический характер. В Андижане Абдуррахман Афтобачи, Иса-Аулие и Пулат-хан объявили газават, началось распространение прокламаций и воззваний, в которых все верующие, в том числе население, находившееся под властью России, призывались к «священной» войне против «неверных»[42]. Лозунг газавата не имел ничего общего с чаяниями и надеждами восставших народных масс, поднявшихся на борьбу за свободу, против бесправия и угнетения, и не пользовался популярностью среди трудящихся. Вместе с тем идеи газавата, проповедуемые духовенством и феодальной верхушкой, не могли не оказать определенное влияние на верующих, прежде всего на фанатически настроенную их часть, слепо следовавшую предписаниям и нормам ислама. Это особенно сказалось на заключительном этапе восстания.

Необходимо отметить, что восставшие трудящиеся массы и та часть феодалов, которая примкнула к восстанию и захватила руководство им, преследовали различные цели. Трудовые массы хотели освободиться от жестокого феодально-ханского гнета. Представители же феодальной знати пытались использовать восстание в своих классовых и личных интересах: они стремились захватить власть в ханстве, сохранить старые патриархально-феодальные устои, вернуть утраченные политические привилегии и преимущества. Выдвигая несбыточную идею восстановления Кокандского ханства в прежних границах, они надеялись направить восстание по антирусскому руслу. Их действия носили реакционный, феодально-монархический характер и противоречили интересам трудящихся масс узбеков, киргизов и таджиков, составлявших движущую силу восстания.

Будучи лишь временными попутчиками восставшего народа, феодалы вскоре изменили восстанию. Провозглашенный ханом

Насреддин и его окружение быстро нашли общий язык с туркестанским генерал-губернатором и пытались продолжать вызывавшую всеобщую ненависть политику Худояра. Это обусловило в сентябре 1875 г. новый подъем восстания. Борьбу народных масс против феодально-ханского гнета и его покровителей наряду с другими лицами возглавлял и Пулат-хан. Однако с провозглашением его правителем Кокандского ханства (после свержения Насреддина) он окружил себя представителями феодальной знати и стал действовать в духе прежних ханов. Оторвавшись от народных масс, Пулат-хан в конце восстания попал в плен к карательному отряду и 1 марта 1876 г. был казнен в г. Маргелане.

В целом восстание 1873—1876 гг., носившее стихийный характер и отличавшееся широким размахом и массовостью, объективно привело к уничтожению ханской власти, падению Кокандского ханства и вхождению его территории, включая южные районы Киргизии, в состав России. Но разнородным социальным составом участников, в частности действиями феодально-клерикальной верхушки, объясняются реакционно-религиозные струи восстания в 1875—1876 гг.

Киргизские скотоводы и земледельцы, упорно и мужественно борясь против господства Кокандского ханства, на собственном опыте убеждались в неравенстве сил. Именно поэтому они так настойчиво искали покровительства, поддержки и помощи у России, изъявляя желание принять ее подданство, хотя долгое время не могли добиться положительного решения вопроса.

Уже в самом начале восстания, весною 1873 г., его участники обратились к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой о покровительстве и помощи. Посланному на Алай для получения подробных сведений о причинах, характере и ходе восстания представителю туркестанских властей алайские киргизы прямо говорили, «что их удерживает от решительных действий против кокандского господства только единственно боязнь... помощи» хану со стороны России[43]. Однако туркестанский генерал-губернатор, предпочитавший не обострять отношений с кокандским ханом, да и не имевший полномочий на принятие в российское подданство, вскоре прервал связи с восставшими.

В июне 1873 г. восставшие ляйлякские киргизы направляли своих представителей к токмакскому уездному начальнику, прося его согласия быть их «тамыром» (другом) и заверяя о готовности исполнить его советы. Уездный начальник через своего поверенного обещал повстанцам помощь, но, руководствуясь указаниями туркестанского генерал-губернатора, воздержался от нее, а также от дальнейших переговоров с ними.

Киргизы вновь и вновь настойчиво обращались к русским властям за помощью и содействием. Так, в сентябре 1873 г. в письме на имя ходжентского уездного начальника они писали: «Мы, не вынося несправедливости (Худояр-хана и его ставленников.— *Ред.*), ограбили зякетчи. Худояр-хан послал к нам войска свои,

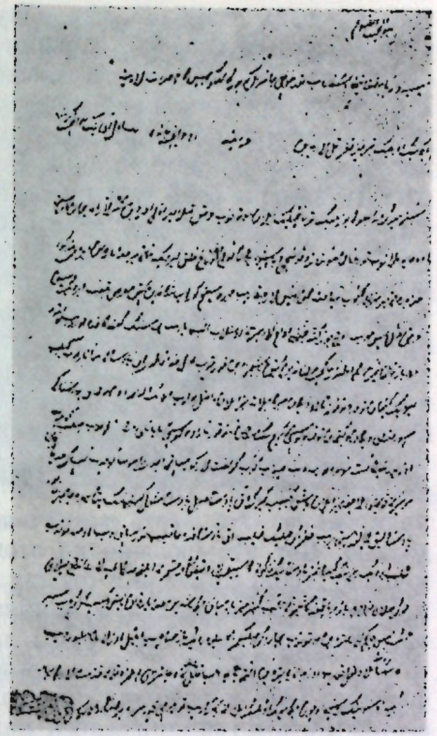
от которых мы убежали в горы, оставив наши кочевки. Но ханский военачальник успел захватить у нас 240 человек в плен, привез этих людей в г. Ассаке и по приказанию хана всех велел посадить на кол. Тогда мы все собрались и объявили себя врагами хана. Вы прислали к нам человека, и мы все очень этому были рады, и сделались с вами тамырами. Теперь обращаемся к Вам уже как к тамыру. Вы большой начальник и можете нам посоветовать и приказать, и все, что Вы скажете, мы исполним. Если прикажете драться — будем драться, ибо от всяких притеснений и обид мы потеряли всякое терпение»[44]. Как видно из текста письма, повстанцы-киргизы видели в лице представителей туркестанских властей своих «тамыров» — друзей, прося у них содействия и покровительства в борьбе против феодально-ханского гнета.

Желание принять российское подданство изъявляли не только жители целых районов и урочищ, но и группы киргизов, иногда даже отдельные лица, за спиной которых, как правило, также стояло немало людей. Так, весной 1874 г. один из руководителей восстания — Мамыр — обратился к туркестанскому генерал-губернатору «с просьбой принять его в русское подданство»[45].

В апреле 1874 г. восставшие киргизы, число которых, по некоторым данным, составляло более 200 тыс. человек, в письме, адресованном на имя Джурабека (бывшего в близких отношениях с туркестанским генерал-губернатором Кауфманом и владевшего русским языком), просили его ходатайствовать от их лица о принятии в подданство России. «Как Вам известно,— гласило письмо,— все кара-киргизы, подведомственные Коканду, считаются подданными Худояр-хана. Притеснения, гонения, страшные казни, как-то: сажание на кол, которым подвергаемся мы со стороны хана, и наказания палками принудили нас отпасть от хана и принять враждебное положение в отношении его... Численность киргизов и кипчаков доходит до 200 тыс. кибиток (вероятно, 200 тыс. человек, а не кибиток. — *Ред.*)... Если будет возможность и не составит для Вас труда, доложите обо всем вышеизложенном генерал-губернатору. При согласии его превосходительства (на принятие киргизов в подданство России.—*Ред.*), мы, несчастные, кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр-хана и найти спокойствие»[46].

В начале мая 1874 г. часть восставших киргизов вновь послала своих представителей к туркестанскому генерал-губернатору. В переданном ему письме говорилось: «Как мы, так и наши доверители, в прошлом году откочевали из Кокандского ханства в Токмакский военный округ, дабы спастись от преследований кокандского хана, который немилосердно казнил наших киргизов и грабил наше имущество. Мы поселились... в местности, называемой Кетмень-Тюбе, Тогуз-Торо, но тут нас начали притеснять и гнать жившие там киргизы родов Керимбек и Чура Бутай. Мы же, не желая возвратиться обратно в Кокандское ханство,

где нас неминуемо ждет смерть, просили ходатайства Вашего высокопревосходительства перед государем Всероссийским о принятии нас и наших доверителей под свое высокое подданство, об отводе нам и нашим доверителям места для кочевий. В нашем роде мундуз-илят находится две тысячи кибиток, которые поголовно (желают) принимать подданство России (разрядка наша. — *Ред.*). Мы давно бы явились к Вашему высокопревосходительству, но нас караулили и не пускали в Ташкент, так что мы только теперь тайком могли приехать сюда и лично просить у Вашего высокопревосходительства о всем выше изложенном»[47].

Письмо киргизов Ферганской долины к русским властям с просьбой о принятии их в подданство, 1874 г.

О тяготении к России ярко говорят и другие случаи перехода тысяч семей повстанцев с юга в северную часть Киргизии, которая к этому времени уже вошла в состав Российской империи.

Ориентация населения южной части Киргизии на Россию и его действия, направленные на принятие российского подданства, продолжались и на втором этапе Кокандского восстания в 1875—1876 гг.

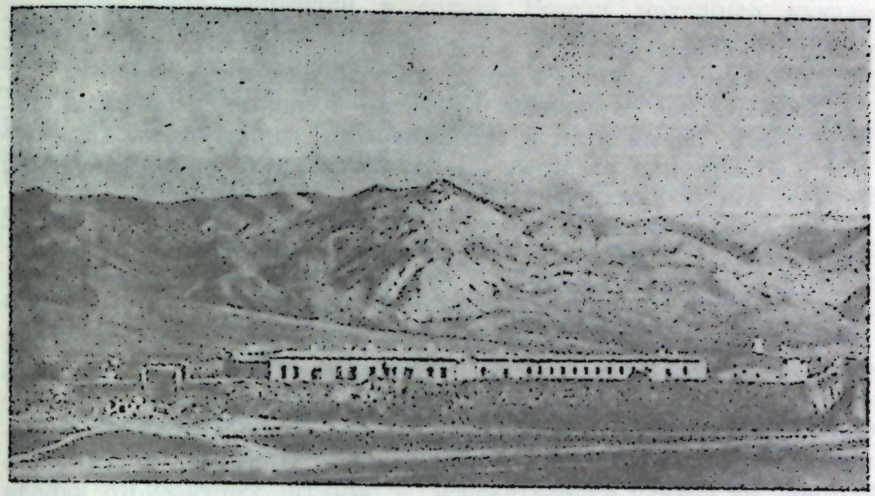
По этому поводу на страницах периодической печати того времени говорилось: «Весь ферганский народ, как оседлый, так и кочевой, следуя советам лучших людей, отправил к генералу Скобелеву депутацию с просьбою... принять (его.— *Ред.*)... с принадлежащею ему землею в подданство»[48] Российского государства. В январе 1876 г. депутации жителей Оша, Узгена, Маргелана, Исфары и многих других городов, кишлаков и аилов одна за другой являлись в г. Андижан к представителям русских властей, выражая желание перейти в российское подданство. Некоторые из них ходатайствовали допустить их к туркестанскому генерал-губернатору, чтобы просить о принятии в подданство России. В одном из архивных документов, датированном 2 февраля 1876 г., подчеркивается, что все без исключения жители Кокандского ханства, включая южные районы Киргизии, «желают быть под властью русских»[49]. В другом архивном документе от 7 февраля

того же года отмечено, что депутации, прибывшие к представителям царских властей, заявили о желании всего населения Кокандского ханства, в том числе кочевого, принять подданство России, которая «может даровать им спокойствие и счастье, необходимые для страны, так долго разоряемой всеми бедствиями войны»[50]. С намерением установить дружественные связи с Россией еще 24 января 1876 г. к представителям царской администрации обращался один из руководителей восстания — Пулат-хан. Однако туркестанские власти не собирались налаживать с ним отношения и оставили его просьбу без ответа.

Желание коренного населения принять российское подданство проявлялось и в выступлениях жителей некоторых кишлаков и городов против антирусски настроенных феодалов. Так случилось в Оше, Узгене и других населенных пунктах, где жители арестовали беков, не желавших принятия подданства России.

19 февраля 1876 г. Фергана и южные районы Киргизии официально вошли в состав России[51]. Кокандское ханство было ликвидировано. Эта весть встречалась коренным населением с радостью. Вот что сказано по этому поводу в официальных документах: «При движении отряда (царских войск.—*Ред.*) жителям кишлаков объявлялось о принятии подданства великого государя, (местные жители.— *Ред.*) принимали объявление с восторгом»[52]. В телеграмме туркестанского генерал-губернатора от 19 февраля 1876 г. сообщалось, что объявление о вхождении края в состав России «принималось народом торжественно... По дороге жители кишлаков встречали (царские войска.— *Ред.*) радостно»[53]. Подобные же сведения содержатся и в литературных источниках. Так, очевидец событий 1875—1876 гг. подчеркивал, что «народ повсеместно ликует, узнав о присоединении к России... По дороге жители кишлаков встречали (русских.— *Ред.*) радостно, везде достархан (хлеб и соль.— *Ред.*)»[54]. На страницах периодической печати отмечалось, что «войска наши встречаемы были по кишлакам с радостью, как избавители от Афтобачи и его сподвижников», бравших все припасы даром[55].

После вхождения края в состав России ряд представителей киргизской феодальной верхушки, интересы которых были ущемлены, бежали на Алай и в другие высокогорные районы. К ним присоединилась и определенная часть узбекской феодальной знати, занимавшая высокие посты при кокандских ханах. Они организовали незначительные антирусские выступления, ставившие целью восстановление Кокандского ханства, но народные массы их не поддержали. Трудовое население Алая стало перекочевывать в районы, уже вошедшие в состав России. Так, весной 1876 г. 600 кибиток киргизов из Алая переселились к Гульче, где было построено русское укрепление. Вскоре отряды, возглавляемые феодально-клерикальной проханской верхушкой, были рассеяны. В середине 1876 г. Алай вошел в состав России, что было также радостно воспринято киргизами.

Укрепление Гульча

Приведенные фактические материалы, в том числе неоднократные обращения киргизов к туркестанской администрации с просьбой принять их в российское подданство, устойчивая ориентация повстанцев на Россию и их стремление найти у нее помощь и поддержку, а также теплая встреча царских войск коренным населением ярко свидетельствуют о добровольном характере вхождения киргизов в состав Российского государства. Добровольное вхождение края в состав России отвечало глубинным стремлениям народных масс избавиться от господства Кокандского ханства и угрозы экспансии с Востока, покончить с междоусобными распрями и разорением хозяйства, было действительным осуществлением давнего влечения киргизского народа к принятию российского подданства[56].

3. Прогрессивное значение добровольного вхождения Киргизии в состав России

Добровольное вхождение Киргизии в состав Российского государства было исторически обусловлено всем ходом ее социально-экономического и политического развития, явилось закономерным завершением давних политико-дипломатических и торгово-экономических взаимосвязей киргизского и русского народов.

В сложившейся к середине прошлого века в Киргизии и сопредельных с ней областях и соседних странах Востока внутри- и внешнеполитической обстановке добровольное принятие киргизами российского подданства было исторической необходимостью. Оно отвечало чаяниям широких кругов населения, испытавшего нестерпимый гнет Кокандского ханства. Киргизский народ все отчетливее видел единственное свое спасение — в по-

кровительстве и защите со стороны несравненно более могущественного и более развитого в общественно-экономическом отношении государства, каким в то время являлась Россия[57].

Добровольное вхождение Киргизии в состав России знаменовало собой новый этап в политическом, социально-экономическом и культурном развитии киргизского народа в дооктябрьский период, имело исключительно важные и объективно прогрессивные последствия. В дни празднования 100-летия этого знаменательного события, на торжественном заседании ЦК Компартии Киргизии, Верховного Совета Киргизской ССР (30 октября 1963 г.) отмечалась мудрость исторического выбора киргизского народа, который навсегда связал свою судьбу с судьбой великого русского народа. Нерасторжимость уз этого братского единства ярко символизирует взметнувшийся ввысь монумент «Дружбы народов», воздвигнутый на одной из центральных площадей столицы Советского Киргизстана. Принятие российского подданства навеки запечатлелось в памяти киргизского народа как выдающееся историческое событие, оказавшее огромное прогрессивное влияние на всю его дальнейшую судьбу.

Советская историческая наука подходит к событиям, процессам и явлениям прошлого в их диалектическом развитии, с учетом исторической перспективы, оценивая их по общественным результатам и с классово-партийных позиций. Именно так, с учетом внутренних и внешних факторов, рассматривается как сам процесс добровольного присоединения к России ряда народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана, так и его прогрессивные последствия, которые стали проявляться уже в 50 — 70-х годах XIX в. в ходе добровольного принятия российского подданства киргизским народом под непосредственным влиянием русского трудового народа и помимо воли царизма с его национально-колониальной политикой[58].

Прежде всего, как уже отмечалось ранее, была устранена угроза порабощения киргизского народа отсталыми феодально-деспотическими государствами Востока, экономика которых находилась в состоянии упадка, а общественно-политическая жизнь отличалась почти полным застоем. Принятие киргизами подданства России избавило их от угрозы этнической ассимиляции другими народами, освободило от жестокого ига Кокандского ханства, тормозившего и без того замедленное развитие производительных сил в крае, помогло избежать захвата исконно киргизских земель цинским Китаем и Британской империей, активизировавших со второй половины XIX в. свои агрессивные происки в сторону Семиречья и Памиро-Алая. Пребывание Киргизии в составе России означало для киргизского народа разрыв с прежней внешнеполитической изоляцией, когда развитие народа проходило как бы в стороне от важнейших событий мировой истории вследствие длительной и изнурительной борьбы против нашествий иноземных завоевателей.

«Вхождение Киргизии в состав России положило начало объединению киргизского народа, имело важное прогрессивное значение для его дальнейшего социального и культурного развития. ...Киргизский народ нашел в лице великого русского народа родного брата и своего надежного защитника», — отмечено в письме ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР трудящимся Советского Киргизстана в связи со 100-летним юбилеем вхождения Киргизии в состав России[59]. Таким образом, добровольное принятие киргизами российского подданства означало, с одной стороны, их объединение в составе Российского централизованного государства, а с другой — включение киргизского народа в орбиту исторического развития страны, все народы которой шли в близкой перспективе навстречу трем революциям.

В постановлении ЦК Коммунистической партии Киргизии о вековом юбилее вхождения Киргизии в состав России особо подчеркиваются и внутриполитические аспекты этого знаменательного акта, приведшего к ликвидации племенных междоусобиц и розни, от которых страдали трудящиеся массы киргизов. Тем самым был сделан серьезный шаг на пути к преодолению обособленности племен и развитию национальной общности киргизского народа. Именно с этого момента начался и решительный переход от отсталого патриархально-феодального строя к более прогрессивным общественно-экономическим отношениям в составе Российского государства[60].

Введение в крае нового административно-территориального устройства, подрывавшего родоплеменное деление и расселение киргизов, учреждение низового аппарата управления по общероссийскому образцу, при «выборности» его сельского управленческого звена из представителей эксплуататорской верхушки киргизского общества, проведение судебно-налоговой реформы, отвечая в первую очередь интересам царизма и перешедших к нему на службу представителей местной эксплуататорской верхушки, вместе с тем объективно имело и положительное воздействие на последующее социально-экономическое развитие киргизского народа, сказалось на его взаимоотношениях с соседними народами Туркестанского края, содействовало общему улучшению обстановки в приграничных районах Семиречья и Памиро-Алая. К таким результатам, в частности, вела отмена наследственной власти киргизской феодально-родовой знати — манапов, преследование по закону, в судебном порядке, внутриплеменных раздоров, а также передких прежде столкновений и междоусобиц с феодальной верхушкой соседних народов. Определенная стабилизация внутри- и внешнеполитического положения Киргизии во второй половине XIX — начале XX в. — несомненно один из положительных результатов вхождения Киргизии в состав России.

Объявление земли государственной собственностью, а в свя-

зи с этим лишение права отчуждения земли манапами, предоставление права собственности местному оседлому (в том числе и киргизам) населению в 1886 г. и по столыпинской реформе в 1906 г. и переселенцам, вели к разложению феодальных и развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве, появлению наемных рабочих и местной буржуазии в крае.

Отнюдь не обеляя антинародную земельную и переселенческую политику царизма на национальных окраинах, следует, однако, признать, что общение местного коренного населения и переселявшихся за Урал — в Сибирь и на среднеазиатские окраины страны русских, украинских и белорусских крестьян имело важные прогрессивные последствия. Одним из наиболее позитивных результатов процесса формирования многонационального по составу населения восточных окраин страны явилось постепенное сближение трудящихся масс разных национальностей в ходе добрососедских хозяйственно-культурных контактов и их совместных классовых выступлений за социальную и национальную свободу. Вопреки шовинистической великодержавной политике царизма и стремлениям реакционной киргизской феодально-родовой знати и мусульманского духовенства, пытавшихся посеять рознь между коренным и переселенческим населением, воспрепятствовать их взаимному общению, в общественно-политической жизни края все явственнее проявлялись факторы, содействовавшие сближению находившихся в одинаково тяжелых социально-политических условиях бесправных и угнетенных трудовых слоев киргизского, русского и другого переселенческого населения. Общность их социальных интересов и целей в совместной классовой борьбе против царского режима, против всех форм эксплуатации и национального гнета неизбежно способствовала складыванию предпосылок для слияния национально-освободительного движения народов среднеазиатских окраин и революционного движения в центре России.

Основоположники научного коммунизма отмечали цивилизаторскую роль России по отношению к Востоку[61], а, анализируя рост освободительного движения в Европе[62], возлагали большие надежды на нараставшее революционное движение в России[63].

Великий продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин неоднократно указывал на важную роль порабощенных народных масс Востока в развитии мирового революционного процесса, видел в их национально-освободительных движениях мощный резерв пролетарской революционной борьбы против эксплуататорского строя: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях»[64].

В постановлении ЦК Компартии Киргизии «О 100-летии добровольного вхождения Киргизии в состав России» указывается: «Решающим прогрессивным последствием добровольного вхождения Киргизии в состав России является приобщение трудящихся киргизов к революционной борьбе великого русского народа»[65].

Вовлечению киргизских трудящихся в орбиту революционной борьбы российского пролетариата за социальное и национальное освобождение во многом благоприятствовал социальный состав переселенцев из России — рабочих и представителей трудового крестьянства с их революционными традициями. Вместе с передовыми людьми русского народа трудовое киргизское дехканство становилось под знамя революционно-освободительной борьбы против царизма и эксплуататоров — баев и манапов, помещиков и буржуазии[66]. Важную роль в пробуждении классового сознания народных масс Киргизии и вовлечении их в общую освободительную борьбу народов России, во главе которых выступал российский рабочий класс, руководимый ленинской партией, сыграла агитационно-пропагандистская работа революционных социал-демократов на местах[67].

«Своеобразным эпицентром этих прогрессивных веяний, идущих от русского народа, от русского пролетариата и стал... тогдашний Пишпек», который в условиях дооктябрьской Киргизии «сыграл исключительную роль в зарождении и развитии дружбы, интернационального союза русского и киргизского народов, трудящихся других национальностей, населявших этот край»[68].

Киргизский народ в своей нелегкой борьбе против двойного гнета не был одинок, его справедливая борьба являлась одной из составных частей единого революционного потока в стране при руководящей роли российского пролетариата во главе с большевистской партией.

Первая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. в России послужила мощным толчком к политическому пробуждению и росту рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения киргизского и других народов Туркестанского края, одним из звеньев которого стало восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Оно нанесло серьезный удар по царизму, явилось одной из предпосылок Февральской буржуазно-демократической революции, предвестником грядущей победы Великого Октября[69]. Таковы оказались уже в ближайшей исторической перспективе значение и последствия «породнения с Россией» киргизского и других нерусских народов страны[70].

В постановлении ЦК Коммунистической партии Киргизии о вековом юбилее добровольного вхождения Киргизии в состав России (1963 г.) и других партийных документах отмечается, что это событие привело к прогрессивным изменениям в экономике края и оказало значительное влияние на социально-политическое и культурное развитие киргизского народа второй половины XIX — начала XX в. Однако сдвиги в киргизском хозяйстве проявлялись постепенно, по мере возраставшего с конца 60-х годов

прошлого века притока крестьян-переселенцев из Европейской России и районов Западной Сибири, а также в результате распространения вширь российского капитализма, все более активно воздействовавшего на экономику Киргизии, как и других среднеазиатских окраин. Между тем изменения в сфере социальных отношений ощутимо давали себя знать уже непосредственно в процессе вхождения киргизов в состав России в третьей четверти XIX в. К таким изменениям относились повсеместная в Средней Азии и Казахстане отмена рабства, запрещение, как отмечалось, феодальных междоусобиц и вооруженных столкновений, которые приводили не только к ослаблению киргизов, к упадку и разорению их хозяйств, но иногда и к массовому физическому истреблению одних племен другими[71].

Преодоление феодальных междоусобиц не могло не повлиять положительно на дальнейшее развитие хозяйства и социальных отношений киргизского народа.

Войдя в состав России, Киргизия стала составной частью многонационального Российского государства, а ее хозяйство — частью многоукладной экономики страны в пореформенный период ее истории.

В результате добровольного вхождения Киргизии в состав России упрочились торгово-экономические связи между ними, ушла в прошлое былая хозяйственная замкнутость отсталого горного края. Вовлечение среднеазиатских окраин во всероссийский, а через него и в международный капиталистический рынок, расширение сферы товарно-денежных отношений в Средней Азии и Казахстане вело к определенному росту производительных сил в этом регионе, включая и Киргизию. Здесь нельзя не усмотреть проявления общественного прогресса в дореволюционном Киргизстане, происходившего под воздействием более развитой экономики России и влиянием трудового русского народа, общения с ним коренного киргизского населения.

«Проникновение капиталистических отношений в Киргизию вызвало становление зачатков промышленности, внедрение более совершенных орудий труда, более эффективных приемов земледелия»[72]. Причем постепенное и повсеместное повышение роли земледельческого и промыслового хозяйства отражалось не только на экономике, но и на определенных изменениях в социально-профессиональном составе, хозяйственных занятиях и образе жизни киргизского народа. Все эти процессы происходили, несмотря на реакционную экономическую политику царизма, монополистической российской буржуазии и тормозящее влияние господствующих отсталых патриархально-феодальных отношений, характерных для социально-экономического строя киргизского народа.

На территории Киргизии появились новые города — Пишпек и Пржевальск, поселения полугородского типа, такие как Токмак, Нарын, Ат-Баши, русские, украинские, дунганские, немецкие, а также (с конца XIX в.) численно увеличившиеся киргизские оседло-земледельческие селения. «Последствием экономических изменений, вызванных развитием связей с Центральной Россией, явилось образование новых экономических укладов. Наряду с господствовавшим натуральным хозяйством образовался мелкотоварный уклад — крестьянское переселенческое и частично киргизское дехканское хозяйство, возник частнокапиталистический уклад в виде промышленных и торговых предприятий, кредитных учреждений»[73].

Поскольку со второй половины XIX в. Киргизстан оказался вовлеченным в экономическую систему Российской империи, развивавшейся по капиталистическому пути, то и взаимоотношения между ними складывались как отношения более развитой промышленной метрополии и зависимой окраины, хозяйство которой было ориентировано на обеспечение потребностей промышленности центра страны. Непосредственное проникновение российского торгово-промышленного, а затем и банковского капитала в экономику Киргизии и сопредельных областей Средней Азии и Казахстана привело к превращению их в поставщиков сырья и некоторых видов сельскохозяйственной продукции для Центральной России и в рынки сбыта ее фабрично-заводской промышленности.

Развитие городской и сельской жизни, усиление подвижности населения и оживление торговли в Киргизии со времени вхождения ее в состав России связано в определенной мере с начавшейся прокладкой дорог, пригодных для колесного транспорта, появлением новых средств передвижения, в том числе железных дорог и водного транспорта (на озере Иссык-Куль), первых автомобилей, а также и современных видов связи — почтово-телеграфного сообщения, внутригородской телефонной связи в Пишпеке.

Положительные сдвиги в развитии путей сообщения, транспорта и средств связи вели к тому, что к началу первой мировой войны сравнительно с серединой XIX в. стала намного оживленней торговля между отдельными районами Киргизии, в частности между северными и южными, а также и со смежными областями Туркестанского края. Киргизия активно включалась в складывавшийся общетуркестанский внутренний рынок, являвшийся в свою очередь частью всероссийского. Значительно вырос и товарооборот между Киргизией и Россией, в котором по вывозу преобладали скот и животноводческое сырье, а по ввозу — мануфактура и другие фабрично-заводские товары.

Хотя во внутрикраевых торговых связях еще главенствовала традиционная разъездно-меновая торговля, с конца XIX в. распространилась ярмарочная и базарная торговля, а с началом XX в. последнюю стала теснить более прогрессивная стационарная ее форма. Причем, если в торговле с Россией лидирующее положение занимало российское купечество, в межобластной торговле — узбекские, татарские, казахские купцы, отчасти киргиз-

ские скототорговцы, то во внутренней торговле, особенно в глухих горных районах, преобладали уже представители зарождавшейся в киргизской среде купеческой прослойки.

С вхождением Киргизии в состав России претерпевала изменения и социальная структура общества. Сдвиги в развитии народного хозяйства края, как ни малы они были даже по туркестанским меркам, сопровождались появлением в социальном составе населения Киргизии представителей новых зарождавшихся классовых сил, характерных уже для буржуазного общества,— первых многонациональных отрядов наемных рабочих — в городе, переселенческой деревне, ауле и кишлаке и противостоящих им новых эксплуататоров — горнозаводчиков и различных предпринимателей, местной торгово-ростовщической буржуазии, байско-кулацких элементов.

При этом характерно, что если представители трудового крестьянства и дехканства, особенно бедняцкой его части, выступали совместно с рабочими в общей борьбе трудящихся разных национальностей края против двойного гнета, то старые и новые эксплуататоры сообща угнетали трудящихся дореволюционного Киргизстана при поддержке царских властей на местах. Складывание предпосылок революционного объединения трудящихся киргизской и других нерусских национальностей Киргизстана с революционным российским пролетариатом в буржуазно-демократических революциях, их союз в борьбе за победу и упрочение Советской власти — важнейшее прогрессивное последствие добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Время добровольного вхождения Киргизии в состав Российского государства совпало с пореформенным развитием экономики страны по капиталистическому пути и сопутствовавшим ему подъемом демократической культуры, науки и литературы, взлетом общественно-политической мысли, усилением непосредственных культурно-бытовых взаимосвязей между народами многонациональной державы. Одной из прогрессивных тенденций капитализма, как известно, является ломка национальных, этнокультурных и хозяйственных перегородок, ликвидация этнической обособленности, усиление общения различных народов между собой, постепенная интернационализация их общественно-политической, экономической и культурной жизни. Выражением этой тенденции стала деятельность в Туркестане, включая Киргизию, передовых представителей русской культуры — ученых-путешественников, местных краеведов и интеллигентов. Они были инициаторами многих важных научных и культурных начинаний, проводниками влияния передовой русской культуры на духовную жизнь отсталого горного края.

С вхождением Киргизии в состав России появились реальные возможности изучения природных особенностей и ресурсов Киргизстана, его историко-культурного прошлого, хозяйства, быта, языка и устного поэтического творчества киргизского народа со

стороны отечественных путешественников и ученых. Живой интерес к этим «полпредам» русской науки проявляли встречавшиеся им в маршрутах жители переселенческих поселков и аилов, доставляя полезную информацию о дорогах, примечательных природно-географических особенностях, историко-культурных памятниках края, кочевой жизни и быте. Практически ни одна из научных экспедиций не обходилась без проводников, караванщиков, переводчиков или даже коллекторов и препараторов из среды местных жителей — киргизов, казахов, узбеков, таджиков и старожилов-переселенцев — обычно лучших знатоков своей земли, ее фауны и флоры, исторических легенд и преданий, передававшихся из поколения в поколение[74]. Так уже научное изучение Киргизстана закладывало в определенной мере основы дружественных культурных взаимоотношений русского и киргизского народов.

Особое значение для развития культурной жизни Киргизстана второй половины XIX — начала XX в. имело постепенное приобщение киргизского народа к передовой культуре великого русского народа. «И как бы тому ни противился царизм, но через немногие русско-туземные школы, медицинские и ветеринарные пункты, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения в жизнь киргизских трудящихся, хотя и редко, но проникали светлые лучи научных знаний»[75].

Основанные в Киргизии после ее вхождения в состав России светские школьные учреждения и профессиональные училища преимущественно низшего типа (сельскохозяйственные школы в Пишпеке и в Пржевальске) стали важным источником проникновения русского языка в среду учащейся молодежи киргизской и иных местных национальностей. Такие школьные учреждения в основном содержались за счет добровольных пожертвований городского и сельского населения, в массе своей далеко не состоятельного, но чувствовавшего в изменяющихся условиях жизни необходимость светского образования и знания «русской грамоты» и разговорного языка. Вопреки действиям царских властей, всячески ограничивавших развитие сети школ для коренного населения и видевших в них прежде всего средство для создания из местных жителей кадров низовой администрации, русско-туземные школы в общем сыграли объективно положительную роль в приобщении молодежи местных национальностей к русской культуре и начаткам просвещения, в освоении русского языка.

Принятие киргизами российского подданства привело к развитию их культурных связей с представителями других народов, особенно в среднеазиатско-кавказском регионе. Так, в конце XIX — начале XX в. некоторые, конечно, немногие киргизские дети получили возможность обучаться русскому языку в мусульманских школах Казахстана, Узбекистана и Азербайджана. Причем азербайджанские просветители пересылали в Киргизию и методическую литературу для обучения русскому языку учащихся

тюркоязычных народов[76]. Уже с конца XIX в. складывались предпосылки того, что еще до Октябрьской революции русский язык становился языком межнационального общения. Учащавшееся общение киргизов с представителями русского передового учительства и трудовыми переселенцами послужило обогащению словарного состава и разговорной лексики киргизского языка многими русскими и украинскими терминами, имеющими отношение к хозяйству, торговле, повседневным явлениям бытовой жизни, новому административно-территориальному делению и государственному устройству края. Непосредственный контакт киргизского народа с русским в результате добровольного вхождения Киргизии в состав России был важнейшим фактором, обусловившим «благотворное влияние русского языка на киргизский и имевшим глубоко прогрессивное значение в дореволюционной и последующей жизни киргизского народа»[77].

Постепенно нараставший приток переселенческого населения в Киргизию послужил одной из предпосылок для открытия здесь не только светских школ, но и первых культурно-просветительных учреждений — библиотек (первоначально для русских с 1892 г., а затем и для коренных жителей), а впоследствии и кинематографа. Возникновение и работа общественных библиотек и читален в Киргизии — одно из проявлений культурно-просветительной деятельности прогрессивной русской интеллигенции в крае. Примечательны факты появления среди посетителей общественных библиотек и народных читален для лиц нерусских национальностей, а в 1906 и 1917 гг.— нескольких библиотек для коренного населения края.

Об усилившемся после вхождения Киргизии в состав России стремлении коренных жителей края к просвещению и знаниям свидетельствуют распространение здесь газет и книг на тюркских языках, открытие книжных лавок в уездных городах и даже в некоторых отдаленных тянь-шаньских горных селениях. Но попытки передовой части русского городского общества, в том числе и пишпекских социал-демократов, создавать вечерние воскресные школы, общественные библиотеки и газеты демократического направления, вызывали резкое сопротивление царских властей.

Прогрессивное значение вхождения Киргизии в состав России в области здравоохранения проявилось и в открытии первых, хотя и немногих лечебных учреждений — приемных покоев, амбулаторий, больниц, частных аптек с медицинским персоналом, в применении некоторых принципов участковой системы медицинского обслуживания.

Было положено начало оспопрививанию, проводились и некоторые другие санитарно-профилактические мероприятия, был учрежден ветеринарный надзор. Началось исследование русскими врачами минеральных источников, а на некоторых из них открыты водолечебницы. Появились первые публикации по научно-практической медицине, о состоянии здравоохранения в Киргизии, целебных свойствах ее минеральных вод и природно-климатических условий Иссык-Куля и т. п.

Многими годами жизни и неустанного служения трудовому народу оказались связаны с Киргизией одни из первых медиков Токмака и Пишпека — врач А. В. Пржегодский и фельдшер В. М. Фрунзе — отец нашего прославленного земляка М. В. Фрунзе, его старший брат К. В. Фрунзе, служивший врачом в лечебницах Переселенческого управления в Пржевальском уезде, а перед революцией на ЧУПРе[78], и др. Энтузиасты отечественной медицины оказывали посильную помощь страдавшим от социальных и эпидемических болезней трудовым людям из русских горожан и крестьян-переселенцев, дунганам и киргизам. Ученики русских врачей — оспопрививатели из грамотных киргизов, татар и др. нерусских национальностей на практике доказывали преимущества научной медицины. Благородная деятельность русских энтузиастов-медиков, в том числе женщин-акушерок и фельдшериц, постепенно завоевывала доверие у киргизского и другого местного населения, которое все чаще (включая и женщин из коренных жителей края) обращалось в городские и сельские лечебные учреждения, прибегая к помощи работников русской медицины.

Вместе с тем нельзя забывать, что один врач приходился до революции на десятки тысяч жителей, а одна больница — на добрую сотню тысяч. Но такова уж была подлинная мера «заботы» царских властей о здоровье трудящихся.

Немаловажное значение в расширении межнациональных культурных контактов и взаимосвязей имела установившаяся с 70-х годов XIX в. практика устройства различных выставок в Туркестанском крае, центре России и за границей. Все это содействовало взаимообогащению разных национальных культур и сближению их представителей, совместно проживавших в Средней Азии (включая Киргизию) и Казахстане.

В числе благоприятных факторов, способствовавших развитию передовой общественно-политической мысли киргизского народа после вхождения его в состав России, была возможность более тесного, чем прежде, общения киргизских трудящихся в лице акынов-демократов, некоторых учителей киргизских школ, отдельных лиц не только грамотных, но и по-своему высокопросвещенных с представителями татарского, азербайджанского, казахского и других народов нашей страны, знакомства с их культурным наследием и современными деятелями культуры, педагогики и устной поэзии. Эти народы гораздо раньше, чем киргизский, присоединились к России и были более тесно связаны с русским народом и его передовой интеллигенцией, раньше приобщились к богатейшей русской культуре, испытывая влияние революционно-демократической мысли России. Через представителей этих народов, близких киргизам по языку и некоторым формам духовной и материальной культуры, в среду киргизского населения

доходила информация об общественно-политических и революционных событиях, крупных явлениях культурной жизни в России и других странах[79]. Такое общение было тем более важно, что до победы Великого Октября подавляющее большинство киргизского населения не знало русского языка, будучи почти поголовно неграмотным.

Прогрессивные изменения особенно отчетливо проявлялись в устном народном творчестве киргизского народа, где все более четко размежевывались представители двух идейно-противоположных течений: господствующего феодально-клерикального и набиравшего силу народно-демократического. Сторонники первого, выражая интересы бай-манапов, воспевали давно отжившие патриархально-родовые отношения, носителей их пережитков и традиций, яростно боролись против влияния русской культуры, препятствуя тем самым сближению трудового киргизского дехканства и русского переселенческого крестьянства. Представители второго течения, выразители народно-демократической идеологии, выступали в защиту интересов киргизских трудящихся, критиковали отсталые патриархально-феодальные традиции, вредные религиозные пережитки и суеверия, воспевали свободу и призывали киргизский народ активно приобщаться к русской культуре, устанавливать подлинно добрососедские отношения с русским трудовым переселенческим населением. «...Идеи дружбы киргизского народа с русским и другими народами России ярко воспевались талантливыми народными акынами Токтогулом Сатылгановым и Тоголоком Молдо, такими видными представителями киргизской культуры, как Мураталы Куренкеев, Калык Акиев, Барпы Алыкулов, Алымкул Усенбаев и другими»[80].

Прогрессивное влияние русской музыкальной культуры сказалось на музыкальном творчестве киргизского народа, его выдающихся певцов и музыкантов. В праздничные дни, часы веселья и отдыха в городах и переселенческих селениях стали звучать русские народные песни и наигрыши, а также некоторые популярные мелодии русских композиторов. Общение музыкантов Токтогула Сатылганова и Муратаалы Куренкеева — выразителей сокровенных дум и чаяний трудового дехканства с представителями русского и соседних среднеазиатских народов, их акынами, певцами и музыкантами способствовало расширению традиционного киргизского песенно-музыкального репертуара за счет включения в него мелодий и песен русских, татар, казахов, узбеков и других народов.

В свою очередь русские композиторы, музыканты и музыковеды интересовались творчеством и собирали коллекции музыкальных инструментов киргизского и других среднеазиатских народов, производили записи местного музыкального фольклора и в отдельных случаях, творчески его переработав, включали в свои произведения.

Значительное оживление в общественную и культурную жизнь Киргизии, как и всего Туркестанского края, внесло возникновение и деятельность, наряду с другими культурными очагами, добровольных музыкально-драматических кружков и обществ. Они содействовали не только культурному развитию русского населения, но в известной степени приобщали горожан-узбеков, татар, киргизов и дунган к передовой демократической культуре России, оказывая тем самым влияние на развитие их национальных культур, что способствовало установлению дружественных взаимоотношений между коренным, русским и другим переселенческим населением дореволюционной Киргизии.

Столь же значительное влияние оказало общение киргизов с русским и другим переселенческим населением на все стороны их материальной культуры — жилище, пищу и одежду. Причем киргизское население заимствовало элементы русской материальной культуры избирательно, и лишь то, что было наиболее рационально, близко к его традиционному хозяйственно-бытовому укладу и отвечало в известной мере его художественно-эстетическим взглядам. В свою очередь в результате общения русских новоселов с киргизским населением они также перенимали некоторые компоненты их материальной и духовной культуры. Складывались предпосылки для взаимообогащения, начинавшейся интернационализации всех сторон жизни многонационального населения Киргизстана.

Отмечая сдвиги в развитии просвещения, культуры, а также экономики киргизского народа, связанные с его вхождением в состав России, трудящиеся Киргизской ССР в своем обращении к Центральному Комитету партии, Советскому правительству, к русскому народу (1946 г.) писали: «Вместе с появлением русских на киргизской земле начали пробиваться тогда еще слабые ростки культуры и просвещения. Не царизм и его сатрапы, а передовые представители России несли эту культуру...

Русские научили нас подчинять природу и исследовать ее сокровища. Первый завод и шахту, первую школу и больницу построили у нас русские. Могучая русская культура стала источником быстрого прогресса нашего народа»[81].

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что добровольное вхождение Киргизии в состав России сыграло огромную роль в дальнейших судьбах киргизского народа, способствовало приобщению трудящихся масс края к общероссийскому революционному движению, завершившемуся в 1917 г. победой Великого Октября. Эта победа открыла эпоху невиданного экономического, социально-политического и духовного прогресса киргизского народа, эпоху его активного исторического творчества в братской семье народов СССР.

Глава II

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИРГИЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX—НАЧАЛО XX В.)

1. Административная и земельно-налоговая политика царизма

Административно-судебное устройство

Закрепляя свои политические и экономические позиции в Средней Азии, царизм устанавливал здесь общую для империи систему административного управления. Так, киргизы Прииссыккулья, Чуйской, Кеминской долин и Внутреннего Тянь-Шаня, принявшие российское подданство в середине 50— начале 60-х годов XIX в., были включены в Алатавский округ[1] Семипалатинской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

В 1864 г. после соединения Оренбургской и Западно-Сибирской пограничных линий образовалась Туркестанская область в составе Оренбургского генерал-губернаторства, в которую вошли вышеперечисленные местности, а также Таласская и Кетмень-Тюбинская долины. С присоединением к России ряда территорий за Сыр-Дарьей царским указом была создана комиссия для составления проекта Положения об управлении краем. Особый комитет одобрил проект, и 11 июля 1867 г. было утверждено «Положение об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях».

Одновременно последовало учреждение Туркестанского генерал-губернаторства (с центром в Ташкенте), включавшего Сыр-Дарьинскую (центр г. Ташкент) и Семиреченскую (центр г. Верный) области, граница между которыми с юга на север проходила по реке Курагаты, берущей начало в Киргизском Ала-Тоо и впадающей в реку Чу.

Области делились на уезды. В Сыр-Дарьинскую область входили: Аулие-Атинский, Ходжентский, Джизакский, Ташкентский, Чимкентский, Туркестанский, Казалинский и Перовский уезды; в Семиреченскую — Иссык-Кульский, Токмакский, Верненский,

Канальский и Сергиопольский уезды. Каждый уезд, в свою очередь, делился на волости, а последние — на административные аилы.

В начале 1876 г. в связи с ликвидацией Кокандского ханства в составе Туркестанского генерал-губернаторства была образована Ферганская область, куда входила и южная часть Киргизии. Область состояла из семи уездов: Андижанского, Ошского, Маргеланского, Наманганского, Кокандского, Чустского и Исфаринского. Власти Ферганской области первоначально руководствовались неутвержденным «Положением об управлении Туркестанским краем» 1873 г., проект которого был разработан от имени туркестанского генерал-губернатора. С 1886 г. в области действовало уже «Положение об управлении Туркестанским краем», по которому Туркестанское генерал-губернаторство, включавшее Самаркандскую, Сыр-Дарьинскую и Ферганскую области, преобразовывалось в Туркестанский край.

Семиреченская же область в 1882 г. была присоединена к Степному генерал-губернаторству, а с 1899 г. вновь влилась в состав Туркестанского края. По «Положению» 1891 г. она состояла из шести уездов: Пржевальского, Пишпекского, Верненского, Джаркентского, Капальского, Лепсинского.

В дореволюционный период территория Киргизии охватывала Пишпекский, Пржевальский, Аулие-Атинский (Таласская долина), Ошский, Андижанский, Наманганский, Маргеланский (Скобелевский), Кокандский и Ходжентский (территория современного Ляйлякского района) уезды.

«Положением об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях» 1867 г. верховная власть в крае полностью была сосредоточена в руках генерал-губернатора Туркестана. Во главе гражданского и военного управлений областей стояли военные губернаторы. Действовавшие при военных губернаторах областные правления возглавлялись вице-губернаторами. В состав областных правлений входили распорядительный, хозяйственный и судебный отделы, руководство которыми осуществляли старшие советники. Генерал-губернатор по представлению военных губернаторов назначал уездных начальников, имевших по два помощника. Причем младший из них был из числа представителей местной феодальной верхушки.

Волости создавались в основном по территориально-географическому признаку. Большинство волостей в уезде включали обычно 1000 — 2000 кибиток, а каждый из аилов 100 — 200 кибиток *(түтүн)*.

Волостные управители и аильные старшины избирались сроком на три года. Выборы были не прямыми: 50 кибитковладельцев открытым голосованием выбирали из числа «влиятельных лиц» одного выборщика — *элүү башы*. Получивший большинство голосов на съезде выборщиков считался избранным на должность волостного управителя, следующий, набравший меньше го-

лосов — кандидатом. Волостные управители считались избранными только после утверждения их военным губернатором, а аильные старшины — уездным начальником, причем на выборах волостных управителей присутствовали уездные начальники или их помощники, а аильных старшин — волостные управители, что, несомненно, имело также своей целью не допустить избрания лиц, нежелательных властям.

Волостные управители подчинялись непосредственно уездному начальнику и исполняли все его распоряжения. В их руках сосредоточивалась вся низовая хозяйственно-административная и полицейская власть. Они следили за настроением народных масс, за своевременным сбором податей, выполнением населением повинностей и т. д. Старшины, повинуясь волостным управителям, выполняли их указания в пределах своего административного аила.

В районах оседлого населения сельские, а в городах — квартальные аксакалы, так же как волостные управители и аильные старшины, избирались сроком на три года. Результаты выборов утверждались военным губернатором. Как и волостные управители кочевого населения, аксакалы наделялись распорядительной и полицейской властью.

«Положением» 1867 г. были созданы уездные суды и военно-судебные комиссии, которые руководствовались действующими законами Российской империи. Местное население подлежало судебной ответственности по общим уголовным имперским законам, кроме дел о насильственном угоне скота *(барымта)* между киргизами. Дела об убийстве должностных лиц, о выступлениях против правительства, об измене, нападении на казенные транспорты и почту рассматривались в военных судах.

Для кочевого населения были сохранены суды биев, для оседлого — казиев, которые разбирали дела, не входившие в ведение уездных и военных судов. В судебном производстве суд казиев руководствовался шариатом, основанном на коране, а суд биев — нормами обычного права (*адат*).

От каждого административного аила выбирался один бий (судья) сроком на три года. В зависимости от количества кибиток на каждую волость приходилось до 8 биев, результаты избрания которых утверждал военный губернатор. Жалованье биям не предусматривалось. Они получали вознаграждение за решение дел с виновных (*айып* — штраф, установленный обычаями). По имущественным искам штраф не должен был превышать десятую часть стоимости имущества, что однако нередко нарушалось в пользу биев. Исковые дела на сумму не свыше 100 руб. решались биями административного аила. Иски, превышавшие 100 руб. (до 1000 руб.), рассматривались на волостном съезде биев, где присутствовал волостной управитель, а на сумму свыше 1000 руб.— на чрезвычайном съезде биев одного или нескольких уездов. Последние созывались периодически по

распоряжению уездных начальников и с согласия военного губернатора области.

В конце XIX — начале XX в. в связи с ростом освободительной борьбы угнетенных народов и началом проникновения в Среднюю Азию революционных идей военно-колониальный режим царизма в крае усилился. Это нашло отражение в «Положениях» об управлении Туркестанским (1886 г.) и Степным (1891 г.) краями.

Расширились права генерал-губернатора края, военных губернаторов областей и уездных начальников. Увеличилась штатная численность чиновничьей бюрократии. В областных центрах учреждались городские полицейские управления, а в Пржевальске, Джаркенте и других городах — городские приставства. В уездах были введены штатные должности участковых приставов. Они доносили о настроениях населения, слухах о готовящихся выступлениях и пр. уездным начальникам, а те в свою очередь — военным губернаторам.

По «Положениям» 1886 и 1891 гг. формальная выборность местной администрации не отменялась, но военный губернатор имел право по своему усмотрению назначать без проведения выборов волостных управителей и аильных старшин.

Вместо уездных и военных судов учреждались мировые и областные суды, рассматривавшие уголовные и гражданские дела. Создавался следственный аппарат. Следствие вели судебные следователи и помощники мировых судей; в отдельных уездах, где они не предусматривались по штату, следственные функции возлагались на самих мировых судей[2].

Вышеуказанными «Положениями» как для кочевого, так и для оседлого коренного населения сохранялись так называемые «народные суды» — биев и казиев, но многие уголовные преступления, рассматривавшиеся ими по «Положению» 1867 г., были переданы судам имперского типа.

Административные мероприятия царизма привели к ослаблению позиций крупных манапов: во-первых, они лишились права наследования власти, во-вторых, в связи с разделением крупных племен на волости сузилось их влияние на подвластное население, в-третьих, был запрещен произвол. Должностные лица могли действовать лишь в пределах закона. Все это способствовало разложению патриархально-феодальных отношений. Однако, формально придерживаясь законов о выборности волостных управителей, аильных старшин, биев и казиев, царские власти на деле, всегда и везде поддерживали избрание угодных им представителей феодально-родовой знати.

Баи, манапы, стремясь занять в местной администрации выгодные должности, организовывали еще до выборов две-три, а то и более группировок из своих сторонников, прибегали к всевозможным махинациям, а взятки и подкуп были обычным и широко распространенным явлением.

«Положениями» об управлении Туркестанским и Степным краями царизм не учитывал границ расселения национальностей, что служило целям разобщения киргизского народа, оказавшегося в составе четырех областей и девяти уездов, причем в ряде уездов киргизы составляли меньшинство населения.

В целом система управления краем носила военно-колониальный характер, сущность которого состояла в том, чтобы управлять местным населением с помощью феодально-байской верхушки, сосредоточивая при этом основные рычаги управления в уездах, областях и крае в руках представителей Военного министерства. Содержание административно-управленческого аппарата края обходилось трудовому народу очень дорого: 65% годового бюджета Туркестанского генерал-губернаторства тратилось на нужды военно-полицейских и административных ведомств[3].

Устройство административно-управленческого аппарата предопределялось классовой природой царского самодержавия, преследовавшего цель обеспечения на окраинах империи экономического и политического господства метрополии и подавление освободительной борьбы народных масс.

Аграрная политика и переселение крестьян в Киргизию

С утверждением власти царизма в Средней Азии возникла необходимость не только организовать административное управление новым краем, но и решить сложный и острый земельный вопрос, затрагивавший интересы и судьбы миллионов коренного населения. Это и нашло свое отражение в «Положениях», принятых царским правительством в 1867 и 1891 гг., согласно которым все земли кочевников были признаны государственной собственностью.

Предоставление полного права частной собственности на землю оседлому населению края, в том числе и оседлым киргизам, положило начало развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве и усилению разложения феодальных отношений. Однако этот процесс сдерживался рядом ограничений в формальном отчуждении земельных участков местными органами власти.

Вся территория расселения кочевников и полукочевников делилась на летние пастбища и призимовочные территории. Законодательно была определена общинная форма пользования летними и зимними пастбищами населением того или иного уезда и подворно-участковая в отношении зимовок и культурных угодий.

Общинная форма землепользования была выгодна крупным скотовладельцам, так как по существу площади пастбищ отдельных хозяев определялись количеством скота. Баи и манапы, наделяя бедняков своим скотом, тем самым фактически наделяли их и землей и на этом основании присваивали почти всю продукцию, создававшуюся бедняцким трудом[4].

По «Положениям» 1886 и 1891 гг. право распределения зимовок и культурных угодий между волостями, аильными обществами и отдельными хозяйствами предоставлялось особым съездам волостных и аильных выборных лиц, которые оказывались выразителями интересов феодалов и зажиточных слоев населения. Естественно, что в их пользу решались и поземельные споры. Получая крупные по площади и лучшие по качеству земельные участки, зажиточные элементы сдавали часть земли в аренду за высокую плату. Поскольку же зимовки с культурными угодьями распределялись между хозяйствами внутри общин по количеству скота, то бесскотные хозяйства оказывались лишенными этих угодий. В приферганских оседлых районах юга Киргизии еще при ханской власти существовали мильковая и вакфная формы собственности — собственность на землю отдельных лиц и духовных учреждений.

Действия царской администрации были направлены на ослабление позиций крупных феодалов, поэтому сохранение значительных земельных площадей за отдельными лицами и духовными учреждениями представлялось властям невыгодным в экономическом и нецелесообразным в политическом отношении.

Специальная комиссия разделяла мильки на облагаемые налогами — *хаир-хур* и необлагаемые или «обеленные» — *хури-халис*, утверждая, что владелец земель мильк — *хаир-хур*, в сущности, пользователь, а не собственник, хотя право его пользования есть наследственное и отчуждаемое, но фактическим собственником мильковых земель является государство. Соответственно этому на основании проекта «Положения» 1873 г. должно было производиться изъятие мильковых земель. В то же время по ст. 211 «Положения» признавалось право собственности за владельцами мильк — хури-халисных земель, если на то имелись документы, скрепленные печатями бывших ханов и не вызывавшие сомнений в подлинности. В случае, если документы не отвечали этим требованиям или вообще отсутствовали, заселенные участки изымались у владельцев и передавались лицам, обрабатывавшим эти земли, а незаселенные закреплялись за их бывшими собственниками и облагались налогами. Следует отметить, что само распределение заселенных мильковых земель осуществлялось под надзором царских чиновников, и эти земли вновь попадали эксплуататорским элементам.

Проверялись и вакфные документы чиновниками поземельно-податных комиссий. Девять десятых таких документов были признаны недействительными, в результате чего только незначительное количество вакфов сохранялось за владельцами[4].

Ко времени утверждения «Положения» 1886 г. мильковые привилегии по существу были уже упразднены, и в «Положении» не фигурировала статья о мильковладельцах. Ликвидация мильковых *(мильк хаир-хур)* и вакфных земель значительно

подрывала экономические позиции светских и духовных феодалов.

Как верховный собственник всех земель Туркестанского края, Российское государство распоряжалось ими по своему усмотрению. За предоставление земли дехканам с них взыскивалась рента в виде налогов и повинностей.

Признание всех земельных ресурсов края государственной собственностью послужило царизму в последующем еще и юридической основой насильственного изъятия части земель («излишков») в так называемый переселенческий фонд.

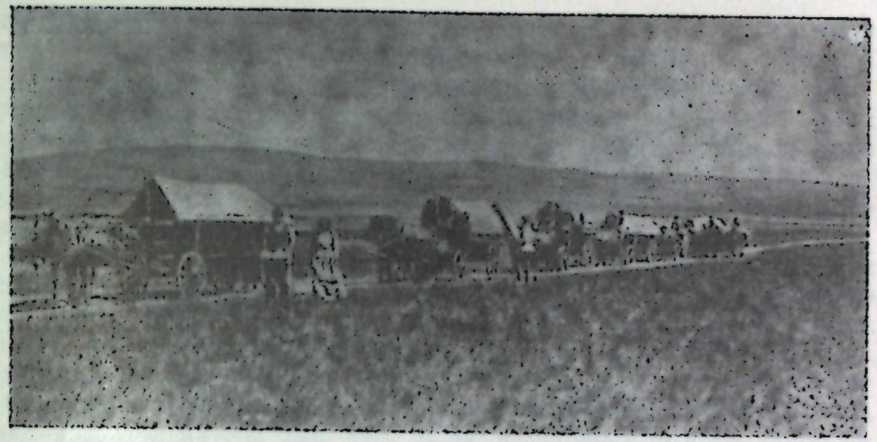
— В пореформенный период переселенческий вопрос был в центре внимания правительства. Переселением части крестьян в свои новые владения царское самодержавие преследовало цель смягчить остроту аграрных противоречий в центральных областях страны и тем самым ослабить крестьянское движение.

В переселенческой политике царизма прослеживается несколько этапов. Руководствуясь своими экономическими и политическими интересами, правящие круги империи в начальный период, исходя из внутренней обстановки, поощряли переселенческое движение, но затем нередко и ограничивали, сдерживали его. В целях быстрого заселения края крестьянами-переселенцами и в надежде на образование здесь значительного слоя «крепких» зажиточных хозяйств, царское правительство установило поначалу большие размеры земельных наделов (в 1869 г. по 30 дес. на каждую мужскую душу). Переселенцев освобождали от всех податей и повинностей, в том числе рекрутской, на 15 лет, им предоставляли ссуды, стремясь обеспечить необходимые условия для создания в лице кулацких хозяйств социальной опоры царизма в Туркестане.

Однако позднее, по мере сокращения фонда так называемых «излишних земель» и увеличения числа самовольных переселенцев, правительство стало на путь уменьшения земельного надела. В 1876 г. надел составлял уже 17, затем —10, а в начале XX в.— 4—6 десятин. Впрочем, земли, находившиеся в пользовании представителей военного сословия — казаков, являвшихся оплотом царизма на окраинах, не сокращались и не урезывались.

Переселение крестьян и казаков в Семиреченскую область царизм стал проводить в 60-е годы XIX в. С 1868 по 1883 г. здесь образовалось 36 русско-украинских поселений, в которых проживало 2500 семейств. Кроме того, к городам области было приписано около 190 купеческих и 1400 мещанских семей. Одновременно этим процессом был охвачен и Аулие-Атинский уезд Сыр-Дарьинской области, в частности, Таласская долина. В Ферганскую область и на юг Киргизии переселение началось позднее — с 1893 г.

В 1891—1892 гг. вследствие неурожая и голода во многих областях Европейской России численность русских и украинских крестьян на восточных окраинах, особенно самовольных переселенцев, резко увеличилась. В Туркестанском крае 12 тыс. самовольных крестьян-переселенцев образовали тогда 23 поселка. В Семиречье прибыло более 1700 семей «самовольных», что составило 85% имевшегося там русско-украинского населения.

Переселенцы в пути

Дальнейшему развитию переселенческого движения на окраины, в частности в Киргизию, препятствовало отсутствие здесь достаточного количества удобных земель, особенно орошаемых. Опасаясь возможных осложнений из-за недостатка пригодных для заселения земель, правительство в июле 1896 г. запретило переселение в Семиреченскую область, а спустя год также в Ферганскую, Сыр-Дарьинскую и другие области. С 1896 по 1905 г. Туркестанский край официально считался закрытым для переселения. Однако накануне революции 1905—1907 гг. самовольное переселенческое движение снова приобрело значительный размах. Переселенцы направлялись главным образом в Семиреченскую область, куда в 1902 г. прибыло более 2700 семей, из которых около 1200— в Пишпекский уезд.

В связи с событиями 1905 г., когда в результате пролетарского движения и аграрных выступлений крестьянства оказались под угрозой помещичье землевладение и само царское самодержавие, вновь встал вопрос об открытии Туркестана для переселения «избыточных» безземельных крестьян из Центральной России.

Были созданы Семиреченский и Сыр-Дарьинский переселенческие районы. В 1906 г. в Туркестанском крае насчитывалось уже 77 тыс. переселенцев (в большинстве неустроенных), в том числе в Семиреченской области —40, Сыр-Дарьинской —27, Ферганской — около 4 тыс., основная часть которых стремилась осесть главным образом в кочевых и полукочевых районах, населенных киргизами и казахами. 83% этих крестьян-переселенцев

были выходцами из наиболее ограбленных по реформе 1861 г. южных и черноземных районов Украины и России.

В 1908—1912 гг. Туркестанский край был снова закрыт для переселения, но проведенная «по высочайшему повелению» ревизия местных переселенческих учреждений (во главе с сенатором графом К. К. Паленом) выявила «излишки» земель, и переселенческое движение официально возобновилось.

Анализ переселенческой политики царского самодержавия на материалах Киргизии подтверждает высказывание В. И. Ленина о том, что «переселенческая политика правительства руководилась лишь одними интересами кучки крепостников-помещиков и, вообще, господствующих классов, угнетающих рабочие массы и трудящееся крестьянство»[5], а «...совершенно невыносимое положение крестьян таково, что русский мужик готов бежать не только в Сибирь, но и на край света...»[6]

Тяжела была жизнь многих переселенцев, особенно самовольных. Правительство не считало нужным заботиться об их устройстве, но оказывало всяческую поддержку кулакам и казакам, захватившим лучшие земли. Нередко местная администрация встречала самовольных переселенцев враждебно и вынуждала их покидать подведомственные ей районы. Если же власти и размещали этих переселенцев, то чаще всего на безводных и неплодородных землях. Не получая помощи, самовольцы разбредались в поисках свободных земель или вынуждены были арендовать их у зажиточной части коренного населения, а также наниматься батраками к кулакам.

В 1909 г. в Семиреченской области насчитывалось 25 тыс. крестьян, не имевших земельного надела, в том числе в Пишпекском уезде —11 и в Пржевальском — около 4 тыс. Даже в материалах ревизии К. К. Палена отмечалось, что «экономическое положение переселенцев оставалось крайне тяжелым»[7]. Особенно страдала беднейшая их часть, не имевшая средств для устройства жилищ, приобретения скота и инвентаря. Нередко обездоленные переселенцы, вконец разорившись и потеряв надежду на будущее, возвращались назад.

В. И. Ленин, характеризуя аграрную политику царизма как в центре России, так и на ее национальных окраинах, писал, что «вся история самодержавия есть сплошной грабеж местных, областных, национальных земель...»[8]

В период столыпинской реформы царизм приступил к массовому изъятию земель, находившихся в пользовании коренного населения Туркестанского края. Особенно безжалостному вытеснению с издавна занимаемых мест подвергались киргизы и казахи, связанные с кочевым и полукочевым скотоводством. Это вынуждены были признать сами царские чиновники. Туркестанский генерал-губернатор в рапорте императору от 26 июля 1916 г. сообщал: «Среди других народностей, населявших Туркестанский край, киргизское население... является наиболее бесправным от-

носительно пользования землею»[9]. Несмотря на это, изыскивались все новые и новые средства ограбления коренного населения.

Отчуждение земель у коренного населения носило повсеместный характер. В Семиреченской области только в 1907 г. было отмежевано 289 тыс. дес. земли, на которых предполагалось организовать 36 переселенческих участков. К 1914 г. коренное население области лишилось 4,2 млн. дес. удобной земли. Кроме того, намечалось отнять еще 4 млн. дес.

Изъятие земель активно проводилось и в Ферганской области, в частности в ее предгорьях и горно-долинных районах, населенных киргизами. В 1914 г. группа статистиков, обследовав свыше 8800 киргизских хозяйств Ошского, Скобелевского и Кокандского уездов, пришла к выводу о наличии у них 1,3 млн. дес. земель «излишних». Киргизскому населению этих уездов предполагалось оставить только 762 тыс. дес., включая площади, приходившиеся на высокогорную скалистую местность.

Коренному населению, переходившему к оседлому образу жизни, царские власти отводили определенные участки, а места прежних кочевий причисляли к «излишним» землям. В результате этого только в 1910 г. жители Восточно-Сокулукской волости Пишпекского уезда потеряли 13 тыс. дес. земли. Военный губернатор Семиреченской области в своем отчете за 1910 г. писал: «Столь же значительные, надо думать, земельные излишки должны будут получаться при устройстве на оседлом положении и других киргизских волостей, изъявивших желание оставить кочевой образ жизни»[10]. Причем нередко наделы оседавшим кочевникам выделялись небольшими участками в разных местах, что значительно осложняло ведение земледельческого хозяйства и тормозило процесс оседания.

Правительственные органы обещали возместить оседлым и полуоседлым киргизским хозяйствам стоимость снесенных на изымаемых землях домов и хозяйственных построек, посевов люцерны, древесных и фруктовых насаждений, но это обещание выполнялось редко. Киргизские земли, в частности, пастбища, нередко отчуждались и в пользу казенного фонда или лесного ведомства. Это ведомство обладало в Киргизии 2,4 млн. дес. земли, тогда как фактически площадь лесных массивов составляла 1,2 млн. дес. Остальное было отобрано у кочевников под предлогом «государственной охраны» леса.

В Пишпекском и Пржевальском уездах казенному фонду принадлежало 352 тыс. дес. пастбищ, которые сдавались в аренду переселенческому населению, а иногда тем же самым аильным и сельским общинам, у которых они были изъяты. Из земель казенного и лесного ведомства должностным лицам отводились лучшие участки пастбищ и леса. В 1913—1915 гг. в Семиреченской области влиятельным чиновникам было роздано 1800 дес. земли. Все это вместе взятое вело еще и к разрушению традиционных скотопрогонных путей и кочевых маршрутов.

Накануне 1917 г. изъятие земель у коренного населения приняло столь широкие масштабы, что даже высокопоставленные царские чиновники были встревожены. Туркестанский генерал-губернатор в своем отчете за 1916 г. вынужден был признать, что «грабительское отобрание киргизских земель для казачьих станиц так называемых «неудобных земель», привело к неизбежности поземельных столкновений между казаками и киргизами, причем, казаки, поощряемые властями, всячески стесняли киргизов в смысле пользования кочевьями, воспрещая пасти скот даже на совершенно ненужных участках»[11].

Необходимо учитывать и то, что значительная часть земель, оставленных коренному населению, сосредоточивалась в руках феодальной знати. Большой ущерб трудящимся киргизам наносила практика сдачи манапами в аренду земли, принадлежавшей аилу, сельской общине, на что они юридически не имели права. Несмотря на это с позволения краевых властей и по решению общины или съезда волостных выборных, где верховодили богатеи, общинные земли сдавались в аренду, а арендная плата присваивалась феодальными элементами и должностными лицами.

В результате происходило массовое обезземеливание и разорение трудовых дехкан. Лишенные удобной земли, они были вынуждены на кабальных условиях арендовать землю у кулаков, казачьих офицеров, баев и манапов. Земли арендовали отдельные лица, а также целые аилы или сельские общины. На юге Киргизии, у оседлого населения, преобладала индивидуальная форма аренды, на севере — групповая. Процесс обезземеливания трудовых дехкан способствовал обострению аграрных отношений в крае, росту недовольства трудящихся политикой царизма и его приспешников.

Аграрная политика царизма, хотя и проводилась в интересах помещиков и развивающейся буржуазии, имела и свои объективно прогрессивные результаты. В связи с объявлением всех земельных угодий государственной собственностью бывшие датхи, беки, манапы были лишены права бесконтрольно распоряжаться землей. Они не могли, как прежде, продавать, передавать в наследство земли, закрепленные за отдельными обществами, облагать их членов налогами *(салык)*, заставлять по своему усмотрению народные массы отбывать многочисленные трудовые повинности. Таким образом, была подорвана экономическая основа дальнейшего развития феодализма, созданы условия для разложения патриархально-феодальных устоев и возникновения капиталистических отношений. Это ознаменовало начальную стадию перехода от низшей к более высокой и прогрессивной общественно-экономической формации, в условиях которой происходил процесс распада общин и зарождения новых классов — сельского пролетариата и сельской буржуазии. Однако эти важные социально-экономические перемены в жизни киргизов не были завершены до победы Великого Октября.

Переселенческие мероприятия царизма, преследовавшие интересы господствующих классов, в то же время имели по своим социально-экономическим последствиям объективно-прогрессивное значение. С переселением русско-украинских крестьян в крае стали появляться новые отрасли сельского хозяйства и промыслов. Крестьяне-переселенцы, имевшие большой опыт ведения земледелия, оказывали влияние на кочевых и полукочевых киргизов, ускоряя их переход к оседанию, к более передовым формам сельского хозяйства.

Самое же главное и решающее в социально-политическом плане заключалось в том, что общность судеб и интересов русской переселенческой бедноты и бедноты киргизского и других народов Средней Азии вела к зарождению и развитию дружественных отношений между ними. Через трудовую часть переселенцев в Киргизию проникали известия о крестьянском движении в России, о росте политического недовольства народных масс. Этот процесс дружественного влечения с обеих сторон сказался впоследствии в ходе борьбы за победу и упрочение Советской власти, когда бедняцкая часть русских и местных крестьян совместно выступала за общее дело трудового народа.

Введение новой налоговой системы

Налоговые мероприятия царизма в Средней Азии, в том числе и в Киргизии, начали осуществляться сразу же после вхождения края в состав Российской империи. Однако власти столкнулись здесь со специфически сложным местным налогообложением. Стала очевидной невозможность механического применения в условиях Средней Азии системы, существовавшей в России. Многое в обложении населения налогами сначала пришлось заимствовать от ханских времен, а затем приспосабливать к местным условиям действующее российское налоговое законодательство.

По обложению налогом население края делилось на две категории: кочевое скотоводческое и оседлое земледельческое. Основным видом налогового обложения кочевого населения являлась так называемая кибиточная подать. Краевой администрацией производился ориентировочный подсчет кибиток (хозяйств) и определялась общая сумма подати на аил. Вопросы, связанные с распределением платежей, формами и методами их взыскания, решались аильной администрацией.

Тяжесть налогового обложения населения все время возрастала. Увеличивалась сумма различных сборов и повинностей. В первую мировую войну кибитковладелец уплачивал до 15 руб. налогов, сборов и натуральных повинностей.

Действующие установления не вносили ясности в систему налогообложения. Если «Положение» 1867 г. указывало хотя бы на принцип распределения кибиточной подати «по благосостоянию» аилов, то «Положение» 1886 г. не имело даже такой оговорки.

Местное оседлое население платило два вида налогов. Посевные площади до 1886 г. облагались хараджем, а земли, используемые под сады, огороды, бахчи — танапной податью. Харадж

составлял 10% урожая и взыскивался в натуре, а размер танапных податей ежегодно менялся в сторону увеличения и выплачивался деньгами.

Объектом обложения хараджа являлся не фактический, а условный доход с посевов. Это было выгодно крупным землевладельцам, возделывавшим наиболее рентабельные культуры, поскольку доходы, полученные сверх установленных норм, налогом не облагались.

Указанная система не удовлетворяла растущих запросов казны, хотя и гарантировала поступление в бюджет заранее установленной суммы налога, но не обеспечивала возможности его увеличения. Поэтому с 1886 г. вносились некоторые изменения в поземельную систему. Облагаться стали не посевы, а все земли, годные для посева, независимо от того, обрабатывались они или нет. Это обеспечило увеличение налога только по Ферганской области в среднем на полмиллиона руб. в год.

При введенном для оседлого населения поземельном налоге, взимаемом также в размере 10%, как и при харадже, учитывался валовой доход с земли, но исчисление его теперь производилось в зависимости от урожайности полей и рыночных цен, определяемых областными правлениями, что гарантировало для казны повсеместное повышение налога.

Русские крестьяне-переселенцы выплачивали поземельный налог, который начислялся на сельские общества, а затем внутри них распределялся по дворам. Распределение налога находилось в руках сельских старост.

В период империализма налоговый гнет усилился. Расширился список объектов обложения. С 1907 г. в него были включены пустующие земли, замежеванные за сельскими и аильными обществами, которые прежде не учитывались. На двор падало больше налогов. Чтобы уменьшить их размер, население отказывалось от таких земель. Этим пользовалась зажиточная часть деревни и аила, которая могла свободно приобретать земельные участки по низкой цене. Создавались благоприятные условия для возникновения капиталистических отношений в сельском хозяйстве края. Следует подчеркнуть, что увеличение налогов вызывало сопротивление со стороны рядовых плательщиков.

Наряду с поземельным налогом и кибиточной податью непомерно тяжелым было для кочевого и оседлого трудового населения отбывание натуральных и земских повинностей: исправление дорог, арыков и мостов, предоставление перевозочных средств и топлива для воинских частей, борьба с саранчей и многих других, не предусмотренных «Положениями» и распределявшихся среди населения крайне неравномерно. Аилы, расположенные ближе к почтовым трактам, чаще привлекались к отбытию повинностей. При этом богатые откупались или выставляли за себя наемников. В денежном выражении натуральные повинности редко были меньше основных официальных податей.

Кроме земских налогов существовали так называемые общественные сборы, формально делившиеся на обязательные и необязательные. На деле необязательные всегда являлись обязательными. К первым относились сборы, идущие на содержание аильной и волостной администрации, ко вторым — расходы на постройку школ и дорог.

Внутри киргизских обществ существовали также не поддающиеся учету своеобразные феодальные «повинности». Крайне обременительным для трудового дехканства являлся *чыгым*, взимавшийся под предлогом покрытия расходов, связанных с выборами волостных управителей, аильных старшин, угощением царских чиновников, подношением подарков влиятельным лицам и т. п.

Пользуясь родовыми пережитками, которые представляют, по выражению Ф. Энгельса, «великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма»[12], манапы получали с трудящихся *кошумча, журтчулук, союш* и др. за имущественный ущерб, понесенный в барымте, в счет погашения расходов по похоронам сородичей, по устройству пира и т. п.

Налоговая политика царизма, отвечавшая интересам буржуазии, помещиков и киргизской феодальной верхушки, разоряла трудовое дехканство, которое не в состоянии было выплачивать всевозраставшие налоги и повинности. В результате росли недоимки. Только по трем коренным областям Туркестанского края (Сыр-Дарьинской, Ферганской, Семиреченской) за 1905—1906 гг. недоимки составили более одного млн. руб. «В нынешнем году, констатировала Туркестанская казенная палата в обзоре за 1906 г.,— несмотря на удовлетворительные итоги в сельскохозяйственном отношении недоимка увеличилась по отдельным уездам в три раза»[13]. К недоимщикам применялись жесткие меры. Зачастую дехкане избивались манапскими джигитами, их приговаривали к тюремному заключению сроком до двух лет, реквизировали и продавали имущество должников.

Наиболее чёткое выражение эксплуататорская сущность финансово-налоговой системы получила в антинародной политике распределения и расходования средств. Сумма расходов по краю делилась на две основные статьи: расходы по гражданскому устройству, управлению и расходы по содержанию войск и военного управления. Они постоянно увеличивались, и, в первую очередь, на военные нужды, а также на содержание аппарата управления и полиции.

Накануне революции 1905—1907 гг. из расходной части бюджета Туркестанского края (14,3 млн. руб.) более двух третей (10,1 млн. руб.) тратилось на содержание войск и административно-полицейского аппарата. Большое место в бюджете занимали так называемые экстраординарные расходы, предназначенные для борьбы с революционным движением. Мизерные суммы на образование и медицинскую помощь предусматривались статья-

ми расходов местного бюджета — сметами земских и мирских повинностей. Налоговая политика царизма была составной частью его экономической экспансии в крае. Ничем не прикрытое изъятие продукта труда у дехканства и крестьянства в виде налога способствовало пауперизации аила и деревни.

Вместе с тем введение денежной формы налогов содействовало развитию товарно-денежных отношений в крае. Для уплаты налога нужны были деньги, получить которые без рынка не представлялось возможным. Именно в период становления местного внутреннего рынка в Киргизии денежные налоги объективно играли положительную роль.

2. Сдвиги в экономическом развитии края

Сельское хозяйство

Во второй половине XIX — начале XX в. скотоводство, хотя во многом и изменилось по способам его ведения, масштабам и пр., продолжало оставаться ведущей отраслью хозяйства для подавляющего большинства кочевого и полукочевого коренного населения Киргизии, давая ему продукты питания, одежду, средства для передвижения и материал для жилища.

Природно-географические условия Киргизии: горные просторы, обширные альпийские пастбища, богатые травостойные урочища обилие водоемов, умеренно-континентальный климат, а также сравнительно небольшая плотность населения благоприятствовали занятию скотоводством. В горных местностях и особенно на высокогорье было выгодно вести подвижное скотоводство, основанное на подножном корме и связанное с меньшими, чем при оседлом образе жизни, затратами труда. Однако не только этими факторами объяснялась устойчивость экстенсивного скотоводства у коренного населения. Одной из основных причин являлся низкий уровень производительных сил. Отсталое и рутинное состояние орудий производства не давало возможности для достаточной заготовки кормов на зиму и стойлового содержания всего поголовья, что обусловливало интенстивное использование горных пастбищ, пригодных для содержания скота на подножном корме в течение круглого года. Вековое бытование подвижного скотоводческого хозяйства отчасти определялось еще и тем, что большая часть необходимой продукции и средств существования производилась и потреблялась самими же скотоводами. Наконец, говоря о традиционности скотоводства, нельзя забывать о незаинтересованности патриархально-феодальной знати в переходе на оседлость и ее нежелании утратить свое верховенство над «сородичами», т. е. зависимыми от них бедняками, составлявшими большинство населения и являвшимися объектом эксплуатации.

Следствием этого и было то, что в Киргизии, особенно в северных районах, основу хозяйства составляло подвижное скотоводство. Так, к 1916 г. до 85% коренных жителей Пишпекского

Киргизы на джайлоо

уезда были кочевыми и полукочевыми скотоводами. Приблизительно таким же было положение в Пржевальском уезде, у киргизов, населявших Таласскую долину и особенно в прилегающих к ней горных местностях, а также в высокогорных южных районах (Кетмень-Тюбе, Чаткал, в значительной степени Наманганский уезд). В других районах удельный вес подвижного скотоводства у коренного населения был несколько ниже. Так, в Ошском, Маргеланском (Скобелевском) и Кокандском уездах кочевники и полукочевники, основным занятием которых являлось скотоводство, составляли 64,7% всего населения, в Андижанском уезде — больше 50%, но только четвертая часть киргизов данного уезда вела оседлый образ жизни в полном смысле слова[14].

Разводили киргизы овец, коз, лошадей, крупный рогатый скот, а также яков, верблюдов, ослов. Количество овец и лошадей на одну киргизскую семью на севере в 2—3 с лишним раза превышало поголовье, находившееся в собственности одной семьи на юге. Это — одно из свидетельств большей развитости кочевого и полукочевого скотоводства на севере Киргизии, чем в районах юга, где земледелие успешно соперничало со скотоводством.

Большая часть скота сосредоточивалась в руках феодалов. Достаточно сказать, что в 1913 г. крупные бан и манапы Пишпекского уезда (не более 5% аильного населения) владели 65% ско-

та[15], а на долю бедняков, составлявших почти 60% коренных жителей уезда, приходилось лишь 26% поголовья. Некоторая же часть коренного населения не имела скота совсем или имела его так мало, что не обеспечивала даже прожиточный минимум семьи.

В животноводстве ведущее место занимало овцеводство, имевшее жизненно важное значение для скотоводов. П. П. Румянцев справедливо заметил, что «трудно представить, как бы обходился киргиз в своем хозяйстве без овцы»[16]. Овечья шерсть шла на производство кошм для покрытия юрты, полов и других бытовых нужд, из шкур делали одежду и домашнюю утварь, из молока изготовлялись самые различные продукты.

То, что животноводство и особенно овцеводство занимало ведущее место в хозяйстве, объяснялось, однако, не только важнейшей его ролью в экономической жизни кочевых и полукочевых киргизов, но и проникновением капитализма в Киргизию, развитием товарно-денежных отношений в крае, растущей потребностью промышленности России (особенно текстильной) в животноводческом сырье.

Коренные жители Киргизии разводили курдючных овец мясосальной породы, с грубой шерстью и небольшой молочностью. Имелись овцы несколько улучшенной породы со сравнительно мягкой шерстью белого или серого цвета. Известное значение имели козы, дававшие мясо и молоко, но ценили их прежде всего за шкуру и шерсть (пух).

Существенную роль в хозяйстве и жизни киргизов играл конь. Без него, говоря по существу, невозможно было вести подвижное скотоводство. Лошади являлись основным средством передвижения. Конина служила пищей, кобылье молоко шло на изготовление широко употреблявшегося напитка — кумыса. Из шкур делали обувь, сбрую и саба (посуду под кумыс), а из волоса плели веревки, изготовляли сита и т. п. Не случайно, коневодство занимало второе место в скотоводческом хозяйстве коренного населения. Его широкое распространение объяснялось также тем, что при экстенсивном скотоводческом хозяйстве содержание лошадей не требовало особенно больших усилий. С распространением земледелия, ускорением процесса оседания полукочевников и сужением пастбищных угодий поголовье лошадей медленно, но неуклонно уменьшалось.

Важное место в хозяйстве коренного населения занимало разведение крупного рогатого скота мясо-молочного направления. Кроме прямого назначения у рядовых киргизов, особенно бедняков, волы, отчасти и коровы, использовались под вьюком и нередко для верховой езды. Они служили также тягловой силой, их запрягали в мотыги и сани-волокуши. Из шкур рогатого скота изготавливались упряжь и предметы домашнего обихода. В оседлых и смешанных земледельческо-скотоводческих районах разведение рогатого скота стало преобладать над коневодством, уступая лишь овцеводству.

Перекочевка киргизов (С картины В. В. Верещагина, 1870 г.)

Коренное население держало и верблюдов, почти исключительно двугорбых (для перевозки юрт), но верблюдоводство не получило широкого развития в силу того, что эти крупные, несколько неуклюжие животные, не имея твердых копыт, не могли проходить по каменистым, крутым и узким горным тропам.

Как и на крайнем юге и юго-востоке России, где, по выражению В. И. Ленина, «утвердилась самая экстенсивная форма скотоводства, именно пагульное мясное скотоводство»[17], киргизское кочевое и полукочевое скотоводство также носило экстенсивный характер.

Кочевое и полукочевое хозяйство определяло быт, обычаи и нравы скотоводов. Весь хозяйственный инвентарь, орудия труда, тип жилища были приспособлены к потребностям подвижного скотоводства. Физическая закалка скотоводов, их трудовые навыки и воспитание обусловливались кочевым и полукочевым образом жизни.

В связи с развитием земледелия, расширением посевных площадей, ростом числа коренного населения, переходившего на оседлый образ жизни, характер и формы кочевки значительно изменялись. Полукочевники все больше стали привязываться к своим зимовкам и посевам, а часть из них вообще перестала кочевать. Короче становились кочевые маршруты, сократились сроки пребывания на летних урочищах и увеличивались на весенних пастбищах, находившихся недалеко от пашни.

После вхождения Киргизии в состав России и с появлением русских переселенцев местные скотоводы начали использовать косу для заготовок сена, что уменьшало зависимость животноводов от стихийных бедствий и сокращало падеж скота в суровые зимы. В начале XX в. сенокошением в той или иной степени занимались 79,7% всех киргизских дворов Намаганского уезда. В 1913 г. в Пишпекском уезде стали косить сено 26,4 тыс., а в Пржевальском — 26,2 тыс. киргизских хозяйств. Однако заготовленное сено обеспечивало потребность только незначительного количества скота, поэтому скотоводство в целом продолжало носить экстенсивный характер. Страшным бедствием являлся *джут* — массовый падеж скота от бескормицы. В джутовые годы, особенно в наиболее суровые, огромная масса кочевников, лишившись скота, превращалась в обездоленных людей.

С вхождением края в состав России в известной степени улучшалась породность скота за счет привозного высокопородного поголовья. Еще в 1876 г. в с. Кутмалды, расположенном на берегу Иссык-Куля, был основан конный завод, на котором производителями являлись жеребцы рысисто-вятской породы. Завод просуществовал до 1900 г. и сыграл известную роль в улучшении местной породы лошадей. Отдельные конные заводы и случные пункты имелись в Ошском уезде, Чуйской долине и некоторых других местностях Киргизии[18].

Новшества в скотоводческом хозяйстве особенно весомо проявились в усилении заготовок кормов на зиму, сочетании в определенной мере подножного содержания скота со стойловым, а также приспособлении этой отрасли производства к требованиям потребителей, т. е. усилении разведения тех видов скота, на которые имелся спрос на рынке.

После вхождения в состав России в Киргизию начала проникать научная ветеринария, появились лечебно-ветеринарные пункты, делались попытки приостановить падеж скота от ящура и других болезней. Русские ветеринары делали прививки противочумной сыворотки, рекомендовали уничтожать явно больной и заразный скот.

Определенное развитие получило скотоводство у оседлого населения края, в особенности в среде русских переселенцев. Его отличие от скотоводства в кочевом и полукочевом киргизском хозяйстве заключалось в том, что скот в зимний период находился в основном на стойловом содержании.

Итак, в начале XX в. у подавляющего большинства коренного населения скотоводство оставалось ведущей отраслью хозяйства. Оно в основном продолжало носить экстенсивный характер. Однако в нем произошел ряд положительных сдвигов, связанных с вхождением края в состав России. С развитием товарно-денежных отношений скотоводство стало приспосабливаться к потребностям рынка, увеличивалось число овец и коров, сокращалось поголовье коней. Происходила дифференциация среди

Вспашка земли омачем

скотоводов, выделялись крупные скотоводческие хозяйства, применявшие наемную рабочую силу, и т. п.

Во второй половине XIX — начале XX в. земледелие сравнительно быстро развивалось, играя существенную роль в экономической жизни коренного населения. Но уровень его развития в различных районах края был далеко неодинаковым. Так, в долинах и предгорьях Киргизии земледелие стало основным занятием части киргизов, отделившись от скотоводства и тесня его. В горных же и особенно в высокогорных районах, земледелие продолжало носить подсобный характер, лишь дополняя скотоводство. Киргизы выращивали пшеницу, ячмень, овес, просо и некоторые другие сельскохозяйственные культуры. В основном сеяли яровую пшеницу. Что касается озимой пшеницы, то и она проникала в киргизское земледелие, занимая из года в год все большее место.

В некоторых долинах, особенно приферганских районах, коренное население в определенной степени культивировало кукурузу. Некоторые жители северных районов стали выращивать горох. В киргизское земледелие внедрялись через посредство русских переселенцев и соседних народов такие новые виды сельскохозяйственных культур, как хлопок, рис, картофель, дыни, арбузы, гречиха, лен, табак и некоторые др.

В 1912 г. у киргизов Андижанского уезда 596 дес. земли, Пржевальского — 390 дес., а Пишпекского уезда — 19673 дес. было занято под клевер[19].

Уже за первые 10 лет после вхождения Киргизии в состав России посевы существенно расширились: киргизы Иссык-Кульского уезда сеяли 141 тыс. пудов зерна и получали 1,5 млн. пудов; Токмакского уезда соответственно 194 тыс. и 2,2 млн. Кадзахи и киргизы Аулие-Атинского уезда сеяли 287 тыс. пудов, снимали урожай 2 млн. пудов.

К началу XX в. посевные площади у оседлого и кочевого населения Киргизии значительно расширились. Так в Пишпекском уезде засевали 115 тыс. дес., в Пржевальском — 49,7 тыс. дес. Существенную роль стало играть земледелие у киргизов Ферганской долины. В 1914 г. полукочевники Ферганской области имели на искусственно орошаемых землях 39,5 тыс. дес. посева, в том числе в Ошском уезде — 3,4 тыс. дес. Больших размеров достигли посевные площади и на богарных землях. Всего в 1914 г. посевы зерновых составляли 447,5 тыс. дес.[20]

В конце XIX — начале XX в. земледелие у оседлого населения, особенно у русских переселенцев, превращается в мелкотоварное и товарное хозяйство.

Киргизы почти не удобряли пашни, если не считать части дехкан отдельных южных районов края, которая вносила на поля некоторое количество навоза. Это приводило к быстрому истощению земель и снижению урожайности. Поэтому дехкане вынуждены были прибегать к залежной форме севооборота. Наиболее распространенным являлся севооборот с двухгодичными и трехгодичными залежными периодами. Довольно часто практиковались севообороты с залежным периодом от 4 до 6 и более лет.

Приемы и способы обработки полей, а также сбор урожая и его обмолот, особенно в первые годы после вхождения Киргизии в состав России, были примитивными и отсталыми. Вспашка полей в основном производилась деревянной сохой с железным наконечником без отвала. В соху впрягались один или два вола. Нередко перед посевом земля поливалась. Вспаханное поле один или два раза подвергалось бороно ванию. В качестве бороны использовались крепко связанные в пучок обленихa или подходящие корни деревьев, иногда бревно с необрубленными сучьями. Имелись и бороны с деревянными зубьями. После вспашки, перед бороно ванием, вручную рассевали семена.

Урожай жали с помощью серпа, как среднеазиатского, так и европейского, который только начал входить в быт коренного населения. Сжатый хлеб связывали травяными жгутами в снопы и доставляли на ток *(кырман)*. Молотьба урожая производилась при помощи рабочего скота.

Не порывая еще с традиционными земледельческими приема-

Жатва проса

ми и навыками, местные жители учились у русских пользованию новыми орудиями сельскохозяйственного производства, что имело важное значение в развитии земледелия. Киргизы стали покупать серпы и косы, а также железные плуги, бороны, каменные катки, жнейки, конные грабли, сенокосилки и даже молотилки. В киргизских земледельческих хозяйствах появились телеги, сани, повозки с русской упряжью. В 1912 — 1913 гг. в Пишпекском уезде насчитывалось уже 3538 плугов, 3289 железных борон, 7 косилок и конных граблей, 1 жатка, 1 веялка, 930 арб, 332 саней, 361 повозка; в Пржевальском уезде — 3134 плуга, 2469 железных борон, 4 косилки и конных граблей, 402 повозки, 282 арбы, 853 саней[21]. Коренные жители Таласской долины имели 840 железных сох и 723 железные бороны. Все же далеко не все хозяйства были обеспечены сельскохозяйственными орудиями фабрично-заводского производства. По своему экономическому положению их не могли приобретать бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства, составлявшие подавляющее большинство коренного населения.

Отсталость приемов и способов обработки земли и рутинность сельскохозяйственных орудий у большинства хозяйств обусловливали низкую производительность труда дехкан и низкую урожайность полей. Например, урожайность зерновых культур

Молотьба хлеба каменными катками

в 1912—1913 гг. составляла: пшеницы — 27—55, ячменя 31—73 и кукурузы 60—70 пудов с дес.

Но все же земледелие к началу XX в. стало играть существенную роль в экономической жизни коренного населения. В некоторых районах оно из подсобной отрасли хозяйства становится самостоятельной. Несколько повысился уровень земледельческой культуры: начали применяться новые орудия сельскохозяйственного производства, внедряться ранее неизвестные приемы обработки земли и виды сельскохозяйственных культур. Под влиянием России к 1914 г. значительно возросла и товарность земледелия в Киргизии.

Появление и развитие оседлых сельских поселений

С вхождением Киргизии в состав России и под воздействием социально-экономических факторов усилился процесс перехода кочевников и полукочевников к земледелию и оседанию, особенно в ее южных районах. Этому способствовали еще и непосредственные хозяйственно-культурные контакты киргизов с русскими и украинскими переселенцами, а также с оседло-земледельческим узбекским, таджикским и другими народами. Так, уже в конце XIX в. у киргизов Ферганской области оседлый образ жизни стал нередким явлением. К 1917 г. из 362 тыс. киргизов, населявших эту территорию, 206 тыс. (57%) были уже оседлыми или полуоседлыми. По мере оседания увеличивалось и количество селений. В Ферганской области, куда

входили южные районы Киргизии, имелось 486 оседлых поселений с преобладающим киргизским населением, причем более чем в 10 из них насчитывалось свыше 1—2 тыс. жителей в каждом.

В северных районах края киргизские селения возникли позднее, чем в южных, и в начале XX в. их имелось здесь не более 70, причем они были сравнительно небольшими[22].

Во второй половине XIX в. в Киргизии в связи с переселением русских, украинских, дунганских, немецких крестьян появились новые типы селений. В начале нынешнего столетия здесь насчитывалось более 100 русско-украинских, 5 немецких[23] и 3 дунганских селения.

Большинство киргизских оседлых сельских поселений (50-100 дворов) возникали на местах зимних пастбищ, где по мере перехода киргизов к земледелию и оседанию, наряду с помещениями для скота строились также глинобитные жилые дома.

На юге Киргизии к селениям с числом жителей более 500 человек принадлежали, к примеру, Даргаз, Мадыган, Дархум, Сибистан (к западу от рек Каравшин и Исфара), Кара-Булак (на юго-востоке Баткена), Ачы, Мангыт (на юге Аравана), Кок-Жатык, Эрке-Кашка (в районе Толейкена), Ак-Терек (в районе Каравана), Кашка-Терек (в районе Узгена), Жаман-Кия (в районе Базар-Кургана), Жайылма, Чангыр-Таш и др.[24]

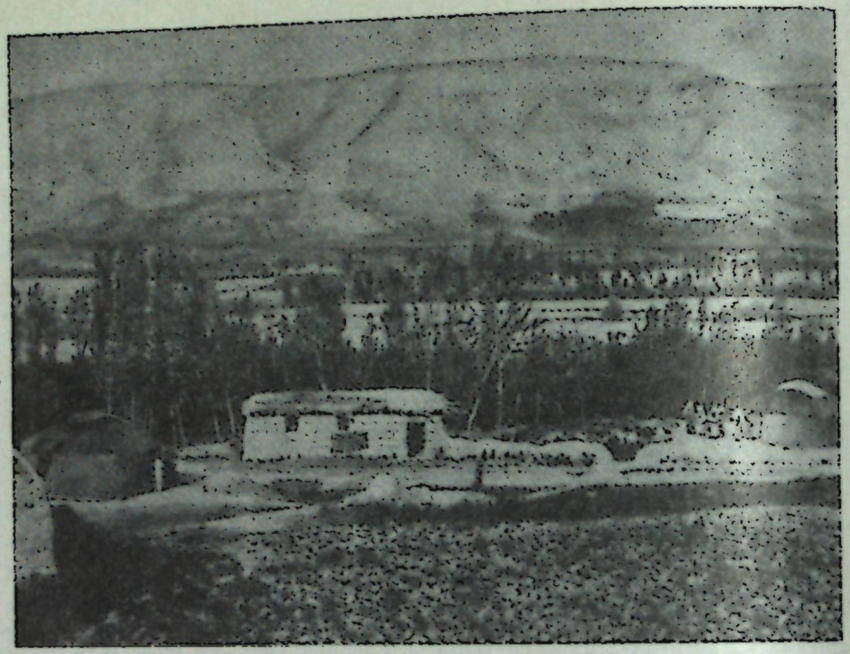
Основным занятием жителей этих селений были земледелие и скотоводство. При частичном стойловом содержании скота на имевшихся орошаемых участках они чаще всего сеяли кормовые кукурузу и люцерну, а на богарных землях — пшеницу, ячмень и просо. Земледелие велось по двухпольной, редко — по трехпольной системе. Огороды и бахчи были небольшими.

В составе стада преимущественно был крупный рогатый скот, а не лошади, как это имело место в кочевых и полукочевых хозяйствах. Преобладало отгонное и частично горно-пастбищное некочевое скотоводство. Беднейшие жители селений, имевшие мало скота, нанимали совместно пастуха, чтобы отправлять скот на летовку.

С проникновением капиталистических отношений, развитием торговли, ростом городов и базаров часть жителей киргизских селений, Чапкулукской, Найманской, Ак-Буринской, Куршабской волостей стала заниматься изготовлением ворсовых ковров, паласов, капов, арканов, валянием кошм уже не только для собственных потребностей, но и для рынка. Жители Ак-Терека и других селений Багышевской волости заготавливали в горах древесный уголь, бревна для продажи.

Расположенные в предгорьях небольшие селения, как правило, не имели своих базаров и торговых лавок и тяготели в экономическом отношении к близлежащим городам и торговым пунктам Киргизии, Узбекистана, Таджикистана.

В приферганских районах в зоне орошаемого земледелия сфор-

Киргизское селение на юге Киргизии (1899 г.)

мировались крупные киргизские селения. В начале XX в. в селениях Бужум и Баткен насчитывалось до 2000 жителей, в Бостоне — около 1000, Сулюкте —2300, Кара-Багыше —1300 жителей. В районе Оша (Ак-Буринская волость) в каждом из таких киргизских селений, как Конур-Жазы, Жаны-Арык, Толейкен и др., в 1909 г. число жителей превышало 2000, причем нередко различных национальностей[25].

Крупные киргизские селения возникали и в предгорных местностях, но их на юге Киргизии было мало. Так, известны Кара-Булак (2400 жителей) на востоке Исфаны, Кара-Кульджа (около 1000 жителей), расположенное на юго-востоке от Узгена[26].

Основным занятием жителей киргизских селений приферганских районов являлось земледелие. Сеяли в основном пшеницу, кукурузу, рис и в меньшей мере просо, из кормовых культур — люцерну, из технических — кунжут, хлопок. Занимались также садоводством, табаководством, огородничеством и бахчеводством. Скотоводство имело здесь уже второстепенное значение в сравнении с земледелием.

В селениях Бужум и Баткен выращивали пшеницу, каждое хозяйство имело фруктовый сад, обычно примыкающий ко двору. Здесь, как и в других селениях Нойгут-Кипчакской волости, зарождалась новая отрасль сельского хозяйства — шелководство. Развивалось мукомольное и маслобойное производство. Например,

в Курасане имелось 4 маслобойных «завода» и 8 мельниц, в Кара-Булаке — соответственно 8 и 8[27].

В начале XX в. в некоторых оседлых киргизских селениях открывались мусульманские школы. В южных районах Киргизии сложились и торговые селения. Появлению этого типа сел способствовал издавна существовавший традиционный обмен между оседлым и кочевым населением Средней Азии. Возникали они на стыке равнин и гор, на главных караванных и скотопрогонных дорогах, ведущих в города Ферганской долины (Араван, Исфана, Узген, Базар-Курган, Массы, Кара-Суу, Уч-Курган, Иски-Наукат, Джалал-Абад и др.). В 1914 г. в Исфане, Араване, Базар-Кургане насчитывалось от 140 до 180 торговых лавок[28].

Торговые селения зачастую отличались от других более скученной застройкой домов. Обычно в центре располагалась базарная площадь с торговыми лавками, чайханами и столовыми.

В 1908—1909 гг. в Кара-Суу проживало 2700 человек, Базар-Кургане —2800, Наукате —3000, Узгене —4900. В 1917 г. в Джалал-Абаде насчитывалось более 1000 жителей, Караване —1100, Массы —2000, Уч-Кургане —5700[29]. Киргизы составляли большинство жителей только в отдельных торговых селениях.

Определенная часть жителей этих селений, помимо торговли, занималась также выращиванием зерновых культур, хлопководством, садоводством, в некоторой степени скотоводством и разным ремеслом. Например, джалалабадцы сеяли пшеницу с целью продажи. В южной части Киргизии в начале XX в. имелись небольшие селения в горных районах, где проходили главные караванные пути из г. Ош в Восточный Туркестан и обратно. Такие пограничные селения возникали вокруг бывших кокандских крепостей Ошского уезда. Кочующая поблизости от таких пунктов и караванной дороги киргизская беднота из местностей Гульча, Кызыл-Курган, Суфи-Курган постепенно оседала здесь и строила глинобитные дома, образовав одноименные селения. Главным занятием жителей было обслуживание караванов в качестве проводников и погонщиков лошадей и верблюдов.

Особый тип составляли киргизские ремесленные селения, но их были единицы. Так, в селении Жапалак, расположенном недалеко от г. Ош, определенная часть жителей занималась ковроткачеством и изготовлением мужских головных уборов (калпак) по заказу и для сбыта на рынке[30].

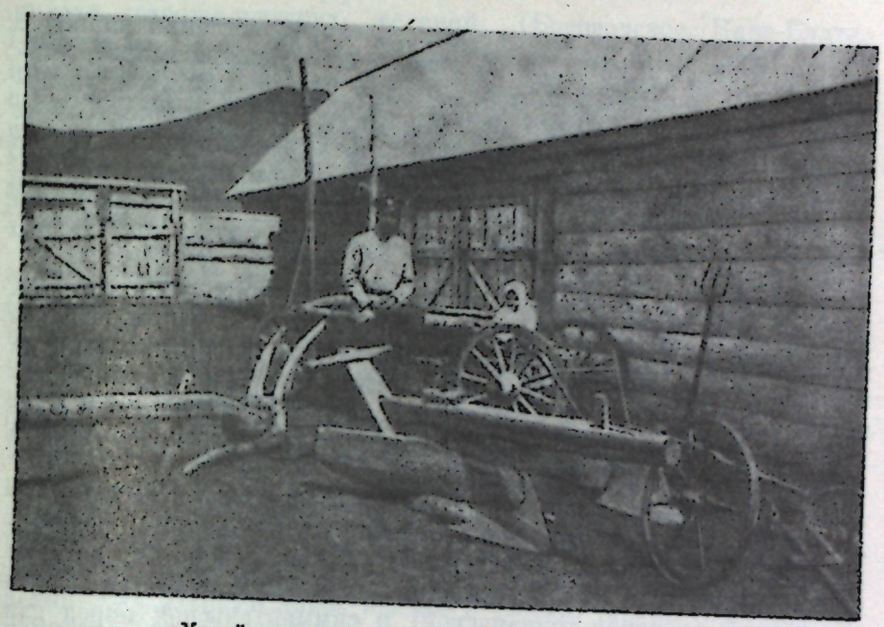
Большинство киргизских населенных пунктов, возникших в северной части края, были расположены в Чуйской долине, где преобладали мелкие селения с числом жителей от 50 до 200. Более крупными были Кара-Арча, Жайылган, Уч-Курган (Таласская долина). Чала-Казакское, Таш-Тюбинское (Чуйская долина), Темировское, Чоп-Урюкты, Тепке, Чырак, Ак-Кочкор, Дархан (Приссыкулье). В Чуйской долине и Приссыккулье образовалось несколько селений со смешанным киргизским, русским и украинским населением.

В начале XX в. имелись и оседлые киргизские поселения, официально не признанные царской администрацией за таковые. Так, например, в 1914 г. в Таласской долине таких поселений было три: в местностях Жакшеп, Кара-Жыгач, Бейшеке. В них насчитывалось от 5 до 60 дворов с 40—170 жителями[31], хотя официально они еще числились кочевниками. Дехкане из киргизских селений Чуйской, Таласской долин и Прииссыккулья сеяли в основном пшеницу, затем в зависимости от природных условий и по экономическим причинам те или иные виды других зерновых культур, скотоводство в их хозяйстве играло уже подсобную роль. Жители ряда селений под влиянием русского, украинского и другого оседлого населения начали выращивать лен, коноплю, картофель, подсолнечник, арбузы и дыни.

С конца 60-х годов XIX в. в северной части Киргизии в связи с переселением сюда русских и украинских крестьян стали возникать поселки (Чуйская долина, северная и восточная части Прииссыккулья). Располагались они поблизости рек, вдоль или недалеко от главного караванного пути, соединявшего районы с кочевым и оседлым населением. В Чуйской долине такими являлись селения Чалдывар, Кара-Балта, Беловодское, Ново-Троицкое (Сокулук), Лебединовское (Аламедин), Ивановское и др. В начале 70-х годов в Прииссыккулье появились русские и украинские селения Сазановское, Алексеевское (Ойтал), Преображенское, Теплоключенское, Покровское. Немного позднее и в Таласской долине — Покровское, Дмитриевское, Александровское, Ключевое, Грозное. На юге Киргизии первое русское село — Покровское — образовалось в начале 90-х годов. По времени возникновения эти села подразделялись обычно на старожильческие и новосельческие. Как правило, старожильческие селения отличались от новосельческих большей населенностью и тем, что они становились хозяйственно-культурными центрами определенной округи. Если в конце XIX в. было 7 таких крупных селений, в каждом из которых насчитывалось свыше тысячи жителей, то в начале XX в. их стало уже 19 (в том числе 5 новосельческих)[32]. Среди старожильческих 10 селений были наиболее крупными: Беловодское —4100 жителей, Преображенское — 4800, Покровское (в Прииссыккулье) — 3000, Сазановское — 2700, Лебединовское, Покровское (юг Киргизии) и Теплоключенское — по 2500 и 2600 жителей в каждом, Чалдывар, Кара-Балта, Петровское — по 2000—2300[33].

Численность жителей русско-украинских сел, кроме естественного прироста, увеличивалась и за счет непрекращавшегося притока крестьян из Европейской России и Западной Сибири и в определенной степени также за счет узбекских, татарских, уйгурских торговцев и ремесленников и обедневших киргизов.

Внешний вид старожильческих и новосельческих поселений мало чем отличался от южно-русских и степных украинских сел. Обычно в центре находились церковь и школа. Дворы в большинстве случаев огораживались плетнем из тала, позднее — глинобитными или каменными стенами. Дома строили каркасные, срубные, глинобитные и кирпичные. Во многих дворах имелись хозяйственные постройки: хлевы, сараи, амбары, бани. Зажиточные крестьяне строили большие дома на высоком фундаменте с широкими террасами и капитальные бревенчатые амбары. Обычно при усадьбе находились огороды и плодовые сады. В огородах выращивали лук, морковь, огурцы, помидоры, редьку, репу, салат, щавель, а также горох, подсолнечник, картофель. В садах росли яблони, груши, меньше — вишня, чернослив, урюк и персик, из кустарниковых — малина, смородина, крыжовник.

Хозяйственный двор русского переселенца

В начале XX в. «неустроенные» Переселенческим управлением и местной администрацией крестьяне-новоселы селились на окраинах старожильческих сел в наскоро слепленных глинобитных лачугах, не имели хозяйственных построек и садов.

Основным занятием крестьян-переселенцев было земледелие. Из зерновых больше половины посевов занимали пшеница, практиковалось также выращивание овса, ячменя, проса, реже — ржи и кукурузы, из масличных культур — льна, конопли (Чуйская долина), подсолнечника, из кормовых — люцерны.

Климатические условия позволяли переселенцам сеять зерновые не только для удовлетворения своих потребностей, но и с целью поставки сельскохозяйственных продуктов на рынок. Так, например, крестьяне сел Покровское, Александровское (Таласская долина), Чалдывар в связи с близостью города Аулие-Ата и

торгового тракта в первые же годы после переселения наряду с пшеницей сеяли много овса. А жители села Дмитриевского, учитывая спрос окрестных кочевых и полукочевых киргизов, увеличивали посевные площади под пшеницу. Если в конце XIX в. крестьяне-переселенцы Пишпекского и Пржевальского уездов сеяли овса больше, чем ячменя, то по мере расширения пивоваренного производства в городах Киргизии и в селе Беловодском и увеличения спроса на ячмень, стали меньше сеять овса, но зато расширили посевы ячменя.

Крестьяне-переселенцы занимались также и скотоводством. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец. Поголовье коз и свиней существенной роли в хозяйственной жизни крестьян не играло. В стадах имелись и породистые животные: крупный рогатый скот, лошади, овцы, приведенные при переселении в Киргизию, приобретенные на базарах и ярмарках Средней Азии и Казахстана или выведенные на месте.

В начале XX в. в некоторых селениях на севере Киргизии отдельные хозяйства специально занимались разведением породистого скота. Так, имелись отдельные кулацкие хозяйства, которые содержали сотни голов овец-мериносов, крупного рогатого скота калмыцкой (перерод голландской) и симментальской пород для сбыта на рынке.

Некоторые старожильческие села (Теплоключенское, Беловодское, Чалдывар) специализировались на разведении крупного рогатого скота, в других же селах (Преображенское, Покровское) преобладало поголовье лошадей. Крупные кулацкие хозяйства поставляли скот и лошадей на среднеазиатские и казахстанские рынки.

В русско-украинских селах скот с ранней весны до глубокой осени находился на выгонах. Овец и нерабочих лошадей для нагула на летних пастбищах отдавали за определенную плату или «по кумовству» киргизам. Зимой обычно весь скот был на стойловом содержании.

С начала XX в. стало развиваться пчеловодство. Ульи ставились на приусадебных участках, на надельных и арендованных землях. Больше всего пчеловодство распространилось у крестьян старожильческих сел, таких как Преображенское, Теплоключенское, Сазановское в Приссыккулье; Беловодское, Чалдывар, Кара-Балта в Чуйской долине; Спасское, Благовещенское, Успеновское на юге Киргизии.

Многие русско-украинские села становились местными центрами кузнечного, сапожного, деревообрабатывающего, портняжного, мукомольного, маслобойного, извозного промыслов: в Ново-Троицком, Сазановском, Покровском (Приссыккулье) насчитывалось от 10 до 30 мельниц, в Преображенском действовало 14 маслобоек и т. п.

В связи с развитием торговли во внутренних районах Киргизии и торгового обмена с Узбекистаном и Казахстаном многие

жители старожильческих селений (Беловодское, Кара-Балта, Покровское, Сазановское, Теплоключенское) занимались извозным промыслом. Поэтому в этих селах было много телег, бричек, саней, длинных украинских четырехколесных арб. Некоторые крестьяне доставляли грузы даже в Ташкент и Семипалатинск. Русские и украинские крестьяне, селившиеся по побережью Иссык-Куля, занимались также рыболовством (Преображенское, Рыбачье).

Одним из показателей роста товарности русских и украинских селений являлось увеличение в них торговых лавок и функционирование базаров. В начале XX в. во всех старожильческих селениях насчитывалось до 10, а в некоторых новосельческих поселках — до 4 лавок. В Приссыккулье, в селениях Сазановском, Покровском, Преображенском, в 1912 г. имелось до 75 лавок и собирались ежедневные базары. Село Дмитриевское стало крупным торговым пунктом центральной части Таласской долины[34]. Киргизское и переселенческое население западной части Чуйской долины тяготело к селам Беловодскому и Чалдывару (в первом из них базар функционировал каждый день). В лавках продавали российские фабрично-заводские и местные среднеазиатские изделия. Владельцами лавок являлись узбеки, татары, русские, украинцы и отчасти киргизы.

В русско-украинских селах появлялись школы, лечебные учреждения. В селах, расположенных вдоль трактов, создавались почтовые станции, а в некоторых — почтово-телеграфные.

Помимо ряда сел в Казахстане, в северных районах Киргизии образовалось два дунганских селения: Мариинское (1877 г.) и Александровское (1882 г.). Первое было расположено в предгорной зоне недалеко от г. Пржевальска, около реки Ырдык, второе — в Чуйской долине к западу от г. Пишпека вдоль тракта Пишпек — Аулие-Ата. В 1912 г. в Александровском проживало 3200 человек, в Мариинском (Ырдык) — 2500[35]. Жители занимались выращиванием зерновых культур, скотоводством, льноводством, пчеловодством, табаководством, птицеводством, огородничеством. В начале XX в. селение Александровское стало одним из главных торговых пунктов в Пишпекском уезде.

В начале 80-х годов XIX в. в Таласской долине между селами Ключевское и Дмитриевское, на расстоянии менее километра друг от друга, образовались немецкие села: Николайполь, Владимировка, Андреевка, Романовка и чуть позже — Орловка. Все села были небольшими, с населением в 100—500 человек. Их жители занимались полеводством и скотоводством. Выращивали пшеницу, кукурузу, сладкое сорго, а также картофель, масличные культуры, в том числе анис, горчицу; разводили крупный рогатый скот, овец и лошадей, выводили улучшенные породы скота первых двух видов. Развивалось сыроварение. Из ремесленников по численности преобладали столяры, каменщики, кузнецы. В селах открывались торговые лавки, школы.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. на территории Киргизии сложилось несколько типов оседлых поселений. Это селения зон богарного и орошаемого земледелия, торговые и ремесленные, селения полуоседлых жителей. Новым типом поселений в Киргизии стали русские, украинские, дунганские и немецкие, основанные крестьянами-переселенцами.

Киргизские оседлые поселения были малонаселенными, мелкими и средними. Более крупные находились на юге в зоне орошаемого земледелия. Хотя в начале XX в. существовали уже сотни киргизских селений, основная масса киргизов, особенно в северных районах, все еще вела кочевой и полукочевой образ жизни и жила в аилах и юртах.

В каждом экономико-географическом районе выделялось несколько крупных селений, к которым в хозяйственном и торговом отношении тяготели жители менее крупных и мелких селений, а также кочевое и полукочевое население.

Многие селения Киргизии были многонациональными, что, вопреки политике царизма, противодействию киргизской феодальной верхушки и кулацких элементов, способствовало образованию дружественных хозяйственных и культурных связей между трудящимися различных национальностей.

Дунгане в Киргизии

Дунгане — один из малых неханьских народов Китая, в Киргизии появились более ста лет назад после подавления их народно-освободительного восстания китайскими властями.

Во второй половине XIX в. дунгане обитали в основном в северо-западных провинциях Цинской империи Шэньси и Ганьсу. Они жили отдельными поселениями в сельских районах, а в городах — отдельными кварталами. Здесь сильное влияние имели представители мусульманского культа, которые в союзе с эксплуататорскими элементами поддерживали власть Цинов в дунганской среде. Обособленность же представляла удобную почву для насаждения вражды между дунганами и китайцами. Внутренняя политика Цинов в отношении некитайских народов строилась на столкновении национальных интересов, предусматривала создание условий для разжигания вражды между китайцами и некитайцами, поддерживала шовинистические и экспансионистские идеи китайской аристократии и высшего чиновничества, насаждая всеобщую атмосферу страха и повиновения.

Китай во времена Цинской династии являлся тюрьмой для некитайских народов, населявших страну. Недовольство цинским правлением происходило из-за неудовлетворенности экономической политикой цинского двора и жестоких методов и форм проведения ее на местах, особенно в районах расселения некитайских народов. Невыносимая эксплуатация, бесчисленные налоги и тяжелые повинности вызывали негодование народных масс и явились толчком для перехода к открытому выступлению. Так, в донесении посланника России из Пекина от 14 апреля 1872 г.

указывалось, что генерал-губернатор провинции Шэньси и Ганьсу Цзо Цзунтан сообщает императору по поводу движения дунган: мусульманские старшины в союзе с местными чиновниками стали еще больше обирать народ, что и заставило население восстать[36].

Острота социальных и национальных противоречий в районах проживания некитайского населения достигла предела. Дунгане стали открыто выражать недовольство цинским правлением, особенно в период Тайпинского крестьянского восстания.

В результате народного движения 60-х годов XIX в. власть Цинов на обширной территории северо-западных провинций и в Восточном Туркестане (Синьцзяне) была свергнута, и в течение 15 лет в этой части империи бушевали национально-освободительные восстания неханьских народов.

Только после подавления Тайпинского восстания цинский двор предпринял энергичные меры к ликвидации национальных движений в районах Северо-Запада. С этой целью была организована специальная карательная армия во главе с душителем тайпинов генералом Цзо Цзунтаном.

Расправа и поистине средневековые зверства над ни в чем неповинными людьми со стороны карательной армии поставили вопрос о самом существовании дунган и других неханьских народов. Ради спасения оставшихся в живых повстанцы и их семьи вместе с руководителями восстания Биянху, Мадажыном и Дасифу вынуждены были сняться с родных мест и бежать сначала в Восточный Туркестан, а оттуда — в Россию.

Остатки дунганских повстанцев, в основном шэньсийцы и ганьсуйцы, двинулись в Россию из города Уч-Турфана, разделившись на две части. Ганьсуйские дунгане во главе с Дасифу, преодолев перевалы Бедель, Иштык-Саши, Кашка-Су, в начале ноября 1877 г. прибыли в г. Пржевальск в количестве 1166 человек[37].

Другая часть повстанцев, состоящая из ганьсуйских и синьцзянских дунган, под предводительством Мадажына, преследуемая цинскими войсками, бежала в Ферганскую долину. Уход из Кашгарии в пределы России части коренного мусульманского населения и остатков повстанцев-дунган вошло в историю 80-х годов XIX в. как показатель нежелания народных масс остаться в подчинении Цинской династии.

Переселение дунган в Россию происходило в очень тяжелых условиях. Обмороженные повстанцы едва держались на ногах от холода и голода. Только своевременная помощь со стороны местных русских властей, киргизского и узбекского населения спасла их от смерти. Газета «Голос» писала об этом: «...для оказания помощи переселенцам начальник Ошского уезда принял следующие меры: из Оша на перевал Терекдаван отправлено было 579 вьючных лошадей для перевозки больных, кроме того, нанято было в

Встреча дунган-беженцев в 1877 г. (С картины И. А. Белевича, 1953 г.)

горах у киргизов 30 лошадей и верблюдов. Перевезено на средства казны 1779 человек»[38].

Врач военного лазарета в Оше П. Девятко со своими людьми оказывал первую помощь беженцам в районе пригорода Оша под названием Ачы-Мазар. Помощь русских людей, внимание и забота местного населения о беженцах-дунганах и уйгурах оставили неизгладимую память в народе.

Шэнсийские повстанцы под руководством Бияншу также направились в Россию, но другим путем. Обстоятельства сложились так, что их семьи были далеко от Уч-Турфана, когда ганьсуйские дунгане стали уходить в пределы России через перевал Бедель. Возвратиться обратно в Уч-Турфан означало попасть в руки карателей, поэтому Бияншу с отрядом догнал семьи и через горные перевалы Тянь-Шаня пошел к Нарыну.

6 декабря 1877 г. к вечеру в Нарын прибыла толпа дунганских беженцев, среди которых были старики, женщины, дети. Приход повстанцев-дунган в Нарын в такое суровое время года был совершенной неожиданностью как для местных жителей, так и для русской администрации. Люди умирали от непосильных испытаний и голода. Помощь беженцам стало оказывать местное население, в первую очередь, киргизы, которые снабжали их и скотом, и хлебом, и жильем, в результате чего многим удалось выжить.

27 декабря 1877 г. 3314 дунган-мужчин и женщин прибыли из Нарына в г. Токмак[39]. Беженцы расположились за старым Токмаком, где сразу же возник палаточный городок. После поистине изнурительных переходов в условиях суровой зимы многим переселенцам-дунганам требовалась срочная медицинская помощь. Ее немедленно оказывали уездный врач А. В. Пржегодский и его помощник фельдшер В. М. Фрунзе — отец видного государственного и политического деятеля Советского государства, полководца Красной Армии М. В. Фрунзе. Они сделали все возможное для спасения больных беженцев. Доктор Ф. В. Поярков писал о В. М. Фрунзе: «Первым пришел он со своими помощниками на помощь несчастным, и, как настоящий солдат, последним оставил поле сражения, оставил тогда, когда все сделали»[40]. Дунгане и сегодня сохраняют благодарную память об этих гуманных деяниях русских людей в Киргизии.

В конце января 1878 г. русская администрация предоставила Бияншу и его соратникам возможность выбора мест для расселения дунган на правом берегу реки Чу.

Общее количество прибывших на первом этапе дунган исчислялось примерно в 6 тыс. человек. Осенью 1881 г. в Киргизию и Казахстан стали добровольно переселяться дунгане и уйгуры Синьцзяна в связи с передачей русскими властями Илийского (Кульджинского) края цинскому Китаю. Дунгане и уйгуры Илийской долины не могли забыть недавних жестокостей Цинов по отношению к их восставшим собратьям. Знали они и о той помощи, которая была им оказана русскими властями и местным киргизским населением.

Цинские власти пытались удержать илийских дунган и уйгуров, но безуспешно. О их добровольном желании переселиться в Киргизию и Казахстан свидетельствуют многочисленные прошения к властям Туркестана о принятии российского подданства.

За несколько месяцев 1881 г. в особую комиссию по переселению поступило более 1300 заявлений от дунганских семейств, которые обращаясь к туркестанскому генерал-губернатору, писали о притеснениях, какие они терпели от китайских чиновников, о разорении, о насилии над ними. «В настоящем, 7 месяце, все дунгане девяти илийских городов, собравшись, подаем прошение о том, что мы не желаем подчиняться Китаю. А поэтому мы желаем покориться великому государю Российского государства»[41].

По данным русской администрации, на 1 июля 1884 г. в Киргизию и Казахстан, опасаясь истребления и преследования со стороны цинских властей, перешли 4682 дунганина из Илийского (Кульджинского) края. Они расселились в Джаркентском, Верненском и Пишпекском уездах Семиреченской области. С добровольным переходом илийских дунган в Семиречье завершился второй этап переселения дунганского населения в пределы Российского государства.

К концу 80-х годов XIX в. в Киргизии и Казахстане проживало более 10 тыс. дунган, жизнь которых тесно переплеталась с судьбами киргизского, казахского и русского народов.

Местные власти Туркестанского края наделили переселенцев землей по принципу общинного пользования. Земледелие, различные промыслы, связанные с сельскохозяйственным производством, стали основным занятием не только сельских дунган, но и живущих в городах.

Однако, дунганские переселенцы оказались расколотыми глубоким социальным неравенством. Торговцы и богатые мещане из дунган в союзе с сельскими богачами сосредоточили в своих руках производство сельскохозяйственных продуктов, они же сконцентрировали у себя лучшие наделы, а маломощные крестьяне оттеснялись на непригодные для земледелия участки. В результате к началу первой мировой войны почти 90% наделов в Александровской, Мариинской и Николаевской волостях Пишпекского уезда находилось в руках сельских богачей, дунганских торговцев и мещан.

Одной из главных форм эксплуатации маломощных дунганских крестьян являлась аренда. Дунганские богачи арендовали большие участки земли у киргизских и казахских баев и манапов в Пишпекском, Пржевальском, Джаркентском уездах, а потом пересдавали по частям землю «своим» крестьянам. При этом эксплуататоры делали наценку на арендованные земли, а также оговаривали с арендатором свою долю, называемую дунганскими крестьянами *чжонгуйди зазы* (хозяйская часть), которая составляла половину или три четверти собранного урожая. При аренде и субаренде плата производилась натурой, но отмечены случаи и денежных расчетов.

В дунганском хозяйстве сохранилась феодальная форма эксплуатации крестьян *чонгун хуэчжи* (долгосрочный работник). Бывало, что у одного сельского богача работало до десяти *чонгун-хуэчжи*, в таких случаях хозяин назначал одного из них главным, называя его *чжонгу чонгун*. Он являлся вторым после хозяина лицом в хозяйстве. Жизнь чонгун-хуэчжи была чрезвычайно тяжелой.

К формам эксплуатации беднейшего крестьянства следует отнести и совместную обработку земли, распространенную в дунганском хозяйстве под названием *дато, дадуй* и *дахуэ*.

Суть «дато» и «дадуй» сводилась к тому, что бедняки, лишившиеся возможности самостоятельно вести хозяйство, объединяли имевшуюся у них тягловую силу и инвентарь для совместной обработки земли. Распределение продуктов производилось в зависимости от доли тягловой силы и инвентаря. Тяжелое положение объединившейся бедноты широко использовалось дунганскими кулаками в своих эксплуататорских целях.

При «дахуэ», кроме тягловой силы и инвентаря, объединялись семена и денежные средства, которые имелись в основном у зажиточных крестьян. Внедряясь в экономическую организацию «дахуэ», они получали большую часть распределяемых продуктов.

Переселившиеся дунгане принесли с собой своеобразную культуру, резко отличавшуюся от культуры среднеазиатских народов. Значительные особенности имели хозяйство, бытовой уклад, семейно-брачные отношения у дунган.

На первых порах после переселения в Киргизию и Казахстан дунгане жили особняком от других народов. Замкнутости дунганских переселенцев во многом способствовал национальный эгоизм дунганского духовенства и эксплуататорской верхушки общества. Однако в дальнейшем с усилением межхозяйственных связей дунгане стали активнее общаться с окружающим населением, воспринимая у него определенные черты материальной и духовной культуры.

Дунганские селения отличались от киргизских аилов, казахских аулов, узбекских кишлаков, русских поселений планировкой и постройкой жилых домов, хозяйственных помещений, а также приусадебных участков. Так, в планировке дунганских селений в Киргизии и Казахстане: Александровка, Каракунуз и Шор-Тюбэ (два последних в Казахстане) Пишпекского уезда, Ырдык Пржевальского уезда, Джалпак-Тюбэ Аулие-Атинского уезда (в Казахстане) и других был соблюден традиционный квадрат-*фон* (со сторонами по 150 м) и с прямыми улицами. На каждом его углу строился дом и хозяйственные постройки.

Дунганский двор состоял из двух частей: внутренней — *ли йуанзы* и внешней — *вэ йуанзы*. К внутренней относились жилые и подсобные помещения, а внешним двором считался приусадебный участок — огород. Внутренний двор отделялся от внешнего высокими глинобитными дувалами или же камышовыми щитами, а от улицы — воротами своеобразной конструкции. Это особенно относилось к дунганам токмакской группы (шэньсийцам). Постепенно в результате постоянного общения с местными народами дунгане заимствовали их типы строительства домов, ворот.

Под влиянием русских и украинцев дунганские переселенцы в Пишпекском, Верненском и Джаркентском уездах стали ограждать внешний двор — *вэ йуанзы* — плетеной изгородью. Размер внешнего двора, по сообщениям старожилов, не превышал 0,3 га в городах, в сельской местности он был значительно больше. Использовался внешний двор для выращивания огородных культур и ведения садоводства. Урожай шел для удовлетворения нужд семьи, а также на продажу. Дунгане торговали овощами в Верном, Пишпеке, Джаркенте и Пржевальске.

Великолепным памятником дунганской национальной архитектуры на территории Киргизии является мечеть в г. Пржевальске. Это здание восходит к классическим образцам культового зодчества дунган. Строители воплотили в нем все лучшие архитектурные черты традиционного дунганского стиля культовых построек.

На протяжении многих веков дунганские кулинары совершенствовали способы приготовления различных блюд национальной кухни, которая дошла и до наших дней. Расселившись в Кирги-

зии и Казахстане, дунганские переселенцы принесли с собой замечательные навыки и способы приготовления национальных блюд. В каждом селе и дунганских городских слободках Семиречья действовали столовые — *гуанзы* — с национальной кухней, привлекавшие немало посетителей различных национальностей.

У русских переселенцев дунгане научились выращивать помидоры, капусту и картофель. Эти овощи шли в пищу, поставлялись на рынок.

В результате общения с соседними народами Средней Азии и Казахстана дунгане восприняли от них ряд национальных кушаний: киргизский бешбармак, казахский кульчатай, узбекский плов, уйгурские манты, украинский борщ. Узбекский плов стал традиционным блюдом у дунган, проживающих на юге Киргизии, а киргизский бешбармак — у дунган в районе Иссык-Куля, Нарына и Ат-Баши, казахский кульчатай — у дунган в Курдайском районе Казахстана. А некоторые дунганские национальные блюда вошли в меню народов Киргизии, Казахстана и Узбекистана: в первую очередь дунганский люмян, машпар, саизы и др.

Дунганские переселенцы принесли с собой национальные формы мужской и женской одежды, которые до революции резко отличались от одежды местных жителей Семиречья. Мужская дунганская одежда больше всего претерпела изменений и в наши дни совсем вышла из употребления. До настоящего времени сохранилась красочная национальная одежда дунганской невесты, а также повседневная у пожилых женщин шэньсийской (токмакской) и частично ганьсуйской (пишпекской) групп.

Практический опыт, приобретенный поколениями, нашел воплощение в приспособленности материальной культуры, в том числе и орудий труда, к природно-географическим условиям, к приемам возделывания земледельческих культур и различным промыслам.

Вместе с ростом влияния русских переселенцев в хозяйственной деятельности усиливается стремление дунганского народа к изучению русского языка. В дунганских поселениях возникают школы с обучением на русском языке.

В условиях разнузданного господства мусульманской религии и засилия феодальных установлений у широких масс дунганских женщин не было никакой возможности для получения образования.

Угнетение женщин, их бесправие в обществе уходят своими корнями в далекое прошлое. В условиях существования майората сыновья и дочери находились в полной зависимости от главы семьи, что привело к появлению системы принудительных браков по воле родителей. Женщина в семье находилась под гнетом не только мужа, но и его родственников.

Трудовой дунганский народ был почти лишен медицинской помощи. Больницы со стационарным лечением в дунганских поселениях отсутствовали, врачебные пункты находились только в городах области, поэтому больные были вынуждены обращаться к различным знахарям.

Большую роль в культурной жизни семиреченских дунган играло устное народное творчество. Изменения в экономике, проникновение товарно-денежных отношений в дунганские хозяйства, возникновение русско-дунганских школ — все это существенно влияло на развитие устного творчества дунган, которое охватывало все более разнообразные темы, сохраняя в то же время ранее возникшие жанры и художественные особенности. Сказки, пословицы, поговорки, героические, бытовые и обрядовые песни в новых условиях видоизменялись. Основная форма устного творчества дунганского народа — песни, которые подразделяются на большие и малые, а по содержанию — на эпические, лирические, бытовые, детские и др.

Художественное ремесло у дунган Семиречья носило прикладной характер. Главными видами прикладного искусства у семиреченских дунган являлись вышивка, вырезка из бумаги, резьба по дереву. Дунганская вышивка на женской одежде, обуви и предметах быта отличалась тонкостью сочетания цветовых тонов. Помимо украшения одежды и предметов быта вышивка у дунган использовалась для создания декоративных панно. Она богата творческой фантазией, высоким техническим мастерством и национальной самобытностью. В дунганской национальной вышивке ярко проявлялась любовь народа к прекрасному: вышивальщицы изображали различные цветы, растения, птиц и животных, которые, по народной мудрости, олицетворяют красоту, богатство, здоровье, долголетие, счастье и т. п. — многовековые чаяния трудового дунганского народа.

Вырезки из бумаги, ювелирные изделия, орнаментальные композиции дунган отличались декоративностью, поэтической выразительностью, сложными формами.

Началась некоторая перестройка быта дунган как результат их взаимодействия с соседними народами и происходивших изменений в экономике. Состоятельные сельские и городские дунгане стали широко пользоваться предметами русской промышленности: металлической эмалированной посудой, самоварами и изделиями легкой промышленности.

Совместная жизнь и общение дунганского населения с другими народами положили начало процессу хозяйственного и культурного заимствования: от дунганских переселенцев местные народы Семиречья воспринимали методы разведения ряда сельскохозяйственных культур, а дунгане перенимали от них способы ведения скотоводства.

Таким образом, происходил процесс взаимного хозяйственного и культурного бытового влияния различных народов Киргизии. Дунгане Пишпекского и Пржевальского уездов усваивали киргизский язык, а дунганское население Верненского и Джаркентского уездов — уйгурский и казахский языки. В речь городских дун-

ган все чаще стали проникать русские слова и выражения. Многие дунгане неплохо владели киргизским, казахским, уйгурским языками, в меньшей степени — русским языком. Были даже случаи, когда дунганские певцы на состязаниях (*айтыш*) выходили победителями. Среди дунган были и мастера-сказители киргизского героического эпоса «Манас».

Благодаря тесному общению дунган с народами Семиречья стали заключаться браки дунганских юношей с девушками местных народностей. В таких семьях стал определяться новый бытовой уклад, в котором чувствовалось влияние киргизского, казахского, татарского, уйгурского и русского народов.

Так в результате добрососедского взаимообщения, хозяйственного и культурного взаимовлияния трудящихся различных национальностей Киргизстана, в их совместной борьбе за социальную и национальную свободу складывались предпосылки подлинной дружбы народов нашей страны.

Промышленность

Со времени вхождения в состав России к началу XX в. в промышленном развитии Киргизии произошли известные сдвиги. Зарождалась и получила определенное развитие горнодобывающая промышленность, возникали отдельные более или менее крупные предприятия частнокапиталистического типа по обработке продукции сельского хозяйства, что сопровождалось появлением первых отрядов наемных рабочих в крае.

Однако в условиях господства патриархально-феодальных отношений в ауле и в результате экономической политики царизма, обрекавшей край на роль поставщика сырья для метрополии, в Киргизии были широко распространены отмеченные В. И. Лениным в его работе «Развитие капитализма в России» первоначальные, наиболее примитивные и простые формы промышленности: домашнее производство или «домашняя промышленность» и собственно ремесло. Киргизский край оставался в промышленном отношении одним из самых слаборазвитых в Средней Азии. Наглядным показателем этого являлось преобладание здесь домашних промыслов и ремесел, основанных на переработке сырых материалов в дехканском хозяйстве или семье, где преимущественно и потреблялась производимая продукция. К тому же и некоторые семьи из пришлого, переселенческого населения занимались изготовлением домотканной материи, пошивом повседневной одежды, выделкой самодельной обуви, производством простейших сельскохозяйственных орудий труда и т. п.

Киргизские домашние промыслы и ремесла традиционно делились на преобладающе женские (изготовление предметов внутреннего убранства юрты, катание войлока, ткание паласов, плетение чиевых циновок, шитье одежды, вязание чулок, носков и других домашних вещей) и мужские.

Киргизки южных районов ткали также ковры, которые отличались характерным национальным колоритом. Помимо домашнего

За ткацким станком

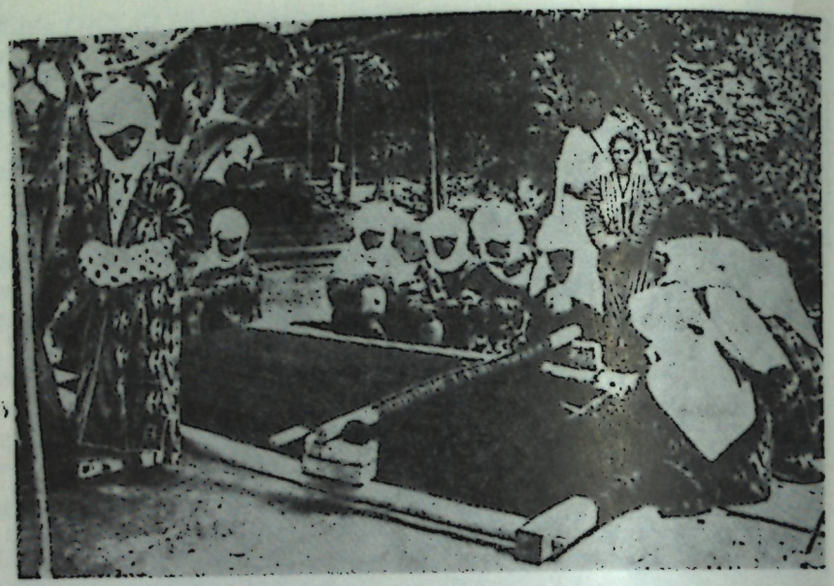
ткачества было развито и женское рукоделие, особенно вышивание на ткани и по замше.

Домашняя выделка кож и овчин была занятием мужчин. Овчина шла на пошив теплой верхней одежды и головных уборов, а кожа — на изготовление чехлов, ремней, сбруи и обуви. В целом же «домашняя промышленность» у киргизского населения характеризовалась ручным и слабо дифференцированным трудом мастера и помогавших ему домашних, несложной технологией с применением простейших инструментов, отсутствием мастерских и других специальных помещений.

«Домашние промыслы,— характеризовал их В. И. Ленин,— составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»[42]. И далее: «Промышленности, как профессии, еще нет в этой форме: промысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое»[43].

В Киргизии же, где основная масса коренного населения занималась кочевым и полукочевым скотоводством, «домашняя промышленность» была, естественно, органически связана с экстенсивным животноводством.

Под влиянием развивающихся товарно-денежных отношений некоторые из народных киргизских промыслов, как например, изготовление кошм и войлока, стали постепенно, особенно с конца XIX в., приспосабливаться к работе на заказ и запросам рынка.

Изготовление ковра

«Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия,— писал В. И. Ленин,— является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя. Материал может принадлежать при этом потребителю-заказчику или ремесленнику, а оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой (помещение и содержание ремесленника, вознаграждение долей продукта, напр., муки и т. д.)»[44]. В свете этого ленинского определения ремесла рассмотрим коротко основные виды собственно ремесла в Киргизии. Как и в пореформенной России, последнее и здесь являлось непременной частью городского быта. Еще в большей степени ремесло было распространено в киргизском кишлаке и переселенческой деревне, дополняя оседло-земледельческое крестьянское хозяйство, в котором скотоводство сочеталось с земледелием или наоборот. Как отмечали современники, в 70-х годах XIX в. киргизы еще не знали фабричной промышленности, но были хорошо знакомы со многими мастерствами (ремеслами), как-то: кузнечным, плотницким, кожевенным, ткацким, портняжным, сапожным и даже возведением простых водяных мельниц — мутовок.

Одними из основных видов киргизского ремесла являлись плотницкое и столярное дело. Среди ремесленников по обработке дерева наблюдалась известная специализация. Так, деревообделочники-*уйчу* изготовляли деревянные части юрты, *ээрчи* — седла, а *кырмачы* и *оймочу* — различную посуду (чашки, миски, блюда) и другую домашнюю утварь, а наиболее искусные мастера — даже национальные музыкальные инструменты. Для состоятельных заказчиков деревянные конструкции больших юрт делали из кизильника, для рядовых кочевников — из заменявшей его ивы, но, конечно, меньшего размера, без резьбы и другого декора. В условиях кочевого быта и скотоводческого хозяйства, когда все члены семьи были наездниками, существовал постоянный спрос и на изделия седельников. Седла изготавливались с учетом их назначения. Так, для детей и подростков было особое седло — *айрымач*, для пожилых всадников более удобное, чем обычное, женское — значительно отличалось от мужского, наконец, под вьюк предназначалось специальное седло — *ыныpчак*. Чаще всего делали массивные и прочные киргизские седла.

Инструменты мастеров не были сложными. Рабочие трудились без особых приспособлений. Отдельные изделия, в частности, предметы домашней утвари, седла, дверные косяки и двери в юрте, украшенные резьбой по дереву и кости, представляли собой прекрасные образцы народного декоративно-прикладного искусства. В конце XIX — начале XX в. с появлением в крае столярных мастерских и лесопилок в деревообделочном ремесле киргизов происходят некоторые изменения. Местные ремесленники заимствовали у русских мастеров наиболее рациональные технические приемы и производственные навыки, а также более совершенные заводского производства инструменты: топор, пилу, рубанок, бурав и др. Некоторые мастера стали изготовлять ранее отсутствовавшие в обиходе у киргизского населения предметы мебели: низкие круглые столики, кровати и прочие деревянные вещи, а также грабли и другой сельскохозяйственный инвентарь и даже транспортные средства — телеги и брички, сани.

Значительного совершенства у киргизских ремесленников достигла обработка металла. Мастера-металлисты (*темир-уста*) работали с железом и чугуном, а ювелиры (*зергерчи*) — с цветными и драгоценными металлами — оловом, медью, свинцом, серебром и золотом, а также полудрагоценными камнями. Владея технологией плавки черных и цветных металлов, искусством закаливания стали и другими техническими приемами обработки металла, ремесленники изготавливали изделия самого широкого ассортимента — от предметов домашнего обихода, юртового убранства, подков и конского снаряжения, простого сельскохозяйственного инвентаря до ювелирных изделий. Наиболее искусные умельцы мастерили и фитильные охотничьи ружья, а в предшествующее («ханское») время ковали боевые топорики и делали многие предметы защитного и наступательного вооружения и снаряжения.

Положительные изменения в кузнечно-слесарном и ювелирном ремесле происходили после вхождения края в состав России. Темир-уста перенимали у русских мастеров способы владения различными инструментами (тисками, кусачками и т. п.) и сами стали изготавливать некоторые инструменты из металла,

Кузнец (1911 г.)

а также железные бороны и другие сельскохозяйственные орудия труда и вещи, ранее отсутствовавшие в кочевом хозяйстве.

По характеру производства обработка металла у киргизов напоминала деревообделочное ремесло. Постоянных мастерских, кроме мелких кузниц в пригородных кишлаках, не было. При необходимости мастеру помогал кто-либо из мужской половины семьи, иногда — заказчики или их близкие. Такие немногие ремесленники-одиночки (один на несколько аилов, а то и на целую волость) переезжали в поисках работы из одного аила в другой со своим, приспособленным к частым перекочевкам инструментом, располагаясь в доме, чаще в юрте, а то и под открытым небом[45].

Кузнечно-слесарное и ювелирное мастерство у киргизов, издавна передаваясь от отца к сыну, имело как бы семейно-традиционный характер. В рассматриваемое время киргизское кузнечно-ювелирное ремесло, частично перерастая узкие рамки домашнего производства, постепенно выделялось (особенно в оседло-земледельческих районах) в отдельную его отрасль, а в районах кочевого скотоводства оно намного медленнее и в меньшей мере отрывалось от сельского хозяйства.

К ремесленникам у киргизов можно отнести также каменщиков, выполнявших заказы на традиционные для каждой семьи ручные зернотерки *(жаргылчак)*, жернова для небольших водяных мельниц простого устройства, точильные бруски, пуговицы, и т. п. Были в киргизских кишлаках и свои сапожники и шорники. Данные о других категориях профессиональных ремесленников, в т. ч. о гончарах-керамистах у киргизского населения, весьма скудны и часто противоречивы.

Киргизское ремесло еще больше, чем домашнее производство, испытывало влияние вторгавшихся в хозяйственную жизнь края товарно-денежных отношений. Большей частью изделия киргизских ремесленников реализовались в своем аиле или же в соседних общинах. Но уже в последней четверти XIX в., а особенно в начале XX в., некоторые изделия, включая ковровые вещи, кошмы, шерстяные мешки и веревки, а также седла и деревянные предметы (сундуки и т. п.), нередко привозились для обмена и продажи на сельские и городские базары и ярмарки самими производителями, а чаще появлявшимися в аилах и кишлаках скупщиками.

Если в ковроткачестве, распространенном в южных районах Киргизии, и в обработке дерева и металла с конца XIX в. усиливалась тенденция к обособлению киргизского ремесла в самостоятельные отрасли, то усиление конкурентного завоза из России фабрично-заводских изделий вело к падению некоторых старинных народных производств. Это сказывалось, например, в ликвидации старательской добычи и выплавки железа в Прииссыккулье из шлихового песка, сокращении изготовления самодельного оружия и охотничьего снаряжения, приготовления естественных красителей и т. п.

Но в целом с 70-х годов на севере, а с 90-х годов и на юге Киргизии сельское ремесленное производство стало заметно расширяться за счет появления ремесленников из пришлого, инонационального крестьянского населения.

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отмечал: «В пореформенной России рост мелких промыслов, выражающий собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся и проявляется двояко: во-1-х, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины; во-2-х, в образовании новых мелких промыслов и расширении существовавших раньше промыслов в местном населении»[46].

В конце XIX — начале XX в. первый из названных выше процессов наблюдался и в районах Средней Азии и Казахстана. По мере притока в Киргизию переселенцев, приносивших сюда свою культуру ремесла из Центральной России и других мест их прежнего обитания, возрастало число отдельных видов ремесленного производства, ранее отсутствовавших в среде кочевников-скотоводов. Так, уже в 1877 г. в Токмакском (впоследствии Пишпекском) уезде имелись маляры, столяры, плотники, печники, кирпичники, кузнецы, слесари и даже обойщики и золотильщики по дереву.

При этом, как сельские, так и городские ремесленники (мас-

терство последних было выше, а профессиональная специализация — дробнее) нередко не порывали связи с землей, так же как аильные ремесленники (преимущественно кожевенники, деревообделочники и кузнецы) — связи со скотоводческим хозяйством. Ведь многие из сельских жителей занимались ремеслом лишь в свободное от первоочередных сельскохозяйственных работ время. Среди пришлых неустроенных крестьян были и такие, которые вынужденно перебивались своим нехитрым ремеслом лишь в ожидании земельного надела.

Связь с земледелием у сельских ремесленников из среды русских и украинцев была более прочной, чем у татарских, узбекских, дунганских и уйгурских, обитавших преимущественно в городах и слободках, где они были менее обеспечены землей или не имели ее вообще.

По характеру организации сельское ремесло было мелким и раздробленным, в нем преобладал тип ремесленника-одиночки, иногда использовалась подсобная помощь кого-либо из взрослых членов семьи, а у киргизских ремесленников — родственников. Но работа в кузнице или горшечной мастерской, конечно, не обходилась без кооперирования двух-трех работников.

В общем с конца XIX в. преобладающей тенденцией в развитии ремесленного производства в Киргизии являлось возрастание различных видов сельского и городского ремесла, а вместе с этим и численности ремесленников на селе и в городе. Так, в 1883 г. в Пишпеке (когда здесь появилось первое из промышленных заведений — небольшой кожевенный завод) насчитывалось всего 36 ремесленников 11 разных специальностей, а в 1905 г. — уже 920 (в том числе 147 женщин) 33 профессий[47]. В Пржевальске за 1885—1903 гг. численность ремесленников увеличилась с 69 до 122 человек. В 1908 г. в городе только ремесленников-мужчин 14 различных специальностей было 394, человека, а число ремесленных профессий уже превышало два десятка (в 1894 г. — всего 9)[48]. Некоторые из разбогатевших ремесленников становились затем владельцами крупных мастерских, а многие, разоряясь, пополняли ряды наемных рабочих.

Строительство новогородской части в Оше и постоянный рост числа жителей в так называемой старогородской его части вызывало повышенный спрос на труд строителей и традиционные изделия ремесленников. В конце XIX в. в Оше занималось ремеслом и кустарным промыслом 8 тыс. горожан[49].

Состав сельских и городских ремесленников был этнически разнообразным. Помимо киргизских мастеров в аилах и кишлаках появляется немало ремесленников узбеков и таджиков в Оше, Узгене, Джалал-Абаде и других крупных населенных пунктах на юге Киргизии, русских, украинцев, дунган, уйгур и татар на ее севере — в торговых слободках, местечках и уездных городах Токмаке, Нарыне, Пишпеке и Пржевальске. Все они обслуживали бытовые и отчасти хозяйственные нужды горожан и сельчан. Представление об условиях труда ремесленников и сбыта их изделий дает описание побывавшего в Токмаке очевидца: «Кругом (базара) чайханы, пельменницы, кузницы и всякого рода мастерские, где тут же, на глазах у проходящей публики, ремесленники, зачастую почти без костюма, исполняют свои незатейливые работы, шьют, кроят, стряпают, варят и прочее»[50].

Но сами ремесленники — ни городские, ни сельские, ни из среды переселенческого и коренного киргизского населения — в целом не составляли особого ремесленного сословия («цеховыми мастерами их назвать нельзя»[51] — отмечали современники), входя в состав городского мещанского или сельского, крестьянского сословий. Такие ремесленники в слободках, торговых местечках и городах, соприкоснувшись раз с рынком, затем, как правило, постепенно переходили к систематическому производству на него, т. е. становились товаропроизводителями. Это явление в развитии российского ремесла убедительно раскрыто В. И. Лениным в его книге «Развитие капитализма в России»[52].

Таким образом, со времени вхождения Киргизии в состав России ремесленное производство получило заметное развитие, особенно же в сравнении с концом XVIII — первой половиной XIX в. Об этом свидетельствовали увеличение количества ремесленников, рост числа их профессий, применение более совершенных орудий труда, расширение изготовления новых для коренного населения края ремесленных изделий. Хотя в рассматриваемый период ремесло в Киргизии и не достигло цеховой организации, как, например, в старинных городах Узбекистана, местами зачатки ее проявлялись в отдельных видах ремесла, особенно в южных районах края[53]. Это выражалось, в частности, в преемственности и передаче производственно-профессионального опыта не только членам семьи ремесленника, но и подмастерьям и ученикам. Правда, дальнейшее развитие ремесла отчасти тормозилось возникновением мелкой кустарной промышленности и усиливавшимся завозом фабрично-заводских изделий.

С конца XIX в. наряду с мелкотоварным ремесленным производством в уездных городах, торговых местечках и слободках и некоторых значительных сельских пунктах Киргизии появлялись небольшие частнокапиталистические предприятия обрабатывающей промышленности, действовавшие большей частью сезонно.

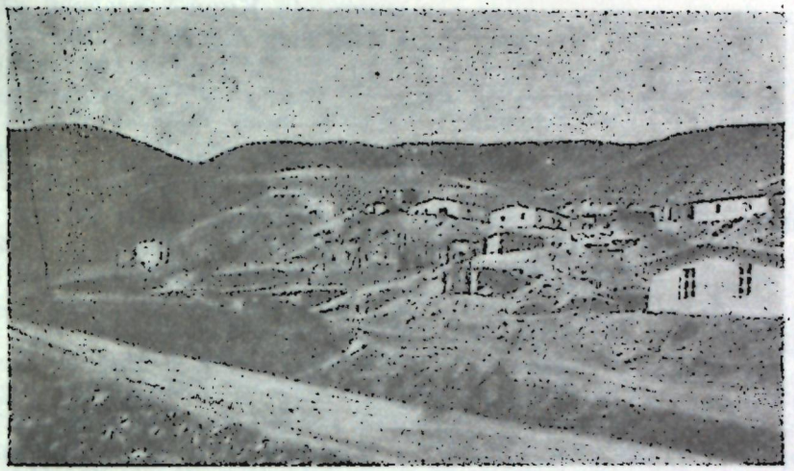
Некоторые из них по технико-экономическим данным мало чем отличались от крупных ремесленных мастерских, хотя и представляли более высокий тип производства, где использовалась наемная рабочая сила. Владельцами кожевенных, маслобойных, сыродельческих и т. п. заводов и товарных мельниц в Пишпеке, Пржевальске, Оше, а также в крупных торгово-земледельческих селениях являлись местные и приезжие из других городов Средней Азии, Казахстана, а также Центральной России предприимчивые дельцы из дворян и чиновников, разбогатевшие крестьяне-переселенцы, коммерсанты и купцы. В этом отноше-

нии показательно развитие кожевенного и маслобойного производства в крае. Так, уже в 1883 г. купцом Тохтаровым был основан первый кожзавод в Пишпекском уезде с 8 наемными рабочими и годовым объемом производства в 10,6 тыс. руб. В 1885 г. в уезде уже действовало 5 кожзаводов, в том числе купцов из коренных национальностей края — Мамашева, Бикеева и Узбекова (двух последних в с. Большой Токмак)[54]. В 1910 г. здесь работало 20 таких «заводов» с 40 наемными рабочими. Но на некоторых из них было по 7—8 рабочих. Довольно значительная мастерская имелась у манапского сына А. Шабданова, где за сезон обрабатывалось до 300 кож. Семейству крупных манапов Шабдановых принадлежали и другие промышленные заведения.

Отдельные представители разбогатевшей на торговле скотом киргизской бай-манапской верхушки владели также маслобойными заводами. С конца XIX в. их количество росло как на севере, так и на юге Киргизии. Так, в 1884 г. в Пишпекском и Пржевальском уездах были основаны первые 9 маслобойных мастерских с 14 рабочими и с годовой производительностью в 2,5 тыс. руб. В 1909 г. их стало здесь 37, численность рабочих возросла до 109 человек, а валовая продукция достигала 32,6 тыс. руб. В Ошском уезде их количество увеличилось за 1896—1909 гг. со 194 до 221, число рабочих — со 194 до 282, а валовая продукция — соответственно — с 2,06 тыс. руб. до 20,6 тыс. руб.[55] Маслобойные мастерские были преимущественно мелкими, обслуживались зачастую одним и очень редко — двумя или более работниками.

С возрастанием количества предприятий обрабатывающей промышленности соответственно росла и численность занятых на них наемных рабочих, хотя в абсолютных числах она была не столь уж значительна. Сырьевой базой таких мелких предприятий служило развивающееся в уездах торговое земледелие и животноводство, расширявшееся с начала XX в. хлопководство на юге Киргизии, а также разработка местных полезных ископаемых. Готовая продукция кожевенных, пивоваренных, маслобойных, гончарных и т. п. заводов раскупалась на местных рынках и редко (кроме очищенного хлопка, мытой шерсти и некоторого другого сырья) вывозилась из своих уездов. Только немногие высокодоходные предприятия, например, кишечноочистительные заводы фирмы Дюршмидт, работали в основном на экспорт (в Германию); полностью шли за рубеж и добытый озокерит, ореховый наплыв и т. п.

Появились мелкие промышленные предприятия в таких слободках и местечках, как Токмак, Нарын, Ат-Баши, Кочкор на севере Киргизии, Узген, Джалал-Абад и некоторых других крупных селениях на юге края. К началу промышленного подъема (1909—1913 гг.) в уездных городах Киргизии уже имелось и несколько более крупных, цензовых предприятий — не менее чем с 16 рабочими и одним двигателем или не менее, чем с 32

Сулюктинские каменно-угольные копи

рабочими, но без двигателя. Некоторые из них иногда вырастали из местных ремесленных мастерских, но значительно чаще в результате притока извне российского капитала, нередко в акционированной форме.

Начало добывающей промышленности Киргизии приходится на конец 60 — начало 90-х годов. Так, в 1868 г. были заложены Кок-Кенс-сайские копи в районе Сулюкты, на землях, подвластных Кокандскому ханству. Годом позже мещанин Хренников получил у хана разрешение на добычу угля и нефти в Фергане. Копи Фовицкого во время военных действий в Кокандском ханстве были разрушены и работа на них возобновилась в 1880 г. уже после ликвидации ханства. В 1884 г. угледобыча на Кок-Кене-сайских копях в Ходжентском уезде составляла 209130 пудов[56]. Наряду с представителями российской буржуазии к горным богатствам Киргизии тянулись и иностранные дельцы. Вхождение южно-киргизских земель в состав России послужило одной из важнейших предпосылок для зарождения там горнодобывающей промышленности и формирования частнокапиталистического уклада.

Появление уже первых сравнительно крупных предприятий, различного рода акционерных обществ и компаний по добыче угля и других полезных ископаемых было связано с проникновением российского капитала, иногда с участием и среднеазиатского купечества. Одним из примеров может служить образование в 1884 г. «Первого Среднеазиатского горнопромышленного товарищества». Оно начало разработку буроугольных месторождений в районе Сулюкты. В 80-х годах XIX в. российскими предпринимателями велась добыча угля и нефти также на других месторождениях, но объем ее был еще не велик. Так, на Таш-

кумырском угольном месторождении (в Кырк-Угульской волости Наманганского уезда) было получено лишь 35 тыс. пудов угля, а на нефтепромыслах Майли-Сая (в той же волости) — всего 270 пудов нефти и мума, в 1886 г. — 700 пудов одной нефти[57].

И в дальнейшем увеличению угледобычи и разработок других полезных ископаемых способствовал приток капитала из центра России в Туркестан. В начале 90-х годов XIX в. из шести угольных копей и такого же количества нефтепромыслов, возникших в Туркестанском крае, половина действовала на юге Киргизии (Нарынская и две Кок-Кене-сайские угольные копи; нефтепромыслы в Майли-Сае, Майли-Су и Чангыр-Таше)[58].

На развитии добывающей промышленности Киргизии сказывалось и железнодорожное строительство в сопредельных среднеазиатских областях, в частности, сооружение Среднеазиатской дороги. В 1898 г. товарищество, возглавляемое одним из строителей названной дороги инженером-путейцем Ковалевским, стало скупать перспективные нефтеносные земли у с. Чимион в Узбекистане — недалеко от границ современной Киргизии. И уже в начале XX в. там возник один из крупнейших в Средней Азии нефтепромыслов акционерного общества «Чимион», на котором, как и на угольных копях Шураба в Северном Таджикистане, трудились наряду с узбекскими, таджикскими и киргизские рабочие[59]. Отмечались попытки внедрения иностранного капитала в горнодобывающую отрасль промышленности — одну из наиболее доходных в краевой экономике.

С 1898 г. была организована угледобыча в Кызыл-Кийском угленосном бассейне, в ущелье Джин-Джиган. Начали разрабатываться Уч-Курганские угольные копи[60]. Образовавшееся в 1899 г. в Антверпене (Бельгия) акционерное «Анонимное общество Туркестанской промышленности» с капиталом в 1,5 млн. франков начало функционировать в 1906 г. под наименованием товарищества «Назаров и К°»; оно заложило угольные копи в районе Таш-Кумыра и в урочище Джида-Булак в Ляйлякской волости Кокандского уезда[61].

Возникшее в 1902 г. акционерное общество для «эксплуатации каменноугольных богатств Туркестанского края» открыло две копи в районе Таш-Кумыра и Уч-Кургана. В следующем году в Кызыл-Кия вел разведку и заложил шахту горнопромышленник Фосс. Через несколько лет участки Фосса и другого предпринимателя Шотта перешли к Батюшкову, арендовавшему также казенную землю и значительно расширившему дело.

Более скромное место по сравнению с угледобычей занимали нефтеразработки в приферганских районах Киргизии, где мелкие частновладельческие нефтепромыслы создавались на капиталистических началах. Наиболее крупными из них являлись нефтепромыслы Майли-Сая в Наманганском уезде. Здесь в 1903 г. неожиданно забил мощный нефтяной фонтан, выбрасывавший до

10 тыс. пудов нефти ежесуточно. На открывшихся затем казенных торгах на майлисайскую нефть, которые привлекли многие среднеазиатские и российские фирмы и различных дельцов, «победил» бывший министр путей сообщения князь Хилков, заарендовавший 40 дес. нефтеносной земли, перешедшей затем к его наследнице[62].

В 1910 г. все права на этот участок перекупило Ферганское нефтепромышленное товарищество с центром в Лондоне[63]. Две нефтескважины на Майли-Сае обслуживались 30—40 рабочими при ежегодной добыче в 40 тыс. пудов нефти, сбывавшейся в Андижане и Намангане[64]. Менее значительный нефтепромысел принадлежал здесь акционерному «Андреевскому нефтепромышленному товариществу», созданному в 1905 г. Подобные объединения постепенно вытесняли мелких арендаторов угольных и нефтеносных участков и кустарей-старателей на горных промыслах.

Наемными рабочими на крупных ремесленных и частнокапиталистических предприятиях являлись выходцы из городской, сельской и аильной бедноты, а часть квалифицированной рабочей силы была из разорившихся ремесленников и кустарей. При этом среди разнонациональных представителей зарождавшегося здесь пролетариата компактной массой стали выделяться горняки, особенно шахтеры в южных районах Киргизии. Наряду с ними первые кадры постоянных рабочих, в том числе из киргизов, формировались в обрабатывающей промышленности — мукомольном, маслобойном, кожевенном и некоторых других производствах в северных районах края. Условия труда рабочих в Киргизии были повсеместно тяжелыми, эксплуатация гораздо больней, а оплата труда — значительно меньшей, чем на фабриках и заводах в центральных губерниях России. Дискриминация в оплате труда рабочих коренных национальностей, особенно киргизов, а также женщин и подростков, наблюдалась везде. Заработная плата рабочих в различных отраслях и у разных владельцев была, хотя и различной, но повсюду низкой, нищенской, колеблясь вокруг прожиточного минимума, а то и не обеспечивая даже его. Все это пробуждало у рабочих дух протеста против жестокой эксплуатации и бесправия, способствовало классовому сплочению русских, киргизских и рабочих всех других национальностей.

Таким образом, со второй половины XIX в. промышленное производство в Киргизии под воздействием капиталистической экономики России шло по пути от примитивных домашних промыслов до появления в начале XX в. первых предприятий фабрично-заводского типа. При всем этом однобокий характер развития и узкий отраслевой состав промышленности показывал, что даже по туркестанским меркам она оставалась слаборазвитой.

Пути сообщения, транспорт и связь

Краем почти сплошного бездорожья была Киргизия в период подчинения Кокандскому ханству. Для внутреннего сообщения и торговых сношений с соседними народами использовались традиционные немногие караванные пути, скотопрогонные дороги и далеко не безопасные горные тропы. Колесный транспорт был почти незнаком населению многих, особенно горных, местностей, за исключением киргизов, обитавших в Приферганье. Для передвижения и вьючных грузоперевозок служили лошади и верблюды, быки и ослы.

Проведение первых грунтовых дорог, установление регулярного сообщения и связи между городами и военно-административными пунктами началось после вхождения Киргизии в состав России. Дорожное строительство рассматривалось туркестанскими властями прежде всего как одно из средств упрочения военной безопасности края, а затем и обеспечения экономических интересов господствующих классов. Вместе с тем создание в Киргизии первых дорог, пригодных для колесного транспорта, способствовало большей подвижности населения, развитию почтового сообщения и торговли в крае, с соседними областями и Центральной Россией, положило начало ликвидации ее былой замкнутости.

С образованием Туркестанской области, а затем Туркестанского генерал-губернаторства в 1865—1868 гг. прокладываются тракты, соединившие Ташкент с областным городом Семиречья — Верным и последний — с первоначальными уездными центрами северной части Киргизии — Токмаком через перевал Кастек и Ак-Суйским укреплением через перевал Санташ. Один из этих трактов — Верненско-Карабалтинский — проходил через Кастекский перевал на Токмак, Пишпек и далее на Аулие-Ата и Ташкент. С конца 1870 г. его маршрут отчасти изменился в связи с переносом почтового движения с крутого Кастека на более доступный перевал Курдай, в объезд Токмака. 1 декабря 1870 г. устанавливается трактовое сообщение между городами Верным и Караколом (ставшим уездным центром вместо Ак-Су) через Курдайский перевал, Пишпек, Токмак и далее вдоль северного побережья Иссык-Куля. С 1871 г. этот тракт из вьючного стал почтовым. После прокладки дороги через Боомское ущелье в 1872 г. было организовано прямое колесное сообщение по тракту между Пишпеком и Караколом.

Почтово-пассажирские перевозки и их охрана по первым трактовым дорогам Семиречья до 1868 г. осуществлялись казаками, располагавшимися на редких почтовых пикетах и в трактовых селениях. Ими же возводились и все постройки — почтовые станции с помещениями для «господ проезжих», а также для почтальонов и ямщиков. Впоследствии содержание почтовых трактов с так называемыми конно-почтовыми станциями было продано казной с торгов местному купечеству. Почтарями

На пути в г. Пржевальск

и возчиками на трактах вместо казаков стали работать по найму преимущественно киргизы, казахи и калмыки, которые обслуживали и все хозяйство этих станций[65]. А заготовка и продажа клевера, сена и зернового фуража почтовому ведомству, проходившим обозам и караванам являлась дополнительным подспорьем в хозяйстве окрестного населения.

Регулярное вьючное сообщение между Токмаком и Нарыном было налажено в 1872—1873 гг., а с 1876 г. по этой дороге устанавливается колесное движение. В 1880 г. Кутемалдинско-Нарынский тракт (152 версты) был превращен в почтовый, им же Нарын сообщался с Караколом. Таковы были главнейшие почтово-транспортные артерии на севере Киргизии, из которых особо важное значение имел Верненско-Ташкентский трактовый путь. По нему в начале XX в. из Ташкента и Верного в Пишпек, Токмак и Пржевальск, по некоторым данным, перевозилось около 1 млн. пудов различных грузов[66] и множество пассажиров. Сеть трактовых дорог дополнялась проселочными, а также караванными, кочевыми и скотопрогонными путями местного значения, игравшими, однако, немалую роль в жизни всего населения.

С конца 70-х годов XIX в. на юге Киргизии время от времени стали проводиться дорожно-строительные работы: расчистка вьючных горных троп, приспособление отдельных участков кара-

ванных путей для гужевого транспорта, а также строительство первых колесных дорог.

По интенсивности движения и торговому значению здесь выделялись тракты, связывающие Андижан с Ошом, а также с Джалал-Абадом и Узгеном. Пути из Андижана в Узген и Джалал-Абад, продолженные далее, соединяли Фергану с Семиречьем, играя роль важнейших экономических нервов края. Еще одна вьючно-колесная дорога, соединявшая юг и север Киргизии, шла из Наманган через Кетмень-Тюбе и Нарын. По ней в Ферганскую долину перегоняли скот и вывозили зерно, а в обратном направлении доставляли товары киргизскому населению Центрального Тянь-Шаня. Крупным торгово-транспортным узлом на юге Киргизии стал г. Ош, связанный дорогами со всеми соседними уездами, а также с Куршабской долиной и Гульчей, откуда шел путь в Кашгар. Для внутренних и внешних торговых связей края большое значение имела дорога из г. Скобелева (Ферганы) к Уч-Кургану на Алай—Каратегин и далее в сторону бухарских владений. Важную военно-экономическую роль играл путь Ош—Хорог. Отправными пунктами для торгового сообщения с Восточным Туркестаном служили: из южных районов Киргизии г. Ош, из северных — Пржевальск и Нарын, проходными пограничными пунктами являлись перевалы Бедель, Теректы и Торугарт.

Передвижение по многим высокогорным дорогам края неизбежно сопровождалось немалыми трудностями, а нередко и опасностями для жизни путников и возчиков. При переправе через бурный Нарын и другие горные реки гибло немало грузов и скота.

При отсутствии постоянного ухода горные тропы нередко становились непроходимыми, а колесные дороги — непроезжими. Причем зимою сообщение между отдельными горными местностями надолго прерывалось из-за снежных завалов, а в долинных районах — вследствие весенней и осенней распутицы.

Прокладка дорог в горах осуществлялась царизмом даровым трудом русских саперов и солдат, отчасти трудовой повинностью киргизов, а ремонт и поддержание их в порядке возлагались на местное население. К примеру, только по Ошскому уезду в 1905—1906 гг. тяжелую дорожную повинность отбывало более 58870 человек. Протяженность исправленных ими дорог составляла 8740 верст, а общая стоимость работ — свыше 170 тыс. руб.[67] Проведение сети колесных дорог в крае и появление впоследствии, наряду с гужевым, других видов транспорта способствовало увеличению ввоза промышленных товаров из Центральной России и вывозу сельскохозяйственной продукции и сырья из Киргизии, усилению торговых связей как между внутренними районами края, так и с сопредельными районами Средней Азии и Казахстана, а отчасти и Восточного Туркестана.

В начале XX в. в Киргизии появляются новые, невиданные

прежде здесь пути и средства сообщения — железнодорожный, автомобильный и водный транспорт. Русская буржуазия, указывал В. И. Ленин, «...предпринимает гигантские постройки железных дорог в свои колонии, создавая себе там рынок, неся в молодую страну прелести буржуазных порядков, выращивая с особенной быстротой и там промышленную и земледельческую буржуазию...»[68] В этом отношении характерно влияние, оказанное на социально-экономическую жизнь Туркестана Закаспийской железной дорогой, которая образно говоря, стала «открывать» для капитала Среднюю Азию[69].

На экономику Киргизстана в конце XIX — начале XX в. определенным образом воздействовали первые среднеазиатские железные дороги и Транссибирская магистраль еще до того, как железнодорожное строительство началось непосредственно на его территории. В результате Киргизия активнее вовлекалась в общероссийский капиталистический рынок, усилилась и колониальная эксплуатация трудящихся. Первыми железными дорогами здесь были узкоколейные подъездные пути от угольных копей к станциям железной дороги: от Кызыл-Кия до ст. Скобелево (Фергана) и от Сулюкты до ст. Драгомирово (Пролетарская), построенные шахтовладельцами в 1908—1911 гг. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, туркестанские и российские промышленники выдвинули ряд проектов, получивших одобрение властей, по проведению подъездных путей из хлопкосеющих районов к существовавшим уже железнодорожным линиям в крае. Некоторые из них должны были проходить по территории Киргизии, например, от ст. Ассаке и Андижана к г. Ошу, от ст. Наманган через Уч-Курган к Джалал-Абаду и др. Однако в 1914—1916 гг. была проведена только ширококолейная линия на Джалал-Абад.

Первое место в железнодорожном строительстве дореволюционного Киргизстана занимала Семиреченская железная дорога. Царские власти придавали ей важное политическое и экономическое значение, связанное со стимулированием вывоза хлеба и скота из Семиречья в Фергану с целью увеличения выкачки оттуда хлопка, усилением вывоза сельскохозяйственного сырья и привоза фабрично-заводских изделий из центра России. По утвержденному уставу Общества Семиреченской железной дороги (1912 г.) предстояло по окончании первоочередной линии Арысь—Пишпек (636 верст пути) продолжить ее до Токмака и к Верному (вторая очередь), а затем — к Иссык-Кулю. На тяжелых земляных работах здесь трудились низкооплачиваемые киргизы, казахи и выходцы из Восточного Туркестана («кашгарлыки»), а впоследствии (в 1916—1917 гг.) мобилизованные тыловые рабочие и военнопленные. Начавшаяся в годы первой мировой войны хозяйственная разруха замедлила темпы строительных работ на дороге. К осени 1917 г. на участке от Мерке до Пишпека оставались незаконченными землекопные работы

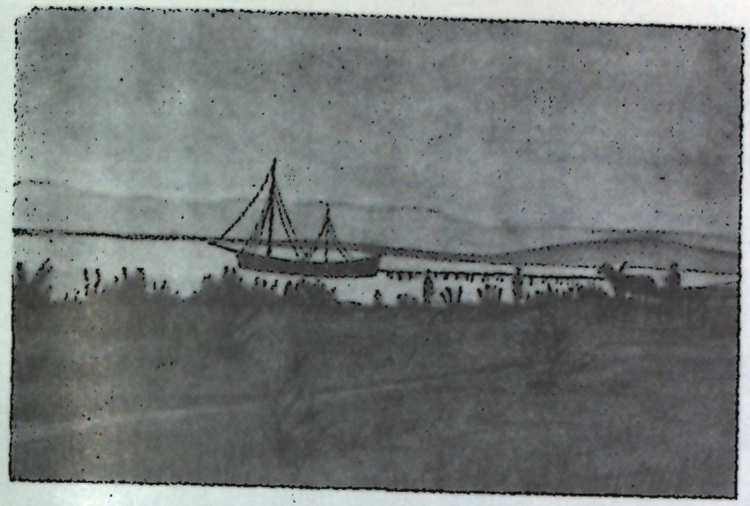
(429 тыс. кубических сажен), не хватило 252 версты рельсов[70]. Завершение строительства дороги оказалось непосильно и буржуазному Временному правительству. Дорога была доведена до Пишпека (Фрунзе) уже при Советской власти.

Первые попытки наладить грузопассажирские автоперевозки по грунтовым дорогам Киргизии относятся к 1912 г. Тогда пишпекский делец Бабахан Нурмухаметбаев объявил о своем намерении организовать регулярное автосообщение между Пишпеком, Токмаком и Верным. С этой целью он закупил и доставил в Пишпек легковой автомобиль системы Перлея. 25—26 июня был совершен пробный рейс в Верный. Однако наличие лишь одной машины, а также отсутствие достаточного количества запасных частей, авторемонтной станции при нередких поломках на плохих дорогах не позволили осуществить этот замысел. В 1913 г. в местной печати появилось сообщение об образовании в Петербурге общества (автомобильной концессии) с 8-миллионным капиталом для грузопассажирских перевозок на автомобилях по кольцевому маршруту: Кабул-Сай (ближайшая к Пишпеку станция железной дороги в пятистах километрах) — Верный (через Пишпек) — Джаркент и через Пржевальск на Пишпек. Начавшаяся империалистическая война помешала реализации этой идеи.

На юге Киргизии Общество Ферганской железной дороги, построившее в 1916 г. железнодорожную ветку на Джалал-Абад, еще до проведения проектировавшейся Ошской железнодорожной ветки создало в г. Оше автомобильную станцию для доставки грузов и пассажиров до ст. Курган-Тюбе Ферганской железной дороги. В дореволюционный период существовало и автохозяйство (из 5 автомашин) Управления по орошению долины р. Чу (ЧУПР), обслуживавшее лишь его нужды по перевозке грузов и материалов[71].

Судоходство на Иссык-Куле относится к началу XX в., хотя первые попытки наладить сообщение по озеру предпринимались уже в последней четверти XIX в. Транспортировка дров и леса производилась на небольших купеческих парусниках с 1902 г. из Джаргылчака в Пржевальск и с 1910 г. в Рыбачье. К 1916 г. по озеру уже ходило 6 грузовых лесовозных баркасов и столько же парусников для перевозки зерна и шерсти, построенных Сулеймановым и другими пржевальскими купцами. В 1913—1914 гг. предприимчивые дельцы Мазуренко пытались организовать регулярное судоходное сообщение между прииссыккульскими поселками с помощью трех парусно-моторных судов. Однако из-за отсутствия средств у предпринимателей был изготовлен лишь первый мотобот «Путешественник Пржевальский». Пароходство на «Киргизском море» было создано только при Советской власти.

Итак, вторая половина XIX — начало XX в. характеризуются определенным развитием всех видов транспорта, особенно гужевого и колесных дорог в Киргизии, что способствовало росту здесь торговли, усилению подвижности населения, началу ликвидации прежней обособленности горного края. Однако вплоть до победы Великого Октября пути сообщения и транспорт оставались крайне узким местом в слаборазвитой экономике Киргизстана.

На озере Иссык-Куль

У киргизов, как и других кочевых народов, связь по-прежнему осуществлялась посылкой конных гонцов и устной передачей новостей — народная молва или «*узун кулак*» (буквально «длинное ухо»). После вхождения в состав России в Киргизии появились первые современные средства связи, а их постепенное распространение сыграло положительную роль в культурно-экономическом развитии края. Однако само учреждение почтовой связи и сооружение телеграфных линий (подобно выбору направлений строившихся железных и трактовых дорог) были непосредственно вызваны интересами царского правительства и торгово-промышленной буржуазии. Так, «устроители» почтовой связи в Туркестане отмечали: «...Почтовые места, служа проводниками административных и коммерческих сношений, способствуют развитию и преуспеянию и торговли, промышленности, что в свою очередь ведет к увеличению народного благосостояния (?), а поэтому и государственных доходов (!), особо велика роль почты и связи во вновь присоединенном Туркестанском крае для развития в нем торговли и промышленности, а также для удовлетворения в нем правительственных потребностей»[72].

Первыми учреждениями почтового ведомства в Киргизии были его конторы в уездных центрах Семиреченской, а затем и Ферганской областей, почтовые станции и отделения в некоторых

Почтовая станция. Пржевальский тракт

населенных пунктах и укреплениях. С 1886 г. учреждения связи на местах подчинялись созданному в Ташкенте Туркестанскому почтово-телеграфному округу. В Пишпеке уездная почтовая контора открылась 14 мая 1878 г. с переводом ее из Токмака. В дореволюционной Киргизии, как и на других среднеазиатских окраинах страны, почтовая сеть развивалась крайне медленно, мало обеспечивая растущие потребности населения в почтовых услугах. Это наглядно видно и на примере состояния связи в Пишпеке. Здесь в 1881 г. был всего 1 почтовый ящик и 11 почтовых работников, а через три десятилетия соответственно 5 и 23. Накануне первой мировой войны в Киргизии действовало немногим более десятка учреждений связи, которые с трудом справлялись с возросшим объемом почтовых операций[73].

Появление первого телеграфа в Киргизии связано с намерением правительства проложить в начале 70-х годов телеграфную линию между Средней Азией и Сибирью, соединив ею Ташкент и Омск — два крупных административных центра Туркестанского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства и двух военных округов. При обсуждении этого вопроса в Государственном Совете в 1870 г. целесообразность проведения телеграфных линий в Туркестане признавалась необходимой как в «политическом, так и торговом отношении»[74]. Осенью 1872 г. телеграф уже соединял Семипалатинск, Омск и Верный, а 9 мая 1873 г. в Пишпеке была открыта первая телеграфная станция в крае. Впоследствии она будет связана через Верненский и Ташкентский телеграф и с другими городскими центрами страны, а также с городами и крупными населенными пунктами Киргизии — Токмаком, Пржевальском, Нарыном и Ошом.

В том же 1873 г. военный губернатор Семиреченской области ходатайствовал об ускорении постройки телеграфной линии от Токмака к Пржевальску, учитывая близость Каркаринской ярмарки. В 1887 г. вопрос о проведении Пишпекско-Каракольской телеграфной линии в принципе был одобрен краевой администрацией. Тем не менее строительство телеграфной линии между Токмаком и Пржевальском, стоившее свыше 55 тыс. руб., было осуществлено лишь осенью 1900 г.[75] В 1905 г. местным купечеством возбуждался вопрос об устройстве телеграфной линии от Пржевальска до Каркаринской ярмарки, частично за счет торговцев. Но с почтовым ведомством они так и не сторговались.

Еще в середине 80-х годов XIX в. российский консул в Кашгаре, пользовавшийся конной связью с Нарыном, настойчиво доказывал необходимость проведения телеграфной линии от Пишпека через с. Большой Токмак до Нарына. «...Телеграфное сообщение весьма полезно было бы для края и оживления нашей торговли с Китаем»,— указывал и начальник Иссык-Кульского уезда. Когда через 10 лет, в 1897 г., вновь возник вопрос об учреждении телеграфа в Нарыне в связи с распространившейся из Индии чумой, власти пошли лишь на открытие там почтового отделения[76]. В 1913 г. телеграфные депеши из Нарына все еще доставлялись до ближайшей телеграфной станции на почтовых.

В южных районах Киргизстана постройка первых телеграфных линий осуществлялась позднее, с 80-х годов XIX в. В 1879 г. краевые власти ходатайствовали об устройстве телеграфных линий от Нового Маргелана до городов Андижана и Оша и одновременно от Коканда через Чуст до Наманган с целью «возможно большего развития в Ферганской области торговых и экономических условий...»[77] На устройство линии от Маргелана до Оша через Андижан ассигновалось 29,2 тыс. руб. Работы по ее сооружению были начаты 23 мая 1880 г. и летом того же года закончены. Тогда же в Оше и Андижане открылись телеграфные станции[78]. Но только через 14 лет, в 1894 г., телеграфная линия была продолжена до укрепления Гульча[79], а впоследствии и до пограничного укрепления Иркештам, где 16 октября 1903 г. был открыт прием внутренних телеграмм. Установление телеграфной связи с Кашгаром, о чем настойчиво хлопотал российский консул, отвечало торговым интересам России. В развитии транзитной торговли было заинтересовано и население Киргизии. В годы первой империалистической войны разрабатывался проект проведения телеграфной линии от Наманган до Джалал-Абада длиною в 159 верст для обслуживания строившейся тогда железной дороги.

Устройство телефонной связи в Киргизии также относится

ко времени первой мировой войны. Еще осенью 1912 г. по предписанию Главного управления почт и телеграфов был составлен проект организации правительственной телефонной сети в Пишпеке на 100 абонентов. Требуемых кредитов — 12,5 тыс. руб. — однако не отпустили. В 1914 г. городской староста вновь ходатайствовал перед Управлением почт и телеграфов об ускорении устройства телефона в городе, заявив, что иначе город возьмет инициативу его открытия на себя, так как число желающих иметь телефон ежегодно возрастает[80].

Одновременно правление Семиреченской железной дороги хлопотало о разрешении подключения к казенной телеграфной линии вдоль строившегося полотна железной дороги Арысь — Пишпек и устройстве телефонной сети в г. Пишпеке для нужд дороги. 5 ноября 1915 г. в городе стала функционировать железнодорожная телефонная линия, обслуживавшая 11 точек, включая квартиры предпринимателя, врача, фельдшера и жандармского ротмистра[81].

Необходимость неотложного устройства телефонной сети общего пользования в Пишпеке признавалась в 1916 г. и начальником Туркестанского почтово-телеграфного округа ввиду размещения в городе части Управления по постройке Семиреченской железной дороги и перевода туда в полном составе Управления по орошению долины р. Чу. Однако до революции общегородской телефонной сети в Пишпеке так и не было создано.

В целом же установление регулярного почтового сообщения и некоторое развитие в Киргизии новых средств связи в значительной мере способствовали оживлению торгово-экономической и общественно-политической жизни в крае.

Появление и развитие городов

Со второй половины XIX в. (после многовекового перерыва, связанного с опустошительным монгольским нашествием в начале XIII в. и последующими феодальными междоусобицами) в северных районах Киргизии вновь возрождается городская жизнь, появляется сеть крупных торгово-земледельческих селений. Это — одно из прогрессивных последствий добровольного вхождения Киргизии в состав России.

Новые города, торговые слободки и местечки нередко вырастали вблизи развалин бывших кокандских укреплений, как, например, Токмак, Пишпек, Каракол (с 1889 г. Пржевальск) и др. Вначале они являлись военно-административными и пограничными пунктами и лишь со временем становились городами в их истинном значении. К началу XX в. уездные города Пишпек, Пржевальск и Ош по мере переселения в Киргизию крестьян и появления торгово-промышленного люда из внутренних губерний России, Западной Сибири и различных районов Средней Азии превращались в центры местной торговли и зарождавшейся промышленности. Все заметнее была их роль в общественно-политической и культурной жизни края.

Ул. Бульварная (Пишпек, 1904 г.). Современное название — бульвар Дзержинского, г. Фрунзе

Вхождение южных районов Киргизии в состав России благоприятно сказалось на развитии не только г. Ош, но и других довольно крупных населенных пунктов. Узген, например, пережив упадок со времени позднего средневековья, становился теперь, как и Джалал-Абад и ряд других селений в Восточном Приферганье, местом оживленной базарной торговли продуктами сельского хозяйства.

И хотя в целом городская жизнь дореволюционной Киргизии не получила бурного развития, важны были уже первые разнообразные связи между городами и селениями, переселенческим и коренным населением края. Характерна, в частности, дореволюционная история г. Пишпека, образованного в 1878 г.[82] «Возникнув как результат переломного в истории киргизского народа события — добровольного вхождения Киргизии в состав России — город стоял у истоков великой дружбы русского и киргизского народов»[83]. Это был располагавшийся в горном крае город с европейской планировкой, сыгравший важную роль в экономической, социально-политической и культурной жизни киргизского народа, а в начале XX в. ставший одним из центров распространения идей марксизма-ленинизма и развития революционного движения в Киргизии.

Выгодное географическое положение Пишпека на перекрестке торгово-транспортных путей края, в средоточии киргизских коче-

вий, а также перевод в него уездно-городских учреждений послужили важными факторами последующего развития города. С ростом населения, особенно его торгово-промышленной части, Пишпек уже с 80-х годов XIX в. становится одним из заметных рыночных центров Чуйской долины, а к началу XX в. значительным торгово-промышленным пунктом Киргизии. Соответственно росло и его население: в 1882 г.—2135 человек, в 1897 г.—6615, в 1913 г.—20102. Почти половину жителей города составляли дунгане, основавшие в его западной части свою слободку, узбеки и татары, жившие компактно вблизи базара, а также казахи и киргизы (численность которых не превышала 10% всех пишпекцев в 1897 г.)[84].

Наряду с отдельными представителями киргизской феодально-байской верхушки, имевшими в Пишпеке дома и недвижимое имущество, в городе оседала преимущественно разорявшаяся, лишенная скота беднота (*кедей*). Многие из них батрачили у зажиточных горожан и жили в юртах на городских окраинах. Население города стало заметно возрастать с начала 90-х годов XIX в. в результате наплыва сюда крестьян из голодающих губерний России. Обосновываясь в городах, они записывались в преобладавшее там мещанское сословие, однако зачастую не меняя своих занятий.

Часть мещан занималась земледелием на арендуемых у окрестных богатых киргизов землях («заимках»), а также садоводством, огородничеством и пчеловодством, другая — мелкой торговлей, различными промыслами, ремеслами и извозом. По данным переписи 1897 г., торгово-промышленный контингент населения Пишпека преобладал над горожанами, занятыми в сельском хозяйстве. В начале XX в. среди пишпекцев насчитывалось несколько сот ремесленников. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, в Пишпеке появились сравнительно крупные, цензовые частнокапиталистические предприятия по обработке сельскохозяйственного сырья. В 1913 г. на 7 из них (пивоваренном, кожевенном и кожевенно-овчинном заводах, конфетной фабрике и двух вальцовых мельницах) трудилось 175 рабочих[85]. В годы империалистической войны в Пишпеке и его окрестностях сосредоточилась компактная масса рабочих в несколько сот человек, занятых на строительстве Семиреченской железной дороги и Чуйской оросительной системы (ЧУПР). Однако, число немногих, преимущественно мелких, промышленных предприятий и общая стоимость их валовой продукции была во много раз меньше числа торговых точек и годового торгового оборота Пишпека. Так, в 1913 г. в городе насчитывалось 489 торговых заведений с оборотом в 1 млн. руб., помимо оборотов еженедельного базара и ежегодной (с 1906 г.) весенне-летней ярмарки.

Пишпек играл также важную роль в торговле хлебом и скотом между Семиречьем и Туркестаном, являясь своего рода перевалочным пунктом для товаров, идущих из Ташкента на Верный и Джаркент, с одной стороны, и на Токмак, Пржевальск и Нарын — с другой.

Таким образом, экономическое развитие Пишпека, как и других городских центров Киргизии, вело не столько к росту промышленного частнокапиталистического производства, сколько к расширению сферы действия торгово-ростовщического капитала, нещадно эксплуатировавшего низы города и деревни. Одним из последствий этого явилось то, что здесь особенно заметно проявлялись противоречия социально-экономической жизни Киргизии в период буржуазно-демократических революций в России. Дооктябрьская история Пишпека отмечена славными революционными традициями его жителей.

В 1867 г. русское укрепление Токмак, заложенное за три года до этого, было преобразовано в город — центр одноименного уезда Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. С этого времени началось оживленное заселение Токмака переселенческим крестьянством — русскими и украинцами, а также татарами, узбеками и представителями других национальностей. Из описаний того времени явствует, что Токмак состоял из нескольких частей: небольшого укрепления, в котором размещались казармы и разные казенные учреждения, собственно «города» с базаром и множеством лавок азиатского типа, а также двух слободок, примыкавших к городу или к укреплению. С переводом в 1878 г. в Пишпек уездных учреждений Токмак некоторое время числился «заштатным», т. е. безуездным городом, а затем был переименован в селение Большой Токмак. В 1891 г. из ведения сельской администрации Большого Токмака выделяется отдельное торговое местечко Токмак, населенное преимущественно разночинцами из местного населения.

Несмотря на ряд неблагоприятных обстоятельств (перенесение в 1870 г. почтового тракта из Ташкента на Верный в объезд Токмака и лишение его городского статуса) все же, благодаря своему выгодному расположению на «бойком» торговом месте на путях из Чуйской долины в Прииссыккулье и в Центральный Тянь-Шань, Токмак продолжал занимать заметное место в экономической жизни края. Так, на 1 января 1913 г. в Токмаке — в торговом местечке и одноименном селении — насчитывалось 7516 жителей. В нем имелось несколько кожевенных и маслобойных заводов, мукомольных мельниц, функционировало 669 торговых заведений с оборотом 2 млн. 100 тыс. руб. Здесь ежегодно собиралась ярмарка со 100-тысячным оборотом[86]. В социально-экономическом отношении к 1917 г. Токмак сравнительно немногим уступал уездным городам Киргизии.

Место для будущего города Пржевальска было избрано экспедицией А. В. Каульбарса после ознакомления с природно-географическими условиями Восточного Прииссыккулья и совета с коренными жителями. В июле 1869 г. уже были распланированы

главные городские улицы и площади, гостинный двор, в первую очередь строили казармы. Вскоре в них был переведен гарнизон из Ак-Суйского укрепления, служившего ранее центром управления Иссык-Кульским уездом.

3 февраля 1870 г. новое укрепление было названо Каракольским, а впоследствии переименовано в город Каракол. С 7 марта 1889 г. город носит имя скончавшегося там выдающегося исследователя Центральной Азии Н. М. Пржевальского. Город отличался правильной планировкой, обилием зеленых насаждений на улицах вдоль арыков и в усадьбах. В постройках жилищ коренных жителей заметно сказывалось влияние европейского домостроительства.

Первоначально городское население, помимо военных — солдат, семиреченских казаков, а также чиновников уездного управления, составляли узбекские и татарские торговцы, отчасти переселившиеся из Ак-Су (с. Теплоключенское), стоявшего в стороне от караванной дороги. После 1877 г. в городе осела и часть дунганских беженцев. Преобладающее городское сословие (мещане) пополнялось в основном за счет прибывавших в уезд крестьян-переселенцев. По переписи 1897 г. в городе насчитывалось 8108 жителей, в 1913 г. — 15418 человек, из которых около трети составляли русские. Киргизов — жителей Пржевальска — было сравнительно немного, но больше, чем в Пишпеке (в 1897 г. — 16%)[87].

Многие горожане занимались хлебопашеством, скотоводством, садоводством, пчеловодством и лесным промыслом, а также торговлей и извозом. В числе промышленных предприятий города преобладали небольшие кожевенные и маслобойные заводы, а также водяные мукомольные мельницы, на которых работало по одному-два и редко несколько рабочих. Как и в Пишпеке, наиболее значительным было пивоваренное производство. На таких предприятиях формировались первые кадры наемных рабочих. В 1913 г. численность городских рабочих составляла 134 человека. В большинстве это были выходцы из обездоленной городской бедноты.

В целом города дореволюционной Киргизии, как отмечалось, являлись средоточием торгово-ростовщического капитала при относительной слабости промышленного. Под этим углом зрения развитие Пржевальска преимущественно как торгово-скупочного центра отнюдь не являлось исключением.

Городской рынок и скотский базар в Пржевальске постоянно привлекали ближайшее киргизское население. Жители из аилов пригоняли на продажу скот, сбывали животноводческое сырье и зерно, покупая ремесленно-кустарные изделия и привозные фабричные товары. Крестьяне из окрестных селений продавали хлеб, овощи и фрукты, мед и рыбу. Характерно появление среди городских торговцев-скупщиков. На Каркаринской ярмарке пржевальскими торговцами реализовались избыток хлеба, мануфактура и кожевенные товары, которые вывозились в Пишпекский уезд. В Ташкент и Фергану отправлялись через Пржевальск мед и воск, в Андижанский уезд — скот, в Нарын и Джаркентский уезд — хлеб.

В начале XX в. ежегодный общий ввоз и вывоз составлял по Пржевальску 150 тыс. пудов различных товаров. К этому времени значительно возросла и стационарная торговля в городе. В 1907 г. оборот 302 торговых точек Пржевальска достигал уже 1191 тыс. руб. Местный торгово-ростовщический капитал распространял свои щупальцы и на сельскохозяйственную периферию. Владельцы крупных городских магазинов и лавок открывали их отделения и склады по скупке сырья и продуктов в селениях и аилах уезда. К 1917 г. Пржевальск превратился в самый крупный торговый центр Прииссыккулья, игравший заметную роль во внутренней и внешней (транзитной) торговле Киргизии.

К 1888 г. в Центральном Тянь-Шане возникли две торговые слободки — селения полугородского типа: Нарынская и Ат-Башинская. Нарынская слободка находилась рядом с одноименным укреплением, построенным в 1868 г. В ней проживало немало узбекских и татарских торговцев, скупавших скот и животноводческое сырье у окрестного киргизского населения[88]. Нарын, несмотря на высокогорье и довольно суровые условия жизни, притягивал к себе различный торговый люд из соседних областей и даже из Восточного Туркестана. За десятилетие (1903—1913 гг.) его население выросло почти в два раза, достигнув накануне мировой войны 1600 человек[89].

Основное занятие населения Нарына — скотоводство и меновая торговля мануфактурой и другими промышленными товарами на скот и сырье с соседними киргизами. В начале XX в. только некоторые из нарынцев занимались земледелием и совсем немногие — пчеловодством. Хлеб, овощи, бахчевые и яблоки завозились сюда из Пишпека, Пржевальска и даже Верного, южные фрукты — абрикосы, персики и виноград — из Кашгара. Оттуда же поступали хлопчато-бумажная ткань — мата, меха, шкуры и прочее сырье, перевозившееся далее на ферганские, семиреченские и российские рынки. Для нарынского, как и других базаров, было характерно постоянное пребывание там множества киргизов.

С конца 80-х годов XIX в. расширялась и стационарная торговля в Нарыне. Имелось около 70 лавок с мануфактурой и другими товарами, а также магазин по продаже чая, кофе и др. так называемых колониальных товаров, принадлежавший крупному купцу-промышленнику Пугасову. В 1913 г. общее число торговых точек в Нарыне составляло уже 139. Их годовой оборот возрос с 9 тыс. руб. в 80-х годах XIX в. до 300 тыс. руб.[90]

Своим возникновением и развитием Атбашинская слободка (Ат-Баши) во многом обязана удачному расположению на вьючном пути в Фергану и Кашгар. В связи с этим здесь находился таможенный пост, а также собиралась Атбашинская ярмарка.

Официальному ее открытию предшествовал ежегодный с 1883 г. съезд в Ат-Баши скотопромышленников и купцов[91]. Вследствие этого, а также в результате постепенного оседания киргизов из окрестных кочевий число жителей Ат-Баши превысило в 1913 г. тысячу человек. Среди них было немало временно проживавших здесь мелких среднеазиатских и других торговцев. Помимо торговли атбашинцы, преимущественно киргизы, занимались извозом и скотоводством. В 1913 г. они держали 2525 голов лошадей, крупного и мелкого рогатого скота[92].

Еще в 1909 г. в слободке насчитывалось 76 торговых заведений, в том числе 14 харчевен и чайхан, хлебных и мясных лавок, а также лавок по продаже мануфактурных и других товаров с общим оборотом в 8320 руб. В 1913 г. в Ат-Баши было уже 3 мукомольных мельницы и 143 торговых точки, общий оборот которых достигал 270 тыс. руб.[93]

С вхождением южных районов Киргизии в состав России древнейший в крае г. Ош стал центром одноименного уезда. Внешне он походил на многие древние среднеазиатские города с лабиринтом узких кривых улиц, тупиков, беспорядочно застроенных глинобитными мазанками, с обширным базаром, множеством лавок и мечетей.

Краевые власти основали рядом со старым городом новую его часть. От старого Ош она выгодно отличалась правильно распланированной сеткой довольно широких, обсаженных тополями улиц, домами европейского типа. Здесь размещались органы уездного управления, солдатские казармы и лазарет, почтовая контора и другие учреждения, а также усадьбы русских чиновников, купцов, промышленников и мещан.

Разительно контрастно протекало развитие этих двух частей города в дооктябрьский период. Совершенно неблагоустроенный старый («туземный») город (мелочно опекаемый властями в полицейско-фискальном отношении) продолжал оставаться средоточием всей хозяйственной и духовной жизни местного населения. Так, в 1882—1883 гг. в новой («русской») относительно благоустроенной части города насчитывалось менее 50 домов европейского типа и полторы сотни русских жителей, в старом же — около 2800 в большинстве глинобитных, азиатского типа домов и несколько тысяч жителей. В те годы в Оше имелось 16 казенных и 78 общественных зданий — главным образом культовых, 4 караван-сарая и 853 лавки. Примерно такая же картина наблюдалась и в 1914 г.: в новом городе было 140 дворов и около 1200 жителей, а в старом — свыше 6300 дворов и более 46000 жителей. Национальный состав горожан был очень пестрым, но основную их массу составляли узбеки. Киргизов в Оше в 1911 г. проживало 1000 человек.

О характере хозяйственных занятий городских жителей в конце XIX — начале XX в. можно судить по источникам их доходов. Так, в 1897 г. из 34,2 тыс. ошан для 17,7 тыс. основным

средством существования являлось сельское хозяйство, для 8 тыс. — кустарный промысел и для 4,6 тыс. — торговля[94].

Вхождение юга Киргизии в состав России значительно содействовало росту г. Ош. На его крупнейшем в крае базаре доставляемые киргизами и русскими крестьянами скот, зерно и другие сельскохозяйственные продукты обменивались на мануфактуру и разные фабрично-заводские товары из Центральной России. Большое развитие получила и стационарная торговля. Число ее точек в начале XX в. перевалило за тысячу. Ош играл важную роль в торговом обороте с Семиречьем, Ферганой и другими районами Средней Азии, а также и во внешней (транзитной) торговле с восточными странами. Здесь можно было приобрести не только различные ферганские, но и кашгарские и индийские товары.

Будучи самым крупным городом Киргизии по числу жителей и развитию торговли, Ош в то же время значительно отставал в промышленном отношении от Пишпека и Пржевальска, не говоря уже о больших городах Ферганы. В 1913 г. на четырех промышленных предприятиях Ош, вырабатывавших за год товарной продукции на 29800 руб., трудилось всего 25 наемных рабочих. Однако число различных, но преимущественно мелких ремесленных заведений в Оше было весьма значительным. Так, в 1914 г. в городе насчитывалось 369 рисообдирок и 490 маслобоек так называемого «туземного типа». Дореволюционный Ош играл роль важного центра ремесленного и кустарного производства на юге Киргизии.

В конце XIX — начале XX в. с развитием промышленной добычи угля и нефти на юге Киргизии возникали и первые рабочие поселки, выросшие в города уже в годы Советской власти. Расположены они были возле угольных разработок Кызыл-Кии, Сулюкты, Кок-Янгака, Таш-Кумыра и нефтепромыслов в местности Майли-Сай. Заметный рост их населения приходится на канун и период первой мировой войны. К 1917 г. наиболее крупные из указанных селений были довольно многолюдны, об этом косвенно говорит число рабочих. Так, на нефтепромыслах Майли-Сая было 45 рабочих (1913 г.), а на руднике Кызыл-Кия — 800 (1917 г.)[95]. Среди рабочих, как и всех жителей поселков, были представители самых различных национальностей.

Неприглядно и жалко выглядели поселки угольщиков и их жилье: камышовые шалаши и дырявые прокопченные юрты рабочих-сезонников и отходников из киргизской бедноты, искавшей нелегкого заработка на шахтах; сырые землянки и глинобитные мазанки-«кибитки», в которых ютились многосемейные шахтеры; врытые в землю тесные семейные бараки и неблагоустроенные казармы преимущественно для одиноких рабочих.

Вот как описывал, например, дореволюционный Кызыл-Кия старый кадровый рабочий Л. Г. Солнышко: «До революции здесь по склонам глинистых холмов, поросших полынью, бурьяном да

колючкой, лепились шахтерские землянки, среди которых высилось шесть строений: горная контора, дом хозяина, винная лавка, полицейский участок и две квартиры стражников»[96].

Немногим, разве лишь большей или меньшей скученностью убогого жилья и рабочего населения, количеством и размером рабочих бараков-казарм, отличались друг от друга шахтерские поселки: в Кызыл-Кие их было несколько, рассчитанных на 30—40 человек каждый, а в Сулюкте — большая, но столь же неблагоустроенная казарма из 12 помещений на 330—560 человек[97].

Обычно рабочие-киргизы жили в своих селениях несколько поодаль от копей. На рубеже XIX—XX в. среди них стали селиться отдельные шахтерские семьи из узбеков и татар. Население этих поселков все время пополнялось прибывавшими на шахты киргизами из более отдаленных районов юга и даже севера Киргизии. В шахтерских поселках в ужасных условиях обитали и каторжно трудились первые более или менее крупные коллективы горнопромышленных рабочих дореволюционного Киргизстана.

Таким образом, вторая половина XIX — начало XX в. в истории Киргизстана были периодом развития городской жизни и общего постепенного роста городского населения. Так, по данным переписи 1897 г., на территории Киргизии (в современных границах) его численность составляла 7,4%, а к 1913 г. выросла до 12% по отношению ко всему населению[98]. Как известно, увеличение городского населения и особенно его торгово-промышленной части является одним из показателей прогрессивного процесса — роста промышленного населения за счет земледельческого[99]. Однако удельный вес городских жителей в общей массе населения края был значительно ниже, чем по империи в целом. Это отражало положение Киргизии как одной из отсталых окраин царизма, а малочисленность киргизов-горожан свидетельствовала о слабости процесса разложения патриархально-феодальных и развития капиталистических отношений в киргизском ауле. В то же время многонациональность состава городских жителей вела к зарождению культурно-хозяйственных взаимовлияний и дружественных отношений между разнонациональными низами горожан, несмотря на антинародную разобщительную политику уездно-городских властей и местных эксплуататорских верхов.

В социальном отношении городское население заметно разделялось на две разновеликие и неравноправные части. Одна из них состояла из господствующей эксплуататорской верхушки (дворяне, чиновники, офицеры, почетные граждане, а также лица духовного звания, купцы и промышленники из русских, узбеков, татар и иных национальностей), другая — из эксплуатируемой многонациональной трудящейся массы горожан (большинство мещан, крестьяне, отставные и бессрочноотпускные солдаты, а также ремесленники, чернорабочие и прислуга).

Темпы роста и сама численность наемных рабочих из городского населения в целом были незначительны. Это предопределялось тем, что развитие промышленности — важного градообразовательного фактора — происходило в дореволюционной Киргизии замедленно. Сами же промышленные заведения в уездных городах были в большинстве своем мелкие, полукустарного типа мастерские, обслуживавшиеся небольшим числом рабочих. А это — еще одно свидетельство слабого развития складывавшегося капиталистического уклада в экономике края. Более значительной была роль городов как центров торговли и формировавшегося в Киргизстане местного рынка.

Внешним обликом дореволюционные города Киргизии напоминали более или менее удачно распланированные большие селения, особенно на окраинах, где ютилась городская беднота. «Отцы города» мало заботились о развитии городского коммунального хозяйства и благоустройстве, об этом свидетельствовали незамощенные улицы, отсутствие электрического освещения, водопровода, канализации и т. п.

В конце XIX — начале XX в. в городах появились и немногие учебные, культурно-просветительные и лечебные учреждения и организации, деятельность которых отчасти сказывалась и на сельском переселенческом и коренном населении уездов.

И что самое главное — накануне и в период двух буржуазно-демократических революций в России города Киргизии становились активными очагами распространения марксистско-ленинских идей, организации социал-демократических групп и крупных революционных выступлений трудящихся.

Финансово-кредитные учреждения

С вхождением в состав России и организацией нового административно-податного управления в Киргизии появляются и первые финансовые, а также кредитные учреждения. В уездных центрах создаются на правах казначейств уездные кассы: Токмакская (с 1867 г., переведена в 1878 г. в Пишпек и затем переименована в Пишпекскую), Иссык-Кульская (с 1869 г. в г. Караколе, затем переименована в Пржевальскую) и Ошская (с 1876 г.). Помимо операций с казначейскими и земскими суммами, они продавали гербовые марки, выдавали билеты и свидетельства на право торговли и промыслов, выполняли банковские и кредитные функции. Уездные казначейства в Пишпеке и Пржевальске были подотчетны соответственно отделениям Государственного банка в Верном, а Ошское — в Ташкенте.

В конце XIX — начале XX в. в Киргизии формировалась сеть кредитных учреждений. В нее, помимо трех указанных уездных казначейств, вошли филиал Азово-Донского коммерческого банка в Токмаке (с 1911 г.), Пишпекское городское общество мелкого кредита (с 1907 г.), ряд учреждений кредитной кооперации и других видов мелкого капиталистического кредита — уездных, городских и сельских кредитных и ссудо-сберегательных товари-

ществ. Торгово-промышленные круги в городах Киргизии пользовались кредитом в наиболее крупных банковских учреждениях на местах, а также в Казахстане, Узбекистане и Центральной России. В свою очередь, крупнейшие банковские монополии России (в их числе петербургские банки) и международный финансовый капитал (английские, немецкие, французские и другие банки) все глубже внедрялись в горнодобывающую промышленность Киргизии, железнодорожное и ирригационное строительство в крае.

С конца XIX в. в Киргизии предпринимались попытки к созданию учреждений среднего звена в местной кредитной системе. Так, выражая интересы городских торгово-промышленных верхов и состоятельных домовладельцев, Пишпекское городское управление попыталось учредить городской общественный банк, но краевые власти сочли это преждевременным. Лишь спустя восемь лет 24 марта 1907 г. в Пишпеке возник первый и единственный банк, обслуживавший среднекапиталистические слои города,— Пишпекское городское общество мелкого взаимного кредита. В 1911 г. оно объединяло 367 торговцев, промышленников, состоятельных домовладельцев, а также мелких служащих и ремесленников. Капитал общества состоял в основном из членских взносов (от 5 до 250 руб.), чем соответственно определялись и размеры ссуд. С вступлением в общество владельцев довольно крупных торгово-промышленных заведений и открытием банковского кредита его обороты ежегодно возрастали. В 1910 г. обществу был открыт вексельный кредит в Центральном банке обществ взаимного кредита (10 тыс. руб.) и в Русско-Азиатском банке (до 13 тыс. руб.), а в 1912 г. и в Верненском отделении Государственного банка (20 тыс. руб.)[100]. В 1917 г. общий оборот общества составлял в условиях денежной инфляции, вызванной войной, немногим более 1,5 млн. руб.

С началом XX в. в городах и крупных селениях Киргизии возникали контролируемые банками учреждения кредитной кооперации: кредитные и кредитно-сберегательные товарищества, которые объединяли преимущественно состоятельных горожан, кулаков, баев и торговцев-скупщиков.

Сеть учреждений мелкого кредита в сельских местностях в Средней Азии и Казахстане стала расширяться с 1909 г. Характерно, что они открывались первоначально не в Фергане, где товарно-денежные отношения в хозяйстве местного населения были наиболее развиты и основная масса хлопкоробов остро нуждалась в дешевом кредите, а в Сыр-Дарьинской области. Царизм стремился поддержать там кулацкую верхушку из переселенцев. Более того, в годы, предшествовавшие империалистической войне, царское правительство вообще тормозило развитие кредитной кооперации в Фергане, оберегая интересы представителей местного ростовщического капитала, тесно связанного с банковским. Только нехватка хлопка в военное время заставила правительство снять препоны для финансирования местными отделениями Государственного банка кредитной кооперации в Ферганской области. В результате на 1 января 1915 г. в Оше функционировало 4 кредитных и ссудо-сберегательных товарищества, а в 1917 г. в Ошском уезде насчитывалось уже 18 ссудо-сберегательных товариществ[101]. Кредитовались в них в основном состоятельные посевщики хлопка в уезде.

Большинство же трудящихся хлопкоробов, не имевших доступа к учреждениям мелкого кредита, вынуждено было по-прежнему обращаться к ростовщикам или брать на кабальных условиях (200—600% годовых) задатки комиссионеров различных промышленных фирм под будущий урожай. При этом оценка хлопка-сырца производилась по ценам ниже рыночных, а задатки зачастую наполовину выдавались товарами. Это влекло за собой долговую кабалу дехкан-хлопкоробов, а затем обезземеливание и полное их разорение. Среднеазиатские отделения различных акционерных коммерческих банков России, учитывая предъявлявшиеся комиссионерами и кредитирующими фирмами векселя, открывали им специальные счета и отпускали кредиты для еще более широкого закабаления опутанного долгами, разорявшегося дехканства. Так, в оптовую скупку хлопка вслед за российским текстильным капиталом, действовавшим в этом направлении еще с конца XIX в., с 900-х годов активно включился финансовый капитал, ставший вскоре монопольно господствовать на хлопковом рынке. Одновременно здесь же подвизались и представители местного торгово-ростовщического капитала. Эти два хищника, баснословно наживаясь, высасывали все соки из разорявшихся хозяйств трудящихся-хлопкоробов.

В предвоенные годы в северной части Киргизии создается ряд кредитных и кредитно-сберегательных товариществ, контролируемых Верненским отделением Государственного банка. Так, организуются Архангельское, Беловодское и Успенское (1912 г.), Ивановское (1914 г.) кредитные товарищества в Пишпекском уезде, Преображенское (1912 г.), Покровское, Сазановское, Пржевальское городское (1913 г.) и одноименное уездное (1914 г.), Самсоновское, Чернореченское, а также Тогуз-Тороуское (1915 г.), подотчетное Андижанскому отделению Госбанка, и Иваницкое (1916 г.) кредитные товарищества в Пржевальском уезде[102].

Основной капитал кредитных товариществ состоял из паевых взносов их членов, а главным образом из банковских ссуд, шедших большей частью на поддержку хозяйств кулаков и баев.

Помимо переселенческих сельских кредитных учреждений в 1912 г. в Пишпекском уезде образуются Николае-Александровское и Пишпекское ссудо-сберегательные товарищества. К концу 1914 г. по двум уездам — Пишпекскому и Пржевальскому — в перечисленных кредитных кооперативах состояло 3823 члена, из них около трети в Пишпекском уезде. А в районе функционирования всех вышеназванных сельских кредитных учреждений

насчитывалось 11644 переселенческих хозяйства и 1897 «кибиток», из них почти две трети переселенческих дворов и хозяйств коренного оседлого населения приходилось на Пржевальский уезд[103]. Сравнение приведенных данных показывает, что в кредитных кооперативах объединялась главным образом зажиточная кулацкая верхушка переселенческого крестьянства и часть имущих слоев дунганского и киргизского сельского населения. Прещ обладающая же часть трудового переселенческого крестьянства, втянутого в товарно-денежные отношения, вынуждена была пользоваться кабальным кредитом у кулаков-толстосумов, а аильная беднота — у «своих» баев и торговцев-ростовщиков.

К специфическим учреждениям мелкого кредита в Киргизии и сопредельных с ней областях Средней Азии и Казахстана относились еще уездные ссудные кассы, а также так называемые «киргизские ссудные кассы» в Семиречье. Эти организованные администрацией кредитные учреждения предшествовали появлению в Киргизии капиталистической кредитной кооперации. Еще в 1899 г. во всех областях (кроме Семиреченской) Туркестанского генерал-губернаторства были созданы уездные ссудные кассы, в том числе Ошская. По их уставу мелкие ссуды (10—50 руб. из 6% годовых) предназначались для развития хозяйства и промыслов местного населения. Оборотные средства Ошской уездной ссудной кассы составляли к 1 января 1914 г. лишь 25675 руб., за 1913 г. было выдано всего 616 ссуд (15836 руб. горожанам и оседлым жителям и 2035 руб. 79 кочевникам). Примечательно, что у кассы в этом же году числилось 1072 несостоятельных должника (123 горожанина с долгом в 3460 руб., 147 кочевников с задолженностью в 4390 руб. и 802 «кишлачных жителя», должных 18685 руб.)[104]. Рост должников и недоимщиков отражал заметно прогрессировавшее обеднение трудящихся города и деревни, особенно же массы мелких хлопкоробов, совместно разоряемых торгово-ростовщическим и банковским капиталом. Чаще всего ссуды этих касс попадали изворотливым дельцам из феодально-байских элементов, имевшим возможность обеспечить себе поручительство и оплатить расходы по оформлению кредита, чтобы сразу же ссудить под огромные проценты его беднякам. Последние, запутавшись в долгах, неукоснительно взыскиваемых властями и кредиторами, разорялись, особенно в годы неурожаев и джута, лишаясь не только земли и скота, но даже двора и жалкого домашнего имущества.

Несвоевременная уплата налогов и образование недоимок у киргизской и казахской бедноты Семиреченской области вынудили областные власти открыть, наконец, в 1903 г. в Верном «Киргизскую ссудную кассу» (вопрос об этом решался еще с 1899 г.). Однако ее оборотные средства, как и уездных ссудных касс, были сравнительно невелики[105]. В мизерной цифре выражалась и общая сумма мелких кредитов, изредка попадавших казахским шаруа и киргизским дехканам-кочевникам и полукочевникам. В целом этот вид казенных кредитных учреждений — продукт экономической политики правительства — распространения в крае не получил, а их роль в хозяйственной жизни малосостоятельного коренного населения была ничтожной.

В конце XIX — начале XX в. в Киргизии возникли также сберегательные кассы, созданные первоначально при уездных казначействах, а затем при почтово-телеграфных учреждениях и в некоторых крупных сельских населенных пунктах, причем нередко по просьбам коренного населения. Так, например, общие обороты по сберегательным кассам Ошского уездного казначейства за 1901—1908 гг. выросли с 192 тыс. руб. до 235 тыс. руб., по Пишпекскому и Пржевальскому за 1903—1905 гг. — соответственно со 125 тыс. руб. до 217 тыс. руб. и с 94 тыс. руб. до 122 тыс. руб.[106]

Эти данные говорят о накоплении денежных сбережений у представителей имущих классов переселенческого и коренного населения края. К примеру, в числе 1262 вкладчиков по сберегательным кассам Пишпекского и Пржевальского уездов с общей суммой вкладов в 313853 руб., вклад 74 «мусульман» составлял 32435 руб., из них 44 лица, занимавшиеся «земледелием и сельскими промыслами», имели вклад на 27106 руб., а 28 торговцев — 5180 руб.[107] Понятно, что среди вкладчиков не было ни рабочих, ни трудовых крестьян.

С 1893 г. помимо сберегательных касс, объединявшихся уездными казначействами, в Пишпеке, Пржевальске, Токмаке и Оше открылись кассы при местных почтово-телеграфных конторах. Рост вкладов в сберегательных кассах отражал развитие товарно-денежного хозяйства в крае, а наличие среди вкладчиков лиц из феодально-байской верхушки говорит о разложении натуральных основ хозяйства.

В целом же возникновение и деятельность финансово-податных учреждений, а также кредитно-сберегательной кооперации в Киргизии и распространение банковского, капиталистического кредита, проникавшего в экономику города и села, вели к усилению эксплуатации трудящихся торгово-ростовщической буржуазией и к дальнейшей классовой дифференциации городского и сельского населения.

Развитие торговли

С вхождением в состав России торговые связи Киргизии с метрополией, Узбекистаном и Казахстаном, существовавшие и раньше, заметно усиливаются. В конце XIX в. в результате посреднической деятельности российского торгового и ростовщического капитала между потребителями и производителями фабрично-заводских, ремесленных изделий и сельскохозяйственных продуктов Средняя Азия, включая Киргизию, все больше вовлекается во всероссийское товарное обращение и становится рынком сбыта и источником сырья для промышленности России.

Развитию торговли Киргизии с Центральной Россией и со-

седними областями, а также росту обмена между ее внутренними районами и отдельными хозяйствами способствовало проведение в крае почтовых трактов, Закаспийской, а затем Оренбургско-Ташкентской железных дорог, появление новых сельских населенных пунктов и городов, введение царизмом уплаты податей в денежной форме и т. д. Для того, чтобы вносить денежные подати, а также покупать промышленные и ремесленные изделия, киргизы были вынуждены продавать определенную часть своей сельскохозяйственной продукции. Все это вело к разложению натурального хозяйства и вовлечению его в товарно-денежные отношения.

Киргизы нуждались в таких предметах потребления, спрос на которые домашняя промышленность и ремесло не удовлетворяли. Особенно острыми были потребности коренного населения в хлопчатобумажных тканях, кожевенных и металлических изделиях, а они привозились в Киргизию из Центральной России, Узбекистана и других районов.

В 90-х годах проникновение в Киргизию промышленных изделий из центра страны значительно расширилось. В «Обзоре Семиреченской области за 1892 год» указывалось, что товары в Семиречье поступали преимущественно с Ирбитской ярмарки и в их ассортименте преобладали мануфактурные, железные и кожевенные. Отмечался рост товарооборота городов Пишпека и Токмака в торговле российскими и азиатскими изделиями.

В связи с развитием в Киргизии земледелия из Центральной России ввозились и орудия сельскохозяйственного труда, но в общей стоимости завозившейся продукции все еще преобладали предметы широкого потребления, в частности текстильные товары. К примеру, в 1900 г. в Ферганскую область было ввезено текстильных товаров на 12,2 млн. руб., хлеба — на 2,6 млн. руб., пряжи и ниток — на 1,1 млн. руб., сахара — на 0,8 млн. руб., а железа и орудий труда — на 0,7 млн. руб. Причем из всех разнообразных российских товаров, поступивших на общую сумму 29,6 млн руб.[108], на долю текстиля приходился 41%.

Промышленные изделия реализовались как среди оседлого, так и кочевого населения Ферганской области. Некоторая часть этой продукции переправлялась торговцами через горные перевалы в северную часть Киргизии. Ферганская область, в том числе юг Киргизии, поставляла Центральной России хлопок, шелк, коконы, сушеные фрукты и скотоводческое сырье, количество которых с каждым годом возрастало (в 1904 г.—177 тыс. пудов сырья, а в 1914 г. — 233 тыс. пудов) [109]. В конце XIX — начале XX в. из северных районов Киргизии вывозились в основном скот, скотоводческое сырье, а также в некоторой степени хлеб.

Рост российской текстильной промышленности и ее потребностей в сырье вызвали расширение посевов хлопка в Туркестанском крае, что вело к сокращению посевов зерновых культур, особенно в Фергане. Поэтому в связи с потребностями Ферганского рынка Семиреченская область, в том числе и северная часть Киргизии, начала специализироваться на выращивании зерновых культур, оставаясь в то же время, как и прежде, главным поставщиком скотоводческого сырья и скота. Так, например, если в 1886 г. из Токмакского (Пишпекского) уезда было вывезено скота и скотоводческого сырья на 751 тыс. руб., то в 1897 г. только в двух торговых пунктах этого уезда было продано скота почти на 1,5 млн, руб. и отправлено в Центральную Россию 130 тыс. пудов скотоводческого сырья. В 1906 г. в Пржевальском уезде было продано 155 тыс. голов скота, а в 1911 г. — 667 тыс. голов[110].

Товарный скот из Пишпекского и Пржевальского уездов, а также особенно из Таласской долины продавался в г. Аулие-Ата, роль которого в развитии торговли продуктами скотоводства сильно возросла в начале XX в. Близость города к одному из крупных рынков Туркестана — Ташкенту, непосредственно связанному железной дорогой с Центральной Россией и Ферганой, способствовала его экономическому развитию. На Аулие-Атинскую ярмарку, являвшуюся самой крупной в Туркестанском крае (ее товарооборот в 1910 г. составлял 4,2 млн. руб)[111], пригонялся скот со всего Семиречья. В 1906 г. на этой ярмарке торговцы и киргизские крестьяне из Пишпекского и Пржевальского уездов продали овец и лошадей на 114 тыс. руб., а через десять лет, в 1916 г., уже более чем на 1,4 млн. руб., что составляло 38% стоимости всего сбытого здесь скота[112].

Наряду со скотом, в начале XX в. все более товарным становится и скотоводческое сырье: невыделанные кожи, шерсть, конский волос, кишки. Вывозимое из Киргизии скотоводческое сырье первоначально обрабатывалось в таких крупных городах, как Ташкент и Семипалатинск, а затем отправлялось далее, главным образом, в Центральную Россию. В 1903 г. из Семиреченской области было отправлено в центр страны 358 тыс. пудов шерсти, конского волоса, кишок, 4400 тыс. штук невыделанных кож, а в 1909 г. соответственно —715 тыс. пудов сырья и 6876 тыс. штук кож[113].

Как уже указывалось, начиная с 60—70-х годов XIX в., в Киргизии постепенно складываются районы товарного производства хлеба. К ним относились Чуйская и Таласская долины, Прииссыккулье. Киргизы этих районов сбывали хлеб казахам-кочевникам Акмолинского, Атбасарского, Каркалинского и Джаркентского уездов. Предметами обмена между ними были соль, пшеница, седла и армячина.

В источнике за 1873 г. отмечается, что киргизы Токмакского (Пишпекского) уезда пшеницу в основном продают на базарах казахам, а частью поставляют в казну[114].

Летом 1886 г. после сбора урожая зерновых в Аулие-Атинском и Пишпекском уездах казахи Забалхашской степи (Акмолинской и Семипалатинской областей) привели до 3 тыс. верблюдов с

Мучной базар (г. Пишпек, 1899 г.)

солью и расположились вблизи Верненско-Ташкентского тракта (Верный—Пишпек—Аулие-Ата), обменивая два мешка соли на один пшеницы. Помимо того, осенью казахи из Балхаша привезли около 10 тыс. пудов окуней для обмена на хлеб с русско-украинским населением.

Почтовый тракт из Семиречья в Ташкент являлся оживленным торговым путем, по которому постоянно двигались обозы с хлебом из Семиречья, а обратно — с мануфактурой, металлическими изделиями и другими товарами.

Определенное количество хлеба вывозилось из Пишпекского уезда через Аулие-Ата в Ташкент скупщиками, местными, русскими и украинскими крестьянами.

Хотя вывоз хлеба из северной части Киргизии к началу XX в. увеличился, в стоимостном выражении он намного уступал скотоводческой продукции, и в сельском хозяйстве северных районов Киргизии товарно-денежные отношения больше развивались в сфере животноводства, чем в земледелии.

В 90-х годах в Ферганской области складываются специализированные киргизские районы по производству зерна. Такими были низменные, долинные и предгорные районы Андижанского, Маргеланского, Наманганского и Кокандского уездов.

Что касается Ошского уезда, то кроме скотоводства в горных районах, он начал специализироваться и на производстве хлеба в долинных и предгорных зонах. «Главные промыслы жителей Ошского уезда,— писал податной инспектор,— земледелие и скотоводство. Избыток хлебных продуктов всегда служил одним из главных предметов вывоза в Ошском уезде»[115]. В 1897 г. в Ошском уезде было собрано 4,2 млн. пудов зерна, приблизительно

одна треть которого на арбах увозилась в хлопкосеющие уезды Ферганской области[116].

Уже в начале XX в. в результате специализации киргизских хозяйств заметно оживляется торговля продуктами скотоводства между югом и севером Киргизии. Рост торгового земледелия усиливал обмен между киргизскими оседло-земледельческими, полукочевыми и кочевыми районами и между узбекским, русским, украинским, дунганским и киргизским населением.

Хотя значительная часть населения занималась производством продуктов скотоводства и земледелия, их сбыт концентрировался преимущественно в руках отдельных лиц. Байские и кулацкие хозяйства, наряду с продажей хлеба в городах и селениях, давали хлеб в долг мелким производителям под будущий урожай. Ростовщичество было повсеместным явлением.

Коренное население продавало сельскохозяйственную продукцию обычно осенью, а весной нередко само покупало ее у ростовщиков по завышенным ценам. В более отдаленных горных и высокогорных местностях, кроме продажи скота и зерна за деньги в торговых пунктах, киргизские дехкане вели между собой, а также с приезжими торговцами обмен товара на товар.

Емкость внутреннего рынка Киргизии была невелика. Трудно установить, какое количество товарной продукции сельского хозяйства шло на потребление населения, а сколько на вывоз. В целом по Киргизии основной товарной отраслью хозяйства являлось скотоводство. В известной степени к предметам продажи у киргизов относились и изделия некоторых видов домашней промышленности и ремесла, которые постепенно превращались в мелкотоварное производство.

Объектами обмена и торговли чаще всего служили кошмы, капы (большие мешки из шерсти), арканы (волосяные веревки), с которыми российские товары не могли конкурировать в такой степени, как с кожевенными и кузнечными изделиями. «Из местных произведений,— указывается в «Обзоре Семиреченской области за 1890 г.»,— идут в продажу: кошмы... и волосяные арканы; большая часть этих продуктов сбывается в г. Ташкент». В 1897 г. только из Пишпека в Ташкент было отправлено 20 тыс. пудов кошм, 3 тыс. пудов капов и 500 пудов арканов. Кроме того, кошмы вывозились в Акмолинск и Сибирь[117].

Товарность кошм, капов и арканов росла и в связи с тем, что они служили отличным упаковочным материалом для перевозки сельскохозяйственных продуктов.

В Ферганской области потребителями шерстяных изделий, изготовленных киргизскими кочевниками и полукочевниками, было преимущественно узбекско-таджикское, а также оседлое и отчасти полуоседлое киргизское население. В начале 80-х годов XIX в. один из знатоков жизни местного населения, констатируя удорожание кошм на рынке в связи с дефицитом шерсти в Наманганском уезде, писал: «В мае (до) конца октября вы не встрети-

те ни одного не остриженного барана... шерсть собирается вся, до последнего волоска и перерабатывается киргизами в кошмы, капы, арканы и пр. Правда, что громадный процент готовых изделий выносится на базар...»[118]

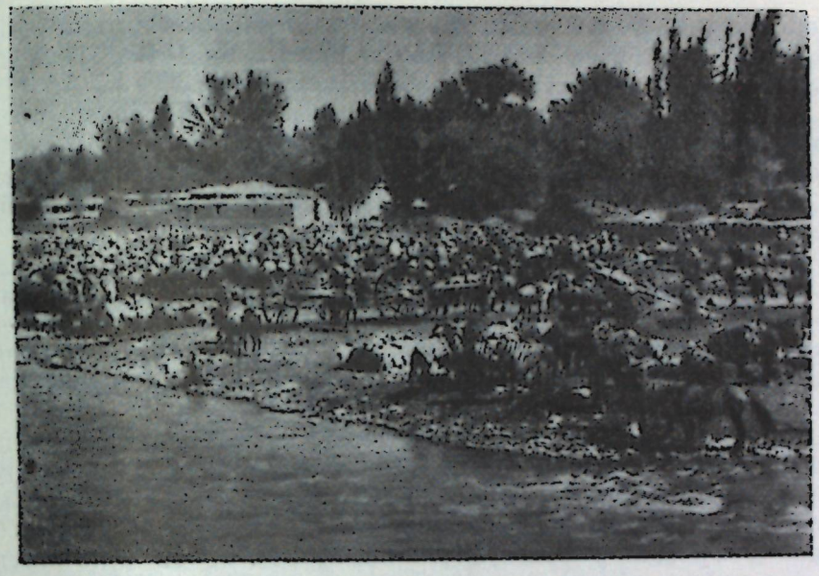
Полукочевые, полуоседлые и оседлые киргизы Ферганской области выделывали из шерсти и ворсовые ковры для личных нужд, а уже в конце XIX в. и с целью их реализации, что было связано с развитием капиталистических отношений в Фергане. Продавались ковры не только в своих кишлаках и недалеко от них расположенных сельских базарах, но и в городах. Основным покупателем киргизских ковров в 90-е годы XIX в. было узбекское и таджикское население. Специально для продажи на ферганском, а также и межобластном рынке производилось немалое количество мужских войлочных шляп-калпаков.

Киргизы из предгорных районов выносили на базары Наманганского уезда деревянные изделия, изготовленные за зиму, и происходила довольно оживленная торговля, особенно остовами юрт, посудой, седлами. На рынке киргизы приобретали у узбеков и таджиков хлопчатобумажные, шелковые, полушелковые ткани, одежду (халаты, чапаны, мужские рубахи), обувь, посуду, земледельческие орудия, сушеные фрукты; у русских и украинцев — мотыги, железные наконечники для сох, лопаты, ножи, кадушки, ложки, посуду и т. п.

Из изложенного следует, что в описываемый период обмен без посредства денег порой еще преобладал в сделках киргизов как между собой, так и с заезжими торговцами, главным образом в горных киргизских кочевых аилах, отдаленных от городов, селений и почтовых трактов. Существовал он также в некоторой степени на базарах и ярмарках: обменивались, например, скот на зерно, растительное масло на рис, шерсть, сено, а деревянные остовы юрт—на крупный рогатый скот, лошадей и т. п.

Начиная с XX в. под влиянием развития ярмарочной и стационарной форм торговли разъездно-меновая торговля претерпевает изменения. Мелкие торговцы, работая приказчиками у более крупных и имея лавки в населенных пунктах, временами разъезжали по кочевьям, реализуя промышленные товары и скупая у населения скот и скотоводческое сырье. Но и здесь разъездно-меновая торговля уже переплеталась с розничной в тех случаях, когда киргизы реализовали свои продукты не только путем непосредственного обмена, но и за деньги.

Открытие в северных районах Киргизии ярмарок было положительным явлением, способствовавшим укреплению рыночных связей между отдельными хозяйствами, районами края и росту торговли с сопредельными странами и Центральной Россией. Действовали Ат-Башинская (с 1883 г.), Каркаринская (с 1893 г.), Пржевальская (с 1898 г.), Пишпекская (с 1905 г.) и Токмакская (с 1906 г.) ярмарки. На них производился розничный, а также оптовый сбыт российских промышленных товаров населе-

Скотный базар (г. Ош.)

нию, торговцам. Представителями российских торговых фирм и местными торговцами покупались скот и скотоводческое сырье. На ярмарки приезжали не только купцы из Центральной России, Казахстана, Узбекистана, но и из Восточного Туркестана.

Одной и самых крупных ярмарок являлась Каркаринская, которая действовала с мая по сентябрь. По обороту в Туркестанском крае она уступала только Аулие-Атинской. Однако товарооборот Каркаринской ярмарки, как и всех других, возрастал медленно. Наибольший оборот не превышал миллиона рублей. Объясняется это ее отдаленностью от промышленных и хлопководческих центров, отсутствием дешевого транспортного сообщения, а также тем, что население и торговцы могли уже производить сделки и в постоянно действующих торговых центрах. В Пржевальске, например, еще до открытия ярмарки имелось 307 лавок и магазинов и оборот их равнялся 586 тыс. руб., без учета оборота ежедневной базарной торговли[119].

Стационарная торговля начала развиваться в Киргизии с конца XIX в. В городах Киргизии помимо лавок, магазинов и ежедневных базаров имелись оптовые склады российских торговых фирм.

Кроме городов важное торговое значение все более стали приобретать и десятки населенных пунктов. К примеру, только в двух уездах — Пишпекском и Пржевальском, не говоря о южных районах Киргизии, в 1913 г. было 40 селений с лавками. Во многих из них раз в неделю функционировал базар. Самыми крупными торговыми селениями являлись Беловодское, Нарын, Коч-

кор (Кара-Коо), Ат-Баши, Покровское (в Прииссыккулье), Сазановское, Преображенское (Тюп), обороты торговых заведений которых составляли от 100 до 300 тыс. руб. в год[120].

В начале XX в. многие торговые заведения открывались представителями российских фирм непосредственно в киргизских волостях для скупки в первую очередь скотоводческого сырья, в 1913 г. в этих волостях Пишпекского и Пржевальского уездов их имелось 32.

В Киргизии начался процесс формирования новой социальной группы—торговой буржуазии как из местного, так и из пришлого населения. В 1912—1913 гг. из 2118 торговцев (кроме приезжих) Пишпекского и Пржевальского уездов киргизы составляли 36,3%, остальные были узбеки, русские, татары, уйгуры и дунгане[121].

Являясь посредниками между товаропроизводителями и потребителями, купцы эксплуатировали трудящиеся массы, получая прибыль не только путем приобретения товаров ниже их рыночной стоимости, но очень часто и в результате обсчета и обмана доверчивых и неискушенных покупателей, что вело к усилению дифференциации крестьянских хозяйств.

В начале XX в. в роли купцов и ростовщиков часто выступали баи и манапы. Некоторые крупные киргизские торговцы, имеющие купеческие свидетельства второй и третьей гильдий, стали вкладывать свои капиталы в улучшение пород скота и культуры земледелия.

В целом оборот киргизских торговцев был незначительным (многие из них имели торговые свидетельства низшего — III и IV разряда и в силу этого не могли конкурировать с более крупными торговцами других национальностей).

Постоянно расширяющаяся торговля Центральной России с Киргизией осуществлялась также через города и ярмарки Узбекистана и Казахстана. В целом она сыграла объективно-прогрессивную роль, разлагая натуральное, замкнутое хозяйство киргизов и содействуя развитию товарно-денежных отношений. А усиление товарообмена между киргизским, русским, украинским, узбекским, таджикским и казахским населением сближало их в хозяйственно-культурном отношении.

3. Социально-экономические отношения и классовая борьба

Классы и социальные группы

Во второй половине XIX в. в киргизском обществе существовало два основных класса: феодалы — баи и манапы, присваивавшие прибавочный труд непосредственных производителей, с одной стороны, и эксплуатируемые ими крестьяне — букара, с другой. Они находились в непримиримо противоположных классовых лагерях, а их интересы коренным образом отличались друг от друга как в экономической, так и в общественно-политической жизни. В то же время начали появляться представители двух новых классов — буржуазии и пролетариата.

Манапы представляли собою наиболее существенную и профилирующую часть класса феодалов. Власть манапов обусловливалась правом собственности на землю, а также числом подвластных им зависимых людей, их хозяйством, имуществом и особенно скотом. В соответствии со своим материальным и политическим положением манап занимал высшую ступень в феодальной иерархии. Власть манапов в период ханского господства носила потомственный характер и передавалась по наследству. Потомственных крупных манапов обычно называли *«чыныгырлуу манап»*. По происхождению манапы считали себя *«ак сөөк»* («белой костью») и всячески кичились этим.

В качестве феодальной аристократии манапы имели ряд привилегий и преимуществ, признанных за ними обычным правом: «...освобождение от телесного наказания, неподчинение суду биев из рядовых киргизов и прочее»[122].

Вхождение Киргизии в состав России, введение нового административного устройства, проведение аграрной и налоговой реформ вели к падению престижа и роли манапства, но его социально-эксплуататорская сущность оставалась прежней.

В новых условиях манапы, чтобы сохранить свое положение в обществе, переходили на службу к царской администрации, которая, видя в них свою надежную социальную опору в крае, охотно шла им навстречу. Все низовые ступени административно-управленческого аппарата вскоре были заняты представителями местной феодальной знати, в частности манапами, занимавшими должности волостных управителей, аильных старшин, биев. В одном из архивных документов констатируется, что «фактически дело сложилось так, что вся административная власть и народный суд оказались в руках манапов»[123]. Не случайно наиболее крупные и «заслуженные» из них удостаивались сравнительно высоких наград и даже присвоения военных званий — от подпоручика до подполковника.

На юге Киргизии датхи и беки обладали такой же властью, как и манапы, выполняли те же социальные функции. С ликвидацией Кокандского ханства и вхождением края в состав России присвоение титулов датхи и бека прекратилось, но, переходя на службу к царскому правительству, они во многом продолжали сохранять свою власть над трудящимися.

Одной из основных категорий феодального класса являлись баи — зажиточные слои коренного населения, имевшие большое количество скота. Они не всегда занимали определенные должности, не имели титулов или наследственных званий, но большое число скота и земли в их руках служило основным орудием эксплуатации непосредственных производителей.

К эксплуататорскому классу относились и бии (судьи), ин-

ститут которых с вхождением Киргизии в состав России подвергся значительным изменениям. Должность бия стала выборной, а не наследственной. В южных оседлых районах края вместо бия избирали казия. На должности бия или казия реально могли претендовать только манапы, баи и другие состоятельные лица. Примечательно свидетельство одного юриста, который по официальному поручению изучал в 1901 г. деятельность судебных и следственных органов Туркестанского края, в том числе Киргизии. «В судьи,— писал он,— попадают не те, кто достоин, а тот, кто имеет возможности приобрести большую партию при посредстве подкупов»[124]. Судебное производство биев и казиев происходило под давлением манапов и других представителей должностной феодальной знати. Один из дореволюционных авторов отмечал, что «все судьи, будучи или из манапов или их ставленников, находятся не только под влиянием манапов, но и все дела, как уголовные, так и гражданские, решают по их указанию... Каждый манап имеет полную возможность, при помощи ложных свидетельских показаний, всегда посягнуть на свободу и имущество любого киргиза»[125]. Как указывалось, биям и казиям не полагалось твердое жалованье, но разрешалось получать от осужденных так называемый *бийлик*. Это давало им возможность злоупотреблять служебным положением и бийлик взимался вдвое, а в некоторых случаях и еще выше установленной нормы. Бии и казии также брали от судившихся разные подношения и подарки, являвшиеся по существу своеобразной взяткой.

К духовным феодалам относились муллы *(молдо)* и другие служители ислама. Правда, обычно киргизы называли «молдо» любого человека, умеющего читать и писать, а также руководить отправлением религиозных обрядов. В ряде случаев муллы как бы находились на службе у влиятельных и богатых манапов и других представителей феодальной знати. Тогда они жили у последних и кормились у них, обучали их детей грамоте, отправляли религиозные обряды, конечно не бескорыстно. На юге Киргизии, особенно в оседлых районах, крупные муллы сумели прибрать к своим рукам должности казиев, а в отдельных случаях вакфные земли и имущество. Муллы являлись проводниками мусульманской идеологии. Выдавая себя за «избранников» аллаха, муллы призывали верующих к покорности и повиновению «своим» влиятельным единоверцам, отравляли мистическими представлениями сознание и без того темного коренного населения, уводили его в сторону от реальной действительности, притупляя остроту социальных противоречий. Муллы играли немалую роль в системе унижения личности, угнетения и эксплуатации трудового населения. Ислам являлся идейным орудием в руках господствующего класса.

В конце XIX в. потребности местного административно-управленческого аппарата вызвали появление новой общественной группы — аткаминеров (в буквальном смысле — «ездившие на

лошади»). Они не занимали официальных должностей и не находились на постоянной службе, но обычно пристраивались к волостным управителям, аильным старшинам и биям в качестве джигитов и выполняли различные их поручения, наживаясь за счет этого.

С проникновением элементов капитализма в сельское хозяйство, развитием товарно-денежных отношений и разложением натурального хозяйства в Киргизии зарождалась и национальная буржуазия. Из среды баев, манапов и других зажиточных слоев коренного населения выходили владельцы кожевенных, маслобойных и лесопильных заводов. Но таких случаев было еще крайне мало. Появились из среды киргизов торговцы, спекулянты, ростовщики и маклеры-посредники.

Некоторые торговцы имели свои лавки и магазины. Среди скотопромышленников выделялись такие крупные, как Абдулла Мусин, Узбек и Аныр Бошкоевы, Туркмен Сарыпбеков и другие, владевшие десятками тысяч голов скота. Кое-кто из них содержал конные заводы и поставлял для армии лошадей улучшенной породы[126].

Явно преобладали торговцы, занимавшиеся перепродажей скота и скотоводческой продукции, а также отчасти и российских промышленных товаров. Особенно высокие барыши получали ростовщики при отпуске товаров и денег в кредит. В таких случаях размер их прибыли составлял 100 и более процентов.

Следует отметить, что зарождавшаяся киргизская национальная буржуазия находилась в зависимости от российского капитала и была вынуждена приспосабливаться к его запросам и интересам. Ее классовое лицо еще четко не определилось, она не играла самостоятельной роли ни в экономической, ни в политической жизни края и, будучи неразрывно связана с русской буржуазией, искала у нее поддержки, являясь в свою очередь ее социальной опорой в Киргизии.

Но зависимое положение уже не удовлетворяло национально-буржуазные элементы, следствием чего явилось возникновение в 1912 г. в Пишпекском уезде группы «либералов-мусульман». В нее входили такие представители местной буржуазии, как А. Узбеков, К. Серкибаев, И. Тулин и другие, стремившиеся к объединению представителей национальной буржуазии. Группа устраивала нелегальные собрания, выписывала газету «Айкап», журнал «Оян-Казак» и другие издания джадидского направления[127].

Как отмечалось, представители национальной буржуазии вырастали, главным образом, из баев и манапов, и хотя являлись носителями и выразителями нарождавшихся капиталистических отношений, в то же время еще не освободились от патриархально-феодальных традиций, зачастую даже прикрывались ими, ловко используя в своих интересах, поэтому их можно отнести к категории полубуржуа и полуфеодалов. Именно в этом и за-

ключались специфические особенности зарождавшейся киргизской буржуазии, которая по существу не могла резко отделиться от господствующего эксплуататорского класса докапиталистического типа.

Основную массу непосредственных производителей, т. е. эксплуатируемого класса, составляла букара. Так назывались рядовые киргизы, работавшие на манапов и других представителей местной феодальной верхушки. Основная масса букары, владея определенным количеством скота и пользуясь «общинной» землей, являлась объектом феодальной и отчасти капиталистической эксплуатации. Поэтому отношения между феодалами и капиталистами, с одной стороны, и букарой, с другой — носили антагонистический характер, это были отношения господства и подчинения.

Один из дореволюционных авторов отмечал: «Букара обязана была беспрекословно подчиняться воле своего начальника»[128]. Даже царские чиновники, пытавшиеся замаскировать классовые противоречия в среде коренного населения и представить его как социально однородную массу, порою были вынуждены признавать действительное положение дел. Так, в рапорте начальника Пишпекского уезда от 18 марта 1896 г. читаем: «Господство манапов над букарою было неограниченно»[129]. Подобные же характеристики находим и в другом архивном документе, относящемся к 1917 г.: «Букара в полном смысле бесправна»[130].

Различные прослойки киргизской бедноты — жакыры, жалчы, малаи, коншу, жатаки, чайрикеры, мардикеры и другие, не имевшие возможности обеспечить потребности семьи за счет своего хозяйства и нуждавшиеся в заработке на стороне, обычно нанимались к баям, особенно к кулакам, в качестве чабанов *(койчу)*, табунщиков *(жылкычы)* или сезонников для выполнения тех или иных видов полевых работ.

Многие богатые хозяйства пользовались трудом батраков. Так, в 1913 г. в Пишпекском уезде 10336 хозяйств из 13886, а в Пржевальском 4492 из 26034 прибегали к услугам батраков. В том же году в Киргизии насчитывалось около 20 тыс. батраков[131], состоявших в основном из обедневших представителей коренного населения.

В земледельческих районах имелись такие социальные категории как чайрикеры (издольщики) и мардикеры (поденщики).

Чайрикерами становились безземельные и малоземельные дехкане, а также лишившиеся рабочего скота. Феодалы выделяли им участок, нередко семена, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь, а они выполняли все полевые работы, начиная от пахоты и кончая уборкой урожая. За свой труд чайрикер получал определенную его часть (от $^1/_5$ до $^1/_2$), зависевшую прежде всего от того, пользовался ли он рабочим скотом, семенами и инвентарем феодала. Львиная доля урожая доставалась хозяину.

Мардикерами называли разорившихся дехкан, живших за счет продажи своей рабочей силы. Они нанимались на определенный срок к манапам и баям, чаще всего к владельцам хлопковых полей. Труд мардикера широко применялся в разгар полевых работ, особенно во время посева и обработки полей, поливной и уборочной кампаний. Свою заработную плату мардикеры получали в основном деньгами, а не натурой, как чайрикеры. Мардикеры не всегда могли найти подходящую работу и многие из них были вынуждены переходить с места на место, соглашаясь на любые условия. Нередко заработанных денег не хватало даже на пропитание, поэтому мардикеры, как и часть чайрикеров, попадали в кабалу к ростовщикам, баям и другим эксплуататорам.

Мардикеры — разновидность нарождавшегося сельского пролетариата. Нанимаясь вследствие нужды на период полевых кампаний, они на все остальное время возвращались к своему месту жительства, чаще всего помогая состоятельным сородичам. Если же мардикерам удавалось кое-как поправить и улучшить свое материальное положение, они отказывались от практики наемной работы и пытались жить за счет ведения собственного хозяйства.

В начале XX в. отношениями купли-продажи наемной рабочей силы были уже охвачены многие хозяйства коренного и переселенческого населения Киргизии. Так, например, по данным 1913 г., 603 крупных киргизских байских хозяйства Ферганской области держали 772 годовых и 118 сезонных сельскохозяйственных рабочих. 378 крупных кулацких хозяйств переселенческого населения Пишпекского и Пржевальского уездов имели 817 годовых и 8028 поденных рабочих[132]. В. И. Ленин отмечал, что «...употребление наемного труда есть главный отличительный признак всякого капиталистического земледелия»[133].

Имущественное расслоение и классовая дифференциация коренного населения вели к возрастанию числа лиц, вынужденных искать средства для существования путем продажи своей рабочей силы. При этом бан и манапы, хозяйство которых еще носило в основном натуральный характер, не могли найти у себя применения всей массе свободных рабочих рук. В этих условиях часть батраков, не находя работы в родном ауле и даже соседних общинах, нанималась к русским кулакам, казачьей верхушке и обуржуазившимся узбекским феодалам, а некоторые устраивались на кустарно-промышленные предприятия и каменноугольные копи. Эта прослойка бедноты представляла собой отходников, появление которых было одним из признаков проникновения в экономику края элементов капитализма. Так, в 1912—1914 гг. у киргизов, населявших горную часть Наманганского уезда, батраки составляли 34,2%, из которых 3% являлись отходниками[134]. Приблизительно так же обстояло дело и в других уездах.

Большая часть отходников не могла сразу порвать связь с

родным аилом или кишлаком, возвращалась на места и через некоторое время снова отправлялась на заработки. И все-таки, постепенно теряя связь с сельским хозяйством, одни из отходников превращались в сельских пролетариев, живших продажей своей рабочей силы, а другие, уходившие на каменноугольные копи и устраивавшиеся на кустарно-промышленные предприятия, становились кадровыми рабочими.

Как указывал В. И. Ленин, уход представителей сельского населения на заработки «представляет из себя *явление прогрессивное*. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни»[135]. Эта прогрессивная роль отходничества ярко проявилась и на такой патриархальной окраине царской России, какой была дореволюционная Киргизия. Здесь отходничество в какой-то степени, помимо разрушения национальной замкнутости, способствовало установлению контакта и взаимопонимания между трудящимися разных национальностей, их сплочению в борьбе против местных эксплуататоров и царского самодержавия. Отходники-киргизы в процессе производства знакомились с новой техникой, приобретали определенные производственные навыки. Повышалось их классовое сознание, росла ненависть к эксплуататорам. Возвращаясь в свои аилы и кишлаки, они рассказывали землякам о новых приемах ведения хозяйства, достижениях техники, о борьбе русских рабочих, способствуя тем самым развитию дружественных связей и солидарности между коренным населением и трудовыми переселенцами.

В 1898 г. на 43 кустарно-промышленных предприятиях Пишпекского и Пржевальского уездов трудилось 160 рабочих[136], значительную часть которых составляли киргизы. А спустя примерно 15 лет в Семиреченской области, в состав которой входили два указанных уезда, насчитывалось 2011 рабочих, из них русских — 1320, казахов и киргизов — 513, узбеков — 66, уйгуров и дунган — 103 и других национальностей — 9[137]. Число рабочих сравнительно быстро росло в Ферганской области, куда входила южная часть Киргизии. Если в 1885 г. в области числилось всего 4487 рабочих, в том числе в Ошском уезде — 223, то в 1900 г. соответственно — 22401 и 2154 рабочих[138], а в 1913 г. в Фергане было уже 38528 рабочих, из них 10808 на промышленных предприятиях и 27720 — в заведениях кустарного типа[139]. Значительная часть рабочих была занята в горнорудной промышленности. В 1907 г. на каменноугольных копях Кызыл-Кия работало 209 шахтеров, из них 107 киргизов, 100 русских и 2 татарина[140], а в 1913 г. число рабочих на этом руднике доходило до 598[141]. Много рабочей силы в Туркестане поглощала хлопкообрабатывающая промышленность. В 1913 г. на промышленных предприятиях Туркестанского края, не считая работающих в кустарных заведениях, трудилось 20925 рабочих. По национальному признаку они распределялись следующим образом: узбеков — 12702, русских — 4774,

таджиков — 1142, киргизов — 944, уйгуров и дунган — 304, представителей других народов — 1059[142].

Всего в огромном Туркестанском крае насчитывалось около 60 тыс. рабочих, включая занятых в обрабатывающей и добывающей промышленности а также а транспорте[143]. Малочисленность рабочих Туркестана хорошо видна в сравнении с промышленными районами метрополии. Так, в 1908 г. в Туркестанском крае в среднем на тысячу жителей приходилось 2 рабочих, а в центральных губерниях России — 48[144].

На цензовых предприятиях Киргизии в предвоенные годы работало 3 тыс. человек, из которых 1600—1700 являлись представителями коренной национальности, а в местной кустарной промышленности трудились 4200 человек[145]. Общий контингент наемных рабочих, занятых в промышленности (в том числе кустарной) и в сельском хозяйстве Киргизии, составлял накануне Великого Октября около 30 тыс., т. е. немногим более 3% всего населения[146].

Квалифицированную силу на промышленных предприятиях Средней Азии представляли главным образом русские рабочие. Трудящихся коренных национальностей использовали преимущественно на самых тяжелых и черных работах. Многие из них даже не входили в состав постоянных кадров промышленных предприятий, поскольку работали сезонно и сохраняли связь с сельским хозяйством.

Как указывал В. И. Ленин, в Туркестане почти отсутствовал промышленный пролетариат[147]. X съезд РКП(б) отметил, что коренное население Туркестана не успело пройти путь капиталистического развития, не имело или почти не имело своего промышленного пролетариата[148]. Это в полной мере и даже особенно относилось к Киргизии, где местный промышленный пролетариат находился в стадии зарождения. Ввиду малочисленности, разбросанности и неорганизованности рабочие из среды коренного населения не могли самостоятельно возглавить национально-освободительную и революционную борьбу местных трудящихся и повести их за собою. Эта трудная, но благородная миссия выпала на долю русского пролетариата — передового отряда мирового революционного движения. Рабочие Туркестанского края, в том числе и Киргизии, являлись составной частью пролетариата России, под руководством которого угнетенные народы окраин империи боролись против феодально-капиталистического и национального гнета.

Эксплуатация трудящихся масс

И после вхождения Киргизии в состав России местная феодальная верхушка продолжала осуществлять жесточайшую эксплуатацию зависимых от нее народных масс. Как и ранее, основной формой феодальной эксплуатации являлась уплата различных налогов: за пользование землей, на содержание волостных управителей, сельских старшин, арык-аксакалов.

В системе эксплуатации трудового населения немалую роль играли всевозможные феодальные отработки, нередко выступавшие в виде «родовой помощи». За молочный скот, предоставленный баем бедняку, за верховую лошадь, полученную нуждающимся от феодала на некоторое время, наделенные уплачивали с лихвой натурой или же отрабатывали своим трудом.

Бедняки-коншу за оказанную им баем материальную помощь должны были, в свою очередь, оказать ему взаимную «родственную помощь» в скотоводческом и земледельческом хозяйстве: ухаживать за скотом, очищать загоны, стричь овец и коз, принимать приплод, вести борьбу с паразитами животных и лечить их, приучать молодых лошадей к верховой езде, обрабатывать земельные участки, сеять и убирать урожай. Жены попавших в кабалу бедняков обслуживали домашние нужды скотовладельца — готовили пищу, выделывали шкуры, ткали паласы, валяли войлок и кошмы, шили одежду[149].

В земледельческих районах широко бытовала такая форма эксплуатации рядовых дехкан, как «орточество» (издольщина). Дехканин-издольщик всегда работал на кабальных условиях, отдавая более половины, а иногда и 3/4 урожая феодалу, предоставившему ему землю, семена, рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь.

Эксплуатация трудящихся со стороны феодалов осуществлялась и вне сферы производства. Например, как указывалось, феодальная знать широко использовала в своих интересах различные обычаи и традиции по оказанию взаимопомощи сородичами (*«кошумча»*, *«журтчулук»*, *«ыптымак»*, *«жардам»* и др.) в случае устройства тоя (пиршества) или аша (поминок), при уплате калыма за невесту и куна (выкупа за убийство), при падеже скота в результате джута или угоне его — *барымта* — взаимное ограбление, при пожарах и других стихийных бедствиях.

Оболочка равноправной дружеской взаимопомощи, бытовавшая в патриархальной киргизской среде, прикрывала реальную ее суть, при которой представители феодальной знати, устраивая «той» или «аш»; заранее раскладывали все предстоящие расходы на «сородичей» и тем самым подрывали их благосостояние. Хотя по временному Положению 1867 г. об управлении Семиреченской, Сыр-Дарьинской областями местные феодалы лишались прав самовольного взыскания с населения различных налогов в свою пользу, практически должностные лица продолжали обирать трудовое население путем наложения на него различных поборов, зачастую используя вековые патриархально-родовые пережитки.

Эти поборы формально считались «добровольными», а фактически существовали как обязательные. По своим размерам и разорительности они нисколько не уступали официальным налогам. Выше отмечалось, что наиболее тягостным из них являлся *«чыгым»*. По некоторым данным, он в два—три раза превосходил размер официальных государственных налогов[150]. Тяготы данного побора усугублялись тем, что он не имел определенного размера и времени его сбора. Тяжелым бременем на плечи трудящихся ложились государственные налоги и сборы, натуральные и трудовые повинности.

С 1905 г. коренное население Туркестана облагалось налогом и за то, что оно не несло воинскую повинность. Этот налог составлял 5% кибиточной подати, 10% государственного поземельного сбора или 15 % оброчной подати[151]. Существовали также государственный промысловый налог, акцизный сбор и таможенная пошлина. С населения взимались гербовый сбор и пошлина за переход имущества от одного лица к другому, налог на дрова, который постоянно повышался: сначала 30 коп. с каждой юрты, затем — 90 коп., а к 1915 г. — до 3 руб.[152] Денежные средства собирались также на содержание русско-туземных школ. Даже ремонт государственных зданий и постройка помещений для волостного управителя производились за счет общественных средств, входящих в состав земского сбора. Разорительность этой подати видна из того, что в 1908—1909 гг. только по Ферганской и Сыр-Дарьинской областям Туркестанского края земский сбор достигал огромной суммы — 1,5 млн. руб.[153]

Обычным и широко распространенным явлением были подкуп и взятка. Взятки брали царские чиновники и местные должностные лица: волостные управители, аильные старшины, пятидесятники, бии и другие, что явствует и из текстов многих сотен различных жалоб представителей коренного населения. Туркестанский генерал-губернатор записал 23 июня 1916 г. в своем дневнике: «Низшая администрация берет взятки, народ в кабале»[154]. Добавим, что взяточничеством занимались также и многие высшие и средние чины царской администрации.

Особенно непосильный гнет испытывали местные рабочие. В. И. Ленин, говоря о тяжелом положении рабочих нерусских национальностей, отмечал, что «в России рабочие всех национальностей находятся под таким экономическим и политическим гнетом, которого нет ни в одном государстве, в особенности те рабочие, которые не принадлежат к русской национальности»[155]. Это полностью относится к рабочим дореволюционной Киргизии. На национальных окраинах России эксплуатация рабочих, дискриминация в оплате их труда и произвол капиталистов были особенно невыносимы. Владельцы промышленных предприятий, пользуясь безвыходным положением местных рабочих, устанавливали им самую низкую заработную плату. Неравной платой за равный труд эксплуататоры пытались посеять рознь между рабочими разных национальностей.

При низкой оплате рабочий день на промышленных предприятиях, в том числе на каменноугольных копях, был доведен до 14—16 часов в сутки[156]. Тяжелое положение рабочих усугублялось еще и тем, что широко применялись всевозможные штрафы и вычеты, которые значительно снижали и без того малую заработную

плату рабочих, да еще нередко выдававшуюся с большим опозданием. Заработная плата едва обеспечивала крайне низкий прожиточный минимум рабочих, обитавших в тесных грязных бараках и темных сырых землянках или войлочных жилищах. На предприятиях отсутствовали охрана труда и техника безопасности, в результате несчастные случаи и увечья рабочих были обычным явлением. Пострадавшим на работе по существу не оказывали медицинской помощи, не говоря уже о выплате пенсии. Различные социально-профессиональные болезни — туберкулез, ревматизм, цинга, а также частые эпидемии — уносили множество человеческих жизней, превращали больных в калек.

Усиление социального протеста народных масс

Безжалостная и все усиливающаяся эксплуатация, произвол и насилие, поборы и вымогательства, чинимые местными феодалами, государством и капиталистами, бесправие и нищета не могли не вызывать недовольства и возмущения трудящихся масс.

В среде трудового народа Киргизии, как и других районов Российской империи, стихийно росли и зрели чувства социального протеста, стремление встать на защиту своих прав и интересов.

Сначала трудящиеся массы оказывали властям пассивное сопротивление, проявляемое в отказах от уплаты налогов и сборов, в том числе «чыгыма», игнорировании решений биев и казиев, неисполнении служебных распоряжений местных должностных лиц, «непочтительном» отношении к представителям эксплуататорского класса и неуважении обычного права, служившего интересам феодальной знати, и т. п.

Все это находило отражение в прошениях и жалобах трудящихся на имя уездных начальников, военных губернаторов, туркестанского генерал-губернатора, председателей и членов различных правительственных комиссий, проверявших край, а иногда даже и на имя самого российского императора. В них обычно писали о произволе и насилиях, несправедливости и злоупотреблениях представителей феодальной знати и местных должностных лиц и ходатайствовали о замене наиболее жестоких и алчных «справедливыми» людьми. Иначе говоря, забитая и отсталая часть трудящихся, обращаясь к высокопоставленным царским чиновникам, наивно и, конечно, безуспешно пыталась добиться справедливости. Краевые власти, играя лицемерную роль, принимали жалобы, но, как правило, поддерживали действия эксплуататоров.

Распространенной и традиционной пассивной формой социального протеста продолжала оставаться откочевка рядовых скотоводов в другой аил и нередко в отдаленные районы с целью избавления от произвола и насилия «своих» наиболее деспотичных феодалов под предлогом родовых «неурядиц». Сужение кочевых территорий в связи с расширением площадей посевов, увеличение числа оседавших скотоводов, новое административное устройство и другие изменения, происходившие в общественной и экономической жизни коренного населения, способствовали изживанию отсталых форм классового протеста. Однако откочевки рядовых скотоводов, недовольных и обремененных действиями тех или иных представителей феодально-родовой знати, происходили и в начале XX в. Они наблюдались особенно в высокогорных скотоводческих районах.

Одну из слаборазвитых, но уже открытых форм социального протеста представляла попытка трудящихся избавиться от того или иного ненавистного им должностного лица путем избрания на его место человека из своей среды. Это проявлялось во время выборов волостных управителей, аильных старшин и биев. Так, в 1870 г. в одной из волостей Токмакского уезда волостным управителем избирался состоятельный человек, но «народ, собравшийся близ юрты, где шли выборы, оставался недоволен избранием Ногоя. Толпа зашумела, начались споры, а затем и стычки»[157].

1 октября 1895 г. произошло столкновение в местности Конгур-Огуз Кенкол-Карагырской волости Андижанского уезда. Причиной послужило давление волостного управителя и участкового пристава, пытавшихся вынудить коренное население избрать пятидесятниками неугодных народу представителей феодальной знати.

19 января 1896 г. в Наманганском уезде во время выборов волостного управителя около 2 тыс. жителей Найманского и других обществ Шахандской волости решительно выступили против избрания на эту должность феодала, отличавшегося алчностью и жестокими поборами. Среди букары поднялся «шум и крик и несколько человек бросились в середину избирателей, а затем вся толпа начала драку»[158]. Выборы были сорваны, 8 февраля того же года местные власти еще раз пытались провести выборы, но и на этот раз им не удалось навязать нужное лицо. Выборы пришлось отложить на значительное время. Из-за протеста рядовых общинников не состоялись в тот год выборы и в Саруйской волости Наманганского уезда.

Выступления трудящихся во время выборов против ставленников местной феодальной знати и их покровителей — царских чиновников значительно усилились в период революции 1905—1907 гг. Выступая против тех или иных представителей феодалов на официальные должности, букара выдвигала в ряде случаев вместо них свои кандидатуры. Однако такие попытки почти всегда кончались неудачей.

Одной из форм классовой борьбы являлось убийство наиболее жестоких манапов и других ненавистных народу эксплуататоров. В одном архивном документе говорится: «У букары давно уже зародилось стремление освободиться от манапов. Проявляется это стремление и в грубых формах — убийстве то того, то другого манапа»[159]. На страницах «Известий Русского Географического

общества» читаем: «Время от времени совершаются киргизами убийства наиболее хищных манапов, таких манапов, про которых говорят, что он «ест народ»[160].

В апреле 1893 г. дехкане кишлака Караван Ичкиликской волости Маргеланского уезда убили волостного управителя за то, что он «обременял их... лишними поборами и чинил им всякие притеснения и несправедливости»[161]. Были избиты и приближенные волостного. «С целью поддержания общественного спокойствия и предупреждения на будущее время совершения подобных преступлений над должностными лицами»[162] все участники этого выступления были осуждены на каторжные работы сроком от 10 до 15 лет.

Бедняки, переходившие к оседлости, оказывали противодействие феодально-родовой верхушке, всячески отстаивавшей выгодное ей подвижное скотоводство и кочевой уклад жизни. Дело заключалось в том, что часть трудового коренного населения, лишившись скота и не имея больше возможности вести кочевой образ жизни, искала источник существования в земледелии, пытаясь создать у себя такие же сельские общества, какие были у русских переселенцев, и надеясь тем самым избавиться от волостных управителей, аильных старшин, баев и других представителей местной феодальной знати.

Все чаще возмущение и негодование масс стало выливаться в открытые выступления, охватывавшие группы бедняков, а иногда и целые аилы. С 10 июня 1879 г. в течение нескольких дней в Базар-Курганской волости Андижанского уезда продолжались волнения рядовых общинников, которые избили местного бая, отобрали у него 404 рубля, незаконно взысканных с населения[163]. Двоих джигитов из окружения бая дехкане связали веревками и увезли в горы, где укрепились на труднодоступном перевале Кумуш-Бель. Сюда же стекались бедняки из других мест, гонимые голодом и нуждой.

В мае 1898 г. в горах Науката в местности Ак-Терек собралось около 300 киргизских дехкан, пришедших сюда из Караколсая, Тамчи-Булака, Япалакского общества и других мест Ошского уезда. Повстанцы были вооружены палками, ножами и батиками. Огнестрельного оружия у них не было, «предполагалось драться, кто чем мог»[164]. Они намеревались напасть на военный гарнизон и царских чиновников, находившихся в г. Оше. Однако в результате предательства некоторых феодалов, сообщивших об этом властям, выступление было подавлено царским карательным отрядом, возглавляемым начальником названного уезда. 20 повстанцев было арестовано[165].

В третьей декаде мая того же года при прямом содействии управителей Сусамырской и Атекинской волостей каратели подавили также выступление около сотни жителей Кетмень-Тюбе Сусамырской волости Андижанского уезда. Основными участниками этого выступления были люди, «навлекающие на себя подозрение в политической неблагонадежности»[166]. Тогда же крупное волнение, объединившее тысячу человек, вспыхнуло в высокогорном районе Андижанского уезда, населенном киргизами. Повстанцы не имели единого руководителя и состояли из нескольких групп по 200—300 человек, вооруженных палками *(союл)*, пиками, частично ружьями. Несмотря на поддержку со стороны трудового населения соседних местностей, которое обеспечивало восставших продуктами питания, это стихийное выступление также оказалось безуспешным.

Яростное сопротивление должностным лицам, явившимся для изъятия «излишков» земли, оказали 7 июня 1889 г. дехкане кишлака Такта Ичкиликской волости Маргеланского уезда.

В феврале 1899 г. жители аила № 5 Тургенской волости Пржевальского уезда избили и задержали у себя бия и сопровождавших его джигитов, пытавшихся описать и реквизировать их скот в уплату долгов купцу из г. Пржевальска. В аил были направлены помощник пржевальского уездного начальника, писарь волостного управителя, несколько джигитов и доверенные лица указанного купца, но и они подверглись избиению[167].

Против притеснений манапов Рыскулбековых, метко названных акыном-демократом Токтогулом «пятью кабанами», 12 марта 1899 г. выступили жители трех аилов Сусамырской волости Наманганского уезда. Непосредственным поводом выступления послужила попытка волостного управителя отобрать у рядовых киргизов скот. «Население нескольких аилов... отказалось исполнить распоряжение волостного управителя и своих сельских старшин, причем позволило себе драться палками и бросать каменья в должностных лиц»[168]. Выступление продолжало расширяться, к нему присоединились жители соседних аилов, но и оно также было вскоре подавлено: 37 участников были арестованы, из которых потом 12 отправлены в город Наманган и заключены в тюрьму, остальные подверглись денежному штрафу в 300 руб.[169]

На имя военного губернатора поступило более 100 жалоб, в которых указывалось на произвол и насилия местной феодальной знати. Однако эти жалобы не разбирались и по ним не было принято никаких мер.

В феврале 1900 г. произошло столкновение между рядовыми скотоводами и представителями феодальной верхушки в Курментинской волости Пржевальского уезда. Поводом послужила насильственная реквизиция лошадей у коренных жителей. «Несколько джигитов и писарь волостного управителя пытались угнать реквизированных лошадей, но не успели они отойти на несколько сот шагов, как на них напала толпа людей. Джигиты и писарь, получив ранения, вынуждены были спасаться бегством. Лошади были возвращены их хозяевам»[170].

Более недели продолжалось выступление трудовых дехкан Каратегинского сельского общества Булак-Башинской волости

Ошского уезда, возникшее 10 февраля 1902 г. В этот день управитель Джелялкудукской волости выслал своих джигитов и пахарей с приказом занять и вспахать земельный участок «Бешхарей с приказом занять и вспахать земельный участок «Бешхарей с приказом занять и вспахать земельный участок «Бешхарей с приказом занять и вспахать земельный участок «Беш-Боз», который находился в пользовании жителей Каратеитского сельского общества и обрабатывался ими. Каратеитовцы прогнали пришельцев. 16 февраля волостной управитель вновь пытался со своими джигитами занять тот же земельный участок и опять безуспешно. Как видно из рапорта участкового пристава от 22 февраля 1902 г., «на этот раз произошла крупная ссора... Ссора перешла в драку, а джелялкудукский волостной управитель со своими аминами ускакал, так как около 30 киргизов Каратеитского общества, вооружившись палками, стали наступать на аминов, считая их главными виновниками в отобрании у них кайраков (богарных земель), которые составляли их неотъемлемую собственность как по обычаю, так и по давности пользования ими»[171]. 18 февраля последовала новая попытка занять и вспахать облюбованный участок, вызвавшая очередное столкновение каратеитовцев с волостным управителем и его джигитами. В конечном счете дехканам удалось сохранить за собой земельный участок.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в., как и ранее, классовая борьба в Киргизии носила стихийный и локальный характер, возникала в разное время и в разных районах, не имела единого руководства и протекала неорганизованно. Представители феодальной знати, пытаясь притупить остроту классовой борьбы, всячески превозносили и культивировали мнимую «общность» интересов всех членов аила. При этом широко использовались такие пережитки феодальных отношений, как деление киргизов на роды и подродовые колена, устои патриархального быта, а также забитость и темнота коренного населения, консервативность кочевого образа жизни. Однако все это, хотя и препятствовало росту классовой борьбы, не могло приостановить ее.

На расширение масштабов классовых выступлений в Киргизии все более плодотворное влияние оказывали русские революционеры, передовая, политически наиболее зрелая часть трудовых крестьян-переселенцев, а также смелые и решительные действия рабочих промышленных районов России, проникавшие в горный край марксистско-ленинские идеи. Трудная, но благородная миссия освободителя выпала на долю рабочего класса России, высоко поднявшего знамя пролетарского интернационализма и сумевшего объединить вокруг себя угнетенные народы империи и вывести их на путь освободительной борьбы против царского самодержавия, феодальной и капиталистической эксплуатации.

Глава III

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КИРГИЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

1. Материальная культура и прикладное искусство киргизов

Во второй половине XIX и начале XX в. на всех сторонах богатой и самобытной культуры киргизского народа, уходящей своим началом в древность, лежал глубокий отпечаток патриархально-феодальных устоев и кочевого образа жизни. Вместе с тем ее традиционные формы начинают до некоторой степени изменяться под воздействием новых условий развития киргизского общества.

Постепенное нарастание процесса оседания привело к своеобразному сочетанию кочевых и оседлых форм культуры, которое стало особенно сказываться в конце XIX — начале XX в. Это было во многом связано и с объективно прогрессивными последствиями вхождения Киргизии в состав России, усилением экономических и культурных связей киргизов с русским народом, а также с соседними народами Средней Азии и Казахстана.

В материальной культуре киргизского народа выделяются два комплекса, условно именуемые северным и южным. Их возникновение было обусловлено физико-географическими, историческими и хозяйственно-культурными особенностями юга и севера Киргизии. В сложении этих комплексов определенную роль играло общение южных киргизов с узбекским, таджикским, русским, а северных киргизов — с русским, украинским, казахским, татарским и другим населением. Однако, несмотря на эти локальные особенности, материальная культура киргизского народа была единой и носила общие этнические черты.

Поселение и жилище

В течение второй половины XIX — начала XX в. тип поселения у киргизов постепенно менялся в связи с изменением исторических условий их обитания. До конца XIX в. киргизское население жило по преимуществу большими аилами — общинами, организованными по родо-

вому признаку. Величина аила не была постоянной. В период кочевания на сезонных пастбищах — весенних, летних, осенних — аилы уменьшались, а во время пребывания на зимних стойбищах — увеличивались. По свидетельству русских ученых-путешественников, еще в 50—70-х годах XIX в. некоторые аилы-общины насчитывали подчас сотни юрт. Так, по сообщению акад. В. В. Радлова, «...кара-киргизы не живут аулами, а целым родом (племенем) в непрерывном ряде юрт по берегам рек, тянувшемся иногда на 20 и более верст»[1]. Г. С. Загряжский также отмечал, что «киргизы стояли всегда большими аулами, кибиток по 200 и более»[2]. Это во многом обусловливалось интересами обороны во время нередких междоусобных феодальных столкновений и внешних нападений. Показательно, что после вхождения Киргизии в состав России и прекращения межфеодальных распрей и набегов извне аилы к началу XX в. стали сравнительно небольшими по размерам.

Основным типом жилища у киргизов вплоть до Октябрьской революции была юрта[3] — характерное порождение кочевого образа жизни. Восходя к древнетюркским традициям, юрта вобрала в себя лучшее из многовекового опыта народа. Киргизские племена, занимавшиеся кочевым скотоводством в горных условиях, выработали наиболее удобный для этих условий тип переносного жилища, которое легко разбиралось, перевозилось на вьючных животных и снова устанавливалось.

В различных районах Киргизии юрта имела своеобразную форму. Так, на юге Киргизии, а также в Таласской и Чаткальской долинах она отличалась немного уплощенным, сферическим куполом, на севере же Киргизии он был более высокий. Юрта состояла из деревянного остова и войлочного покрытия.

Юрты манапов и баев выделялись большими размерами и сооружались из 8—12 звеньев — решеток, покрытых белой кошмой. Как правило, такие юрты снаружи и внутри богато украшались различными орнаментированными изделиями из войлока, аппликациями, плетеной узорчатой бахромой, разноцветными кистями *(чачык)* и узорной тесьмой *(терилген боо)*.

Помимо юрты у киргизов существовал ряд других переносных жилищ сезонного характера. Это прежде всего так называемый *сайма алачык* (шалаш). Близок к нему *алачык* — жилище табунщиков, пастухов на летнем пастбище и сезонные жилища — *жолум үй*, состоявшие из двух решетчатых звеньев юрты и жердей.

В южных районах Киргизии был распространен еще один вид временного жилища — *тегирмек* из составленных в круг трех крыльев решетчатых стен юрты, обернутых циновкой и покрытых вверху кошмой, а чаще всего тканью. На высокогорье табунщики нередко использовали как временное жилище *«сойло-мо»* из двух сведенных стенок юрты.

На протяжении веков усовершенствовалась не только сама

юрта, но и ее интерьер. Правая сторона от входа юрты считалась женской половиной *(эпчи жак)*. Здесь размещались красочные сумки из войлочных аппликаций или ткани *(терме)*, *аяк кап, кузгу кап* и. п., в которых находились головные уборы хозяйки, а также располагалась кухонная утварь. Место для хранения пищи отделялось ширмой из орнаментированной циновки *(чыгдан)*.

Другая, противоположная сторона считалась мужской *(эр жак)*. Там вешали на шесте *(бакан)* лучшую одежду и головные уборы мужчин, а ближе к выходу — конское снаряжение.

Место напротив входа являлось самым почетным *(тор)*. У этой части стены ставили в ряд сундуки, на которые укладывали малоупотребляемые в повседневном быту красочные узорные кошмы, ковры, а поверх них в несколько рядов — одеяла, свернутые в валик; чем их было больше, тем зажиточнее считались хозяева. Такое сооружение называлось *жук*. На пол юрты стлали самые лучшие кошмы — шырдаки, а на них узкие стеганые одеяла *(төшөк)*, либо меховые подстилки *(көлдөлөң)*. Тор был центром юрты. Здесь принимали почетных гостей, расстилая перед сидящими скатерть — достархан. Посередине разводили огонь, готовили пищу. Это место называлось *коломто*.

Богатые приготавливали пищу в специальных юртах — *ашкана*. Бедняки жили в прокопченных маленьких юртах *(боз үй, кара үй)*, где размещался не только их незатейливый скарб (постель, посуда и т. д.), но в холодное время года и новорожденные телята и ягнята.

Для зимних стоянок *(кыштоо)* выбирались места, защищенные от ветра, на солнечной стороне горных склонов, вблизи от водных источников. Рядом с юртой сооружались загоны для овец, навесы, сараи для лошадей, крупного рогатого скота. Здесь же располагались и полуземлянки самых бедных киргизов *(жер кепе* или *жер төлө)*, которые наполовину врастали в землю и не имели окон. Их заменяло дымовое отверстие в крыше. Очаг находился в центре жилья. С течением времени возводились глинобитные жилища. Двор нередко обсаживался деревьями, преимущественно тополями и ивой, необходимыми для строительства. Так на местах некоторых временных зимовий появлялись постоянные селения.

Под влиянием узбеков и таджиков еще в первой половине XIX в. такие поселения возникли в Южной Киргизии (Кара-Булак, Баткен, Беш-Булак, Монок, Кыргыз-Кыштак и др.). После вхождения края в состав России, в конце XIX — начале XX в., количество селений увеличивается за счет оседавших бедняков. Однако ко времени Октябрьской революции дело не дошло до прочной оседлости. В киргизских селениях Ферганской долины, как правило, находились базар, чайхана, мечети.

В связи с разработкой каменноугольных копей Сулюкты, Ки-

зыл-Кия, Кок-Янгака, Таш-Кумыра возникли рабочие поселки без определенной планировки и какого-либо благоустройства.

Заметное влияние на складывание облика киргизских селений на севере Киргизии оказывали русские и украинские переселенцы. Первое из оседлых селений киргизов в Чуйской долине — Таш-Тюбе (Пишпекский уезд) — было основано в 1899 г. В последующие годы и в Прииссыккулье возник ряд киргизских селений: Тепке, Чырак, Темировка, Таштак[4] и др.

Киргизские селения в северной части края по планировке нередко напоминали переселенческие, но в отличие от последних имели мало садов и огородов и, как правило, рядом с домом еще ставилась традиционная юрта. Несколько выделялось в этом отношении селение Таш-Тюбе. Здесь, по примеру русских, вдоль одной прямой улицы, обсаженной тополями, строились дома с двускатными камышовыми крышами и небольшими окнами. В некоторых селениях преобладали деревянные дома. Были и смешанные русско-киргизские селения, как, например, Дархан, возникшее в 1912 г.[5] Отдельные бан и манапы в Чуйской и других долинах строили капитальные дома европейского типа, обзаводились садами и огородами.

В южных районах преобладал ферганский тип жилища — дома с плоской или двускатной крышей, открытой террасой *(айван)* во всю длину и окнами, обращенными во двор. В западной части Алая встречались дома памирского типа, отличавшиеся деревянно-ступенчатым перекрытием. Здесь жилые и хозяйственные помещения находились под одной крышей, которая покоилась на деревянных подпорках. Окна в таких домах отсутствовали, их заменяло дымовое отверстие в крыше. В технике домостроения в южных районах Киргизии проявлялись традиции узбекских и таджикских мастеров, а в северных — русских и украинских.

В постоянном жилище киргизов в большинстве случаев сохранялся интерьер юрты. Но под влиянием русского и украинского населения в домах некоторых киргизов Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины стала появляться мебель — деревянные столы и кровати, а также фабричная утварь — чашки, подносы, котлы и т. д.

Одежда

Одежда киргизов в середине XIX — начале XX в., оставаясь в основных чертах традиционной, была приспособлена к исторически сложившимся условиям кочевого образа жизни киргизов.

Основным материалом для изготовления одежды служило животноводческое сырье: шкуры овец и ягнят выделывались для верхней одежды, кожи верблюдов, коров, телят обрабатывались для обуви. Из шерсти овец и верблюдов изготовлялась высококачественная тонкая кошма, шедшая на шитье верхней нарядной мужской одежды и головных уборов. На примитивном станке *(ормок)* ткались ткани *(таар)* различных видов.

Торговые и бытовые связи с соседними народами вели к все большему проникновению в среду киргизов кустарных среднеазиатских и кашгарских тканей. Одежда киргизов, осевших в жарких южных районах края, несколько приближалась по покрою к одежде соседних узбеков. После вхождения Киргизии в состав России чаще приобретались готовые привозные узбекские стеганые халаты, тюбетейки, белые рубашки, а также фабричные ткани, обувь, платки и т. д.

В одежде, как и в жилище, были сильно выражены социальные контрасты. Если феодальная знать носила одежду из лучших тканей, дорогих мехов, кожи и замши, отделанную золотыми и серебряными украшениями, жемчугом и перламутром, то подавляющая масса населения облачалась в самую дешевую одежду традиционного стиля и покроя, использовала до полного износа самодельную обувь.

Вплоть до середины XIX в. киргизская одежда, как и многих других кочевых народов, характеризовалась слабой дифференцированностью у разных половозрастных групп. Отдельные виды как нательной, так и верхней одежды были по покрою одинаковыми для женщин и мужчин. Во второй половине XIX — начале XX в. в этом отношении также произошел ряд изменений.

Глубоко традиционными у киргизов были широкие в поясе и суживавшиеся книзу мужские овчинные штаны *(шым)*. Нарядными считались штаны из замши или из выделанной кожи горного козла *(кандагай)*, украшенные вышивкой. Они были очень прочными, поэтому их надевали также борцы во время состязаний *(эңиш, күрош)*. Летом носили штаны из кустарных тканей *(таар)* различного качества, а также из фабричных материалов.

Обычной верхней мужской одеждой служил нагольный овчинный тулуп *(тон, постун)*. С конца XIX в. использовали европейского покроя шубы *(бүйүрмө-тон)*.

Одним из видов киргизской мужской верхней одежды являлся кементай. Шили его из тонких или грубых накатанных кошм естественных цветов. Белые тонкие кошмы шли на изготовление кементая для состоятельных лиц. Наряду с нагольным тулупом этот вид одежды — *кементай, кебенек* — имеет у киргизов наиболее давние истоки[6].

Другую мужскую верхнюю одежду — чепкен, одинаковый по покрою с кементаем, шили из ткани *таар*, изготовляемой из верблюжьей и овечьей шерсти различных естественных цветов.

Разновидностью овчинных тулупов можно считать и крытые тканью шубы *(ичик)* из шкур ягнят, лицевая сторона которых покрывалась материей темных цветов; шуба имела большой шалевый воротник. Самые богатые шили шубы из дорогих мехов — волка, лисы и соболя. С середины XIX в. на севере края стала широко распространяться верхняя одежда *чапан* из цветного ситца, сатина и других видов хлопчатобумажной ткани на подкладке.

Наиболее древней, уже начинавшей выходить из употребления,

была одежда из шкур верблюжонка *(күпү)*. Ряд исследователей генетически связывают ее истоки с древнетюркской средой[7].

Встречалась и широко известная в прошлом у кочевых тюрко-монгольских народов одежда *(даакы)* из шкур жеребят мехом наружу. Но со второй половины XIX в. она уже не имела большого распространения.

Поверх рубашки мужчины носили обычно короткую (до колен) легкую распашную одежду на подкладке (*кемсел*). Большинство видов верхней киргизской мужской одежды не имело застежек, и поэтому обязательным ее элементом были пояса (*кур*) из материи или кожи. В южных районах Киргизии опоясывались покупными платками *(чарчы, оромол)*. В прошлом наиболее распространенными были, по-видимому, широкие кожаные пояса *(кемер)*. В некоторых случаях к поясам прикреплялись охотничьи наборы: огниво, нож, пороховница, шило и т. п. Зажиточные киргизы украшали их серебряными пластинками различных форм, а иногда даже драгоценными и полудрагоценными камнями.

Головные уборы мужчин отличались разнообразием, но самыми употребительными и весьма характерными для киргизов являлись калпаки из высококачественного тонкого белого войлока. Судя по фольклорным источникам, у особо знатных лиц калпаки были очень высокие, а оторочка делалась из дорогого меха (*кары бою киш калпак)*.

Зимним головным убором мужчин был тебетей. Его шили на стеганой шерстяной подкладке; тулья покрывалась бархатом, плюшем или какой-либо другой плотной тканью темных расцветок; на опушку тебетея для богатых людей шел мех соболя или куницы, для остальной части населения — лисий мех, а еще чаще — шкурки новорожденных ягнят (*корпо*). Бедняки зимой, да и в теплое время года пользовались четырехклинными головными уборами *телпек* из овчины, шерстью внутрь. Под тебетей или калпак надевали стеганые маленькие шапочки (*топу*) различных форм из белой или черной материи.

Характерной обувью киргизов в указанное время были мягкие, бескаблучные сапоги (*маасы*), поверх которых при выходе на улицу надевали кожаные калоши — *кепич*. У зажиточных слоев населения имели распространение сапоги из кожи с каблуками и загнутыми вверх носками. У бедных скотоводов обувь была из сыромятной кожи (*чарык*). В зимнее время под кожаную обувь надевали войлочные чулки различной длины.

Женская одежда в середине XIX — начале XX в. также претерпела некоторые изменения сравнительно с традиционной. Так, например, в одежде девушек и молодых женщин со временем прочное место заняли отрезные, приталенные платья, с широкой юбкой и с двумя рядами оборок — *кош этек койнок*. Их шили из шелковой материи ярких расцветок, а будничные — из легких хлопчатобумажных тканей. Излюбленными цветами одежды де-

вушек и молодых женщин были яркие — красные, синие, оранжевые. Пожилые женщины предпочитали белые или темные расцветки.

Поверх платья женщины носили безрукавки, которые могли быть на одинарной или стеганой шерстяной подкладке для зимних условий. У девушек безрукавки были короткие, до пояса, тесно облегающие фигуру — *чыптама*. Еще один вид верхней женской одежды — *бешмант* — слегка приталенный, доходящий до колен, с короткими рукавами, открытым или же стоячим воротом. Все эти виды одежды шили из плюша, бархата, вельвета или другой плотной материи, с обилием украшений из перламутровых и серебряных пуговиц, ромбиков, шариков, пластинок, иногда инкрустированных кораллами, коралловых бус в зависимости от материальных возможностей.

Осенне-зимней одеждой женщин были *чапан* и *ичик* той же формы, как и у мужчин.

Национальным своеобразием киргизской женской одежды можно считать распашные красивые юбки — *белдемчи* — из черного бархата и любой другой плотной материи или даже из войлока. Края обшивались узкой полосой меха выдры, поля же имели обильную вышивку. Их носили поверх платья.

Еще одним характерным компонентом национальной женской одежды был головной убор — *элечек*. Такой тюрбан намотанной на голову белой тонкой материи длиной около 20—30 аршин носили замужние женщины. В способах наматывания, украшения и ношения его наблюдались локальные варианты.

В начале XX в. уже редко встречался традиционный киргизский головной убор невесты — *шокүлө*, имевший форму усеченного конуса с боковыми наушниками и треугольным мысиком сзади. Основа его делалась из белого тонкого войлока и покрывалась красным сукном или бархатом. Верх украшался серебряными пластинками, жемчугом, бусами из кораллов. К нему прикреплялись перья филина или фазана. Его носили во время свадьбы и первые два—три дня после приезда в дом жениха. Затем его прятали до свадьбы будущей дочери и передавали в качестве составной части приданого.

Девичий головной убор — *тебетей* — состоял из шапочки с четырехугольной тульей из плюша, бархата, сукна или других цветных материй и оторочкой из меха выдры (*күндүз тебетей*) или из шкур ягнят.

С середины XIX в. получили широкое распространение женские платки различных размеров и расцветок. Черные и синие шали являлись траурным убором.

Женская обувь в описываемое время была преимущественно покупной. Молодые женщины носили сапожки на каблуках *(бедине өтүк)*, пожилые — мягкие ичиги без каблуков, поверх которых надевали кожаные или резиновые галоши.

Следует подчеркнуть, что в женской одежде социальные конт-

расты проявлялись особенно разительно. По мере роста торговли с Центральной Россией кустарные материалы для верхней и нижней одежды заменялись фабричными тканями.

Пища

Пища киргизов в середине XIX — начале XX в. характеризовалась традиционными видами, обусловленными основным направлением хозяйства — скотоводством. Преобладал молочный и мясной рацион[8], хотя мясная пища и не составляла основу питания киргизской бедноты. Вместе с тем с развитием земледелия киргизская кухня пополнялась мучными и овощными блюдами.

Пищу бедноты в течение всего дня составляла жидкая похлебка *(жарма)* из толокна — поджаренного смолотого зерна.

Предпочтительной едой у киргизов была пища из мяса домашних, отчасти и диких животных, а также птицы. Излюбленным кушаньем был *нарын* или *туураган эт* — мелко накрошенное мясо с лапшой, разбавленное бульоном.

Из овечьей печени и жира готовили особые колбасы — *олобо*, жаркое-*куурдак*, пережаренное с луком. В состав традиционной кухни киргизского населения южных районов Киргизии входил и плов, воспринятый, возможно от узбеков и таджиков.

Молочные продукты являлись одной из основ пищевого рациона киргизов. Повседневным и самым распространенным продуктом было кислое коровье и овечье молоко — *айран*. При квашении в него иногда добавляли толокняной крупы *(акшак)*. Этот вид кислого молока назывался *ашайран*, процеженное или отжатое кислое молоко — *сузмо*. Из сузме при просушивании его готовили сыр (*курут*).

Приготовленный путем сквашивания и кипячения особый сыр назывался *эжигей*. Из накопленной за определенное время сметаны (*каймак*) получали топленое масло — *сары-май*, из его сгустка — *чобого*.

Любимым напитком у киргизов издревле был кумыс из кобыльего молока, подвергшегося брожению. По способу приготовления и вкусу кумыс делили на *саамал кымыз, тунма кымыз, шырбан кымыз* и т. д.

Мучная пища была мало доступна кочевникам, но у киргизов полуоседлых районов она занимала значительное место. Из кислого теста в котле выпекались мелкие лепешки *(жапкан нан, комкорме нан)*, из пресного — лепешки тонкие *(калама, таптама)* или слоеные *(каттама)*.

В особо торжественных случаях жарили на масле маленькие кусочки кислого теста — *(боорсок)*, а также круглые ритуальные плоские лепешки *(май-токоч)*, оладьи — *куймак*. Из пресного теста готовили полужидкие блюда — *кесме, жупка, кулчотай* и т. п.

Из крупы ячменя или пшеницы варили жидкие каши — *кожо*, а из пшена (проса) со сметаной готовили *коптургон таруу*.

Из проса приготовляли также хмельной напиток *(бозо)*. Некоторые киргизы, по преимуществу бедняки-земледельцы, выделывали его для продажи.

В пищевом рационе у киргизов встречался и чай, часто с добавлением молока и соли. Более широко был распространен так называемый *куурма чай*, который употреблялся не только как напиток, но и входил в состав пищи.

В начале XX в. в киргизскую кулинарию начали проникать национальные блюда узбеков, уйгуров, дунган, русских (лагман, чучвара, мантуу, шувале, борщ, жаркое и др.).

Прикладное искусство

Изобразительное искусство киргизов, носившее прикладной характер, богато, самобытно и красочно. В нем особенно ярко проявилась высокая художественная одаренность народа. Многие его формы, возникнув в своей основе еще в глубокой древности, оказались жизнестойкими и бытовали в течение многих столетий.

В условиях кочевого образа жизни киргизы стремились создавать бытовые вещи, не только удобные при частых перекочевках, верховой езде или сидении на полу, но при этом еще и не ломающиеся, прочные при упаковке и переездах. В то же время эти предметы должны были удовлетворять эстетические потребности народа. Поэтому жилище, одежда, утварь, конская сбруя украшались орнаментом, вышивкой, аппликациями, чеканкой и т. д. Поколениями безвестных мастеров были созданы неповторимые, уникальные образцы народного искусства.

Произведением высокого прикладного искусства можно считать саму юрту и ее интерьер. В них отражены художественный вкус народа, своеобразный колорит, изящество форм. В украшении юрты сконцентрированы такие виды искусства, как резьба и роспись по дереву и металлу, художественное ткачество шерстяных и изготовление чиевых изделий, орнаментация и аппликация по войлоку и ткани, вышивка и узорное плетение и т.д.

Самым распространенным и ходовым материалом для создания бытовых изделий был войлок. Им покрывали юрту, из него шили одежду, сумки разных форм (*аяк кап, жапсар, текче* и др.) для хранения женских хозяйственных мелочей. Замечательными произведениями народного искусства в интерьере юрты являлись войлочные ковры для пола *(шырдак)*, широкие полосы, обертывающие изгибы купольных жердей юрты *(жабык баш)*. Техника их изготовления идентична: вырезание узоров из цветных войлоков и сшивание их, в результате чего получалась красочная кошма с контрастным сочетанием цветов. Таким же способом делали и указанные выше «мозаичные» сумки.

Не меньший уют и красоту убранству юрты придавала узорная кошма — *ала кийиз*. В ней отсутствовала четкость очертания узоров, характерная для войлочных мозаичных ковров-шырдаков.

Высокохудожественными являлись и многие изделия из ткани. типа *пиази* из тонкой однотонной и терме таар — цветной ткани

для одежды и убранства юрты. Для внутреннего украшения юрты применялись узорные ткани (*терме таар*) в виде полос различной ширины. Ими опоясывали решетчатую стенку (*тегирич*), связывали части юрты (*кереге боо, уук чалгыч*). Сшитые из узорных тканей различной величины паласы шли для покрытия пола и для изготовления лошадиных попон, парадных переметных сумок (*куржун*), различных мешочков для хранения вещей, продуктов и т. п. В южных районах широко бытовали красочные ворсовые ковры (*килем*).

Большой художественной выразительностью отличались изделия из чия. На простом сооружении из трех шестов искусные киргизские мастерицы создавали узорные циновки (*чырмалган чий*) для ограждения кухонной утвари и пищи (*чыгдан*), для покрытия решетчатой стены юрты и завешивания входа в нее (*эшик*), а также всевозможные футляры для предметов хозяйственного обихода.

Для циновок, цветных войлочных изделий, ворсовых и безворсовых художественных тканей характерна общность цветовых сочетаний — красного с синим, черного с белым и т. д. и узоров, в которых поэтизировалась окружающая природа, животный и растительный мир, различные предметы кочевого быта и хозяйства.

Кожаные и замшевые узорные потники (*тердик*) украшались серебряными пластинками. Из сыромятной кожи плелись сложные по техники плети (*камчы*), мастерились уздечки (*жүгөн*), подхвостники (*куюшкан*), подпруги (*басмайыл*).

На примитивном станке изготовляли и домашнюю утварь из дерева (*табак, аяк, кашык, чойчөк и т. д.*) Высоко ценилась посуда из арчи. Некоторые виды и формы такой посуды по своим художественным достоинствам не утратили своей привлекательности и сегодня.

Художественные изделия из металла — один из важнейших видов народного искусства киргизов — также достигли значительного совершенства. Художественное ремесло, связанное с обработкой металла, делилось у киргизов на две группы. К первой относилось изготовление и украшение предметов чисто утилитарного назначения — седел (*ээр*), стремян (*үзөңгү*), подпруг, подхвостников, уздечек, а также различных сундуков (*укок*), домашней утвари и т. д. Более всего киргизские мастера стремились художественно украсить конское снаряжение (*ат жабдыктары*). Выполнение такого заказа считалось почетным делом.

Вторую группу составляли предметы ювелирного искусства для украшения женской и мужской одежды, головных уборов и т. п. Это — браслеты (*билерик*), кольца (*шакек*), пуговицы (*топчу*), серебряные ободочки, обрамляющие головной убор женщины (*кыргак*), мужские пояса (*кемер*) и др. Все они имели множество вариантов и форм. С особым изяществом изготовлялись серебряные серьги (*сойко*), начиная от облегченных для

повседневного ношения и до самых парадных. Разнообразны по форме были женские накосные украшения (*чолпу*). Один из наиболее распространенных их видов состоял из множества треугольных или круглых серебряных узорных пластинок, скрепленных при помощи колец в три или четыре ряда. Основой другого вида (*чач учтук*) были снизки кораллов, иногда перемежавшихся с серебряными полыми бусинками, соединенными в пучки, или свободно спускавшимися, украшенными узорными серебряными пластинами и бляхами. Большим художественным вкусом отличались и броши (*төөөч*) для скрепления разреза ворота женского платья. Применявшиеся киргизскими ювелирами технические приемы — зернь, инкрустация, чернь, гравировка, чеканка и т. п. — свидетельствуют о вековых творческих традициях.

Многовековое этническое развитие киргизов, своеобразие естественно-географических условий их расселения, специфические черты социально-экономической жизни способствовали выработке самобытной киргизской национальной культуры. Вместе с тем кристаллизация многих ее элементов происходила в процессе взаимодействия киргизов с различными народами и этническими группами. Общие черты в хозяйстве, типах поселений, жилище, одежде, пище и других компонентах материальной культуры, объединяющие киргизов с другими тюркоязычными, ираноязычными, а также монголоязычными народами Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири, Центральной Азии, отражают их древние этно-культурные связи.

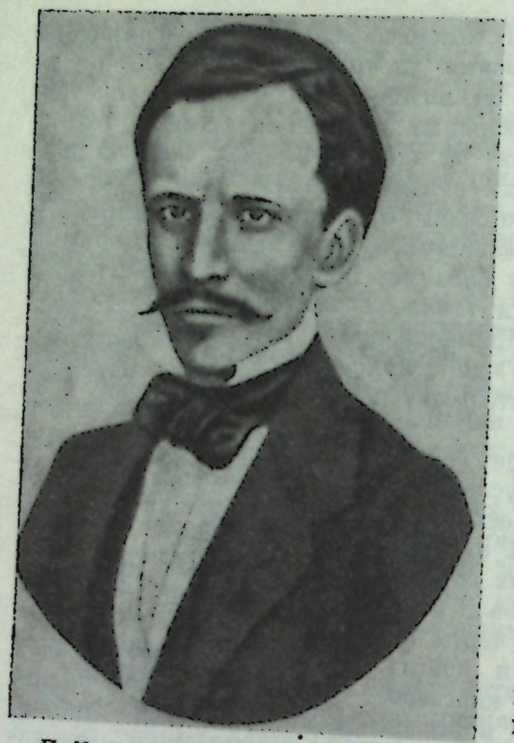
Материальная культура киргизского народа, сохраняя свою самобытность и традиционный характер, обусловленный решающим воздействием кочевого скотоводства и патриархально-феодальных отношений, вместе с тем претерпела в середине XIX — начале XX в. определенные изменения. Они были связаны с добровольным вхождением Киргизии в состав России, оказавшим прогрессивное влияние на материальную культуру, хозяйственный уклад и семейный быт киргизов.

2. Начало изучения природы и населения Киргизстана. Устное народное творчество, акынская поэзия и музыка

Изучение Киргизии русскими учеными

Уже в процессе добровольного вхождения киргизов в состав России русские ученые совершают первые научные экспедиции, знакомясь с почти неведомым науке краем и его коренными жителями. Отечественные путешественники и исследователи второй половины XIX — начала XX в. сыграли важную роль в первоначальном изучении Киргизии и в познании исторического прошлого киргизского народа.

«Значительный вклад внесли в это дело такие выдающиеся представители русской науки, как П. П. Семенов-Тян-Шанский,

П. П. Семенов-Тян-Шанский (1854 г.)

Н. М. Пржевальский, Н. А. Северцов, А. П. Федченко, И. В. Мушкетов, В. В. Радлов, В. В. Бартольд и другие. Благодаря их научным исследованиям, проникнутым глубоким гуманизмом, народы России, как и народы многих стран мира, получили яркое представление об истории и самобытной культуре киргизского народа»[9].

Честь открытия для науки Северного Тянь-Шаня принадлежит Петру Петровичу Семенову (1827—1914) — отважному пионеру из целой плеяды известных отечественных путешественников, участвовавших в научных экспедициях в Среднюю Азию (все они организовывались Русским географическим обществом (РГО).

П. П. Семенов был первым русским ученым, который достиг озера Иссык-Куль и провел его научное обследование. В сентябре 1856 г. в сопровождении небольшого казачьего отряда, направленного из Верного, он совершил две научные экспедиции — сначала к восточной оконечности Иссык-Куля — Тюпскому заливу, а затем — на северо-западное побережье озера[10]. Примечательно, что путешественник выступал не только как представитель русской науки, но и как удачливый посредник, способствовавший установлению добрососедского согласия между разобщенными киргизскими племенами Прииссыккулья, как искренний поборник их мирных, дружественных отношений с Россией и русским народом.

Экспедиция 1856 г. обогатила отечественную и мировую географическую науку достоверными сведениями о Прииссыккулье. В частности, П. П. Семенов установил, что р. Чу не имеет прямой связи с озером Иссык-Куль. Этим открытием был положен конец научным спорам об истоках р. Чу и доказано, что Иссык-Куль является бессточным водоемом.

Летом 1857 г. П. П. Семенов вместе со своим спутником томским художником П. М. Кошаровым, 12 киргизами-проводниками и полусотней казаков предпринял новое путешествие — уже

вглубь Тянь-Шаньских гор. Отправившись из Верного, экспедиция пересекла хребет Торуайгыр. П. П. Семенов первым из европейских географов увидел горную гряду Хан-Тенгри, достижение которой являлось одной из его главных задач. Отсюда он вышел в Тюп-Джергаланскую низину, к восточному берегу Иссык-Куля, а затем проследовал на юго-запад вдоль хребта Терской Ала-Тоо. С перевала Джуукучак (Заука) перед ним открылись верховья Нарына — район, практически неизвестный тогда географической науке. Преодолев перевал, путешественники вышли к Нарыну, а затем добрались к подножию склонов исполинской горной гряды Хан-Тенгри и впервые обследовали их. Спустившись на Сарыджаз, П. П. Семенов открыл там огромные ледники, один из которых был впоследствии назван его именем, но не нашел здесь ни действующих, ни потухших вулканов, что произвело настоящий переворот в представлениях тогдашней европейской географии о строении и особенностях Тянь-Шаня.

12 сентября 1857 г. П. П. Семенов и П. М. Кошаров, сделавший во время экспедиции многочисленные зарисовки посещенных ими местностей Киргизии и их коренных обитателей, благополучно возвратились в Верный с богатейшими ботаническими, зоологическими, энтомологическими, геологическими и другими коллекциями. Их материалы впервые отразили в систематизированном виде тяньшаньскую флору и фауну, многие виды которой были до этого не известны науке.

После возвращения в Петербург П. П. Семенов в 1859—1860 гг. и в последующие годы неоднократно предлагал царскому правительству организовать повторную экспедицию на Тянь-Шань, но эти планы не встретили поддержки. Тем не менее, будучи фактическим руководителем Русского географического общества, П. П. Семенов содействовал успеху целого ряда отечественных экспедиций в Среднюю и Центральную Азию, маршруты которых пролегали и через Киргизстан. По его инициативе и с его участием были изданы материалы многих видных русских путешественников, не говоря уже о таких капитальных работах, как «Географическо-статистический словарь Российской империи» (5 томов), «История полувековой деятельности Русского географического общества» (3 тома), «Живописная Россия», «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» и др., в каждой из которых содержался богатый фактический материал по Туркестану, включая и Киргизию. На склоне своих лет П. П. Семенов подготовил мемуары «Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах», впервые изданные в 1947 г. В них нашли отражение личные впечатления очевидца и свидетеля жизни, быта, хозяйственных занятий, различных сторон материальной и духовной культуры семиреченских казахов и киргизов, а также их взаимоотношения между собой и отношение к России.

Научный и гражданский подвиг ученого не был забыт. В полу-

вековой юбилей путешествия П. П. Семенова в Тянь-Шань, ученому, открывшему и описавшему эту величайшую горную страну, было по праву присвоено почетное добавление к его фамилии — «Тян-Шанский». Ярчайшим свидетельством доброй памяти и признательности трудящихся Советского Киргизстана этому замечательному сыну России служит торжественное открытие в год 60-летия образования СССР памятника ученому вблизи г. Рыбачьего в Прииссыккулье. На его постаменте выбито на киргизском и русском языках: «Великому русскому путешественнику от киргизского народа» (1982 г.).

Крупную роль в изучении Киргизии сыграл видный казахский ученый, путешественник и просветитель Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865). Впервые он посетил Киргизию в 1855 г., сопровождая в одной из поездок западно-сибирского генерал-губернатора. В мае—июле 1856 г. незадолго до путешествия П. П. Семенова, Ч. Ч. Валиханов принял участие в военно-научной экспедиции М. М. Хоментовского, имевшей целью укрепление связей иссык-кульских киргизов с Россией и проведение военно-топографической съемки оз. Иссык-Куль[11].

Участие в этой экспедиции позволило Валиханову провести рекогносцировку северо-восточной части Иссык-Куля, Тюпской и Джергаланской долин, а также подняться на перевалы хребтов Терскей и Кунгей Ала-Тоо. Помимо новых многочисленных сведений о природе этого своеобразного края в валихановском «Дневнике поездки на Иссык-Куль» с мастерскими авторскими зарисовками, и в оставшихся не оконченными «Записках о киргизах» сообщается немало интереснейших деталей о жизни, быте, духовной культуре киргизов[12]. 26 мая 1856 г. он первым записал отрывок из «Манаса» — величайшего героического эпоса киргизского народа, что образно приравнивают к открытию неизвестной страны.

В 1857 г. Ч. Ч. Валиханову вновь довелось побывать в кочевьях иссык-кульских киргизов перед своим путешествием в Кашгар (1858—1859 гг.). Во время этого путешествия он посетил такие неизвестные еще географам районы, как Заиссыккульские сырты, Ак-Сай, оз. Чатыр-Куль и среднее течение Нарына, подробно описав их природно-географические условия, флору и фауну. Путешественник оставил любопытные описания коренных жителей этого горного края, их жизни и быта, хозяйственных занятий, взаимоотношений с соседями, а также историко-археологических памятников, внимательно осмотренных во время поездки.

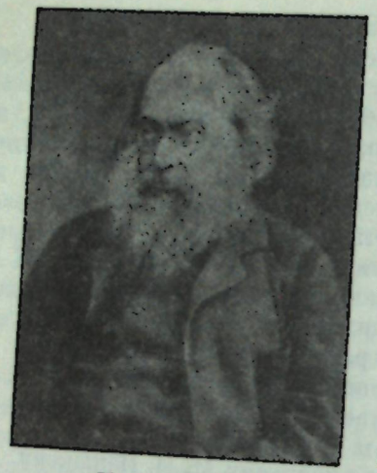
Многочисленные материалы, собранные Ч. Ч. Валихановым, нашли отражение в таких его трудах, как «Очерки Джунгарии» и «Отчет о состоянии Алтышара...», опубликованных в «Записках РГО» (1904 г.) стараниями русских ученых, и в первую очередь П. П. Семенова-Тян-Шанского.

В 1859 г. в г. Верном, сыгравшем значительную роль в научном исследовании Южного Семиречья (Заилийского и Зачуйского края и Прииссыккулья), были снаряжены еще две военно-научные экспедиции в Киргизию, частично повторившие первые маршруты П. П. Семенова к западной и восточной оконечностям оз. Иссык-Куль. Одну из них — восточную, по настоянию П. П. Семенова, возглавил ученый-геодезист штабс-капитан А. Ф. Голубев (1832—1866)[13], для которого П. П. Семенов разработал подробную инструкцию и наметил основные пункты маршрута. Путешественник провел геодезические съемки в этих пунктах, что позволило нанести на карту важные географические открытия П. П. Семенова. При этом А. Ф. Голубев производил барометрические и температурные измерения и вел общегеографические наблюдения по маршруту, а также отмечал характерные для кочевников-киргизов явления общественной и хозяйственной жизни, фиксировал древние памятники в районах Тюпа и Джергалана[14].

Другому молодому ученому — штабс-капитану М. И. Венюкову (1832—1901), зарекомендовавшему себя предшествующими исследованиями в Амурско-Уссурийском крае[15], было поручено общее руководство экспедицией, состоявшей из двух отрядов, направленных почти одновременно с отрядом А. Ф. Голубева в западную и восточную части оз. Иссык-Куль. Сам М. И. Венюков непосредственно возглавил западный отряд, которому предстояло определить силы и укрепления кокандцев в Чуйской долине и западном Прииссыккулье, а также выяснить отношение их жителей к России. Перед экспедицией были поставлены и научные задачи: обратить особое внимание на топографию местностей, а также «собрать возможно подробные сведения о племенах, живущих в стране, соседней с р. Чу и озером Иссык-Куль: в чем заключается сходство между этими племенами и отличительный характер каждого из них, нет ли у них различия в религии, правах и обычаях, живут ли они между собой в мире или вражде, что служит этому поводом и кто родоначальник в каждом племени»[16]. М. И. Венюков не только успешно справился с возложенными на него поручениями, но и опубликовал ряд работ, характеризующих своеобразие природы Северного Тянь-Шаня и особенности жизни и быта его населения[17].

В 1864 г. северо-западные районы Киргизии, отчасти пройденные ранее М. И. Венюковым, посетил выдающийся ученый-путешественник Николай Алексеевич Северцов (1827—1885). По поручению Русского географического общества он исследовал районы кокандских крепостей в долинах Чу, Таласа и Чаткала, хребты Северного и Западного Тянь-Шаня. При этом он обнаружил ряд полезных ископаемых, изучил растительный и животный мир края, а в дальнейшем на основе собранных материалов составил первую геологическую карту северных склонов хребта Киргизский Ала-Тоо.

В 1865—1868 гг. Северцов принял участие в Туркестанской экспедиции РГО, что позволило ему более подробно познакомить-

Н. А. Северцов
(фото 1880-х годов)

ся с природой и населением Центрального Тянь-Шаня. Выйдя 14 сентября 1867 г. из Верного с 15 путниками, он вскоре оказался на восточной оконечности Иссык-Куля, проследовал его южным берегом до р. Барскаун, а затем, круто повернув на север и перейдя хребет Терской Ала-Тоо, достиг тянь-шаньских сыртов. Эта знаменитая в истории географического изучения Тянь-Шаня экспедиция описана им в труде, скромно названном «Экскурсия на Нарын и Аксай». Помимо выяснения геологического строения, характера оледенения этой части Тянь-Шаня и природных особенностей сыртов, путешественник сделал немало ценных наблюдений, относящихся к флоре и фауне края. Труд Н. А. Северцова «Вертикальное и горизонтальное распространение туркестанских животных» и другие его работы по зоологии, написанные с дарвинистских позиций, принесли ученому широкую известность в научных кругах России и за рубежом. В 1875 г. за плодотворные исследования Тянь-Шаня Н. А. Северцову на Парижском географическом конгрессе была присуждена медаль первого класса.

Результатом Фергано-Памирской экспедиции Н. А. Северцова, состоявшейся в 1877—1878 гг., явились новые географические карты Памира, а также созданный им «Орографический очерк Памирской горной системы». За исследования Памиро-Алая путешественник был удостоен высшей награды Русского географического общества.

В 1879 г. Н. А. Северцов в последний раз посетил Семиречье, собирая дополнительные материалы для задуманного им, но так и оставшегося неоконченным из-за трагической смерти, обобщающего труда по географии Средней Азии. Самым же фундаментальным сочинением замечательного путешественника остается его «Путешествие по Туркестанскому краю...»[18], на страницах которого встречается немало ценных историко-этнографических сведений о жизни, хозяйственном укладе и быте киргизов, об интересах которых он проявлял искреннюю заботу.

Определенный вклад в географическое и естественно-научное изучение Тянь-Шаня внесли и участники военно-научных экспедиций 60—70-х годов XIX в. П. П. Проценко, В. А. Полторацкий, Я. Н. Краевский, А. В. Каульбарс, а также путешествовавшие в различные годы по Семиречью Ф. Р. Остен-Сакен, А. Э. Регель, А. А. Кушакевич, В. Н. Сорокин, И. В. Игнатьев, В. И. Липский, Л. С. Берг, С. Е. Дмитриев и целый ряд других исследователей.

А. П. Федченко

Блестящее начало научному изучению юга Киргизии положил еще во времена существования Кокандского ханства Алексей Павлович Федченко (1844—1873) — талантливый натуралист и ученый-путешественник[19]. Летом 1871 г. вместе со своей помощницей и женой Ольгой Александровной А. П. Федченко совершил большое путешествие в Кокандское ханство. Выступив из его столицы с небольшим караваном, путешественники вышли к предгорьям Туркестанского хребта и, следуя далее на восток — к Шахимардану, поднялись к гребню Алайского хребта и через перевал Тенгизбай (Исфайрам) — на Алай, где до них не бывало ни одного ученого. С перевала уже был виден Заалайский хребет, через который лежал путь к «заоблачной Памирской выси», но из-за противодействия кокандских чиновников проникнуть далее на юг — к неведомому Памиру путешественникам не удалось. Пришлось возвращаться назад в Ташкент, но при этом они посетили Ош, Гульчу и Узген. В пути О. А. Федченко сделала ряд зарисовок, в том числе видов Алая и Заалайского хребта, а также узгенских древностей, краткое описание которых оставил А. П. Федченко.

Все его путешествия, как отмечал впоследствии И. В. Мушкетов, «отличаются не обширностью маршрутов, а необыкновенной основательностью и поразительным разнообразием наблюдений, пройденные им пространства не велики, но добытые результаты настолько значительны, что сделали бы честь многолетней и многочисленной экспедиции»[20]. И действительно, только в заключительном своем путешествии А. П. Федченко открыл Заалайский хребет и его наивысшую точку — ныне пик Ленина, собрал обширные ботанические и зоологические коллекции, выяснил орографическое строение посещенных областей. Широкий диапазон научных интересов А. П. Федченко — от вопросов физической географии до этнографии среднеазиатского населения — отражен в его капитальном труде «Описание путешествия в Кокандское ханство». Эта книга (изданная посмертно во многом благодаря О. А. Федченко) представила огромный интерес для современников автора и не утратила своего историко-познавательного значения в наши дни.

С вхождением южно-киргизских земель в состав России создались благоприятные условия для продолжения исследований Восточного Прифергапья и Памиро-Алайской горной системы. В

Н. М. Пржевальский, 1877 г.

числе тех, кто продолжил начинания А. П. Федченко в этом регионе, были натуралист В. Ф. Ошанин, статистик Л. Ф. Костенко, зоолог Н. А. Северцов, акад. А. Ф. Миддендорф, геолог Д. Л. Иванов, путешественники Г. Е. Грум-Гржимайло, Б. Л. Громбчевский и многие другие. При этом г. Ош служил большей частью базой, начальным, транзитным и конечным пунктом маршрутов исследователей, и, естественно, они посвятили ему и его жителям, оказывавшим посильное содействие науке, ряд интересных описаний.

Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888), один из самых выдающихся путешественников XIX в., целенаправленным исследованием Семиречья не занимался, однако даже его кратковременное пребывание здесь проездом в Центральную Азию

Открытие памятника Н. М. Пржевальскому (26 июня 1894 г.)

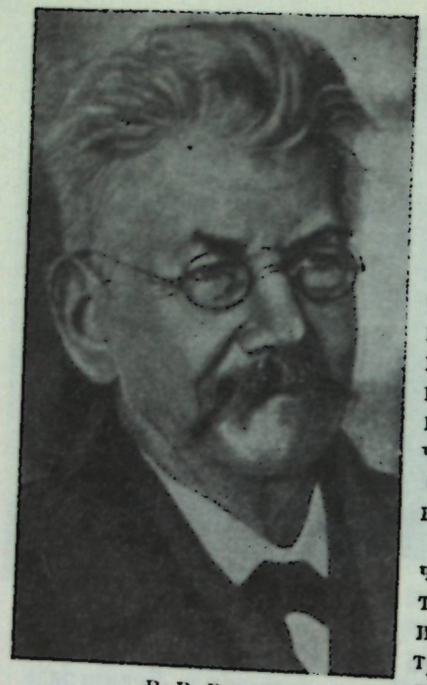
(1876 г.), а затем последующие недолгие посещения Чуйской долины и Прииссыккулья оставили заметный след в естественнонаучном изучении края. Об этом свидетельствуют полевые записи в экспедиционных дневниках о природе и населении северной части Киргизии, а также ценные ботанико-зоологические и другие материалы как самого Н. М. Пржевальского, так и его сподвижников по центральноазиатским путешествиям, базой которых служил Каракол (Пржевальск). В частности, многие такие материалы были сданы в музеи Москвы и Петербурга В. И. Роборовским и П. К. Козловым (1889, 1893 гг.), ряд интересных наблюдений общегеографического характера сделал М. В. Певцов (1889 г).

И. В. Мушкетов (Фото с портрета)

Впечатляющие памятники Н. М. Пржевальскому в Ленинграде и у его могилы на берегу Иссык-Куля, где он завещал себя похоронить, всегда будут служить свидетельством признания его заслуг и вклада Русского географического общества в целом в познание природы Средней и Центральной Азии.

Геологическое изучение Средней Азии значительно продвинуто трудами И. В. Мушкетова (1850—1902) и Г. Д. Романовского (1830—1906), заложивших основу для последующих геолого-стратиграфических и палеонтологических изысканий в Киргизстане. В 1875 г. горный инженер И. В. Мушкетов[21] предпринял из Ташкента первое крупное путешествие по Туркестану. Только в пределах Киргизии его маршрут охватил районы Сусамыра, Сон-Куля, Кочкорки и Иссык-Куля. Основные представления о геологическом строении края и его полезных ископаемых были изложены И. В. Мушкетовым в «Кратком отчете о геологическом путешествии по Туркестану в 1875 г.», представленном Петербургскому минералогическому обществу, которое опубликовало эту работу. В дневниковых записях экспедиции нашли отражение не только геологические материалы, но и впечатления о встречах с коренными жителями края, их промысловых занятиях и т. п. Уже первые шаги на поприще геологического изучения Туркестанского края принесли И. В. Мушкетову широкую известность: он был избран членом РГО и награжден серебряной медалью общества. В путешествии 1877 г. нелегкие дороги И. В. Мушкетова пролегали через Алайский и Заалайский хребты на Памир. Возвратившись оттуда в Ош, он исследовал

В. В. Радлов

Ферганский хребет и Чаткал, а в следующем году, изучая геологию Восточной Ферганы, побывал также на оз. Чатыр-Куль, в долинах рек Арпы и Алабуки.

Почти одновременно с И. В. Мушкетовым, работавшим в основном на юге края, геолого-палеонтологические изыскания в Семиречье в 1878—1879 гг. вел петербургский профессор Г. Д. Романовский, данные которых легли в основу составленной им совместно с И. В. Мушкетовым геологической карты Средней Азии (1884 г.) — лучшей за весь дореволюционный период.

В 1887 г. состоялась заключительная поездка И. В. Мушкетова в Семиречье, связанная с изучением Верненского землетрясения. Одним из ее важных научно-практических результатов явилось создание по предложению И. В. Мушкетова ряда сейсмических станций в Средней Азии, в том числе в г. Оше. Научным итогом всех работ И. В. Мушкетова в крае должно было послужить задуманное им, но незавершенное трехтомное исследование «Туркестан».

Заметный след в изучении киргизского языка и богатого устного поэтического народного творчества киргизов оставил известный ученый-тюрколог В. В. Радлов (1839—1918), дважды посетивший Киргизию в 60-е годы XIX в. Во время первой поездки в Семиречье в 1862 г. он записал на Каркаре от неизвестного киргизского сказителя отрывок из «Манаса». Побывав в дальнейшем второй раз в Чуйской долине (1869 г.) и прожив около месяца среди киргизов в районе Токмака, В. В. Радлов значительно пополнил собранные материалы. «Богатая эпическая поэзия этого народа дала мне,— писал он в 1870 г.,— довольно обильную жатву, не только важную для лингвистов, но и интересную для исследователя мифов и народной поэзии»[22].

Важную роль в изучении исторического прошлого киргизского народа сыграли работы выдающегося представителя петербургской школы востоковедения акад. В. В. Бартольда (1839—1930). Интерес к истории Киргизстана он проявил еще в молодости во время первых посещений Киргизии в 1893—1894 гг. (Таласская и Чуйская долины, Прииссыккулье и Центральный Тянь-Шань) и в 1902 г. (г. Ош). Активное участие в работах историко-археологической экспедиции в Семиречье в 90-годах XIX в.,

возглавляемой В. В. Бартольдом, приняли художник-фотограф С. М. Дудин и Б. П. Ковалев, немало способствовавшие выявлению и обследованию памятников истории и культуры края. Огромный материал, собранный В. В. Бартольдом и его спутниками во время этой экспедиции, получил отражение в «Отчете» о ее результатах, содержавшем ранее мало известные, а подчас и вообще не известные науке многие важные факты из древней и средневековой истории Киргизии. Их систематизированная сводка легла в основу написанного В. В. Бартольдом «Очерка истории Семиречья (1898 г.). Впоследствии его многочисленные разыскания по истории киргизов и Киргизстана до вхождения края в состав России были обобщены в специальном очерке «Киргизы» (1927 г.).

В. В. Бартольд (Фото с портрета)

Среди художников второй половины XIX — начала XX в., посетивших Киргизию, особое место занимает один из крупнейших мастеров русской батальной живописи В. В. Верещагин (1842—1905). После своих путешествий по Средней Азии в 1867—1870 гг. он представил на организованную им в Петербурге Туркестанскую выставку (1872 г.) произведения среднеазиатского цикла. Эти работы, как и расположенные в других залах выставки зоологические коллекции Н. А. Северцова и геологические образцы горного инженера Татаринова (Ташкент), собранные лично художником и другими «туркестанцами» бытовые предметы (изделия местных кустарных производств, оружие и национальные украшения), вызвали большой интерес жителей столицы, а также многочисленные отклики в прессе. В художественном наследии В. В. Верещагина большое место занимают написанные им после путешествий по Киргизии в 1869—1870 гг. картины, рисунки и этюды, в которых получили отражение разнообразные ландшафты Киргизии («Берег озера Иссык-Куль», «Проход Барскаун» и др.) этнические типы ее коренного населения. Эти произведения художника ныне украшают крупнейшие музеи изобразительного искусства в Москве, Ленинграде, Одессе, Фрунзе и других городах нашей Родины.

Изобразительная панорама дореволюционного Киргизстана складывалась из творческого наследия русских и отчасти немногих иностранных художников-профессионалов и любителей-зари-

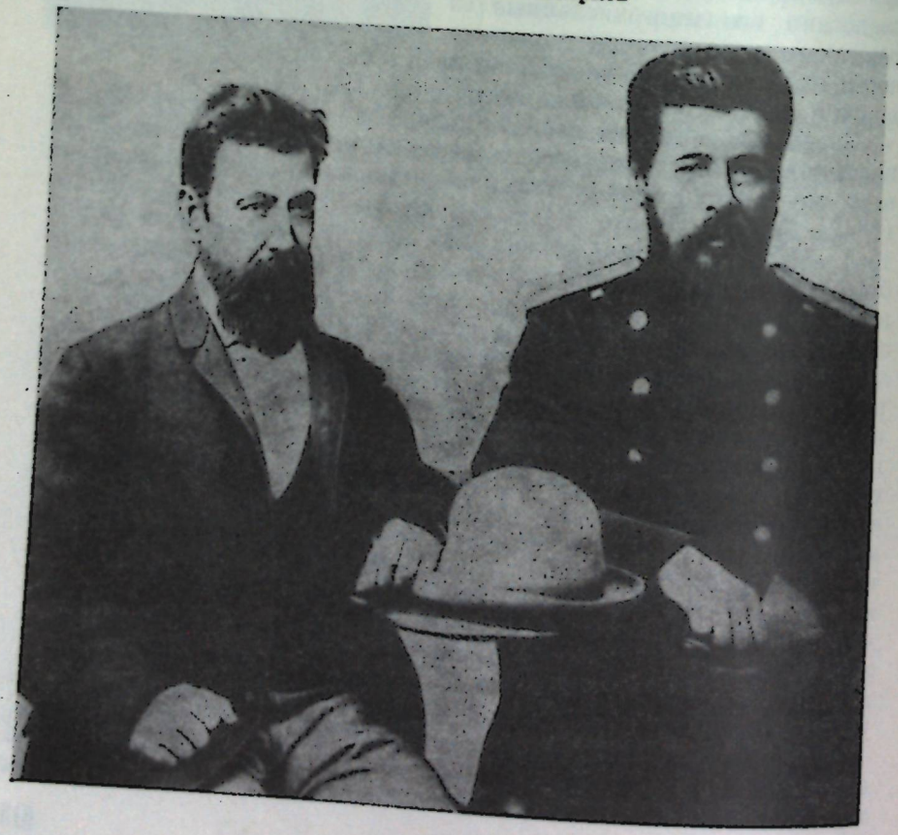

В. В. Верещагин (1863 г.)

совщиков, участвовавших в научных экспедициях, либо путешествовавших самостоятельно. Их картины, рисунки и книжные иллюстрации знакомили современников в России и за ее рубежами со своеобразной природой горного края, жизнью и повседневным бытом киргизского народа дореволюционного времени.

Немалый вклад в изучение Киргизстана и его населения внесли семиреченские и ферганские энтузиасты-краеведы, в том числе Н. Н. Пантусов и Н. А. Аристов (Верный), В. А. Каллаур (Аулие-Ата), Ф. В. Поярков и А. М. Фетисов (Пишпек), Я. И. Корольков (Пржевальск), В. П. Ровнягин (Токмак), Б. Л. Громбчевский (Ош) и др. Так, Пантусов, Фетисов и Поярков вели археологические раскопки и разведки в Чуйской долине, районах Прииссыккулья и Внутреннего Тянь-Шаня; Каллаур занимался выявлением различных памятников древности в Таласе; Фетисов, известный преимущественно своими геоботаническими экскурсиями по Киргизии, общаясь с киргизами, записывал еще и народные легенды, также как и пржевальский географ-климатолог Корольков и собиратель различных коллекций в окрестностях Токмака Ровнягин.

А. М. Фетисов и Ф. В. Поярков

В 1908—1916 гг. в Киргизии и сопредельных с ней областях Средней Азии и Казахстана активно проводились естественно-исторические и статистико-экономические исследования, развернутые партиями Переселенческого управления, изыскателями Чуйской оросительной системы (ЧУПРа) и Семиреченской железной дороги. Среди руководителей и активных участников проводившихся в Киргизии исследований были П. П. Румянцев, В. Е. Недзвецкий, В. В. Заорская (статистики и экономисты), Б. А. Федченко, В. В. Сапожников, М. М. Советкина (ботаники), С. С. Неуструев, Л. И. Прасолов, А. И. Бессонов (почвоведы), В. Н. Шнитников (зоолог), Д. В. Наливкин, Д. И. Мушкетов, К. Н. Аргентов (геологи), В. А. Васильев (инженер-гидротехник) и многие другие. Собранные исследователями ботанические, зоологические, геологические и другие коллекции поступали в академические и университетские музеи Москвы, Петербурга, Томска, а также в Ташкент и Верный. Хотя эти исследования были организованы прежде всего в интересах царизма и российской буржуазии, тем не менее они способствовали более глубокому познанию Киргизии, как и Туркестанского края в целом.

Таким образом, исследования природы и населения Киргизии после ее вхождения в состав России заметно продвинулись благодаря усилиям передовых русских ученых, а также активной деятельности местных краеведов и при немаловажном содействии знатоков горного края из числа коренных жителей. «Вместе с появлением русских на киргизской земле начали пробиваться тогда еще слабые ростки культуры и просвещения. Не царизм и его сатрапы, а передовые представители России несли эту культуру. Выдающиеся русские ученые-исследователи — Мушкетов, Северцов, Федченко, Семенов-Тян-Шанский, Пржевальский — первые раскрыли и описали несметные богатства нашего края,— писали трудящиеся Киргизской ССР Советскому правительству в день празднования двадцатилетия республики 1 марта 1946 г. — История киргизов впервые стала известна миру на русском языке»[23].

Устное народное творчество. Усиление социальных мотивов

Киргизский народ — наследник большой, самобытной духовной культуры. На протяжении своей многовековой истории он создал многие шедевры устного творчества и один

Манасчи Сагынбай Орозбаков

из величайших эпосов мира — «Манас». Народ постоянно обогащал, отшлифовывал свое духовное богатство, передавая его из поколения в поколение[24].

Не удивительно, что популярнейший среди киргизов эпос «Манас» привлек, как уже отмечалось выше, пристальное внимание путешественников и исследователей Киргизии второй половины XIX — начала XX в. Так, Чокан Валиханов, проявивший особый интерес к эпосу «Манас», оценивал его как «энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса». По его мнению, это нечто вроде степной «Илиады». Ч. Валиханов отмечал, что «образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли свое выражение в этой огромной эпопее», а «...эпос «Семетей» служит продолжением «Манаса» и это — бурутская Одиссея»[25].

Известный востоковед В. В. Радлов, как указывалось, записал сокращенный вариант эпоса, который был опубликован в 1885 г. на киргизском языке в русской транскрипции, и одновременно осуществил его перевод на немецкий язык. Высоко оценивая киргизскую поэзию, В. В. Радлов отмечал, что «у киргизов эпос цветет в полном смысле слова»[26]. В «Манасе» он видел «поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа»[27].

Небольшой отрывок из «Манаса» («Прощание Манаса с сыном»), записанный венгерским ученым Г. Алмаши, был напечатан в немецком переводе в востоковедческом журнале «Keleti szemle» в Будапеште в 1911 г.[28] Обнаруженные в разных архивах материалы свидетельствуют, что отрывки из эпоса «Манас» под названием «Кыса-и Сайкал» были изданы (арабским шрифтом на киргизском языке) в 1896 г. в типографии Казанского университета; еще один отрывок из «Манаса» увидел свет в 1899 г. также в Казани (типография К. Чирковой)[29]. Киргизским эпосом интересовался и русский художник Б. В. Смирнов. Будучи с экспедицией в 1903 г. в Пишпеке, он встретил здесь известного в Чуйской долине сказителя Кенже-Кара и записал на фонографе исполнение им отрывков из «Семетея», которые затем были помещены художником в 1914 г. в его книге «В степях Туркестана», изданной в Москве[30].

Поскольку «Манас» бытовал в классовом обществе, он испытывал активное воздействие со стороны бай-манапской эксплуататорской верхушки, которая стремилась приспособить народный по своему происхождению эпос к своей феодальной идеологии. «...Эта эпическая сага,— заметил еще Ч. Валиханов,— очевидно, и подвергалась новейшим добавлениям, вставкам и исправлениям в позднейшее время...»[31] На это же указывал и В. В. Радлов, сообщая, что сказитель, которого он слушал, из внимания к нему как гостю из России, ввел в свою песню новый эпизод[32].

Наряду с «Манасом» у киргизского народа продолжали бытовать эпосы так называемых «малых» форм, такие как «Эр-Тоштюк», «Джаныш и Байыш», «Курманбек», «Эр-Табылды», «Жаныл-Мырза» и др. Главные их герои — защитники интересов народа, выразители его чаяний.

Среди широко распространенных эпических поэм с социально-бытовым и сказочно-романтическим содержанием выделялись «Олджобай и Кишимджан», «Сарыжи-Бокой», «Мендирман» и др., которые обычно исполнялись на народных торжествах и семейных вечерах и по своему характеру приближались к своеобразному жанру народных романов, включавших в себя приключенческие сюжеты, семейно-бытовые конфликты и т. п. Прежней популярностью у народа пользовалась поэма «Кедейкан» — образец социальной сатиры, обращенной против угнетателей. Большой интерес вызывали у слушателей и сказочно-фантастические поэмы «Кожожаш» и «Молдожаш», а также «Карагул, ботом», повествовавшая о жестоких притеснениях калмыкских феодалов-завоевателей.

«Подлинную историю трудового народа,— говорил М. Горький,— нельзя знать, не зная устного народного творчества... От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории»[33]. И действительно, нельзя изучать историю киргизов, не учитывая, какую оценку тому или иному явлению и событию в жизни общества давал сам трудовой народ — подлинный творец истории. Устное творчество киргизского народа, не имевшего в то время своей письменности, является неоценимым источником для изучения его прошлого.

В целом киргизский фольклор отличается большим разнообразием. Наряду с героическими поэмами, преданиями, сказками значительное развитие в устном творчестве киргизского народа получили также лирические, трудовые и бытовые песни.

Продолжали бытовать и такие песни, как «Бекбекей», «Шы-

рылдаң», «Оп-майда!», отражавшие трудовую деятельность народа и потому любимые им.

Ведущую роль в песенном жанре занимали лирические любовные песни *(сөкетбай* и *күйгөн)*, а также песни-жалобы *(арман)*, в которых рассказывалось о нужде, бедности, насильственном замужестве и т. д. К песням-жалобам примыкали песни-прощания *(коштошуу)*, исполнявшиеся при расставании с родным краем, народом, близкими, любимой.

Среди бытовых песен видное место занимали причитания и обрядовые песни, которыми обычно сопровождались свадебные и погребальные ритуалы. Перед отправлением невесты из родительского дома в дом будущего мужа ее мать, родственницы и подруги пели трогательные песни-плачи — *коштошуу (кошок)*. В них содержались наставления дочери, как вести себя в доме мужа, и просьбы к его родителям хорошо обращаться с невесткой. Трогательной любовью к детям проникнуты колыбельные песни *(бешик ыры)*.

Среди обрядовых песен большой художественной силы достигали слагавшиеся женщинами похоронные плачи *(кошок)*. В одних случаях это были причитания — короткие, грустные, заунывные, в других — песни типа элегий, подробно повествующие о жизни покойного. Такие плачи зачастую сочинялись профессиональными певцами *(кошокчу)* по заказу феодалов для прославления «заслуг» того или иного манапа или бая и использовались для укрепления авторитета и власти социальной верхушки. Причитания, исполнявшиеся в дни поминовения умерших, нередко перерастали в особые поминальные песни *(жоктоо)*.

Тяжелое положение трудящихся масс и влияние религиозных верований обусловливали живучесть и распространение песен, связанных с религиозными обычаями и обрядами. К их числу относилось сказание «Жарамазан», состоявшее из цикла обрядовых песен. Эти песнопения имели прямую связь с религиозным обычаем, согласно которому в дни поста каждый правоверный мусульманин на просьбы бедных и нищих должен был ответить милостью и щедрыми подаяниями *(кайыр-садага)*.

Специфическую разновидность устного творчества представляли песни-состязания *(айтыш)*, исполнявшиеся во время своеобразных поэтических и музыкальных турниров между народными поэтами-акынами. Киргизские манапы культивировали особый жанр песен-восхвалений *(мактоо)*. В таких песнях воспевались «достоинство» и богатство манапов и баев. Иногда исполнители унижали честь одного из манапов или баев перед другим. Такие песни-издевки назывались *кордоо*.

Бытовали и молодежные песни, которые пелись обычно во время свадебных пиров *(той)*, в ходе игр «целование девушки» *(кыз обуш)*, «качание на качелях» *(селкинчек)* и т. д. Нередко устраивались девичьи словесные состязания *(акый* или *акыйнек)*.

Большое место в киргизском устном творчестве продолжали

занимать сказки, пронизанные светлым оптимизмом и выражавшие надежды народа на счастливое будущее. По содержанию их можно разделить на сказки для взрослых, для детей, волшебные сказки, бытовые, сказки о животных и т. д. Сопутствуя жизни, сказки киргизов в своеобразной форме отражали борьбу трудящихся против эксплуататоров — ханов, царей и их прислужников, клеймили их алчность, вероломство и одновременно формировали представление народа о достойном правителе, как о человеке мудром, справедливом, понимающем нужды подданных и пекущемся о них. Киргизские сказки имели также большое познавательное значение. В. И. Ленин отмечал, что на материале сказок и других произведений устного народного творчества «можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных»[34].

Важным результатом вовлечения Киргизии в сферу экономического и культурного развития России, общения киргизского и русского народов является формирование общественной мысли киргизского народа, возникновение в его среде идейных течений, выражавших позиции разных социальных групп общества.

Борьба реакционных и прогрессивных идейных течений находила яркое отражение в устном народном творчестве. Следует учитывать, что на протяжении столетий идейную направленность творчества многих сказителей, певцов и акынов определяли манапы и бан. «...Класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества,— указывали К. Маркс и Ф. Энгельс,— есть в то же время и его господствующая *духовная* сила»[35].

Во многих песнях и сказках, пословицах и поговорках, баснях и былинах и т. д. звучал протест против эксплуатации и издевательств со стороны представителей бай-манапской верхушки. Но народные массы не видели еще ясных и четких путей преодоления социального зла и свои надежды и мечты о лучшей жизни подчас связывали с верой в деяния добрых и справедливых ханов и манапов. Лишь постепенно в народном сознании созревало понимание истоков социальной несправедливости.

Киргизскому народу были широко известны, например, такие старинные песни, как «Жалобы девушки» и «Песня пастуха». В первой из них женщина, печалясь о своей судьбе, проклинала несправедливость отца, отдавшего ее за старого бая. В «Песне пастуха» воспевалась тяжелая доля бедняка.

Критика алчности и произвола эксплуататорской верхушки и представителей мусульманского духовенства содержалась в баснях, в сказках и т. д. Например, в народной сказке «Жээренчечен и его споха» рассказывается о находчивой, умной женщине, благодаря которой был свергнут ненавистный хан, а вместо него ханом провозглашен смелый джигит, вышедший из народа. А в сказке «Койлубай» и подобных ей звучат мотивы социальных противоречий и отрицательного отношения к исламу и мусуль-

манскому духовенству[36]. В сказках «Алдар Косе» («Безбородый обманщик») раскрывается внутренний мир простых людей, их талант, разум, возвеличивается труд народа и клеймится позором пустая, праздная жизнь представителей господствующих классов.

Отношения различных социальных групп киргизского народа между собой и к новым явлениям общественной жизни отражались в пословицах и поговорках второй половины XIX — начала XX в.

Примечательно, в частности, осуждение в устном народном творчестве стяжательства и лицемерного благочестия духовенства. По мере все большего сближения киргизов с представителями трудового русского крестьянства и ознакомления с его хозяйством, передовой русской культурой стало воспеваться превосходство научных знаний перед религиозными догмами и темнотой.

Мотивы социального неравенства содержатся в таких народных музыкальных произведениях, как «Койчулардын конур күү» («Пастушеская мелодия»), «Көкөй кести» («Горе от печали»), «Жетим баланын ыйы» («Плач осиротевшего мальчика»), а также в сатирических произведениях Куйручука, Джоошбая и других народных комиков.

Феодально-буржуазные идеологи

В творчестве акынов второй половины XIX и начала XX в. существовало течение, представители которого занимали консервативные, реакционные позиции. Выражая интересы феодальной верхушки, они осуждали стремление киргизского народа к добровольному вхождению в состав России, призывали его ориентироваться на отсталые восточные деспотии — Кашгарию и Турцию. Время наступивших перемен в жизни киргизов эти акыны изображали как приближение конца мира (акыр заман, тар заман, зар заман), воспевали патриархально-феодальный строй, считая его незыблемым и самым справедливым. Они ясно видели обострение социальных противоречий в киргизском обществе, причины которых искали в отступлении от предписаний религиозных догм ислама, от вековых традиций и норм адата.

Видным идеологом феодально-байской верхушки в Киргизии был Калыгул Бай уулу (1785—1855), по своему происхождению принадлежавший к среде крупных феодалов. В своем произведении «Акыр-заман» («Конец мира») он, с одной стороны, осуждал феодальные междоусобицы и призывал манапов к мирной жизни, с другой — считал их «хорошими» и «добрыми» правителями, якобы отечески заботящимися о благе бедных «сородичей». Поэтому он и обращался к совести знатных и богатых, рассматривая моральный фактор как единственно действенное средство облегчения тяжкой участи народа. Причем Калыгул даже предупреждал, что «Кедеи и рабы отомстят манапу». Выход из создавшегося положения он усматривал в возврате к старине, в соблюдении вековых традиций.

Сходные с Калыгулом позиции занимал акын-заманист Арстанбек Бойлош уулу (1824—1878). В произведении «Тар заман» («Эпоха безысходности») Арстанбек выступал защитником патриархально-родового уклада жизни, идеализировал «эпоху дедов», когда якобы «не было различий между беднякими и богатыми, между рабами и баями». В основном он был поборником вековых патриархально-феодальных устоев. Как и Калыгул, он призывал киргизский и казахский народы создать мусульманское государство под эгидой кашгарского правителя.

Известным акыном начала XX в. являлся Молдо Кылыч Шамырканов (1866—1917). Идейные мотивы заманистов характерны и для его творчества. Из произведения «Буркуттун тою» — «Пир пернатых» и др. видно, что виновниками бедственного положения народа он иногда считал манапов: «Горюют бедняки от тягостной тирании». Но вместе с тем он полагал, что зло кроется не в общественном строе, а лишь в поведении отдельных лиц, и борьба с ним почти безнадежна. Молдо Кылыч жил в то время, когда влияние российского капитализма все более ощутимо сказывалось на хозяйстве Киргизии. Это отразилось в его поэме «Чүй баяны» («Сказание о Чу»), где, как он полагал, развитие товарно-денежных отношений вполне допустимое средство достижения материального благополучия. Однако акын не был последователен в своих взглядах. Вхождение Киргизии в состав России, по его мнению, нанесло удар по старому «доброму» времени. Не был чужд он и идеологии татарских и казахских буржуазных националистов, панисламизма и пантюркизма.

Одним из выразителей феодальной и сторонником зарождавшейся киргизской буржуазной идеологии был Осмоналы Сыдыков. Воспитанник новометодной школы, он издал книги: «Муктаси тарихи Кыргызия» («Краткая история киргизов») и «Тарихи кыргыз Шадмания» («История Шабданов»), в которых восхвалял крупного манапа Шабдана Джантаева, твердил о главенствующей роли манапов, «великих ханов, беков, датха». А народ считал беспомощной и темной массой. В своих писаниях он пытался обосновать положение о бесклассовости киргизского и казахского народов как в прошлом, так и в настоящем, и по существу проповедовал буржуазно-националистические взгляды о некоей «единой» мусульманской нации и ее самостоятельном развитии. Вместе с тем он положительно отозвался о провозглашении царского манифеста 17 октября 1905 г., рассматривая его как проявление божественной милости, как доказательство «справедливости белого царя»[37]. Сыдыков защищал робкие реформы в области просвещения и призывал правящую верхушку к преодолению отсталости и невежества.

Акыны-демократы

Общение с представителями русского трудового народа, знакомство с передовой русской культурой и общественно-политической жизнью России расширяли кругозор киргизского народа, из среды которого выделилась группа талантливых акынов-демократов, носителей идео-

логии общественного прогресса, защитников интересов трудящихся масс. Их имена и творчество и поныне продолжают жить в народе, хранящем добрую и светлую память о лучших и верных своих сынах.

Акыны-демократы не только повествовали о тяжелом положении и политическом бесправии трудящихся, но все чаще и все более решительно, подчас очень остро и бесстрашно, обличали манапов и баев, царских чиновников как виновников бедствий и страданий обездоленных масс, осуждали социальную несправедливость, воспевали дружественные и добрососедские отношения между народами, их стремление к свободе. Вникая в сущность происходящих перемен, акыны-демократы видели в приобщении к передовой культуре России одно из благоприятных условий хозяйственного и культурного роста своего народа.

Конечно, не каждый из прогрессивно-мысливших акынов, считавших своим почетным долгом служение народу, был от начала и до конца последователен в отрицании социального зла и воспевании борьбы с ним. В отдельных случаях в их творчестве проскальзывали настроения покорности судьбе, сказывались отголоски вековых религиозных и других предрассудков, нечеткость в оценке соотношения классовых сил, наличествовало недостаточное понимание реальных, наиболее действенных путей и средств достижения лучшего будущего.

Все это было естественно и объяснимо, но главное, решающее в оценке творчества акынов-демократов заключается не в его социальной ортодоксальности, а в общей идейной направленности, в искреннем стремлении к лучшей доле родного народа, к облегчению его бед и страданий, в глубокой вере в таящиеся в нем созидательные силы, в неизбежность прихода счастливой жизни для рядовых киргизских тружеников.

Наиболее ярким представителем демократического направления в киргизской поэзии был акын и композитор Токтогул Сатылганов (1864—1933). Он родился и вырос в горной долине Кетмень-Тюбе в семье бедняка Сатылгана Токсонбаева. Нужда заставила двенадцатилетнего Токтогула стать пастухом у бая. Живя среди пастухов, Токтогул рано познал все тяготы их жизни.

Ненависть к богачам и возмущение социальной несправедливостью Токтогул начал выражать в своих песнях. Уже в пятнадцать лет он приобрел известность как поэт и музыкант, его приглашали на *той* (народные торжества), *аш* (поминки) и *кыз оюну* (молодежные игры). Здесь же он учился мастерству у опытных певцов и комузистов. Изо дня в день росла популярность Токтогула. Он становится акыном-профессионалом. Народ называет его *булбул* (соловей).

Токтогул пел преимущественно о труде, о жизни простых людей, их справедливости и мужестве. Он считал, что источником всего, что создано народом, является труд. Свободолюбивый певец смело выступил против произвола и зверства манапов

Кетмень-Тюбинской долины, обличая их гнусные поступки, алчность и праздность в песне «Беш каман» («Пять кабанов»). Токтогул зло и остро бичевал жадность, ханжество и лицемерие представителей мусульманского духовенства. Широкой известностью пользовалась, например, его сатирическая песня «Иман Калпа». Токтогул обличал и паразитическую сущность ростовщиков в песнях «Ростовщик Чакырбай», «Ростовщик Муратбек», «Наставление» и др.

Токтогул Сатылганов

Свободомыслие Токтогула, смелое разоблачение эксплуататоров вызывали их жгучую ненависть к поэту. Сыновья манапа Рыскулбека, давно таившие злобу на непокорного певца, получили возможность расправиться с ним. По их доносам Токтогул был ложно обвинен как один из активных участников Андижанского восстания 1898 г. и приговорен к смертной казни через повешение (впоследствии казнь была заменена семилетней ссылкой в Сибирь). Отправляясь на каторгу, Токтогул создал глубокие по содержанию и впечатляющие по эмоциональной силе песни «Прощай, мой народ!», «Прощай, мать!»

Мучительной была последующая жизнь акына. Но ни строгий тюремный режим, ни побои и унижения не сломили Токтогула, не заставили его отступить от своих демократических убеждений.

Начался новый период в творчестве Токтогула. В общении с политическими заключенными разных национальностей он вырос духовно. Так, в песнях, сложенных в Сибири, Токтогул, говоря о царе, называет его тираном. Являясь свидетелем безмерных страданий представителей разных народов страны, акын пришел к осознанию общности их судеб. Это видно из таких его песен, как «Тюремные жалобы», «В ссылке», «Песня узника», «Сильное желание» и др. В одной из них говорится:

Казак, кыргыз, өзбектен,
Орус менен погойдон
Карасам адам коп экен,
Кайгы тартып мен оңдуу
Кармалып келген эл экен.

Вижу: рядом казах,
Русский, киргиз, узбек.
Вижу: стоят вокруг
Несчастные, как и я.
Каждый мне брат и друг.
Узники, как и я.

Байымбет Абдрахманов (Тоголок Молдо)

По возвращении в 1910 г. после долгих скитаний по Сибири и казахским степям на родину Токтогул тепло вспоминал и благодарил в своих песнях русских друзей — Семена и Харитона, которые организовали ему побег с каторги, указали дорогу, помогли продуктами и деньгами.

В своих песнях Токтогул называл русского царя Николая II «зулум падыша» (царем-злодеем), видя в нем врага не только киргизских и казахских бедняков, но и русских рабочих и крестьян.

Родоначальник новой, демократической киргизской поэзии, Токтогул взрастил целую школу акынов, певцов, музыкантов. Его достойными последователями и учениками были Тоголок Молдо, Барпы Алыкулов, Калык Акиев, Алымкул Усенбаев, а также Эшмамбет Толтоев, Коргол Досуев и др.

Большую роль в развитии демократического направления в киргизской поэзии сыграл акын-письменник, поэт-просветитель Байымбет Абдрахманов (1860—1942), вошедший в литературу под именем Тоголока Молдо. Он родился в местности Куртка в долине р. Нарын, в трудовой киргизской семье, некоторое время обучался в мектебе, в восемнадцать лет стал слагать стихи. В 1878 г. Тоголок Молдо переезжает сначала к дальним родственникам в Джумгал, а затем в Чуйскую долину и поселяется близ г. Токмака. Здесь он батрачил сначала у киргизского манапа, потом у дунганского богача и русского кулака. В 1887 г. Тоголок Молдо возвратился в родной аил уже зрелым мастером.

Тоголок Молдо все более смело обличал злодеяния тиранов Касымбека и Калпы, а также других манапов, баев и духовенство, которые расправлялись над безвинными, грабили и разоря-

Женская киргизская народная одежда (конец XIX-начало XX в.) (С рисунка Б. Каракеева)

Мужская киргизская народная одежда (конец XIX-начало XX в.) (С рисунка К. Караяева)

Интерьер внутреннего убранства юрты (XX в.)

Туш-кийиз. Вышивка по бархату. Фрагмент (конец XIX-начало XX в.)

Шырдак — войлочный орнаментированный ковер (начало XX в.)

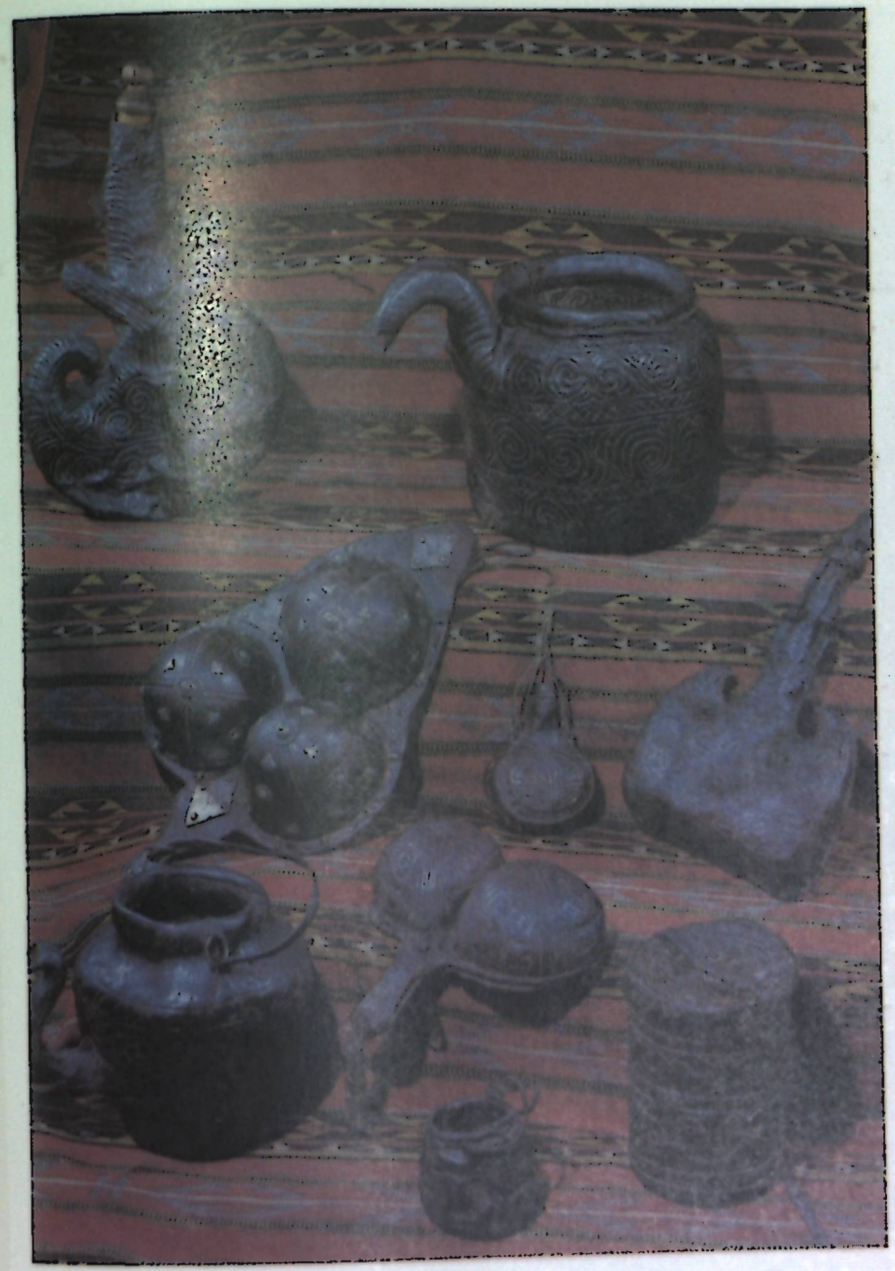
Полосы узорных шерстяных тканей (начало XX в.)

Канат-чий — узорная циновка (начало XX в.)

Деревянная хозяйственная утварь (конец XIX-начало XX в.)

Кожаная хозяйственная утварь (конец XIX-начало XX в.)

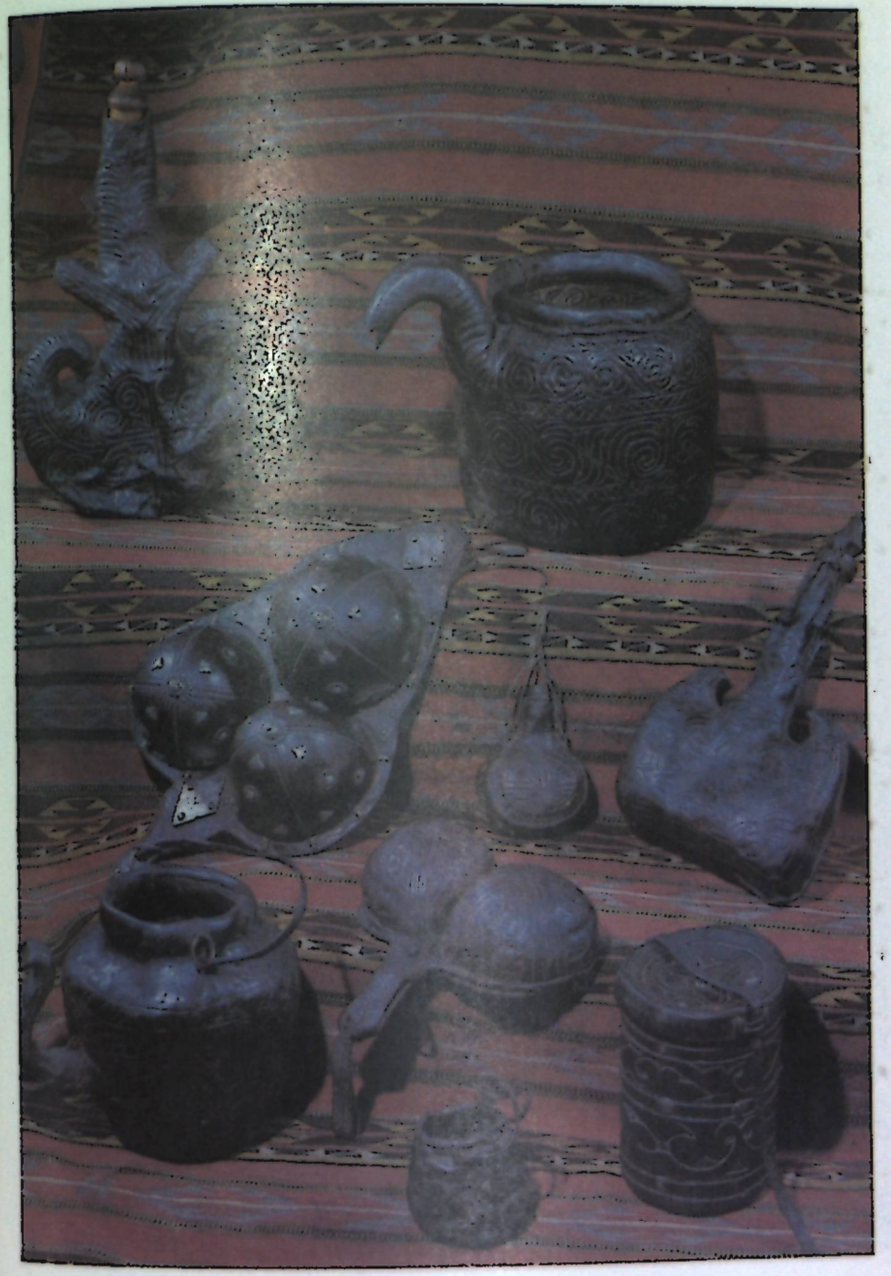
Предметы конского снаряжения. Кожа, серебро, сердолик (конец XIX-начало XX в.)

Ювелирные изделия. Серебро, лазурит (конец XIX-начало XX в.)

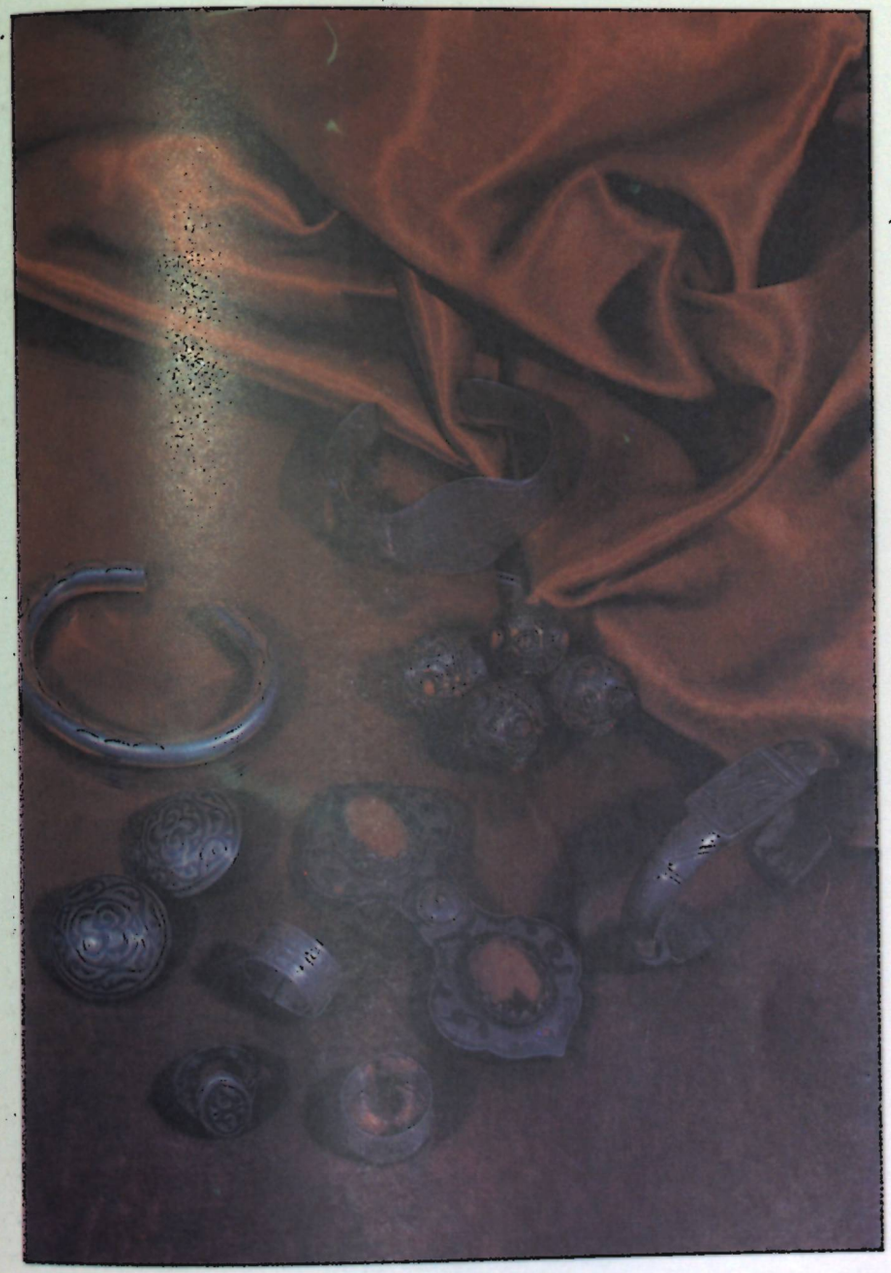
Деревянная хозяйственная утварь (конец XIX-начало XX в.)

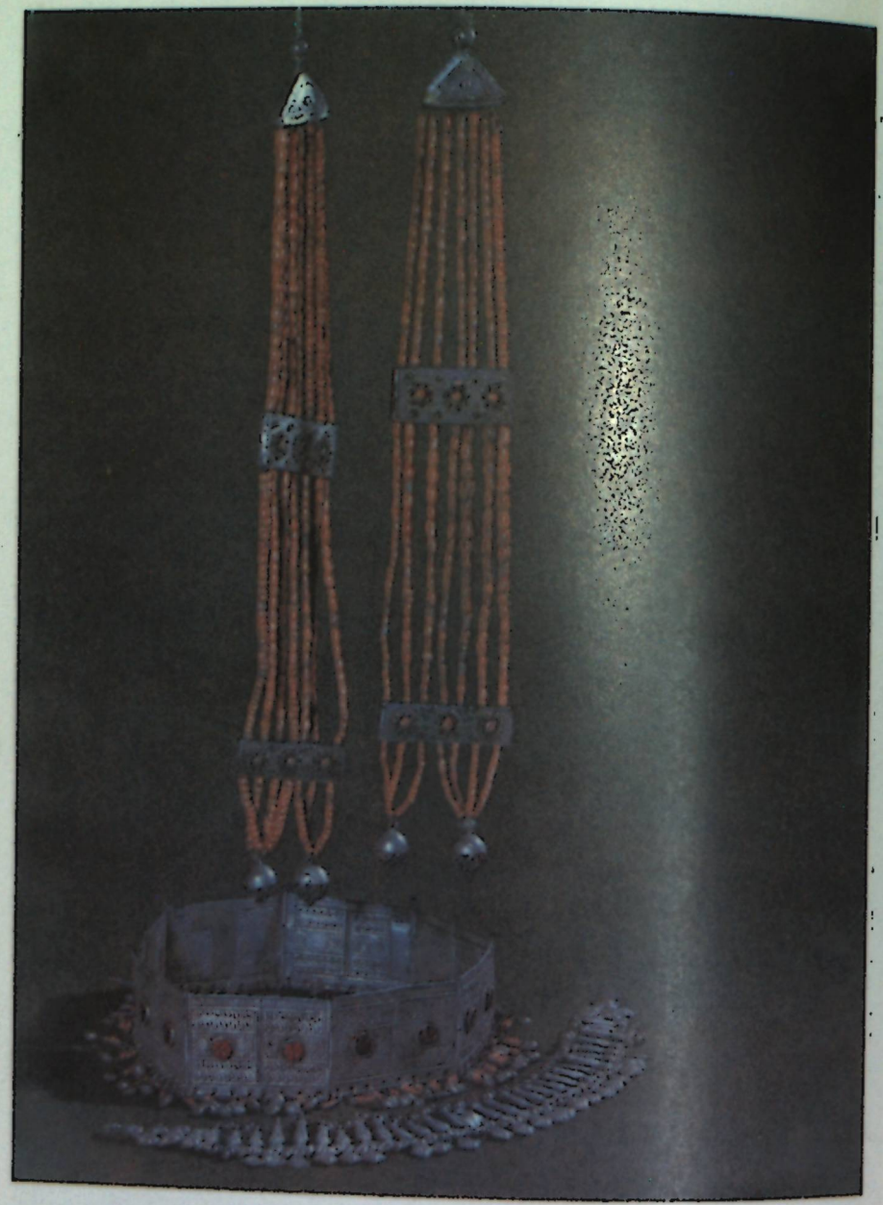
Кожаная хозяйственная утварь (конец XIX-начало XX в.)

Предметы конского снаряжения. Кожа, серебро, сердолик (конец XIX-начало XX в.)

Ювелирные изделия. Серебро, лазурит (конец XIX-начало XX в.)

Предметы женского украшения. Серебро, кораллы, лазурит
(конец XIX-начало XX в.)

Женские украшения. Серебро, кораллы, лазурит
(конец XIX-начало XX в.)

Мужские ремни и кошелек. Кожа, серебро, сердолик
(конец XIX-начало XX в.)

Предметы киргизских народных игр
(начало XX в.)

Киргизские музыкальные инструменты
(конец XIX-начало XX в.)

ли народ. Поэт пытался показать социальные противоречия различных групп киргизского общества, необходимость сплочения бедноты, но не призывал ее к открытой борьбе. Критикуя «своих» эксплуататоров и царских чиновников, Тоголок Молдо не понимал общности их классовых интересов. У него была еще жива вера в возможность появления справедливого и мудрого верховного правителя из феодально-родовой знати.

В ряде произведений Тоголок Молдо обращался к родному народу с призывом переходить на оседлый образ жизни, чтобы учиться у русских культурному ведению хозяйства, овладевать знаниями, ремеслами, бороться с отсталостью, невежеством, суевериями.

Одним из талантливейших народных певцов был Барпы Алыкулов (1884—1949). Он родился в аиле Ачы (современный Сузакский район Ошской области) в семье батрака. С восьми лет Барпы батрачил у баев и манапов, о жадности которых впоследствии сложил ряд песен и выступал в защиту униженной и угнетенной бедноты. Однако, не понимая ясно социальной сути неравенства, он нередко лишь сетовал на него и свою судьбу. В своих сатирических стихотворениях Барпы разоблачал скрывавшиеся под маской благочестия ханжество, лицемерие, пороки мусульманского духовенства. В ряде произведений Барпы Алыкулова сильны мотивы философской лирики, поэтического осмысления глубин жизненных явлений, сложности законов природы и мироздания.

Одним из учеников Токтогула являлся и Калык Акиев. В своих скитаниях он встретил вернувшегося с сибирской каторги Токтогула, у которого перенял мастерство импровизации.

В творчестве акынов-демократов нашли яркое отражение и художественное воплощение идеология трудящихся масс, рост самосознания киргизского народа, его стремление к свободе. Тем самым было положено начало последовательному углублению демократических традиций, имевших важное значение для развития киргизской культуры.

3. Музыкальное искусство. Игры. Обряды

Музыка

Музыкальные традиции киргизского народа глубоки и самобытны. В них, как и в устном народном творчестве, отражена многовековая история народа, его надежды, чаяния, радости и горести. Музыка сопутствовала всей жизни киргиза — со дня его рождения и до смерти, она звучала на высокогорных джайлоо, шумных базарах, в юртах, при рождении детей, на свадьбах, похоронах, при отправлении воинов в поход, на народных играх, молодежных празднествах. Несмотря на отсутствие нотной грамоты, киргизский народ сохранил образцы своей музыки и донес их до нашего времени[38].

Киргизская музыка носит в основном светлый, жизнерадост-

ный, лирико-эпический характер. Вместе с тем в ней нередки сосредоточенные, углубленные, или наоборот, игривые, задорно-плясовые напевы и наигрыши. Большой силой обладают мелодии речитативного склада в эпосе, акынском песнетворчестве, но часты и широкие протяжные песни — массовые, пастушеские. Речитативное начало в большой степени свойственно музыке юга Киргизии, распевность же скорее характерна для ее северных районов.

Важной особенностью киргизской музыки являлась жизненная конкретность художественных образов, навеянных социальными условиями, бытом, природной средой, окружавшей кочевников-скотоводов. Ансамблевое исполнение не получило в ней широкого распространения, оно проявлялось лишь в зачаточной форме, да и то в редких случаях (например, групповое исполнение некоторых песен пастухами). Заметное место в киргизской музыке занимали танцевальные мелодии и ритмы, а в некоторых молодежных играх присутствовали элементы мимики и пластики.

По жанровым признакам музыка делилась на инструментальную и вокальную. Вокальное творчество, как правило, было представлено одноголосием, в инструментальной музыке употреблялось двух- и трехголосное изложение, а при исполнении песен с инструментальным сопровождением на трехструнном комузе местами возникало и четырехголосное сочетание.

Киргизский музыкальный инструментарий был невелик, но достаточно разнообразен. Его составляли духовые — *чоор, сурнай, керней;* ударные — *добулбас, дап, добул доол;* струнные — щипковый — *комуз* и смычковый — *кыл-кыяк;* язычковые — *темир-комуз* (железный комуз) и его разновидность — *жыгач ооз комуз* (деревянный губной комуз).

Инструментальные пьесы носили название кюу *(күү)*. «Кюу — душа народа», «кюу — крылья человека» — так говорилось в киргизских поговорках. Хранителями и исполнителями кюу были народные музыканты, мастерски владевшие различными инструментами.

Народ до сих пор хранит и с любовью упоминает имена таких создателей киргизских песен и кюу, как Джайсан, Толубай сынчы, Санчы и др. Их дело продолжали выдающиеся народные музыканты: Музооке, Белек, Куренкей, Беккетен, Майлыбай, Капал. Затем эстафету подхватили видные певцы и комузисты, жившие в конце XIX — начале XX в.,— Ниязаалы, Айдараалы, Бурулча, Жантакбай, Чынгышбай, а навстречу этим талантам шли Токтогул, Муратаалы, Карамолдо, Жолой, певцы Сыртбай, Коргоол, Боогачы, Актан.

Среди музыкантов прошлого выделялся дед великого акына Тоголока Молдо (Байымбета Абдрахманова) Музооке Жаманкараев (1802—1878). Он был известным в свое время манасчи, акыном и комузистом. Музооке — автор ныне признанных классическими кюу «Музоокенин мунду күү» («Печальный кюу Музооке»), «Казбайыр» (название местности), «Күкүк-Зейнеп» («Кукушка-Зейнеп»), «Кермеетоо» («Цепь гор»), «Коцур каз». («Темно-бурый гусь»). Особенно обращает на себя внимание первый из них — «Печальный кюу Музооке», приобретший широкую популярность в народе. В этом автобиографическом кюу автор повествует об одном из драматических эпизодов своей жизни, когда он был подвергнут издевательствам со стороны манапа Стапа.

Муратаалы Куренкеев

В истории киргизской народной музыки почетное место занимает Куренкей Белеков (1826—1907), происходивший из семьи дехканина-середняка. Каждый кюу Куренкея отличался широким охватом исторических событий, художественностью и оригинальностью. Талантливый комузист посвятил большинство своих пьес тяжелой жизни трудового народа. К ним можно отнести «Арман Күренкея» («Печаль Куренкея»), «Кара озгой Куренкея», «Арманду ботой» («Плач верблюжонка») и др. Творчество Куренкея отличалось от творчества многих других комузистов своеобразием сюжетного построения кюу, их глубокой идейностью, стремлением сохранить и развить демократические черты музыкально-поэтического наследия киргизского народа.

Заслуживает большого внимания музыкальное творчество великого киргизского акына-демократа Токтогула Сатылганова, буквально покорявшего сердца слушателей. Надо было видеть, какую бурю восторгов вызывали каждый раз все новые и новые варианты уже известных его вещей. Это помнят те, кому посчастливилось слышать в его исполнении «Ак-куу» («Белый лебедь»), «Тогуз кайрык» («Девять вариаций»), «Мин кыял» («Тысяча мечтаний»), «Чайкама» («Покачивания»), «Чоц кербез» («Большой кербез») и десятки других песен и кюу.

Кюу «Чайкама» составляет один из самых своеобразных циклов, исполняемых киргизскими комузистами. У Токтогула он приобретал особую тонкость, мелодичность, задорную ритмичность. А его «Ботой» («Верблюжонок»), «Кыз кербез» («Девичий кербез»), «Кокой-кести» красочно передавали дух времени, печаль, раздумье, мечты о счастье народа.

Токтогул был способным имитатором, незаурядным комиком. Он разыгрывал бытовые сценки из жизни народа, каждый раз сопровождая их жестами и музыкальной импровизацией.

Токтогул был создателем своеобразных музыкальных басен, которые очень любят слушать в народе. Он исполнял десятки пьес, входивших в традиционный репертуар народных комузистов под общим названием «Камбаркан». Из этого цикла с особым мастерством он играл «Эски камбаркан» («Старинный камбаркан»), «Терме камбаркан» («Избранный камбаркан»), «Коцур камбаркан», («Протяжный камбаркан»), «Карылардын камбаркан» («Камбаркан старцев»). Пьесы из циклов «Камбаркан», «Ботой», «Шынгырама», «Кербез» у Токтогула всегда отличались оригинальностью исполнения, даже когда они следовали одна за другой.

Произведения Токтогула оказали огромное влияние на развитие киргизской народной и профессиональной музыки. Особенно глубокий след искусство Токтогула оставило в творчестве Калыка Акиева, Атая Огонбаева, Алымкула Усенбаева, Коргоола Досуева.

Одним из создателей киргизских виртуозных кюу был Ниязаалы Борошов (1856—1944). В кюу Ниязаалы проявлялись разнообразие, богатство музыкальных штрихов, деталей, характеристик; в них в доступной форме передавались человеческие мысли, чувства и переживания. Его мелодии «Арсар куу» («Сомнение»), «Короо кузөтүү», «Гулгаакы», «Сары Барпы», «Карача торгой Кайбылда» и другие стали классическими.

Уже во второй половине XIX в., а еще заметнее в начале XX в., стала обнаруживаться социальная и художественная дифференциация в среде мастеров народной музыки. Одни из них в своем творчестве ориентировались на запросы родоплеменной феодальной верхушки, другие отражали вкусы, настроения и чаяния народа. В традиционных акынских жанрах *(айтыш, арноо, мактоо* и др.) все большее место занимали новые мотивы — обличение бай-манапской верхушки и царских чиновников. Зарождение нового демократического направления и его развитие протекали сложно, подчас противоречиво, но чем дальше, тем больше оно одерживало верх.

Об этом свидетельствует не только деятельность Токтогула Сатылганова как композитора и исполнителя. Демократическая струя в киргизской народной музыке исключительно ярко проявилась в творчестве замечательного народного композитора Муратаалы Куренкеева (1860—1949). Его музыкальный талант сформировался и расцвел в дореволюционный период. Уже тогда этот комузчи и кыл-кыякчи получил в народе широкую известность. А. Затаевич, слушавший его в конце 20-х годов, писал: «Старый Муратаалы является настоящим «кладезем» музыкальной талантливости, опыта и знаний, типичнейшим, так сказать, сконденсированным представителем киргизской музыкальности»[39].

Из рода Муратаалы на протяжении нескольких поколений вышли многие талантливые народные музыканты и певцы. Его дед Белек играл на нескольких музыкальных инструментах, в том числе и на кернее. Куренкей (отец Муратаалы) владел игрой на комузе, кыл-кыяке, сурнае и кернее. Муратаалы обладал поистине энциклопедическими знаниями в вопросах киргизского фольклора, был знатоком его древнейших традиций, комментировал самые сложные музыкальные традиции, сюжеты, темы, хранил в памяти сотни наигрышей на комузе и кыл-кыяке. Его репертуар, стиль исполнения отличались классической чистотой, цельностью, безупречностью. Благодаря ему сохранились в записи ценнейшие образцы старинных наигрышей: «Ураан» («Клич»), «Кайра качпа» («Не отступать»), «Кечки жайлоодо» («Вечером на жайлоо»), «Кошок» («Причитание»), «Шырылдак» («Песня табунщиков») и многие другие, а также образцы народной инструментальной классики «Кок-Сандал» (кличка коня), «Кара өзгөй», произведения Куренкея, Белека и других музыкантов. Исполнительская манера Муратаалы была строгой и уравновешенной. Он не прибегал к внешним эффектам: выразительные приемы вытекали из характера музыки. Примитивный кыл-кыяк звучал у него то напряженно, напоминая виолончель в верхнем регистре, то нежно и тихо, как скрипка в среднем регистре.

Традиции школы Муратаалы унаследовал видный народный композитор и комузист Карамолдо (Токтомамбет) Орозов (1883—1960) — глубокий, проникновенный музыкант, чье искусство развивало далее музыку. И народные музыканты, и фольклористы подчеркивали симфонизм кюу Карамолдо. Действительно, по гибкости форм, по глубине содержания, по напряженности кульминационных моментов и тематической насыщенности эти произведения в исполнении Карамолдо имели принципиальное сходство с вершинным и наиболее сложным жанром профессиональной музыки — симфоническим.

Любовь к музыке Карамолдо привил его отец. С 12 лет юный музыкант стал выступать на различных общественных праздниках, где слушал игру прославленных музыкантов, перенимал их искусство и оттачивал свое мастерство. Как исполнитель Карамолдо стал известен уже своими первыми наигрышами. Его талант быстро развивался, и вскоре он приступил к сочинению собственных произведений, рассказывавших о жизни народа. Особенно широкую известность Орозову принесли созданные им эпи-

ческие пьесы «Тунгуч Камбаркан» («Первый Камбаркан»), «Ботой», «Сынган-Бугу» и «Кокой-кести». Талант Карамолдо привнес в исполнение «Камбаркана» и других древних кюу, уходящих в него своими истоками, новые краски.

Уже об одной из первых пьес, созданных автором,— «Печальном кюу пастуха» — восторженно высказался исследователь киргизского музыкального фольклора А. Затаевич: «Лично я склонен считать эту пьесу едва ли не лучшим номером из общего репертуара Карамолдо. Токтомамбет Орозов по праву может гордиться тем, что в летописях музыкальной одаренности народов Советского Союза его скромное имя будет связано с этим замечательным, из одного куска созданным образчиком талантливости народа, представителем которого он является»[40]. Эта оценка относится не только к одному кюу, но и ко всем произведениям Карамолдо.

Он справедливо считался лучшим комузистом Киргизии, одним из основателей «академического» стиля игры. Строгий, требовательный к себе, он не любил внешних эффектов, трюкачества. Каждый штрих, каждый прием служил у него для раскрытия содержания. Муратаалы Куренкеев в течение нескольких лет ездил по казахским аулам для того, чтобы изучить язык и музыку казахов. Он свободно исполнял на комузе и домбре классические кюу. «Казахская и киргизская музыка —родные сестры, которые делятся друг с другом»,— любил говорить он. Муратаалы Куренкеев и Шаршен Термечиков сконструировали и изготовили комбинированный инструмент с двумя «верхними» деками: одна его сторона — киргизский трехструнный комуз, другая — казахская домбра с нанесенными ладами. С большим мастерством исполняли они казахскую и киргизскую музыку, пользуясь той или другой стороной этого инструмента.

В киргизском народном инструментальном творчестве более скромное, но заметное место занимали кюу для кыл-кыяка, сурная, чоора, темир комуза. Их создателями были Байган, Бекарыстан, Кара Турап, Тойкожо, Бурулча, Жунусаалы и др.

Богаты и разнообразны кюу для темир комуза Бурулчи Осмонбековой (1836—1916). До сих пор известны «Бурулчанын селкинчек» («Качели Бурулчи»), «Бурулчанын ой, селки» («Эх, красавица Бурулча»), «Бурулчанын кайырма» («Наигрыш Бурулчи»).

Выдающимся сурнайчи был Тойкожо Бучуков (1840—1912). Музыкальную деятельность он тесно сочетал с активным участием в общественной жизни народа. Тойкожо испытал на себе все тяготы и невзгоды, связанные с бесправным положением пастуха, что отразилось в его произведениях «Тойкожонун арманы» («Печаль Тойкожо»), «Сурнай куу» («Кюу Сурная»), «Тойкожонун Кер-озон» («Пестрая долина Тойкожо»). В своих произведениях автор часто использовал напевы кошока и армана — обрядового и лирического жанров. Кюу Тойкожо звучали

во время национальных игр и состязаний. Например, его кюу «Найза сал» («Втыкай пику в противника») исполняли во время игры «Эр сайыш» — поединка двух всадников, вооруженных деревянными пиками.

Киргизские народные музыканты были тесно связаны с соседними народами, изучали их культуру, музыку, быт, традиции.

Выдающиеся акыны и певцы Токтогул, Эшмамбет, Жеңижок, Балык, Калык и другие, участвуя в айтышах и состязаниях «алым сабак» («лови строку») вместе с казахскими певцами Джамбулом, Кененом и другими, воспевали дружбу народов. Во время состязания Токтогула и известного узбекского акына-дутариста Мулла Туйчи Токтогул блестяще исполнил на комузе узбекскую народную песню «Люлю мамажан», а Мулла Туйчи — «Селкинчек» («Качели») Токтогула.

«Токтогул пел не только по-киргизски,— пишет С. Бурханов,— он мог исполнять песни на татарском, казахском, русском, узбекском языках. Хотя он говорил по-русски и не очень хорошо, но мог объясняться вполне понятно. Он знал целый ряд татарских мелодий и песен, например, «Урал куу» («Уральская мелодия»), «Макарка», «Ярмарка», «Каз канаты» («Гусиные крылья»). Токтогул говорил, что перенял их у татарина Мустафы, который сидел с ним в Александровском централе»[41]. Один из современников Токтогула В. И. Власов вспоминает: «Когда мы выдавали замуж нашу старшую дочь Елену, на свадьбе были Токтогул и Кулуке Сапаров... Токтогул наигрывал на комузе русские мелодии. Вначале он сыграл какую-то танцевальную мелодию. Мне кажется, что это была «Барыня». Затем он сыграл еще много разных мелодий»[42].

В среду киргизского народа постепенно проникали русские песни — крестьянские, рабочие, революционные, мелодии городского романса. Среди киргизского населения получают распространение балалайка, мандолина, домбра, гармоника, баян. Русский фольклор оказывал влияние не только на киргизский мелос, но и на содержание песен и кюу, что повлекло за собой расширение тематики, образного строя, выразительных средств киргизской музыки. В репертуаре народных музыкантов, акынов, ырчы стали появляться наигрыши и напевы, получившие название «орусча», то есть «по-русски» или «в русском стиле».

Токтогул Сатылганов, отбывая сибирскую каторгу, с помощью русских товарищей приобрел балалайку и овладел игрой на ней. В основу его кюу «Терс кагыш», «Орустан алган обөлгом» положены частушечные мотивы. Токтогул сложил кюу для комуза под названием «Орусча кайырма» («Русский наигрыш»), который выразил его глубокую симпатию к русскому народу. Муратаалы Куренкеев сочинил «Орус куу» («Русский кюу»). В этом и других сочинениях вскрыта существовавшая издавна, но ранее не замеченная общность киргизских и русских музы-

кальных традиций, заключавшаяся в образной, ладоинтонационной близости мелоса, в сходстве инструментария.

Творчески использовал русские мелодии старейший комузист Самсаалы Аликеев, который в основу своего кюу «Киргизская камаринская» положил мелодии русской плясовой. Автор сумел почти полностью сохранить эту известную русскую мелодию, которая в «киргизской» интерпретации приобрела национальное своеобразие.

Многие прогрессивные киргизские музыканты и акыны стремились послушать русскую музыку, хотели познакомиться с русской культурой в целом. П. П. Семенов-Тян-Шанский описал свою встречу с известным комузистом Балдысаном, который «страстно любил музыку и считался между кара-киргизами самым лучшим музыкантом на домбре (комузе. — *Ред.)*» Прощаясь с гостями из России, Балдысан просил «взять его туда на его счет, так как ему хотелось непременно слышать русскую музыку»[43].

С другой стороны, киргизская музыкальная культура вызывала большой интерес у передовых представителей русского народа. Ценные сведения о киргизском музыкальном искусстве все чаще появлялись в путевых заметках и публикациях известных русских ученых и путешественников второй половины XIX — начала XX в. В 1871 г., по предложению русского ученого А. П. Федченко, музыкант А. Эйхгорн записал для Политехнической выставки в Москве (1872 г.) киргизские, казахские, узбекские песни. Он же составил коллекцию народных инструментов Средней Азии.

Все эти и другие многочисленные факты свидетельствуют о стремлении народных музыкантов обогатить палитру национальной музыки новыми красками, внести в нее новое идейное содержание, усвоить все лучшее из многовекового фольклора русского, украинского, казахского, узбекского и других народов. Так на рубеже веков складывались демократические предпосылки межнациональной культурной интеграции братских народов.

Народные игры и развлечения

С давних пор в досуге киргизов большое место отводилось народным играм и общественным развлечениям, без которых не проходило ни одно народное торжество[44]. При этом характер многих игр и развлечений был связан с условиями военной, походной жизни, требовавшей постоянной готовности к действиям, смелости, храбрости, силы и ловкости.

Наиболее древним из военизированных видов спорта являлся «эр сайыш» — поединок двух всадников, вооруженных деревянными пиками. Во второй половине XIX в., как и в более раннее время, он организовывался обычно во время поминок. По условиям состязания надо было пикой выбить противника из седла. Поэтому обязательной частью одежды на этих соревнованиях был кожаный нагрудник или панцирь *(зоот)*, при отсутствии

которого участники поединка надевали войлочный халат с утолщением на груди(войлок для безопасности накладывали в несколько слоев). Участников «эр сайыша» обычно интересовал не столько установленный приз, сколько слава победителя. Для знатных и богатых киргизов это зрелище иной раз было средством разжигания вражды между отдельными племенами и родами. «В этой игре,— писал один из исследователей быта и традиций киргизского народа Г. Загряжский,— распаляются страсти родов, из которых вышли бойцы, и тут малейшего повода достаточно, чтобы произвести общую свалку всего народа...»[45] Впоследствии «эр сайыш» был запрещен русскими властями. Последний раз его в порядке исключения разрешили провести в 1912 г. на поминках крупного манапа Шабдана.

Военизированный характер носили и некоторые другие виды народных игр. Так, во время поминок или празднества устраивались стрельбы по мишени — «джамбы» (*джамбы атыш,* на юге — *кыйык атмай*). *Джамбы* — это завернутый в кожу слиток серебра, который в качестве мишени подвешивался ремешками на шест, установленный чуть наклонно. Чтобы получить приз, стрелок должен был выбить «джамбы» попаданием в ремешок, стреляя на всем скаку из фитильного ружья. Некоторые данные говорят о том, что в отдаленном прошлом стрельба во время таких состязаний велась из лука.

Самым любимым видом состязаний у киргизов являлись скачки — *ат чабыш.* Они устраивались обычно на большие дистанции — до 50 км и больше, и приносили победителям не только почетный приз, но и славу лошади *(кулук)*. Как правило, наездники — мальчики 12—13 лет, и лошади проходили подготовку под руководством саяпкера (тренера).

Улак тартыш или *көкбору* — козлодрание — другая любимая национальная игра у киргизов. Для состязания закалывали козленка (в Северной Киргизии) или бычка (чаще в Южной Киргизии), отрезали им головы и нижние части ног. Участники игры делились на две партии, каждая из которых выставляла по 2—3 человека, соревновавшихся на конях за овладение тушей козла, чтобы доставить ее к установленному месту.

Проводилась также весьма популярная игра *оодарыш* или «эниш», буквально переваливание противника с коня. В игре «оодарыш» участвовали сильные, ловкие мужчины, а иногда и женщины.

Не менее распространенным видом национальных игр была борьба пеших — *күрөш.*

Немалый интерес вызывало состязание наездников — *тыйын энмей.* Состязавшиеся должны были достать на скаку из лунки на земле лежащую в ней монету. Эта игра, по-видимому, позднего происхождения, и, вероятно, была заимствована из конноспортивных игр русских кавалеристов. Существовала и игра *аркан тартыш* (перетягивание каната).

Среди мужских национальных игр большой популярностью пользовалась игра в бабки — *ордо*. Участники «ордо» делились на две партии и стремились выбить кучу альчиков из начертанного на площадке круга.

В числе народных игр, развивавших мышление и сообразительность, была *тогуз коргол*. «Любимая игра киргиз «тогуз-ад»[46],— писал Г. Загряжский. — Для игры употребляется доска, на которой выдолблено 18 ямочек, по 9 на каждого игрока и 2 города. Во все ямки кладется по 9 горных орехов, которые для этого только и служат»[47].

Киргизы, особенно южных районов края, играли также в *киште*, которая аналогична шахматам, в своеобразные шашки и в дойбу — с тогуз-кумалаком.

Все распространенные среди киргизского народа игры и развлечения делились на мужские, молодежные и детские. Среди них преобладали подвижные. Игры, описанные выше, относились к группе мужских.

Любимые игры молодежи обоего пола — *«кыз оюну»* — устраивались обычно по вечерам в лунные ночи, ими сопровождались и свадебные торжества. В таких играх часто происходили шутливые состязания между юношей и девушкой в песне, острословии, находчивости, ловкости и т. д. Во время свадебного торжества организовывали игры *кыз куумай* (в буквальном переводе: *кыз* — девушка, *куумай* — погоня), *тошок талашмай* (буквально: борьба за приз). В игре принимали участие друзья жениха и подруги невесты.

Одним из самых любимых развлечений молодежи являлся «селкинчек» (качели).

Во время отдыха молодежи устраивался *сармерден* — своеобразный музыкальный вечер: каждый из присутствующих, передавая пиалу *ыр кесе* соседу, обязан был спеть песню или сыграть на музыкальном инструменте какую-нибудь мелодию *(күү)*. Существовала и другая музыкальная игра — песнопение «жар көрүшүү» (встреча), участниками которой также являлись девушки и джигиты.

Распространенными среди молодежи были игры, аналогичные русским: *жоолук таштамай* или *токмок салышуу* (на юге — «тогоэтмек») — игра в жгут, *жашынмак* — игра в прятки, *көз таңмай, чөө* — различные виды игры в жмурки.

Игра *думпулдок* напоминала игру в волков и овец.

Игру *ак чолмок* организовывала молодежь, обычно в лунную ночь. Ее участники делились на две партии, которые должны были разыскать брошенный из рядов игроков «белый челнок» и, не давая противной стороне, доставить в условное место.

Многообразными были юношеские и детские игры. Одна из них: *«ак терек, кок терек — бизден сизге ким керек?!»* идентична русской игре «кандалы».

Другая не менее интересная юношеская игра — *шабиет*.

Охотники с беркутами (1911 г.)

Участники игры обозначали на земле круг. Одного из играющих усаживали в центр круга и нападали на него со всех сторон из-за черты. Он также при этом старался поймать кого-нибудь из нападающих. Как только это ему удавалось, пойманного тут же усаживали в круг и игра продолжалась. Молодые увлекались и играми *коон үзмөй* (напоминала русскую игру «репка»), *кара казан*, имевшую сходство с футболом. Пастухи играли в *теке чабыш* — своеобразный хоккей с «мячом» на земле.

К детским играм можно отнести *чикит* (на юге Киргизии «чикалак» или «чикалдек») — игра в «чижика», «эшек секирмей» — аналогичная русской чехарде, *ала күчүк* или *мышык* — *чычкан* — игра в «кошки-мышки» и др. Г. Загряжский писал: «В юртах они развлекаются шашками, фантами, костями, песнями, музыкой. Дети любят играть в бабки»[48].

Киргизские народные спортивные игры и развлечения в целом являлись важным средством физического, интеллектуального и нравственного воспитания народа. Отдельные из них использовались в классовых интересах эксплуататоров. В играх отражалось историческое прошлое, быт и культура киргизского народа.

Народные знания. Обычаи и обряды

Ведя из века в век кочевой образ жизни, находясь почти всегда под открытым небом, на просторах долин или в горных теснинах,

киргизы в огромной степени зависели от природных условий. Поэтому в процессе своей трудовой деятельности в поисках мер предосторожности от грозных стихийных бедствий, осложнявших хозяйственную жизнь, они стремились познавать загадки и «секреты» природы с целью практического использования полученных сведений.

В результате киргизским народом было накоплено немало эмпирических знаний. Их осведомленность в области астрономии, географии, флоры и фауны нередко отличалась значительной четкостью. Киргизы-скотоводы хорошо ориентировались по звездам «Алтын казык» или «Темир казык» («Полярная звезда»), «Чолпон Жылдыз» («Венера»), определяя время ночью по положению «Жетиген» («Большая Медведица»). Им были известны и другие созвездия: «Үркөр» (созвездие «Плеяды»), «Үч аркар» (созвездие «Весы»), «Керген саба» (созвездие «Четырех звезд»), «Кербен жолу» («Караванная дорога») или «Саманчынын жолу» («Млечный путь») и т. д. Они познавали их движение, и только «Алтын казык» («Золотой кол») казалась им неподвижной. Считалось, что центром всего мира является Земля, а все планеты и звезды вращаются вокруг нее[49].

Бытовал у киргизов и свой народный календарь со своеобразным 12-месячным циклом, который соответствовал месячному циклу русского календаря. Календарный год делился в свою очередь на четыре сезона: *жаз* (весна), *жай* (лето), *күз* (осень), *кыш* (зима).

Летосчисление у киргизов, как и у всех народов мусульманского вероисповедания, велось по лунному циклу. Месяцы начинались с новолунием и каждый из них составлял 29 и 30 дней, а сутки определялись одним солнечным днем и одной ночью.

Каждый год определялся названиями домашних и диких животных. Знатоки летосчисления пытались предсказывать ожидаемые блага или беды для народа в наступающем году, а также характер того или иного человека. Каждый цикл из 12 лет назывался у киргизов *мүчө*. По нему определялся и возраст человека.

Наблюдая за поведением диких животных, птиц, за первым и последним громом, молнией и другими явлениями природы, некоторые люди — народные летосчислители *(эсепчи)* нередко верно предсказывали характер наступающего сезона, что учитывалось скотоводами-киргизами.

Знатоки народной медицины хорошо разбирались в целебных свойствах ряда трав, издавна использовавшихся для лечения людей (при кровотечении, сердечных недугах, удушье, чесотке и т. д.), а также животных. Из лекарственных растений приготовляли настои, отвары, мази, порошки и др. Киргизы знали также десятки видов съедобных растений и плодовых деревьев.

В течение веков у киргизских мастеров вырабатывались свои трудовые навыки, соответствовавшие особенностям кочевого быта и отвечавшие его потребностям. В народе всегда были искусные

умельцы самых разнообразных профессий. Так, для собственных нужд киргизы производили хозяйственное мыло и сальные свечи. Для варки мыла выбирали специальный сорт травы — лебеду *(алабата)*. Был хорошо известен также способ получения красок из корней растений и различных глин. Ими красили остовы юрт, шерсть, войлоки, кожаную одежду и т. д. Для изготовления пороха киргизские охотники использовали серу *(күкүрт)*, солончак *(шор)* и уголь из арчи.

Знали киргизы и технику обработки разных камней. Так, например, из гранита делались жернова для мельниц, ручные зерноте́рки и каменные катки для обмолота зерна, из серого точильного камня — оселки, из гладкого плотного камня — грузила для веретен. Сердолик *(акакташ)* использовался для различных украшений.

У киргизов были свои меры длины, ширины, а также веса сыпучих, жидких и твердых тел. Но многое воспринимали они у соседних народов, а с вхождением в состав России — и у русских.

В результате тяжелых экономических и бытовых условий жизни, в которых пребывала основная масса киргизского народа, были выработаны и определенные методы и способы народного врачевания, базировавшиеся на эмпирических знаниях и длительной практике. Уважением пользовались лекари-костоправы, занимавшиеся устранением вывихов, лечением переломов и других травматических повреждений. Один из исследователей народной медицины у киргизов Г. А. Колосов писал: «...Мы видели, что некоторые методы их лечения, например, ...чахотки — кумысом, перетягивание конечности выше укушенного места при укусах змей вполне сообразны и согласуются с требованиями научной медицины. Применение опия в качестве болеутоляющего средства также, несомненно, часто приносит пользу»[50].

Неотъемлемую часть культурного наследия киргизского народа, как и каждого другого, составляли традиции и тесно связанные с ними обычаи и обряды. Возникая на разных этапах исторического развития, они отражали мировосприятие различных классов и социальных групп, причем многие из них восходили своими корнями еще к эпохе первобытнообщинного строя. Не все эти традиции, обычаи и обряды выдерживали испытание временем, не все воплощали в себе прогрессивные тенденции в системе общественных отношений, особенно в тех случаях, когда своим появлением они были обязаны правящей верхушке и соответствовали ее интересам. И наоборот, те тенденции и обычаи, которые отвечали запросам, чаяниям и надеждам трудящихся и складывались в их среде, входили в сокровищницу культурного достояния народа и, видоизменяясь, сохранялись в течение столетий.

На протяжении своей многовековой истории, насыщенной войнами с иноземными поработителями и борьбой против социаль-

ного и национального гнета, киргизский народ выработал много глубоко патриотических устоев, среди которых особое место занимали традиции почитания народных героев. Это нашло отражение в ряде эпических произведений, таких как, например, «Джаныш и Байыш», «Курманбек», «Жаныл-Мырза», «Тоштук» и прежде всего в народной основе героического эпоса «Манас».

Из глубины веков идет почитание старших, «аксакалов» (буквально — седобородых). Уважительным было отношение у киргизов и к памяти умерших. Замечательной была традиция хозяйственной взаимопомощи *(ашар)* при выполнении различных трудоемких работ. Характерной чертой киргизского народа было и традиционное гостеприимство. Дать кров гостю или случайно зашедшему путнику, поделиться с ним последним было священным долгом и обязанностью каждого.

Бытовал ряд традиций и обычаев, связанных с рождением ребенка: *жентек той* — угощение по случаю рождения ребенка всех, кто придет на пир. По истечении года со дня рождения ребенка совершался обряд «разрезание пут» — *тушоо кесуу*. По этому случаю устраивались соревнования детей в беге со спутанными ногами (своеобразная пешая байга).

Одним из центральных звеньев семейно-бытовых традиций служила свадебная обрядность, состоявшая из множества циклов, в том числе таких, как *калым, кийит* (дорогие подарки и возврат их в виде приданого невесте *(сеп)* и т. д. В свадебный обряд входили также прощальные плачи *(кошок)* матери, снох, тетушек перед отъездом ее в дом жениха.

Издавна существовали у киргизов и взаимные угощения *(шерне)* — мясом и *жоро-бозо* — своеобразным хмельным напитком. Традиционным угощением был так называемый *өрүлүк* (угощение прибывших новых соседей).

Другим праздником у киргизов была встреча Нового года в марте. По этому случаю в каждом доме варилась каша *(кожо)* из пшеницы или очищенного ячменя с копченым мясом — *сур*. Этим блюдом угощали всех гостей. Вечером жители аила собирались на открытую и ровную площадку, разводили огромный костер из арчи, снимали верхнюю одежду, головные уборы и трясли их над огнем.

Хотя киргизы в своей массе были весьма непоследовательными исламистами, тем не менее традиционные мусульманские праздники — *орозо айт, курман айт* — отмечались ежегодно в каждом доме с угощением всех гостей. Многие обычаи и традиции феодалами использовались как орудие эксплуатации трудящихся масс.

После вхождения в состав России киргизы, живя по соседству с трудовым русским и украинским населением, переняли у них лучшие традиции и обычаи. Сказывалось и обратное хозяйственно-бытовое и культурное влияние. Все это закладывало первые кирпичи в основание того монолитного интернационального братства наций и народностей, которое стало неотъемлемой частью советского социалистического образа жизни в послеоктябрьский период.

4. Школы, культурно-просветительные и лечебные учреждения. Распространение периодической печати

Мектебы, медресе и новометодные школы

Мектебы и медресе, представлявшие собой чисто конфессиональные школы, стали возникать на территории современной Киргизии в первой половине XIX в., и то лишь в южной ее части. Во второй половине столетия они появились и начали постепенно распространяться на севере Киргизстана, среди кочевого и полукочевого населения.

У киргизов-кочевников мектебы обычно не имели определенного места: занятия велись в юртах и даже под тенью огромных чинар и карагачей. Поэтому администрация Туркестанского края затруднялась точно определить количество мектебов, да и не всегда придавала им значение, поскольку не считала их постоянно действующими и должным образом организованными школами. В этом отношении характерны сообщения начальника Иссык-Кульского уезда Семиреченской области главному инспектору училищ Туркестанского учебного округа. 8 июня 1876 г. он писал: «...частных местных школ в уезде 12, из них 3 калмыцких и 9 киргизских... Всех учащихся в этих школах — 131 мальчик». А в рапорте от 23 августа 1880 г. отмечал, что «в волостях мектебов и медресе нет, учатся дети у письмоводителей волостных управителей, всего 71 мальчик»[51].

Постоянно действующие мектебы имелись в основном на юге Киргизии, в тех местах, где преобладало узбекское население, а на севере — в городах Токмаке, Пишпеке и Пржевальске, значительную часть жителей которых составляли узбеки, татары, дунгане, уйгуры и лишь отчасти оседлые киргизы. Если, по сведениям 1883 г., в Ошском уезде был 41 мектеб с 391 учащимся, то в 1914 г. здесь насчитывалось 229 мектебов с 3170 учащимися (в том числе женских — 33 с 511 учащимися). У оседлого же населения Пишпекского и Пржевальского уездов на севере Киргизии к 1910 г. имелось всего 30 мектебов с 1215 учащимися (в том числе женских — 6 с 200 учащимися).

Количество мектебов постепенно увеличивалось. Так, на 1 января 1913 г. в 21 киргизской волости Пишпекского уезда с населением 109,2 тыс. человек насчитывалось 59 мектебов, где обучалось 1182 мальчика и 131 девочка; в 28 волостях Пржевальского уезда с населением 104 тыс. человек действовало 128 мектебов, в которых училось 2276 мальчиков и 42 девочки.

Эксплуататорская верхушка киргизского общества в лице мусульманского духовенства, беков, баев и манапов использовала мектебы и медресе как средство распространения ислама, с по-

Киргизский мектеб

мощью которого стремилась укрепить свое господство над трудящимися массами. Такое положение было общим для всей тогдашней Средней Азии.

В кочевых районах детей обучали в обычных юртах. Ученики, сидя на полу, слушали учителя-муллу и готовили уроки. В оседлых поселениях мектебы размещались в различных постройках, где, как правило, было темно, грязно, ученики и учитель располагались на пыльных войлочных или камышевых подстилках.

Определенного образовательного ценза для учителей в мектебах не существовало. В большинстве случаев в роли учителя выступал мулла местной мечети или его помощник, которые заставляли детей изучать арабский алфавит, а затем читать некоторые книги религиозного содержания, заучивать наизусть отдельные отрывки. Окончившие мектебы фактически оставались безграмотными.

Методических руководств по начальному обучению и воспитанию в мектебах не было, преобладала традиционная, эмпирически выработанная схема занятий. Эстетическое и физическое воспитание учеников отсутствовало полностью. Их не обучали пению, музыке, рисованию, гимнастическим упражнениям. Единственное, что ученики слышали от учителя на «родном языке» это назидания о правилах поведения правоверного мусульманина, требовавших послушания и почтительности ко всем тем, кто стоял «наверху», и строгого соблюдения норм шариата.

Что касается медресе, то в Киргизии они не получили особого распространения, ибо здесь, особенно в северной части, влияние

мусульманского духовенства не было столь сильным, как в других местностях Средней Азии. По данным 1892 г., на территории Южной Киргизии было всего 7 медресе, из которых 5 — в г. Оше (где проживало тогда в основном узбекское население). Эти медресе большей частью были основаны во второй половине XIX в. В 1914 г. в Ошском уезде насчитывалось уже 88 медресе с 1176 учащимися, в том числе в г. Оше — 5 с 200 учащимися[52]. В г. Пржевальске имелось одно медресе при малой узбекской мечети с 45 учащимися.

Из окончивших мектебы детей жителей южной части Киргизии только отдельные попадали для продолжения учебы в медресе Андижана, Коканда, Самарканда, Бухары и других городов. Из стен медресе выходили претенденты за занятие должности муфтия (высшего мусульманского духовного лица, имевшего право выносить решения по религиозным и религиозно-юридическим вопросам), казия (судьи-толкователя мусульманского права), мударриса (преподавателя медресе), а в основном служители мечетей и муллы — учителя для мектебов.

Устройство и содержание медресе обеспечивалось за счет доходов с вакфов — имущества и земли, завещанных навсегда в пользу религиозного учреждения. Принятые в медресе «программы» обучения в общих чертах были выработаны еще около десяти веков тому назад. Ученики медресе соответственно их подготовке подразделялись на три разряда: младший, средний и старший. Обыкновенно учащиеся оставались в каждой группе 3—4 года, но бывало, что ученик в одном только младшем классе обучался в течение 8—10 лет. За это время ученик знакомился с грамматикой арабского языка, изучал в сжатом изложении мусульманское религиозное и гражданское право, науку исчислений, предполагающую освоение четырех правил арифметики и измерения простейших фигур. Постигалась в традициях средних веков и медицина.

В конце XIX и особенно в начале XX в. в Средней Азии, Поволжье и Крыму активизировала свою деятельность нарождавшаяся национальная буржуазия. Чуждая и даже враждебная подлинно революционной идеологии, боявшаяся освободительной борьбы широких масс трудящихся, она в то же время была склонна к проведению некоторых реформ. Новоявленные реформаторы стремились в первую очередь взять в свои руки школы, чтобы отнюдь не меняя религиозного в своей основе содержания обучения, перестроить преподавание в соответствии с требованиями нового времени и приспособить старую школу к классовым интересам нарождавшейся мусульманской буржуазии. Это привело к возникновению и развитию так называемых новометодных школ, новые учебные программы для которых были выработаны на мусульманских съездах 1905 и 1906 гг. в Нижнем Новгороде. В новометодных школах преподавались не только религиозные дисциплины, но и общеобразовательные предметы, имелись пар-

ты, доски, столы для учителей, применялись географические карты.

На территории Киргизии первые новометодные школы появились в Пишпеке, Токмаке и Пржевальске в 1901—1902 гг. Организаторами и первыми учителями этих школ являлись представители татарской интеллигенции, и обучение в них велось в основном на татарском языке.

Самым крупным в Киргизии новометодным мектебом являлся «Экбаль» («Прогресс») в г. Токмаке. В нем обучались дети разных национальностей. Так, например, в 1908 г. здесь училось 200 киргизов, 36 татар, 30 узбеков, 9 дунган и 5 кашгарцев. В мектебе «Экбаль» (его нередко называли и медресе) работало 8 учителей, татар и башкир по национальности, приехавших из городов Поволжья и Урала. Мектеб «Экбаль» постепенно сделался как бы центром подготовки учителей для школ всей Северной Киргизии. Отсюда же некоторые учащиеся отправлялись для учебы в медресе Казани и Уфы.

В Пишпеке при татарской мечети существовала с 1902 г. мужская новометодная школа. В 1912—1914 гг. здесь обучалось 120 человек, 30 из них — татары, 90— узбеки и киргизы. Обучение на всех отделениях велось на татарском языке. Русский язык преподавал в двух старших отделениях учитель-инспектор Пишпекского городского училища П. Д. Масленников, окончивший Петербургский учительский институт. В 1910 г. в Пишпеке был открыт второй мужской новометодный мектеб на 60 учеников. Школы эти содержались на пожертвования прихожан и на средства городского общественного управления.

В женской новометодной школе г. Пишпека в 1914 г. училось 70 девушек, 20 из которых — киргизки, постоянно живущие с родителями в городе. Обучение велось в основном по той же программе, что и в мужской школе, а дополнительно еще рукоделие. В 1917 г. в этой школе было уже 180 учениц.

Мужской мектеб при татарской мечети в г. Пржевальске, содержавшийся на средства мусульманского общества, перешел на новый метод обучения с 1901 г. В 1914 г. в нем числилось 77 татарских, 28 киргизских и «сарткалмыцких», 24 дунганских и узбекских мальчиков.

В январе 1909 г. в городе был открыт новометодный мектеб мусульманского просветительного и благотворительного общества с интернатом. Здесь обучалось бесплатно 30 детей бедных людей и сирот, а также 20 вольноприходящих учеников, плативших по 1 руб. в месяц. Учителями этой школы были киргизы из Тюпской волости, окончившие курс в Пржевальском мектебе при татарской мечети.

Новометодные школы в гуще киргизского населения появляются несколько позднее. Так, например, в 1909 г. в Чон-Кемине стала действовать новометодная школа (б. медресе «Шабдания»). В ней училось более 150 человек из Кемина, Кочкорки, Джумгала и Чуйской долины. Среди них было и немало мулл из старометодных мектебов, стремившихся повысить свою грамотность и получить светское образование. В этой школе учились акын Ысак Шайбеков, Абдраим Чункелеев (в будущем заслуженный учитель Киргизской ССР), учитель Доолетаалы Келдибеков и др. Ученики по уровню знаний делились на пять классов. Учебные принадлежности выписывались из Казани и Оренбурга. Оттуда же были приглашены и учителя. Эта школа просуществовала до 1912 г. В этом же году на частные средства открылся новометодный мектеб в верхней части Кочкорской долины для детей киргизов ближайших волостей. Жили они в своеобразном общежитии *(балакана)* при мектебе. Обучение здесь велось учителями-киргизами, получившими образование в медресе в г. Уфе.

В другом новометодном мектебе, также основанном на средства одного из занимавшихся благотворительностью манапов в Куртке (Акталинский район) в 1914 г., училось около 30 киргизских мальчиков, в большинстве сыновей состоятельных людей, но среди них находилось и несколько детей бедняков: Абдылда Аралбаев, позже получивший почетное звание заслуженного учителя Киргизской ССР, Абдыкалык Чоробаев, носивший почетное звание народного акына.

Новометодный мектеб в местности Туура-Суу Тонской волости Пржевальского уезда помещался в доме волостного управителя. Старшим учителем здесь работал Эшеналы Арабаев, получивший образование в медресе Казани и Уфы. Такие же мектебы были в местностях Кайнар и Джеты-Огуз. В первом из них обучался один из старейших киргизских акынов Шамей Токтобаев.

С 1911 г. в Джумгале открылся «Курмандын мектеби», располагавшийся в специально построенном здании из 10 комнат с деревянными полами. Этот мектеб посещало до 100 мальчиков, обучали которых бывшие ученики медресе «Шабдания» Доолеталы Келдибеков и Максут Качканаков. Новометодная школа имелась и в местности Кара-Булак Куланакской долины (ныне Акталинский район).

Из приведенных данных явствует, что новометодные мектебы в Киргизии стали получать распространение перед самой Октябрьской революцией, призванные в новой хозяйственной обстановке обслуживать потребности национальной буржуазии в сфере экономики, торговли, образования и т. п. Следует особо отметить при этом, что среди учителей новометодных школ были и прогрессивно настроенные представители нарождавшейся национальной интеллигенции, искренне стремившиеся нести свет знаний в среду родного народа. Примечательно, что многие их ученики стали потом активными участниками борьбы за установление и укрепление Советской власти и осуществление культурного строительства в Киргизии.

Русско-туземные и сельскохозяйственные школы

Со второй половины XIX в. царская администрация приступила к организации в крае начальных школ разного типа для детей русских и украинских переселенцев. Первоначально имелось в виду вести в них совместное обучение детей русско-украинского и коренного населения, которому официально был разрешен свободный доступ в эти школы. Однако ни в одной из них не осуществлялось изучение родной (нерусской) грамоты. Поэтому лишь считанное число детей местного населения поступало в училища, как тогда называли начальные школы. Определенную роль сыграли и яростные выступления представителей мусульманского духовенства против допуска детей в русские школы. К тому же коренное население жило в то время обособленно от русских, повседневное общение с ними только что началось.

Администрация Туркестанского края обязывала военных губернаторов областей принимать меры к устройству в уездных городах (за счет местных средств) приготовительных пансионов или ученических квартир, чтобы способствовать вовлечению в русские начальные школы детей местного населения. Подоплекой такой заботы служило осознание властями того факта, что и сфера хозяйства, и сфера низового административного аппарата, как и сфера транспорта, связи, медицины и т. д. не могут обойтись без кадров, владеющих как местными, национальными языками, так и основами грамоты, арифметики, географии и др.

Один из подобных пансионов открылся в г. Караколе (ныне Пржевальск) 1 октября 1874 г. Он назывался киргизской или азиатской школой. Здесь обучалось 10 мальчиков — по одному из девяти киргизских и одной калмыцкой (улютовской) волостей уезда. Содержание пансионата возлагалось целиком на киргизское общество[53]. В 1877 г. пансион был преобразован в киргизскую ученическую квартиру при Каракольском училище. В ней, по сведениям 1884 г., проживало и училось 22 ученика, которых готовили к поступлению в городское училище. Такого же типа школа-интернат начала работать несколько позже при Пишпекском городском училище.

В 1877 г. была учреждена также киргизская ученическая квартира при Верненской гимназии, переименованная в 1880 г. в киргизский пансион. Состоятельным киргизам Токмакского уезда рекомендовалось направлять сюда своих детей на учебу для последующего поступления в гимназию. Эта ученическая квартира содержалась на средства, взимавшиеся на нужды народного образования с коренного населения Семиреченской области, в том числе Токмакского и Иссык-Кульского уездов (позже переименованных в Пишпекский и Пржевальский). Однако, численность учащихся-киргизов в пансионах и ученических квартирах при Пржевальском и Пишпекском училищах и при Верненской мужской гимназии не превышала 20 человек в каждом.

В этих условиях было решено пойти на создание наряду с мусульманскими мектебами и медресе особых школ для обучения детей «инородцев», где одновременно с прохождением грамоты (на арабском алфавите) и основ мусульманского вероисповедания изучался бы русский язык, знание которого имело как общеобразовательное, так и практическое значение. Такого рода школы, которые стали официально открываться во всем Туркестанском крае с 1886 г., получили название «русско-туземных». Перед ними ставилась двойная задача: во-первых, обеспечить подготовку из детей местного населения кадров, владеющих русским языком, и, во-вторых, сохранить в основном ту систему обучения, которая действовала в конфессиональных мектебах, чтобы устранить и рассеять опасения местного населения о вытеснении школ религиозного вероучения.

Русско-туземная школа

Тем не менее идеологи патриархально-феодальной верхушки и косного мусульманского духовенства враждебно встретили появление русско-туземных школ, ведя против них агитацию среди коренного населения. Темная масса верила муллам, и школы вначале посещали или дети местных административных лиц под давлением сверху, или дети бедняков, которых взамен своих сыновей насильно отправляли баи и манапы.

Первая школа русско-туземного типа в Киргизии была открыта для дунганских детей неофициально еще 3 октября 1884 г. в Каракунузском поселении (недалеко от г. Токмака), входившего тогда в Пишпекский уезд. С 1894 г. начала работать вторая дунганская русско-туземная школа в селении Мариинском недалеко от г. Пржевальска: в ней обучались только мальчики, число которых не превышало 16.

В 1887 г. русско-туземная школа была организована в Оше. Число учащихся в ней колебалось вначале от 10 до 20, а с 1899 г. — от 30 до 40; в подавляющем большинстве это были дети узбеков.

Русско-туземная школа, образованная в 1897 г. в Токмаке, занимала по количеству учащихся первое место среди русско-

туземных школ Киргизии. В ней обучались киргизские, узбекские, татарские, русские дети, число которых в 1903 г. доходило до 120. В 1898 г. была учреждена русско-туземная школа в селении Николаевском (ныне с. Панфиловское) с контингентом учащихся до 22 человек.

Инициаторами создания русско-туземных школ в волостях явились киргизы Пишпекского уезда, примеру которых последовали и киргизы Пржевальского уезда. На волостных сходах выносились решения о сборе средств для постройки школьных зданий, на их содержание. В 1899 г. в Пишпекском уезде действовало уже 3 русско-киргизских школы — Сокулукская, Тынаевская и Джумгальская.

Со временем эти школы стали вызывать у трудящихся киргизов все больший интерес. Число заявлений о приеме детей в Сокулукскую школу с самого начала достигло 60 и превысило возможности школы. В 1915 г. в этой школе обучалось 37 человек, в числе которых было 6 учениц. 17 мальчиков жили в интернате при школе, среди них были дети рядовых киргизов.

На средства киргизов Сусамырской и Арымской волостей Наманганского уезда в 1900 г. была организована русско-туземная школа в урочище Кетмень-Тюбе. Ее открытие явилось настоящим праздником, показавшим стремление киргизского народа к знаниям. На нем присутствовало 500 человек из жителей обеих волостей. В школу сразу поступило 33 ученика в возрасте от 7 до 27 лет. Учителем в школе работал бывший студент Петербургского университета В. Ф. Степанов.

В 1904 г. основаны Карабуринская — в селении Александровском (с. Кировское) и Урмаральская — в селении Дмитриевском (г. Талас) — русско-туземные школы.

В школе изучали русскую грамоту лишь по два часа в день, а остальное время дети находились в среде, не владеющей русским словом. Чтобы изменить такое положение дел, в 1904 г. были даны указания о необходимости в дальнейшем открывать русско-туземные школы по преимуществу в русских селениях и при каждой школе устраивать общежития, по крайней мере на 20 киргизских мальчиков. Такие же общежития было решено создавать при уже существующих русско-туземных школах.

Идея организации интернатов была встречена населением Киргизии весьма сочувственно. Так, киргизы Пржевальского и Пишпекского уездов тотчас же постановили собрать деньги на устройство и содержание школ-интернатов. В 1905 г. приняли детей интернаты при Сокулукской и Тынаевской русско-туземных школах Пишпекского уезда. Новые школы с интернатами были в слободке Ат-Башинской (1905 г.), в г. Пржевальске на 50 учеников и в г. Токмаке на 20 учеников (1906 г.), в г. Пишпеке (1908 г.). Все они немедленно комплектовались учениками, а в некоторые интернаты пришлось зачислять даже сверх установленного контингента.

На юге Киргизии начала работу русско-туземная школа с интернатом на 20 человек в кишлаке Нанай, которую, кроме узбекских мальчиков, посещали дети киргизов из Кызыл-Джарской, Кырк-Угульской, Саруйской и Баястанской волостей Наманганского уезда. Число учащихся в ней доходило до 50-60.

Несколько позже в Киргизии были организованы и женские русско-туземные школы. Так, Пржевальское городское управление выделило помещение и средства на содержание женской школы, которая была открыта в 1911 г., с 23 ученицами. В том же году с 15 сентября начала функционировать такая же школа в наемном помещении в г. Токмаке. В ней обучалось более 30 учениц — татарок, узбечек, русских и несколько киргизок.

В общей сложности в канун Октябрьской революции на территории современной Киргизии действовало 16 русско-туземных школ. В них обучалось около 750 человек, из которых 670 — дети местного населения, в том числе 614 мальчиков и 56 девочек.

По содержанию программы русско-туземные школы были отнесены к низшему типу русских начальных школ. Одноклассная русско-туземная школа имела три-четыре отделения, а в некоторых школах существовали еще и подготовительные отделения. В двухклассной школе по окончании обычного курса русско-туземных школ дети еще в течение двух лет изучали в русском классе русский язык, арифметику, историю, географию и естествознание в объеме установленной программы, а в «туземном классе» продолжали зубрежку арабских текстов и основ мусульманского вероисповедания. Из русско-туземных школ в Киргизии двухклассными были Токмакская, Пишпекская, Пржевальская и Ошская. Многие русско-туземные школы имели свои небольшие библиотеки.

Появление русско-туземных школ на территории Киргизии, несмотря на недостатки в их учебно-воспитательной работе, сыграло в целом прогрессивную роль в культурной жизни киргизского народа дореволюционного периода. Учащиеся-киргизы имели возможность овладеть основами русской грамоты и через нее приобщаться к русской культуре. Многие первые учителя советской школы и первые работники советских учреждений Киргизии были воспитанниками русско-туземных и русских школ. Истоки великой дружбы киргизов с русским народом в немалой степени связаны с именами передовых учителей и представителей русской интеллигенции, которые трудились в Киргизии в те далекие дни. Они старались сблизить народы друг с другом, были готовы идти на лишения ради просвещения коренного населения, выступали инициаторами организации школ, библиотек, лечебниц, вели просветительную работу. Среди них выделялись ученый-садовод, наставник учащихся Пишпекской школы садоводства А. М. Фетисов, медики Ф. В. Поярков, А. В. Пржегодский, В. М. Фрунзе — отец легендарного полководца М. В. Фрунзе, учителя А. В. Русиков, В. П. Ровнягин, А. И. Сапожников и др.

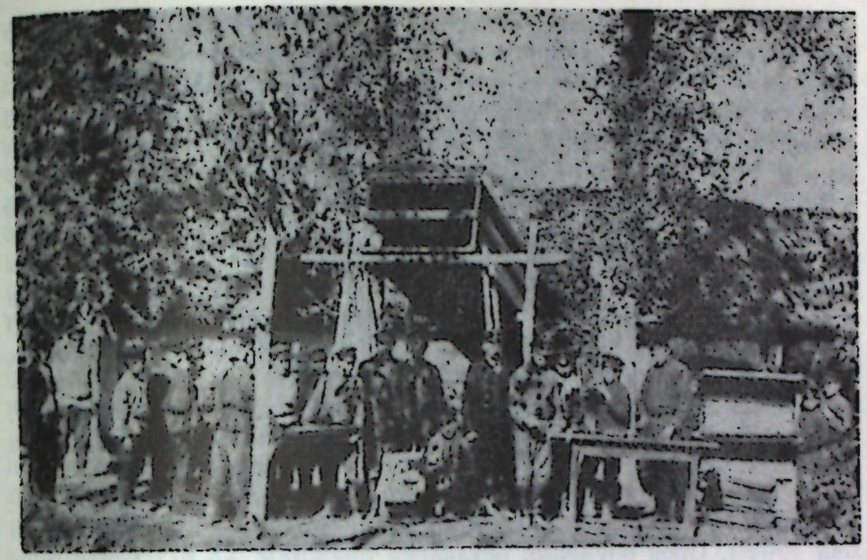
Развитие капиталистических отношений в крае и усиление повседневных связей коренного населения Киргизии с русскими крестьянами-переселенцами и горожанами способствовало росту стремления населения к познанию русского языка. В. И. Ленин писал: «...потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений»[54].

С ростом числа желающих изучать русский язык среди местного населения стали открываться (в основном в городах) вечерние курсы и воскресные школы для взрослых. На курсах обучали разговорному языку, чтению и письму по-русски, а также счету. Учебным пособием служила «Книга для чтения» С. М. Граменицкого. Занятия велись 4 раза в неделю, по 2 часа в день, как и в русско-туземных школах. Подобного рода курсы организовывались и при некоторых русско-туземных школах.

В 80—90-х годах XIX в. в Семиречье впервые появились сельскохозяйственные школы. На далекой окраине России эти школы вместе с хозяйствами при них должны были служить рассадниками сельскохозяйственных знаний как в среде коренного населения, так и в среде русских крестьян-переселенцев, готовить кадры практиков по различным отраслям сельского хозяйства. На территории Киргизии действовали Пржевальская и Пишпекская сельскохозяйственные школы.

Пржевальская сельскохозяйственная школа открылась 1 сентября 1888 г. В школу поступили 11 киргизов в возрасте от 12 до 19 лет. В подготовительный класс были приняты дети, которые до этого нигде не учились. К 1 октября 1889 г. число учащихся этой школы увеличилось до 18 человек. Школа располагала собственным зданием в г. Пржевальске, где в зимнее время проходила учеба по общеобразовательным предметам; учащиеся также работали в мастерских, размещенных в наемном доме. При школе имелся большой плодовый сад и библиотека. Содержалась школа на средства киргизского общества, выделенные из суммы сбора на народное образование. Ученики школы вначале обучались плотницкому и сапожному мастерству, осуществляли уборку и ремонт помещений. Затем они постепенно знакомились с приемами обработки земли, ведения животноводческого хозяйства.

Школа владела земельным участком в 368 дес. и животноводческой фермой с хозяйственными постройками. Скотоводческое хозяйство фермы составляли 28 лошадей, 64 головы крупного рогатого скота, 72 головы овец и 27 коз. Из хозяйственного инвентаря имелись сельскохозяйственные машины, телеги и сбруя.

Учащиеся Пишпекской сельскохозяйственной школы (1915 г.)

Таким образом, в течение года ученики школы большую часть времени вели практическую работу в поле, а в зимнее время изучали общеобразовательные предметы (русский язык, арифметику, историю), получая элементарные знания и по естественным наукам (физике, ботанике и зоологии). Важно отметить, что в сельскохозяйственные школы поступали почти исключительно дети неимущих, богачи же, считавшие физический труд унизительным, смотрели на эти школы с презрением.

Пишпекская сельскохозяйственная школа с 1890 г. (т. е. со времени открытия) по 1894 г. именовалась киргизской школой садоводства в г. Пишпеке. При школе имелся пансион на 20 учеников. Во временном уставе этой школы говорилось, что она учреждается для подготовки хорошо осведомленных садовых рабочих и огородников. В школу могли устраиваться мальчики всех местных национальностей 14—16 лет, а круглые сироты — с десятилетнего возраста, пользуясь при поступлении льготами. Курс обучения был рассчитан на пять лет. В уставе указывалось, что кроме обучения русскому языку и общеобразовательным предметам по программе одноклассных сельских училищ Министерства просвещения, в школе преподаются садоводство, лесоразведение, огородничество, шелководство и табаководство. Пишпекской школой садоводства в первые годы заведовал уже упоминавшийся выше ученый-садовод А. М. Фетисов. Под его руководством киргизские мальчики обстоятельно знакомились с практическими приемами ухода за растениями и с теоретическими познаниями о садоводстве.

В 1894 г. школа садоводства была преобразована в низшую сельскохозяйственную школу и поступила в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ. Принципы организации и задачи ее, в основном, оставались теми же, что были ранее, но срок обучения был сокращен до 3-х лет для зачисленных в 1 класс и до 4-х лет — для не умеющих говорить по-русски и поступивших в приготовительный класс. Обучение было бесплатным. В 1898 г. при школе открываются ремесленные классы, в которых ученики учились под руководством учителей переплетному и столярному делу. На содержание школы отпускалось 3,4 тыс. руб. по земской смете Семиреченской области и 1950 руб. — по смете Департамента земледелия. Штат служащих школы состоял из управляющего, двух учителей по общеобразовательным предметам и законоучителя. В отчете школы за 1894 г. указывается, что в конце года в ней обучалось 17 учеников, из них 12 киргизов и 5 русских.

В 1912 г. Пишпекская сельскохозяйственная школа была реорганизована в школу первого разряда по «Положению» от 26 мая 1904 г. Срок обучения оставался прежним, но в 1 класс принимались мальчики, имеющие знания в объеме одноклассных сельских училищ и не моложе 14 лет, а в приготовительный класс — умеющие читать и писать и не моложе 13 лет. Число казенных стипендий увеличивалось до 30, зачислялись также своекоштные ученики. В 1913 г. число учащихся школы увеличилось до 29, из них две трети были детьми из среды сельского населения. Учебной базой для практических занятий служил Пишпекский казенный сад (30 дес.). Школа имела свой огород и пасеку.

За время с 1893 по 1914 г. включительно школу окончило 54 человека, среди них Турар Рыскулов — впоследствии один из активных участников борьбы за установление и упрочение Советской власти в Туркестане.

Положительным в деятельности Пишпекской и Пржевальской сельскохозяйственных школ было то, что они сочетали обучение с практикой, приобщали своих питомцев к труду, давали им общие знания о культурном ведении полеводства, бахчеводства, что имело немалое значение для такой окраины, какой являлась тогда Киргизия с ее экстенсивным земледелием.

Русские школы

После вхождения Средней Азии в состав России царская администрация приступила к организации светского школьного образования на этой окраине. Предполагалось открыть, во-первых, уездные училища (начальные школы) с четырехлетним общеобразовательным курсом обучения и ремесленным классом, и, во-вторых, начальные школы грамотности. Первый тип школ предназначался для уездных городов и пунктов с оседлым населением, а второй — для детей русских «простолюдинов» и кочевого коренного населения края. Школы грамотности соответствовали по своей программе младшему отделению уездной школы, т. е. ограничивались обучением чтению и письму на русском языке и счету. Учителями школы грамотности должны были назначаться лица, окончившие курс уездной школы, а учителями уездных школ — лица, окончившие учительскую семинарию. В программу уездных школ входило преподавание закона божия (для русских), русского языка, землеописания, счета целых, простых, дробных и десятичных чисел, элементарного черчения в применении к ремеслам и «туземного» языка для детей местного населения. При уездных школах предполагалось иметь по 20 вакансий для детей кочевников — будущих учителей степных школ.

Начальные училища позднее стали делиться на низшие и высшие, последние были созданы в соответствии с положением от 25 июня 1912 г. В число низших входили приходские, церковно-приходские, частные, сельскохозяйственные и городские училища. Все виды начальных школ в известной мере получали распространение и в Киргизии.

Первая приходская школа открылась 9 февраля 1870 г. в г. Токмаке. В 1874 г. была основана Каракольская школа совместного обучения. Затем приходские одноклассные и двухклассные мужские и женские училища начали создаваться во многих переселенческих селах и в городах Киргизии.

Наряду с приходскими училищами на территории Киргизии существовали и церковно-приходские школы, подведомственные Туркестанскому епархиальному училищному совету. В начале 1917 г. в Пишпекском уезде их было 18, а в Пржевальском — 17. В церковно-приходских школах полностью распоряжались служители культа, и главным предметом обучения был закон божий. Здесь особенно старались отравить детей «духовной сивухой». А «идея бога,— указывал В. И. Ленин,— *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, бутучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетенные *классы* верой в *божественность* угнетателей»[55].

Как уже отмечалось выше, в русских приходских училищах обучалось и некоторое, хотя и очень незначительное, количество детей местного населения. Так, еще в 1898 г. в Сокулукском приходском училище в числе 58 учащихся было 15 детей киргизов. На 1 января 1899 г. из 172 учеников Пишпекского двухклассного училища 22 были коренной национальности, а из 168 учеников Пржевальского двухклассного училища 9 являлись детьми киргизов ближайших к городу волостей. В 1914/15 учебном году в первом Пишпекском двухклассном женском училище обучались 3 девочки-киргизки, а в Пишпекском женском приходском одноклассном училище — 8 девочек местной национальности.

Из городских училищ Туркестанского края в Киргизии находились только два: Пржевальское и Пишпекское. Эти училища

вначале открывались как одноклассные, а потом были преобразованы в двухклассные: первое — в 1879 г., а второе — в 1890 г. Пржевальское училище с 1900 г. стало четырехклассным, а Пишпекское с 1903 г. — трехклассным. В них могли поступать дети не моложе 7 лет всех званий и сословий. За обучение взималась плата.

В Пишпекском и Пржевальском городских училищах обучались в основном дети горожан, причем дети коренного населения составляли не более 20% всех учеников. Количество учащихся постепенно увеличивалось: в первом от 147 в 1896 г. до 154 в 1916 г., а во втором — соответственно от 156 до 210. Местное население проявляло большой интерес к городским училищам. Так, в 1894 г. от киргизов Пржевальского уезда поступило 60 заявлений с просьбой устроить детей в городское училище, но 35 из них не были удовлетворены якобы из-за недостатка мест.

В городских училищах преподавались закон божий, русский и церковнославянский языки вместе с краткой историей русской литературы, арифметика, практическая геометрия, география и история России с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии, естествознание, физика, чистописание, черчение, рисование и пение.

Кроме того, при Пржевальском городском училище были ремесленные классы, а при Пишпекском — классы ручного труда, где ученики получали профессиональную подготовку. Учащиеся, успешно прошедшие курс первых четырех лет городского училища, могли поступать без испытаний в первый класс гимназии или реальных училищ. Ученики же, окончившие полный курс обучения городского училища, получали право поступления на государственную службу. 14 августа 1914 г. Пржевальское и Пишпекское городские училища были преобразованы в высшие начальные училища.

Стремление состоятельных киргизов устраивать своих детей в городские училища и гимназии было особенно заметно, но лишь отдельным сыновьям киргизов удавалось закончить полный курс городского училища. Они работали на государственной службе в качестве переводчиков, письмоводителей и т. д. Впоследствии ряд выпускников Пржевальского городского училища — Заит Кадырбаев, Токтокожо Айтбаев и другие — стали активными участниками советского строительства.

Прием в гимназию для киргизов был крайне затруднительным. Так, в 1909 г. в Верненских мужской и женской гимназиях обучалось лишь 15 мальчиков и девочек — детей жителей г. Пишпека и 7 мальчиков — детей киргизов Пишпекского уезда. Гимназию в 1911 г. с серебряной медалью окончил выпускник Пишпекского городского училища сын простого киргиза Кожомурат Сарыкулаков — стойкий борец за освобождение своего народа от социального и национального гнета и установление Советской власти в Киргизии. В числе учащихся Верненской мужской гимназии в 90-х годах был другой выпускник Пишпекского городского училища М. В. Фрунзе, один из соратников В. И. Ленина, будущий выдающийся полководец Красной Армии.

В феврале 1909 г. состоялось собрание киргизов Пишпекского уезда, на котором было признано необходимым организовать в г. Пишпеке среднее учебное заведение, для чего было решено собрать одновременно по 3 руб. с каждой кибитки (общая сумма составила 91572 руб.). На ходатайство о предоставлении государственной субсидии для учреждения гимназии в г. Пишпеке последовал отрицательный ответ.

Лишь 26 декабря 1912 г. состоялось открытие Пишпекской мужской гимназии. Общее число учащихся гимназии к 1 января 1916 г. было 154, в подавляющем большинстве это были дети из русских зажиточных семей.

В марте 1911 г. Собранием уполномоченных г. Пржевальска было принято решение о создании в Пржевальске четырехклассной женской прогимназии с приготовительным классом. Из городских средств на нее ассигновали 13 тыс. руб., городское общество предоставило помещение, для найма которого отпустили 6 тыс. руб. В октябре 1911 г. прогимназия была открыта. Число учениц на 1 января 1916 г. составило 94.

В г. Пишпеке существовало частное женское училище 3-го разряда, которое в 1916 г. было преобразовано в Пишпекскую женскую прогимназию, находившуюся в ведении города. Здание прогимназии нанималось с оплатой 300 руб. в год. В ней среди 190 учениц было 11 девочек-киргизок.

Итак, до Октябрьской революции кроме разных видов начальных школ в Киргизии функционировали только одно среднее учебное заведение — Пишпекская мужская гимназия и два неполных средних учебных заведения — Пржевальская и Пишпекская женские прогимназии. В составе учащихся этих заведений преобладали дети чиновников, купцов, кулаков, а также некоторых баев и манапов. Однако создававшиеся школы (особенно начального типа со светским уклоном) играли важную роль в приобщении части трудящихся коренного населения к овладению определенным кругом общих и прикладных знаний, способствовали расширению возможностей знакомства киргизов с передовой русской культурой, усилению межнационального общения.

Культурно-просветительные очаги и периодическая печать

С вхождением Киргизии в состав России стали создаваться первые культурно-просветительные учреждения и организации. В 1870 г. появилась первая уездная библиотека в г. Токмаке, обслуживавшая небольшую группу чиновников царской администрации. 14 мая 1902 г. в г. Пржевальске открылась первая народная библиотека-читальня на средства горожан. В читальном зале библиотеки имелись журналы и газеты самого разного содержания и направления. Из журналов выписывались «Вестник Европы», «Исторический вестник», «Русское богатство»,

«Русская мысль», «Вестник воспитания» и др., из газет — «Русские ведомости», «Русское слово», «Сибирский вестник», «Туркестанские ведомости», «Туркестон вилоятининг газети» («Туркестанская краевая газета») и др. Фонды библиотеки постоянно пополнялись за счет книг, пожертвованных читателями. Городской кружок любителей драматического искусства устраивал спектакли в пользу библиотеки.

В 1908 г. в г. Пржевальске открылась и мусульманская библиотека-читальня. В нее поступали газеты на татарском языке: «Юлдуз» («Звезда»), «Нур» («Луч»), «Вакыт» («Счастье») и на русском: «Биржевые ведомости», «Торговое дело», «Русское слово», «Семиреченские областные ведомости» и др.

В 1912 г. была открыта Токмакская участковая библиотека-читальня. Ее абонентами с первых же дней стали 70 человек, в том числе 30 киргизов загорных волостей Пишпекского уезда.

В Пишпеке с 1895 г. существовала народная бесплатная библиотека. Она была учреждена на средства и пожертвования частных лиц — горожан Пишпека. Поскольку библиотека была организована без ведома официальных властей, военный губернатор Семиреченской области в марте 1900 г. приказал закрыть ее. Только после настоятельных и неоднократных просьб 15 июня 1916 г. было разрешено возобновить ее работу «под личную ответственность Пишпекского городского общественного управления». Кроме общественных библиотек-читален стали открываться библиотеки при приходских и русско-туземных школах и городских училищах.

В конце XIX — начале XX в. по инициативе местной интеллигенции в городах Киргизии стали проводиться воскресные народные чтения, возникать кружки и общества любителей драматического искусства, проводиться литературно-музыкальные вечера. Так, например, столетие со дня рождения А. С. Пушкина отмечалось в Пржевальске и Оше.

В 1914 г. по инициативе инженера путей сообщения В. В. Панфиловича в Пишпеке работал музыкально-драматический кружок. В то время существовал единственный кинотеатр «Эдисон». В его здании демонстрировались кинокартины для детей: «Сказка о рыбаке и рыбке», «Хорек» и др., а также ставились любительские спектакли. Сколь бы ограниченными и спорадически возникавшими ни были все эти мероприятия, они оставляли о себе добрую память в народе.

28 апреля 1870 г. в Ташкенте стали выходить «Туркестанские ведомости» — первая официальная газета в крае. Печатались и «Приложения» к ней — арабским шрифтом на узбекском и казахском языках. В ее неофициальной части публиковались порой весьма ценные материалы краеведческого характера (география, археология, история, этнография, экономика и др). С начала 1883 г. «Приложения» стали издаваться как самостоятельная газета «Туркестон вилоятининг газети» на узбекском языке. Газета была призвана доводить до местного населения административные распоряжения краевых властей, разъяснять разные вопросы из области общественной и сельскохозяйственной жизни, народного образования, полемизировать с националистическими панисламистскими кругами и т. д. Подписчиками «Туркестанских ведомостей» и «Туркестон вилоятининг газети» являлись в основном местные должностные лица (волостные управители, судьи, старшины и др.), но часть тиража доходила и до местных школ, библиотек и отдельных читателей. В Туркестанском крае издавались официальные и частные газеты и журналы на русском и местных языках, которые выписывались и жителями Киргизии.

В распространении и пропаганде революционных идей и большевистских лозунгов в период революции 1905—1907 гг. в России определенную роль сыграли газеты «Русский Туркестан» и «Самарканд»; издавались подпольные социал-демократические газеты «Рабочий» и «Солдатский листок» в г. Ташкенте, рабочий листок «Молот» в Кызыл-Арвате, «Солдат» в г. Асхабаде.

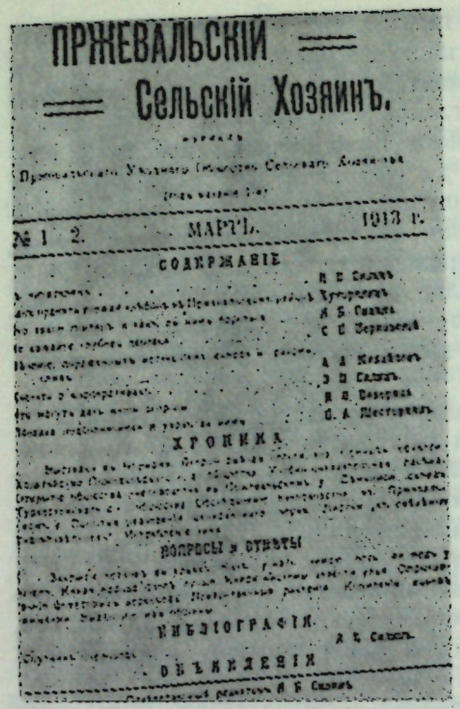
Проникала в Среднюю Азию и нелегально распространялась среди населения привозная марксистско-ленинская литература, что было связано прежде всего с деятельностью политических ссыльных, социал-демократов.

С конца XIX в. усилилась деятельность издателей мусульманской литературы в России, продукция которых поступала в книжные магазины и лавки на местах. В 1914 г. в Оше было 4 таких лавки. Частные книжные магазины И. Терентьева и К. Мальцевой работали в г. Пишпеке с 1912—1913 гг.

В Ат-Баши, Джеты-Огузе, Токмаке, Оше и др. населенных пунктах Киргизии получили некоторое распространение татарские и казахские периодические и другие издания. Среди них, например, журнал «Айкап», газеты «Ак жол», «Казах», а также такие издания казахской народной литературы, как героические сказания «Алпамыс», «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш» и «Баян-Слу» («Красавица Баян») и сказка «Дарийха»; некоторые учителя и любители книг имели даже небольшие собрания произведений классиков восточной литературы: Навои, Бедиля, Сулеймана Бакырганы, «Шах-намэ» Фирдоуси, «Тысяча и одна ночь», «Тотунамэ» и др.

В 1913 г. появляется первый печатный орган на территории Киргизии — «Пржевальский сельский хозяин» — журнал Пржевальского уездного Общества сельского хозяйства, выходивший под редакцией пчеловода Я. Б. Силина.

В 1916 г. на базе типографии Ходаева в г. Пишпеке начал издаваться «Телеграфный вестник». Инициатором его выпуска был начальник управления работ по строительству оросительной системы в долине реки Чу инженер В. А. Васильев. В вестнике печатались телеграммы Всероссийского телеграфного агентства,

ПРЖЕВАЛЬСКІЙ
Сельскій Хозяинъ.

№ 1 2. МАРТЪ. 1913 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ХРОНИКА

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

БИБЛІОГРАФІЯ

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Журнал «Пржевальский сельский хозяин» — первое печатное издание в Киргизии (1913 г.)

отдельные приказы и распоряжения начальника работ и другие официальные материалы. Примерно в то же время в Пржевальском уезде стал выходить «Сельскохозяйственный сборник». В нем, наряду с официальными документами, печатались советы по сельскому хозяйству.

Из книг киргизских авторов, вышедших в свет в дореволюционный период, известно всего четыре. В 1911 г. в Уфе была издана поэма акына Молдо Кылыча «Кыса-и-Зилзала» («Поэма о землетрясении»). Там же в 1913—1914 гг. были напечатаны азбука киргизского языка, составленная Э. Арабаевым, на арабской графике, которая на практике не применялась, «Муктаси тарихи Кыргызия» («Краткая история киргизов») и «Тарихи кыргыз Шадмания» («История Шабданов») О. Сыдыкова, написанные на старочагатайском языке.

Произведения периодической печати на территории дореволюционной Киргизии распространялись в основном на русском, татарском, казахском и других языках. Информация, содержащаяся в ней, через читателей — русских, казахов, узбеков и других делалась в той или иной мере достоянием и некоторой части киргизского населения, способствуя расширению его представлений об окружающем мире, о событиях в Средней Азии, в Центральной России и т. п.

Лечебные учреждения

И во второй половине XIX в. в Киргизии, как и во всей Средней Азии, система здравоохранения находилась в зачаточном состоянии. Остро стоял вопрос об оказании медицинской помощи широким массам коренного населения. Тем не менее, начиная с 70—80-х годов XIX в., на территории Киргизии стали возникать первые приемные покои, а вслед за ними — лечебные участки с врачебным персоналом и небольшие аптеки. Так, например, приемные покои на 4-5 коек были открыты в городах Пишпеке, Пржевальске, Токмаке, Оше и в селе Беловодском.

Пишпекская переселенческая больница

Помещались они в частных домах и находились в самом незавидном положении.

Врачебных участков в Пржевальском уезде было три — Пржевальский, Сазановский, Ат-Башинский; в Пишпекском уезде — также три: Пишпекский, Беловодский и Токмакский. Медицинский персонал врачебного участка состоял из врача (заведующего), фельдшера, фельдшерицы-акушерки и двух «оспенников» (один из местного населения для киргизских волостей, другой русский — для русских селений). На юге Киргизии врачебные участки действовали в Базар-Кургане, Джалал-Абаде и Оше. Позднее такие участки были созданы в селениях Кара-Балтинском и Александровском Чуйской долины. Таким образом, территория тогдашней Киргизии была разбита на 11 врачебных участков.

В 1898 г. в селении Покровском Ошского уезда был открыт фельдшерский амбулаторный пункт. Такой же пункт в Токмаке существовал до мая 1890 г. под названием туземной лечебницы, в которой имелось несколько мест для стационарных больных. Кроме уездных городов амбулаторные пункты действовали в селениях Базар-Кургане, Джалал-Абаде, Сазановском и Нарыне.

Несколько позже на территории Киргизии появились участковые лечебницы и городские больницы. Так, с 1900 г. в Оше стала работать городская больница на 15 коек и лечебница для женщин местного населения на 10 коек, с 1907 г. — лечебницы

В. М. Фрунзе делает прививки киргизским детям (С гравюры В. С. Гладкова, 1970 г.)

в селениях Беловодском и Сазановском. Участковая лечебница на 6 коек функционировала и в с. Дмитриевском в Таласской долине. Городская больница в г. Пржевальске имела в 1912 г. 12 коек.

Помимо перечисленных лечебных заведений имелись лазареты военного ведомства в Оше, Пишпеке, Пржевальске и Нарыне. Врачи военных лазаретов по мере возможности оказывали медицинскую помощь и гражданскому населению. Аптеки при военных лазаретах производили свободную продажу медикаментов. Гражданские аптеки для продажи лекарств населению открылись в 1889 г. в Пржевальске и Пишпеке, а в 1901 г. — в Токмаке и с. Сазановском. При этом царские власти заботились о проведении карантинных мер с тем, чтобы не допустить крупных эпидемий, которые могли охватить воинские части и городское население.

Все же результаты деятельности местных медицинских учреждений, пусть в малой мере, ощущало и коренное население, главным образом — при бескорыстном посредстве передовых представителей русской медицинской интеллигенции. Такие врачи, как Ф. В. Поярков, А. Пржегодский, фельдшер В. М. Фрунзе и др.

Целебные источники Киргизии

оказывали значительную лечебную помощь коренному населению, вели среди него санитарно-просветительную работу, помогали бороться с вековыми недугами киргизского народа — оспой, туберкулезом, трахомой и другими массовыми, трудноизлечимыми болезнями.

Усилиями русских медицинских работников была организована подготовка оспопрививателей из среды коренного населения. Если в 1883 г. в Пишпекском уезде работало 20, а в Пржевальском — 16 оспопрививателей, то в 1898 г. их число возросло в первом — до 29, во втором — до 25. Среди них были известный киргизский народный акын-просветитель Тоголок Молдо, учитель Сазановской русско-киргизской школы Молдогазы Берикбаев, Абак Туркебаев из Джеты-Огуза и др., которые, разъезжая по горным аилам Северной Киргизии, сделали множество прививок киргизским детям. Киргизский народ, восприимчивый к новому, все чаще обращался за медицинской помощью к русским врачам.

Следует добавить, что русские врачи-исследователи внесли немалый вклад в изучение и использование лечебных вод Киргизии. Они выясняли также влияние климатических факторов на характер заболеваемости населения в отдельных районах края,

пытались приспособить медицинскую помощь к образу жизни и быту местного населения.

* * *

Таким образом, общение трудовых слоев переселенческого и коренного населения края, забота представителей демократической русской интеллигенции об организации первых очагов культуры сыграли определенную роль в приобщении киргизского народа к передовой культуре русского и других народов страны. В ростках культурных нововведений, в распространении революционно-демократических идей, в росте классового и национального самосознания трудящихся масс киргизского народа после его добровольного вхождения в состав России нельзя не видеть прогрессивных последствий этого исторического акта. Тем самым было положено начало новому периоду в культурном и социально-политическом развитии киргизского народа, все духовные потенции которого раскрылись и расцвели лишь с победой Великого Октября.

Глава IV

КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг. В РОССИИ

1. Предпосылки революции. Политическая деятельность социал-демократов

Проникновение марксистско-ленинских идей в Киргизию

На рубеже XIX и XX столетий капитализм вступил в свою высшую и последнюю стадию — империализм, ту стадию, «когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»[1]. Наступило время загнивания и упадка паразитической эксплуататорской системы, обострения социальных, политических и национальных противоречий капитализма.

Россия была одной из империалистических держав мира со своими ярко выраженными экономическими и социально-политическими особенностями, обусловленными тем, что в ней уживались, по меткому выражению В. И. Ленина, «...самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»[2]. Все более обострялись противоречия между трудом и капиталом, крестьянством и помещиками, развитым капиталистическим городом и отсталой полуфеодальной деревней, между политикой национального гнета, проводимой царским самодержавием, и возраставшим протестом угнетенных наций. Монополистический капитализм переплетался с пережитками крепостничества и в экономике, и в политической сфере, что накладывало отпечаток на все социальное устройство страны, порождая жестокие, варварские формы капиталистической эксплуатации рабочих, обрекая на вечную нужду и разорение крестьян, подавляя все живое и прогрессивное.

Многочисленные нерусские народы, в том числе киргизы, находились под двойным гнетом — «своих» баев и манапов и русских помещиков и капиталистов. Осуществляя политику нацио-

нально-колониального угнетения, царизм умышленно разжигал вражду между народами. Сочетание деспотизма самодержавия со всеми видами гнета — помещичьего, капиталистического, национального — придавало социальным противоречиям в России особую остроту. Россия стала узловым пунктом всех противоречий империализма.

Промышленный кризис 1900—1903 гг. потряс экономику страны. Голод в деревне в связи с неурожаем 1901 г., а затем развязанная империалистическими кругами Японии и России война 1904—1905 гг. еще больше обострили социально-политические противоречия, резко ухудшили положение трудящихся. Возросло угнетение нерусских национальностей. В усилении экономической эксплуатации колониальных окраин царизма помещики и капиталисты видели одну из возможностей возмещения ущерба, наносимого промышленным кризисом, неурожаем и войной. Бедствия и страдания трудящихся масс России достигли крайних пределов.

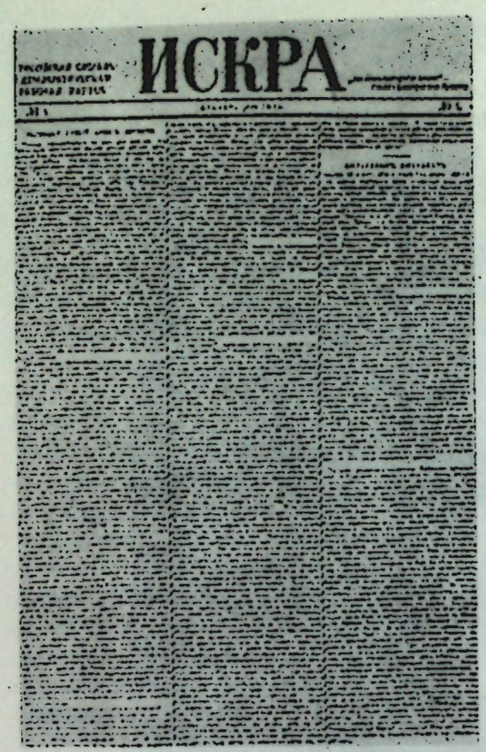
Весь ход исторического развития в начале XX в. показал, что центр мирового революционного движения переместился в Россию. Этому способствовали не только объективные условия, коренившиеся в экономической и политической жизни страны, но и субъективные: высокая политическая активность рабочего класса, наличие революционной партии, осуществляющей политическое руководство борьбой трудящихся масс, и другие. Героический российский пролетариат стал передовым отрядом международного рабочего класса. Он будил к активной политической деятельности все слои населения, эксплуатируемые самодержавно-помещичьим строем, капиталистами, местными угнетателями на национальных окраинах страны. Рабочий класс, возглавляемый большевистской партией, выступил как гегемон, вождь всех трудящихся и эксплуатируемых, как единственный последовательный выразитель интересов народа. Он развил невиданную революционную энергию и энтузиазм, явился организатором и руководителем общедемократического фронта революционной борьбы за свержение царизма.

В начале XX в. в России была налицо революционная ситуация. Об этом свидетельствовали объективные перемены в общественно-политической жизни страны, а именно: обострение нужды и бедствий трудящихся классов, повышение активности масс, назревание «кризиса верхов». Создалось положение, при котором низы не хотели дальше жить по-старому, а верхи — не могли управлять по-старому.

Конечно, как подчеркивал В. И. Ленин, не всякая революционная ситуация приводит к революции. Для ее перерастания в революцию необходимо, чтобы в наличии был также субъективный фактор — «способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»[3].

В. И. Ленин (1900 г.)

ИСКРА

Газета «Искра»

Объективные закономерности общественного развития России, коренные интересы рабочего класса и крестьянства, трудящихся всех национальностей настоятельно требовали слома существующего экономического и политического строя и прежде всего уничтожения помещичьего землевладения и свержения царской монархии. Решить эти исторические задачи могла только социальная революция масс, обретение пролетариатом руководящей роли и наличие у него политической партии, способной не на словах, а на деле стать боевым авангардом освободительного движения. И в начале века «на историческую арену вышла партия нового типа — партия рабочего класса, научного коммунизма, партия социалистической революции и коммунистического созидания»[4], созданная великим Лениным.

Характеризуя сложившуюся в стране обстановку, В. И. Ленин писал 1 января 1905 г.: «Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой. О поддержке и расширении серьезного революционного натиска позаботится русский пролетариат»[5].

Россия стояла на пороге революции, ее дыхание ощущалось и на национальных окраинах империи. Туркестанский край, включая Киргизию, не составлял исключения. Сюда обычно ссылались политические противники царского самодержавия, в том числе революционные социал-демократы, которые находили общий язык с трудовым населением края, особенно с местными рабочими. Многолетнее развитие экономических и общественных связей между коренным населением края и русскими людьми способствовало складыванию их дружественных отношений. Живым примером тому являлась Киргизия.

Беднейшая часть русских переселенцев находилась в основном в том же бесправном и униженном положении, что и труженики-киргизы. И те и другие были кровно заинтересованы в уничтожении социального гнета, в свержении царского самодержавия.

Таким образом, и в Киргизии, несмотря на господство патриархально-феодальных отношений, экономическую и культурную отсталость края, его отдаленность от центральных промышленных районов, живучесть религиозных и бытовых предрассудков, малочисленность промышленных рабочих, создавались благоприятные условия для проникновения и пропаганды революционных идей. Это особенно ярко проявилось накануне и в период событий 1905—1907 гг. Так, в донесении туркестанского генерал-губернатора на имя военного министра от 24 декабря 1905 г. указывалось: «начавшаяся несколько месяцев тому назад противоправительственная агитация среди населения Верненского, Джаркентского и Пишпекского уездов Семиреченской области принимает все более и более угрожающие размеры... Группа населения, состоящая из переселенцев-«самовольцев», представляет благоприятную почву для восприятия выдаваемых ей агитаторами противоправительственных идей»[6].

Начиная с конца XIX в., в Туркестан, в том числе в Киргизию, стали проникать нелегальными путями отдельные произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также книги, брошюры, журналы, газеты, прокламации и листовки, звавшие трудящихся на борьбу с царским самодержавием и местными угнетателями.

В 1903 г. были установлены факты проникновения подпольной революционной литературы в Пишпек и Пржевальск. В доставке и распространении нелегальных брошюр и листовок большое участие принимали 25-летний революционер В. И. Лойцнер и его единомышленники — рабочие приезжего цирка И. И. Пономарев и И. Олейников. Сын поручика, В. И. Лойцнер начал свою революционную деятельность еще в г. Саратове, где местными органами власти было установлено, что «он в беседах с посетителями чайных в Саратове позволил себе порицание существующего в империи образа правления», по обыску же, произведенному у Лойцнера, были обнаружены нелегальные издания[7]. Из Саратова В. И. Лойцнер был выслан в город Пржевальск, куда прибыл 8 июля 1903 г. и поселился на хуторе, расположенном недалеко от города. За ним был установлен особый негласный надзор. Тем не менее и в этих условиях В. И. Лойцнер сумел установить связи с некоторыми прогрессивно настроенными людьми, проживавшими в этом далеком от центра пограничном городке империи.

В ноябре 1903 г. В. И. Лойцнеру удалось съездить в Ташкент и получить у местных социал-демократов ряд брошюр и газет, а также прокламаций и листовок («К фабричным рабочим», «Слово правды», «Неужели так надо» и др.). На обратном пути, находясь в Пишпеке, В. И. Лойцнер передал часть указанной выше литературы своему знакомому, рабочему цирка И. И. Пономареву

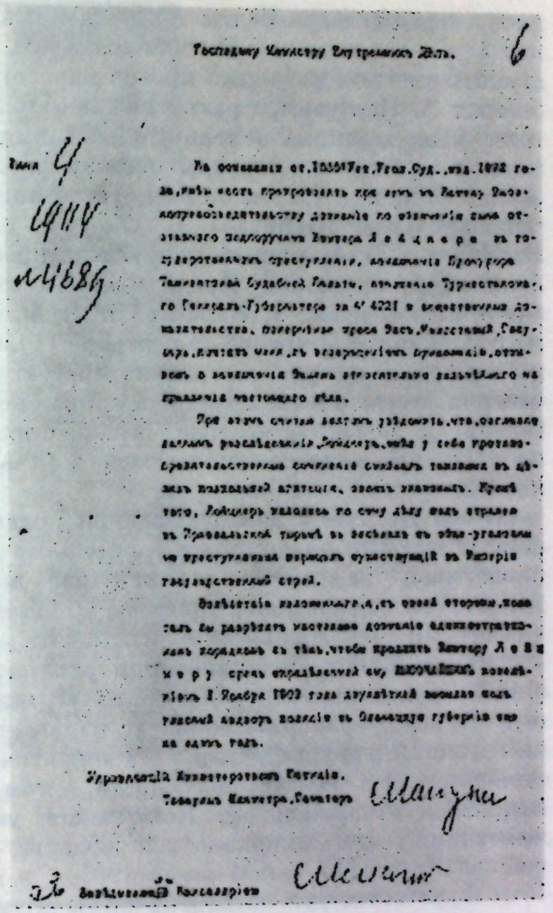
для распространения[8]. В конце года об этом стало известно пишпекской полиции. И. И. Пономарев и И. Олейников были арестованы. При этом у Пономарева обнаружили листовку и стихотворение противоправительственного содержания, датированное 17 октября 1903 г. и отпечатанное в типографии Бакинского комитета Кавказского социал-демократического рабочего союза.

Агенту царской полиции, действовавшему якобы от имени И. И. Пономарева и И. Олейникова, удалось получить от В. И. Лойцнера «четыре печатных издания нелегального характера». 29 января 1904 г. В. И. Лойцнер был арестован и заключен в городскую тюрьму Пржевальска, где находился до 19 февраля. В день ареста обыскали его квартиру, обнаружили еще несколько нелегальных изданий. Характерно, что и после ареста Лойцнер, находясь в общей камере пржевальской тюрьмы, открыто порицал царское самодержавие. Следственные органы обвинили его «в хранении у себя на хуторе близ г. Пржевальска в 1903 г. подпольных изданий противоправительственного содержания и распространении их, а также в ведении пропаганды против существующего строя». За революционную деятельность В. И. Лойцнер был сослан в Олонецкую губернию сроком на пять лет, с заключением на месте в тюрьме на один год[9].

Распространение марксистско-ленинских идей в Туркестанском крае резко выросло в годы первой народной революции в России. Известно, в частности, что при обыске у жившего в г. Верном члена Семиреченской революционной группы социалистов З. Сергиенко полицией были изъяты такие работы В. И. Ленина, как «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Доклад об Объединительном съезда РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)» и др.[10], а в мае 1907 г. найдена работа В. И. Ленина «К деревенской бедноте», принадлежавшая переводчику топографа Переселенческого управления А. П. Березовскому. Всего у него было обнаружено свыше 30 книг антиправительственного характера. Владея казахским и киргизским языками, А. П. Березовский пропагандировал революционные идеи и среди коренного населения[11].

Особенно много стало поступать в Туркестанский край материалов после временного устранения в октябре 1905 г. царской цензуры на периодическую печать[12]. Проникали в города Киргизии легальные газеты большевистского направления — «Русский Туркестан», «Самарканд», «Рабочий» и др. В их числе и газета «Урал», выходившая на татарском языке, которая публиковала большевиков, приобщала трудящихся восточных национальностей, в том числе киргизов, к идеям и лозунгам большевистской партии[13].

В 1906 г. среди трудового населения Семиреченской области, включая северную часть Киргизии, имела хождение нелегальная газета «Обстрел» — орган Семиреченской революционной группы социалистов, которая доходила и до горных районов Пржевальского уезда. Призывы к свержению самодержавия и свободе в первых номерах газеты способствовали усилению революционных настроений в Семиречье, но затем ее захватили эсеры, программу которых она поддерживала с шестого номера. Различными путями проникали сюда социал-демократические брошюры, журналы и другие издания из Центральной России, Закавказья, порой даже из-за границы.

Документ о распространении В. И. Лойцнером антиправительственной литературы. 4 июня, 1904 г.

На территории Туркестанского края в 1905—1907 гг. действовало несколько подпольных типографий (в Ташкенте, Верном и некоторых других городах). Особенно активно проявила себя типография «Союзного комитета» (Ташкентской группы РСДРП), издавшая десятки названий прокламаций и перепечатавшая ряд листовок центральных и периферийных органов РСДРП.

В размножении революционной литературы, распространявшейся и в Киргизии, некоторую роль сыграла подпольная типография Семиреченской революционной группы социалистов, основанная в начале 1906 г. Помимо отмеченной выше газеты «Обстрел» она выпускала различные прокламации, листовки[14].

Летом 1905 г. некоторые социал-демократы из состава работавшей в Киргизии партии по отводу переселенческих участков (И. М. Глебов и др.) также распространяли антиправительственные прокламации и листовки.

Один из активных членов Туркестанской организации РСДРП А. И. Рувимов несколько месяцев вел революционную работу сре-

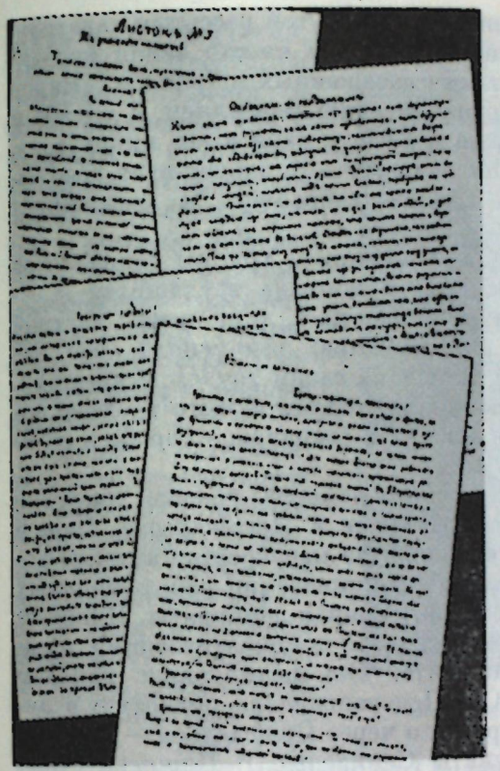
ди крестьян с. Кара-Балты Аулие-Атинского уезда. Он рассказывал о революционных событиях в России, призывая крестьян выступать вместе с рабочими против царского самовластия. В своих беседах А. И. Рувимов разъяснял необходимость принудительного изъятия казенных земель и надела ими безземельной бедноты, внушал русским крестьянам отказаться от запашки киргизских земель. В январе 1906 г. он был арестован. При обыске у А. И. Рувимова изъяли «Капитал» К. Маркса, «Экономическое учение К. Маркса» К. Каутского и другие запрещенные издания. Революционную пропаганду среди крестьян селений Ново-Николаевского, Беловодского и Кара-Балты Чуйской долины вели также А. Благодарный и другие. В сентябре — октябре 1905 г. в Верном и Пишпеке была распространена листовка, выпущенная Семиреченской революционной группой социалистов. Она призывала население к борьбе за равные, независимо от социальной, национальной принадлежности и пола, права, за свободу слова и печати.

В это же время военнослужащие, расквартированные в указанных городах, знакомились с листовкой «Солдаты к солдатам», написанной от имени солдат — членов Верненской группы РСДРП[15] и содержавшей призывы к объединению с трудящимися массами в борьбе против царского самодержавия.

Осенью 1905 г. полицией были установлены факты появления в Верном и Пишпеке прокламации «9 января», гневно клеймившей зверскую расправу царизма над мирными демонстрантами-рабочими Петербурга[16]. Социал-демократические листовки распространялись и в Ферганской области, в том числе в Ошском, Маргеланском, Андижанском, Кокандском уездах, а также в Ходжентском уезде Самаркандской области, куда входили южные районы Киргизии. Так, 1 июня 1905 г. в г. Оше унтер-офицером 10-го туркестанского батальона была получена нелегальная прокламация Ташкентской группы РСДРП, присланная ему по почте в закрытом конверте[17].

Социал-демократические листовки и другая революционная литература проникали и к рабочим каменноугольных копей Кызыл-Кии. Здесь революционную пропаганду вели социал-демократы, которые организовали подпольный кружок, собиравшийся по воскресеньям. Кружковцы-шахтеры, в том числе молодые рабочие, читали революционные издания и произведения Л. Н. Толстого, запрещенные царской властью[18].

Усилилось распространение нелегальных революционных листовок, прокламаций и воззваний в Пржевальском уезде, особенно в его центре. При арестах и обысках здесь обнаруживались такие нелегальные листовки, прокламации и воззвания, как «Годовщина манифеста 17 октября», «Товарищи солдаты», «Народу от народных представителей», «К избирателям», «Народ и государственная власть», «Письмо крестьян царю Николаю II», «Гражданам города Верного» и другие, а также газета «Обстрел»[19].

Революционные листовки, воззвания и прокламации, получившие распространение в Киргизии

За антиправительственную деятельность в Пржевальском уезде, доставку, распространение прокламаций, листовок и пропаганду идей, изложенных в них, М. Филиппова, А. Аксентович, П. Мацуцин, житель г. Пржевальска Д. Яковлев и рядовой казак А. Березовский были привлечены к суду[20].

Листовки и другая нелегальная литература в Пржевальском, а также Пишпекском уездах продолжали появляться и в 1907 г. Военным губернатором Семиреченской области тогда были «получены донесения (из) Пржевальска и подобранные по улицам прокламации, содержавшие в себе призыв к борьбе (с) правительством»[21].

В мае 1907 г. житель с. Беловодского Пишпекского уезда Е. Романенко, собрав вокруг себя на улице толпу крестьян, стал читать им прокламацию, в которой говорилось, что «народ шел с хоругвиями к государю, а он велел в народ стрелять... Государь всю землю для себя забрал»[22]. В документах следственных органов указывалось, что «Е. Романенко усиленно ведет антиправительственную пропаганду», призывая население к открытой борьбе против существующего строя и подчеркивая, что «скоро-не скоро, а мы свое возьмем»[23].

В распространении социал-демократической литературы в Туркестанском крае и пропаганде революционных идей в Пишпекском уезде активно участвовали И. С. Свинухов с единомышленниками. За это он неоднократно подвергался репрессиям. При обыске у него в 1906 г. были изъяты нелегальные издания, в том числе работа В. И. Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»[24].

Небезынтересно содержание листовок и прокламаций, распространявшихся в Киргизии и в других районах Туркестана. Так, в социал-демократической прокламации «Годовщина манифеста 17-го октября» говорилось, что царь надеялся обмануть народ,

одной рукой подписывая манифесты, а другой рассылая карательные отряды; в результате народ получил вместо земли виселицы, а вместо воли — сотни тысяч засаженных в тюрьмы. «Народ сам,— гласила листовка,— дружным единым усилием, с оружием в руках должен вырвать землю и волю у царя и его министров». Текст прокламации завершали лозунги: «Да здравствует революция! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует республика!»[25].

Листовка Семиреченской революционной группы социалистов «Народ и государственная власть» призывала трудящихся к открытому выступлению, к захвату власти и ликвидации частной собственности на средства производства, разъясняла, что человечество делится на людей, живущих своим трудом,— крестьян, рабочих, и на людей, пользующихся плодами чужого труда,— помещиков, фабрикантов, что приводит к социальной борьбе и голоду в стране.

Как видим, нелегальные социал-демократические листовки сравнительно широко распространялись в Пржевальске, Оше и особенно в Пишпеке. Расположенный на перекрестке важных дорог, город играл немалую роль в проникновении революционных идей в северную часть Киргизии. Социал-демократы Пишпека были связующим звеном между социал-демократическими организациями Семиречья и Ташкента. По нелегальным каналам Ташкентская организация РСДРП переправляла подпольную литературу через Пишпек в Верный, а через Пржевальск — в Джаркент, Лепсинск и другие пункты Семиречья. В Пишпеке существовал кружок демократически настроенной интеллигенции, собиравшейся на квартире врача В. П. Студенцовой-Воскресенской, члены которого также занимались распространением нелегальной литературы.

Социал-демократические листовки и воззвания все шире распространялись и среди расквартированных в Киргизии солдат. В рапортах командного состава вышестоящему начальству с тревогой отмечалось, что солдаты проявляют большой интерес к прокламациям, читают их и прячут[26]. Сообщалось также, что солдат Пишпекской команды Попов, имея связь с революционерами Верного и других городов, получал от них литературу, знакомил с нею рядовых военнослужащих и горожан. В Пишпеке в казармах 1-го казачьего полка был найдено 13 экземпляров прокламаций и брошюр. Большое количество листовок охранка обнаружила у солдат Пржевальского гарнизона. Политическая работа в среде солдат велась настолько успешно, что по инициативе социал-демократов были даже сделаны попытки создать военно-революционные организации в Пишпеке и Оше.

Революционная литература, распространявшаяся среди горожан, солдат и русских крестьян, оказывала через них известное влияние и на коренное население. Приветствуя трудящихся Киргизии в связи с празднованием 100-летия ее добровольного вхож-

дения в состав России, ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР отмечали, что «под влиянием тесного общения с русским народом и особенно передовыми представителями российского рабочего класса в среду киргизского народа стали проникать революционные идеи»[27].

Табалды Жукеев (А. А. Пудовкин)

Следует подчеркнуть и то, что несмотря на отсталость и забитость коренного населения стали появляться революционеры - киргизы. В этом отношении заслуживает особого внимания деятельность Табалды Жукеева (Пудовкин Александр Александрович)[28]. Работая на Среднеазиатской железной дороге, он прошел большую трудовую революционную школу и, став в 1905 г. членом РСДРП, принимал активное участие в подпольной деятельности революционеров Кызыл-Арвата и Красноводска. Его энергия и преданность делу рабочего класса ярко проявились в 1905—1907 гг. и в последующий период, особенно в революционных выступлениях ташкентских рабочих, за что он неоднократно подвергался репрессиям со стороны царских властей. За ним был установлен особый надзор, затем его арестовали, судили и приговорили к смертной казни, замененной каторжными работами сроком на 15 лет. Т. Жукеев неоднократно пытался бежать из заключения, но неудачно.

В усилении антисамодержавных и антифеодальных настроений в среде киргизских трудящихся немалую роль играл выдающийся акын-демократ Токтогул Сатылганов, бежавший с сибирской каторги, которую он отбывал по политическим мотивам. В своем творчестве он показал, какое сильное влияние оказывали на него русские политические ссыльные, их простота, искренность, мужество и самоотверженность. В них он нашел настоящих друзей. Семь лет каторжной жизни стали для Токтогула большой политической школой, и он страстно призывал своих собратьев — тружеников-киргизов к дружбе с русским народом, к совместной

борьбе против царского и феодального гнета, за социальную и национальную свободу.

Как отмечалось, на пути глубокого проникновения марксистско-ленинских идей в Киргизию стояли огромные препятствия, и прежде всего экономическая, политическая и культурная отсталость края, малочисленность рабочих, почти сплошная неграмотность коренного населения и основных масс русских переселенцев, веками складывавшиеся национальные и религиозные предрассудки, слабость связей с Центральной Россией. Подавляющая часть коренного населения не владела или слабо владела русским языком. Русские революционеры в основном также не знали языка местного населения. Революционная литература на киргизском языке отсутствовала. Что касается местных революционеров, которые могли бы нести идеи марксизма-ленинизма в гущу киргизского народа, то их было немного.

Однако ненависть киргизских и русских тружеников к эксплуататорам была так велика, а события первой народной революции 1905—1907 гг. в России настолько ощутимы, что многонациональные массы окраин страны не могли остаться в стороне. Поднималась на борьбу беднота коренных национальностей.

Характерно сообщение туркестанского генерал-губернатора: «Мною получены негласные сведения, что последние события внутри России вызывают сильное брожение в туземном населении»[29]. А газета «Русский Туркестан» (Ташкент) с полным основанием констатировала: «глубоко заблуждаются те, кто полагает, что туземное население Туркестанского края совершенно безучастно относится к революционному движению в России и не понимает поставленных этим движением ближайших целей. Мы имели возможность неоднократно убеждаться в том, что интерес к революционному движению в России и его проявлениям у нас в Туркестане в туземной среде возрастает с каждым днем и что отдельные, довольно многочисленные представители этой среды, несмотря на недостойные попытки дискредитировать в их глазах это движение, выработали вполне правильный взгляд на события последнего времени»[30].

Определенную роль в приобщении коренного населения к политической жизни и российскому революционному движению сыграла трудовая часть русских переселенцев. В официальных материалах значилось, что антиправительственная деятельность рядовых крестьян-переселенцев «в высокой степени осложняла и без того нелегкую задачу администрации — поддерживать в области спокойствие и порядок» и подрывала в глазах коренного населения «авторитет» царской власти[31]. Действительно, чем быстрее росло недовольство народных масс, тем труднее было царизму держать в подчинении и «спокойствии» трудовые массы Средней Азии, включая и Киргизию.

Появление и деятельность социал-демократических кружков и групп

Ведущая роль в развитии революционного движения в Средней Азии и Казахстане принадлежала революционной социал-демократии и особенно большевикам-ленинцам, чье влияние на массы росло и крепло.

Активно действовали социал-демократы Ташкента. В конце февраля — начале марта 1905 г., порвав с эсерами, они вышли из «Союзной группы» и создали самостоятельную группу РСДРП, ставшую вскоре самой крупной в Туркестане.

Во второй половине апреля 1905 г. возникла социал-демократическая группа в г. Верном — административном центре Семиреченской области, куда входила большая часть северных районов Киргизии.

Огромное воздействие на развитие социал-демократического движения в Средней Азии и Казахстане, как и всей России, оказал III съезд РСДРП, состоявшийся в апреле 1905 г. Осудив меньшевиков и их раскольнические действия, съезд сплотил всех революционных социал-демократов, вооружил их ленинской стратегией и тактикой.

Спустя два месяца после съезда была опубликована книга В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В решениях съезда и книге В. И. Ленина четко определялись задачи пролетариата как гегемона буржуазно-демократической революции.

Резолюция III съезда РСДРП и работа В. И. Ленина легли в основу всей практической деятельности партии в период революции 1905—1907 гг. Избранный съездом Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным уделял большое внимание укреплению связей с местными социал-демократическими организациями, в том числе среднеазиатских районов страны. Активизировало свою деятельность Восточное бюро ЦК РСДРП (Самара), непосредственно руководившее партийными организациями Поволжья, Сибири, Урала и Туркестана.

Связь с центральными партийными организациями осуществлялась через ташкентских социал-демократов, имевших выход в Центр посредством Оренбург-Ташкентской железной дороги, а также при помощи закавказских большевистских организаций.

Несмотря на трудности установления связей с центральными органами партии, социал-демократы Туркестана были знакомы с решениями III съезда РСДРП и их ленинским обоснованием в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции». К лету 1905 г. существовавший в Пишпеке узкий кружок революционно настроенных лиц, группировавшихся вокруг учителя И. М. Глебова, преобразовался в социал-демократическую группу при коллективе прибывших в Пишпек статистиков Переселенческого управления. Ядро ее составляли студенты, исключенные из столичных вузов за революционную работу. В группе не было деления на большевиков и меньшевиков, некоторые из

ее членов впоследствии примкнули к эсерам. Но в целом деятельность группы осуществлялась в духе революционной демократии. Более того, по некоторым животрепещущим вопросам, и прежде всего о вооруженном восстании, отношении к Государственной думе и др., члены группы стояли на большевистских позициях.

Они вели разъяснительную работу среди русского крестьянства и киргизского дехканства, собирали сходки и митинги, пропагандировали необходимость установления демократической республики, радикального решения аграрного вопроса, распространяли революционную литературу, получаемую из Петербурга, Москвы, Ташкента и Верного. 22 октября и 8 ноября 1905 г. были проведены массовые митинги протеста против лживого царского манифеста, а 16 ноября забастовали служащие Пишпекской почтово-телеграфной конторы, присоединившиеся к Всероссийской забастовке связистов[32].

Только использование опытного провокатора, сыгравшего предательскую роль еще в провале Московской социал-демократической организации, повальные обыски и аресты среди пишпекских и верненских революционеров в декабре 1905 — начале 1906 г. и последовавшая затем высылка за пределы Семиречья наиболее активных членов группы прервали ее революционную работу.

Одновременно с ней в Пишпеке действовали другие нелегальные кружки социал-демократического направления. Один из них возник летом 1905 г. на карантинном пункте в пригороде Пишпека. Другой кружок образовался осенью 1905 г. в среде демократически настроенной части городской интеллигенции. С нею поддерживали связь некоторые сельские учителя Пишпекского уезда[33]. В дальнейшем на базе такого рода кружков сложилась объединенная социал-демократическая группа.

Аналогичными были кружки, а чаще всего неоформленные объединения демократически настроенных лиц, которые возникли в обстановке революционного подъема и в других городах и крупных поселках Киргизии. Так, в Пржевальске демократические элементы группировались вокруг учителя Путьковского и писаря Катунцева[34].

Большую работу вели революционные социал-демократы в воинских частях. В течение 1905—1907 гг. среди солдат Пишпекского, Пржевальского, Нарынского и Ошского гарнизонов не прекращались волнения.

Большевистские идеи в солдатские массы Нарынского гарнизона несли высланные сюда за антиправительственную деятельность В. Викторов — рядовой 91-го Двинского пехотного полка и Д. Кузнецов — мастеровой 16-го Мингрельского полка[35], а в среду переселенческого крестьянства — и сельские учителя, связанные с пишпекскими и верненскими социал-демократами.

В южных районах Киргизии пропагандистская деятельность революционеров была связана главным образом с работой социал-

демократических групп Коканда, Нового Маргелана (Скобелев), а также Ташкента. Представители этих групп находились в контакте с революционно настроенными шахтерами Кызыл-Кия, ошскими горожанами и солдатами расквартированных здесь воинских подразделений. Так, летом 1906 г. по поручению Ташкентской группы РСДРП член этой группы В. В. Быховский посетил города Ферганской долины, в том числе и Ош, где встречался с жителями, придерживавшимися демократических взглядов[36]. Под руководством члена Скобелевской социал-демократической организации М. П. Недопасова была создана подпольная группа на Кызыл-Кийском руднике.

В 1906 г. при ссыльной роте в г. Оше действовала социал-демократическая группа под руководством В. В. Особо, связанная с социал-демократическими организациями Нового Маргелана, Коканда, Ташкента и Петербурга. Тогда же среди городских жителей вел пропагандистскую работу Д. Е. Чураков, высланный в Ош за участие в революционном движении бакинского пролетариата. Он выезжал на нефтепромыслы «Чимион» и в другие населенные пункты Ферганской области[37] для связи с социал-демократами.

2. Участие трудящихся Киргизии в первой российской революции

Выступления в 1905 г.

События 9 января, вошедшие в историю под названием «Кровавого воскресенья», положили начало первой народной революции в России. «В столице 9 января,— писал В. И. Ленин,— грянул первый гром революционного выступления пролетариата. Раскаты этого грома пронеслись по всей России, подняв с невиданной раньше быстротой свыше миллиона пролетариев на гигантскую борьбу. За Петербургом последовали окраины, где национальное угнетение обострило и без того невыносимый политический гнет»[38].

Вести о событиях 9 января облетели всю страну, вызвав могучую волну рабочего движения. Говоря о размахе революции, В. И. Ленин отмечал, что «пролетарское движение все ширится, раскинувшись теперь по самым далеким окраинам. Брожение и недовольство охватывает самые разнообразные и самые отсталые слои общества»[39].

В постановлении ЦК КПСС «О 80-летии революции 1905—1907 годов в России» говорится, что вместе с русским пролетариатом и крестьянством борьбу против царизма и эксплуататорских классов вели трудовые массы национальных окраин, в том числе Средней Азии[40].

Весной 1905 г. одними из первых в Киргизии выступили горняки Кызыл-Кия. Поднявшись на борьбу против капиталистического гнета, они выдвигали в основном такие же экономические и политические требования, как и рабочие центральных

промышленных городов: повышение заработной платы, отмена штрафов, установление восьмичасового рабочего дня, свобода слова, собраний, союзов и др.

В Пишпеке 6 августа 1905 г. состоялся многолюдный и бурный митинг, носивший острополитический характер. В нем принимали участие безземельные русские переселенцы и представители трудовых дехкан. Одним из организаторов митинга являлся учитель И. М. Глебов, активным участником — крестьянин Е. С. Ефремов[41]. Выступавшие осуждали антинародную политику царского правительства, требовали справедливого решения земельного вопроса. Была составлена петиция на царское имя за подписью 262 человек «О нуждах населения в государственном благоустройстве». В ней говорилось о невыносимом экономическом и политическом положении русских безземельных переселенцев. В петиции еще чувствовалась слепая вера в «царя-батюшку» и надежда улучшить положение крестьян с его помощью. В целом же в ней выдвигался ряд революционных и демократических требований: наделение крестьян землей, уменьшение налогов, запрет повышения цен на необходимые товары, открытие библиотек, уравнение прав всех социальных сословий, введение всеобщего бесплатного обучения, свободы слова, печати, собраний и союзов, немедленный созыв «народных представителей на основе всеобщего равного и тайного голосования»[42]. В петиции подчеркивалось: «произвол чиновников все растет, бесправие, темнота, невежество гнетут нас и благосостояние наше все падает, доходя иногда до глубокой нищеты»[43]. Власти обрушили репрессии на организаторов и активных участников митинга. И. М. Глебов и Е. С. Ефремов были арестованы, преданы суду, последний выслан из края. В митинге участвовали и семиреченские социал-демократы, которые в своих листовках призывали верненцев последовать примеру трудящихся Пишпека.

К осени 1905 г. революция распространилась на всю страну вплоть до самых отдаленных районов. В октябре разразилась грандиозная политическая стачка, переросшая в общероссийскую. «В октябрьской стачке проявилась крепнущая связь рабочих разных национальностей России»[44]. Забастовкой были охвачены Ташкент и другие крупные города края. В среде коренного трудового населения также то там, то здесь вспыхивали волнения, быстрыми темпами шло революционизирование масс. В совершенно секретном рапорте от 14 декабря 1905 г. начальник Оншского уезда сообщал: «Мною получены негласные сведения, что последние события внутри России вызывают брожение в туземном населении»[45].

Царское правительство, напуганное мощным подъемом революции, 17 октября 1905 г., издало манифест, в котором были обещаны неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов и созыв законодательной думы с привлечением к участию в ней «по мере возможности» всех классов населения, в том числе рабочих и крестьян. Воспринимая манифест как пустое обещание и обман народа, большевики призывали трудящихся к решительной борьбе с царским самодержавием, чтобы добиться действительной, а не призрачной свободы. Призывы партии находили живой отклик у трудящихся Туркестана.

Расстрел демонстрантов в Ташкенте у городской думы 19 октября 1905 г. вызвал негодование и бурный протест трудящихся. По всему краю, в том числе Киргизии, прокатилась новая волна забастовок, демонстраций и митингов. Один из таких политических митингов состоялся 22 октября 1905 г. в Пишпеке. На нем присутствовали рабочие, ремесленники, трудовые крестьяне, представители революционно настроенной интеллигенции. Его участники гневно осуждали царское самодержавие, призывали трудящихся к решительным действиям против существующего строя.

Ярким свидетельством недовольства царским манифестом 17 октября явился митинг в Пишпеке 8 ноября, организованный семиреченскими социал-демократами, в котором участвовало около 400 человек. Была принята резолюция на имя председателя Совета Министров России, требовавшая действительного предоставления народу избирательных прав на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, установления свободы совести, слова и печати, свободы личности, союзов, собраний и введения всеобщего обязательного бесплатного образования. Предлагалось также немедленно выкупить частновладельческие земли и вместе с удельными, кабинетскими, монастырскими и другими передать крестьянам для обработки без применения наемной рабочей силы; заменить все косвенные налоги одним прямым прогрессивно-подоходным; организовать для крестьян государственный кредит; наделить землей как русское, так и киргизское население; освободить Пишпек от казачьей охраны[46].

Резолюция митинга носила революционный характер, хотя в отдельных положениях и формулировках не была свободна от меньшевистско-эсеровского влияния. Она вызвала переполох среди местных властей, спешным образом созвавших Собрание уполномоченных Пишпека, на котором она была осуждена и принято решение оповестить председателя Совета Министров о ее неправомочности.

В ноябре 1905 г. забастовали рабочие нефтяного акционерного общества «Чимион». Они требовали от администрации сократить рабочий день с 10 до 8 часов, повысить заработную плату, улучшить бытовые условия, устроить для рабочих библиотеку, отвести зал для собраний. Забастовка продолжалась более десяти дней[47].

Всероссийская забастовка почтово-телеграфных работников также нашла отклик в Средней Азии. Забастовка работников связи Туркестанского края началась 16 ноября 1905 г. и продолжалась до 3 декабря. В Киргизии она длилась с 16 по 24 ноября и проходила под знаком солидарности с бастующими почтовиками Москвы и Петербурга. Участие в ней принимали почтово-телеграфные служащие Пишпека, Пржевальска, а также ряда селений

Киргизии. Почтово-телеграфная связь между городами и населенными пунктами Туркестанского края, в том числе Киргизии, была прервана[48]. Однако забастовка не увенчалась успехом, а наиболее активные ее участники подверглись репрессиям, денежным штрафам, многие были уволены.

В ходе революции заколебалась также, как говорил В. И. Ленин, самая «прочная» и последняя опора царизма — армия[49]. Октябрьская всеобщая забастовка способствовала подъему революционного движения среди солдат и матросов. В конце октября 1905 г. вспыхнуло восстание в Кронштадте, зверски подавленное царизмом. Происходили массовые волнения солдат и матросов во Владивостоке, во флотских экипажах Петербурга и других местах. С 8 по 15 ноября длилось восстание в Севастополе, возглавленное лейтенантом Шмидтом. Волнения имели место также среди воинских частей в Туркестане, в том числе в гарнизоне Ташкентской военной крепости в ночь с 15 на 16 ноября 1905 г. Призывы большевиков к открытой борьбе против царского самодержавия нашли отклик и в других частях и подразделениях, в том числе расположенных в Киргизии. В ноябре 1905 г. за пение революционных песен был убит есаулом ветеринарный врач Нарынского военного гарнизона.

Под воздействием рабочего и солдатского движения на борьбу поднималось трудовое крестьянство. В этом отношении не составляла исключения и русская переселенческая беднота Киргизии. В октябре 1905 г. трудовые крестьяне Пишпекского уезда и жители уездного города встретили приезд туркестанского генерал-губернатора антиправительственными выкриками. В ноябре и декабре 1905 г. усилились выступления крестьян в Пишпекском, Верненском и Джаркентском уездах Семиреченской области. 23 декабря 1905 г. названные уезды были объявлены на положении усиленной охраны. Газета «Русский Туркестан» подчеркивала, что среди массы русских переселенцев Пишпекского уезда «идет глухое брожение, которое может вылиться в самые неожиданные формы»[50]. В официальном документе отмечено, что «в недалеком будущем в Семиреченской области (в среде русских переселенцев) могут возникнуть осложнения на аграрной почве»[51].

Русские безземельные переселенцы пытались поджечь дом начальника Пишпекского уезда. Власти разогнали крестьян, а некоторых арестовали. Произошло столкновение крестьян с представителями властей. С обеих сторон имелись тяжело раненые.

В конце марта 1905 г. киргизские дехкане Кугартской волости Андижанского уезда решительно выступили против кулаков-переселенцев, пытавшихся отнять у них богарные земли в урочище Кок-Янгак, и сумели отстоять свой земельный участок[52]. В ноябре того же года дехкане аила № 3 названной волости (более ста человек) оказали сопротивление вооруженным кулакам — переселенцам, явившимся чтобы отнять у них пахотные земли в местности Ягач-Курган. В конце июля киргизские и

таджикские дехкане Наукатской волости дали отпор исфанейскому участковому приставу и двадцати его джигитам, которые прибыли в волость для прокладки нового арыка через их посевы. Около 150 дехкан преградили им путь и заставили спасаться бегством.

21 октября 1905 г. началось волнение дехкан в Аулие-Атинском уезде. В с. Александровка они с возмущением и негодованием жаловались прибывшему участковому приставу на волостных управителей и биев, обиравших их, и требовали от них защиты. По приказу пристава его джигиты стали избивать дехкан и разгонять толпу. Наиболее активные участники волнения были арестованы и отправлены в г. Аулие-Ата[53].

29 октября 1905 г. на базаре в с. Орловка произошло столкновение жителей Бостерекской волости, главным образом недоимщиков по государственным налогам, с волостным управителем, аильным бием и их джигитами, которые пытались заставить их погасить долги. Но «киргизы (недоимщики) не стали им подчиняться»[54]. Число участников столкновения составило несколько сот человек. Волостной управитель, бий и их джигиты были избиты. Только вмешательство полиции спасло их. Блюстителям порядка с трудом удалось закрыть базар и разогнать «бунтовщиков».

В начале 1905 г. скотоводы Кетмень-Тюбе сорвали выборы в Сусамырской волости и властям пришлось перенести их. Но и второй раз они выступили против предложенных кандидатур, выдвигая на должность волостного управителя бедняка Джантая[55].

6 февраля того же года во время выборов местных должностных лиц в Чадакской волости Наманганского уезда произошло столкновение бедноты Тепе-Курганского и Кырчинского аильных обществ с представителями местной феодальной знати и администрации. Волнения продолжались до 22 февраля, но были подавлены, а 5 участников арестованы[56]. В середине февраля 1905 г. по настоянию местной феодальной верхушки управителем Базар-Курганской волости Андижанского уезда был избран выходец из байской среды. Тогда рядовые жители названной волости открыто выступили против пятидесятников-выборщиков, забрасывая их камнями и требуя отмены выборов и переизбрания волостного управителя. На его место они выдвинули выходца из народа. 5 марта во время выборов волостного управителя в Саруйской волости Наманганского уезда рядовые общинники оказали сопротивление манапам и чиновникам уездной администрации, пытавшимся протащить своего ставленника. Негодующая букара (до 1500 человек) набросилась на пятидесятников. Проводивший выборы помощник уездного начальника приказал арестовать некоторых участников этого выступления. Протестующие попытались насильно освободить арестованных, но царский чиновник пригрозил употребить против «бунтовщиков» огнестрельное оружие. Тогда один из участников выступления Джаныш Мураталиев выдвинулся вперед и, обнажив грудь, закричал: «На, стреляй!» Его арестова-

ли, но выборы были сорваны и провести повторно их не удалось[57].

Выборы старшин в с. Кырчин Кугартской волости, в Сусамырской и Чаткальской волостях неоднократно переносились, но бедняки-дехкане отказывались отдавать свои голоса за кандидатов из числа баев, пытаясь избрать своих представителей. Также сорваны были выборы в Турукской волости Ошского уезда. Дехкане решительно выступили против ставленника феодальной знати, желая видеть на месте волостного рядового общинника Мирзу Буробаева[58].

Выступления в 1906—1907 гг.

Бедняки многих киргизских волостей (Булак-Башинской Ошского уезда, Багышевской Наманганского уезда и др.), оказывая упорное сопротивление действиям уездных начальников, уже не только отвергали вновь избираемых кандидатов, выдвигаемых манапами, но и требовали переизбрания аильных старшин, отличавшихся жестокостью.

После поражения декабрьского вооруженного восстания революционное движение в стране пошло на убыль, но борьба трудящихся продолжалась. В этом отношении не составляла исключения и Киргизия.

В начале февраля 1906 г. произошла забастовка рабочих акционерного общества «Чимион». Длилась она 12 дней и отличалась упорством и настойчивостью участников, требовавших от администрации «убрать инженера, уплачивать всем увольняемым сокращенных штатов трехмесячный оклад»[59]. В январе 1907 г. провели недельную забастовку рабочие нефтепромыслов товарищества «Битум», предъявив администрации экономические, отчасти и политические требования.

В ночь на 3 апреля 1906 г. в Пишпеке было совершено нападение на городскую почтово-телеграфную контору, что вызвало немалую тревогу не только уездных, но и областных властей. В том же месяце только по одному слуху, что киргизы напали на почтово-телеграфную контору в местечке Акбаса Ошского уезда, туда немедленно для подавления «беспорядков» были направлены 50 казаков из Гульчи и охотничья команда из Оша.

Продолжали выступать и солдаты. Так, 22 мая 1906 г. забастовали солдаты военного гарнизона Нового Маргелана. Они отказались выйти на тактические занятия и потребовали улучшить пищу, особенно качество хлеба. Гарнизонному начальству пришлось обратиться за помощью к областной администрации. В июле того же года произошли волнения солдат 5-й роты 4-го Андижанского резервного батальона, которые пытались освободить двух бывших унтер-офицеров, посаженных на гауптвахту и разжалованных в рядовые.

Не прекращались волнения и выступления дехканства. В феврале 1906 г. они происходили в некоторых волостях Аулие-Атинского и Пишпекского уездов против изъятия земли у трудовых дехкан. Это же послужило причиной протеста более 230 юртовладельцев Ново-Чуйской волости Пишпекского уезда. Они обратились к туркестанскому генерал-губернатору с письменным требованием приостановить действия чиновников Переселенческого управления[60].

19 мая 1906 г. скотоводы Джеты-Огузской волости Пржевальского уезда во время выборов местных должностных лиц поставили перед уездным начальством вопрос о «разделении волости или об отделении бедняков от богатых»[61]. В июле того же года во время выборов волостного управителя беднейшая часть населения Чорпинской волости названного уезда отказалась поддерживать кандидатуру ненавистного народу манапа и также потребовала утверждения для нее самостоятельной волости. Вскоре произошло столкновение трудовых дехкан с представителями феодальной знати и участковым приставом в Кашгар-Кишлаке Андижанского уезда. Жители этого аила, как и ряда других, выражали недовольство по поводу навязываемых им неугодных кандидатур и требовали избрания на посты волостных управителей лиц из среды трудового народа. Власти решили «проучить» участников этого волнения. Многие были взяты под арест, свыше 30 подвергнуты телесному наказанию (от 15 до 100 ударов розгами)[62]. Следует отметить, что в этом выступлении совместно участвовали представители киргизского, уйгурского и узбекского трудового населения.

В июле 1906 г. дехкане аила № 7 Якессек-Бостонской волости Кокандского уезда, пытаясь отстоять находившийся в их пользовании земельный участок «Сарыкамыш», избили и прогнали землемера. В начале октября жители Багышевской и Джамансартовской волостей выступили с протестом против запрещения пользоваться оросительной сетью, питающейся водами реки Мураке[63].

Доведенные до крайности дехкане нередко убивали представителей феодальной верхушки и царской администрации. Так, в ноябре 1906 г. бедняки из аила № 5 Майли-Сайской волости Андижанского уезда расправились с ненавистным им баем. 6 июля 1907 г. неимущие одного из аилов Карабуринской волости Аулие-Атинского уезда совершили нападение на двух самых жестоких в местности Чиндалат богатеев. «Нападающие сначала разобрали юрту бая Наркула и разбросали имущество», а затем избили его самого[64].

Трудовое население Пишпекского уезда все чаще протестовало против земельных изъятий, настойчиво требуя прекращения межевых работ и статистических опросов, которые проводили сотрудники Семиреченского переселенческого управления. Дехкане отказывались давать чиновникам сведения о поголовье скота и размерах земельных участков, находившихся в их пользовании.

Жители Джуван-Арыкской, Кочкорской и других волостей Пржевальского уезда заявляли, что готовы пойти на все, но от-

резать их земли в переселенческий фонд не позволят. В июле 1907 г. против изъятия общинных земель выступали дехкане Кичи-Кемина и других местностей Пишпекского уезда[65].

Под влиянием революционных событий участились отказы рядовых киргизов платить долги феодалам, ростовщикам, а также поборы в пользу представителей эксплуататорских верхов. Нередки стали случаи уклонения переселенческой бедноты от уплаты государственных налогов и податей.

Характер революции

Выступления трудящихся Киргизии носили преимущественно стихийный, нередко пассивный характер. Пролетариат края был малочисленным и слабо организованным, а марксистско-ленинские идеи еще не получили широкого распространения среди трудящихся. Все это не могло не сказаться на масштабах революционных событий в Киргизии.

После поражения декабрьского вооруженного восстания в стране начался период постепенного наступления политической реакции. Воспользовавшись поражением восстания, самодержавие спешило полностью разгромить революцию. Карательные меры царских властей осуществлялись и в Туркестане, в том числе в Киргизии. 23 декабря 1905 г. исполняющий обязанности туркестанского генерал-губернатора издал приказ, согласно которому в Пишпекском, Верненском и Джаркентском уездах Семиреченской области вводилось положение усиленной охраны. Срок его действия по ходатайству военного министра был продлен указом Николая II на 1907 г. Сохранялось и положение чрезвычайной охраны, объявленное в сентябре 1906 г. в Ферганской области, куда входила южная часть Киргизии.

Антинародные действия правительства все более ужесточались. В телеграмме туркестанского генерал-губернатора штабу войск Семиреченской области от 17 декабря 1905 г. рекомендовалось «немедленно принять решительные меры к прекращению пропаганды и агитации всякого рода... в случае забастовок и беспорядков немедленно подавлять их, если нужно силой... От подавления агитации зависит спокойствие туземного элемента края и устраняются самые тяжкие последствия»[66].

Были запрещены демонстрации, митинги и собрания. Широко практиковались повальные обыски, аресты следовали за арестами, сотни людей предавались суду и отправлялись в тюрьмы или ссылку. Социал-демократические, особенно большевистские кружки, группы и организации были разгромлены, а оставшиеся на воле их участники ушли в глубокое подполье.

В борьбе с революционным движением царская власть стремилась более чем когда-либо обрести опору в среде черносотенцев, кадетов, буржуазных националистов, феодальных верхов, мусульманского и православного духовенства.

Революция 1905—1907 гг. в России потерпела поражение потому, что восставшие в декабре 1905 г. рабочие были недостаточно вооружены. Их руководители не имели опыта руководства массами в условиях вооруженного восстания. Как указывал В. И. Ленин, рабочие организации отстали от роста и размаха движения[67]. В немалой степени этому способствовали меньшевики, выступавшие против вооруженного восстания. К тому же пролетариату не удалось добиться окончательного перехода царской армии на сторону революционного народа.

Крестьяне действовали разобщенно и недостаточно наступательно и, хотя крестьянское движение формировалось под прямым воздействием революционной борьбы рабочего класса, оно отставало от нее, развивалось без тесной взаимосвязи с пролетарским движением. Выступления рабочих, крестьян и солдат не слились в единый поток.

Положение в Средней Азии осложнялось тем, что процесс складывания союза между пролетариатом и многонациональным крестьянством края по сравнению с центральными областями страны проходил медленнее. Различия в языке и культуре населения создавали дополнительные трудности. Кадры постоянных промышленных рабочих из среды коренного населения были незначительны. Дехканские массы еще не освободились из-под влияния реакционного мусульманского духовенства и феодально-родовой знати, а процесс классово-политической дифференциации в среде коренного населения протекал медленно.

По своему характеру и задачам революция 1905—1907 гг. в России была первой буржуазно-демократической революцией эпохи империализма, которая приобщила народ к политической жизни, воспитала его в духе героизма в борьбе за свободу, продемонстрировала новые средства и формы борьбы, каких не знали прежние революции. Революция была призвана выполнить программу-минимум социал-демократической партии. Ее цель — свержение царского самодержавия, устранение остатков крепостничества, установление демократической республики. Но происходила буржуазно-демократическая революция в условиях империализма, когда буржуазия стала контрреволюционной силой, которая гораздо больше боялась революционного пролетариата, чем царизма, и была готова на соглашение с ним. По средствам и способам борьбы — стачки и вооруженное восстание, а также по гегемонии пролетариата — революция была пролетарской. В то же время это была крестьянская буржуазно-демократическая революция, направленная на уничтожение помещичьего землевладения. Ее опыт подтвердил необходимость боевого союза трудящихся всех национальностей России под руководством гегемона освободительного движения — рабочего класса и их совместной борьбы за социальное и национальное освобождение.

Революционное движение в Средней Азии (Туркестанском крае) было составной частью общероссийской революции 1905—1907 гг. Вместе с тем оно протекало в условиях, в значительной степени отличных от условий Центральной России. Прежде все-

го это — господство идущих из глубины веков патриархально-феодальных отношений и колониальное положение края, малочисленность рабочих, забитость широких крестьянских масс. Все это накладывало отпечаток на ход и характер революционных событий.

В. И. Ленин отмечал, что в ходе революции произошло еще более четкое размежевание политических сил на три лагеря — правительственный, т. е. царистско-помещичий, либерально-буржуазный и революционно-демократический[68]. Последний представлял собой «левые силы», с разной степенью энергии и сознательности боровшиеся против самодержавия. В классовом отношении они охватывали пролетариат, крестьянство, мелкобуржуазные слои городского населения, мелких служащих, демократическую интеллигенцию, т. е. большую часть населения страны.

В Средней Азии к правительственному, т. е. царистско-помещичьему лагерю явно тяготели местные феодально-клерикальные элементы, которые видели в царизме единственную надежную защиту от «собственных», пришедших в движение, трудящихся масс. В крае давала о себе знать и либеральная буржуазия с ее неустойчивой предательской природой. Необходимо подчеркнуть, что именно вокруг местного отряда рабочего класса, включавшего в свои ряды рабочих коренной национальности, начали группироваться местные крестьяне, низы русских переселенцев, крестьяне, одетые в солдатские шинели, а также городские мелкобуржуазные элементы, как русские, так и из среды коренного населения. Но союз между рабочим классом и крестьянством был еще непрочным. Тем не менее и в Средней Азии коренные трудящиеся массы стали все более решительно переходить на революционный путь борьбы за социальное и национальное освобождение. Они проникались пониманием той истины, что в борьбе с общим врагом — царизмом, феодалами и капиталистами — русский рабочий класс является их единственно верным другом и руководителем. Местные феодально-клерикальные элементы и буржуазные националисты, напуганные нарастающей революционностью трудящихся, с особенным усердием искали помощи у царского самодержавия в подавлении революционного движения.

Одновременно с этим мусульманское духовенство и зарождавшаяся национальная буржуазия пыталась использовать затруднения царизма, вызванные революцией и поражением в русско-японской войне, в своих корыстных интересах. Характерна в этом отношении петиция представителей национальной буржуазии северных районов Киргизии и юга Казахстана председателю Совета Министров России. Выразив свои верноподданические чувства царю и благодарность за манифест 17 октября 1905 г., они просили об учреждении в киргизских и казахских районах Духовного правления мусульман, в руках которого были бы сосредоточены все дела по управлению вакфными землями, заведованию школами, мечетями и общее руководство религиозно-нравственным воспитанием народа. Далее излагалась просьба ограничить изъятие киргизских земель и снять усиленную охрану, ввести пропорциональное представительство народов Туркестана в Государственной думе[69].

Революционные социал-демократы из-за своей малочисленности и в силу отмечавшихся трудностей не смогли развернуть широкую работу среди сельских масс коренного населения. В общей сложности масштабы и размах политических событий 1905—1907 гг. в городах и селениях Киргизии были намного меньшими, чем в таких крупных городских центрах Туркестанского края, как Ташкент и Самарканд, где сосредоточивались относительно большие отряды наемных рабочих и был более высок уровень общественно-политической сознательности масс.

Нельзя однако не видеть и недооценивать того, что выступления трудящихся Средней Азии явились органической частью революции 1905—1907 гг., их борьба за свое социальное и национальное освобождение все более тесно сливалась с общероссийским революционным движением за свержение царизма и конфискацию помещичьих земель, а руководящей силой революционных масс во всей стране стал пролетариат во главе с партией большевиков.

Несмотря на поражение, революция 1905—1907 гг. в России вошла в мировую историю как первая подлинно народная революция эпохи империализма. Она нанесла сильнейший удар по российскому самодержавию, способствовала ослаблению всей империалистической системы, вызвала глубокие социальные потрясения во всем мире. В. И. Ленин подчеркивал, что «в первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!»[70] Революция 1905—1907 гг. подняла к сознательному творчеству широкие народные массы, проявила все классы и партии в действии, закалила рабочий класс и большевистскую партию, вооружила их политическим опытом, который помог им впоследствии одержать победу над царизмом и капитализмом. Она со всей очевидностью показала, что центр мирового революционного движения переместился в Россию, а героический российский рабочий класс стал авангардом международного пролетариата. Первая российская революция 1905—1907 гг. подтвердила на практике правильность ленинских идей, стратегии и тактики большевистской партии, показала, что большевики являются единственной революционно-марксистской партией в России, способной привести народ к решительной победе над царизмом и капитализмом. По словам В. И. Ленина, первая революция в России явилась «генеральной репетицией» Великого Октября.

В. И. Лениным было определено и ее значение для народов Средней Азии: «пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»[71].

Глава V

КИРГИЗИЯ В ГОДЫ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА

1. Наступление реакции

Третьеиюньский переворот и наступление реакции

После поражения первой народной революции 1905—1907 гг. в России наступил период реакции, который В. И. Ленин назвал временем разгула, насилия и бесправия. Началом его принято считать 3 июня 1907 г., когда царское правительство разогнало II Государственную думу и, в нарушение провозглашенных манифестом 17 октября 1905 г. свобод, утвердило новый избирательный закон. Суть его сводилась к перераспределению числа выборщиков в пользу помещиков и буржуазии. Лишь в 6 губерниях рабочие имели теперь право посылать в Думу по одному представителю. Количество выборщиков от крестьян сокращалось до 1/4 от общего числа, в то время как помещики, составлявшие ничтожную часть населения страны, получали половину мест (49,4%). Резко снижалось представительство национальных окраин. Народы Средней Азии, в том числе Киргизии, объявлялись «политически незрелыми» и вообще лишались права избирать в Думу.

Новый избирательный закон знаменовал не только поражение революции и торжество самодержавия, но выражал стремление царизма обновить прогнившую монархию союзом с буржуазией при сохранении за помещиками решающих позиций в государственном управлении.

В. И. Ленин подчеркивал, что этот союз является следствием буржуазной эволюции страны в условиях поражения первой волны революции[1]. Он писал: «Старое крепостническое самодержавие развивается, превращаясь в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами. Открыто закреплен и признан государственным переворотом 3-го июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии»[2].

Заручившись поддержкой эксплуататорских верхов, царские власти развязали террор против собственного народа. «Царское правительство, помещики и капиталисты,— указывал В. И. Ленин,— бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию,— точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»[3]. Повальные обыски шли по всей стране: в городах и селах, в железнодорожных поездах, церквах, школах, университетах, земствах, даже в судах и больницах. Перлюстрировалась частная переписка. Никто не был уверен в своей личной безопасности. Тысячи революционных рабочих и крестьян, передовых интеллигентов были казнены, десятки тысяч томились в тюрьмах и ссылках, страдали на каторге. Страна была покрыта виселицами. Их называли «столыпинскими галстуками» (по имени Столыпина — председателя Совета Министров, инициатора системы мер, направленных на укрепление царизма). По неполным данным, с 1907 по 1909 г. царские власти по политическим мотивам осудили 26281 человека, из них 5086 были приговорены к смертной казни, 6517 сосланы на каторгу, 1009 отправлены в ссылку и т. д. К началу 1908 г. в тюрьмах находилось более 200 тыс. человек — вдвое больше, чем существовало тюремных мест. Заключенных подвергали истязаниям и пыткам.

Были разгромлены и запрещены демократические общества и организации, которые возникли в годы революции. По сведениям большевистской газеты «Звезда», за пятилетие (1906—1910 гг.) было закрыто 497 профсоюзов, 604—отказано в регистрации. Если в начале 1905 г., по приблизительным данным, насчитывалось 245 тыс. членов профсоюзов, то в 1909 г. осталось только 13 тыс. У рабочего класса, по существу, сохранились лишь небольшие очаги легального объединения.

В стране наблюдался застой промышленности. Закрывались предприятия, и одновременно росли концентрация и централизация производства, возникали монополистические объединения, которые совместно противостояли пролетариату. Были введены «черные списки», применялись массовые увольнения наиболее активных, революционных элементов. Буржуазия аннулировала многие революционные завоевания пролетариата: повсеместно был увеличен рабочий день, снижены расценки и в то же время повышены нормы выработки. Стали широко практиковаться штрафы.

После переворота третьего июня резко усилился военно-полицейский гнет на колониальных окраинах. С особой жестокостью подавлялось национально-освободительное движение, в том числе в Средней Азии и Казахстане. Общность политических устремлений, которая лежала в основе союза царизма, дворянства с верхами торгово-промышленной буржуазии, порождала в период реакции разгул шовинизма и национализма в их самой свирепой форме. Политика самодержавия и третьеиюньской думы имела

целью разобщить народы национальных окраин, сломить у них волю к борьбе за социальное и национальное освобождение.

На территории Туркестанского края действовало положение об усиленной и чрезвычайной охране, позволявшее местной администрации издавать постановления, которые имели фактически силу закона и превращали военных губернаторов областей в настоящих сатрапов. 14 февраля 1907 г. туркестанский генерал-губернатор телеграфировал в Петербург: «Положение чрезвычайной охраны раньше полагал сохранить до 20 февраля. В настоящее время нахожу необходимым сохранить чрезвычайную охрану до более благоприятного времени в зависимости от общего положения после созыва Государственной думы». 15 сентября 1907 г. царь Николай II санкционировал продление срока действия положения об усиленной охране в Верненском, Пишпекском и Джаркентском уездах Семиреченской области, в Ферганской области и других местах края. Фактически действие этого положения распространялось и на всю территорию Киргизии.

В Ташкенте было учреждено районное охранное отделение с розыскными пунктами в Асхабаде и Верном. Охранка следила за перепиской ведомств, учреждений и частных лиц. Чтобы обеспечить еще более широкий охват населения политическим сыском, к нему была подключена полиция. Специальным циркуляром полиция обязывалась усилить слежку за всеми прибывавшими в города и села. Никто из гражданской администрации не имел права вмешиваться в оперативные дела полиции.

Повсюду осуществлялся гласный и негласный надзор за лицами, числившимися «политически неблагонадежными». Им запрещалось поступать на государственную службу, проживать в городах, заниматься определенными промыслами. Особым законом, который распространялся также на Среднюю Азию и Казахстан, были изменены процессуальные нормы по делам политического характера, рассчитанные на то, чтобы устрашить трудящиеся массы, ужесточить расправу над революционерами.

Многие социал-демократические организации края были разгромлены. Уже в середине 1907 г. последовал арест нескольких членов Ташкентского комитета РСДРП. Другие вынуждены были покинуть Туркестан. Все это существенно ослабило социал-демократическое движение в крае. Правда, в конце 1907 г. ташкентскими большевиками была предпринята попытка не только восстановить организацию, но и наладить связи с ЦК РСДРП и редакцией центральной большевистской газеты «Пролетарий». Однако охранка выследила революционеров и вновь обрушила на них репрессии, после чего Ташкентский комитет как центральный орган социал-демократов края надолго прекратил свое существование, а оставшиеся на свободе его члены ограничивались в основном пропагандистской работой среди относительно небольшого круга сознательных рабочих[4].

В том же году были разгромлены почти все социал-демократические кружки и группы, действовавшие на территории Киргизии. В конце января были произведены аресты среди членов Ошской группы, руководителю которой, В. В. Особо, удалось скрыться. Однако через несколько месяцев он был выслежен полицией и заключен в тюрьму. Так называемая ссыльная рота, при которой действовала Ошская группа РСДРП, была расформирована, а командир ее разжалован[5].

Вслед за этим в тюрьму был брошен член РСДРП с 1902 г. Д. Е. Чураков, который, находясь на поселении в Оше под надзором полиции, все же продолжал революционную работу. Вскоре в тюремном заключении он умер от туберкулеза.

В октябре 1907 г. в Ташкенте был арестован один из первых большевиков-киргизов Т. Жукеев (А. А. Пудовкин). При аресте он оказал вооруженное сопротивление полиции и был приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги. Находясь в тюрьме и выполняя решение тюремного подпольного комитета, Т. Жукеев ликвидировал тайного агента полиции. Его судили вторично, и срок каторги был увеличен до 30 лет. Вплоть до февраля 1917 г. Т. Жукеев томился в тюрьмах Ташкента, Саратова, Варшавы и Нижнего Новгорода[6].

Полиция выявила марксистский кружок, возглавляемый Хвощинским, куда входили ветеринарные работники Пишпекского уезда. В 1907 г. он и его товарищи были арестованы и высланы из Пишпека[7]. Преследованию подвергались все, кто поддерживал связи с социал-демократами, а тем более помогал им. Так, была учинена расправа над проживавшими в Пишпеке крестьянами С. Е. Климовым и М. С. Харламовым. Их обвинили в «содействии» Ташкентскому комитету РСДРП.

Наступление реакции сказывалось на всей экономической и социально-политической жизни края, в том числе на усилении политики насильственной русификации окраин. В 1909 г. было запрещено избрание волостных управителей и аильных старшин из коренного населения, не владеющих русским языком.

Предпринимались попытки создать на территории Киргизии местные отделения шовинистических, черносотенно-монархических союзов «Русского народа» и «Михаила Архангела». Причем расчет делался на крестьян-переселенцев, основная часть которых была сосредоточена в Пишпекском и Пржевальском уездах. Идеологическую обработку масс в этих уездах вела и православная церковь, открыто проповедуя шовинизм и натравливая на революционеров отсталые слои населения.

Шовинистическая политика царизма вызывала ответную волну местного буржуазного национализма. В Туркестане, в том числе в Киргизии, активизировались так называемые джадиды, среди которых в годы реакции наметились два основных направления. Одно из них по-прежнему ориентировалось на русскую буржуазию и ее кадетское крыло, другое — стало тяготеть к пра-

вящим кругам Турции, осуществляя пропаганду идей пантюркизма и панисламизма[8].

В ряде крупных городов Туркестанского края джадиды выпускали свои издания, организовывали нелегальные кружки. Однако на территории Киргизии джадидское движение из-за малочисленности и слабости местной буржуазии было не столь значительным, хотя и поддерживало связи с его центрами, снабжалось пропагандистской литературой. Так, Токмакское «благотворительное» общество «Экбаль» и Пржевальское мусульманское общество получали джадидские газеты и журналы: «Таржиман» («Переводчик»), «Вакт» («Время»), «Нур» («Луч»), «Идель» («Волга»), «Юлдуз» («Звезда») и др. Одновременно с этим джадидская литература распространялась через книжные магазины в Пишпеке, Пржевальске и Токмаке[9].

Среди крупных баев, торгово-ростовщической буржуазии и скотопромышленников северных районов Киргизии определенным влиянием пользовались националистические идеи казахской буржуазной интеллигенции, призывавшей к образованию самостоятельного буржуазно-националистического государства «Алаш-Орда».

Примечательно, что все националистические течения в Туркестане объединял прежде всего общий страх перед пробуждением и приобщением к активной политической деятельности народных масс. Буржуазные националисты были врагами революционного движения и активно боролись против растущего влияния российского рабочего класса и партии большевиков. Неприятие программы подлинно демократических преобразований, отказ от смелой и решительной борьбы за ликвидацию колониального гнета обрекал буржуазно-националистическое движение на политическую бесплодность и не выводил его за рамки требований ограниченных реформ, не влекущих за собой ни радикальных изменений, ни подрыва основных устоев существовавшего в крае общественно-политического устройства.

Все же, несмотря на жестокие репрессии, освободительное движение в Киргизии давало о себе знать. По-прежнему в отдельных случаях дехкане отказывались платить непомерные налоги. Кое-где происходили столкновения на почве земельных изъятий. Росло количество так называемых «разбойных нападений» на местных богачей и царских чиновников.

В годы реакции в Туркестанский край и, в частности, в Киргизию, прибывали активные революционеры. Одни из них скрывались здесь от полицейских преследований, другие — были высланы царскими властями. Так, в сентябре 1907 г. в Пишпек из Ташкента прибыл по подложному паспорту на имя И. М. Константинова и устроился механиком в магазин компании «Зингер» И. С. Свинухов, активный участник революции 1905—1907 гг. в Туркестанском крае, преследовавшийся властями. В Пишпеке ему удалось наладить прежние партийные связи. В конце 1907 г.

при содействии И. С. Свинухова в Пишпек приехали опытный революционер И. Е. Панфилов, активный участник социал-демократического движения в России, помогавший транспортировать революционную литературу из Женевы в Россию. В конце 1907—начале 1908 гг. вокруг них из среды рабочих и ремесленников Пишпека стала складываться социал-демократическая группа большевистского направления. Квартира И. С. Свинухова была местом нелегальных встреч ее участников. Действовала она более двух лет. Лишь в марте 1910 г. охранке удалось напасть на след И. С. Свинухова, и 25 мая он был арестован и отправлен по этапу в Казалинскую тюрьму.

25 декабря 1908 г. в казармах 5-й сотни 2-го Сибирского казачьего полка, размещенной в Пишпеке, за революционную пропаганду был арестован А. В. Путьковский. Он убежал казаков, что «для России не нужен царь, а нужен избранный народом и с народом советующийся президент, а для этого следует «учинить бунт», казаки же должны действовать вместе с народом»[10].

Революционную пропаганду среди переселенческого крестьянства Пишпекского и Пржевальского уездов вели в этот период и некоторые сельские учителя, в том числе А. В. Русиков, П. Г. Колесников, А. А. Бабкин. Им помогали социал-демократы города Верного, возглавляемые с августа 1908 г. Е. Н. Филипповой, членом РСДРП с 1906 г., активной участницей декабрьского восстания в Москве.

Существенную помощь революционной социал-демократии Семиречья, в том числе Пишпекского и Пржевальского уездов, оказывали революционно настроенные студенты московских, петербургских и других вузов страны — бывшие выпускники Верненской мужской и женской гимназий. Они пересылали сюда нелегальную литературу, помогали наладить связь действовавшим в северных районах Киргизии революционерам с большевистскими организациями Центральной России и за границей. Приезжая в каникулярное время на родину, в Семиречье, некоторые из них принимали непосредственное участие в сходках и пропагандистской деятельности местных партийных групп[11].

В годы столыпинской реакции не прекращалась революционная работа и на территории южных районов Киргизии. На шахтах Кызыл-Кии действовал М. П. Недопасов, отбывший в 1905 г. три месяца тюремного заключения за принадлежность к Скобелевской социал-демократической организации. Революционную работу среди кызылкийских и сулюктинских шахтеров вели также забойщики Капиносов, Бондарь, Насонов, а также Кадыров, который до поступления на работу в рудник жил в Юзовке Екатеринославской губернии, где состоял в рядах социал-демократической организации[12].

Что касается социал-демократических групп, где преобладало меньшевистское влияние, то в годы столыпинской реакции они

влачили жалкое существование. Их инертность являлась практическим выражением ликвидаторских настроений. Закономерно, что в период столыпинской реакции политическая активность меньшевиков резко упала.

Такая ситуация складывалась по всей стране. В. И. Ленин писал: «Всю, или почти всю, наличную *партийную* работу — особенно на местах — несут на себе теперь большевики. И на них, твердых и последовательных защитниках партийности, лежит теперь задача большой важности — привлекать к делу *партийного строительства* все пригодные для него элементы[13]. Именно в этом направлении действовали большевики и на территории Киргизии, стремясь оживить и сцементировать марксистские кружки и группы, ведя борьбу против ликвидаторских тенденций меньшевизма, преодолевая пассивность и инертность, которые сеяли мелкобуржуазные попутчики революции.

Столыпинская аграрная реформа и ее проявление в Киргизии

Одним из политических уроков, извлеченных из событий революции 1905—1907 гг. царизмом — защитником господствующих классов империи,— было уяснение того, что монархическая верхушка уже не может господствовать, полагаясь только на феодальное дворянство и весьма сомнительную преданность «царю-батюшке» патриархальных крестьянских масс. Это отчетливо показало активное участие значительных слоев крестьянства в революционных событиях[14]. Теперь зашатавшемуся трону надо было искать новую, по возможности массовую социальную опору, при этом ставка была сделана на набиравшее силу кулачество, на поддержку крупной буржуазии[15].

Чтобы достичь своих целей, царское правительство, возглавляемое черносотенным помещиком П. А. Столыпиным, попыталось по-своему решить острейший земельный вопрос путем осуществления новой аграрной политики. Помпезно провозглашенная и расхваленная на все лады, эта политика целиком была направлена на защиту классовых интересов помещиков и кулаков посредством проведения «сверху» аграрной реформы. Наиболее последовательные защитники царизма усматривали в этом единственную возможность спасения империи. С помощью реформы они надеялись поднять производительность сельского хозяйства, в первую очередь земледелия, продвинуть далее процесс социальной дифференциации крестьянства, отвести угрозу всеобщего аграрного движения в деревне[16]. В. И. Ленин метко охарактеризовал суть столыпинской аграрной политики, указав, что «крепостники-помещики изо всех сил, самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту *буржуазную* политику, распростившись со всеми романтическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мужичка, *ища* себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности»[17].

Важной составной частью новой аграрной политики царизма

было поощрение переселения «крепких» крестьян на окраины Российской империи. На смену прежнему курсу правительства (стремлению удержать в основных районах страны рабочую силу — крестьян, чтобы облегчить помещикам ведение их хозяйства) пришел курс на полную свободу крестьянского переселения как один из способов буржуазной перестройки деревни и ослабления остроты крестьянского малоземелья в центре России.

Основными официальными актами, в которых воплощалась столыпинская аграрная политика, были: указ от 9 ноября 1906 г. о праве выхода крестьян из общины и закреплении своих наделов в личную собственность, поспешно изданный правительством в период наибольшего подъема крестьянского движения в стране, охваченной революцией, аграрный закон от 14 июня 1910 г. (после утверждения его III Государственной думой) об обязательном закреплении земли в собственность в общинах Центральной России, не знавших передела в последние 24 года и признававшихся отныне перешедшими к подворно-участковому землевладению, и, наконец, майские 1911 г. положения о землеустройстве.

Для Туркестанского края и сибирских губерний Главным управлением землеустройства и земледелия был разработан проект «Положения о поземельном устройстве крестьян, оседлых туземцев Туркестанского генерал-губернаторства и сибирских инородцев на казенных землях сибирских губерний и областей Туркестанского генерал-губернаторства», в соответствии с которым здесь за каждым хозяином-переселенцем на казенные земли утверждалось право собственности на усадебные и полевые земли, входившие в один отруб и составлявшие самостоятельное хозяйство[18].

Таким образом, столыпинская реформа оставляла помещичьи земли в полной неприкосновенности, а каждый крестьянин получал право выхода из общины и закрепления своего надела в личную собственность. Выделявшимся из общины земля предоставлялась в одном месте (хуторе или отрубе). Тем самым ради создания своей опоры в лице кулачества царизм сознательно шел на насильственное разрушение векового общинного уклада деревни.

При этом кулаки получали в единоличную собственность лучшие участки из бывших земель крестьянской общины. Забота об этом лежала на так называемых землеустроительных комиссиях. В руки зажиточных крестьян, пользовавшихся кредитами Крестьянского банка, попадали и наделы сельской бедноты, которая вынуждена была либо сдавать их в аренду, либо продавать по дешевке, уходя «в отход» — на промыслы, транспорт и в города, окончательно порывая с деревней.

Трудовое крестьянство ни в центральных губерниях России, ни на среднеазиатских окраинах, несмотря на огромный нажим властей, не спешило с выходом из общин, поскольку не видело

в этом спасения от нужды и кабалы. Так, в Европейской России из общин вышло в общем лишь около четверти всех крестьянских дворов.

В Киргизии также из-за сопротивления бедняцко-середняцких слоев крестьянства столыпинским аграрным преобразованиям господствующей формой землевладения оставалась общинная. Кулацкие и байские хозяйства в земледельческих районах действительно были заинтересованы в выделении из общин на хутора и отруба, вполне сознавая, кому на руку проводившееся столыпинское землеустройство. Недаром последнее было прозвано в народе «землерасстройством», а претворявшие его в жизнь землеустроительные комиссии — «землеразграбительными».

Правительственная программа массовых земельных изъятий у коренного населения Киргизии и Казахстана была выработана на межведомственных совещаниях по вопросу «О землеустройстве киргиз» (1907 г.) и «О порядке колонизации Семиреченской области» (1908 г.). Их участники, ссылаясь на известную статью 119 «Степного положения» о переходе земель коренного кочевого населения в государственную собственность, признали за правительством право подвергать «изъятию из пользования киргиз всякие земли, какие оно найдет нужным для своих целей», при этом даже «потребовать и сноса построек с изъятых из пользования кочевников... земель»[19].

Все это происходило в условиях всяческого рекламирования преимуществ переселенческой политики правительства. Столыпин активно использовал переселение и с целью выдворения из Европейской России в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию и другие восточные окраины страны недовольной, наиболее революционно настроенной крестьянской бедноты, из-за действий которой в годы первой народной революции земля буквально горела под ногами помещиков.

На территории северной части Киргизии и юга Казахстана были определены два крупных переселенческих района — Семиреченский и Сыр-Дарьинский, то есть главным образом места массового обитания кочевого и полукочевого киргизского и казахского населения.

Широковещательные обещания всяческих льгот переселенцам, включая проезд по железной дороге за Урал, ссуды на домоустройство на местах вселения и т. д. привели к тому, что в 1907—1908 гг. в восточную часть Сыр-Дарьинской области (Талас) и в южные районы Семиречья хлынула основная масса переселявшихся в Туркестан крестьян. Это были преимущественно обездоленные бедняки и часть среднесостоятельных крестьян из южных черноземных и густонаселенных губерний России (Воронежской, Курской, Саратовской, Самарской, а также области Войска Донского) и Украины (Полтавской, Черниговской, Харьковской, Киевской, Екатеринославской) и некоторых других местностей.

Однако справиться на местах с переселенческим потоком,

реально наделить участками и ссудами всех ранее неустроенных и вновь прибывших крестьян-переселенцев туркестанские власти не смогли. И дело было не только в земельной тесноте и почти полном отсутствии свободных орошаемых земель, не вовлеченных коренными жителями в хозяйственный оборот, недостатке кредитов и т. п., но и в скрытом нежелании властей устранять прибывавшую бедноту, особенно так называемых крестьян-самовольцев. Ничтожно малые ссуды при крайне бюрократическом порядке их выдачи получали по выбору чиновников Переселенческого управления лишь немногие переселенцы, зачастую состоятельные, а не бедняки, нередко годами ожидавшие наделения их землей. Вскоре, в 1908 г., Туркестанский край был вновь (до 1912 г.) официально закрыт для переселения, и с 1909 г. приток переселенцев в так называемую Азиатскую Россию постепенно стал иссякать. Одновременно нарастала численность возвращавшихся на родину крестьян-бедняков, разорившихся еще в пути следования и окончательно потерявших после бесплодного ожидания надежду на получение земли и ссуды. В 1913 г. из одного Пишпекского уезда выехало 512 обнищавших «обратных» переселенцев, из которых далеко не все и не всегда могли добраться до родных мест, погибая в пути от голода, холода и болезней[20].

В результате развертывания поземельных работ в Пишпекском, Пржевальском и некоторых других уездах Семиреченской области у киргизского и казахского населения были отобраны в переселенческий фонд сотни тысяч десятин пахотно-пригодных земель, на которых создавались все новые переселенческие участки. Так, например, распоряжением временной земельной комиссии для образования переселенческих участков только в Сарыбагышской волости Пишпекского уезда к 1909 г. было изъято из пользования киргизов (якобы «без существенного вреда для их хозяйства») свыше 20 тыс. дес. земли. В 1909 г. на них были образованы «Рыбачий хутор» для устройства проживавших в западной части Прииссыккулья рыбаков и переселенческие селения Буруллайское и Ак-Пикет. А за три предвоенных года в этой же волости коренные жители лишились свыше 48 тыс. дес. земли, что, конечно, вызывало их недовольство и протест.

В этом отношении типична одна из многочисленных жалоб жителей Джумгальской волости Пишпекского уезда (1908 г.): «Наши отцы, деды и прадеды жили в Джумгальской долине и пользовались землею, водили скот и сеяли хлеб. Мы, их наследники и потомки, также жили все время здесь и продолжали заниматься скотоводством и посевом хлеба. В этой долине наши предки и мы устроили оросительные каналы на сотни верст, которые стоят громадного труда и больших денег, а также построили на этой земле зимовки, мельницы и посадили сады. Так мы продолжали жить до 1907 г. В 1907 г. к нам приехал чиновник Переселенческого ведомства и из нашей земли выделил 8 участков... в количестве 20269 десятин. В эти участки отошли наши

оросительные каналы, зимовки и сады, а нам предложили перекочевывать в горы, на камни и утесы, где не только что сеять хлеб и косить сено нельзя, а даже нет подножного корма для скота летом. Видя свое безвыходное положение, мы обращались с ходатайством к правительству о возвращении отобранных у нас земель. Но эти ходатайства остались гласом вопиющего в пустыне, а наш скот постепенно уничтожался из-за недостатка корма...»[21] За отчуждаемые строения, плодовые деревья и даже посевы власти, как правило, либо ничего не платили, либо — самую малость, что служило еще одной из причин недовольства и жалоб на переселенческих чиновников со стороны пострадавших дехкан.

В 1912 г. киргизы Сусамырской волости утратили почти 20 тыс. дес. общинной земли. Только в Джумгальской долине, где уже имелось несколько оседлых крестьянских селений, чиновниками Переселенческого управления было выделено 15 новых переселенческих участков. Предназначались они для наделения 2093 переселенческих хозяйств (каждого 10 десятинами). Подобные изъятия существенно ограничивали для киргизских скотоводов пользование пастбищными землями. Положение усугублялось и тем, что в Джумгальской долине уже проектировалось сооружение Кокомеренского водохранилища, под которое также попадали пастбищные угодья. На отбираемых у киргизского населения землях в Чуйской и Таласской долинах, в Прииссыккулье и других местностях на севере Киргизии основывались новые переселенческие деревни и хутора. Это, естественно, затрудняло веками сложившееся землепользование киргизского населения. Тормозилось распространение в его среде земледелия и развитие скотоводства. Животноводы лишались помимо пастбищных угодий также водопоев, перерезались традиционные скотопрогонные дороги и т. п.

Не менее активно велось изъятие «излишних» общинных киргизских земель, пригодных для орошаемого земледелия, и в юго-восточном Приферганье — на территории Ошского и соседних с ним уездов. Вследствие этого коренное население все более оттеснялось в предгорные и горные, зачастую бесплодные, местности. Так, к 1913 г. в семи киргизских волостях Андижанского уезда было изъято до 709 тыс. дес. земли[22]. У 11405 киргизских дворов теперь оставалось в два с лишним раза меньше земли, чем раньше. За время с 1906 по 1913 г. в пяти волостях Наманганского уезда, где проживали киргизы, в переселенческий фонд перешло еще больше земли —821 тыс. дес[23]. После поземельно-податных работ в десяти киргизских волостях Ошского, Скобелевского (прежде Маргеланского), а также Кокандского уездов было определено к отчуждению свыше 1291 тыс. дес. земли[24].

На экспроприированных у коренного населения юга Киргизии землях, частью им освоенных и орошенных, было размещено 28 сравнительно небольших хуторских поселков и 58 отдельных хуторов (1354 двора крестьян-переселенцев). При недостатке крупных земельных участков (пригодных для земледелия без новых оросительных работ), которыми можно было бы наделять вновь образуемые переселенческие деревни, здесь получили довольно быстрое развитие хуторские хозяйства.

Их распространение на юге Семиречья также явилось одной из целей столыпинской аграрной реформы. Еще на межведомственном совещании в г. Верном 18—19 февраля 1908 г. по вопросам переселения и землепользования в Семиреченской области его участники высказались за образование отрубных участков для устройства на них хуторских хозяйств и подворных участков определенного размера вне зависимости от численного состава семьи[25]. Они стояли за прекращение выдачи прибывавшим крестьянам ссуд на домообзаведение и установление платы за пользование оросительной водою, чтобы остановить тем самым приток в область нежелательных переселенцев[26]. Как видно из материалов совещания, упор делался на насаждение в крае крупных хуторских хозяйств с обособленным землепользованием.

Однако, во многих общинах скотоводческих районов Туркестанского края даже зажиточные переселенческие и байские хозяйства отказывались выделяться на хутора и отруба. Например, в земледельческо-скотоводческих районах Киргизии кулаки и скотоводческое байство были больше заинтересованы в сохранении общины, так как для содержания большого количества скота нужны были выгоны и общинные пастбища[27]. Для такого типа эксплуататорских хозяйств община была более выгодной, ибо она «не исключала возможности концентрации средств производства в руках меньшинства, а также полукрепостнической и капиталистической эксплуатации общинников»[28]. Не удивительно, что представители краевой власти сочли тогда введение указа от 9 ноября 1906 г. преждевременным до разработки специального положения для Туркестана с учетом местных условий, прежде всего интересов старожильческого кулачества. Как до утверждения положения генерал-губернатором (в конце 1912 г.), так и после этого землеустройство крестьян в крае проводилось землеустроительными партиями Переселенческого управления, ставшими практическим орудием колонизаторской земельной политики царизма.

Об итогах землеустройства (по данным а 1912 г.) и соотношении общинной и индивидуальной форм собственности, утвердившихся в результате деятельности землеустроительных партий в Семиречье, в частности на севере Киргизии, говорят следующие данные. К указанному времени в Семиреченскую область было водворено 3978 семей переселенцев, образовавших 71 селение и 12 хуторов. Из них в Киргизии —18 селений (поровну в Пишпекском и Пржевальском уездах) и все хутора (в Пишпекском уезде —2, остальные — в Пржевальском)[29]. В поселках, возникших в годы столыпинской реформы, преобладала беднота. А на хутора и отруба выходили в основном богатые хуторяне, в том

числе предприимчивые чиновники-колонизаторы[30], которые создавали доходные предпринимательские хозяйства с крупными посеками и садами[31] на отведенных им в предгорьях и в ущельях хуторских участках[32].

Хуторские хозяйства заводили и некоторые представители киргизской феодально-родовой и байской верхушки. В числе владельцев крупных хуторов в Пишпекском уезде были киргизские манапы (Шабдан Джантаев и др.), располагавшие земельными угодьями размером до сотни и более десятин. При землеустройстве той части кочевого киргизского населения, которая стремилась перейти на оседлый образ жизни, в Западно-Сокулукской волости Пишпекского уезда в 1912 г. было образовано 15 селений и 4 хутора, а именно: Кайпазара Мыктыкбекова — 10 дес. на 1 душу; Джусупкула Кочкорбаева — 27 дес. на 1 душу; Тарлыка Мураталина — 95 дес. на 1 душу и Досумбая Куликина — 103 дес. на 8 душ[33]. В целом по Семиреченской области киргизам и казахам отводилось в индивидуальное владение 64 хуторских участка[34]. Царизм, изымая у коренного населения в переселенческий фонд сотни тысяч десятин общинной земли, мало ущемлял интересы его эксплуататорской верхушки, предоставляя ей возможность приобретения хуторов и аренды крупных земельных участков.

В то же время как царские власти, так и бай-манапы препятствовали массовому оседанию киргизской бедноты, которая наивно надеялась путем закрепления за собой земельных участков избавиться от бай-манапской кабалы. Царизм усматривал в оседании препятствие для изъятия киргизских земель, а киргизские феодалы боялись потерять источник поборов и даровые рабочие руки.

Всего же с 1906 по январь 1914 г. лишь по Пишпекскому переселенческому подрайону было заготовлено 353 участка для 64 хуторов и 53 селений. Причем из 115 участков, предназначавшихся для образования 18 киргизских сел, 16 составляли бывшие общественные пастбища (общей площадью 151 556 дес.): 21 хуторской участок (1061 дес. удобных и 159 дес. неудобных земель) был отведен для продажи, но к началу 1914 г. они так и не были реализованы из-за отсутствия покупателей. Три хутора площадью 123 дес. удобной земли определялись для дворян, 24 хуторских участка (площадью 588 дес. удобной и 248 дес. неудобной земли) — для русских крестьян, а 16 хуторских участков (площадью 933 дес. удобной и 37 дес. неудобной) — для киргизского населения[35]. В 1913 г. на них было устроено всего 7 русских и 6 киргизских семей.

Таким же было направление землеустроительных и землеотводных работ в Пржевальском уезде. Здесь под хуторскими переселенческими участками, еще не заселенными на 1913 г., значилось 1780 дес. (из 9320 дес. по Семиречью)[36]. Ряд довольно крупных хуторских хозяйств, принадлежавших крестьянам-переселенцам и частью богатым пржевальским мещанам, был образован в долине р. Джоты-Огуз. В 1913 г. там насчитывалось 14 хуторов по 18 дес. земли каждый, еще один на 20 дес., другой — на 25 дес., третий — на 31 дес., а также крупный отрубной участок киргиза М. Тайлакова площадью 43,7 дес. (из них 34 дес. удобной земли)[37]. В Нарынском переселенческом подрайоне из землепользования местных киргизов было выделено свыше 40 участков. Из них 11 предназначались для дополнительной прирезки земли крестьянам, 9 оставлялись в запас в расчете на будущих переселенцев, а 15 скотоводческих участков[38] — для крупных арендаторов-скотопромышленников[39]. Кроме того, образовалось два хутора общей площадью в 234 дес. (в т. ч. 36 дес. неудобной земли). Один из них принадлежал Абдылдабеку Чойбекову (60 дес.), а второй — известному манапу Курману Лепесову (138 дес.). 8 участков отводились киргизам, начинавшим проявлять заметный интерес к переходу на оседлость даже в высокогорной зоне[40].

Однако в Киргизии и других среднеазиатских районах, как и во всей России, господствующей формой землевладения оставалась общинная из-за сопротивления трудового крестьянства аграрным преобразованиям правительства. Это прямо свидетельствовало, что основная масса крестьянства и в переселенческой деревне и вне ее видела в столыпинской затее хуторских хозяйств или выделения из общин средства спасения от нужды и постоянной угрозы разорения. И понятно, что «новая» аграрная политика царизма, проводившаяся в интересах помещиков, кулачества, а отчасти и бай-манапов, не встретила и не могла найти поддержки у трудящихся крестьян.

Важным социально-экономическим последствием столыпинской реформы в Киргизстане явилось углубление социальной дифференциации как среди переселенческого крестьянства, так и киргизских дехкан, кочевников и полукочевников. Достаточно сказать, что в 1913 г. в Пишпекском уезде из 31886 скотоводческих киргизских хозяйств 15699, или 49,5%, были бедняцкими. А из 4318 оседлых дехканских хозяйств в этом же уезде абсолютное большинство — 4167 — не имели рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Та же картина наблюдалась и по другим уездам, в частности в южных районах Киргизии. Так, в Ошском, Скобелевском и Кокандском уездах во владении одного бедняцкого хозяйства коренных национальностей (а в этих хозяйствах сосредоточивалось 47,7% всего населения) находилось в среднем по четыре головы скота и по 2,5 дес. земли, на долю же богатых (5% населения) на одно хозяйство — по 80 голов скота и по 40 дес. пашни и покоса[41].

В 1914 г. из 57920 киргизских хозяйств Пишпекского и Пржевальского уездов 14,1% отпускали работников на заработки и 25% пользовались наемной рабочей силой. Следовательно, почти 40% киргизских хозяйств этих двух уездов были втянуты в отношения купли-продажи наемной рабочей силы[42].

Большое количество мало- и безземельных, а также бесскотных хозяйств было и среди крестьян-переселенцев. Так, например, в 1906—1910 гг. в Пишпекском уезде преобладающая часть хозяйств русских и украинских крестьян являлась бедняцкой, а четвертая часть их взрослых работников вынуждена была батрачить у кулаков[43].

Итак, следствием потерпевшей крах столыпинской реформы явилось усиление процесса дифференциации крестьянства в Киргизии, когда богатые становились еще богаче, а бедные — еще беднее. А это, естественно, вело не к «замирению», а к еще большему обострению классовой борьбы в ауле, кишлаке и переселенческой деревне.

2. Новый революционный подъем

Экономика Киргизии в 1910—1914 гг.

К 1910 г. в России стали проявляться признаки преодоления затяжной депрессии, вызванной экономическим кризисом начала 900-х годов. Столыпинская аграрная политика усилила развитие капитализма в сельском хозяйстве. Рост городов и железнодорожное строительство увеличивали спрос на металлические изделия и строительные материалы. Железные дороги способствовали все большему вовлечению Туркестана и других отдаленных областей страны в орбиту российского капитализма. Рост рыночных цен на очищенный хлопок, мытую шерсть и др. сырье стимулировал их производство и вывоз в Центральную Россию.

Экономический подъем отмечался во всех отраслях хозяйства, и во всех экономических районах страны, включая и Среднюю Азию, хотя здесь этот процесс не принял широких масштабов и запаздывал во времени. Сказывалось и то, что, например, в Киргизии доминирующее положение все еще занимали докапиталистические, патриархально-феодальные отношения.

Конечно, усилившиеся в предвоенные годы в России монополизация и концентрация капитала в известной мере проявлялись в Киргизии и сопредельных с ней областях Средней Азии. Это выражалось в создании филиалов новых промышленных акционерных обществ и компаний, в усилении государственно-монополистических тенденций в экономике края (деятельность ЧУПРа, Общества Семиреченской железной дороги и т. п.). Отмечалась и повышенная активность иностранного капитала (английского, немецкого, французского, бельгийского и итальянского), стремившегося прибрать к рукам доходные угольные и нефтяные разработки, месторождения редкоземельных элементов, сырьевую базу шелковой промышленности, заготовку и вывоз за границу кишок и ценнейшего для мебельного производства орехового наплыва из южнокиргизских лесов и т. д. Иностранные фирмы с большой выгодой продавали различные механизмы и оборудование ЧУПРу, сбывали многие фабрично-заводские изделия и товары местным торговцам[44].

Развитие промышленности в Киргизии в эти годы привело и к увеличению общей численности наемных рабочих. В 1913 г. кустарные и полукустарные предприятия пищевой, легкой и местной промышленности обслуживали 2880 рабочих. Многие из этих заведений технически были слабо оборудованы, а производство на некоторых из них носило сезонный характер.

Вместе с тем приметным явлением было возрастание числа сравнительно крупных по местным условиям так называемых цензовых предприятий фабрично-заводского типа. Так, в 1913 г. на 22 наиболее крупных предприятиях обрабатывающей промышленности Киргизии имелось 22 механических двигателя общей мощностью 443 л. с. (на некоторых по 2—3 двигателя, на иных, например, шерстомойках,— их не было) и работало 737 рабочих[45]. Часть предприятий (вальцово-механическая мельница 1-го Семиреченского товарищества, пивоваренный завод Пишпекского пивоваренного товарищества и др.) создавалась на базе акционерного капитала[46].

Рабочие кадры, занятые на цензовых предприятиях обрабатывающей промышленности, распределялись так: на двух южнокиргизских хлопкоочистительных заводах работало 60 человек, на пищевых предприятиях Пишпекского, Пржевальского и Ошского уездов (пяти вальцовых мельницах, двух маслобойнях, двух пивоваренных заводах, одной конфетной фабрике) — 311 рабочих, а на обработке животноводческого сырья (семи шерстомойках, двух кожевенных и одном кожевенно-овчинном заводах) — 426 рабочих. Относительно крупные предприятия обрабатывающей промышленности размещались главным образом в уездных городах: Пишпеке, Пржевальске, Оше, а также в Токмаке. Представление о них дают следующие данные: в 1913 г. в 7 промышленных заведениях Пишпека (пивоваренном и двух кожевенных заводах, шерстомойке, конфетной фабрике и двух вальцовых мельницах) имелось лишь 10 двигателей общей мощностью 148 л. с. и всего 175 рабочих[47]. Ошскую электростанцию обслуживало 5 рабочих. Объем годового производства даже наиболее значительных пишпекских, да и других предприятий, редко превышал 10 тыс. руб. (только пивоваренный завод наследников купца Н. И. Иванова порой давал до 100 тыс. руб.).

Отряд наемных рабочих в обрабатывающей промышленности Киргизии, хотя численно и вырос, по представлял собой мизерную часть всего населения края, крайне малую даже среди горожан. Перед первой мировой войной число рабочих на тысячу жителей Пишпека составляло 15 человек, Пржевальска — 9[48], а Оша — и того менее. К тому же вследствие сезонного характера многих предприятий часть занятых на них рабочих не порывала окончательно с сельским хозяйством, ремеслом или промыслом. Сами рабочие вербовались из разных социальных слоев: обездо-

ленной крестьянской бедноты, бедных мещан и ремесленников, разорившихся мелких торговцев и других элементов. В этническом отношении состав рабочих, занятых в обрабатывающем производстве, также не был однородным. Преобладали русские и киргизы (последние лишь в отдельных отраслях, например, в кожевенном производстве). В северных районах Киргизии в рядах рабочих находилось немало представителей казахской, дунганской и уйгурской бедноты, в южных — узбекских и таджикских бедняков.

Аналогичные процессы происходили и в горнодобывающей промышленности Киргизии, где помимо некоторого увеличения в 1907—1913 гг. числа промышленных заведений и численности рабочих отмечалось сосредоточение последних на сравнительно крупных предприятиях, особенно угольных рудниках, появление различных акционерных промышленных обществ, активизация иностранного капитала.

Зарождавшаяся нефтедобывающая промышленность Киргизии все более притягивала внимание конкурировавших между собой российских и иностранных капиталистов, теснивших и разорявших мелких арендаторов нефтеносных участков. На крупнейшем в Киргизии Майли-Сайском нефтяном месторождении обосновались соперничавшие друг с другом английское «Ферганское нефтепромысловое общество» и акционерное общество «Зигель и Рейнегаген». В предвоенные годы на 5 скважинах Майли-Сая добывалось 70 тыс. пудов нефти в год[49]. Вследствие хищнических методов добычи ко времени первой мировой войны нефтепромыслы Киргизии оказались фактически бездействующими.

Некоторые предприятия горнодобывающей промышленности были сравнительно крупными, а концентрация на них рабочих несколько большей, чем в обрабатывающем производстве. В 1913 г. на 10 крупных рудниках, копях и нефтепромыслах Киргизии работало 1033 человека[50]. В их число 40 рабочих на медном руднике Туя-Муюн (против 29 в 1908 г.), 60 — на двух нефтепромыслах в Майли-Сае и 933 — на 7 угольных копях, наиболее механизированными из которых были Кызыл-Кийские и Сулюктинские.

В 1912 г. на базе копей Н. Д. Батюшкова с участием немецкого банковского капитала при посредстве Петербургского международного банка[51] возникло самое значительное в Киргизии акционерное общество «Кызыл-Кия» с основным капиталом в 3 млн. руб. В Сулюкте среди угледобывающих предприятий выделялось «Товарищество А. М. Вербов и К°».

Ко времени первой мировой войны наибольшими потребителями наемной рабочей силы в горной промышленности Киргизии по-прежнему оставались угольные рудники, и в первую очередь в Кызыл-Кие и Сулюкте, на которых работало несколько сот рабочих[52]. Рост и расширение предприятий угледобывающей, а в 1910—1912 гг. отчасти и нефтяной промышленности, стимулировали приток туда новой наемной рабочей силы. На копи, рудники и нефтепромыслы приходили в поисках работы не только жители

из ближайших аилов, кишлаков и переселенческих сел, но и выходцы из сопредельных районов Средней Азии и даже из некоторых губерний Центральной России и Украины.

Предвоенный 1913 г. был кульминационным в развитии промышленности дореволюционного Киргизстана. Демонстрацией «процветания» экономики туркестанских окраин Российской империи призваны были служить краевые и областные выставки (Сельскохозяйственная и промышленная выставка Туркестанского общества сельского хозяйства 1909 г. в Ташкенте и Семиреченская сельскохозяйственная и промышленная выставка в Верном в 1913 г.) с участием торгово-промышленных кругов Киргизии. Однако выставочные композиции и данные экономистов свидетельствовали о том, что и накануне первой мировой войны Киргизия с ее отсталым, даже по туркестанским масштабам, хозяйством продолжала играть в общероссийской экономике лишь роль ее аграрно-сырьевого придатка, даже при исключительном разнообразии природных ресурсов и ископаемых богатств.

Промышленное развитие края носило однобокий характер. Одно из свидетельств тому — структурно-отраслевой состав промышленного производства в Киргизии в 1913 г.: первое место в нем занимали предприятия пищевой и легкой промышленности. Крайне незначителен был удельный вес тяжелой промышленности в производстве валовой продукции Киргизии, который составлял только 8,2%[53]. Соответственной была профессионально-отраслевая принадлежность наемных рабочих, занятых преимущественно в мелком обрабатывающем производстве. Показательно, что общая численность рабочих и складывавшийся в их среде кадровый пролетарский костяк за годы промышленного подъема несколько возросли.

Таково было неоднозначное влияние на промышленность Киргизии противоречивых последствий развития российского капитализма не столько вглубь, сколько вширь с целью «хозяйственного» освоения этой отсталой окраины в интересах военно-феодального и капиталистического империализма метрополии. Вместе с тем вышеприведенные и другие объективные показатели свидетельствуют о том, что включение экономики Киргизии и всего Туркестанского края в общероссийский капиталистический рынок вело и здесь к постепенному созреванию общих для страны социально-экономических предпосылок грядущего Октября.

В сельском хозяйстве Киргизии общественное разделение труда выражалось во все более рельефном выделении экономических районов по признакам преобладания тех или иных его отраслей. Более отчетливо, чем прежде, обозначались обширные хлопководческие, зерновые, скотоводческо-зерновые и скотоводческие районы.

В Туркестанском крае определяющей отраслью сельского хо-

зяйства было хлопководство, быстрому развитию которого в предвоенное пятилетие способствовала растущая потребность российской хлопчатобумажной промышленности в хлопке-сырце. Из четырех хлопкосеющих областей края самой крупной становится Ферганская, куда входил и юг Киргизии. В 1913 г. в Ферганской долине производилось более половины всего туркестанского хлопка.

В связи с расширением в Фергане посевных площадей под хлопок, пшеница все более вытеснялась с поливных земель на неполивные (богарные), с долинных — в предгорные зоны. В 1914 г. хлопок на орошаемых землях в области занимал 41,6%, пшеница — 21,4%[54]. В свою очередь, богарные посевы в эти годы расширялись главным образом за счет сокращения пастбищных территорий, что стимулировало переход кочевников и полукочевников к оседлому земледелию, в частности, к производству зерновых. Развитие земледелия было характерно и для северных районов Киргизии, но здесь этот процесс не являлся столь масштабным и охватывал только Чуйскую и Таласскую долины, отчасти Прииссыккулье. Перед первой мировой войной главной отраслью сельского хозяйства на юге Киргизии стало земледелие, а на севере земледелие и скотоводство играли в экономической жизни киргизов примерно одинаковую роль.

Показателен общий рост посевных площадей: в Пржевальском уезде с 59 тыс. дес. в 1908 г. они увеличились до 95 тыс. дес. в 1911 г., Пишпекском — с 113 тыс. дес. в 1905 г. до 123 тыс. дес. в 1911 г., в Аулие-Атинском уезде, включая Таласскую долину,— с 134 тыс. дес. в 1908 г. до 223 тыс. дес. в 1913 г., или в 1,6 раза[55].

В структуре посевных площадей Киргизии преобладали зерновые культуры. В 1914 г. они занимали 79% посевных площадей, в том числе пшеница — 44,7%, ячмень и овес — 19,2%[56]. Из зерновых пшеница являлась основным продуктом, потребляемым населением. Растущий с начала XX в. спрос на нее, особенно усилившийся в предвоенные годы, способствовал систематическому увеличению посевной пшеницы и сокращению площадей под просо. Наряду с общим ростом посевных площадей использование усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин, некоторое расширение применения органических удобрений, частичный переход от залежной системы к трехполью (особенно в долинных районах юга) обусловили увеличение урожайности зерновых культур. Так, в Аулие-Атинском уезде валовый сбор зерновых в 1910 г. составлял 7 млн. пудов, в 1913 г. — 8 млн., а в 1914 г. по всей Киргизии получили 26 млн. пудов, из них в Пишпекском и Пржевальском уездах — 14 млн. пудов[57]. Основной объем товарного хлеба производился в байских и кулацких хозяйствах. В 1912—1913 гг. в Пишпекском уезде в среднем каждое из учтенных 30 байских хозяйств имело по 38 дес. зерновых, а 284 кулацких хозяйства — по 52,8 дес. Одно байское хозяйство

получало в среднем по 1,9 тыс., а кулацкое — по 2,6 тыс. пудов зерна, и его товарные излишки составляли соответственно — 1,4 тыс. и 2,2 тыс. пудов[58].

Как уже отмечалось, в Ферганской области, в том числе на юге Киргизии, значительное развитие получило хлопководство. К 1913 г. посевные площади под хлопок в области достигли 274,9 тыс. дес., или увеличились по сравнению с 1888 г. на 700%[59]. Например, посевы хлопка в Базар-Курганской волости возросли к 1913 г. против 1891—1893 гг. более чем в 10 раз, в Курган-Тепинской — в 36, Аимской — в 64, а в Наукатской и Чанкентской — в 100 раз[60]. К 1914 г. на юге Киргизии более 10% земель, ранее находившихся под посевами зерновых, были заняты хлопчатником[61]. Хлопководство, будучи высокотоварной отраслью, способствовало развитию товарно-денежных отношений.

В эти годы отмечалось заметное развитие льноводства, особенно в Пржевальском и, отчасти, в Пишпекском уездах. На юге Киргизии некоторые сдвиги были заметны в расширении кормового травосеяния (люцерна), садоводства и шелководства.

Общий упадок кочевого скотоводства в Туркестанском крае, характерный для конца XIX в., сменился некоторой его стабилизацией в начале XX в., в частности, в предвоенные годы. Этому в определенной степени способствовало развитие у киргизских крестьян сенокошения, кормового травосеяния, расширение посевов овса, что давало возможность в зимний период содержать на стойловом режиме больше скота, чем ранее.

С 1908 по 1914 г. в Пишпекском и Пржевальском уездах поголовье скота оставалось практически неизменным, составляя в каждом из них 1,5—1,8 млн. голов[62]. Основным скотоводческим районом на юге Киргизии считалась горная зона Ошского уезда. Но на юге скота было намного меньше, чем в названных выше северных уездах. В связи с сочетанием скотоводства и земледелия в южных районах Киргизии установилась относительно постоянная численность поголовья. Так, с 1907 по 1914 г. в Ошском уезде насчитывалось скота 320—350 тыс. голов[63].

К 1910 г. лишь 4,8% населения Ферганской области занималось скотоводством, тогда как в Семиреченской — 46,8%, а в Сырдарьинской — 35,2%[64]. Хотя в Семиречье резко сокращались пастбищные угодья, оно продолжало оставаться одним из основных животноводческих районов Туркестанского края с преобладанием в составе стада овец и лошадей. Но в 1909—1913 гг. в связи с переходом части коренного населения к земледелию и увеличением численности русских и украинских крестьян ускорились и темпы роста поголовья крупного рогатого скота.

Предпринимались некоторые меры по улучшению содержания скота, совершенствованию его породности, особенно в кулацко-зажиточных переселенческих и отчасти байских хозяйствах. Однако в целом скотоводство в Киргизии оставалось отсталой от-

раслью сельского хозяйства, основу которой составлял малопродуктивный скот местных пород.

Возникшее в конце XIX в. в Киргизии пчеловодство в предвоенные годы получило дальнейшее развитие в Чуйской, Таласской долинах, Иссыккулье и предгорных районах юга (в основном в хозяйствах русских и украинских крестьян). В Ошском уезде с 1906 по 1914 г. число пасек увеличилось с 7 до 125, а количество ульев в них — более чем в 50 раз. Некоторые крупные пчеловоды владели пасеками в 300 и более ульев[65] и применяли наемный труд.

Все это свидетельствует о том, что сельское хозяйство Киргизии все более заметно втягивалось в среднеазиатский и всероссийский рынок, вследствие чего росла товарность сельскохозяйственной продукции. В 1914 г. стоимость всей валовой продукции сельского хозяйства Киргизии составляла 60 млн. руб., причем на долю земледелия приходилось 69,2%, скотоводства — 30,8%. Но товарно-денежные отношения быстрее проникали в скотоводство, товарная продукция которого достигла 44%, а земледелия — 31%. В последнем наиболее высокая товарность была в хлопководстве (81%), производстве масличных культур и садоводстве (77%)[66].

Укреплялись торговые связи Центральной России со Средней Азией, в том числе Киргизией. Расширялась также торговля между различными регионами края. Так, если в 1905—1909 гг. в среднем за год грузооборот Ферганской области с центральными губерниями России равнялся 30,3 млн. пудов, то за 1910—1914 гг. — 64 млн., то есть увеличился более чем в 2 раза[67].

Как и прежде, среди ввозимых из центра России товаров преобладала мануфактура, затем пищевые продукты (сахар, чай и др.), металлы и металлические изделия, а из Средней Азии вывозился в основном хлопок-сырец, из Киргизии — животноводческое сырье.

Как отмечено, определяющим рыночным сельскохозяйственным продуктом в Туркестанском крае был хлопок-сырец. По мере расширения посевов хлопка население хлопкосеющих районов все более нуждалось в хлебе, поставки которого из Центральной России особенно возросли в начале XX в. Так, если в 1905—1909 гг. в среднем за год в Ферганскую область привозилось из черноземных губерний России по 7,3 млн. пудов хлеба, то в 1909—1913 гг. — по 12 млн. пудов[68]. Однако правительство было не в силах обеспечить хлопкоробов привозным хлебом. Поэтому развитие хлопководства стимулировало рост товарности зернового хозяйства в Киргизии (особенно в северных ее уездах) и вывоз хлеба в Фергану и Ташкент. В предвоенном пятилетии он доходил в среднем до миллиона пудов в год.

Но основными предметами реализации как на внутреннем рынке Киргизии, так и в торговле с соседними областями и с Центральной Россией являлись продукты животноводства: скот и различное животноводческое сырье, которое все больше поступало не только в промышленные губернии страны, но и на западноевропейский рынок. В статистическом обследовании Пишпекского уезда, относящемся к 1912—1913 гг., отмечалось: «Среди киргизского населения идет весьма оживленная торговля скотом, причем скот поступает как на местные рынки, так и в крупных размерах выходит за пределы области. Большой сбыт имеют также животноводческие продукты — шкуры и шерсть»[69].

Перед первой мировой войной скупка животноводческого сырья в Киргизии была монополизирована крупными российскими торговыми фирмами Дюршмидта, Крафта, Луи Зальма, Якушевых, Казаковых, Асеевых. Так, например, в 1910 г. из 491 тыс. невыделанных кож, проданных сельским населением Андижанского уезда (в том числе и киргизами), агентами только двух торговых фирм — Дюршмидта и Казаковых — было закуплено более 60% всего сырья, отправленного затем в Казань, Нижний Новгород, Ригу, Харьков, Самару и Оренбург[70].

В связи с увеличением населения городов и сельских населенных пунктов, а также повышением товарности хозяйства, в Киргизии получила дальнейшее развитие стационарная форма торговли. Показателем этого был рост числа торговых предприятий, открываемых российскими и среднеазиатскими торговыми фирмами, а также местными купцами. К примеру, если в 1904 г. торговых лавок в Ферганской области насчитывалось 25,5 тыс., то через десять лет их стало 34,6 тыс. В Семиреченской области количество торговых пунктов в 1912 г. достигло 12 тыс.[71]

«Среди заведений, торгующих привозными товарами,— отмечалось в «Обзоре Семиреченской области за 1912 г.»,— первое место по сумме оборотов принадлежит заведениям, торгующим мануфактурами и галантерейными товарами, но за последние два года начинают привлекать к себе внимание по своим оборотам и частные склады усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин...»[72] Центрами торговли сельскохозяйственными и другими машинами и орудиями в Киргизии были Ош, Пишпек, Токмак, Пржевальск, в которых действовали крупные магазины отечественных и иностранных торговых фирм, связанные с российским, среднеазиатскими, а также местными купцами. Так, в 1913 г. в г. Пишпеке открылся казенный склад по продаже сельскохозяйственных машин и орудий, а через год — сельскохозяйственный склад Переселенческого управления.

В эти годы в городах и некоторых больших сельских населенных пунктах Киргизии появились оптовые склады, крупные магазины местных купцов и торговых домов (паевых товариществ) Акрамтюряевых, Сулаймановых, Тазетдиновых, Милушевых, Мирзабаевых, Акчуриных, Рафиковых, Даулбаевых, Ивановых, торговавших разнообразными российскими и среднеазиатскими промышленными и кустарно-ремесленными товарами.

В 1909 г. в Пишпеке начал работать оптовый склад «Компании Нобель», который реализовал в этот же год населению и торговцам 9 тыс. пудов керосина и других нефтепродуктов, а в 1911 г. — 45 тыс. пудов[73].

Хотя в начале XX в. в Киргизии открывались различные кредитные учреждения, однако в хозяйстве и торговых операциях, как и прежде, господствовал ростовщический капитал, и широкие массы коренного и переселенческого населения, особенно беднота, вынуждены были прибегать к кабальным займам у ростовщиков.

В целом в 1910—1914 гг. влияние торговли на товарное производство усилилось, ускоряя тем самым разложение патриархально-феодальных и развитие капиталистических отношений в крае.

Таковы определенные позитивные сдвиги в экономике предвоенного Киргизстана. Вместе с тем некоторое хозяйственное оживление тех лет не привело к улучшению материального положения трудящихся и мало сказалось на отраслевой структуре в целом отсталого, зависимого от экономики метрополии Киргизского края.

Деятельность революционных социал-демократов в период нового революционного подъема

Новый революционный подъем, сменивший период политической реакции, начался в стране стачечными выступлениями рабочего класса. 1911—1912 гг. в Туркестане, а также в Киргизии, были отмечены рядом рабочих забастовок, выступлений переселенческого крестьянства и киргизского дехканства, проявлениями недовольства среди солдат.

Вместе с тем под влиянием нового революционного подъема активизировались буржуазные националисты, стремившиеся оградить широкие массы трудящихся коренного населения от революционизирующего влияния рабочего класса и его партии. Вновь вышли на политическую арену мелкобуржуазные партии, прежде всего, эсеры.

В силу этого социал-демократическое движение в Киргизии столкнулось в начале нового революционного подъема с большими трудностями, усугубленными продолжавшимися арестами местных большевиков. Однако уже в 1911 г. деятельность революционных социал-демократов стала заметно оживляться.

В декабре 1910 г. после освобождения из Казалинской тюрьмы вернулся в Пишпек И. С. Свинухов. На его квартире, как и прежде, стали проходить собрания рабочих и ремесленников. В полицейской сводке агентурных данных констатировалось, что И. С. Свинухов поддерживает связь с членами социал-демократического кружка городской и сельской интеллигенции Пишпекского уезда[74]. В 1911 г. в группу И. С. Свинухова вошел Т. С. Гудков, прежде являвшийся членом железнодорожной организации РСДРП в Чарджоу[75].

Весной 1911 г. в среде пишпекской интеллигенции образовался социал-демократический кружок, в котором видную роль играли бухгалтер фирмы Пугасова А. Ф. Руцких и податной инспектор г. Пишпека А. М. Славгородский. Кружок располагал значительным количеством запрещенной литературы, имел контакты с Верненской группой социал-демократов и учащейся молодежью высших учебных заведений революционных центров страны. Среди его членов были люди, принимавшие деятельное участие в революционном движении 1905—1907 гг. Однако в связи с господствовавшими в кружке меньшевистскими настроениями его члены проявляли крайнюю пассивность, граничившую с бездействием.

Только в конце 1911 — начале 1912 г. пишпекская демократически настроенная интеллигенция стала заметно активизироваться. В декабре 1911 г., в дни рождественских праздников, был организован ряд культурно-просветительных мероприятий, сборы от которых, по дошедшим до охранки сведениям, поступили в кассу социал-демократического кружка. Было использовано также открывшееся в городе общественное собрание. По агентурным донесениям, собиравшиеся там пели революционные песни, «причем никто этому не препятствовал», а 26 декабря 1911 г. «неизвестными лицами были повреждены портреты царя и царицы»[76]. Там же 15 января 1912 г. во время выборов председателя общественного собрания были разбросаны революционные прокламации[77].

Большую агитационную работу вели некоторые сельские учителя Пишпекского и Пржевальского уездов. Их деятельность находила живой отклик у крестьянской бедноты. 11 июня 1911 г. верненские социал-демократы организовали проводы пишпекских учителей П. Г. Колесникова, А. А. и Н. А. Бабкиных, отправляемых в Нарымскую ссылку. Им удалось распропагандировать конвой так, что ссыльным была предоставлена возможность свидания с прибывшими для проводов товарищами в этапных домах от станции Карасуйской до Илийской включительно. Проводы вылились, по существу, в политическую демонстрацию и имели широкий резонанс во всем Семиречье[78].

В Пржевальске также действовала небольшая группа социал-демократически настроенных лиц. В частности, учитель А. Е. Бендюков (впоследствии большевик), делопроизводитель женской прогимназии К. И. Ветохин, временно проживавшая в городе А. Ф. Пиккель и некоторые другие, проводили в 1911—1912 гг. революционную пропаганду в городе и уезде[79].

В конце 1910 г. активизировалась деятельность социал-демократов на юге Киргизии. В мае 1910 г. в Туркестанский край был выслан один из старейших революционеров Донбасса Д. Т. Декапов. Работая на каменноугольных копях Сулюкты, он готовил шахтеров к революционным выступлениям против царского самодержавия.

Заметно оживилась партийная работа на каменноугольных шахтах Кызыл-Кия. Этому способствовало появление здесь ряда опытных революционеров. В апреле 1910 г. сюда прибыли участники революции 1905—1907 гг. И. Е. Михалев, М. Гафуров, а в

ПРАВДА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

„ПРАВДА"

„ЗВѢЗДА"

Газета «Правда»

1912 г.— И. И. Едренкин и Л. Г. Солнышко. С их приездом на руднике снова появилась запрещенная литература, стали устраиваться нелегальные собрания и сходки рабочих[80].

В 1910 г. в урочище Чон-Сарой Джалал-Абадской волости поселился бежавший из-под конвоя жандармов большевик - подпольщик Минаев — Логинов. Вскоре он возобновил свою революционную деятельность, снабжая крестьян-переселенцев с. Никольского нелегальной литературой и ведя среди них устную пропаганду.

VI Всероссийская партийная конференция, состоявшаяся в январе 1912 г. в Праге под руководством В. И. Ленина, определила политическую линию партии в условиях нового революционного подъема. В резолюции «О современном моменте и задачах партии», принятой по докладу В. И. Ленина, подчеркивалось, что завоевание власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, по-прежнему остается задачей демократического переворота в России. Это обусловило необходимость усиления работы по воспитанию, организации, расширению движения масс под политическими лозунгами партии.

Важнейшее значение конференции состояло в очищении партии от оппортунистов, прежде всего, ликвидаторов, которые были исключены из ее рядов. Конференция подвела итог целой исторической полосе борьбы партии против меньшевиков, закрепила победу большевиков в рабочем движении, сохранила в их руках знамя РСДРП.

В соответствии с решениями Пражской конференции и установками центрального органа партии — ленинской газеты «Правда» большевики Туркестана вели упорную борьбу за восстановление и укрепление партийных организаций. Выросла и организационно окрепла социал-демократическая группа, возглавляемая И. С. Свинуховым, которая действовала среди рабочих и ремесленников Пишпека. По сообщениям полицейских агентов, ее члены убеждали рабочих в непримиримости классовых интересов эксплуататоров и эксплуатируемых, в необходимости уничтожить частную собственность и «все сделать общим, тогда не будет богачей и бедных».

В пропагандистской работе среди крестьян активно использовались многочисленные факты коррупции, подкупа и казнокрадства у чиновников Переселенческого управления, взяточничества киргизских манапов, сдававших в аренду общинные земли.

К середине 1913 г. в Пишпеке насчитывалось уже около 30 социал-демократов. Активно действовали каменщики Т. С. Гудков и М. А. Трунов, чернорабочий В. Ф. Коротков, высланный в июне 1913 г. из Ташкента, кровельщик Г. С. Страшинский и другие. Конспиративные сходки по 8—10 человек происходили почти ежедневно, с обсуждением внутриполитических событий, чтением запрещенной литературы. На одной из сходок рабочие Т. С. Гудков, М. А. Трунов и некоторые другие подчеркивали необходимость учесть опыт первой русской революции, чтобы избежать повторения допущенных ошибок и революционную работу «начать с подготовки войск»[81].

Активизации деятельности пишпекских социал-демократов способствовало укрепление связей с партийными организациями, действовавшими в Верном, Ташкенте, Москве и Петербурге. На нелегальной сходке 12 декабря 1913 г. даже говорилось о возможном приезде представителя центра из Петербурга или Варшавы, который должен был оформить членство всех в партии[82]. По сведениям полиции, связь с центром осуществлял Н. В. Фалеев, а с членами Верненской социал-демократической организации переписывались А. А. Бельков и Драговозов[83]. Социал-демократы Пишпека являлись одним из связующих звеньев между революционерами Семиречья и Ташкента. По нелегальным каналам Ташкентская организация РСДРП направляла свои листовки, прокламации, другую литературу и даже типографское оборудование в Пишпек, откуда все это доставлялось в Верный, Пржевальск, Лепсинск и другие пункты Семиречья[84]. В 1912 г. полиция располагала сведениями, что один из социал-демократов, в свое время связанный с И. С. Свинуховым, получил из Ташкента нелегальную литературу, которую отправил далее в укрепление Нарын[85].

Роль перевалочной базы в транспортировке нелегальной литературы пишпекская группа выполняла и в последующие годы. Деятельность социал-демократов Киргизии в условиях нового революционного подъема имела большое значение в расши-

рении пропаганды марксистско-ленинских идей среди трудящихся.

Рабочее и крестьянское движение в 1910—1914 гг.

После трехлетнего господства столыпинской реакции с середины 1910 г. в российском революционном движении обозначились явные признаки оживления, а затем и подъема. Рабочий класс России и его авангард — большевики-ленинцы — постепенно оправлялись от последствий поражения революции 1905—1907 гг. и карательной политики царизма 1907—1909 гг., извлекая из них суровые поучительные уроки. В разных промышленных городах страны, в центре и на ее национальных окраинах вновь вспыхивали забастовки, участились демонстрации, митинги и сходки рабочих. Как писал В. И. Ленин, «полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема»[86].

И в Туркестане, где социальный и национально-колониальный гнет царизма был особенно нестерпим, а положение рабочих и полупролетарских элементов в городе и на селе — крайне тяжелым, стачки и забастовки рабочих вливались в нараставшее забастовочное движение многонационального российского пролетариата. Так, в августе 1910 г., отстаивая свои права и требуя повышения нищенской зарплаты, забастовали сулюктинские шахтеры на угольных копях «Вербов и К°» близ железнодорожной станции Драгомирово. Тяжелая 14—16-часовая работа, дискриминационная, в зависимости от национальности, оплата труда, нетерпимые жилищно-бытовые условия жизни и до этого вызывали возмущение почти двухсот горняков. В числе активных участников забастовки был революционно настроенный шахтер С. А. Кираспров[87]. Сулюктинцев поддерживали шахтеры Кызыл-Кия, среди которых вели пропаганду социал-демократы и члены небольшой профсоюзной ячейки[88].

Прекратилась работа и на нефтяных промыслах «Санто» близ железнодорожной станции Мельниково, где в составе многонационального коллектива нефтяников были и рабочие-киргизы. Перед сплоченным выступлением забастовщиков администрация вынуждена была отступить, несколько прибавив зарплату и сократив рабочий день[89].

Нередко волнения рабочих вызывались грубым произволом администрации рудников. Так было, например, 3 января 1911 г. на Сулюктинских копях Вербова, когда возмущенная до предела толпа рабочих пыталась расправиться с особо ненавистными из-за своей жестокости хозяйскими приспешниками — штейгером и одним из конторских служащих[90].

Вскоре имели место еще две успешные забастовки шахтеров Сулюкты — в апреле[91] и августе[92] 1911 г. Горняки протестовали против невыносимо тяжелых условий труда, низкой зарплаты и издевательств администрации. Стойкость рабочих-забастовщиков заставила шахтовладельцев удовлетворить основные их требования.

29 ноября 1911 г. началось двухдневное волнение рабочих на каменноугольной копи в местности Бурды Аувальской волости Маргеланского уезда. После этого выступления был уволен штейгер, но одновременно и... 40 горняков за участие в «беспорядках»[93].

4 февраля 1912 г. рабочие Кызыл-Кийских копей, среди которых было много коренных жителей, письменно предъявили управляющему требования улучшить жизненно важные для них экономические и бытовые условия (повысить заработную плату, снизить цены на продукты в рудничной лавке и т. д.)[94]. Этот примечательный документ, свидетельствующий о постепенно растущей классово-интернациональной солидарности горнорабочих Киргизии, был подписан 29 шахтерами, в том числе 8 горняками коренных национальностей края[95].

Так как администрация категорически отвергла эти «вздорные», по ее словам, требования горняков, то через два дня прекратили работу 150 шахтеров утренней смены из 220 рабочих копей. Они заявили, что «на работу не выйдут, пока не будут удовлетворены их требования». Управляющий попытался утихомирить их обманными обещаниями (построить долгожданную для шахтеров баню и т. п.). Однодневная забастовка выявила отсутствие тогда единодушия среди рабочих. Сравнительно лучше оплачиваемая их часть — машинная прислуга, рабочие мастерских — оставалась работать, другая — стояла за продолжение стачки до полного удовлетворения их справедливых требований. А предприниматели сразу же после забастовки, забыв о своих обещаниях, уволили 10 наиболее активных стачечников.

Жестокая по отношению к трудящимся политика царизма в годы реакции послужила одной из предпосылок нового мощного революционного подъема в стране. Кровавое злодеяние царизма — расстрел 4 апреля 1912 г. на Лене в Восточной Сибири трехтысячной демонстрации рабочих золотых приисков, просивших об освобождении арестованных товарищей-забастовщиков,— вызвало взрыв бурного негодования многонациональных трудящихся страны, всех демократических сил России. Как отмечал В. И. Ленин, ленские события «...*зажгли* массы *революционным* огнем»[96].

Под влиянием ленского расстрела по всей стране, в том числе и в Туркестанском крае, прокатилась волна стачек и забастовок. Возбуждение, царившее среди кызылкийских шахтеров, вылилось 9 апреля 1912 г. в очередную, на этот раз более продолжительную (семидневную), забастовку. Горняки протестовали против вычетов из зарплаты, дороговизны и плохого качества продуктов в рудничной лавке, издевательств администрации. Стачечники не приступили к работе даже под давлением полиции. В результате шахтерам была выдана их систематически задер-

живавшаяся управляющим зарплата. Стачка и особенно победа рабочих в ней «не могла не оказать,— по словам скобелевского уездного начальника,— вредного влияния на окружающую среду и особенно в районе промышленных предприятий»[97].

В марте 1912 г. произошло выступление рабочих-шахтеров на станции Мельниково, закончившееся схваткой с жандармерией. 17 наиболее активных его участников по приказу ферганского военного губернатора были арестованы[98].

В августе 1912 г. начали забастовку шахтеры Шурабских копей в Узбекистане, на которых работали и киргизы. Требования бастующих носили экономический характер. Но резко ухудшившееся положение забастовавших рабочих заставило их приступить к работе, не добившись удовлетворения выдвинутых требований[99].

А в октябре 1912 г. вспыхнула 15-дневная забастовка горняков Кызыл-Кии. В числе ее активных участников был революционно настроенный рабочий Л. Г. Солнышко (прибыл в сентябре из Шураба), а среди организаторов — участник революционных событий 1905 г. в Москве И. И. Едренкин. Упорство забастовщиков заставило горнопромышленника Батюшкова несколько повысить зарплату шахтерам. Эта закончившаяся успешно забастовка, в отличие от ряда предшествующих, носила более организованный характер[100].

В связи с участившимися забастовками краевая жандармерия с беспокойством отмечала численное увеличение революционно настроенных лиц среди горнорабочих Туркестана и активную роль в их выступлениях русских пролетариев, в том числе участников минувшей русско-японской войны и революции 1905—1907 гг., оказывавших, по мнению царских властей, «неблагоприятное влияние» на местных рабочих и окрестное дехканское население.

Действительно, в забастовках кызыл-кийских и сулюктинских горняков уже заметно проявлялась их классовая и интернациональная сплоченность. В совместных выступлениях шахтеров разных национальностей сказывались результаты пропагандистской работы, которую вели среди них революционные социал-демократы. Власти небезосновательно подозревали в причастности к ней Д. Т. Деканова, З. Кадырова[101] и их единомышленников.

Большую роль в интернациональном сплочении трудящихся масс Туркестанского края, в пропаганде идей пролетарского интернационализма и разоблачении буржуазного национализма сыграла большевистская газета «Правда», в которой 10 мая 1913 г. была опубликована статья В. И. Ленина «Рабочий класс и национальный вопрос». В ней получило дальнейшее творческое развитие применительно к условиям тогдашней России одно из важнейших марксистских положений о значении единства и сплочения трудящихся всех национальностей в борьбе за социальное и национальное освобождение: «Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком»[102]. Здесь же В. И. Ленин дал и политическую характеристику буржуазии национальных окраин, которая целиком относилась и к зарождавшейся национальной буржуазии Средней Азии и Казахстана. В результате нелегальной агитации и пропаганды туркестанских большевиков содержание ленинских статей в «Правде» становилось вскоре известным рабочим и демократически настроенным служащим, передовым представителям крестьянско-дехканской бедноты. Газету читали рабочие городов и железнодорожных станций, горняки и нефтяники[103]. Она политически просвещала и организовывала их на борьбу против эксплуататоров.

Исподволь нараставшее недовольство столыпинской аграрной политикой в среде российского трудового крестьянства проявилось и в переселенческой деревне Киргизии. Одновременно в аилах и кишлаках, где все острее сталкивались интересы угнетенной букары и бай-манапской верхушки, происходили одно за другим волнения дехкан и их столкновения с эксплуататорами. При этом формы классового протеста киргизского крестьянства были самые различные — от пассивных, частных, одиночных до активных и массовых выступлений, несмотря на репрессии царских властей.

Примером первых являлись участившиеся откочевки бедняцких групп и аилов из киргизских волостей Пишпекского уезда, уходивших от жестокого притеснения манапов в отдаленные горные местности Андижанского и Пржевальского уездов.

Иным по характеру было массовое выступление весною 1910 г. дехканской бедноты в Каракечинской волости Пржевальского уезда. Там букара активно протестовала против грабительской земельной политики царизма и настойчиво требовала скорейшего наделения ее пахотно-пригодной землей[104].

Вопреки яростному сопротивлению бай-манапской верхушки возрастало движение киргизской кочевой бедноты за оседание в Пишпекском и Пржевальском уездах. Увенчалось успехом массовое выступление дехканской бедноты Сокулукской волости Пишпекского уезда, которая добилась отделения ее от «своих» манапов и частично занялась оседло-земледельческим хозяйством[105]. Подобные волнения происходили в Аламединской, Таласской, Узунгырской и других волостях Пишпекского уезда, где также шла напряженная борьба рядовых общинников с богатыми скотоводами и аильно-волостной администрацией, всячески препятствовавшими оседанию.

В различных районах Киргизии, где велись поземельно-межевые работы, целью которых было изъятие дехканских земель в

переселенческий фонд, то и дело происходили столкновения с производителями этих работ. Так было в августе 1910 г. в Заукинской волости Пржевальского уезда, жители которой всячески срывали землеустройство, уничтожали межевые знаки и вынудили топографа отказаться от их дальнейшей установки[106].

Характерно, что противодействие земельноустроительным работам проявлялось не только со стороны киргизского и казахского населения. В донесениях верненской охранки указывалось, что в январе-феврале 1911 г. жители Старо-и Ново-Чуйских, Дулатовской, а также «вообще по р. Чу лежащих волостей» крайне «революционно» настроены, так же как и крестьяне-новоселы из внутренних губерний России и Западной Сибири, размещенные на малопригодных к земледелию так называемых Чуйских участках Пишпекского уезда[107].

В конце 1910 — начале 1911 г. в некоторых местностях Южного Семиречья, где в результате Кеминского землетрясения множество бедняков осталось без крова, наблюдались волнения среди обездоленного населения. Специальные комиссии, созданные военным губернатором для оказания помощи пострадавшим, нередко ограничивались лишь сбором сведений о размерах бедствий и фактически поддерживали только представителей зажиточного мещанства и кулачества, создавая условия для безудержной спекуляции продуктами, товарами широкого потребления и строительными материалами. В ответ на это переселенческая и киргизско-казахская беднота открыто протестовала против злоупотреблений комиссий и колониальной администрации в целом. Власти расправлялись с недовольными, арестовывали наиболее активных бедняков[108].

Оживление рабочего и крестьянского движения оказывало влияние на солдатскую массу и беднейшую часть казачества. 30 января 1911 г. начались волнения среди мобилизованных семиреченских казаков и солдат-запасников из крестьян, многие из которых пострадали от недавнего землетрясения. Казаки, в частности, были сильно встревожены намерением властей взыскать все станичные долги из их мобилизационного пособия, на которое самые маломощные из них надеялись поправить свое хозяйство и как-то обеспечить на первое время бедствовавшие семьи. Казацкая беднота добивалась от властей также прирезки земли до полных наделов. И в этом ее требования смыкались с борьбой за наделение землей неустроенных крестьян-переселенцев[109]. А 30 марта 1911 г. приняло резкие формы недовольство казаков станицы Николаевской Пржевальского уезда, к возникновению которого был причастен демократически настроенный местный учитель А. В. Русиков. Как установили власти, волнения казачьей бедноты произошли «на экономической почве» из-за злоупотреблений чиновников, наживавшихся даже на мизерных пособиях пострадавшим от Кеминского землетрясения[110].

Усиление ненависти трудового переселенческого крестьянства

к царизму, колониальным властям и кулачеству нашло отражение в росте числа судебных преследований за «неуважение» официальных представителей царской администрации и лиц царствующей династии. Так, в 1910—1911 гг. в Пишпекском и Пржевальском уездах было арестовано свыше 200 крестьян, обвинявшихся в оскорблении членов императорской фамилии[111]. В их числе был подвергнут 30 марта 1910 г. двухнедельному аресту крестьянин М. Несол из с. Алексеевского Вознесенской волости Пишпекского уезда, публично назвавший Николая II «кровопийцей»[112].

Туркестанский генерал-губернатор констатировал, что весною и летом 1911 г. в Пишпекском и соседнем с ним Верненском уездах «по-прежнему наблюдается антиправительственное движение» в большинстве случаев со стороны неустроенных «самовольных» крестьян-переселенцев, и «Пишпекский уезд, как и прежде, является районом наибольшего скопления переселенцев из Европейской России, представляющих собою наиболее благоприятную почву для ...агитации как вследствие их неудовлетворительного на первых порах положения, так и вследствие того, что в среде их самих имеются лица, подпавшие под влияние революционного движения и потому весьма сомнительные по своей благонадежности»[113].

Возрастало и сопротивление трудового дехканства юга Киргизии попыткам отчуждения общинных земель кулаками, переселенческими чиновниками и горнопромышленниками. Так, 2 марта 1911 г. произошло выступление киргизов-общинников из аила № 4 Кугартской волости Андижанского уезда, упорно пытавшихся отстоять свои ископные пахотные земли от посягательств кулацких элементов, которым покровительствовали уездные власти[114].

Киргизы, проживавшие в районе угольных копей, не мирились с безудержным разграблением их земель горнозаводчиками. «...Вообще население (аильное. — *Ред.)* Сулюктинского бассейна относится крайне враждебно к горнопромышленникам, портит работы и старается нанести всякий ущерб»[115].

Трудовое население Джалал-Абадской волости выражало недоверие низовой администрации, притеснявшей его всяческими поборами, пользуясь неурегулированностью земельно-водных отношений. В телеграмме военному губернатору Ферганской области от 27 июня 1911 г. джалал-абадцы требовали отстранения от занимаемой должности особо алчных кугартского арык-аксакала и других местных должностных лиц. При этом они ясно давали понять, что в случае отклонения их требований прибегнут к более действенной форме своей защиты[116].

Администрацию края тревожил рост числа так называемых «разбойных» нападений дехкан, особенно в Ферганской и Самаркандской областях, в том числе в местах проживания киргизского населения. Еще в феврале 1911 г. туркестанский генерал-

губернатор специально обратил внимание властей на учащение таких групповых нападений (в 4—12 человек), в частности, в Ходжентском уезде, и участие в них местных жителей. Исфанейскому и другим участковым приставам этого уезда предписывалось учредить через сельскую администрацию объезды особо «опасных» мест и принять другие срочные репрессивные меры против «разбойников»[117]. По сути это была своеобразная форма активной, партизанского типа, борьбы обездоленных безземельных крестьян против феодально-байских элементов, капиталистов и представителей царской администрации.

Примечательны факты участия в нападениях на эксплуататоров-собственников крестьян различных национальностей — киргизов, узбеков, таджиков и др. В делах Департамента полиции сохранился весьма показательный документ о групповом вооруженном нападении 30 ноября 1911 г. русского крестьянина Н. Пихалова, киргиза Ходжентского уезда Бекмухаммеда Юлдашбаева вместе с другими неопознанными участниками «предварительного сговора» на контору хлопкоочистительного завода вблизи ст. Ассаке. Оба они были приговорены временным военным судом в Андижане к повешению[118].

Нередки были и случаи столкновения крестьянской бедноты с переселенческими чиновниками. Так, 18 ноября 1911 г. голодающие крестьяне 5-го Сусамырского участка вынудили представителя Переселенческого управления под страхом расправы выдать семерым из них 350 руб., которые предназначались в ссуду хозяевам зажиточных дворов в других селениях. Решившиеся на эту крайнюю меру бедняки были привлечены к строгой судебной ответственности[119].

Таковы некоторые проявления социального протеста и классовой борьбы в киргизском ауле и переселенческой деревне в начальный период нового революционного подъема в стране. Этот протест еще более усилился в годы, предшествовавшие первой мировой войне.

Освободительное движение в Киргизии, как и в других районах Туркестанского края, ширилось под влиянием общероссийского революционного подъема. Особенно значительные выступления национального крестьянства Киргизии отмечены в 1912 г., в чем нельзя не усмотреть отражения революционизирующего влияния Ленских событий и забастовочного движения рабочих Туркестана, в том числе киргизстанских горняков. Неоднократно вспыхивали волнения дехкан на севере Киргизии, выступавших против тяжелого гнета царизма, поборов и злоупотреблений местной феодально-родовой верхушки, поддерживаемой царской администрацией.

С конца марта 1912 г. против произвола и насилия манапов стали подниматься бедняки Кенкольской и других киргизских волостей в Таласе. Манапы потребовали от подвластной им букары внести незаконные поборы — *чыгым*, но получили катего-

рический отказ. Тогда эксплуататоры решили «проучить» непослушных. Сколотив большой отряд из вооруженных джигитов, манапы нападали на непокорные аилы[120], вынудив тем самым бедноту защищаться. Это длительное и открытое сопротивление рядовых общинников феодальному произволу было подавлено лишь в конце года царскими карателями.

22 мая 1912 г. взрывом негодования встретили дехкане той же Кенкольской волости местного волостного управителя и его приближенных, которые, злоупотребляя властью, стали вымогать деньги, применяя грубую силу, а у тех, кто им «добровольно» не давал денег, забирали лошадей[121]. На стороне обираемых дехкан выступили многие жители Бешташской и других соседних волостей Аулие-Атинского уезда. Приведенные факты—лишь отдельные из ряда свидетельств обострения противоречий в процессе классового расслоения киргизского аила и кишлака.

Многочисленные выступления рабочих и крестьян в Центре и на окраинах России оказывали большое революционизирующее влияние на солдатские массы. К числу крупных солдатских и матросских выступлений, происшедших в стране в этот период, относилось и восстание 1 июля 1912 г. туркестанских саперов в Троицких лагерях близ Ташкента, жестоко подавленное царскими сатрапами. Часть репрессированных саперов была затем сослана в отдаленные гарнизоны Семиречья, в том числе в местные воинские команды Киргизии, где «ташкентцы» вызывали к себе сочувствие товарищей — солдат и городских бедняков.

В. И. Ленин, анализируя выступления солдат под Ташкентом, матросов в Севастополе и Свеаборге в 1912 г., рассматривал их как одно из проявлений нового общероссийского революционного подъема. В своей статье «Восстание в армии и во флоте» он предостерегал трудящихся и большевиков от разрозненных и преждевременных, обреченных на провал, выступлений, указывая на необходимость серьезной подготовки к победоносному восстанию: «Только *соединенный* натиск рабочих масс, крестьянства и лучшей части армии может создать условия *победоносного*, т. е. *своевременного* восстания[122].

Летом 1912 г. чаткальские киргизы прогнали группу землемеров и статистиков, наотрез отказавшись сообщить им какие-либо сведения о своем землепользовании. В результате сопротивления рядовых общинников была сорвана работа по выявлению так называемых земельных «излишков», подлежавших изъятию из пользования местного населения и причислению к переселенческому фонду[123].

Осенью того же года наблюдались волнения недовольных дехкан в ряде аилов Сарыбагышской волости Пишпекского уезда. Особенно резкий характер приняли массовые выступления трудящейся бедноты на почве обострения земельного вопроса в Талдыкановской, Сокулукской, Джумгальской волостях того же уезда[124].

21 сентября 1912 г. беднейшие скотоводы с. Асылбашевского

Восточно-Сокулукской волости Пишпекского уезда сорвали попытку волостного управителя описать и изъять их имущество и скот за долги по исполнительному листу мирового судьи. До полусотни бедняков, доведенных до крайности притеснениями волостного управителя и его окружения, вооружились палками, не допустили забрать их скот и имущество. А волостному и его прихвостням пришлось спасаться бегством[125]. Последний обратился за защитой к уездному начальнику, который и поспешил проучить «бунтовщиков».

В ноябре 1912 г. несколько аилов Сарыбагышской волости Пишпекского уезда в нарушение традиционных родоплеменных обычаев отказались возмещать расходы, связанные с пышными поминками крупного манапа Шабдана Джантаева. Жестокими репрессивными мерами администрация безуспешно пыталась сломить сопротивление дехкан этих аилов[126].

Власти ужесточили преследование недовольных дехкан и в Таласе. В самом конце 1912 г. 13 «зачинщиков» из Кенкольской волости Аулие-Атинского уезда были осуждены на различные сроки тюремного заключения за активное участие в продолжавшихся там аграрных «беспорядках». Многие подверглись штрафам и другим мерам наказания.

В 1913 г. киргизское население в целом ряде мест, в частности в Есенгуловской волости Пржевальского уезда, протестуя против налогового гнета, в массовом порядке отказывалось погашать недоимки за прошлые годы[127]. В 1913—1914 гг. участились случаи сопротивления дехкан изъятию у них общинных земель под казенные лесные дачи, а также вооруженных стычек киргизской и переселенческой бедноты с чиновниками лесного ведомства.

9 марта 1914 г. открытое неповиновение властям оказали крестьяне селения графа Палена (Джергес) в Пржевальском уезде при попытке царских чиновников реквизировать самовольно срубленный крестьянами лес в казенной даче. Перед стойким и единодушным сопротивлением крестьян, не желавших возвратить лесоматериалы, оказались бессильны чины лесной стражи и сам уездный начальник. Последний должен был просить помощи у военного губернатора, который направил вооруженный пулеметами отряд для усмирения «бунтовщиков», посягнувших на государственную собственность. В результате 85 активных участников этого выступления были жестоко наказаны. В апреле 1914 г. бедняки из поселка Джангарач Пишпекского уезда оказали вооруженное сопротивление властям при попытке собрать с них подати.

Все эти и другие факты из истории рабочего и крестьянского движения в Киргизии в годы нового революционного подъема в стране (1910—1914 гг.) показывают, что столыпинская реакция не смогла устранить недовольства трудящихся, а еще более обострила его. Правда, развитие революционного движения в Туркестане тормозилось общей отсталостью края и военно-колониальным режимом. Однако и здесь выступления трудящихся, все активнее приобщавшихся к общероссийскому революционному движению, поднимались на новую, более высокую ступень, приобретая отчетливую политическую направленность против социального и национального гнета, порождаемого эксплуататорским строем. Постепенно в общей борьбе народных масс различных национальностей формировались предпосылки революционного союза трудящихся Киргизии и всего Туркестана с российским пролетариатом на путях к Февралю и Октябрю 1917 г.

Глава VI

КИРГИЗИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Антинародная сущность войны, хозяйственная разруха

Разоблачение большевиками захватнического характера войны

Летом 1914 г. началась первая мировая война. Она обрушила на трудящихся воюющих стран новые тяготы, усилила их эксплуатацию и разорение, унесла многие миллионы человеческих жизней. Война была подготовлена и развязана международным империализмом. Именно он вызвал резкое обострение борьбы крупнейших капиталистических держав за передел мира.

Чтобы скрыть истинные цели войны и так или иначе найти для нее оправдание, каждой из противоборствующих сторон в ход была пущена версия о «защите отечества». Русский царизм также усиленно спекулировал на патриотических чувствах народа. Официальная правительственная пресса, стремившаяся отравить массы ядом шовинизма, создавала миф о якобы всенародной поддержке правительства в войне, трубила о полном «единении царя с народом». Она была переполнена сообщениями о «патриотических» демонстрациях, многочисленных шествиях с царскими портретами и лозунгами «Война — до победного конца!». В этом же духе были выдержаны официальные реляции местных властей, которые направлялись в Петербург в связи с началом войны, в том числе из Средней Азии. Буржуазные организации засыпали «престол» верноподданническими телеграммами.

В. И. Ленин писал: «В одном отношении русское правительство не отстало от своих европейских собратьев: так же, как и они, оно сумело осуществить обман «своего» народа в грандиозном масштабе. Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход и в России, чтобы заразить массы

шовинизмом...»[1] Ленин отчетливо и неоспоримо доказал, что война носит захватнический, империалистический характер. Ее реальное содержание составляли «борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии...»[2] Лживая версия о «защите отечества» была подхвачена также мелкобуржуазными партиями меньшевиков и эсеров.

Единственной партией, сохранившей верность идеям социализма, пролетарского интернационализма и революционного демократизма и смело выступившей против империалистической войны, была партия большевиков во главе с В. И. Лениным. Большевики неутомимо разоблачали антинародный характер войны, призывали массы к борьбе против нее. Партия выдвинула лозунги превращения империалистической войны в войну гражданскую, поражения царского правительства и полного разрыва с лидерами II Интернационала, перешедшими на социал-шовинистические позиции. Лозунг поражения «своего» правительства в империалистической войне В. И. Ленин и партия считали обязательным для социалистов всех воюющих стран. Этими лозунгами партия большевиков выражала не только интересы рабочего класса (единственного, по словам В. И. Ленина, класса в России, «...которому не удалось привить заразы шовинизма»[3]), но и интересы всех трудящихся, в том числе и тех, кто временно оказался в плену буржуазного национализма и шовинизма.

Огромное значение для развития революционного процесса, для судеб всего человечества имела дальнейшая разработка В. И. Лениным теории социалистической революции. Война обострила все противоречия капитализма. Неравномерность его экономического и политического развития с особой силой проявилась в эпоху империализма. Исходя из этого «безусловного закона капитализма», В. И. Ленин сделал исключительно важный, научно обоснованный вывод о возможности победы социалистической революции первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, стране.

Ленинская теория социалистической революции, обоснование В. И. Лениным тактики революционной социал-демократии в условиях войны вооружили партию ясным пониманием ее задач в сложившейся обстановке. Однако работа партии в военное время была крайне затруднена полицейским террором, который царизм обрушил на лучших представителей рабочего класса. В 1914 г. были арестованы и сосланы в Сибирь большевистские депутаты IV Государственной думы, закрыты все большевистские газеты. Многие местные партийные организации были ослаблены арестами и надолго потеряли связь с центральными органами.

В Средней Азии, где еще накануне войны были произведены массовые аресты, продолжали свою деятельность лишь отдельные

социал-демократы — большевики. В начале войны и в Киргизии была разгромлена социал-демократическая группа большевистского направления, которая в годы реакции и нового революционного подъема действовала среди рабочих и ремесленников Пишпека. Ряд ее активных членов был арестован за участие в организации первого на территории Киргизии массового антивоенного выступления трудящихся, происшедшего в июле 1914 г. в связи с объявлением мобилизации.

Все же партийная работа в годы войны не прекратилась. В Пишпеке ее вели Т. С. Гудков, Н. Погорелов и их товарищи. В октябре 1916 г. в Чуйскую оросительную организацию мастером слесарно-механической мастерской устроился большевик с большим подпольным стажем А. И. Иваницын. В декабре туда же поступил на должность помощника садовода революционер М. Н. Крутоголовых.

Передовая часть рабочих и революционно настроенной молодежи стремилась правильно осмыслить происходившие события, найти свое место в борьбе за интересы трудящихся. В Пишпеке, в кружке «Взаимной помощи», организованном в 1914 г. при сельскохозяйственной школе, ученики находили возможность тайно знакомиться с марксистской литературой. В Кызыл-Кие был организован литературный кружок рабочей молодежи, который вызвал беспокойство полиции, «так как рабочие после чтения начинают вести разговоры о войне, причем непочтительно отзываются об его императорской особе»[4].

Таким образом, даже в условиях беспощадного террора, усилившегося в стране с началом войны, большевики продолжали неустанную революционную работу в массах.

Влияние войны на состояние экономики

Участие России в первой мировой империалистической войне уже во второй половине 1915 г. привело к экономическому кризису и серьезным сдвигам в общественно-политической жизни страны, в том числе и на ее национальных окраинах. Война обнажила неподготовленность к ней армии и тыла по вине царского правительства. Технико-экономическая отсталость страны сказывалась не только в недостатке вооружения и боеприпасов, но и обмундирования, снаряжения, продовольствия.

Уже с весны 1915 г. ощутимые перебои в обеспечении продуктами питания испытывали не только горожане, но и солдаты тыловых гарнизонов, причем даже в отдаленном от театра военных действий Туркестанском крае, где ощущалась и нехватка фуража. К 1915 г. был сильно урезан солдатский паек в действующей армии. Становилось очевидным, что экономика России, даже при резком сокращении гражданского потребления, была не в состоянии удовлетворить неуклонно возраставшие нужды фронта.

Капиталистические монополии страны использовали военные заказы для получения от правительства всевозможных крупных

субсидий, обогащаясь также на нещадной эксплуатации рабочих. Как свидетельствовал один из высокопоставленных чиновников, через военное ведомство в карманы ненасытных промышленников и спекулянтов текли сотни миллионов народного достояния, и тем больше, чем крупнее были предприятия или монополии, при ничтожной помощи от них в деле реальной обороны[5]. Создание при соответствующих министерствах Особых совещаний по обороне, топливу, перевозкам и продовольственному делу (август 1915 г.), как и протекавшая при активном участии буржуазии деятельность военно-промышленных комитетов (осенью 1915 г. они были организованы в Пишпеке и других уездных и областных центрах Туркестанского края) не могли радикально противодействовать нарастанию хозяйственных трудностей и приостановить начавшийся общий развал экономики. Дорогостоящая война неотвратимо подтачивала все устои российской экономики, дезорганизовывала торговлю и снабжение. Транспорт не справлялся с возросшими перевозками солдатских масс, оборонных и хозяйственных грузов.

Военные расходы безудержно опустошали государственную казну, отягощенную довоенными долгами, которые к 1917 г. достигли огромных размеров. Царизм, перекладывая бремя непомерных военных тягот на плечи трудящихся, выпускал не обеспеченные золотым запасом и все более обесценивавшиеся бумажные деньги, а также облигации внутренних займов, которые фактически в принудительном порядке распространялись среди населения. Все эти явления, разумеется, не могли не сказываться на положении национальных окраин страны, в том числе Средней Азии, включая и Киргизию.

Беспрерывные мобилизации в армию наиболее трудоспособных горожан и крестьян из переселенцев, а с лета 1916 г. на военно-тыловые работы дехкан и рабочих коренных национальностей остро отозвались недостачей рабочих рук в народном хозяйстве. Использование женского и детского труда не восполняло потерь рабочей силы ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве.

Пагубные последствия войны тяжело отразились на состоянии и без того отсталой экономики края, в первую очередь на сельскохозяйственном производстве[6]. С каждым новым военным годом во всех уездах Киргизии заметно сокращались посевные площади и соответственно валовые сборы зерновых и других продовольственных, а также кормовых культур. С 1916 г. катастрофически — более чем в два раза — упали сборы урожая в основных житницах края — Пишпекском и Пржевальском уездах[7].

Весной 1917 г. резко уменьшился посевной клин Киргизии. Причинами этого были не только нехватка рабочих рук, но и массовая убыль тяглового крупного рогатого скота и лошадей, отправляемых заготовителями военного ведомства в центральные районы страны, ухудшение посевных семян, недостаток сельскохозяйственного инвентаря и т. п.

В начале войны казалось, что она мало отразится на хлопководстве, развитие которого на местах всемерно поощрялось царской администрацией при прекращении ввоза хлопка из-за границы. Однако хлопковые посевы в 1916—1917 гг. в Туркестанском крае значительно уменьшились. Этому в немалой мере способствовало установление правительством в угоду текстильным фабрикантам предельно низких закупочных цен на хлопок-сырец без урегулирования быстро растущих цен на хлеб, мануфактуру и другие товары. Упадок коснулся также шелководства и пчеловодства.

Сокращение посевов кормовых трав, неблагоприятные для животноводства факторы военного времени (усиленный вывоз скота в Центральную Россию, реквизиция его для армии), а также жестокий джут зимою 1917 г. привели к тому, что несколько стабилизировавшееся в предвоенные годы положение в скотоводстве сменилось резким его упадком. Достаточно сказать, что общее поголовье скота в 1917 г. сократилось в Киргизии в два раза по сравнению с довоенным временем[8]. Во всех местностях и хозяйствах края значительно изменился видовой состав и ухудшилась породность скота. Особенно ощущалась большая убыль поголовья лошадей[9].

Экономический спад и разруха военного времени не могли не затронуть и промышленность. Но в начальный период войны — во второй половине 1914 — первой половине 1916 г. — ее губительное влияние еще слабо сказывалось на общем состоянии промышленности. Более того, постоянно возрастал спрос на кошмы, войлоки, мешки, арканы, сбрую и др. предметы «домашней промышленности» и ремесла. Но затем недостаток сырья, красителей, металла привели к значительному упадку традиционного киргизского производства. Наблюдалось известное оживление в кожевенно-сапожном, меховом и некоторых других производствах. Выпускаемая ими продукция предназначалась частично на вывоз в Центральную Россию и для нужд военного ведомства. Продолжали действовать хлопкоочистительные заводы и связанные с ними маслобойные заведения. В горнодобывающей промышленности Киргизии отмечалось некоторое увеличение угледобычи, особенно на крупных копях, владельцы которых добились включения их в список предприятий, работавших на оборону[10]. Возрос вывоз угля на среднеазиатский рынок. В 1915 г. началась промышленная разработка угля в Кок-Янгаке (так называемые Маркайские копи). В 1916 г. было положено начало освоению Ташкумырского (Нарынского) угольного месторождения[11]. Тогда добыча угля в Киргизии достигла своего максимума: три самых крупных ее угольных района давали 82,4% всей угледобычи Туркестана[12]. В 1917 г. начался заметный спад и в работе угольных предприятий, хотя Киргизия продолжала оставаться главным поставщиком топлива в Средней Азии. Значительно раньше, к 1915 г., была фактически свернута нефтедобыча на наиболее зна-

чительных по местным масштабам Майлисайских промыслах[13]. Но еще продолжалась разработка нефтяных запасов в районе Ляйляка[14]. Частным горнопромышленникам оказалась не по силам промышленная разработка богатейших запасов ртути и сурьмы, открытых еще в 1914 г. Московской радиевой экспедицией на юге Киргизии. Не возобновлялась добыча меди, а также редких металлов на Туя-Муюнском руднике[15], несмотря на возросшую потребность в них оборонной промышленности. Лишь Памирское золотопромышленное товарищество не сократило своей деятельности[16].

Хозяйственная разруха коснулась и обрабатывающей промышленности. Вследствие запрета властей с началом войны свертывалось винокурение и пивоварение. Из-за нараставшей нехватки сырья, топлива и рабочей силы, износа оборудования хирели и закрывались многие кустарные и полукустарные заведения пищевой и местной промышленности. Со второй половины 1916 г. бездействовали отдельные кожевенные, маслобойные и некоторые другие предприятия на севере Киргизии, включая Кеминский лесопильный завод.

Вместе с тем продолжалось казенное ирригационное строительство в Чуйской долине. Здесь ЧУПРом — одним из первенцев государственно-монополистического уклада в экономике Киргизии — строились цементный завод, малая Аламединская гидроэлектростанция, а также работали механические мастерские и другие вспомогательные производства.

Из железнодорожных линий, сооружавшихся перед войной частным акционерным капиталом при содействии правительства, в апреле 1916 г. была закончена лишь ветка Ферганской железной дороги от ст. Гурунч-Мазар до Джалал-Абада (76 верст). А первая очередь Семиреченской железной дороги, предназначавшейся для соединения хлопкопроизводящих районов Туркестана с хлебородными местностями Семиречья, была проложена лишь до ст. Бурное в Сыр-Дарьинской области.

Торговля Киргизии после кратковременного оживления в самом начале войны, когда население нарасхват раскупало товары довоенного производства, вскоре начала ощутимо сокращаться, приходить в расстройство, хотя прибыли торговых фирм, крупных перекупщиков и спекулянтов неуклонно росли. К 1917 г. привоз хлеба, сахара и другого продовольствия, мануфактуры, одежды, обуви, железных изделий, мыла и керосина из Центральной России почти прекратился. Резко уменьшилось количество точек стационарной торговли, в том числе различных питейных заведений и винно-водочных складов, а также многих продовольственных лавок. С середины 1916 г. исчезла и ярмарочная торговля.

Таким образом к началу 1917 г. все отрасли народного хозяйства Киргизии[17] находились в тисках прогрессировавшего общего для Российской империи экономического кризиса и усиливавшейся хозяйственной разрухи.

2. Назревание революционного кризиса

Ухудшение положения трудящихся

Первая мировая война принесла неисчислимые бедствия и лишения трудящимся массам всех народов Российской империи, в том числе Средней Азии и других окраин, где усилился национально-колониальный гнет царизма. Уже на шестой день войны 24 июля 1914 г. царским указом весь Туркестанский край был объявлен на положении чрезвычайной охраны, которое действовало до 17 июля 1916 г., а затем было заменено военным положением. Тем самым весь обширный многонациональный край, населенный преимущественно бесправными «инородцами» (так презрительно называли царские власти местных нерусских жителей), оказался под неусыпным надзором и в полной власти военно-полицейской администрации и жандармской охранки[18].

С каждым годом войны, подрывавшей хозяйство страны, все более ухудшалось экономическое положение трудящихся масс Киргизии и всей Средней Азии. Особенно трудно жилось солдатским семьям, лишившимся с уходом в армию трудоспособных работников, нередко своих единственных кормильцев. Все чаще горожане и сельчане-переселенцы получали извещения с фронта о гибели родных и близких.

Растущая денежная инфляция, стремительный рост цен — в 3—4 и более раз[19] — на продукты питания и предметы широкого потребления, исчезнувшие на свободном рынке, являлись в значительной мере результатом не только хозяйственной разрухи военного времени, но и преступных махинаций торговцев-ростовщиков и спекулянтов. Все это вело к катастрофическому снижению уровня жизни и потребления трудящихся, которые при нищенской зарплате едва могли сводить концы с концами.

Попытки властей ввести частично нормированные цены на хлеб и мясо (так называемые таксы), а также ограничить продажу этих продуктов в отдельные дни недели («мясопустные дни») бойкотировались торговцами-спекулянтами, которые прятали продукты и дефицитные товары, вывозили их в другие местности, где продавали втридорога. К осени 1916 г. городская беднота находилась на грани голода и полного обнищания, как это было, например, в Пишпеке[20]. Систематические задержки с выдачей мизерных пособий и нищенских пайков женам и вдовам солдат ставили их семьи в безвыходное положение. Скудные солдатские пайки вызывали недовольство солдат тыловых гарнизонов, в том числе и Гульчинской караульной команды.

В Пишпеке, Оше, шахтерских поселках и других населенных пунктах Киргизии стали появляться раненые солдаты и инвалиды войны, беженцы из прифронтовых и оккупированных врагом районов, а также военнопленные, скопление которых ухудшало и без того тяжелое продовольственное положение на местах.

Неимоверные трудности испытывали семьи рабочих, ремесленников и других малоимущих слоев населения в городах и торговых поселках, терявшие своих кормильцев в связи с неоднократными призывами в армию молодежи, мобилизацией солдат-запасников и ратников ополченческих дружин. До конца 1915 г. в армию было призвано только из Пишпекского и Пржевальского уездов 4703 крестьянина-переселенца[21]. С конца июня 1916 г. 4 тыс. мужчин-горожан из коренного населения было взято на военно-тыловые работы. Только в 25 волостях Ошского уезда подлежало мобилизации на тыловые работы свыше 6 тыс. человек[22].

С закрытием многих торгово-промышленных заведений часть рабочих, оставшихся в тылу по болезни или из-за преклонного возраста, оказывалась без работы. Положение же работавших усугублялось притоком бедняков из окрестных сел и аилов в города, увеличением дешевых женских и детских рабочих рук, а также применением труда тыловиков-киргизов и военнопленных[23], введением ночных и сверхурочных работ, особенно на шахтах. Поистине в каторжных условиях находились оставленные в крае тыловые рабочие. Полуголодные, а нередко и больные, они широко использовались на самых тяжелых работах: на сооружении железных и горных шоссейных дорог, в ирригационном строительстве, на лесозаготовках, разработках строительных материалов, на угольных копях и др.

Тягчайшим бременем на малоимущее сельское и городское население ложился продолжавшийся рост прямых и косвенных налогов. Так, в годы войны кибиточная подать с каждого юртовладельца возросла против довоенных лет — до 8 руб., а с 1 января 1915 г. к ней добавился еще и военный налог в сумме 1 руб. 84 коп. с каждого двора. Последний взыскивался с киргизского и другого коренного населения края взамен отбывания им воинской повинности. Взимался и ряд других налогов и податей[24].

При сборе кибиточной подати, военного и других налогов управители брали с аильчан в 2—3 раза более установленных сумм[25]. Сильное недовольство вызывали у трудового населения принудительное распространение непопулярных в народе военных займов, частые сборы денежно-вещевых пожертвований во имя чужой народу войны «до победного конца». Так, помимо скота, продуктов и различных вещей с каждой киргизской семьи («кибитки») власти собирали от 30 коп. до 2 руб. денежных пожертвований — на армию, флот, авиацию, а также в пользу раненых и увечных воинов, Красного Креста и т. п. Однако далеко не все собранные средства поступали по прямому назначению, немалая часть их оседала в карманах волостных, биев, баев и манапов, а также царских чиновников, организовывавших эти «патриотические» сборы. К примеру, лишь за ноябрь и декабрь 1914 г. в киргизских аилах Пишпекского уезда было собрано «на военные нужды» несколько сот юрт, около тысячи тулупов и множество других

теплых вещей, а в 1915 г. только с 7 киргизских волостей того же уезда — одной теплой одежды на сумму 4814 руб.[26]

С началом войны власти широко привлекали казахов и киргизов к заготовке сена, уборке урожая и другим сельскохозяйственным работам в кулацких семьях, из которых были взяты в армию призывники[27] или мобилизованы запасные. Принудительным даровым трудом своих соседей-киргизов пользовались во время полевых работ и монахи Иссык-Кульского монастыря в своем крупном монастырском хозяйстве.

Положение трудового дехканства осложнялось и тем, что в годы войны в Киргизии и Казахстане возросло изъятие общинных земель коренного населения. Органами Переселенческого управления проводилось повторное выявление и учет земельных «излишков», а на юге края — создание все новых так называемых казенных дач, в том числе и лесных. Лишь по Пишпекскому уезду к 1915 г. у киргизского населения было отобрано свыше 712 тыс. га земли, а по «ферганской части Киргизстана» — до 82 тыс. га[28]. Часть оставшихся без земли дехкан вынуждена была арендовать ее по высокой цене у казны, на кабальных условиях у кулаков, манапов и баев, державших в своих руках большие пахотно-пригодные и сенокосные участки.

В результате насильственных мероприятий царизма рос так называемый колонизационный фонд — казенно-оброчные и казачьи земли, что привело к прогрессирующему сокращению землепользования киргизского населения. В 1915 г. в Пржевальском уезде киргизы пользовались лишь третьей частью пахотной земли, а в Пишпекском — менее чем половиной (где, однако, предполагалось выселение свыше 3300 киргизских семейств с обжитых ими земель Чуйской долины после завершения работ ЧУПРа по ее орошению).

В военное время семиреченская администрация требовала от коренных жителей безоговорочного выставления юрт, а также снабжения скотом, хлебом, фуражом[29] и топливом проходящих и местных воинских команд. Так, ссылаясь на военное положение, начальник Иркештамского гарнизона вместе со своими казаками разъезжал по окрестным аилам, отнимая у киргизов сено, масло, баранов и лучших лошадей, нанося побои в случае отказа и угрожая забить до смерти жалующихся. В 1915 г. киргизам не было уплачено за 100 пудов ячменя из поставленного гарнизону фуража.

Сельское хозяйство и благосостояние крестьянства сильно подрывались обязательной поставкой лошадей и повозок по военно-конской повинности. Так, лишь по одному Пржевальскому уезду подлежало сдаче на приемный пункт в Джалал-Абаде не менее 6 тыс. лошадей[30]. Крупные заготовки военным и другими ведомствами скота, сырья, продовольствия, фуража и топлива (почти за бесценок) по сути мало чем отличались от принудительных реквизиций и контрибуционных поставок[31]. Наступивший

кризис хлопководческого хозяйства вел к массовому разорению семей трудящихся хлопкоробов[32].

Резко возросла с 1916 г. численность переселенческих и киргизских хозяйств, не имевших рабочего скота или располагавших лишь одним животным[33]. Большая часть таких обездоленных дехкан становилась издольщиками-чайрикерами, другая — пополняла ряды постоянных наемных сельскохозяйственных рабочих или сезонных — мардикеров, имевших лишь свои рабочие руки.

В районах с преобладанием животноводческих хозяйств разорявшаяся киргизская беднота ради куска хлеба вынуждена была все чаще идти обслуживать хозяйства богатых скотоводов, нанимаясь пастухами, табунщиками, а члены их семей становились фактически бесплатной прислугой. Особенно бедствовали семьи рабочих-тыловиков из коренного населения и киргизских беженцев из района восстания 1916 г. Закономерно, что в 1914—1917 гг. в среде крестьян-переселенцев также заметно увеличилась прослойка бедноты[34]. Жестокая нищета преследовала большинство крестьян-новоселов. Не выдерживая тягот военного времени, хозяйства трудового крестьянства всех национальностей все более приходили в упадок.

Таким образом, в военные годы в Киргизии и Туркестане в целом, как и повсеместно в стране, стало все резче проявляться усиление нужды и бедствий трудящихся масс, что вело к росту социально-классовых противоречий.

Нарастание освободительной борьбы трудящихся масс

По расчетам царизма, война должна была пресечь нарастание революционно-освободительного движения рабочих, крестьян и трудящихся масс угнетенных народов. Однако она лишь временно отсрочила надвигавшуюся революцию, отнюдь не ликвидировав ее объективных социально-экономических и политических предпосылок. Наоборот, империалистическая война глубоко обнажила все язвы царизма и обострила все противоречия империализма в России. А это привело к расширению фронта общедемократической борьбы трудящихся, в авангарде которой выступал российский рабочий класс во главе с большевиками-ленинцами.

Искусственно раздутый властями шовинистический угар в самом начале войны быстро угасал. Широкая волна репрессий царизма накануне и после объявления войны не смогла задушить рабоче-крестьянского движения ни в центре страны, ни в далеком от фронта Туркестанском крае. В Киргизии, например, власти уже при первой мобилизации солдат-запасников, в большинстве своем выходцев из крестьян, столкнулись с наличием среди них антивоенных и антиправительственных настроений точно так же, как это имело место и в других областях края и центральных российских губерниях. Так, направленные на сборный пункт в Пишпеке 1900 запасных солдат, оставивших дома необеспеченные семьи и неубранный урожай, целых три дня (с 21 июля 1914 г.)

упорно отказывались отправляться к месту службы в г. Верный, невзирая на уговоры уездных и военно-полицейских властей, взывавших к чувству долга, верности царской присяге, а также угрозы насильственно расправиться с непокорными[35]. Уездный начальник, боясь, чтобы брожение среди запасников не переросло в открытый бунт, настойчиво просил военного губернатора Семиреченской области оставить в городе роту местной команды и безотлагательно командировать на время призыва казачью сотню.

Прямым поводом к выступлению мобилизованных послужили несвоевременная выдача им пищи, жестокое обращение офицеров, необеспеченность пособиями нуждающихся крестьянских семей. Но призывы к неповиновению властям и командованию при «грубом нарушении порядка в общественном месте» свидетельствовали, что основными причинами волнения были ненависть мобилизованных крестьян к постылой царской солдатчине[36], нежелание трудящихся воевать за чуждые им интересы царизма и господствующих классов. Запасные высказали и резкое недовольство несправедливым распределением земли. Один из зачинщиков волнений, А. Д. Луцаев, в прошлом рабочий, говорил: «Ребята, смотрите, беритесь дружней, ружья будут у ваших ног, свое возьмем, погоны будут сорваны!»

Только после заверений властей, что солдатские семьи будут обеспечены «на законном основании», 23 июля при содействии городских полицейских и под вооруженным конвоем стрелков удалось по частям отправить волновавшихся запасников в г. Верный. Там вожаки и зачинщики выступления были преданы военному суду. В самом Пишпеке были арестованы несколько социал-демократов[37] и многие из тех, кто активно поддерживал солдатское выступление,— горожан, крестьян и солдаток, собравшихся из окрестных селений, чтобы проводить запасных. Недовольство мобилизацией запасных проявилось также в Пржевальске, хотя власти и пытались скрыть это и дискредитировать его участников как «смутьянов».

Одновременно с антивоенным выступлением в Пишпеке вспыхнуло волнение солдат-запасников на Андижанском сборном пункте (21—22 июля). Как отмечал помощник ферганского военного губернатора, зачинщиками выступили мобилизованные крестьяне из поселков Кугартской долины на юге Киргизии, с которыми властям и до этого «не было никакого сладу». По его словам, еще по дороге в Андижан самая большая партия запасников из Джалал-Абадского и Базар-Курганского участков «вела себя вызывающе». Здесь, как и в Пишпеке, наиболее активно протестующими элементами являлись «главным образом участники русско-японской войны», заявлявшие властям, что «у них остаются необеспеченные семьи, не снятый урожай». Волнение перекинулось в город. Руководил бунтовавшими запасниками один из бывших участников русско-японской войны М. Субботин. Власти с трудом подавили выступление, арестовав 106 человек, из которых 5 были

приговорены к каторжным работам, а остальные направлены в дисциплинарные роты[38].

Хотя власти и сумели жестоко расправиться с восставшими запасными солдатами, предотвратить рост антивоенных выступлений они были не силах. Уже в августе стали поступать тревожные сообщения о сходках и враждебных царизму настроениях среди трудового крестьянства и дехканства, а также рабочих, сооружавших Семиреченскую железную дорогу[39], и шахтеров на юге Киргизии. За антивоенную и антиправительственную пропаганду подверглись аресту рабочий Сулюктинских копей Ш. Бердикулов и житель с. Беловодское Пишпекского уезда С. С. Гайворонский. Последнего полиция считала руководителем нелегального сообщества «с целью ниспровержения существующего строя», причастными к которому подозревались и столяр П. Хабаров, хлебопек Х. Торин, служащие П. Инчин, Т. Подрыгин и др. Беловодский крестьянин Ф. Акименко вел агитацию среди призывников, чтобы они не шли на фронт, а поступали по примеру запасных и бастующих рабочих в центре России. Однако осудить революционных агитаторов, которых поддерживали крестьяне, властям не удалось из-за отсутствия свидетелей обвинения[40].

Недовольство рабочих империалистической войной и антинародной политикой царского самодержавия активно выражалось в забастовках. В августе 1914 г. забастовали горняки Сулюкты[41], среди которых были люди различных национальностей. Они совместно выступили против жестокой эксплуатации на копях и произвола администрации. Один из участников этой забастовки А. Г. Калашников впоследствии рассказывал о нараставших революционных настроениях среди шахтеров: «На шахте работали русские, татары и киргизы. Управляющий разжигал национальную рознь, хотел заставить нас драться. Но однажды мы вместе — и киргизы, и татары, и русские — не выдержали издевательств хозяина, пошли и избили его»[42]. И хотя стачечники не добились тогда успеха, забастовка имела важное значение для дальнейшего интернационального сплочения горняков в борьбе против шахтовладельцев и царской власти, защищавшей их интересы.

Классовые выступления туркестанских пролетариев, в том числе и рабочих Киргизии, оказывали революционизирующее влияние на многонациональное трудовое крестьянство, испытывавшее все более усиливавшийся социальный и национальный гнет. Закономерно, что это вызывало протест крестьянской и дехканской бедноты, формы которого были весьма многообразны, проявления частны, а распространение — почти повсеместное. Так, осенью 1914 г. вспыхнуло одно из первых в условиях войны волнений киргизских крестьян в Таласе. Непосредственным его поводом послужил произвол бия из аила № 6 Кенкольской волости Аулиеатинского уезда, ложно обвинившего ряд дехкан, жаловавшихся на притеснения, в конокрадстве. Когда 9 октября 6 стражников и две сотни джигитов явились, чтобы арестовать жалобщиков,

бедпота дружно встала на защиту клеветнически оговоренных земляков. Это стихийно возникшее столкновение было подавлено карателями, многие его участники арестованы, 20 из них преданы военному суду, а двое приговорены к 15 годам каторги[43]. Все имущество и скот осужденных разграблены.

Недовольство продолжавшейся войной и антиправительственные настроения среди трудящихся Киргизии заметно усилились в 1915 г. Зачастую это проявлялось в бранных отзывах о лицах правящей царской династии Романовых. Так, 30 января 1915 г. четверо крестьян из с. Беловодского (Севастьянов, Андреев, Корнилов и Смирнов) подверглись аресту за осуждение политики самодержавия и оскорбление «царствующего имени»[44]. Но пресечь даже жестокими репрессиями антимонархические и антимилитаристские настроения среди новосельческой и городской бедноты было невозможно. Более того, они росли и ширились под влиянием солдатских писем с фронта и получаемых населением извещений о гибели родных и близких.

Властям никак не удавалось задушить и рабочее движение в Туркестане, где время от времени продолжались выступления рабочих, которым уже одно участие в стачке угрожало немедленной мобилизацией в армию и отправкой на фронт. В июне 1915 г. вспыхнула забастовка рабочих изыскательской партии ЧУПРа, занятых съемкой площади предполагаемого водохранилища в Черкчинской волости Пишпекского уезда[45]. А в августе 1915 г. несколько крестьян из с. Барскаун Пржевальского уезда выразили острое недовольство царским режимом. Они избили верноподданного казака, ратовавшего за войну до победного конца и выступавшего в защиту царя. Негодующие крестьяне говорили представителю сельской администрации о царе, что «он посадил нас на камень и нам нет расчета служить и защищать его»[46].

Со второй половины 1915 г. участились протесты трудового дехканства против военных реквизиций, роста налогового бремени и не прекращавшегося грабежа общинных земель. 3 сентября 1915 г. произошло столкновение бедняков аила № 4 Аспаринской волости Аулие-Атинского уезда с представителем сельской власти в местности Сурат. Толпа возмущенных дехкан потребовала от аильного старшины возврата имущества, реквизированного у них на военные нужды. Старшина заявил в ответ, что сделано это по распоряжению властей, а юрты сейчас «нужны государю». Это окончательно вывело из терпения негодующих общинников, которые с бранью и криками «Государя нам не надо!» набросились на старшину. Вскоре наиболее активные участники выступления были арестованы и осуждены на разные сроки тюремного заключения[47].

Не прекращались стычки дехкан с лесной стражей из-за налагаемых штрафов и непомерных поборов за самовольную порубку леса и пастьбу скота на казенных лесных дачах и угодьях. Но наибольшее возмущение вызывало насильственное отчуждение царскими колонизаторами общинных киргизских земель. На этой почве произошли выступления осенью 1915 г. безземельной бедноты Шаркратминской волости Ошского уезда[48], в феврале 1916 г. — дехкан Арымской и Сусамырской волостей Наманганского уезда[49]. Весной 1916 г. повсеместно усилилось движение бедноты, доведенной до отчаяния поборами и произволом феодально-родовой верхушки. Так, в ряде районов Ферганы дехкане самочинно захватывали земли баев, кулаков и мусульманского духовенства. В Тогуз-Тороу рядовые кочевники намеревались отделиться от «своих» притеснителей-эксплуататоров и образовать самостоятельную волость[50]. Нередко киргизская беднота не ограничивалась откочевками, а решительно расправлялась с наиболее ненавистными ей представителями феодальной знати. Так было в Гульчинской волости Ошского уезда. А за попытку убийства жестокого манапа и покровительствующего ему уездного начальника тяжело поплатилась группа киргизских бедняков из Пржевальского уезда, среди которых был и Саякбай Каралаев — будущий известный сказитель эпоса «Манас»[51].

Весной 1916 г. по городам и селениям Средней Азии и Казахстана прокатилась волна так называемых продовольственных «беспорядков». Особую активность проявляли здесь солдатские жены и вдовы, страдавшие от дороговизны и других военных тягот. Одно из наиболее крупных таких волнений (прозванных властями «бабьими бунтами») произошло 28 марта 1916 г. в с. Преображенском Пржевальского уезда. Около трехсот возмущенных крестьянок, собравшихся на базарной площади села, разгромили волостную канцелярию и лавки торговцев-спекулянтов, забрав оттуда скрытые от населения продукты и товары. Власти жестоко расправились с голодающими солдатками: 27 из них, включая беременных и больных, с 41 грудным и малолетним ребенком, были арестованы и заключены в переполненном сельском арестном доме[52]. Это свидетельствовало о том, что антивоенные настроения глубоко проникли не только в среду работниц в пролетарских центрах страны, но и крестьянок-солдаток Туркестана.

В годы империалистической войны усилился процесс имущественной и классовой дифференциации дехканства, в аиле и кишлаке обострились противоречия между букарой и эксплуататорской верхушкой, отмечался рост недовольства киргизской бедноты ужесточением военно-колониального гнета. В частности, не прекращались случаи коллективного отказа от выполнения различных натуральных и трудовых повинностей. Хлопкоробы Джалал-Абадской волости и других местностей Ферганы в 1916 г. неоднократно протестовали против разорительных предельно низких нормированных цен на хлопок-сырец при растущей дороговизне на хлеб, мануфактуру и другие товары первой необходимости, исчезавшие с рынка[53].

Тяжелое положение букары усугублялось постоянным увеличением податей и поборов, что приводило не только к фактам

отказов от их уплаты, но и к прямым выступлениям против представителей царской администрации. Непомерно возросшие налоги вызывали неоднократные волнения рядовых общинников Кунгей-Аксуйской волости Пржевальского уезда, а протест бедняков из Ак-Тала этого же уезда вылился в вооруженное сопротивление. За нарушение «законного порядка» 12 наиболее активных участников выступления были арестованы и преданы суду[54]. Чтобы не вносить разорительные налоги и поборы, часть киргизской бедноты Кызыл-Джарской, Ак-Джольской и Тегенской волостей Наманганского уезда откочевывала в Талас и другие труднодоступные горные места в Северном и Центральном Тянь-Шане, уводя при этом байский скот, особенно лошадей[55].

В период войны горняки Киргизстана, среди которых были потомственные шахтеры из донбасских и других угольных рудников, шли в первых шеренгах рабочего движения в Туркестанском крае. Осенью 1916 г. по инициативе большевика Д. Т. Деканова вновь забастовали шахтеры Сулюкты, потребовав от предпринимателей увеличения зарплаты и улучшения невыносимо тяжелых условий труда. Горняки отказывались выйти на работу до удовлетворения их требований, несмотря на угрозы властей и полиции отправить упорствовавших забастовщиков на фронт[56]. Неся убытки, предприниматели были вынуждены пойти на некоторые уступки.

На целом ряде предприятий, работавших «на оборону», на прокладке и ремонте горных дорог, стройках Чуйской оросительной системы в невыносимо тяжелых условиях трудились наравне с военнопленными и рабочие коренных национальностей края, среди которых учащались случаи невыхода на работу и даже бегства. Показательна и забастовка на Ошском хлопкоочистительном заводе в декабре 1916 г., рабочие которого требовали возвращения домой их родных и земляков, мобилизованных на военно-тыловые работы[57].

Власти серьезно были встревожены широким распространением пораженческих настроений на фронте и в тылу. По донесениям агентов туркестанской охранки, недовольство войной проявлялось не только среди рабочих и крестьян, получавших письма с фронта с известиями о потерях русских войск, но и среди солдат резервных частей, ратников ополченческих дружин, солдат и казаков тыловых гарнизонов. Как стало известно администрации, в декабре 1916 г. неподалеку от Токмакской конно-почтовой станции в беседе с шестью солдатами, сопровождавшими почту, и несколькими казаками прапорщик В. И. Голенко сказал, что «...на войне солдат считают хуже мух. Добрый хозяин так мух не бьет, как наше начальство подставляет солдат»[58].

Подъем рабочего движения, охвативший летом 1915 г. всю страну и носивший не только экономический, но и политический характер, перерастал в 1916 г. в революционную ситуацию. В ее орбиту втягивались не только центральные области России, но,

как было сказано выше, и национальные окраины. Именно в этом свете следует рассматривать и события, связанные с крупнейшим народным восстанием 1916 г. в Средней Азии, которое захватило и коренное население Киргизии. Единство задач революционной борьбы российского пролетариата и освободительного движения угнетенных народов создавало реальные предпосылки для усиления общего натиска на царизм в условиях нараставшего его разложения. Складывался революционный союз рабочего класса с национальным крестьянством. Россия неудержимо шла навстречу новой, второй буржуазно-демократической революции, которой суждено было стать еще одной вехой на пути к социалистической революции в стране.

3. Восстание 1916 года

Начало и ход восстания

Восстание 1916 г., вписавшее яркую страницу в историю освободительного движения народов Средней Азии и Казахстана, было прямо вызвано той социально-экономической и политической обстановкой, которая сложилась в этом регионе Российской империи в начале XX в. и характеризовалась жесточайшим социальным и национальным гнетом, усугубленным ухудшением положения широких трудящихся масс в условиях затянувшейся грабительской войны. Непосредственным поводом к вспышке народного гнева послужил изданный 25 июня 1916 г. царский указ о мобилизации на военно-тыловые работы коренного мужского населения Поволжья, Восточной Сибири, Туркестана и Казахстана в возрасте от 19 до 43 лет[59]. По Туркестанскому краю предстояло набрать 200470 человек, в том числе по Семиреченской области — 43000 и по Ферганской — 51233[60].

Вся тяжесть последствий мобилизации ложилась на плечи трудящихся, которых отрывали от семейных очагов и принудительно заставляли жертвовать ради ненавистного царизма и чуждых интересов эксплуататорских классов. В этих условиях указ о наборе тыловых рабочих являлся, образно говоря, той каплей, которая переполнила чашу народного терпения.

Сигналом к стихийному началу восстания послужило открытое выступление 4 июля горожан Ходжента против царского указа. Слух об их твердой решимости противостоять действиям властей облетел весь край. 10—15 июля восстание распространилось на весь Андижанский уезд: Алтынкульскую, Базар-Курганскую, Балыкчинскую, Ярбашинскую, Джал-Кудукскую, Нарынскую и другие волости. Повстанцы избивали или убивали волостных управителей, аильных и сельских старшин и помогавших им джигитов, громили волостные канцелярии. Начальник Андижанского уезда вынужден был обратиться к вышестоящим властям с просьбой о помощи и присылке карательных сил[61].

Гнев и возмущение жителей Массинской, Майсырской и дру-

Нападение повстанцев на волостного управителя (1916 г.)
(С картины А. Сгибнева, 1966 г)

гих волостей вылился на местных должностных лиц, готовивших мобилизационные списки[62]. Повстанцы из кишлака Ходжа-Абад, получив отрицательный ответ на «требование о выдаче составляемых посемейных списков», насильно отобрали и уничтожили их. Большая группа восставших из кишлаков Мир-Абад и Урманбек Алтынкульской волости «требовала от туземной администрации выдачи списков (тыловых. — *Ред.*) рабочих, обвиняя последних (местных должностных лиц. — *Ред.*) в предательстве и угрожая разгромом»[63].

Восстанием были охвачены Сузак, а также другие населенные пункты в горных районах Андижанского уезда.

Бурно протекали выступления киргизского и узбекского трудового населения Кокандского уезда. В середине июля восстали жители кишлака Найман, а затем и всей Араванской волости, обвинившие волостного управителя в подготовке списков бедняков для призыва в действующую армию. Они заставили выдать им эти списки и потребовали, чтобы волостной управитель скрепил их своей подписью и печатью, заверив при этом, что указанные в них люди не будут взяты на войну. Когда управитель отказался сделать это, толпа стала забрасывать его и окружающих джигитов камнями. Мобилизационные списки были уничтожены[64].

В населенных киргизами горных районах Намаганского и других уездов Ферганской области восстание приобрело затяжной

характер, возникнув во второй декаде июля и продолжаясь до глубокой осени. Этому в значительной мере способствовала сама горная местность, где кочевникам и полукочевникам было легче скрываться от карательных отрядов. Сопротивление мобилизации принимало здесь своеобразную форму. Как правило, бедняки призывного возраста группами уходили в горы, где и оставались до тех пор, пока в их аилах не заканчивалось составление посемейных списков[65].

Против набора тыловых рабочих выступили жители Кызыл-Джарской, Ак-Джольской, Тегенской и других киргизских волостей Намаганского уезда. Среди них выделялся бедняк Таласбай Алыбаев из аила Чыпы Кызыл-Джарской волости, горячо призывавший трудовое население к открытому выступлению. Вместе со своими соратниками он перекочевал в труднодоступное урочище Сарой, расположенное в высокогорной местности Турдук. К нему стекались сыновья бедняков из указанных выше волостей. Повстанцы нападали на волостных управителей и других должностных лиц. Однако зимой положение повстанцев резко ухудшилось, вскоре многие из них были пленены карательным отрядом и жестоко наказаны[66]. Восстанием было охвачено и киргизское население Кетмень-Тюбе, Чаткала, Тогуз-Тороу и других горных районов Намаганского уезда.

В усилении антиколониальных и антифеодальных выступлений трудящихся Киргизии, в частности Кетмень-Тюбе, определенную роль играл акын-демократ Токтогул Сатылганов. Как свидетельствует его близкий друг Коргоол Досуев, Токтогул неустанно призывал трудящихся подниматься на борьбу как против царского произвола, так и против баев и манапов[67].

Активно действовала на юге Киргизии (в урочище Сары-Добо) группа бедняков численностью в 150 человек, которая совершала внезапные налеты на местных должностных лиц, угоняя их скот, уничтожая списки тыловиков. Скрываясь в лесах, повстанцы продолжительное время ускользали от карательных отрядов. Лишь в начале зимы восставшие были вынуждены вернуться в свои аилы, где подверглись преследованиям со стороны управителей и бай-манапской верхушки.

Не остался вне восстания и Ошский уезд. Его трудовое население, состоявшее в основном из киргизов, также стремилось свести счеты с ненавистными им волостными управителями, аильными и сельскими старшинами. Здесь, как и повсюду, восстание выходило за рамки протеста только против исполнения царского указа о мобилизации населения на тыловые работы и приобретало черты антифеодального движения масс.

В середине июля серьезное волнение произошло в г. Оше. После того, как было получено «высочайшее повеление» о наборе рабочих, у подножья Сулайман-горы собралось около 10 тыс. человек. Здесь были не только горожане, но и представители ряда кишлаков и аилов. Раздавались возгласы: «Воевать не будем!»,

«Сыновей не дадим!», а в сторону царских чиновников, баев и мулл летели камни. Лишь срочно вызванному карательному отряду удалось разогнать толпу и арестовать наиболее активных участников выступления.

Утром 11 июля трудовые дехкане кишлаков Ходжа-Абад и Чакар Булак-Башинской волости Ошского уезда «потребовали от волостного управителя именные списки мужского населения»[68]. Отказом исполнить это волостной управитель и окружавшие его сельские старшины вызвали взрыв негодования трудового дехканства[69]. Выступление жителей Булак-Башинской волости продолжалось до 15 июля. В течение четырех дней гневно возмущались трудящиеся, которые группами до 200 человек несколько раз повторяли нападения на сельских пятидесятников, нанося им побои, требуя выдать списки призываемых[70]. Выступление бедняков приняло настолько острый характер, что почти все сельские старшины, пятидесятники вместе с волостным управителем бежали, ища укрытия, в уездное управление[71].

27 июля волнения в названной волости возобновились. А несколькими днями раньше (24 июля) восстали дехкане кишлака Уч-Курган. Они окружили дом волостного управителя, намереваясь отобрать у него посемейные списки, но он успел скрыться. На следующий день было разгромлено несколько магазинов, принадлежавших местным баям. В столкновении с прибывшим из Оша карательным отрядом трое участников выступления были убиты и 15 взяты под арест[72].

Несколько дней (с 25 по 29 июля) продолжалось выступление жителей Узгена. Его участники, вооружившись пиками, вилами, кетменями и палками, требовали выдачи посемейных списков. Прибывшие к месту событий 15 полицейских и карательный отряд не осмелились применить оружие, вступить в бой с повстанцами и вынуждены были запереться в канцелярии волостного управителя. Имущая часть населения, боясь расправы со стороны восставших, спешно отправила своих представителей в г. Ош к уездному начальнику с просьбой о присылке воинских частей[73]. Волнения происходили в Акджарской, Ясинской, Гульчинской, Алайской, Наукатской и Куршабской волостях Ошского уезда.

Таким образом, Ферганская область, в том числе и южная часть Киргизии, была охвачена пламенем восстания, получившего особенно широкий размах во второй и третьей декадах июля. Здесь ярко проявился антивоенный и антифеодальный характер восстания. В нем принимали участие самые широкие слои коренного населения. Однако это стихийное выступление окончилось поражением. Его участники были жестоко наказаны царским правительством.

Восстание разрасталось с исключительной быстротой. В течение июля—августа 1916 г. оно во всю мощь развернулось в Семиреченской области. В начале августа выступили жители Кичи-Кемина и Чон-Кемина, т. е. Атекинской и Сарыбагышской волостей Пишпекского уезда. Одним из организаторов выступления был киргиз Алымкул Табалдин, который, по сообщению начальника Пишпекского уезда в рапорте от 28 ноября 1916 г., «первым подстрекал атекинцев не повиноваться распоряжению власти о призыве на работу в тыл действующей армии киргизов»[74].

По инициативе Табалдина около ста человек дали клятву — «на войну не идти, лучше умереть в борьбе». Число повстанцев быстро росло за счет бедняков, подлежавших набору. Трудовое население вооружилось, заявляя: «Пора положить конец насилиям», «у нас отобрали земли и скот, а теперь хотят отобрать наших сыновей», «чем отдавать своих сыновей, лучше умереть в борьбе с насильниками». Управители этих волостей пытались «убеждать толпу в бесплодности выступления»,[75] в могуществе царского самодержавия[76]. Но это не возымело действия.

Убедившись в невозможности удержать народные массы в повиновении и покорности, представители феодальной знати решили использовать их недовольство и темноту в своих интересах, присоединившись к восставшим и захватив руководство выступлением в свои руки. Они провозгласили ханом Мокуша — сына крупнейшего манапа Шабдана, выдавая его впоследствии за руководителя восстания на севере Киргизии. Здесь в отдельных местах представители феодально-мусульманской верхушки, захватывая руководство восстанием, пытались провозгласить газават, направляя выступления повстанцев против местного русского населения. Однако это не имело ничего общего с интересами трудящихся дехкан, поддерживавших добрососедские хозяйственно-культурные взаимоотношения с русскими трудовыми переселенцами.

9 августа у восточного выхода Боомского ущелья, недалеко от Кутмалды (ныне Рыбачье), часть повстанцев Сарыбагышской волости во главе с Ибраимом Телеевым захватила обоз с оружием (178 винтовок и свыше 30 тыс. патронов)[77]. В выступлениях коренного населения принимали активное участие некоторые русские трудовые крестьяне. Отдельные из них, например, Иван Седов, руководили группами восставших[78].

Почти одновременно со скотоводами, кочующими на Кичи-Кемине и Чон-Кемине, выступила значительная часть киргизов других местностей Чуйской долины, а также Иссык-Кульской котловины и Центрального Тянь-Шаня.

Ярко выраженный антивоенный, антифеодальный и антиколониальный характер приняло выступление трудящихся Тулебердинской волости. Для призыва в армию беднейших дехкан и реквизиции лошадей для военных нужд утром 10 августа в с. Белогорку, расположенную в верховьях р. Сокулук, прибыли управитель названной волости, его писарь и конно-полицейский стражник. На борьбу за свои права поднялись 300 коренных жителей Сокулука, в частности аилов Токто и Чыны под руководством бедняка Егенберды Сарыкова. Вооружившись палками, шашками

и отчасти ружьями, восставшие гневно протестовали: «Почему в список призываемых записаны только бедняки и их сыновья?», «Это несправедливо!», «Убьем всех вас и вам подобных»[79]. Напуганные взрывом негодования, управитель и его спутники обратились в бегство.

Отец названного волостного управителя крупнейший манап Чолпонкул Тыналин, получив сведения о происшедшем, поспешил к месту событий, полагаясь на свое влияние на местных жителей. Однако его расчет не оправдался. В ночь с 10 на 11 августа повстанцы ворвались в аил Татыбек, где в мечети остановились Чолпонкул со своим сыном и сопровождавшим их еще одним манапом. Окружив мечеть, они кричали: «Давайте сюда Чолпонкула и Джантая, это они виноваты в составлении приговоров по сдаче нас и детей наших в солдаты, убьем их и никого не отдадим в солдаты»[80]. Всю ночь повстанцы держали мечеть в осаде и только перед рассветом сняли ее, уйдя в горное урочище Кашка-Суу. Но и это выступление не увенчалось успехом, царские власти жестоко расправились с его участниками.

В начале августа поднялись жители Джамансартовской, Кара-Балтинской, Булекбаевской и других волостей, расположенных в западной части Пишпекского уезда. Повстанцы вышеуказанных волостей насчитывали в своих рядах несколько тысяч человек и представляли серьезную угрозу для местных властей. Поэтому последние не решились открыто выступить против восставших и предпочли действовать обманом. Им удалось уговорить повстанцев спуститься с гор Бултике, Мин-Текум и Кок-Дебо в долину, к своим зимовкам[81]. Эта провокация закончилась жестоким разгромом участников выступления царскими карателями. Вскоре восстание перекинулось на Талас. Но здесь оно широкого размаха не получило и ограничилось незначительными волнениями.

9 августа восстали киргизы, населяющие высокогорные Темир-Булатовскую, Абаильдинскую, Сусамырскую, Качкинскую, Каракечинскую, Нурманбетовскую, Джумгальскую, Курманкожинскую, Кочкорскую, Шаркратминскую, Бугенскую, Черик-Арчинскую, Аджиновскую, Шатеновскую и Моногельдинскую и другие волости.

Открытому выступлению жителей Центрального Тянь-Шаня предшествовало созванное заведующим полицейской частью Загорных волостей совещание, на котором предполагалось рассмотреть острый вопрос о ходе набора тыловых рабочих. На него, однако, не явился ряд волостных управителей и аильных старшин. Оказалось, что подлежавшая набору молодежь воспрепятствовала прибытию на совещание части приглашенных[82].

В Абаильдинской волости на совещании, созванном волостным управителем — крупнейшим манапом Канатом Абукиным, призывники открыто заявили, что они не намерены идти на тыловые работы вместо байских и манапских сынков, которые под

разными предлогами, прибегая к системе подкупов, подставных лиц, повсеместно ухитрялись избегать призыва. Напрасно Абукин, придя в ярость, угрожал, что он отрежет непокорным языки и вызовет карательный отряд, который жестоко накажет их за ослушание «белого» царя. Эти угрозы не остановили мобилизуемых, и они (в количестве до 300 человек) двинулись к брату волостного управителя, чтобы отобрать находившийся у него список призываемых. Из толпы раздавались возгласы: «Пусть отрубят нам головы, но мы не пойдем в трудовую армию»[83]. Опасаясь размаха выступления и решительных действий его участников, к ним присоединились и некоторые представители феодальной знати, в том числе Канат Абукин, Кокумбай Чиныев, преследуя при этом свои корыстные цели.

Серьезное выступление бедноты имело место в Джумгале, где призывники гневно заявляли волостным управителям и другим должностным лицам: «Если хотите, идите сами, а мы не пойдем в трудовую армию»[84].

Подобного рода события происходили и в других волостях. Так, кочевники из местности Джоон-Арык напали на волостного управителя и аильных старшин, которые включили в списки призываемых только бедняков. В Ниязбековской волости группа из 30 бедняков угрожала волостному управителю убийством. В Каракечинской волости свыше 200 бедняков набросились на волостного управителя, намеревавшегося донести в полицейскую часть Загорных волостей о начавшихся волнениях. Управитель был отпущен лишь после того, как клятвенно обещал не сообщать начальству о происшедшем[85]. Столь же решительно выступили против призыва бедняков группа косарей Черикчинской волости, присоединившиеся к ним 140 дехкан Качкинской волости, а также 300 рядовых скотоводов, кочующих в урочище Сон-Куль.

В Аджиновской волости около 700 человек во главе с бедняком Чокубаем Мандаевым, вооружившись пиками, палками, дубинками и тремя берданками, поднялись против местных должностных лиц. Трудящиеся Бурукчинской волости отобрали у аильных старшин именные печати и пытались уничтожить список призываемых, находившийся у волостного управителя. Бурно протекали выступления киргизов, кочующих на Нарыне и в прилегающих к нему районах. Как и в других местностях, здесь первыми восстали сыновья бедняков, подлежавшие призыву. Они нападали на аильных старшин, избивали местных должностных лиц, отбирали у них списки призываемых и уходили в труднодоступные горы[86]. На борьбу поднялись скотоводы, кочующие в местности Он-Арча. Численность восставших достигала здесь 2000 человек. Волнения происходили и в районах Куланака, Ак-Талаа, Ат-Баши, Тогуз-Тороу и Сусамыра[87].

Таким образом, большая часть высокогорных районов края оказалась в пламени народного восстания. Движением были

охвачены широкие слои трудового населения Загорных волостей и Нарынского участка. С 9 августа, сразу же после начала восстания, телеграфная и почтовая связь между городами и селами северной части Киргизии была прервана. Дороги, связывающие Пишпек с Пржевальском и Нарыном, оказались в руках повстанцев, многие царские чиновники отсиживались в уездных городах, в крупных и хорошо укрепленных селах.

12 августа значительная часть повстанцев из ряда волостей Пишпекского и Пржевальского уездов, двигаясь вслед за отступавшим карательным отрядом, подошла к Токмаку, в котором находились пишпекский уездный начальник, участковый пристав и ряд других чиновников[88]. Началась осада Токмака[89], которая продолжалась десять дней (с 13 по 22 августа). В осаде принимало участие несколько тысяч человек, стремившихся расправиться с укрывавшимися здесь чинами уездной администрации. Царский карательный отряд, насчитывавший с дружинниками 520 человек, вынужден был ограничиться лишь обороной города[90]. Восставшие неоднократно пытались взять его приступом, но безуспешно.

Волнением была охвачена и Иссык-Кульская котловина, трудовые массы которой возмущенно заявляли: «Царь — обманщик», и категорически отказывались выполнять указ о наборе рабочих. Они открыто говорили: «Лучше погибнем здесь, воюя на родине с теми, кто нас пытается угнать на гибель — на фронт»[91].

5 августа негодующие киргизы и дунгане подошли к зданию Пржевальского уездного управления и потребовали отмены набора тыловых рабочих. В ответ на их требование карательный отряд разогнал участников выступления, что послужило сигналом к открытому и всеобщему восстанию 9 августа. 10 августа часть повстанцев напала на помощника начальника Пржевальского уезда, который в это время находился в с. Кольцовке, на южном берегу Иссык-Куля[92].

В тот же день несколько десятков тысяч восставших подошли к г. Пржевальску и окружили его[93]. Отдельными частями повстанцев руководили крупный манап Батыркан Ногоев и некоторые другие представители феодальной верхушки. Осада города продолжалась до сентября. В ней принимали участие жители многих волостей Иссык-Кульской котловины. К борющимся киргизам присоединились дунгане Мариинской волости. На второй день осады в самом городе восстали заключенные в городской тюрьме киргизы, казахи и дунгане.

Выступление коренного населения северных районов Киргизии, в частности осада повстанцами пограничного г. Пржевальска, вызвала серьезную тревогу в правительственных кругах. С конца августа сюда поспешно стали стягиваться карательные отряды из Ферганы, Ташкента, Верного, Оренбурга и других городов империи. 27 августа началось их вступление в г. Пржевальск[94]. Между карателями и восставшими произошел ряд серьезных столкновений. Невооруженные и неорганизованные повстанцы вынуждены были снять осаду города и отойти в направлении к сыртам (высоким горам).

Однако поражение под Пржевальском не означало конца восстания, продолжавшегося до середины ноября. Оно вспыхивало то в одном, то в другом уголке Пишпекского и Пржевальского уездов. Все же восстание в целом шло уже на убыль. Часть повстанцев северных районов Киргизии, покидая родные места, бежала, преследуемая царскими карателями.

Характер и значение восстания

То обстоятельство, что восстание, несмотря на его широкий размах, потерпело поражение, объясняется прежде всего классовой неоднородностью повстанцев, его стихийностью, разрозненностью и неорганизованностью, недостаточной наступательностью. Восстание возникало в разных районах и нередко в разное время. Оно не имело единого руководства и четкой программы действий, осложнялось малочисленностью рабочих. Поражению движения способствовали и предательство представителей феодальной знати, политическая отсталость и темнота киргизской дехканской бедноты.

Царизм жестоко подавил восстание[95]. Спасаясь от расправы, сотни киргизских семей Иссык-Кульской котловины, районов Кочкорки, Джумгала, Кемина и восточной части Чуйской долины были вынуждены сниматься с насиженных мест и покидать родину, уходя за рубеж, где их ждали страдания и лишения, нищета и голод. Лишь революционные события 1917 г. позволили начать возврат уцелевших беженцев.

В ходе восстания киргизский народ выступил против царского самодержавия, социального и национального угнетения, земельного грабежа, против произвола и насилия, чинимых царскими чиновниками, кулаками-мироедами и местными феодалами, а также против чуждой трудящимся разорительной мировой империалистической войны. Это определило характер восстания в целом по Средней Азии как национально-освободительного, антифеодального, антиколониального, антиимпериалистического, антивоенного[96].

Современные буржуазные фальсификаторы истории восстания 1916 г. усердно стараются изобразить его как религиозное движение мусульман края против русских вообще, как проявление «извечной борьбы ислама против неверных». Имеются и попытки провести параллель между восстанием 1916 г. и антисоветским контрреволюционным басмачеством послеоктябрьских лет. Лживость, беспочвенность и антинаучность этих утверждений очевидны[97].

Восстание было общенародным. В нем принимали участие самые широкие слои населения. Но его основную движущую силу составляли рядовые скотоводы, земледельцы, бедняки и батраки,

изнемогавшие под гнетом царских колонизаторов и местной феодальной знати, доведенные до пределов терпения. Самое активное участие в выступлениях принимала беднота, особенно подлежавшая мобилизации бедняцкая молодежь.

Слабой стороной этого восстания являлось то, что рабочие, особенно промышленные, были тогда настолько малочисленны и ослаблены репрессиями и мобилизациями в армию, что не могли принять активное участие в восстании, возглавить его. Но известны факты, когда восставших поддержали рабочие из местного населения, занятые на строительстве Семиреченской железной дороги[98] и на строительстве оросительной системы в долине р. Чу. Сначала они объявили забастовку, требуя увеличения заработной платы, а затем перешли на сторону повстанцев[99]. По призыву большевиков некоторая часть солдат ферганских военных гарнизонов отказывалась участвовать в подавлении восстания[100].

Как отмечалось выше, в движении принимали участие и некоторые представители местной феодальной знати, которые сумели пробраться к руководству восстанием и даже провозгласить себя ханами. Надеясь использовать движение в своих классовых интересах, они отравляли сознание масс лозунгами газавата, чтобы тем самым отвести от себя гнев рядовых участников выступления. Но только в отдельных волостях Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины им удалось направить выступления восставших по антирусскому руслу[101]. Но это не могло затмить общие классовые цели, ослабить социальную солидарность трудящихся русского и киргизского населения, изменить антивоенный, антиимпериалистический, национально-освободительный и антифеодальный характер восстания.

Примечательны факты, когда русские трудовые крестьяне, переходя на сторону повстанцев, принимали активное участие в их действиях[102]. Это служило проявлением стремления русских и киргизских трудящихся объединиться в общей борьбе против царского самодержавия.

Интересы восставших трудящихся и интересы примкнувших к ним временных попутчиков феодалов были в корне различны. Если трудящиеся массы протестовали против социального и колониального гнета, то некоторые манапы, наоборот, пытались использовать восстание в целях восстановления своих былых привилегий и укрепления власти над коренным трудовым населением. На ход восстания влиял и ряд специфических особенностей, порожденных сложившимися в Киргизии в конце XIX — начале XX в. историческими условиями. Сказывались господство патриархально-феодальных отношений, засилье пережитков родоплеменного быта, воздействие мусульманской идеологии, крайняя малочисленность рабочих, особенно промышленных.

Одну из отличительных черт восстания следует видеть в том, что в его глубокой основе лежала борьба киргизских дехкан за землю. Национальный вопрос в Киргизии, как и на других колониальных окраинах царской России, сливался с аграрным вопросом.

Восстание 1916 г., развернувшееся на обширной территории края, вскрыло серьезные революционные резервы среди угнетенных народов национальных окраин, в частности, Казахстана и Средней Азии, в том числе Киргизии.

Восстание 1916 г. в Киргизии, как и во всей Средней Азии и Казахстане, явилось ярким проявлением назревавшего в России революционного кризиса. Несмотря на поражение, восстание содействовало революционизированию трудящихся края. Оно было составной частью того могучего революционного потока, в котором благодаря огромной организаторской и политической деятельности большевиков-ленинцев шел процесс соединения борьбы рабочего класса за социализм, крестьянской борьбы за землю, национально-освободительного движения угнетенных народов Российской империи и общенародного движения за мир.

Глава VII

КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Победа Февральской буржуазно-демократической революции

Расстановка классов, задачи и движущие силы буржуазно-демократической революции

Начало 1917 г. в России ознаменовалось победой буржуазно-демократической революции. Нейтрализуя буржуазию, рабочий класс в союзе с крестьянством и солдатами (теми же крестьянами, одетыми в солдатские шинели) под руководством большевистской партии сокрушил царизм. Революционный переворот в Петрограде сопровождался выступлениями трудящихся масс по всей стране.

В свое время, оценивая расстановку классовых сил на этапе буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин выделял в России три лагеря: правительственный, либерально-буржуазный или оппозиционный и революционно-демократический.

К 1917 г. позиция каждого из них определялась достаточно четко. В правительственном лагере, классовую основу которого составляли крепостники-помещики, все более усиливалось влияние самых оголтелых сил реакции и мракобесия. Самодержавие, опираясь на разветвленный аппарат насилия, топило в крови освободительное движение, шло на «все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения... своей и *своего класса* «священной собственности»[1].

В этой связи устранение кровавого режима романовской монархии и охраняемых им феодально-крепостнических пережитков оставалось главной и первоочередной задачей второй буржуазно-демократической революции в России.

В либерально-буржуазном лагере к Февралю 1917 г. произошел дальнейший сдвиг вправо. Трусливая и продажная, «оппозиционная» царизму русская буржуазия смертельно боялась растущего революционного движения и поэтому всегда была готова к предательству народных интересов и союзу с самодержавием, располагавшим всей мощью репрессивного аппарата. Даже в февральские дни 1917 г., в период глубочайшего кризиса царского правительства, буржуазия стремилась спасти монархию, добиваясь лишь «дележа» власти с ней.

Лагерь революционной демократии, ядро которой составлял пролетариат, стал еще более мощным и организованным. Рабочий класс вырос и закалился, усилилось его влияние на крестьянство. Обогащенный опытом революции 1905—1907 гг., он шел в авангарде общедемократического движения. Вождем пролетариата была Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) во главе с В. И. Лениным.

При этой расстановке основных классовых сил, свойственной всей России, в Киргизии имелась своя специфика. Она проявлялась в том, что колониальный аппарат управления, представлявший здесь правительственный лагерь, опирался не только на полицию и военную силу, но и на феодальную верхушку коренного населения, из среды которой, как правило, формировалось низовое звено колониального аппарата — волостные управители, аильные старшины и др.

Либерально-буржуазный лагерь, включавший в себя русскую и национальную буржуазию, был еще менее «оппозиционным» царизму, чем в центре России. Это объясняется тем, что основную массу его составляла та часть русской буржуазии, которая была связана с царизмом общностью коренных захватнических интересов. Поэтому в своей «оппозиционности» царизму она не шла дальше желания «подправить» его колониальную политику, чтобы избежать крайностей, но не затронуть существенно ее основ.

Что касается национальной буржуазии, то ее «оппозиционное» движение за капиталистическое решение аграрного вопроса и раздел власти с русской буржуазией было робким и ограниченным. По мере нарастания революционного процесса она все больше выступала на стороне русской империалистической буржуазии. Предав национальные интересы, она не стала, да и не могла стать гегемоном национально-освободительного движения трудящихся масс коренного населения Киргизии. Задачу своего национального освобождения угнетенным народам предстояло решать под руководством пролетариата России.

Революционно-демократический лагерь в Киргизии, как и во всей стране, возглавляли рабочие. Их удельный вес в составе населения Киргизии был весьма незначительным. Общая численность наемных рабочих к 1917 г. (даже с учетом лиц, занятых в мелкой кустарной промышленности и чернорабочих из числа коренных жителей) не превышала 10 тыс. человек[2].

Однако о роли пролетариата, как неоднократно отмечал В. И. Ленин, нельзя судить исходя только из его численности.

Она определяется решающими позициями, которые занимает рабочий класс в системе общественного производства, тем, что «пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»[3]. Рабочие Киргизии при всей их малочисленности являлись неразрывной составной частью российского пролетариата, шедшего во главе всего освободительного движения. Они прошли суровую школу борьбы против самодержавия и буржуазии, обладали определенным опытом революционных выступлений под руководством большевистской партии. Им, как и рабочим других районов страны, была ненавистна империалистическая война, близки и жизненно важны требования установления 8-часового рабочего дня, осуществления коренных демократических преобразований.

Особо важную роль в революционном движении в Киргизии играли компактные массы рабочих, которые концентрировались в горнодобывающей промышленности, где хозяйничал русский и иностранный акционерный капитал, и на предприятиях ирригационного и транспортного строительства государственно-монополистического типа. Именно здесь прежде всего возобновили свою деятельность в ходе Февральской революции большевики, создав социал-демократические группы, которые крепли в борьбе, превращаясь в опорные пункты ленинской партии. Решительные и организованные действия рабочих этих предприятий в Февральские дни революционизировали, пробуждали к активной политической деятельности широкие слои трудящихся всех национальностей.

Наиболее массовой движущей силой революционного потока в Киргизии, как и во всей России, было крестьянство. Однако здесь его основную часть составляли киргизы-кочевники и полукочевники. Политически бесправное, жестоко эксплуатируемое киргизское трудовое дехканство оставалось в основном на докапиталистической стадии развития. Вместе с тем к Февралю 1917 г. оно подошло обогащенное опытом восстания 1916 г., которое продемонстрировало могучий революционный потенциал угнетенных народов. Но восстание показало также, что в эпоху империализма изолированные, вне связи с рабочим движением выступления крестьян неизбежно обречены на поражение. Трудовые массы коренного населения на собственном опыте убеждались, что уничтожить гнет царизма и местных феодалов, объединенных общими экономическими и политическими интересами, они смогут только при помощи и под руководством российского пролетариата.

Активную революционную силу в демократическом перевороте в Киргизии представляли трудящиеся крестьяне-переселенцы и солдаты военных гарнизонов. Их интересам отвечало требование национализации земли. Включенное в аграрную программу большевистской партии, оно было рассчитано на то, чтобы революционным путем, решительно и последовательно избавить

сельское хозяйство всей России (в том числе и национальных окраин) от остатков феодализма.

Большевистский лозунг национализации земли означал, прежде всего, призыв к уничтожению самодержавия, конфискации земли помещиков, местных феодалов и колонизаторов и превращению ее в достояние демократического государства рабочих и крестьян. Он носил глубоко интернациональный характер, способствовал объединению крестьянства всех национальностей России в общей борьбе за радикальное решение на демократических началах аграрного и национального вопросов.

Таким образом, общие для всей страны задачи буржуазно-демократической революции были характерны и для Киргизии. Их решение отвечало коренным интересам трудящихся всех наций и народностей.

Глубоко интернациональным был также лозунг большевистской партии о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Он имел важное значение не только для русских крестьян-переселенцев, призванных из Киргизии в действующую армию, но и трудовых дехкан, мобилизованных царизмом в 1916 г. на так называемые «тыловые работы».

Об этой последней категории трудящихся, ставшей одной из движущих сил демократического переворота и последующего перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, следует сказать особо. Численность мобилизованных в Киргизии «тыловых» рабочих была довольно значительной — около 30 тыс. человек. Всего за пределы Туркестана царская администрация направила 123 тыс. таких рабочих. Большая их часть использовалась в Европейской России, на Украине, в Белоруссии, на Кавказе и в Сибири на изнурительных земляных работах в тылу действующей армии, в железнодорожном строительстве, а также как бесплатная рабочая сила на заводах, фабриках, лесозаготовках и даже в помещичьих имениях. Повсюду они подвергались жесточайшему социальному и национальному гнету.

Свидетельством невыносимых условий жизни «тыловых» рабочих являлась записка, поданная киргизами в Государственную думу. В ней указывалось, что все мобилизованные живут по строгому режиму тюремного типа. Люди находятся на грани полного истощения. За самые малые провинности рабочих избивают нагайками и розгами[4].

В середине февраля 1917 г. начальником Ошского уезда была получена телеграмма от группы «реквизированных» из Гульчинской волости киргизов, работавших на Московско-Виндавской железной дороге Саратовской губернии. В ней сообщалось, что «обращаются (с ними) грубо, даже жестоко, кормят очень плохо, терпят (они) страшный голод и холод»[5]. Аналогичная жалоба поступила от 325 рабочих-киргизов, вывезенных из Наманганского уезда Ферганской области, которые, работая в районе Двинска

на лесозаготовках, были доведены до того, что 8 человек легли на рельсы перед идущим поездом. После того, как их с трудом сняли с путей, они заявили, что лучше умереть, чем переносить такую жизнь[6].

Не легче было положение киргизов, казахов и дунган, мобилизованных на строительство Чуйской оросительной системы, Семиреченской железной дороги, а также для работы на угольных шахтах Киргизии. Поздней осенью 1916 г. их под конвоем доставили на участки, где не было жилья, топлива, бани. Даже когда наступили заморозки, большинство мобилизованных продолжало жить под открытым небом. Началась эпидемия тифа, которая, по заключению врачебной комиссии, явилась «следствием дурного питания, дурного размещения и тяжелой ... работы»[7].

Естественно, что эти так называемые «тыловики» особенно остро и сочувственно воспринимали проникавшие в их среду лозунги революционной борьбы против социального и национального угнетения. Быстрее и глубже других осознавали свои классовые интересы, проникаясь идеями интернационализма, те из них, которые находились на заводах Петербурга, Москвы, Киева, Одессы и других революционных центров России. Так, например, несколько тысяч «тыловиков» из Киргизии оказались в сфере влияния рабочих московского завода «Проводник», промышленных предприятий Пресни («Красной Пресни»)[8], 490 человек трудились на фабриках в Тушино[9], около 900 — в депо и на станции «Москва — Сортировочная»[10]. Через большевиков и революционно настроенных пролетариев, с которыми вместе работали, тыловые рабочие узнавали о политических событиях в стране, знакомились с листовками и революционными прокламациями. Некоторые из них посещали нелегальные большевистские собрания[11].

Под непосредственным влиянием организованного рабочего движения «тыловики» из Киргизии приняли в январе 1917 г. активное участие в событиях, предшествовавших Февральской буржуазно-демократической революции. 9 января 1917 г., в двенадцатую годовщину «Кровавого воскресенья», они вместе с кадровыми русскими рабочими московских заводов «Динамо», резиновых изделий, промышленных предприятий «Пресни» бросили работу и по призыву Московского комитета РСДРП(б) вышли на демонстрацию. Уполномоченный Особого совещания по обороне сообщал: «...инородцы на вверенных мне предприятиях устраивают забастовки, причем никакими убеждениями не удавалось разуверить инородцев в их заблуждениях»[12].

В эти же дни из Киевского военно-промышленного комитета в Ташкент пришло известие: «9 января 1917 г. все киргизы взбунтовались, оставили работы...»[13] Для усмирения рабочих, «реквизированных» из Оша, администрация завода «Наследники Терещенко» была вынуждена вызвать полицию из Киева[14].

Выступления подобного рода были и в других местах. Около двух месяцев, например, бастовали в Сухуми киргизы — рабочие

Начало восстания киргизов против кокандского хана в 1873 г.
(С картины Ж. Кожахметова)

Встреча буржуазно-демократической революции в ауле (С картины И. Мирошниченко)

из Джалал-Абада и Сузака, занятые на прокладке железнодорожного полотна вдоль Черноморского побережья. Их упорную борьбу не могли сломить ни угрозы, ни запугивания, ни тем более уговоры арык-аксакала, специально выписанного из Туркестана, чтобы «воздействовать на бунтовщиков»[15].

Сведения о невыносимых условиях жизни «тыловиков» проникали в Киргизию, вызывали недовольство коренного населения. В рапорте военному министру туркестанский генерал-губернатор писал: «...в население края все более и более проникают сведения о тяжелом положении рабочих туземцев в России. Прибывшие с тыловых работ... рассказывают населению, что положение рабочих хуже ссылки и что они от холода и голода изнурены до изнеможения»[16].

Еще в декабре 1916 г. рабочие Ошского хлопкоочистительного завода провели забастовку солидарности, требуя вернуть их товарищей, мобилизованных на «тыловые» работы. В это же время полицейские власти докладывали о волнениях дехкан Чимионской волости, которые (волнения) были вызваны рассказами прибывшего с «тыловых» работ бедняка М. Салиева. 3 января 1917 г. произошло выступление женщин киргизской и узбекской национальностей в Оше. Они ворвались в управление уездного начальника, требуя вернуть с «тыловых» работ их мужей. Несмотря на угрозы и приказы разойтись по домам, женщины продолжали бунтовать. Четверо из них и трое стариков, сопровождавших женщин, были арестованы[17].

Таким образом, рабочие «тыловики» являли собой благоприятную среду революционного брожения и протеста, а их последующий возврат в родные места способствовал росту влияния лозунгов освободительного движения на трудовое население Киргизии и всей Средней Азии, содействовал дальнейшему революционизированию масс.

Влияние Февральской революции на обстановку в Киргизии

Победа петроградского пролетариата в феврале 1917 г. всколыхнула всю страну. Телеграфные сообщения о свержении царизма поступили в Ташкент уже 26 февраля, но царская администрация, надеясь на восстановление монархии и страшась революции, попыталась скрыть эти сведения. В областные центры края, в том числе в г. Верный, был передан категорический приказ туркестанского генерал-губернатора: до особого распоряжения никаких сведений о происшедших в Петрограде событиях в печати не помещать[18]. Только после того, как о свержении царизма узнало почти все население края, туркестанские власти рискнули дать короткие сообщения об этом в газетах и особых приказах.

В Пишпеке телеграмма председателя Временного комитета Государственной думы М. Родзянко была получена 3 марта 1917 г., т. е. на четвертый день свержения монархии, но лишь 10 марта, уже после публикации в областной прессе, она была

оглашена на митинге и разослана уездными властями на места. Более полумесяца скрывали от солдат сообщения о петроградских событиях офицеры Нарынского гарнизона.

Царская администрация быстро разобралась в истинных намерениях пришедшей к власти буржуазии. Прозвучавший в первых же правительственных телеграммах настойчивый призыв — «соблюдать полное спокойствие и не прерывать работы... на оборону»[19] был воспринят ею как стремление буржуазии сузить размах революционного движения. Эта линия импонировала бывшим слугам самодержавия, топившим в крови народные движения, поэтому одним из первых, кто заявил о полном подчинении Временному правительству и его поддержке, был царский генерал-губернатор Туркестанского края Куропаткин. 8 марта 1917 г. он обратился с требованием «поддержания самого полного порядка» в крае и приказал всем чинам местной администрации — от губернаторов областей до участковых приставов — оставаться на своих местах. Через несколько дней военный губернатор Семиреченской области доносил, что он «вполне сохранил свою власть...»[20]. Военный губернатор Ферганской области издал специальное воззвание к коренному населению, в котором сообщал, что «в Туркестанском крае областная и уездная власть остается на своих местах и исполняет распоряжения обновленного правительства». Населению приказывалось выполнять «распоряжения своего губернатора, своих уездных начальников и участковых приставов»[21].

10 марта 1917 г. полномочия Куропаткина, как представителя Временного правительства в Туркестане, были официально подтверждены. В телеграмме Временного правительства говорилось о «знании» Куропаткиным края, о его якобы «заслуженной» популярности среди населения и выражалась уверенность, что «текущие события будут и впредь протекать в полном спокойствии»[22].

Официальное признание «заслуг» царского генерала, бездарность которого послужила одной из причин гибели сотен тысяч солдат в русско-японскую войну и на руках которого еще не высохла кровь повстанцев 1916 г., было весьма знаменательным. Оно означало, что буржуазное правительство не может и не хочет ломать старую государственную машину с его громадной бюрократической и военной организацией, а намерено обратить ее против революционных масс.

Стремление буржуазии ограничить размах революционного движения сразу же нашло понимание у феодально-родовой верхушки киргизского аила. Уже на первых «общемусульманских» собраниях, которые состоялись 9, 12, 13 и 14 марта 1917 г. в г. Верном, бан и манапы заявили о своей безусловной поддержке Временного правительства и организовали сбор средств на нужды империалистической войны. При этом они пытались уверить трудящихся, что «...без доведения войны до победного конца...

только что полученная свобода сведется к нулю и неминуемо вернется старый режим»[23].

Столь же ревностным защитником Временного правительства стала офицерско-кулацкая верхушка Семиреченского казачьего войска, уже в начале марта 1917 г. провозгласившая свою готовность с оружием в руках поддержать правительство буржуазии и его стремление довести войну до «победного конца».

Известную прочность Временному правительству на национальных окраинах, как и в Центре, дала поддержка его мелкобуржуазными слоями населения, проявившаяся в обстановке революционного подъема при недостаточной сознательности и организованности пролетариата[24].

Таким образом, перегруппировка классовых сил в Киргизии в период Февральской революции 1917 г. позволила империалистической буржуазии приобрести на далекой окраине надежную опору не только в лице классов и социальных групп, прямо заинтересованных в упрочении ее господства (русской и национальной буржуазии, кулацкой части переселенческого и местного крестьянства), но и бывших сторонников монархического строя — зажиточного казачества, феодально-байской верхушки аилов, многочисленного чиновничества, офицерства и полицейских, которых Временное правительство брало к себе на службу.

Однако известие о крахе самодержавия вызвало не только перегруппировку сил в лагере контрреволюции, но и пробудило революционную энергию трудящихся Киргизии, как и всей Средней Азии. В авангарде революционного движения в Туркестане шел местный отряд рабочего класса. В уездных центрах, на угольных копях Сулюкты и Кызыл-Кии, на строительстве Чуйской оросительной системы и других местах сосредоточения рабочих уже в начале марта 1917 г. прошли массовые демонстрации и митинги, на которых выдвигались требования установления восьмичасового рабочего дня, освобождения политических заключенных, прекращения войны и ликвидации царских властей на местах[25]. Рабочие арестовывали стражников, разгоняли местную полицию, создавали Советы, развертывали борьбу против произвола эксплуататоров и попыток буржуазии сохранить царскую систему управления.

Первое на территории Киргизии революционное выступление рабочих в связи с победой Февральской буржуазно-демократической революции состоялось в Сулюкте. Уже 3 марта 1917 г., как только до Сулюкты дошло известие о свержении царизма, группа революционно настроенных рабочих во главе с большевиком Д. Т. Декановым организовала митинг. Однако закончить митинг не удалось, ибо администрация с помощью полиции потребовала разойтись и ничего не предпринимать до получения официальных данных о свержении царя и инструкций новой власти[26]. Тогда рабочие обратились в уездный центр. По их приглашению 16 марта в Сулюкту прибыли из Ходжента представители созданного

там 9 марта Совета солдатских и рабочих депутатов[27]. Экстренно, по гудку, был созван новый общерудничный митинг, участники которого горячо поддержали предложение о создании органов народной власти, ликвидации полиции и образовании милиции из солдат[28].

Рабочие угольных копей Кызыл-Кии в Кокандском уезде Ферганской области узнали о падении царизма 4 марта 1917 г. Будучи сравнительно крупным рабочим коллективом, шахтеры имели крепкое ядро революционеров, среди которых были участники революции 1905—1907 гг., поддерживавшие связи с большевиками Коканда, Скобелева, нефтепромыслов Чимион и др. Не случайно поэтому при первых же известиях о революции кызылкийские шахтеры приняли в ней активное участие, проявив высокую сознательность и организованность.

Поскольку администрация рудника, имевшая телеграфную связь с уездными центрами, выжидала, скрывая действительное положение дел, стихийно возникшее собрание рабочих решило послать трех своих представителей в г. Скобелев. 6 марта 1917 г., после их возвращения, на руднике состоялся массовый митинг, положивший начало активному включению кызылкийских рабочих в общероссийский революционный процесс.

Сведения о свержении царского самодержавия проникли в самые глухие и отдаленные уголки Киргизии. Во многих населенных пунктах собирались митинги, происходили политические демонстрации под красными знаменами и с пением революционных песен. В кишлаках и аилах организовывались собрания и народные празднества. Такой праздник, например, был устроен в Актепе жителями окрестных кишлаков Уч-Курган, Мулян, Леган и Ауваль, которые пригласили на него жителей Скобелева, в том числе и русских.

Веру в лучшее будущее вселила победа Февральской революции в сердца беженцев-киргизов, участников восстания 1916 г. Загнанные на чужбину, подвергавшиеся и там хищнической эксплуатации и разграблению, они восприняли известие о свержении самодержавия как конец своим мучениям. Когда же Временное правительство опубликовало 7 марта 1917 г. декларацию, в которой на словах обещало отменить сословные, вероисповедальные и национальные ограничения, а затем под давлением революционного народа издало указ об амнистии всех участников восстания 1916 г.[29], тысячи беженцев хлынули на родину.

Мощной демонстрацией была встречена революция трудящимися Ошa. 10 марта после демонстрации и митинга русское население города « в полном единении» с киргизами и узбеками и в сопровождении солдат Ошского гарнизона отправилось к тюрьме, «чтобы освободить заключенных туземцев»[30]. По их требованию более 300 политических заключенных вышли на волю.

11 марта в г. Пишпеке при большом стечении народа были освобождены (по решению состоявшегося накануне массового

Освобождение политзаключенных из Пишпекской тюрьмы (С картины И. Белевича, 1957 г.)

митинга жителей города и окрестных сел) 130 узников, в том числе приговоренные к смертной казни участники восстания 1916 г. Орозбай Кулгутенов, Кыбрай Майчин, Малике Мангельдинов, Калкабай Чинпинов и другие. В этот же день обрела свободу большая группа узников пржевальской тюрьмы. Среди них были приговоренные к смерти Джанибек Матаев, Айтбай Джамболотов, Тынай Чокоев, Байгазы Исабеков[31].

В укреплении Нарын, где, как отмечалось, реакционное офицерство в течение длительного времени скрывало известие о падении монархии, массовый митинг состоялся позднее. Но и здесь, в одном из самых глухих уголков Киргизии, он прошел под знаком сближения русского и киргизского населения. Участники митинга устроили шествие по улицам с красными знаменами и лозунгами свободы.

В многочисленных телеграммах, направляемых в этот период в Петроград, Ташкент и областные центры от имени крестьян, горячо приветствовались свержение царизма и победа революции и вместе с тем проявлялись иллюзии по отношению к Временному правительству, которое многие из крестьян наивно считали революционным и потому заверяли в своей «безусловной поддержке», готовности «защитить свободу» и другие «завоевания революции»[32].

Заблуждения масс относительно нового правительства усиленно поддерживали не только меньшевики, эсеры, буржуазные националисты, но и церковь. По русским селам праздничпо зво-

нили колокола, в церквах шли молебны за «богохранимую державу Россию, благоверное Временное правительство и воинство»[33]. В киргизских аилах и кишлаках происходили мусульманские богослужения[34].

Были, однако, и такие отзвуки Февральской революции, которые свидетельствовали о несомненном большевистском влиянии на массы и понимании трудящимся крестьянством политической роли российского пролетариата. Так, например, крестьяне с. Ново-Антоновка Пишпекского уезда в резолюции своего митинга писали: «Мы, жители Ново-Антоновки, узнали о свержении царя и всей его своры, и от всей души рады этому. Мы посылаем спасибо пролетариям Петрограда и одобряем их революционную борьбу, которая принесла освобождение всему бедному люду от своры Романовых. Отсюда, из далекой окраины, мы клянемся вам, пролетарии Петрограда, что окажем помощь всеми силами, чтобы завершить революцию»[35].

Образование Советов в Киргизии. Двоевластие

По примеру пролетарских центров страны на территории Киргизии создавались Советы солдатских и Советы рабочих депутатов, которые вскоре объединились в единые органы народной власти.

Возникновение Советов в Киргизии, как и по всей стране, отражало стремление трудящихся масс решить коренной вопрос революции — вопрос о власти — в свою пользу, создать новый тип государства, которое будет служить не эксплуататорам, а трудовому народу.

Рожденные в ходе Февральской буржуазно-демократической революции Советы по своей классовой сущности являлись формой революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Их повсеместное распространение явилось демонстрацией единства общероссийского процесса, общности объективных социально-политических предпосылок буржуазно-демократической революции в центре страны и на ее национальных окраинах, подтверждением гегемонии российского пролетариата в революционном движении.

Закономерно, что инициаторами создания Советов и на территории Киргизии выступили повсеместно рабочие и солдаты, как наиболее сознательные, организованные и сплоченные группы населения.

Первым был образован Совет рабочих на угольных копях Кызыл-Кии. 6 марта 1917 г. на руднике состоялось общее собрание рабочих и служащих, на котором присутствовало 164 человека. Революционно настроенные рабочие, среди которых были участники революции 1905—1907 гг., предложили по примеру Петрограда и Ташкента образовать Комитет (Совет) рабочих депутатов. Администрация, стремясь подчинить рабочих своему влиянию и создать послушный ей орган, настаивала на проведении выборов депутатов открытым голосованием. Она надеялась, что рабочие

из-за отсутствия демократических навыков и страха перед предпринимателями не посмеют отвергнуть хозяйских ставленников. Но рабочие настояли на тайном голосовании. Из 30 кандидатов, внесенных в список для тайного голосования, были избраны 13. Однако наряду с революционно настроенными рабочими, такими как И. Е. Бельков, А. К. Добрынин, В. А. Елисеев, Ф. Т. Родионов, Л. Г. Солнышко, в Комитет прошли некоторые соглашатели, члены партии эсеров[36], что обусловило в дальнейшем трудности и осложнения в работе Совета.

Вскоре был образован Совет рабочих депутатов в другом угольном центре Киргизии и всего Туркестанского края — Сулюкте. Совет рабочих депутатов был избран здесь 16 марта. Председателем Совета стал бывший донбасский шахтер из Юзовки, член РСДРП(б) с 1903 г. Д. Т. Деканов. В состав Совета вошли его единомышленники — участники революции 1905 г. в Баку З. Кадыров и Я. Яфаров, а также шахтеры С. Кирасиров, Н. Краснов и др. Таким образом, с момента своего возникновения Сулюктинский Совет рабочих депутатов был в основном большевистским, твердо стоящим на позициях рабочего класса и использующим свою власть всецело в интересах трудящихся[37].

Почти одновременно с названными образовались Советы в уездных городах — Пишпеке и Оше. Здесь важную роль играли вооруженные солдаты местных гарнизонов. Поэтому борьба за солдатские массы представляла собой арену острого противоборства политических сил.

Стремясь сохранить контроль над солдатской массой, которая всей обстановкой все более втягивалась в активную политическую деятельность, власти стремились взять образование Советов солдатских депутатов в свои руки. Так, например, в Пишпеке они предложили мобилизованному в армию инженеру В. А. Васильеву, руководившему строительством Чуйской оросительной системы, и одному из офицеров местного гарнизона принять участие в создании Совета солдатских депутатов[38]. В результате Пишпекский Совет на первых порах был даже назван Союзом солдатских и офицерских депутатов и в значительной степени оказался засоренным контрреволюционными элементами. Однако в Совет с правом решающего голоса вошли и представители Пишпекского пересыльного пункта, где концентрировались призывники и возвращавшиеся из отпуска солдаты-фронтовики. Временами на пункте скапливалось по нескольку сот и даже тысяч солдат, озлобленных, ненавидевших войну. К тому же многие из них были знакомы с идеями большевиков. Это была часто меняющаяся, но вместе с тем компактная масса, обладающая немалой революционной силой. И ее влияние не могло не сказываться на действиях и решениях Пишпекского Совета, хотя в целом он стоял на платформе социал-соглашателей.

Не позднее 17 марта в Пишпеке возник также Совет депутатов рабочих и ремесленников. 29 марта он слился с Советом сол-

датских депутатов, в наименовании которого за пять дней до этого исчезло добавление «и офицерских депутатов». Он стал называться Советом солдатских и рабочих депутатов, однако по политической сущности остался соглашательским.

Активное участие в революционных событиях приняли солдаты Ошского гарнизона. 14 марта на общем собрании они избрали Совет из 16 депутатов, причем два из них представляли офицеров гарнизона. До 24 марта он назывался Союзом, а затем был официально переименован в Совет солдатских депутатов. Руководящие посты в нем, как и в Союзе, занимали эсеры и меньшевики[39].

Во второй половине марта 1917 г. был образован Совет солдатских депутатов Нарынского гарнизона. Помешать его созданию монархически настроенные офицеры не смогли, но они сумели протащить своих представителей в состав президиума Совета, чтобы таким образом сохранить свое влияние и прежние порядки в гарнизоне[40]. Аналогичная ситуация сложилась в Пржевальске и Токмаке. Военные комитеты размещенных здесь гарнизонов возникли почти сразу по получении известий о свержении самодержавия[41]. Но в их составе преобладали лица преимущественно из кулацкой и офицерской верхушки, и тем самым революционная активность комитетов была сведена на нет. Вскоре они вообще были распущены.

В первые дни Февральской революции Советы рабочих и солдатских депутатов были избраны в Скобелевском, Андижанском и Наманганском уездах Ферганской и Аулие-Атинском уезде Сыр-Дарьинской областей, в состав которых входила значительная часть Южной и Северо-Западной Киргизии[42].

Как и во всей стране, в первое время Советы Киргизии действовали как органы революционно-демократической власти рабочих и крестьян. При активной поддержке масс они осуществляли революционные мероприятия по демократизации органов управления, организации снабжения населения продовольствием, введению 8-часового рабочего дня и т. д. Однако, используя политическую неопытность и доверчивость трудящихся, меньшевики и эсеры захватили руководство в Советах и сумели свернуть их на путь соглашательства с буржуазией. Так, в программах Советов солдатских и рабочих депутатов Пржевальска, существовавших некоторое время раздельно, указывалось, что главной их задачей, а также всех других военных, рабочих и крестьянских организаций, созданных в уезде, является «крайнее сопротивление стремлениям к захвату власти у Временного правительства кем бы то ни было...», «война должна быть доведена до победного конца», ибо «прекращение войны вследствие расстройства жизни и внутренних несогласий явится бедствием для нашего великого народа, смертельным ударом свободе и страшной виной перед потомством и демократией всего мира»[43].

Соглашательская линия меньшевиков и эсеров в Киргизии, как и во всей России, вела к превращению Советов в придаток Временного правительства. Стремясь нейтрализовать Советы как органы революционной власти, меньшевики и эсеры активно участвовали в формировании так называемых исполнительных комитетов, которые создавались буржуазией в противовес Советам рабочих и солдатских депутатов.

9 марта 1917 г. был создан в качестве центрального органа Семиреченской области, в которую входила вся северная часть нынешней территории Киргизии, исполнительный комитет в г. Верном. Политическую сущность комитета характеризовала уже сама партийная принадлежность членов его президиума. Председателем исполкома был избран кадет, его заместителем — эсер, секретарем и казначеем — меньшевики, а заместителем казначея — крупный торговец, объявивший себя социалистом-революционером[44].

Одновременно такого рода исполнительные комитеты создавались в уездных городах. 7 марта 1917 г. состоялось собрание уполномоченных г. Пишпека, принявшее решение образовать Временный исполнительный комитет. 10 марта на общегородском митинге в присутствии более 4 тыс. горожан и крестьян из окрестных сел этот комитет был избран. Подавляющее большинство из 23 его членов составляли представители русской и местной буржуазии[45].

В течение марта 1917 г. подобные комитеты появились в Пржевальске, Нарыне и Оше. В состав Пржевальского исполнительного комитета, избранного 27 марта, вошло 64 делегата. В нем преобладали зажиточные торговцы, предприниматели, кулаки[46]. Аналогичными по своему социальному составу были Токмакский исполком и Нарынский комитет общественной безопасности, которые возглавили эсеры.

В Оше уездный комитет был образован в середине марта. Как и Нарынский, он именовался Комитетом общественной безопасности[47]. Характерно, что возглавил его ошский богач, замещавший (до середины июня) начальника, а затем комиссара Временного правительства Ошского уезда.

В мае 1917 г. комитеты общественной безопасности были созданы в Ак-Буринской, Алайской, Гульчинской, Узгенской, Яссинской и других волостях на юге Киргизии. Как отмечал прокурор Скобелевского окружного суда, в составе волостных и сельских комитетов преобладали местные баи, от влияния которых темное и забитое население не могло сразу освободиться. Он указывал, что выборы комитетов производились «...лишь путем открытого поднятия рук, что приводило, конечно, ко всевозможным злоупотреблениям»[48]. Одновременно с исполнительными комитетами на территории северных районов Киргизии продолжала действовать и старая администрация — сельские старосты и волостные управители.

Представители русской буржуазии, буржуазной интеллигенции и реакционного чиновничества, составлявшие ядро исполкомов, всемерно стремились не разрушать старую государственную машину, а сохранить и использовать ее в целях эксплуатации угнетенных народов. Поэтому исполкомы они рассматривали лишь в качестве своеобразного «буфера» между органами власти, представленными на местах старым аппаратом управления, и революционными массами. С помощью исполкомов буржуазия надеялась перехватить творческую инициативу трудящихся масс, пытавшихся с помощью Советов решить вопрос о власти в свою пользу. Именно поэтому исполкомы создавались буржуазией как высшие (в крае, области, уезде, волости) координирующие центры всех организаций, в том числе и Советов рабочих и солдатских депутатов, но вмешиваться в деятельность органов государственной власти, по мнению буржуазии, они (комитеты) не могли. «Задачи комитетов,— указывалось к примеру, в очень характерном обращении Ташкентского исполкома,— должны заключаться в поддержании порядка и восстановлении нормальной жизни, наблюдении за проведением в жизнь программы Временного правительства и поддержки его начинаний. Общественные комитеты не должны вмешиваться в распоряжение военных властей, с гражданскими же властями необходимо входить по решению назревающих вопросов в соглашение...»[49].

Однако ограничить размах революции, ввести ее в рамки, приемлемые для буржуазии, ни сама буржуазия, ни ее пособники — эсеры и меньшевики — не смогли. В Киргизии и во всей Средней Азии это проявлялось в борьбе против намерения буржуазии сохранить старый колониальный аппарат управления.

Бурные выступления трудящихся в связи с этим происходили, например, в марте 1917 г. в Оше. Об этих событиях газета «Правда» под рубрикой «Революция в провинции» поместила следующее сообщение: «Ош (Ферганская область). Полиция, стражники и жандармы обезоружены. Происходили демонстрации войск с красными знаменами, с надписью «Да здравствует свободная Россия!»[50] Появление корреспонденции из Оша в центральном органе большевистской партии весьма симптоматично. Оно свидетельствовало о пристальном внимании ЦК РСДРП (б) к социально-политическим процессам, развертывавшимся на национальных окраинах страны.

Под нажимом революционных солдат, вдохновляемых большевиками, Ошский комитет общественной безопасности уже 9 марта 1917 г. был вынужден принять решение «о немедленном снятии чинов городской полиции» и замене ее народной милицией, избираемой из солдат гарнизона[51]. А 17 марта 1917 г., вопреки указаниям Временного правительства, первый Ферганский областной съезд Советов солдатских депутатов принял решение

сместить со своих постов военного губернатора и его помощника»[52].

Массовые выступления трудящихся, в результате которых от власти отстранялись местные чиновники и воинские начальники, происходили и в северных районах Киргизии. При этом действия масс нередко носили решительный характер. Об этом свидетельствует, например, телеграмма мирового судьи г. Пржевальска прокурору Верненского окружного суда, посланная 7 апреля 1917 г., в день, когда солдаты на общегородском митинге подтвердили свое решение сместить начальника Пржевальского гарнизона: «Сообщаю, что город и уезд на грани анархии. Исполнительный комитет... авторитетом не пользуется. Разумные выступления на митингах освистываются. Решения выносит толпа»[53]. Чуть позже он же сообщал, что население уезда только и ждет ухода казачьей сотни, чтобы расправиться с «состоятельными классами»[54].

Бурные события развернулись в Пишпеке. Уже в марте 1917 г. большевики Пишпека начали широкую агитацию за передачу всей полноты власти в руки Советов и смещение приверженцев самодержавия. Как сообщалось 24 марта 1917 г. на заседании Пишпекского исполнительного комитета, неизвестный оратор произнес «возбуждающую речь против комитета..., бросая в толпу слова, что разве вы не видите, кто участвует в комитете и, в частности, указывает на подполковника Писаржевского, как слугу старого строя»[55]. Как выяснилось на следующий день, этим неизвестным оратором был прибывший из Ташкента большевик Н. Вирченко.

25 марта 1917 г. в городском саду Пишпека состоялся организованный большевиками большой митинг[56]. С речами, обличающими действия исполнительного комитета, блокирующегося с буржуазными элементами города и чинами бывшей царской администрации, выступили большевики Вирченко и Сидоров, солдат пишпекской караульной команды Семенченко и др. Атмосфера митинга была накалена, произносить речи могли лишь те, кто выражал настроение масс. Решением участников митинга большевик А. С. Сидоров был избран уездным начальником, а бывший помощник уездного начальника и беловодский стражник арестованы[57].

В связи с этими событиями в телеграмме из Пишпека, адресованной военному губернатору Семиреченской области, сообщалось: «Власть в руках народа (и) солдат. (К) лицам прежней службы ненависть безграничная... Временный комитет свергнут, нового общественного комитета нет. Ни вы, ни Куропаткин значения не имеете...»[58].

В этот критический момент, когда появилась реальная возможность перехода власти в руки народа, Пишпекский Совет солдатских и рабочих депутатов, руководимый меньшевиками и эсерами, предал интересы трудящихся.

Утром 26 марта 1917 г. на своем экстренном заседании он принял решение об аресте «неизвестного оратора» (большевика Н. Вирченко), созыве нового митинга «для поддержания порядка»[59] и, сыграв на вере масс в Советы, осуществил свой замысел. Уже 29 марта пишпекские власти сообщили губернатору Семиреченской области, что «...выбранному ранее общественному комитету выражено митингом... доверие. Успокоение наступило»[60]. Тем не менее ни эсеро-меньшевистские заправилы Совета, ни буржуазные элементы уже не были в состоянии вернуть на прежние места бывших слуг царского режима.

30 марта 1917 г. объединенное собрание Ташкентского Совета солдатских и рабочих депутатов совместно с представителями ряда других общественных организаций приняло решение об отстранении туркестанского генерал-губернатора Куропаткина от должности и его домашнем аресте.

После смещения Куропаткина Временное правительство постановлением от 7 апреля образовало Туркестанский комитет с возложением на него обязанности установления «прочного порядка и устроения Туркестанского края». В области в качестве полномочных представителей Временного правительства направлялись комиссары. Они облекались всей полнотой власти на местах во имя осуществления политики, которая, по выражению В. И. Ленина, сводилась к тому, чтобы «...успокаивать народ пустыми обещаниями, одурачивать его звонкими фразами, «примирять» его с помещичьим и капиталистическим правительством...»[61].

Так на далекой национальной окраине России — в Средней Азии, в том числе и Киргизии, осуществлялся процесс формирования буржуазной власти. Но ей здесь, как и во всей стране, противостояли Советы, олицетворявшие власть революционного народа. Однако предательская соглашательская политика меньшевиков и эсеров парализовывала работу Советов, вела в будущем к смене двоевластия единовластием буржуазии.

Антинародная политика Временного правительства и недовольство народных масс

Придя к власти в результате Февральской революции, буржуазия, обеспечивая достижение своих классовых интересов, стремилась с помощью захваченного ею государственного аппарата усилить свое экономическое влияние, эксплуатацию и грабеж трудящихся масс.

Она использовала старые орудия угнетения, прежде всего для того, чтобы задушить или, по крайней мере, ограничить размах революции, продолжить империалистическую войну, сохранить азиатские окраины, в частности Киргизию, в качестве сырьевых придатков Центральной России.

Положение трудящихся, особенно беднейшей части национального крестьянства, оставалось крайне тяжелым. Империалистическая война, унесшая миллионы человеческих жизней, вызвавшая хозяйственную разруху и голод в стране и послужившая

одной из непосредственных причин Февральской революции, по-прежнему всей своей тяжестью ложилась на плечи трудящихся масс. Временное правительство, сохранив в силе все царские договоры со странами Антанты, проводило призывы в армию, реквизировало скот, расширяло работы на оборону. Все это сопровождалось социальной демагогией, интенсивной идеологической обработкой масс. Лозунги в поддержку войны, призывы к «спокойствию», «порядку и внутреннему единению» во имя борьбы с внешним врагом широко пропагандировались на митингах и собраниях, записывались в уставах и программах различных общественных организаций, ими были заполнены все буржуазные газеты, в том числе издававшиеся в Средней Азии. Однако трудящиеся не были заинтересованы в войне, жизнь помогала им преодолевать угар оборончества и все более убеждаться в империалистической сущности политики, проводимой Временным правительством.

В условиях такого многонационального государства, как Россия, одним из наиболее острых был национальный вопрос. Для трудящихся колониальных окраин он имел особую важность, и его интерпретация в программах различных партий, предлагаемые пути его решения сразу же выявляли их классовую сущность и истинные цели. Практические действия и программные требования по национальному вопросу показывали последовательный интернационализм ленинской большевистской партии, махровый шовинизм кадетов, национальную ограниченность и неспособность к самостоятельному политическому творчеству меньшевиков и эсеров, предательство национальных интересов буржуазными националистами.

Кадеты Туркестана много говорили о широком самоуправлении и самоопределении «туземного» населения. Но на деле они отстаивали «закономерность» национального неравенства, проводили линию на «обеспечение интересов передового европейского меньшинства»[62]. Туркестанский край должен остаться колонией России — такова была точка зрения империалистической буржуазии, интересы которой выражали кадеты и защищало Временное правительство. Оно ни в коей мере не ограничило произвол над трудящимися коренных национальностей окраин, в том числе и Киргизии. Все царские законы, регламентирующие систему управления колониальными владениями империи, были оставлены в силе. 14 марта 1917 г. Временное правительство постановило: «все акты верховного управления, состоявшиеся до 27 февраля, считать законными»[63]. Установленные царизмом и повышенные во время войны налоги с коренного населения продолжали взиматься и Временным правительством.

Политика национального угнетения, проводимая Временным правительством, особенно ярко проявилась по отношению к так называемым «тыловым» рабочим, на которых не распространялись даже те куцые политические «свободы», что были провоз-

глашены в России с свержением царизма. «Тыловых» рабочих, замеченных в общении с большевиками, заносили в «черные списки». В такие списки, например, администрация паровозного и сахарного заводов г. Харькова занесла 78 человек. По ее мнению, они «плохо» влияли на всех остальных. В этом списке были киргизы из Наманганского и Ходжентского уездов Б. Исабаев, Н. Хасанбаев, А. Кучакбаев, А. Мусабаев, С. Максудбаев, Д. Турсунбаев, А. Саидбаев и др[64].

Временное правительство ничего не предпринимало для улучшения положения «тыловых» рабочих, мобилизованных еще царской администрацией. Подпоручик Матвеев, который по поручению Совета обследовал жизненные условия рабочих-киргизов, трудившихся на станции Москва — Сортировочная, писал: «Люди в бараках задыхаются от испарения сохнувшей одежды, обуви. Здесь же находятся и больные, многие из которых не имеют сил подняться. Изнуренный вид большинства рабочих вполне подтверждает недостаток питания»[65].

Условия жизни «тыловиков» становились все более невыносимыми. Чувствуя братскую поддержку русских рабочих и солдат, киргизы стали устраивать массовые побеги. Большая группа их бежала из Харьковской губернии, 250 человек — с московских фабрик, заводов и Курской железной дороги. 3 апреля 1917 г. самовольно оставили работу в Петрограде и уехали на родину 1060 человек, 490 ошских киргизов покинули московскую фабрику «Проводник» и фабрику в Тушино. Начальник Московского военного округа в эти дни телеграфировал в Ташкент: «Замечается массовое оставление работ». Из Минской губернии уехала в Киргизию большая группа лесорубов[66]. Против воли администрации возвращались в родные аилы и «тыловые» рабочие со строительства Чуйской оросительной системы и Семиреченской железной дороги[67]. Временное правительство всячески стремилось вернуть мобилизованных, прибегая к угрозам и демагогическим увещеваниям[68]. Однако массовые побеги «тыловиков» продолжались.

Национальная политика Временного правительства ярко проявилась также и в отношении представителей администрации к участникам восстания 1916 г., в частности, к вопросу о возвращении им земель, отобранных у них по так называемому «плану Куропаткина». Временное правительство, продолжая политику царизма, сделало все возможное, чтобы претворить этот чудовищный план в жизнь.

В Киргизии, как и во всем Туркестане, крайне тяжелым было продовольственное положение. День ото дня выдача хлеба в городах сокращалась, в кишлаках и аилах начался голод. Между тем кулаки и другие эксплуататорские элементы скупали хлеб по деревням, придерживали его и затем продавали по повышенным ценам[69]. В киргизских волостях, кроме того, продолжались произвольные разорительные поборы со стороны баев и манапов, усугублявшие нужду и бедствия трудящихся.

На заседаниях Советов и на митингах все чаще и чаще раздавались голоса за введение твердых цен на продовольствие, проведение реквизиции хлебных запасов у спекулянтов. Но Временное правительство и его местные органы не предпринимали сколько-нибудь действенных мер, чтобы смягчить продовольственный кризис, предотвратить голод.

Неспособность, да и нежелание Временного правительства и его органов решить в интересах трудящихся рабочий, аграрный и национальный вопросы вызывали резкое недовольство масс. Правда, в целом революционный процесс развертывался в Киргизии медленнее, чем в центральных районах страны. Однако общие закономерности развития революции действовали и в Киргизии. А по мере того, как все яснее обнаруживалась классовая сущность Временного правительства, исчезали иллюзии и доверчивость трудящихся к нему, росло влияние большевиков и действенность их борьбы за массы, усиливался процесс дифференциации политических сил, в том числе и среди коренного населения Киргизии. Рабочее, аграрное и национально-освободительное движение принимали все более острые революционные формы.

В авангарде борьбы против антинародной политики Временного правительства шел местный отряд пролетариата. Опираясь на Советы рабочих депутатов, шахтеры Кызыл-Кия и Сулюкты уже в начале марта 1917 г. развернули борьбу против пришедшей к власти буржуазии, за установление рабочего контроля над производством, улучшение условий труда и быта.

12—13 марта 1917 г., т. е. на шестой день своего существования, Кызыл-Кийский Совет принял решение удалить с рудника инженера, который в угоду правлению акционерного общества до революции жестоко притеснял рабочих, налагая на них непомерные штрафы[70]. В соответствии с постановлением Скобелевского Совета рабочих и солдатских депутатов от 27 марта 1917 г. и вопреки установке первого краевого съезда Советов, который под влиянием меньшевиков и эсеров предложил рабочим воздерживаться от неорганизованных выступлений за введение 8-часового рабочего дня, Кызыл-Кийский Совет рабочих депутатов осуществил на руднике явочным порядком сокращенную рабочую неделю, воплотив тем самым в жизнь одно из основных требований программы-минимума большевистской партии[71]. В борьбе с предпринимателями Совет решительно отстаивал интересы рабочих. Он установил свой контроль над продовольственным делом, развернул широкую пропагандистскую и культурно-просветительную работу, тем более необходимую, что основную массу рабочих рудника составляли вчерашние дехкане-киргизы, узбеки, таджики и др., а определенная их часть была заражена мелкобур-

жуазными оборонческими настроениями и попала под влияние соглашательских партий меньшевиков и эсеров[72].

Еще более твердо стоял на классовых позициях пролетариата Сулюктинский Совет, используя свою власть всецело в интересах рабочих. Уже на первых заседаниях члены Совета категорически заявили хозяевам сулюктинских шахт, что они не позволят увольнять и принимать рабочих без согласия Совета, а также давать разнарядку на мобилизацию рабочих в армию. Для разрешения спорных вопросов и конфликтов, возникающих у рабочих с администрацией, Совет рабочих депутатов создал так называемую «примирительную камеру». По постановлению Совета, также как и в Кызыл-Кие, рабочие выделили своих делегатов в продовольственный отдел рудника.

Однако жизнь шахтеров оставалась по-прежнему тяжелой. Продолжалась война. На рудниках действовала та же, что и при царизме, система эксплуатации, и, несмотря на все усилия Советов, управление предприятиями оставалось в руках капиталистов. Борясь за повседневные нужды рабочих, большевики, опираясь на Советы, развернули широкую пропаганду против империалистической политики Временного правительства, терпеливо и настойчиво разъясняя рабочим, что только его свержение, переход всей власти в руки Советов позволит установить полный контроль над общественным производством и распределением, освободит пролетариат и всех трудящихся от социального и национального гнета. Действия рабочих Кызыл-Кия и Сулюкты оказывали большое революционизирующее влияние на трудящихся южных районов Киргизии. На севере края наиболее организованными были выступления рабочих, занятых на строительстве Семиреченской железной дороги и Чуйской оросительной системы.

Неспособность Временного правительства решить вопрос о земле в интересах широких масс крестьянства, и прежде всего его беднейших слоев, вызвала рост движения против аграрной политики буржуазии. Требования кардинального решения земельного вопроса находили отражение в резолюциях многочисленных сходок, митингов, в прошениях и наказах[73]. Часть бедноты, не дожидаясь Учредительного собрания, начала самовольно захватывать земли Переселенческого управления, Семиреченского казачьего войска и кулачества.

Усилилась и социальная активность киргизского дехканства, о чем свидетельствовало нарастание движения за образование волостей без манапов и баев.

Не желая лишаться фактической власти над киргизской беднотой, манапы и баи повели решительную борьбу против образования новых волостей, широко используя «освященные веками» родовые традиции и предрассудки, меры экономического воздействия и влияние возникших после Февральской революции общественно-политических организаций. В свою очередь буржуазные власти, поддерживаемые меньшевиками и эсерами, выступили с

8-812-552-71-13-
профессор Лебединский
(Лёша)

552
812-✓71-13

8- 812-552-71-13.-про-
фессор
Лебед-т

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В КИРГИЗИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД С 1905 г. ДО ФЕВРАЛЯ 1917 г.

- Кружки и группы РСДРП
- Митинги и сходки в 1905 г.
- Всероссийская забастовка связистов в ноябре 1905 г.
- 1905 — Забастовки рабочих
- 1913 — Выступления дайкан
- 1914 — Выступления крестьян-переселенцев
- Национально-освободительное восстание 1916 г.

Примечание. Транскрипция наименований дана по письменным источникам начала XX века

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ

- Центры уездов
- Прочие населенные пункты

ГРАНИЦЫ

- областей Российской империи
- уездов

СОВРЕМЕННЫЕ ГРАНИЦЫ

- Государственная СССР
- Киргизской ССР

ЦИФРАМИ НА КАРТЕ ОБОЗНАЧЕНЫ УЕЗДЫ:

I	Аулиэ-Атинский	VI	Ошский
II	Пишпекский	VII	Скобелевский
III	Пржевальский	VIII	Кокандский
IV	Наманганский	IX	Ходжентский
V	Андижанский		

Масштаб 1:4 000 000

энергичной защитой бай-манапских интересов. Они, как правило, «оставляли без движения прошения бедноты»[74], заявляя, что «раздел волостей теперь не желателен»[75]. Борьба вокруг вопроса об образовании волостей без баев и манапов наглядно обнажила наличие фактического блока между мелкобуржуазными, соглашательскими партиями, бай-манапскими элементами и буржуазно-националистическими кругами Киргизии.

Вместе с тем постоянное сочувствие и поддержка требований трудовых слоев коренного населения со стороны местных рабочих и крестьянской переселенческой бедноты способствовали тому, что киргизские дехкане все глубже осознавали значение интернациональной солидарности эксплуатируемых масс.

2. Историческое значение Февральской революции

Активизация революционной деятельности большевиков

Победа Февральской буржуазно-демократической революции создала новые условия для деятельности всех политических партий, в том числе и большевиков. Ленинская партия вышла из подполья и впервые получила возможность открыто вести работу в массах. 5 марта 1917 г. возобновился выпуск газеты «Правда» — органа Центрального и Петроградского комитетов РСДРП(б). Большевистские газеты стали выходить и в других промышленных центрах страны. Из политической эмиграции, тюрем и ссылок возвращались видные деятели партии, налаживались связи с теми партийными организациями, которые были ослаблены массовыми репрессиями в ходе империалистической войны и теперь восстанавливали свои ряды.

Активизировали свою деятельность и большевики Туркестана. Однако после выхода из подполья их было еще мало, они оказались разобщенными на огромной территории края, слабо связанными между собой и с центральными органами партии. В этих условиях, не имея возможности создать свои организации, большевики входили в объединенные социал-демократические группы.

Раньше других в Туркестане организация такого характера возникла в Ташкенте — административном, политическом и революционном центре края. Уже 3 марта 1917 г. социал-демократы города, включая большевиков и меньшевиков, провели общее собрание, а 5 марта завершили организационное оформление своей группы, избрав партийный комитет из трех человек[76]. Основное ядро в ней составляли большевистски настроенные рабочие Бородинских и Главных железнодорожных мастерских. Ташкентская социал-демократическая группа приветствовала возрождение газеты «Правда», направила ее редакции телеграмму, которая была опубликована 7 марта во втором номере газеты[77]. Большевистское крыло группы особенно усилилось с начала апреля после возвращения из ссылки опытного руководителя таш-

кентских большевиков И. В. Шумилова[78]. В то же время в группе было много меньшевиков, поддерживавших Временное правительство. На большевистских позициях стояла и созданная в Ташкенте латышская группа социал-демократов.

Объединенными являлись также социал-демократические организации, которые в марте — апреле 1917 г. возобновили свою работу или сложились заново в Самарканде, Скобелеве, Ходженте, Коканде и некоторых других городах края[79].

Аналогичными были и те группы, которые возникли в этот период на территории Киргизии. Первая из них образовалась в марте на угольных копях Сулюкты. Ее организатор Д. Т. Деканов до Февральской революции трижды арестовывался за политическую деятельность и в 1910 г. был выслан в Туркестан[80]. Работая на Сулюктинском руднике, он еще в дореволюционный период наладил тесную связь с большевиками Ходжента[81]. Созданная им в Сулюкте группа РСДРП являлась интернациональной по своему составу. В нее входили участники революции 1905—1907 гг. в Баку З. Кадыров и А. Яфаров, шахтеры Ф. Залялитдинов, Н. Каюров и другие революционно настроенные рабочие. В группе, хотя она и включала вначале отдельных меньшевиков, преобладало большевистское влияние[82]. Этому способствовало установление тесных контактов с большевиками Ходжента, Самарканда и Ташкента[83]. Группа была также связана с рабочими станций Драгомирово и Урсатьевская, рудников Кызыл-Кия и Шураба, нефтепромыслов «Санто» и «Чимион».

Активизировалась социал-демократическая работа и среди шахтеров Кызыл-Кия. Вначале здесь возникла организационно не оформленная группа революционно настроенных лиц. В нее вошли А. К. Добрынин, В. А. Елисеев, Ю. С. Котломамедов, А. И. Майсюк, И. Е. Михалев, Л. Г. Солнышко и др. Возглавил группу участник декабрьских боев 1905 г. в Москве И. И. Едренкин[84]. На первых порах группа в силу недостаточной политической зрелости многих ее участников именовала себя социал-революционной. Но поиски правильного пути вскоре привели ее к большевикам. Рабочие Кызыл-Кия сумели связаться с большевиками угольных копей Сулюкты, наладить контакты с социал-демократами близлежащих городов области, а через них — с большевиками Ташкента.

Как и сулюктинская, кызылкийская группа была интернациональной по своему составу. Помимо перечисленных лиц, в нее входили представители коренных национальностей — братья Бакир и Шакир Бардыкуловы, К. Касымов, А. Миразимов и др[85]. Большевики Кызыл-Кия сумели завоевать прочные позиции в Совете рабочих депутатов рудника.

Сложнее шел процесс консолидации революционных большевистских сил в тех районах Киргизии, где отсутствовали компактные массы рабочих. Здесь в социал-демократических организациях превалировало влияние меньшевков. Так было, например, в Оше и Пишпеке, где объединенные социал-демократические группы возникли позже. Вся тяжесть революционной работы в период Февральской буржуазно-демократической революции легла в этих районах на плечи отдельных большевиков. На Чуйстрое Пишпекского уезда, например, такую работу вел большевик с подпольным стажем, участник революции 1905—1907 гг. А. И. Иваницын. В самом Пишпеке действовал И. С. Меркун — один из участников созданной здесь несколько позже большевистской группы.

В Токмаке после свержения самодержавия активно работал вернувшийся с фронта большевистски настроенный прапорщик П. Н. Павлов. В Пржевальске среди солдат и городской бедноты вел пропаганду идей большевиков политический ссыльный К. Иванов.

Несмотря на все трудности, порожденные социально-экономической отсталостью Киргизии, малочисленностью партийных кадров, большевики сумели и здесь развернуть широкую работу в массах, сплачивая рабочих и крестьянскую бедноту вокруг ленинских лозунгов и готовя их к борьбе за победу социалистической революции.

Свое влияние среди трудящихся стремились укрепить и мелкобуржуазные партии, русская и национальная буржуазия. Идеологи последней, пытаясь отвлечь киргизский народ, его беднейшие слои от революционной борьбы, стали создавать различные мусульманские организации националистического характера.

В южных районах Киргизии таковыми стали местные отделения националистической организации «Шуро-и-исламия»[86], обществ «Туран»[87], «Хайрия-и-исламия» и ультрареакционного объединения мусульманского духовенства «Шуро-и-улема»[88]. В северных районах Киргизии, входивших в Семиреченскую область, политическая консолидация буржуазно-националистических элементов происходила несколько иначе. В середине марта после ряда собраний и встреч объединенными усилиями буржуазно-националистической интеллигенции и местной буржуазии в г. Верном был создан так называемый Семиреченский «общемусульманский комитет». Он претендовал на представительство всего коренного населения области, в том числе и киргизов. Вокруг него группировались зажиточные мусульманские слои всех национальностей. Однако руководство им захватила политически и организационно наиболее подготовленная татарская буржуазия[89].

Но как единая организация комитет просуществовал недолго. Внутри него на почве соперничества между различными националистическими группами стали возникать трения, и уже в конце марта киргизские и казахские феодалы и скотопромышленники, возглавляемые своей буржуазно-националистической интеллигенцией, сформировали «Киргизский общественный комитет»[90]. В дальнейшем были созданы уездные «Киргизские комитеты», которые с возникновением партии «Алаш» механически

переименовались в низовые ячейки этой буржуазно-националистической организации.

Почти в то же время из Семиреченского «общемусульманского комитета» выделился Таранчинский (Уйгурский) комитет, преобразованный вскоре в Таранчинско-дунганский[91], а также националистическая организация узбекской буржуазии «меджелис-Шуро»[92], под руководством которой во всех уездах, в том числе Пишпекском и Пржевальском, Нарынском участке, сформировались комитеты «Шуро-и-исламия»[93]. Все эти буржуазно-националистические группы выражали полную поддержку Временному правительству и делали все от них зависящее, чтобы укрепить его власть в Киргизии.

Аналогичную позицию занимали местные организации общероссийских соглашательских партий. После Февральской революции, во время наибольшего подъема мелкобуржуазной волны, меньшевики и эсеры г. Верного создали так называемый «Объединенный социалистический союз». На организационных собраниях 3 и 20 марта 1917 г. был выработан устав союза и избран его Временный комитет[94]. Объединение эсеров и меньшевиков произошло на общей платформе поддержки Временного правительства и его лозунга доведения войны «до победного конца». Союз принял на себя функции областной организации и стал притягательным центром для меньшевиков и эсеров всего Семиречья. Велась работа по созданию его отделов в уездных городах и поселках области, в том числе и в северных районах Киргизии. Издаваемая союзом газета «Социалист» распространялась в самых глухих уголках Семиречья.

Однако организация, основанная на дискредитации основных идей социализма, не могла быть жизнеспособной. С укреплением большевистской организации, вскрывавшей истинные цели соглашателей и поднимавшей классовое сознание трудящихся Семиречья, «Объединенный социалистический союз» потерял доверие в массах и распался[95].

Формирование партийных организаций меньшевиков и эсеров на территории Киргизии шло параллельно с их участием в работе Семиреченского «Объединенного социалистического союза». При этом меньшевики, как и повсеместно в Туркестане, не создавали самостоятельных партийных групп, а входили в объединенные с большевиками социал-демократические организации. Эсеры проявляли большую активность, и уже в первые месяцы Февральской революции их организации и группы возобновили свою деятельность в Пишпеке, Оше, Пржевальске, Токмаке, Беловодске, Джалал-Абаде и некоторых других населенных пунктах Киргизии.

Как и по всей стране, меньшевики и эсеры пытались захватить руководство всеми общественными организациями края. Они прибирали к рукам большинство депутатских мест в Советах и под флагом их «беспартийности» стремились к осуществлению

своих программных целей. Такая «беспартийность», говоря словами В. И. Ленина, означала не что иное, как «...обман масс политическими шарлатанами...»[96].

Историческое значение Февральской революции

Значение Февральской революции 1917 г. определяется прежде всего тем, что она, сокрушив один из самых реакционных режимов Европы, подняла Россию на качественно новую ступень общественного прогресса. Будучи по своему социально-экономическому и политическому содержанию буржуазно-демократической, она вместе с тем явилась первой победоносной народной революцией эпохи империализма.

Средняя Азия, в том числе Киргизия, связанная с центром прочными экономическими отношениями, развивавшимися в рамках единого общегосударственного рынка, закономерно втягивалась в орбиту исторических событий всей России. Революционный процесс на окраинах страны являлся неразрывной составной частью общероссийского демократического движения, а борьба трудящихся колоний против социального и национального гнета органически вплеталась в общий ход революции, победившей под руководством пролетариата.

Февральская революция со всей силой продемонстрировала огромные организаторские и боевые возможности рабочего класса. Героический российский пролетариат, одним из отрядов которого являлись рабочие Киргизии, активно использовал в ходе буржуазно-демократической революции специфические пролетарские средства борьбы. Под руководством ленинской партии он утвердился в качестве вождя всех трудящихся, в том числе миллионных масс многонационального крестьянства.

Боевой союз этих трудовых классов, возглавляемых в общероссийском масштабе пролетариатом, был решающим фактором победы Февральской революции и политической основой утверждения Советов как органов восстания и революционной власти рабочих и крестьян, которые, олицетворяя единство революционного процесса в России, возникли как в центре России, так и на ее окраинах.

Двоевластие, которое образовалось в феврале 1917 г., означало, что буржуазно-демократическая революция продвинулась гораздо дальше, чем революции на Западе, и создала важнейшие социально-политические предпосылки для будущей победы социалистической революции. «И когда после февральской победы у власти оказалась буржуазия,— говорил В. И. Ленин в марте 1918 г. — развитие революции пошло с невероятной быстротой.

Русская революция дала то, чем она резко отличается от революций в Западной Европе. Она дала революционную массу, приготовленную 1905 годом к самостоятельному выступлению; она дала Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органы, неизмеримо более демократические, чем все предшествующие...»[97].

В силу ряда исторических причин Февральская революция не смогла установить подлинное народовластие в стране. Но она смела царизм и провозгласила невиданные прежде политические свободы. Рабочие и крестьяне всей России, в том числе и ее азиатских окраин, могли теперь в Советах путем манифестаций и политических демонстраций, широких легальных собраний и митингов, на заводах и рудниках, в воинских частях и на крестьянских сходах высказывать свои желания и требования, вмешиваться в политическую жизнь. Отторгнутые в прошлом от активной политической деятельности свирепым полицейским режимом, культурной отсталостью и жестокой эксплуатацией, трудящиеся теперь всей обстановкой революции и демократических свобод втягивались в общественную жизнь. Их политическому просвещению в огромной степени способствовала целеустремленная деятельность большевиков по разъяснению лозунгов партии и текущей социально-политической обстановки. Классовое чутье трудящихся становилось более острым, а понимание событий — все более глубоким. Все это имело огромное значение в деле подготовки масс к дальнейшей борьбе за их полное освобождение от капиталистического гнета.

Создав Советы и широчайшие возможности для просвещения масс, их самостоятельного политического творчества, Февральская революция стала важным шагом на пути к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Киргизский народ вместе с другими народами страны, во главе с революционным российским пролетариатом под руководством Коммунистической партии и ее вождя Владимира Ильича Ленина уверенно шел навстречу Великому Октябрю.

* * *

Вторая половина XIX — начало XX в. — важнейший этап в многовековой истории киргизского и других среднеазиатских народов, включившихся в этот период в единый общероссийский исторический процесс. Свыше ста лет назад Киргизия добровольно вошла в состав России, что сыграло выдающуюся роль в дальнейшей судьбе киргизского народа и запечатлелось в его памяти как знаменательное событие, имевшее важные прогрессивные последствия. Этот исторический акт положил начало единению и дружбе народов нашей страны. С тех пор киргизский народ навсегда породнился с Россией, с великим русским народом и всеми братскими народами нашей Отчизны.

Добровольное принятие в 1855 г. российского подданства киргизским населением Прииссыккулья положило начало объединению киргизского народа в составе России, завершившемуся в 1876 г. с ликвидацией Кокандского ханства и приобщением его земель к административно-территориальной системе Российской

империи. Падение ханства к этому времени было уже фактически предрешено так называемым Кокандским восстанием 1873—1876 гг. — широким совместным выступлением против деспотического ханско-феодального режима киргизов, узбеков и таджиков.

Добровольное вхождение в состав Российского государства — одно из наиболее знаменательных событий в дореволюционной истории Киргизстана — укрепило исторические корни связей и традиционно дружественные взаимоотношения киргизского народа с народами России, Средней Азии, Казахстана и других регионов страны.

Добровольное принятие киргизами российского подданства венчало давние, установившиеся еще с конца XVIII в., киргизско-русские политико-дипломатические контакты и торгово-экономические связи. Само же пребывание Киргизии в составе России — страны, намного более развитой в социально-экономическом и культурном отношении, оказало всестороннее положительное воздействие на хозяйство, общественную жизнь, быт и культуру киргизского народа, ускорило его политический и социально-экономический прогресс. Это был и прямой результат непосредственного общения трудового дехканства с лучшими представителями русского народа—революционно настроенными рабочими, трудовыми крестьянами-переселенцами и демократической интеллигенцией.

Именно эта часть русского народа, олицетворявшая Россию Пушкина и Горького, Чернышевского и Ленина, принесла в Киргизию богатый хозяйственный опыт, более совершенные орудия труда и демократическую культуру, негасимый революционный дух, огромную решимость и волю в борьбе с царским самодержавием, эксплуататорскими классами. В среде этой трудовой революционной России киргизский народ нашел себе верных защитников, друзей и братьев в трудной борьбе за избавление от социального и национального угнетения.

В то же время, уже в третьей четверти XIX в. киргизским трудящимся довелось столкнуться лицом к лицу с другой, самодержавной, помещичье-капиталистической Россией, верноподданные слуги которой — чиновники-колонизаторы и кулаки-мироеды — быстро нашли общий язык с местной эксплуататорской верхушкой — бай-манапами и мусульманским духовенством на почве совместного грабежа и угнетения киргизского трудового дехканства и переселенческой бедноты.

Зависимое положение Туркестанского края в экономической системе царской империи превращало его в источник сырья и выгодный рынок сбыта для капиталистов и фабрикантов, в обетованное место личного обогащения и быстрой служебной карьеры выходцев из военно-феодальной среды, владельцев торгово-промышленных фирм и членов правлений крупнейших акционерных российских банков.

Царизм создал здесь под защитой солдатских штыков унизи-

тельную систему национально-колониального гнета, довлевшего над всем коренным населением края. Ярким выражением экономического «освоения» Киргизии и других вновь включенных в состав Российской империи территорий Средней Азии и Казахстана явились проводившиеся с конца XIX в. широкомасштабные земельные изъятия в колонизационный фонд под видом «излишков» общинных дехканских земель. Все это послужило одной из причин все более усиливавшегося классового расслоения и обнищания трудящихся масс киргизского народа, нарастания его антиколониальных выступлений, смыкавшихся в своей основе с борьбой российской крестьянской бедноты «за землю и волю».

Вместе с тем, вопреки колонизаторской политике царизма и стремлению местной эксплуататорской верхушки сохранить зашатавшиеся уже феодально-патриархальные устои, в жизни дореволюционной Киргизии происходили важные политические, экономические и культурные сдвиги, особенно проявившиеся в местах непосредственного общения коренного и переселенческого населения.

Положительными сторонами втягивания народного хозяйства Киргизии в орбиту всероссийского капиталистического рынка, проникновения элементов капитализма в отсталую экономику горного края было начавшееся разложение патриархально-феодальных отношений в ауле, появление первых промышленных очагов и районов торгового земледелия, развертывание железнодорожного строительства. Наряду с некоторым оживлением городской и сельской жизни, прогрессировало преодоление патриархальной замкнутости края, усиление подвижности населения — все это послужило определенным стимулом для известного развития производительных сил Киргизии, где происходила постепенная смена экстенсивного натурального и полунатурального хозяйства новыми товарными его формами.

В результате усиления классового расслоения и распространения капиталистических отношений в крае проявлялся закономерный процесс формирования новых социальных сил в городе и переселенческой деревне, в ауле и кишлаке, который однако так и не завершился к 1917 г., поскольку стадии промышленного капитализма Киргизия не прошла. Складывание многонациональных по составу отрядов наемных рабочих, как и появление новых социальных групп в классовом киргизском обществе, в том числе батраков-мардикеров и торгово-ростовщических обуржуазившихся элементов из эксплуататорской части аула, неизбежно вело к резкому обострению социально-классовых противоречий в Киргизии. Реальная обстановка в крае в конце XIX — начале XX в. целиком опровергает измышления буржуазных националистов о наличии в этот период некоей мифической единой тюркской общности с ее якобы бесконфликтной внутренней социальной организацией и общемусульманской культурой.

Еще одним прогрессивным последствием добровольного вхождения Киргизии в состав России явилось укрепление политических связей и хозяйственно-культурных контактов киргизского народа с русским, соседними народами Средней Азии, Казахстана и других регионов страны.

Развитие общественно-политической мысли и культуры киргизского народа испытывало благотворное влияние демократической культуры русского народа, что особенно заметно сказалось на творчестве видных киргизских акынов-демократов, их учеников и последователей, все более идейно размежевывавшихся с реакционным течением акынов-заманистов. В свою очередь, и трудовое переселенческое население края, вступавшее в дружеские добрососедские отношения, культурные и трудовые контакты с коренным населением, заимствовало приемы рационального поливного земледелия и содержания скота в горных условиях, а также целый ряд элементов самобытной духовной и материальной культуры киргизского народа. Так протекал отмечавшийся В. И. Лениным процесс интернационализации хозяйственно-культурной жизни народов многонациональной России.

С началом XX в. в Киргизию стали проникать марксистско-ленинские идеи, росло влияние российского революционного движения во главе с большевиками-ленинцами на классовые выступления рабочих, участников демократической национально-освободительной борьбы. В приобщении киргизских трудящихся масс к общероссийскому революционному процессу выявилось главное прогрессивное последствие добровольного вхождения Киргизстана в состав России.

Революция 1905—1907 гг. «показала силу рабочего класса, являлась прологом грядущих побед пролетариата»[98]. Она пробудила к активной политической жизни в числе других народов Востока и киргизский народ, нашедшего в лице российского пролетариата и всех демократических сил многонациональной страны своих надежных союзников в борьбе против царского самодержавия и буржуазно-помещичьего строя, социального и национально-колониального гнета.

Исторический опыт национально-освободительного восстания 1916 г. и участие киргизских трудящихся в бурных событиях двух буржуазно-демократических революций в стране наглядно показали им те силы и тех союзников, на которые они могли уверенно опереться в своей справедливой борьбе за полное социальное и национальное освобождение. В предоктябрьском Киргизстане, как и во всей многонациональной России, складывались, созревали социально-экономические и политические предпосылки грядущей социалистической революции — непреложного требования времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. В настоящем историографическом очерке рассматриваются наиболее крупные работы, отчасти брошюры и сборники статей. Из множества журнально-газетных публикаций лишь некоторые упоминаются в тексте или же фигурируют в подстрочных примечаниях.

2. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями.

3. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 241; также см.: К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия; *Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия; *Волк С. С.* К. Маркс и русские общественные деятели, с. 24—25; *Бурабаев М.* Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Казахстане; *Алтмышбаев А.* Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии...; *Галицкий В. Я., Плоских В. М., Каниметов А. К.* Книги Карла Маркса в дореволюционном Семиречье; *Галицкий В.* «Капитал» Карла Маркса в дореволюционном Киргизстане; и др.

4. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3; также см.: *Сидоров А. Л.* Значение труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» для исторической науки; и др.

5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 86.

6. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 274.

7. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 35.

8. См.: В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане: Сб., с. 32—41.

9. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 244; также см: *Зевелев А. И.* Проблемы истории народов Средней Азии в трудах Ленина, с. 422—423; и др.

10. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 597.

11. Там же.

12. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 221.

13. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 323.

14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 9-е изд., т. 2, с. 366, 368.

15. Там же, т. 3, с. 81.

16. Советская Киргизия, 1984, 14 октября.

17. Очерки исторической науки в СССР, т. II, с. 792.

18. *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью...; О Бартольде подробнее см.: *Лунин Б. В.* Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда; и др.

19. *Лунин Б. В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность...

20. *Лунин Б. В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане...

21. *Галицкий В. Я.* Я. И. Корольков и его деятельность в Киргизии..., с. 107—117; *Галицкий В. Я., Умурзаков С. У.* Научно-исследовательская деятельность А. М. Фетисова в Киргизии..., с. 21—44; *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Врач, археолог, этнограф (Ф. В. Поярков)..., с. 77—87; *Галицкий В. Я., Плоских В. М.* К изучению Таш-Рабата..., с. 110—120.

22. *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, тт. I—III; *Костенко Л. Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности...; *его же.* Туркестанский край...; *Талызин А.* Пишпекский уезд..., с. 25—41.

23. *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов...; *его же.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей...; *Ситняковский П. Ф.* Перечисление некоторых родов киргиз...; *его же.* Таблица киргизских родов Ошского уезда.

24. *Загряжский Г. С.* Очерки Токмакского уезда..., *его же.* Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи...; *его же.* Кара-киргизы...; *его же.* Заметки о народном суде у кара-киргиз...; *его же.* Киргизские очерки...; и др.

25. *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области...;

26. *Пален К.* Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане.

27. *Васильев В. А.* Семиреченская область как колония...

28. *Заорская В. В. и Александер К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края. О Заорской (жене виднейшего ученого страны И. Г. Александрова) и Александер (жене крупного ирригатора В. А. Руднева), их социальном облике и близости к революционному движению см.: Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки/ Составитель Б. В. Лунин, с. 80—83. Об Александер: Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана, кн. II /Составитель Б. В. Лунин, с. 107—108.

29. */Половцов А. А./* Отчет чиновника особых поручений...; */Чиркин Г. Ф./* Положение переселенческого дела в Семиречье...; */Гаврилов П./* Переселенческое дело в Туркестанском крае...; *Кривошеин А. В.* Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестан...; и др.

30. *Кауфман А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края; *его же.* Переселение и колонизация; и др.

31. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 197—207, 224—229, 318, 325, 405; т. 17, с. 75—76, 78—79, 80, 105; т. 12, с. 289, 305; т. 23, с. 153.

32. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства; и др.

ИСТОРИОГРАФИЯ

1. В настоящем историографическом очерке рассматриваются наиболее крупные работы, отчасти брошюры и сборники статей. Из множества журнально-газетных публикаций лишь некоторые упоминаются в тексте или же фигурируют в подстрочных примечаниях.

2. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями.

3. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 27, с. 241; также см.: К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия; *Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия; *Волк С. С.* К. Маркс и русские общественные деятели, с. 24—25; *Бурабаев М.* Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Казахстане; *Алтмышбаев А.* Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии...; *Галицкий В. Я., Плоских В. М., Канметов А. К.* Книги Карла Маркса в дореволюционном Семиречье; *Галицкий В.* «Капитал» Карла Маркса в дореволюционном Киргизстане; и др.

4. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3; также см.: *Сидоров А. Л.* Значение труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» для исторической науки; и др.

5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 86.

6. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 274.

7. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 35.

8. См.: В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане: Сб., с. 32—41.

9. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 244; также см: *Зевелев А. И.* Проблемы истории народов Средней Азии в трудах Ленина, с. 422—423; и др.

10. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 597.

11. Там же.

12. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 221.

13. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 323.

14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 9-е изд., т. 2, с. 366, 368.

15. Там же, т. 3, с. 81.

16. Советская Киргизия, 1984, 14 октября.

17. Очерки исторической науки в СССР, т. II, с. 792.

18. *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью...; О Бартольде подробнее см.: *Лунин Б. В.* Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда; и др.

19. *Лунин Б. В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность...

20. *Лунин Б. В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане...

21. *Галицкий В. Я.* Я. И. Корольков и его деятельность в Киргизии..., с. 107—117; *Галицкий В. Я., Умурзаков С. У.* Научно-исследовательская деятельность А. М. Фетисова в Киргизии..., с. 21—44; *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Врач, археолог, этнограф (Ф. В. Поярков)..., с. 77—87; *Галицкий В. Я., Плоских В. М.* К изучению Таш-Рабата..., с. 110—120.

22. *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, тт. I—III; *Костенко Л. Ф.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности...; *его же.* Туркестанский край...; *Талызин А.* Пишпекский уезд..., с. 25—41.

23. *Аристов Н.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов...; *его же.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей...; *Ситняковский Н. Ф.* Перечисление некоторых родов киргиз...; *его же.* Таблица киргизских родов Ошского уезда.

24. *Загряжский Г. С.* Очерки Токмакского уезда..., *его же.* Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи...; *его же.* Кара-киргизы...; *его же.* Заметки о народном суде у кара-киргиз...; *его же.* Киргизские очерки...; и др.

25. *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области...;

26. *Пален К.* Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане.

27. *Васильев В. А.* Семиреченская область как колония...

28. *Заорская В. В. и Александер К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края. О Заорской (жене виднейшего ученого страны И. Г. Александрова) и Александер (жене крупного ирригатора В. А. Руднева), их социальном облике и близости к революционному движению см.: Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки/ Составитель Б. В. Лунин, с. 80—83. Об Александер: Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана, кн. II /Составитель Б. В. Лунин, с. 107—108.

29. */Половцов А. А./* Отчет чиновника особых поручений...; */Чиркин Г. Ф./* Положение переселенческого дела в Семиречье...; */Гаврилов И./* Переселенческое дело в Туркестанском крае...; *Кривошеин А. В.* Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестан...; и др.

30. *Кауфман А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края; *его же.* Переселение и колонизация; и др.

31. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 197—207, 224—229, 318, 325, 405; т. 17, с. 75—76, 78—79, 80, 105; т. 12, с. 289, 305; т. 23, с. 153.

32. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства; и др.

33. См.: *Молдобаев К.* Принцип народности в творчестве акынов-демократов.

34. *Алтмышбаев А.* Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии, с. 35—41.

35. О нем и его реакционной концепции см.: *Шерстобитов. В. П.* и др. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане..., с. 31.

36. *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство, с. 26—27.

37. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

38. Лишь за первые шесть лет Советской власти в специальной библиографии зафиксировано более 5 книг и других публикаций по дооктябрьской истории Киргизстана. См.: *Амитин-Шапиро З. Л.* Литература о Киргизии (1918—1924): Аннотированный указатель, т. 1.

39. *Дублицкий В. Н.* Родословная таблица кара-киргиз...

40. *Бартольд В. В.* Киргизы; Очерк Бартольда о киргизах был переиздан в г. Фрунзе в 1943 г. /Под редакцией А. Н. Бернштама.

41. См.: История Киргизской ССР, 1984, т. 1, с. 43—53, 417—477.

42. *Акрамов Н. М.* Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд; и др.

43. *Рыскулов Т.* Кыргызстан.

44. Там же, с. 27.

45. Там же, с. 28.

46. См.: Обзорные очерки по материалам выборочного экспедиционного обследования 1925 г. трех волостей Киргизии: Современный аул (кишлак) Средней Азии (Социально-экономические очерки), вып. VII, VIII, X, а также их оценку в кн.: *Шерстобитов В. П.* Новая экономическая политика в Киргизии, с. 28. Также см. Приложение к вып. X, 1927 г. указанных материалов социально-экономического обследования Загорной волости Каракол-Нарынского округа Киргизской АССР — очерковые статьи М. Ф. Гаврилова «Классовый состав «букары» Горной Киргизии» (с. 195—200) и «Манап» (с. 201—215). Также см.: *Кушнер П. (Кнышев).* Манапство в Горной Киргизии; *его же.* Горная Киргизия...; *Абрамзон С. М.* Современное манапство в Киргизии; *его же.* Манапство и религия; и др.

47. *Галузо П. Г.* Туркестан — колония; *Лаврентьев В.* Капитализм в Туркестане.

48. См.: *Юлдашев А.* Аграрные отношения в Туркестане...; *Вяткин М. П.* Социально-экономическое развитие Средней Азии, с. 151—153; и др.

49. *Шерстобитов В. П. и др.* Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане, с. 14—15.

50. *Погорельский П., Батраков В.* Экономика кочевого аула Киргизстана.

51. *Сахаров М. Г.* Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии.

52. *Шерстобитов В. П. и др.* Указ. соч., с. 14—15; *Плоских В. М.* Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии, с. 71—72.

53. *Сахаров М. Г.* Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии, с. 9—20.

54. *Рыскулов Т.* Киргизстан.

55. *Галузо П.* Национально-освободительное движение в Средней

Азии..., с. 82—117. В духе терминологии своего времени автор называл Кокандское восстание даже «Революцией в Кокандском ханстве 1875—76 гг.» ...(с. 103. 107—108, 111, 114.)

56. БСЭ (изд. 1926 г.), т. 2, с. 730; Сиир-Заде. К 30-летию Андижанского восстания 1898 года, с. 58.

57. Подробнее см.: *Хасанов А.* Историография Андижанского восстания, с. 3—12.

58. *Бройдо Г. И.* Материалы к истории восстания в 1916 году.

59. *Рыскулов Т.* Из истории борьбы за освобождение Востока.

60. *Миклашевский А.* Социальное движение 1916 г. в Туркестане. Критику взглядов А. Миклашевского см.: *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, с. 14.

61. Восстание 1916 г. в Средней Азии. Тезисы Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б)...

62. Советская Киргизия, 1935, 14 декабря. Подробнее о работах названных и др. авторов, в том числе и Т. Рыскулова см.: *Зима Б. М.* Историография восстания 1916 года в Киргизии, с. 231—236.

63. См.: *Лунин Б. В.* Ленин и народы Средней Азии; *его же.* В. И. Ленин и Средняя Азия.

64. *Федоров Е.* 1905 год и коренное население Туркестана; *его же.* Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии; *Резцов Л.* Октябрь в Туркестане. Критика недооценки участия трудящихся масс Туркестана в революции 1905—1907 гг. в работах Е. Федорова дана П. М. Пахмурным в его кн.: Большевики Казахстана в революции 1905—1907 гг., с. 12; историографическую оценку указ. книги Резцова Л. см.: Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане, с. 21. — В кн. А. Н. Зорина «Революционное движение в Киргизии (северная часть)» сделана попытка кратко осветить обстановку в крае в 1916—1917 гг. О недостатках этой работы см.: *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 22.

65. *Ниалло Азиз.* Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии.

66. *Чубуков А. Я.* Революционная борьба в северных районах Киргизии.

67. *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 23.

68. *Бернштам А. Н.* Из истории международных и военных отношений киргизского народа...; *его же.* Великое наследие киргизского народа: *Абрамзон С. М.* Черты военной организации и техники у киргизов.

69. *Джамгерчинов Б.* Присоединение Северной Киргизии к России, АДД; Ср.: *Брагинский И. С., Раджабов С. А., Ромодин В. А.* К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России.

70. См.: *Джамгерчинов Б.* К вопросу о присоединении Киргизии к России; *Хасанов А. Х.* О присоединении северных киргизов к России; *Усенбаев К.* К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России; и др.

71. *Ким М. П.* Об ошибках в работах по истории Киргизии.

72. См.: *Табышалиев С.* О состоянии и задачах исторической науки в Киргизии, 1955, с. 9.

73. *Ильясов С. И.* Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов..., с. 131—146; *Абрамзон С. М.* Очерк культуры киргизского народа, с. 42; *его же.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии, с. 147; Критическое рассмотрение

взглядов автора см.: *Нурбеков К.* История государства и права Киргизской ССР, с. 18—19; *Лачко А. Ф.* Из истории общественно-экономических отношений у киргизов в конце XIX и начале XX в., с. 185—205.

74. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, с. 582.

75. *Зима А. Г.* Земельная политика царизма в Киргизии; *Ильясов С. И.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Киргизии, с. 43—49; *его же.* К вопросу о вакуфах на территории Южной Киргизии.

76. *Мусин Х. М.* Из истории возникновения пролетариата в горнодобывающей промышленности дореволюционной Киргизии; *Абрамзон С. М.* Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия...; *Рыскулбеков М.* Из истории ремесленно-кустарной промышленности в дореволюционной Киргизии.

77. Тр. ИЯЛИ КиргФАН СССР, вып. IV, 1954.

78. Пятьдесят лет первой русской революции: Тезисы.

79. *Мужиков И. П.* Влияние первой русской революции 1905—1907 годов на развитие революционного движения в Киргизии; *Якупин А. Ф.* Революция в Средней Азии и Казахстане в 1905—1907 гг.

80. *Элебаев Б.* Классовая борьба в Северной Киргизии накануне свержения царизма...; *его же.* Классовая борьба за Советскую власть (1916 — конец 1918 гг.)...

81. См.: Материалы конференции в «Трудах» ИЯЛИ КиргФАН СССР, вып. IV, 1954.

82. Из работ по истории восстания 1916 г., опубликованных в конце 40 — первой половине 50-х гг., также см.: *Зима А. Г.* К 30-летию национально-освободительного восстания 1916 г. в Киргизии; *ее же.* О характере восстания 1916 г. в Киргизии; *Меджитов Д. М.* Восстание киргизов в 1916 г.

83. *Виноградов В.* Токтогул Сатылганов и киргизские акыны; *Чукубаев А. А.* К вопросу об отношении Токтогула к Андижанскому восстанию; *его же.* Социально-экономическая обстановка и развитие общественной мысли в Киргизии во второй половине XIX — начале XX вв.

84. *Абрамзон С. М.* Очерки культуры киргизского народа.

85. *Бернштам А. Н.* (Рецензия, с. 223—225); *Табышалиев С. Т.* О состоянии и задачах исторической науки в Киргизии.

86. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Изд. 2-е, с. 436, 437, 439; также см.: *Какеев А.* Марксистско-ленинская мысль в Киргизии, с. 75.

87. См.: *Каракеев К. К.* Развитие науки в Советском Киргизстане, с. 90.

88. См.: Труды ИЯЛИ КиргФАН СССР, вып. IV.

89. См.: *Шерстобитов В. П.* Историческая наука в национальных республиках после XX съезда КПСС, с. 228.

90. См.: рец. в журн.: ВИ, 1957, № 8.

91. Советская Киргизия, 1963, 20 янв.

92. Навеки вместе с русским народом! Сб. материалов празднования столетия добровольного вхождения Киргизии в состав России, с. 7—8.

93. См.: *Джамгерчинов Б. Д.* Важный этап из истории киргизского

народа; *его же.* Из истории присоединения Северной Киргизии к России; *его же.* Начало утверждения влияния России в Северной Киргизии.

94. *Усенбаев К.* К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России; *его же.* Присоединение Южной Киргизии к России; и др.

95. *Хасанов А. Х.* Взаимоотношения южных киргизов с Россией...; *его же.* Экономические и политические связи Киргизии с Россией и др. его работы.

96. См.: *Джамгерчинов Б. Д.* Присоединение Киргизии к России.

97. *Усенбаев К.* Присоединение Южной Киргизии к России.

98. *Хасанов А.* Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70 годах XIX века.

99. Там же, с. 4.

100. См.: Доклады С. Раджабова «К вопросу о присоединении Средней Азии к России» и А. В. Пясковского «Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России». — В кн.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России.

101. См.: *Усенбаев К.* Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России; *Джамгерчинов Б. Д.* О прогрессивном значении присоединения Киргизии к России.

102. *Джамгерчинов Б. Д.* О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России.

103. См.: *Шерстобитов В. П. и др.* Указ. соч., с. 63—64.

104. *Забиров К.* Влияние русского переселенческого движения на земельные отношения в Киргизии...; и др.

105. *Джамгерчинов Б.* Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина); *его же.* Очерки политической истории Киргизии XIX века.

106. *Забиров К. А.* Переселение и колонизация Северной Киргизии; *Сапелкин А. Л.* Налоговая политика царизма в Киргизии...; *его же.* К истории феодализма в Киргизии в конце XIX — начале XX вв.: *Кожоналиев С. К.* Виды налогов, поборов и повинностей в Киргизии во второй половине XIX и в начале XX в.; *его же.* Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции.

107. *Нурбеков К.* История государства и права Киргизской ССР, вып. 1; *Ильясов С. И.* К вопросу об общественно-экономическом строе киргизского народа в начале XX в.; *Зима А. Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции; *Айтбаев М. Т.* Социально-экономические отношения в киргизском ауле в XIX и начале XX веков; *Джунушев К.* Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии; *его же.* Развитие товарно-денежных отношений в дореволюционной Киргизии; и др.

108. *Шерстобитов В. П.* Новая экономическая политика..., с. 75—77; *его же.* Ленин и крестьянство Советского Востока..., с. 51—68; *Табалдиев Р. Дж.* Восстановление сельскохозяйственного производства в Киргизии, с. 5—31; *Мусабеков О.* От патриархально-феодальных к социалистическим аграрным отношениям, с. 8—22.

109. См.: *Плоских В. М.* Советская историография социально-эконо-

мических отношений в дореволюционной Киргизии, с. 74—75; *его же.* Киргизы и Кокандское ханство, с. 33; *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, с. 199.

110. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX в.

111. *Забиров К.* Аграрные отношения у киргизов (1870—1881 гг.); *его же.* Влияние русского переселенческого движения на земельные отношения в Киргизии...; *Доронбекова Р.* Возникновение и развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве в северных районах Киргизии...; *Аттокуров С.* Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Киргизии...; *Галузо П. Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг.; и др.

112. Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии. Материалы докладов, представленных на I Среднеазиатскую научную конференцию историков естествознания и техники; Материалы докладов, представленных на II Среднеазиатскую научную конференцию историков естествознания и техники.

113. *Аттокуров С. А.* Развитие мелкой промышленности в Киргизии в конце XIX—начале XX века; *его же.* Из истории горнодобывающей промышленности Киргизии в конце XIX—начале XX в.; *Мамбеталиева К.* Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии, с. 6—9, 10—27; *Татыбекова Ж. С.* История каменноугольного рудника «Кызыл-Кия»..., с. 7—21; *Сидоров А.* Индустрия Киргизстана; *Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С.* Народное хозяйство Киргизии...; *Чормонов Б., Сидоров А.* Промышленный прогресс в Киргизской ССР, с. 5—65.

114. *Есипов Н. С.* Промышленное строительство в ранее отсталых странах (исторический опыт Советской Киргизии).

115. *Есипов Н. С.* Указ соч., с. 54—181. Критику его ошибочных положений см.: *Аттокуров С. А.* К вопросу об источниковедении и историографии истории промышленности Киргизии..., с. 71—73; *Вяткин М. П.* Развитие промышленности. — В кн.: Возникновение капиталистических отношений в Киргизии..., с. 163—164; *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 28.

116. *Вяткин М. П.* Монополистический капитал в Средней Азии.

117. *Тарновский К. Н.* Советская историография российского империализма, с. 215—217. По данному вопросу также см.: *Сидоров А.* Проникновение иностранного капитала в экономику дореволюционной Киргизии; *Вексельман М. И.* К вопросу о проникновении иностранного капитала в экономику Средней Азии до первой мировой войны; *Власова Э. Н.* К вопросу проникновения иностранного капитала в промышленность Туркестана до первой мировой войны.

118. Названные темы, правда, привлекали внимание отдельных исследователей. К примеру, см.: *Аттокуров С.* Положение рабочих в дореволюционной Киргизии; *Власова Э. Н.* Из жизни рабочих горной промышленности дореволюционного Туркестана.

119. *Джаманкараев А. Б.* Развитие торговли в Киргизии в конце XIX—начале XX вв.; также см.: *Аттокуров С.* Развитие товарно-денежных отношений и появление купеческого сословия в Киргизии.

120. См.: Формирование и развитие киргизской социалистической нации, § 1—2, с. 22—51; *Ильясов С. И.* Складывание зачатков экономической общности киргизского народа; *Усенбаев К.* К вопросу об общности территории киргизского народа в дореволюционный период.

121. *Хасанов А. Х.* Из истории классовой борьбы в Киргизии во второй половине XIX в.; *его же.* Из истории классовой борьбы в Киргизии в конце XIX века.

122. *Усенбаев К.* Революционное движение в Киргизии накануне Октябрьской революции.

123. *Чукубаев А.* Революционные события и общественное движение в Киргизии в начале XX в.; *его же.* Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900—1917 гг.).

124. *Пясковский А. В.* Революция 1905—1907 годов в Узбекистане; *его же.* Революция 1905—1907 годов в Туркестане.

125. *Зима А. Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

126. *Лачко А. Ф.* Распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии до победы Великой Октябрьской социалистической революции; *Тутлис В. П.* К истории становления социал-демократической организации в Семиречье; *Алтмышбаев А.* Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии...

127. *Семенков В. Н.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов.

128. *Миртов В., Семенков В.* Большевик Алексей Иванцын; *Семенков В.* Борец за народное дело.

129. *Усенбаев К. У.* Восстание 1916 года в Киргизии. Рец.: *Ильясов С., Иноятов А., Сулейманов Б.* Восстание 1916 года в Киргизии.

130. *Усенбаев К. У.* Восстание 1916 года в Киргизии, с. 254—297.

131. *Зима Б. М.* Историография восстания 1916 года в Киргизии, с. 240.

132. Подробнее см.: *Усенбаев К. У.* Восстание 1916 года в Киргизии, с. 5—6; *Юсупов Э.Ю., Турсунов Х. Т.* К вопросу о характере восстания 1916 года в Средней Азии, с. 160, 162, 164.

133. *Юсупов Э. Ю., Турсунов Х. Т.* Указ. соч., с. 159.

134. *Зима А. Г.* Советы в Киргизии в 1917 году; *Тутлис В. П.* Некоторые особенности расстановки политических сил в Семиречье после свержения самодержавия, с. 52—54; *его же.* Большевики Семиречья в борьбе за массы в первые месяцы двоевластия, с. 3—20; и др.

135. Подробнее см.: *Иоффе Г. З.* Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии.

136. *Измайлов А. Э.* Очерки по истории советской школы в Киргизии за 40 лет (1917—1957); *Айтмамбетов Д.* Дореволюционные школы в Киргизии; *его же.* Школьное дело в Туркестане; *его же.* Некоторые данные о лечебных, культурно-просветительных учреждениях и печати в Киргизии во второй половине XIX—начале XX вв.; *Айдаралиев А. А.* Основные этапы развития здравоохранения в Киргизии; *Виноградов В.* Киргизская народная музыка; *Татыбекова Ж., Дуйшемалиев Т., Сейтказиева И.* Великий киргизский акын-демократ Токтогул Сатылганов; *Таштемиров Дж.* Барпы Алыкулов; *Чукубаев А. А.* Тоголок Молдо — идеолог трудового крестьянства дореволюционной Киргизии...; и др.

137. *Айтмамбетов Д. О.* Культура киргизского народа во второй половине XIX и начале XX века.

138. *Алтмышбаев А.* Из истории общественно-политической и философской мысли киргизского народа в конце XIX и начале XX веков; *Ибраимов К.* Об отражении идеологической борьбы в киргизской литературе XIX века; *Чукубаев А. А.* Некоторые вопросы развития общественных идей в Киргизии во второй половине XIX в.; *его же.* Дореволюционная деятельность и творчество Токтогула Сатылганова.

139. Подробнее см.: *Алтмышбаев А. А.* Некоторые пережитки прош-

лого в сознании людей Средней Азии..., с. 58—63 и др.; *Салиев А. С.* Человек входит в мир, с. 46—48.

140. *Чукубаев А.* Токтогул (Эпоха, жизнь, творчество).

141. См.: *Лунин Б. А.* Географические исследования Н. М. Пржевальского в Тянь-Шане; *Умурзаков С. У.* Краткие сведения по истории географического изучения Киргизии; *Мурзаев Э.* В далекой Азии...; и др.

142. Наиболее полно эти вопросы отражены в работах: *Абрамзон С. М., Антипина К. И., Васильева Г. П.; Сулайманов Д.* Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан; *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов; Народы Средней Азии и Казахстана, т. I—II; и др.

143. См.: *Маанаев Э.* К вопросу о переселении киргизов на Памир; *его же.* Из истории памирских киргизов; Ср.: *Искандаров Б. И.* Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств...; *Абышкаев А.* Каратегинские киргизы в конце XIX — начале XX вв.; *его же.* Хозяйство и материальная культура каратегинских киргизов в конце XIX — начале XX вв.

144. *Айтбаев М. Т.* Историко-культурные связи киргизского и русского народов...; *Данияров С.* О прогрессивном значении русской культуры в развитии культуры киргизского народа в конце XIX — начале XX веков; *Джамгерчинов Б.* Исторические связи киргизов с Россией в XIX в; *Брудный Д. К.* К вопросу об исторических корнях русско-киргизских культурных связей; *его же.* Из истории русско-киргизских литературных и театральных связей; *Хасанов А.* Отражение в эпосе «Манас» и в фольклоре исторической связи киргизов с Россией; *Чукубаев А. А.* О влиянии передовой культуры русского народа на культуру дореволюционной Киргизии.

145. Перечень публикаций об исторических корнях русско-киргизских связей к 100-летию добровольного вхождения Киргизии в состав России см. в кн.: Киргизская ССР в 1963 году: Библиографический указатель литературы, с. 65—67.

146. См. обобщающий труд: Очерки истории советских дунган; и др.

147. *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство; *Бекмаханова Н. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии...; *Табышалиев С. Т.* Значение добровольного вхождения Киргизии в состав России для судеб киргизского народа.

148. Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX — начале XX в.

149. К истории социально-экономических укладов Киргизстана.

150. *Усенбаев К. У.* Общественно-экономические отношения киргизов (Вторая половина XIX — начало XX в.); Ср. *его же:* Общественно-экономические отношения киргизов в период Кокандского ханства...

151. *Сапелкин А. А.* Аграрные отношения в Киргизии в начале XX века.

152. В среднеазиатском масштабе эта тема обстоятельно исследуется в монографии Бабаханова М. «Предпосылки революционного союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом».

153. История советского крестьянства Киргизии.

154. *Бактыгулов Дж. С.* Из истории перехода киргизского крестьянства к оседлости..., с. 14—31; *Усенбаев К. У.* Обострение социальных противоречий в Киргизии в конце XIX — начале XX вв.; и др.

155. См. *Касымов Ф. К.* Минуя капитализм. Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму.

156. *Галицкий В. Я., Джаманкараев А. Б., Сапелкин А. А., Усенбаев К. У.* Трудящиеся Киргизии в борьбе за социальное и национальное освобождение в конце XIX — начале XX в.

157. *Галицкий В. Я., Джаманкараев А. Б., Сапелкин А. А., Усенбаев К. У.* Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. — Фрунзе, 1973.

158. *Галицкий В. Я., Плоских В. М., Каниметов А. К.* Книги Карла Маркса в дореволюционном Семиречье, с. 50—57.

159. К примеру, см.: *Каниметов А.* Язык братского единства, с. 3—39.

160. *Данияров С. С.* Становление киргизской культуры..., (1917—1924 гг.) с. 7—72.

161. *Умурзаков С.* С четырех сторон горизонта; *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Тропою первопроходцев; и др.

162. Русские путешественники и исследователи о киргизах.

163. См.: *Ленин В. И.* О культуре, изд. 2-е, доп. М., 1985, с. 21—144.

164. *Алтмышбаев А. А.* Октябрь и развитие общественного сознания киргизского народа.

165. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи; *Антипина К. И.* Народное искусство киргизов, вып. 1—2; *Сулайманов Э.* Традиции обработки металлов у киргизов; *Баялиева Т. Д.* Доисламские верования и их пережитки у киргизов; *ее же.* Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление; *Омурзаков Д. О., Саралаев М. К.* Киргизские национальные виды спорта и народные игры; *Нусов В. Е.* Архитектура Киргизии с древнейших времен...

166. См.: Советский народ — строитель коммунизма, кн. 1—2. Фрунзе, 1977.

167. См. ранее указанные работы В. М. Плоских, К. У. Усенбаева, Э. Маанаева и других авторов; также: *Абышкаев А. Ш.* Из истории взаимоотношений киргизского и узбекского народов в XIX в., с. 56—53; *Турсунов Н. О.* Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX вв., с. 120—121, 126, 206 и др.

168. *Галицкий В. Я., Плоских В. М., Антипина К. И.* Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX — начала XX в., с. 164—191.

169. *Маанаев Э., Плоских В.* На «Крыше мира» (исторические очерки о памиро-алайских киргизах).

170. *Галицкий В. Я.* История города Пишпека (1878—1917 гг.).

171. *Вайнштейн О. Л.* Иностранные путешественники о Киргизии 60—70-х гг. XIX в.

172. *Shuler E.* Turkistan. Notes of a Iourney in Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja.

173. *Boulger D. C.* Endland and Russia in Central Asia.

174. *Ша (Шоу) Р.* Очерки Верхней Татарии, Ярканда и Кашгара...

175. *Вайнштейн О. Л.* Иностранные путешественники о Киргизии 60—70-х гг. XIX в.; *Галицкий В. Я.* Дореволюционная Киргизия глазами иностранцев. — Комсомолец Киргизии, 1967, 18 ноября.

176. *Bonvalot G.* En Asie Centrale; *Bonvalot G.* Du Caucase aux Indes: A travers le Pamir; *Bonvalot G.* Through the heart of Asia over the Pamir to India.

177. *Capus G.* Le toit du monde (Pamir); *Capus G.* A travers le royaume de Tamerlan (Asie Centrale).

178. *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география, т. VI...

179. *Rickmers W. R.* The Duab of Turkestan: A physiographic sketch and of some travels.

180. *Sievers W.* Asien: Eine allgemeine Landeskunde.

181. *Grabczewski B.* Na sluzbie rosyjskiej; *Grabczewski B.* Podroze po Azji Srodkowej.

182. *Rawlinson H. C.* England and Russia in the East; *Skrine F. N., Ross E. D.* The Heart of Asia: A history of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times; *Curtis W. E.* Turkestan: The Heart of Asia.

183. *Wheeler G.* The modern history of Soviet Central Asia. — London — New-York, 1964; *Bennigssen A.,Lemercier-Quelquejay Ch.* La presse et le mouvement national chez les musulmans de Russie avant 1920. — Paris, 1964; *Rywkin M.* Russia in Central Asia. — New-York—London, 1964; *Golczewski F.* Russlands Zentralasiatische Expansion in Lichte der neueren sowjetishen Geschichtsinterpretation. — Osteuropa, 1980, vol. 88, N 6; *Sokol E. D.* The revolt of 1916 in Russin Central Asia. — Baltimore, 1954; *Sarkisyanz E.* Geschichte der orientalischen Völker Rußlands bis 1917. — München, 1961; *Pierce R. A.* Russian Central Asia, 1867—1917: A study in colonial rule. — Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1960.

184. *Рзаев Д. О.* О фальсификаторах истории народов Средней Азии; *Новоселов К.* Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии; *Турсунбаев А.* Против буржуазной фальсификации истории Казахстана; также см.: Великий Октябрь и образование СССР в современной идеологической борьбе. Фрунзе, 1984; и др.

185. *Горбачев М. С.* Ленинизм — живое творческое учение, верное руководство к действию, с. 22; *его же.* Живое творчество народа.

186. *Ильясов С. И.* История, археология и этнография Киргизии в трудах русских ученых, с. 89—93. *Бернштам А. Н.* Историческая наука в Киргизии за 20 лет. — В кн.: Наука в Киргизии за 20 лет..., с. 173—178; *Абрамзон С. М.* Этнографическое изучение Киргизии за 20 лет, с. 179—186; *его же.* К вопросам изучения истории и этнографии Киргизии, с. 135—138; и др.

187. См.: *Токомбаев А.* Деятельность Института языка, литературы и истории и его дальнейшие задачи, с. 57—62; *Сооронбаев К.* О работе Института языка, литературы и истории Киргиз. ФАН СССР, с. 15—20; *Джамгерчинов Б.* Состояние и основные проблемы исторической науки в Киргизии, с. 19—34; *Ильясов С. И.* и *Нуров Г.* О некоторых вопросах истории киргизского народа дооктябрьского периода, с. 153—183; *Ильясов С. И.* Состояние и задачи разработки истории Киргизии, с. 419—424; *Табышалиев С. Т.* О состоянии и задачах исторической науки в Киргизии, с. 3—18; *Джамгерчинов Б. Д.* и др. Историческая наука в Киргизии, с. 35—57; и др.

188. *Шерстобитов В. П.* и др. Указ. соч.

189. *Кадыров Ш.* Русские ученые-путешественники (2-й половины XIX в.) о добровольном вхождении Киргизии в состав России, с. 19—29; *Мулладжанова Н.* К вопросу о дореволюционной историографии вхождения Киргизии в состав России, с. 115—124; *Шерстобитов В. П.* Историография. — В кн.: Новая экономическая политика в Киргизии..., с. 21—29; и др.; *его же.* Историография крестьянства Киргизии... — В кн.: История

советского крестьянства Киргизстана, с. 13—20; *его же.* Киргизская ССР в разделе «Историческая наука в национальных республиках после XX съезда КПСС», с. 228—231; *его же.* История Киргизии на страницах периодических изданий вузов..., с. 179—185; *Хелимский Е. П.* Социально-экономическое развитие киргизского аила...; *Аттокуров С. А.* К вопросу об источниковедении, историографии промышленности Киргизии в конце XIX и начале XX века, с. 35—76; *Лунин Б. В.* Материалы к историографии истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана конца XVIII — начала XX в., с. 22—41; *Зима Б. М.* Новый труд по истории киргизов и и Кокандского ханства; *его же.* Историография восстания 1916 года в Киргизии; *его же.* К вопросу становления советской историографии Киргизии...; *Бабаханов М.* Предпосылки революционного союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом, с. 3—14; *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 22—23, 27—28; *Касымов Ф. Х.* Минуя капитализм...; Русские путешественники и исследователи о киргизах, с. 32—75; *Плоских В. М.* Вклад русских исследователей в изучение истории киргизского народа, с. 45—46; *Умурзаков С. У.* Краткий очерк истории географического изучения Киргизии, с. 15—20 и др.; *Аттокуров С. А.* К истории геологического изучения Киргизии, с. 30—51; и др.

190. См.: *Галицкий В. Я.* Историография: раздел в статье «Киргизская ССР». — В кн.: СИЭ, т. 7; Историческая наука: раздел в статье «Киргизская ССР». В кн. — БСЭ, т. 11; *Каниметов А., Галицкий В. Я.* Историческая наука. В кн. — Киргизская ССР (КСЭ).

191. *Каракеев К.* Развитие науки в Советском Киргизстане, с. 90—97; *его же.* Великий Октябрь и наука Киргизстана; *его же.* Академия наук Киргизской ССР; с. 155—161; Академия наук Киргизской ССР, с. 186—197; и др.; Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС; Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС; Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС; и др.

192. *Горбачев М. С.* Речь на внеочередном Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 г. В кн. — Материалы внеочередного Пленума ЦК КПСС 11 марта 1985 г., с. 10.

ИСТОЧНИКИ

1. Их публикация продолжалась во второй половине XIX — начале XX в. в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЭ) за 1825—1881 гг. во II-м собрании (54 т.) и за 1881—1913 гг. в III-м (33 т.). С 1862 по февраль 1917 г. публиковалось «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате», а затем до победы Великого Октября выходило «Собрание узаконений Временного правительства».

2. Различные сведения о Киргизии за 1855—1917 гг. и, в частности, об общественном и юридическом быте киргизов, содержат подготовительные проекты и материалы к «Положениям» об управлении Средней Азии и Казахстана, составленные в основном краевой верхушкой Туркестана и сановниками Российской империи. В их числе: Проект Степной Комиссии 1857 г. (СПб., 1867); Проекты положений генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана 1871 и 1873 гг.; Проект положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве генерал-лейтенанта Г. А. Колпаковского (Ташкент, 1881); Записка о главных началах для устройства и управления и Проект положения об управлении краем сенатора Ф. К. Гирса (СПб., 1883); Проект положения об управлении Туркестанским краем комиссии графа Н. И. Игнатьева (СПб., 1884); Проекты положений об управлении

Туркестанским краем, составленные в 1902—1903 гг. комиссией тайного советника Нестеровского (Ташкент, 1903); Материалы совещаний тайного советника Харитонова (1910—1912) и генерал-адъютанта Куропаткина (1916—1917); и др.; также см.: *Садыков Х. Д.* Политико-административное устройство Туркестанского генерал-губернаторства (1867—1917 гг.), с. 7, 13 и др.

3. См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел, серия 1, т. 7—8; серия 2, т. 1—4; и др.

4. Разнообразные сведения, включая статистические данные о Киргизии после вхождения ее в состав России, приводятся в годовых отчетах о состоянии Пишпекского (прежде Токмакского), Пржевальского (ранее Иссык-Кульского), Ошского и соседних с ними уездов. Причем выделяются некоторые отчеты, составленные знатоками края и быта его населения (Загряжским, Чайковским, Громбчевским, Каллауром).

5. Журналы и др. документация областных правлений Семиреченской, Ферганской, Сыр-Дарьинской областей Туркестанского края хранятся в исторических фондах ЦГА Казахской ССР (Алма-Ата), ЦГА Узбекской ССР (Ташкент), ЦГА Таджикской ССР (Душанбе). Отмечая ценность фактической стороны подобных источников, следует, конечно, помнить, что составители и авторы официальных документов все вопросы решали в интересах царизма.

6. Таков, например, «Проект всеподданейшего отчета ген.-адъ. К. П. фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 ноября 1857—25 марта 1881 г.» Подробно о составителе этого отчета — П. И. Хомутове, эрудированном туркестанском краеведе с либерально-прогрессивными убеждениями, и источниковедческой оценке его (названного отчета) см.: *Лунин Б. В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, с. 38—42. Делопроизводственная документация краевых властей хранится в ЦГА УзССР (г. Ташкент), ЦГИА СССР (г. Ленинград), ЦГВИА СССР (г. Москва).

7. См.: Обзор Семиреченской области (за 1883—1913 годы). — Верный, 1883—1915; Обзор Сыр-Дарьинской области (за 1886—1913 гг.). — Ташкент, 1887—1916; Обзор Ферганской области (за 1884—1913 гг.). — Новый Маргелан (Скобелев). 1889—1916; Обзор Самаркандской области (за 1887—1910 гг.). — Самарканд, 1888—1912; также см.: Источниковедение истории СССР, с. 267; *Литвак Б. К.* О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в., с. 125—144.

8. О судебных преследованиях деятелей социал-демократического движения в Семиречье в судебно-следственных материалах см.: *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма в Казахстане (1905—1917 гг.).

9. См.: «Обвинительный акт временного военного суда в гор. Верном о выступлении нижних чинов в гор. Пишпеке 21 и 22 июля 1914 г.» — В кн.: Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 годах...

10. Документы о репрессиях против участников восстания 1916 г. в Киргизии и других районах Средней Азии опубликованы в целом ряде документальных сборников и, в частности, в наиболее полном из них. — «Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане» (М., 1960).

11. Туркестанский календарь на 1880 год...; Туркестанская справочная книга на 1885 год с календарем; Спутник туркестанца. Карманный календарь и справочная книжка... 1900; Туркестанский на 1904 г. календарь; Адрес-справочник Туркестанского края на 1910 г.; Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области (на 1898, 1900 гг.; Адрес-календарь Самаркандской области (на 1893—1914 гг.); Справочная книга Самаркандской области; Справочник Самаркандской области (на 1899—1914 гг.); Адресная справочная книга Ферганской области.

12. Туркестанский коммерческий адрес-календарь на 1898 год; Туркестанский сельскохозяйственный календарь на 1912 год.

13. См.: Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь; Сибирский торгово-промышленный ежегодник.

14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, т. 85. Семиреченская область; то же, т. 86. Сыр-Дарьинская область; то же, т. 83. Самаркандская область; то же, т. 89. Ферганская область. О недостатках переписи 1897 г. в вышеназванных изданиях ЦСК при определении численности киргизского народа см.: *Галицкий В. Я., Плоских В. М.* О структуре населения дореволюционной Киргизии (XIX — начало XX в.), с. 23—24; *Усенбаев К. У.* Общественно-экономические отношения киргизов (вторая половина XIX — начало XX вв.), с. 45—46.

15. См.: Статистический Временник Российской империи (три серии, 1866—1890); Статистика Российской империи (110 томов, 1887—1914); и др.

16. О приемах обработки и использования сводных данных из материалов военно-конских переписей В. И. Лениным см.: *Малый И. Г.* Статистика в исследованиях В. И. Ленина по аграрному вопросу, с. 27—29, и др.

17. См.: Статистика Российской империи, т. V. Военно-конская перепись (1899—1901 гг.). Первичные материалы опытной военно-конской и повозочной переписи 1901 г. по южным районам Киргизии, а за 1903 г. по Пишпекскому и Пржевальскому уездам, как и военно-полевой, верблюжьей и повозочной переписи хранятся в ЦГИА СССР (ф. 1290).

18. *Сапелкин А. А.* Аграрные отношения в Киргизии в начале XX века..., с. 16, 277 и др.; *Галузо П. Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 гг., с. 42—43; и др.

19. О промышленных переписях в России и публикациях их данных см.: *Гозулов А. И.* Очерки истории отечественной статистики, с. 120—125. Об оценках В. И. Лениным фабрично-заводской статистики, его приемах и методах ее использования подробнее также см., в кн.: *Рябушкин Т. В.* В. И. Ленин и статистика, с. 15—17.

20. В 1872—1879 гг. Туркестанским статистическим комитетом изданы пять выпусков ежегодника «Материалы для статистики Туркестанского края».

21. См.: *Лунин Б. В.* Из истории деятельности статистических комитетов в Туркестанском крае; *Кимасов А. М.* Деятельность статистических комитетов Казахстана и их роль в изучении истории края...

22. Таковы, например: *Терентьев П. Ф.* Сведения о городе Пишпеке, с. 25—41; *Недзвецкий В. Е.* Административное устройство...; и др.

23. Перечень изданных «Материалов» для статистического описания и по киргизскому землепользованию дан в библиографии, а их источниковедческая оценка — в обзоре источников в кн.: *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — начале XX в., с. 16—17, 438—439.

24. Сельскохозяйственные машины и орудия Европейской и Азиатской России в 1910 г...

25. Подробнее см.: *Шерстобитов В. П.* Новая экономическая политика в Киргизии..., с. 62—63.

26. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 196 и др.

27. См.: «Записки» и «Труды» Вольного экономического общества (ВЭО, 1765—1917 гг.) и издания Русского географического общества (РГО,

1845—1917 гг.). Статьи о Киргизии, ее населении и т. п. в пятитомном «Географическо-статистическом словаре Российской империи», изданным РГО под редакцией П. П. Семенова — Тян-Шанского,— редкий обобщающий источник о численности, национальном составе жителей северных районов края и их хозяйстве 50—70-х годов XIX в.

28. Выходные данные об органах туркестанской периодики различных политических направлений см.: *Авшарова М. П.* Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917): Библиографический указатель литературы; *Амитин-Шапиро З. Л., Морозов О. Д.* «Туркестанские ведомости» как источник по истории Киргизии, с. 113—123. О газетах местной национальной буржуазии см.: *Эрназаров Т. Э., Акбаров А. И.* История печати Туркестана, с. 97—105.

29. Подробнее см.: *Раджабов З. Ш.* Туркестан на страницах большевистских газет периода первой русской революции...

30. Газета «Русский Туркестан» выходила впоследствии под названием «Туркестан», а «Самарканд», также после запрета ее властями — под названиями «Зеравшан», «Новый Самарканд» и «Русский Самарканд» *(Авшарова М. П.* Указ. работа, с. 38—51).

31. В ноябре 1907 г. «Семиреченская революционная группа социалистов» разделилась на социал-демократов и эсеров, органом последних и стала с № 6 нелегальная газета «Обстрел».

32. О деятельности Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА, 1895—1917 гг.) и разносторонней оценке его изданий см.: *Лунин Б. В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане... (Протоколы его заседаний публиковались в 1896 г. также в Ташкентском научно-литературном журнале «Среднеазиатский вестник»). Наряду с ними заслуживают внимания и «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества» (Ташкент, 1898—1917 гг.), а также кратковременные издания: «Записки Туркестанского отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» и «Протоколы заседания Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за 1871 г.», «Известия Ташкентского отделения Общества востоковедения». В качестве источников в определенной мере могут служить материалы из «Трудов», «Записок», «Известий» и «Отчетов» РГО, «Известий общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском Университете», «Записок Восточного Отделения Русского археологического общества», а также старейших этнографических изданий — «Этнографического обозрения» и «Живой старины». Из отраслевых журналов следует назвать «Туркестанское сельское хозяйство» (Ташкент, 1906—1918) и «Семиречье» (Верный, 1915—1916), а также «Пржевальский сельский хозяин» (Пржевальск, 1913, № 1—2), См.: *Редько С. К.* Периодическая сельскохозяйственная печать дореволюционного Туркестана, с. 142—143; *Амитин-Шапиро З. Л.* Киргизия на страницах журнала «Семиречье», с. 72—76 и др., включая издания специального назначения. Таковы «Журнал Министерства Народного Просвещения», «Военный сборник», «Вопросы колонизации» и т. п. Так, некоторые документы об Андижанском восстании 1898 г. опубликованы в приложении к первому выпуску за 1911 г. «Вестника Ташкентской офицерской школы восточных языков при штабе Туркестанского военного округа» (Ташкент, 1911—1913). *Авшарова М. П., Виридарский М. С.* Евгений Карлович Бетгер..., с. 12.

33. Первые 416 томов «Туркестанского сборника», составленные крупным русским библиографом В. И. Межовым, включают материалы за 1867—1887 гг., последующие 175 томов за следующие годы составлены в 1907—1916 гг. различными библиографами, и еще три тома в послереволюционный период — Е. К. Бетгером. В единственном экземпляре сборник хранится в Государственной библиотеке УзССР им. Алишера Навои в Ташкенте. В Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина хранятся

29 томов сборника «Туркестан», содержащие газетные и журнальные вырезки о дореволюционной Средней Азии и в определенной мере дополняющие «Туркестанский сборник». О «Туркестанском сборнике» и указателе к нему, составленном Е. К. Бетгером, см.: *Авшарова М. П., Виридарский М. С.* Евгений Карлович Бетгер..., с. 12—13.

34. Воспоминания П. П. Семенова опубликованы лишь при Советской власти. См.: *Семенов—Тян-Шанский П. П.* Мемуары, т. II. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах. — М., 1946. Последующие издания: М., 1947, 1948, 1958. Также см.: *Фрадкин И. Г.* Петр Петрович Семенов—Тян-Шанский (Предисловие) в указ. кн.: *Семенов—Тян-Шанский П. П.* Мемуары, т. II; *его же.* Письмо действительного члена РГО П. П. Семенова о путешествии в Киргизские степи Сибирского ведомства в 1856 г., 18 сент. 1856 г., с. 1—6; *его же.* Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет до верховья реки Яксарта или Сыр-Дарьи в 1857 году, с. 1—2; *его же.* Небесный хребет и Заилийский край, с. 333—376; и др. Источниковедческую оценку «Мемуаров» П. П. Семенова — Тян-Шанского и трудов некоторых других путешественников, в частности, см.: *Кадыров Ш.* Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX века; Русские путешественники и исследователи о киргизах, с. 32—75; и др.

35. См.: Венок Токтогулу. Сборник воспоминаний и посвящений; Токтогулдун замандаштарынын эскермелери.

36. В большинстве записи воспоминаний очевидцев и участников восстания 1916 г. сделаны уже в начале 1953 г. научными сотрудниками ИЯЛИ Киргиз. филиала АН СССР и студентами IV-го курса истфака Киргизского госуниверситета. В частности, см.: Материалы о восстании 1916 г. в Киргизии. От С. Каралаева записано Д. Сулаймановым. — РФООИ АН КиргССР, инв. № 1487; то же от И. Туманова и М. М. Мусульманкулова записано Ш. Бейшеналиевым. — Там же, инв. № 1491; то же, на территории Фрунзенской области. Собрано С. Данияровым. —Там же, инв. № 1519(2); то же, на территории Тянь-Шаньской области. Собрано С. Аттокуровым. — Там же, инв. № 1519 (а) и 1519 (б) и др. Наиболее полно эти воспоминания нашли отражение в книге К. У. Усенбаева «Восстание 1916 года в Киргизии», автором которой также производилась запись воспоминаний от информаторов.

37. См. воспоминания А. И. Иваницына, О. Масадыкова, Н. Д. Голубя, И. Е. Белькова, С. Р. Лобунца и др. в кн.: Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии; Воспоминания А. И. Иваницына, Б. Т. Старостина, И. Г. Чебыкина, О. Мойнокова, О. Тайтинова, Ш. Абаева, У. Ашурова, А. К. Добрынина и др. в сборнике воспоминаний: За власть Советов.

38. *Валиханов Ч. Ч.* Дневник поездки на Иссык-Куль (1856), с. 228—288; *его же.* Кашгарский дневник (I, II), с. 175—223. Также см.: *его же.* Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ, с. 224—264. Как источник небезынтересны дневники и др. лиц. В частности см.: *Знаменский М. С.* Дневник Аулие-Атинского похода (1864), с. 435—443; *Гейнс А.* Дневник 1866 года... Путешествие в Туркестан, т. II, с. 1—430; *Куропаткин А. И.* Семиречье (из дневника А. Н. Куропаткина), с. 266—277; *его же.* Из дневника А. Н. Куропаткина. Предисловие М. Н. Покровского, с. 56—77.

39. *Валиханов Ч. Ч.* Письма и переписка, т. IV, с. 43—118; *Роборовский В. И.* Последние часы жизни Николая Михайловича Пржевальского; и др.

40. *Семенов П. П.* Записка действительного члена Географического общества П. П. Семенова, с. 569—575; *Голубев А. Ф.* Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции, с 183—198; *Грум-Гржимайло Г. Е.*

Краткий отчет о результатах экспедиции в приалайские страны, с. 660—673; *Вайнштейн О. Л.* Иностранные путешественники о Киргизии 60—70 гг. XIX в.; и др.

41. *Пален К.* Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Отделы I—II.

42. Подробнее см.: *Аттокуров С. А.* К вопросу об источниковедении и историографии промышленности Киргизии в конце XIX и в начале XX века, с. 35—76.

43. *Кушелевский В. И.* Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области, т. I—III.

44. У истоков Коммунистической партии Казахстана: Летопись важнейших событий, часть первая...; Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане. Летопись событий, часть первая... Также см.: *Желтова В. П., Пушкарева И. М.* Хроники революции 1905—1907 гг. (Источниковедческий обзор).

45. К примеру см.: *Позднеев А.* Киргизы. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 29, с. 101—103; *(Яновский А.).* Киргизы и киргиз-кайсаки. — Там же, с. 103—108; Энциклопедический словарь «Гранат», изд. 7-е, т. 24; и др.

46. *Михайлов М.* Киргизы.

47. *Краснов А. И.* В снегах и льдах Восточного Тянь-Шаня. (Из записной книжки путешественника), с. 1—10; и др. *Семенов Д. П.* Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученых исследователей, т. VI. Туркестанский край, с. 43—45; *Лялина М. А.* Путешествие по Туркестану Н. А. Северцова и А. П. Федченко; и др.

48. *Ковалевский Е. П.* Встреча с Н. Н. — Странствователь по суше и морям. Также см.: *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Странствователь по Киргизии, с. 101—104; *Каразин Н. Н.* Кочевья по Иссык-Кулю; Катастрофа на Кастекском перевале; Наурусова яма; Байга; *Хорошхин А. П.* Сборник статей, касающихся до Туркестанского края; *Тагеев Б. Л. (Рустам-бек).* Русские над Индией...; *его же.* На Востоке...; *его же.* По Азии...; *его же.* В заоблачной стране; *его же.* Через Алай и Памир...; и др.; *Марков Е.* Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства; *его же.* Россия в Средней Азии..., т. II; *Гинс Г. К.* В киргизских аулах..., с. 285—331; *Менский К.* Путевые заметки по Семиречью...; *Инфантьев П.* На родине первых людей...; и др.

49. Таковы историко-биографические романы К. Каимова «Атай» (1961) об известном комузисте А. Огонбаеве и С. Омурбаева «Телегей» (1965) о жизни славной сельской труженицы Т. Сагымбаевой. В источниковом аспекте представляют интерес автобиографическая повесть о страницах жизни одного из старейших киргизских акынов К. Акиеве «Пройденный путь» (1978), историческая повесть К. Бектенова «Табалды Пудовкин» (1967) о киргизском революционере Табалды Жукееве (А. А. Пудовкине), а также документальные повести А. В. Жиркова «Десять шагов до Рубикона» (1967) о юности М. В. Фрунзе. Л. Б. Дядюченко «Фамильное серебро» (1974) и «Серебряный глобус» (1978) о краеведе Ф. В. Пояркове и г. Пржевальске; и др.

50. ВРГО, ч. 21, 1858, с. 12.

51. *Абрамзон С. М.* Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1957); *Галицкий В.* Сподвижник (о П. М. Кошарове и его рисунках), с. 43—45.

52. *Маргулан А. Х.* Валиханов как художник; *Габитова М. Г.* Рисунки Чокана Валиханова; *Галицкий В.* Киргизия в рисунках Чокана Валиханова; и др.

53. ЦГВИА СССР; ф. 1414, оп. 1, д. 6, л. 46—48; Чуйская долина. — Рисунок топографа М. Спроткина; *его же.* Западная оконечность озера Иссык-Куль; и др. — В кн.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти томах, т. 1, с. 275, 309.

54. См.: два рисунка худ. Н. Н. Каразина с изображением юрт на берегу Иссык-Куля и вида на озеро (Нива, 1878); *Гейнс А. К.* Каталог картинам, этюдам и рисункам Верещагина; *Галицкий В. В.* В. Верещагин в Киргизии. О киргизских темах в художественном творчестве Н. Н. Каразина и В. В. Верещагина см.: *Данияров С. С.* Становление киргизской советской культуры...; с. 23—24; *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Верещагин — Туркестанский. О жизненном и творческом пути В. В. Верещагина в целом см.: *Лебедев А. К.* Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество.

55. *Щербина — Крамаренко И. И.* По мусульманским святыням Средней Азии..., с. 45—61.

56. *Чабров Г. И.* Собирание орнаментальных мотивов среднеазиатского искусства в дореволюционном Туркестане.

57. *Каниметов А.* Культура возрожденного к новой жизни киргизского народа; *Галицкий В., Ялымов И.* Искренний друг; *Галицкий В. Я.* Рисунки и очерки художника Б. В. Смирнова как историко-этнографический источник сведений о Киргизии начала XX столетия, с. 163—171.

58. В конце XIX — начале XX в. жизнь Н. Г. Хлудова была связана с г. Пржевальском и Киргизией, где он бывал неоднократно. Он — первооткрыватель наскальных рисунков в хр. Саймалы-Таш на юге Киргизии, участник экспедиций И. В. Игнатьева и И. В. Мушкетова в Семиречье (о нем и его творчестве см.: История Казахской ССР, т. 1. Изд. 2-е, 1949, с. 396; и др.).

59. *Лерх П.* О туркестанском фотографическом альбоме, с. 97—99; и др. Этот уникальный альбом хранится в Отделе редких книг Государственной библиотеки УзССР им. А. Навои в г. Ташкенте.

60. Интересные фотоснимки городов и селений Киргизии, а также фотографии, отражающие отдельные стороны жизни и быта киргизского кочевого и полукочевого населения на севере и на юге края, в том числе на Памиро-Алае, и русских крестьян-переселенцев помещены в таких изданиях, как «Азиатская Россия» (т. I—III. СПб., 1914); иллюстрированный географический сборник «Азиатская Россия» (М., 1903); «Живописная Россия», т. X—XI (СПб., 1884—1885), в упоминавшихся книгах Тагеева Б. Л. (Рустам-Бека), работах Корженевского Н. Л., Сапожникова В. В., Головиной Ю. Д. и др. путешественников и авторов (например, Вощинин В. Очерк нового Туркестана....).

61. *Стродс Х. П.* Полевые этнографические источники в исторических исследованиях, с. 44.

62. Киргизские генеалогические предания с их архаическими пластами, играющие роль одного из первоисточников при изучении этногенеза киргизской феодальной народности, впоследствии — в конце XIX — и начале XX в. — нередко трансформировались в родословия крупнейших манапских фамилий. В этой связи их данные о киргизских родоначальниках последнего времени, особенно в поздних записях, могут свидетельствовать лишь о живучести патриархально-феодальных пережитков и их использовании в корыстных классовых интересах феодально-родовой верхушкой.

63. *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь.

64. См.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана.

65. *Конкобаев К.* Топонимия Южной Киргизии; *Исаев Д.* Жер суу атарынын сыры.

66. См.: *Стродс Х. П.* Указ. соч., с. 42—43.

ГЛАВА I

1. Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей великой Родины, с. 44—45.

2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

3. Там же, с. 174.

4. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 86.

5. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 9, с. 12.

6. *Джаманкараев А. Б.* Развитие торговли в Киргизии в конце XIX—начале XX вв., с. 26.

7. *Джамгерчинов Б. Д.* Очерки политической истории Киргизии XIX в., с. 23.

8. История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, с. 86.

9. *Пален К.* Приложения к отчету по ревизии Туркестанского край, ч. I, отдел 1, с. 111.

10. См.: *Халфин Н. А.* Политика России в Средней Азии (1857—1868).

11. *Табышалиев С. Т.* Значение добровольного вхождения Киргизии в состав России..., с. 169.

12. *Джамгерчинов Б. Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России, с. 133.

13. Там же, с. 136.

14. Там же, с. 139.

15. АВПР, ф. Главный архив; 1—7, д. 1, л. 44.

16. Там же, л. 58.

17. *Джамгерчинов Б. Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России, с. 150.

18. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, с. 187.

19. *Джамгерчинов Б. Д.* Очерки политической истории Киргизии XIX в., с. 93.

20. Там же, с. 94.

21. *Джамгерчинов Б. Д.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России, с. 242.

22. Там же, с. 268.

23. Там же.

24. Там же.

25. Там же.

26. Там же, с. 312.

27. Там же, с. 339.

28. *Серебренников А. Г.* Туркестанский край. Сб. материалов для истории его завоевания, 1864, т. 17, ч. 1, с. 200—201.

29. Голос, 1874, № 112.

30. *Россель Ю.* Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. — ТС, т. 222, с. 607.

31. Санкт-Петербургские ведомости, 1874, № 268.

32. Мамыр Мергенов родился в 1838 г. — ЦГА УзССР, ф. И — 715, оп. 1, д. 61, л. 155.

33. Там же, ф. И — 19, оп. 1, д. 275, л. 24.

34. Там же, д. 278 а, л. 43—46.

35. *Наливкин В.* Краткая история Кокандского ханства, с. 214—215.

36. ЦГА УзССР, ф. И — 1, т. 34, д. 243 а, л. 20—21, 62.

37. Там же, ф. И—715, оп. 1, д. 61, л. 155. Мумын Шамурзаков родился на Чаткале в семье рядового кочевника-киргиза. В 1867 г. принял российское подданство и поселился в Кураминском уезде.

38. Там же, л. 156.

39. ЦГА УзССР, ф. И—1, оп. 1, д. 278 а, л. 43—46; оп. 31, д. 278, л. 1—11.

40. Там же, ф. И — 1, оп. 31, д. 278, л. 16—18.

41. *Куп А.* Очерк Кокандского ханства, с. 1; ИРГО, ч. XII, с. 59; также см.: ЦГА УзССР, ф. И—1, оп. 34, д. 346, л. 126.

42. Военные действия против кокандцев в 1875 г., с. 23—24.

43. ЦГА УзССР, ф. И—1, оп. 31, д. 278, л. 16—18; РФООН АН КиргССР; инв. № 81, л. 98.

44. ЦГА УзССР, ф. И—1, оп. 34, д. 179, л. 1.

45. ЦГВИА СССР, ф. 401, д. 6868, л. 175—176.

46. ЦГА УзССР, ф. И—1, оп. 34, д. 243 а, л. 23—24.

47. Там же, л. 27.

48. Из Ферганской области. — ТВ, 1876, № 10.

49. ЦГА УзССР, ф. И—715, оп. 1, д. 66, л. 260.

50. Там же, ф. И — 1, оп. 34, д. 273, л. 26—27.

51. Там же, д. 68, л. 254—290; *Усенбаев К. У.* Присоединение Южной Киргизии к России, с. 123; История Киргизской ССР, т. 1, с. 358—359; *Плоских В. М.* Киргизы и Кокандское ханство, с. 317—318.

52. ЦГА УзССР, ф. И — 715, оп. 1, д. 66, л. 322.

53. Там же, л. 311—312.

54. *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. II, с. 408—409.

55. ВС, 1876, № 2, с. 212; *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. II, с. 367.

56. Навеки вместе с русским народом! Сб. материалов..., с. 7.

57. Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей великой Родины, с. 45.

58. *Пясковский А. В.* К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, с. 21.

59. Навеки вместе с русским народом! Сб. материалов..., с. 7.

60. Там же, с. 217—218.

61. См.: *Энгельс Ф.* Письмо к К. Марксу 23 мая 1851 г. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.*, т. 27, с. 241.

62. См.: *Энгельс Ф.* Эмиграптская литература. 1 Польская прокламация. — Соч., т. 18, с. 509.

63. См.: *Энгельс Ф.* Письмо Иоану Нэдежде 4 января 1888 г. — *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 37, с. 4—5.

64. *Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 30, с. 112.

65. Советская Киргизия, 1963, 23 октября.

66. См.: Пятидесятилетие Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии, с. 5.

67. Там же, с. 5—6.

68. Интернациональное и национальное в социалистическом образе жизни советского народа, с. 225; Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, с. 15.

69. См.: О 250-летии добровольного присоединения Казахстана к России: Постановление ЦК Коммунистической партии Казахстана. — Казахстанская правда, 1981, 30 октября.

70. См.: Великий праздник дружбы и братства. — Заря Востока, 1983, 28 октября.

71. Семенов—Тян-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1948, с. 265—266.

72. Интернациональное и национальное в социалистическом образе жизни советского народа, с. 226.

73. Советский народ — строитель коммунизма, ч. 2, с. 63.

74. См.: *Умурзаков С. У.* С четырех сторон горизонта..., с. 82—105.

75. Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей великой Родины, с. 47.

76. Подробнее см.: *Данияров С. С.* Становление киргизской советской культуры..., с. 40—41.

77. См.: Могучий фактор национально-языкового развития, с. 80.

78. *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 66.

79. Навеки вместе. К 250-летию присоединения Казахстана к России, с. 117.

80. Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей великой Родины, с. 48.

81. Советская Киргизия, 1946, 1 марта.

ГЛАВА II

1. *Бекмаханова И. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии..., с. 155, 166, 170.

2. См.: Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1, с. 282—283, 293, 298—300, 357—364, 390, 392—394.

3. *Сапелкин А. А.* К истории феодализма в Киргизии в конце XIX—начале XX веков, с. 27.

4. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX веков, АДД, с 18, 30—31.

5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 328.

6. Там же, с. 325.

7. *Пален К.* Отчет по ревизии Туркестанского края..., т. VI, с. 22.

8. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 314.

9. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1198, л. 7.

10. ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, 1912, д. 65, л. 3—4.

11. РФООН АН КиргССР, инв. № 54, л. 254—255.

12. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 36, с. 97.

13. ЦГА УзССР, ф. И — 87, д. 26678, л. 133.

14. См.: Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства, т. 7, вып. 2, с. 274; Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Аулие-Атинский уезд, с. 49; Там же. Ферганская область. Наманганский уезд, с. 34; Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области..., с. 146; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 320, л. 22.

15. *Орузбаев А. О., Джунушев К., Мансурходжаев С.* Народное хозяйство Киргизии...., с. 20.

16. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства, т. 7, вып. 2, с. 275—291, 300.

17. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 256.

18. *Усенбаев К.* Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России, с. 9—10.

19. Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Андижанский уезд, с. 45: ОСО за 1910 г., с. 49: Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства..., т. 7, вып. 2, с. 340.

20. История Киргизской ССР, т. 1, с. 413—414, 419—420.

21. Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области..., с. 143, 190—191; Материалы по киргизскому землепользованию..., Ферганская область. Наманганский уезд, с. 66; Статистический обзор Ферганской области за 1914 г., с. 38—39; ЦГИА СССР, ф. 432, оп. 1, д. 261, л. 23; ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 12, д. 1418, л. 16.

22. Статистический ежегодник. 1917—1923 гг., т. 1, ч. III, с. 34—36, 39, 44, 76, 77; *Джаманкараев А. Б.* Развитие торговли в Киргизии в конце XIX — начале XX в., с. 118; ЦГА КазССР, ф. И — 146, оп. 1, д. 31, л. 20—21; д. 24851, л. 2; *Недзвецкий В. Е.* Административное устройство..., с. 112—113.

23. Немцы переселились в Киргизию (Таласская долина) в 1882 г. из Ставропольской и Самарской губерний. См.: *(Половцов А. А.)* Отчет чиновника особых поручений..., с. 157.

24. *Лыкошин И. С.* Чапкулукская волость, с. 6, 7, 21; ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 78, л. 137—138; д. 173, л. 34, 61; Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Андижанский уезд, с. 7.

25. *Пален К.* Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II, Отд. 1, с. 98; ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 173, л. 40, 105; Список населенных мест Ферганской области, с. 15, 45; Статистический ежегодник. 1917—1923 гг., т. 1, ч. III, с. 71—73, 75; *Вирский М.* Список населенных мест Самаркандской области, с. 104—105.

26. ЦГА КиргССР, ф. И — 38, оп. 1, д. 187, л. 200; *Вирский М.* Указ. соч., с. 104—105.

27. *Вирский М.* Указ. соч., с. 104—105.

28. Статистический обзор Ферганской области за 1914 год, с. 73—76; *Вирский М.* Указ. соч., с. 104—105.

29. ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 173, л. 125—126; Список населенных мест Ферганской области, с. 18; Статистический ежегодник. 1917—1923 гг., т. 1, ч. III, с. 72—75.

30. *Антипина К. И.* Особенности материальной культуры..., с. 236; *Сухарева О. А., Турсунов Н. О.* Из истории городских и сельских поселений Средней Азии..., с. 37.

31. ЦГА КазССР, ф. И — 146, оп. 1, д. 31, л. 20—21; ОСДО за 1906 год, с. 57; *Пономарев Н.* Оседлые поселения киргиз в Семиреченской области. — ТВ, 1900, № 16.

32. ЦГА КазССР, ф. И — 146, оп. 1, д. 31, л. 21; *Недзвецкий В. Е.* Административное устройство..., с. 112—178; Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. VI, ч. II. Таблицы.

33. ЦГА КиргССР, ф. И — 39, оп. 1, д. 180, л. 85; *Недзвецкий В. Е.* Административное устройство..., с. 114—115, 136—140; ОСДО за 1909 год, с. 94; Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства..., т. VI, ч. II, с. 448—449, 482—483.

34. *Недзвецкий В. Е.* Указ. соч., с. 110—178; ЦГА КиргССР, ф. И — 39, оп. 1, д. 65, л. 170—177; ЦГА КазССР, ф. И — 150, оп. 1, д. 1, л. 42—43.

35. См.: *Недзвецкий В. Е.* Указ. соч., с. 142—143.

36. АВПР, ф. Главный архив, 1—9, ч. IV, 1866, д. 16, л. 11.

37. ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 223, д. 201, л. 61.

38. ТС, т. 105, с. 136—137.

39. АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1877, д. 6, л. 68.

40. *Поярков Ф. В.* Последний эпизод дунганского восстания, 1901, с. 54.

41. ЦГА КазССР, ф. И — 21, оп. 1, д. 181, л. 200.

42. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 328.

43. Там же, с. 328—329.

44. Там же, с. 329.

45. *Сулайманов Э.* Традиции обработки металлов у киргизов, с. 21; и др.

46. *Ленин В. И.* Полн. собр соч., т. 3, с. 336.

47. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 12-д, д. 27, л. 16; оп. 1, д. 2100, л. 141; *Галицкий В. Я.* История города Пишпека..., с. 54—55.

48. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 12-д. д. 23, л. 220—221; оп. 1, д. 642, л. 38—39; д. 336, л. 16; д. 31, л. 119; д. 539, л. 7.

49. Киргизия в цифрах..., с. 6.

50. *Соколов А.* Тогуз-Торау..., с. 3.

51. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 12, д. 6, л. 252.

52. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3.

53. *Зима А. Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции, с. 22.

54. *Аттокуров С. А.* Развитие мелкой промышленности в Киргизии в конце XIX — начале XX века, с. 107—108.

55. Статистические данные о маслобойном производстве заимствованы из работы С. А. Аттокурова «Развитие мелкой промышленности в Киргизии», с. 110—111.

56 *Емельянов П.* Материалы для статистики Туркестанского края. — ТВ, 1886, № 31.

57. *Чормонов Б. Ш., Сидоров А. Ф.* Промышленный прогресс в Киргизской ССР, с. 35.

58. *Власова Э. И.* Зарождение горной промышленности и пролетариата в Туркестанском крае, с. 13.

59. *Вяткин М. П.* Монополистический капитал в Средней Азии, с. 67; Сообщение таджикского этнографа Н. О. Турсунова.

60. *Мамбеталиева К.* Быт и культура шахтеров каменноугольной промышленности Киргизии, с. 8.

61. *Чормонов Б. Ш., Сидоров А. Ф.* Указ. соч., с. 36, 47.

62. *Конопка С. Р.* Туркестанский край, с. 123.

63. *Вяткин М. П.* Монополистический капитал в Средней Азии..., с. 115.

64. *Гулишамбаров С. И.* Экономический обзор Туркестанского района..., с. 73.

65. *Ивлев И. П.* Куратов в Казахстане, с. 19 и др.

66. ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, 1906, д. 153, л. 3—4.

67. ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 79, л. 4.

68. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 324.

69. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 82.

70. ЦГА УзССР, ф. И — 1760, оп. 1, д. 30, л. 91.

71. ЦГИА СССР, ф. 428, оп. 3, д. 208, л. 307; ф. 391, оп. 5, д. 253.

72. Там же, ф. 1289, оп. 1, д. 3618, л. 14.

73. *Садыков Э. А.* Развитие средств связи Киргизской ССР, с. 10, 17, 23.

74. ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 1, д. 3096, л. 60.

75. «Семирек». Токмак, СОВ, 1913, № 86—88.

76. ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 2, д. 1187, л. 29; ф. 1089, оп. 2, д. 1608, л. 45; ф. 1289, оп. 2, д. 1608, л. 14.

77. Там же, оп. 3, д. 775, л. 12, 22, 37, 42.

78. *Гирс Ф.* Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край..., с. 189.

79. ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 3, д. 2286, л. 304.

80. Там же, д. 2305, л. 2, 4, 6, 8, 10.

81. Там же, л. 4, 25, 101.

82. В 1864 г. у руин кокандской крепости Пишпек был выставлен русский военный пост (пикет). Через несколько лет вблизи него возник базарчик и осели первые переселенцы, основавшие одноименное селение. А в 1878 г. сюда переносится центр управления Токмакским (впоследствии Пишпекским) уездом. С последним событием и связано образование города Пишпека, так как по действовавшим в крае законоположениям уездные центры являлись городами. Подробнее см.: *Галицкий В. Я.* История города Пишпека, с. 31—41.

83. О столетии образования города Фрунзе: Постановление Центрального Комитета Компартии Киргизии от 7 января 1978 г.

84. *Сухарева О. А., Турсунов Н. О.* Из истории городских и сельских поселений Средней Азии..., с. 27—29.

85. *Чормонов Б. Ш., Сидоров А. Ф.* Указ. соч., с. 26.

86. *Недзвецкий В. Е.* Указ. соч., с. 124—127.

87. См.: *Сухарева О. А., Турсунов. Н. О.* Из истории городских и сельских поселений Средней Азии..., с. 27—29.

88. *Соколов А. Д.* Тогуз-Торау.

89. *Недзвецкий В.* Указ. соч., с. 143.

90. ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 2, д. 1608, л. 44—45; *Недзвецкий В.* Указ. соч., с. 143.

91. ЦГИА СССР, ф. 1289, оп. 2, д. 1608, л. 44.

92. *Недзвецкий В.* Указ. соч., с. 143.

93. Атбашн. — СОВ, 1912, № 282.

94. Киргизия в цифрах, с. 5—6.

95. *Оторбаев К.* Джалал-Абадская область, с. 40; *Татыбекова Ж. С.* История каменноугольного рудника «Кызыл-Кия», с. 17.

96. *Витковнч В. С.* С вами по Киргизии, с. 216.

97. *Мамбеталиева К.* Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии, с. 47.

98. Киргизия в цифрах, с. 5—6.

99. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 576.

100. Местные известия. — СОВ, 1913, № 112.

101. Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края..., за 1915 год, с. 22; *Джунушев К.* Развитие товарно-денежных отношений в Киргизии, с. 113.

102. 7-й съезд представителей мелкого кредита Семиреченской области. — СОВ, 1913, № 217; *Сапелкин Л. А.* Аграрные отношения в Киргизии в начале XX века, с. 175—189; ЦГА КазССР, ф. И — 239, оп. 1, д. 9, л. 12, 42, 49, 79, 85.

103. ЦГА КазССР, ф. И — 239, оп. 1, д. 9, л. 12—20.

104. Ссудные кассы Сыр-Дарьинской области.

105. В 1914 г. они составили всего 78170 рублей. См.: *Джунушев К.* Развитие товарно-денежных отношений в дореволюционной Киргизии, с. 111.

106. *Пален К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Налоги и пошлины. Органы финансового управления, с. 285.

107. ЦГА КазССР, ф. И — 239, оп. 1, д. 9, л. 12—17, 20.

108. ОФО за 1910 год, с. 52—53.

109. *Джаманкараев А. Б.* Развитие торговли в Киргизии, с. 105.

110. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 12, д. 26 а, л. 373—374.

111. *Аттокуров С.* Развитие товарно-денежных отношений и появление купеческого сословия в Киргизии в конце XIX и в начале XX вв., с. 181.

112. ЦГА КазССР, ф. И — 146, оп. 1, д. 107, л. 67.

113. ОСО за 1903 год, ведомость 13; то же, за 1909 год, с. 52.

114. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 12, д. 14, л. 221.

115. ЦГА КиргССР, ф. И — 39, оп. 1, д. 35, л. 10.

116. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 11, д. 1754, л. 2—3.

117. *Джаманкараев А. Б.* Развитие торговли в Киргизии, с. 45.

118. *Наливкин В.* Киргизы Наманганского уезда.

119. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 12, д. 38, л. 200.

120. *Недзвецкий В. Е.* Указ. соч., с. 40—90.

121. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства...; т. VI, ч. II, таблицы; т. VII, вып. 1, с. 261, 262; т. VIII, вып. 1, с. 593.

122. *Смирнов Е. Т.* Сыр-Дарьинская область, с. 55—56.

123. ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 8—9.

124. Там же, ф. 1396, оп. 1, д. 394, л. 32.

125. *Воронков В.* К вопросу о поземельном устройстве туземного населения Семиреченской области.

126. *Джунушев К.* Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии; *Аттокуров С.* Развитие товарно-денежных отношений и появление купеческого сословия в Киргизии в конце XIX и в начале XX вв.; *Джаманкараев А. Б.* Развитие торговли в Киргизии...; Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX — начале XX в.

127. *Семенков В. Н.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 36.

128. *Соколов А.* О кара-киргизах.

129. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 1, д. 695, л. 14.

130. ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 84, д. 57, л. 8—9. Наряду с преобладающей беднотой из букары выделялись и некоторые среднезажиточные (середняцкие) хозяйства. Отдельные из них, экономически окрепнув, входили уже в байскую (кулацкую) прослойку.

131. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, с. 10—11; *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии, с. 389; *Галицкий В. Я., Плоских В. М.* О структуре населения дореволюционной Киргизии..., с. 30.

132. История Киргизской ССР, т. 1, с. 465—467.

133. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 325.

134. ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 5, д. 998, л. 14; Материалы по киргизскому землепользованию... Наманганский уезд, с. 54.

135. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 576.

136. ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, 1899, д. 243, л. 56—57.

137. *Заорская В. В., Александер К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края, табл. XVI, с. 170.

138. ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 72, л. 25, 64.

139. Статистический обзор Ферганской области за 1913 год. Приложения № 10, 11.

140. *Пален К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Горное дело, с. 38.

141. Статистический обзор Ферганской области за 1913 год, с. 57.

142. *Заорская В. В., Александер К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края, табл. V, с. 46.

143. *Вяткин М. П.* Монополистический капитал в Средней Азии, с. 161.

144. *Аминов А.* Проблемы экономической истории Средней Азии и ее зарубежные критики, с. 10.

145. История Киргизской ССР, т. 1, с. 433.

146. *Галицкий В. Я., Плоских В. М.* О структуре населения дореволюционной Киргизии, с. 30—31.

147. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 244.

148. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2, с. 252.

149. *Ильясов С. И.* Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов..., с. 136.

150. *Р. И.* Каракиргизское самоуправление.

151. ЦГВИА СССР, ф. 400. Азиатская часть, 1898, л. 88—89, 265.

152. *Матвеев Л.* Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г., с. 132.

153. *Пален К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Земское хозяйство, с. 148.

154. Восстание 1916 г. в Средней Азии, с. 46.

155. *Ленин В. И.* Полн. собр соч., т. 10, с. 266.

156. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1067, л. 15.

157. Цит. по: *Вайнштейн О. Л.* Иностранные путешественники о Киргизии 60—70-х гг. XIX в., с. 65.

158. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 4, д. 241, л. 2.

159. ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 81, д. 57, л. 9.

160. Известия РГО, т. 41, вып. IV. СПб., 1905, с. 776.

161. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 4, д. 160, л. 1—2.

162. Там же, л. 11—12.

163. Там же, оп. 19, д. 960, л. 1—3.

164. Там же, оп. 31, д. 92, л. 43.

165. Там же, л. 40—41; ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 221, л. 9—10.

166. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 1, д. 7318, л. 91.

167. Там же, д. 7526, л. 1, 11—15.

168. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 4, д. 74, л. 14.

169. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 1, д. 7850, л. 8—9.

170. ЦГА УзССР, ф. И — 19, оп. 1, д. 22407, л. 13.

171. Там же.

ГЛАВА III

1. *Radloff W.* Aus Sibirien, S. 527.

2. *Загряжский Г. С.* Кара-киргизы. — ТВ, 1874, № 44.

3. *Махова Е. И.* Поселение и жилище, с. 141—144.

4. См.: *Исаев К.* Социальные проблемы деревни..., с. 24.

5. *Абрамзон С. М. и др.* Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, с. 24.

6. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, с. 134—135.

7. Там же.

8. *Загряжский Г. С.* Кара-киргизы. — ТВ, 1874, № 41.

9. Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей великой Родины, с. 47—48.

10. Краткое сообщение о путешествиях к Иссык-Кулю и их результатах было опубликовано в виде писем П. П. Семенова в «Вестнике Русского географического общества», ч. 18, отд. V, 1856, с. 1—6, 27—30, а также отрывка из его путевых заметок в «Записках Русского географического общества по общей географии», оп. 1, 1864, с. 181—254.

11. См.: *Умурзаков С.* Первая русская экспедиция на оз. Иссык-Куль, с. 368—371.

12. См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. в пяти т., т. 1, с. 368—371, 301—380.

13. Об А. Ф. Голубеве см.: *Кублицкий Г.* «И другие...» — В кн.: По материкам и океанам, с. 89—99.

14. *Голубев А.* Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции, с. 183—198; *его же.* Отрывок из путешествия в Срединою Азию, с. 77—130.

15. О М. И. Венюкове см.: *Степанов А. А.* Михаил Иванович Венюков. — В кн.: *Венюков М.* Путешествие по Приамурью, с. 5—26.

16. Русские путешественники и исследователи о киргизах, с. 133—134.

17. См.: *Кадыров Ш. Б.* Вопросы истории Киргизии в трудах М. И. Венюкова; *Венюков М. И.* Замечания об озере Иссык-Куль и реке Кашкаре; *его же.* Очерки Заилийского края и Причуйской страны; *его же.* Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сыр-Дарья; и др.

18. *Северцов И. А.* Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня...

19. *Леонов И. И.* Алексей Павлович Федченко.

20. *Мушкетов И. В.* Туркестан, т. 1, с. 327.

21. О путешествиях и научных заслугах И. В. Мушкетова см.: *Мушкетов И. В.* — В кн.: *Мурзаев Э.* В далекой Азии, с. 123—139.

22. *Радлов В. В.* Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль, с. 99.

23. СК, 1946, 1 марта.

24. Здесь и далее характеристика развития народного творчества и народных игр базируется на материалах монографии Д. Айтмамбетова «Культура киргизского народа во второй половине XIX — начале XX в.», с. 65—120, 155—189.

25. *Валиханов Ч. Ч.* Очерки Джунгарии, с. 420.

26. *Радлов В.* Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область..., с. 99.

27. *Радлов В. В.* Наречия северных тюркских племен..., Предисловие, с. XXII.

28. *Жирмунский В. М.* Введение в изучение эпоса «Манас», с. 93.

29. *Мамытбеков З.* Новые материалы о «Манасе». — СК, 1964, 24 ноября.

30. См.: *Галицкий В. Я.* Рисунки и очерки художника Б. В. Смирнова..., с. 163—172.

31. *Валиханов Ч. Ч.* Очерки Джунгарии, с. 359.

32. *Радлов В. В.* Наречия северных тюркских племен..., Предисловие, с. XIII—XIV.

33. *Горький А. М.* О литературе, с. 456.

34. *Бонч-Бруевич В. Д.* Воспоминания о Ленине, с. 389.

35. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 45.

36. *Алтмышбаев А. А.* Из истории развития общественно-политической и философской мысли киргизского народа, с. 30—31.

37. *Чукубаев А.* Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900—1917 гг.), с. 75—76.

38. Подробнее см.: *Виноградов В. С.* Киргизская народная музыка.

39. *Затаевич А.* Киргизские инструментальные пьесы и напевы, с. 376.

40. *Затаевич А.* 250 киргизских инструментальных пьес и напевов, с. 182.

41. Венок Токтогулу..., с. 117—118.

42. Там же, с. 63.

43. *Семенов—Тян-Шанский П. П.* Путешествие в Тянь-Шань, с. 292.

44. Подробнее см.: Русские путешественники и исследователи о киргизах, с. 178—218.

45. *Загряжский Г. С.* Киргизские очерки...

46. Киргизско-казахская игра. В данном случае приведено ее казахское название. — Ред.

47. *Загряжский Г. С.* Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи.

48. Там же.

49. См.: *Айтмамбетов Д.* Культура киргизского народа..., с. 190—216.

50. *Колосов Г. А.* О народном врачевании у сартов и киргизов Туркестана, ч. 1, с. 82—83.

51. Подробнее см.: *Айтмамбетов Д.* Дореволюционные школы в Киргизии.

52. Медресе, кроме ошских, были ими только по названию, а по существу являлись лишь мектебами с 10—11 учениками в каждом. — Ред.

53. *Недзвецкий В. Е.* Обзор Семиреченской области..., с. 249; ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 119, л. 3; ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 6, д. 4722, л. 6.

54. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 116.

55. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.

ГЛАВА IV

1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 387.

2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 417.

3. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 219.

4. Постановление ЦК КПСС о 80-летии Второго съезда РСДРП, с. 379.

5. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 159.

6. ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, оп. 1906, д. 15, л. 10.

7. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 268, л. 4.

8. Там же, л. 3. См. также: *Галицкий В. Я.* История города Пишпека..., с. 101—102.

9. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 268, л. 2—4.

10. *Алтмышбаев А.* К истории борьбы КПСС за распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии, с. 5—6; ЦГА КазССР, ф. И — 77, оп. 2, д. 170, л. 283—286.

11. История коммунистических организаций Средней Азии, с. 74.

12. *Симонов И. А.* Большевистская печать в Туркестане..., с. 61.

13. *Алтмышбаев А.* Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии, с. 21—22.

14. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 428, л. 11—12.

15. *Пахмурный П.* Большевики Казахстана в революции 1905—1907 гг., с. 129.

16. Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане, с. 31—32.

17. *Зимогляд В. С.* Первая социал-демократическая группа в Оше, с. 30.

18. *Зорин А. И.* Как создавался комсомол Семиречья, с. 125.

19. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 428, л. 11; ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 2, д. 5954, л. 7—8; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 43—44; ЦГА КазССР, ф. И — 77, оп. 2, д. 163, л. 1.

20. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 2, д. 5954, л. 7—8; ЦГИА СССР, ф. 102, д. 108, ч. 8, л. 3. Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг., с. 293—294.

21. ЦГИА СССР, ф. 102, д. 108, ч. 8, л. 3; Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг., с. 293—294.

22. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 933, л. 61.

23. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 2, д. 5953, л. 6—7, 9.

24. ЦГА УзССР, ф. И — 128, оп. 2, д. 288, л. 8; там же, д. 80, л. 5; Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане, с. 190—191.

25. ЦГА УзССР, ф. И — 461, оп. 1, д. 1433, л. 13—15; ЦГА КазССР, ф. И — 77, оп. 2, д. 176, л. 7; ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 43.

26. *Чукубаев А.* Революционные события и общественное движение в Киргизии в начале XX в., с. 40—44.

27. Навеки вместе с русским народом! Сб. материалов..., с. 8.

28. *Семенков В. И.* Борец за народное дело...

29. ЦГА УзССР, ф. И — 19, оп. 1, д. 8302, л. 1.

30. Русский Туркестан, 1905, № 28, 6 дек.

31. *Пален К.* Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане, с. 23.

32. Русский Туркестан, 1905, № 232, № 257; Революция 1905—1907 гг. в Казахстане, с. 90.

33. ЦГА КазССР, ф. И — 73, д. 1-в, л. 1—2; ф. 77, оп. 2, д. 142, л. 63—64.

34. ЦГА КазССР, ф. И — 77, оп. 2, д. 163, л. 1—4; ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 275, л. 2.

35. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 192, л. 310, 311, 311 об.

36. *Галицкий В. Я., Джаманкараев А. Б., Сапелкин А. А., Усенбаев К. У.* Трудящиеся Киргизии в борьбе за социальное и национальное освобождение в конце XIX — начале XX в., с. 55—56.

37. *Семенков В. И.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 29—30.

38. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 313.

39. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 249.

40. Правда, 1985, 3 января.

41. ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 2, д. 1550, л. 21.

42. Русский Туркестан, 1905, 21 августа.

43. Цит. по кн.: *Пясковский А. В.* Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, с. 161.

44. История Коммунистической партии Советского Союза, 1973, с. 89.

45. Цит. по кн.: История Киргизской ССР, т. 1, с. 629.

46. Русский Туркестан, 1905, 4 и 5 дек.; *Пясковский А. В.* Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, с. 241—242.

47. *Чукубаев А.* Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии..., с. 34—35.

48. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 2, д. 4854, л. 8, 14—16; Революционное движение в Казахстане, с. 85.

49. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 316.

50. Русский Туркестан, 1906, 8 марта.

51. ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, д. 26, л. 37—38.

52. *Раджабов З.* Туркестан на страницах большевистских газет периода первой русской революции, с. 57—58.

53. *Чукубаев А.* Революционные события и общественное движение в Киргизии в начале XX в..., с. 45.

54. ЦГА КазССР, ф. И — 149, оп. 2, д. 16, л. 1; Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг., с. 77.

55. ЦГА УзССР, ф. И — 19, оп. 1, д. 8518, л. 1.

56. Там же, д. 8324, л. 157—168.

57. История Узбекской ССР, т. II, с. 233—234.

58. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 13, д. 585, л. 3.

59. Русский Туркестан, 1906, № 19; *Якубов Б.* Революционные события 1905—1907 гг. в Ферганской долине, с. 13.

60. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 13, д. 611, л. 3.

61. Там же, д. 587, л. 95; РФООН АН КиргССР, инв. № 1505, с. 161.

62. *Пясковский А. В.* Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, с. 58.

63. ЦГА УзССР, ф. И — 19, оп. 1, д. 27389, л. 18—19; ф. И — 1, оп. 12, д. 987, л. 3—4.

64. ФОВ, 1907, № 176.

65. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 13, д. 608, л. 1, 10—14; д. 618, л. 21; *Чукубаев А.* Революционные события и общественное движение в Киргизии в начале XX в., с. 55.

66. Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг., с. 113—114.

67. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 370.

68. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 172.

69. Русский Туркестан, 1906, № 13.

70. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 75.

71. *Ленин В. И.* Полн. собр соч., т. 17, с. 221.

ГЛАВА V

1. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 244.

2. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 325.

3. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 72.

4. История коммунистических организаций Средней Азии, с. 93.

5. *Семенков В. И.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 29.

6. История Киргизской ССР, т. 1, с. 643.

7. *Чебыкин И. Т.* Утро Советов, с. 51.

8. История коммунистических организаций Средней Азии, с. 20.

9. История Киргизской ССР, т. 1, с. 644.

10. ЦГА КазССР, ф. И — 77, оп. 1, д. 38, л. 101.

11. Там же, ф. И — 76, оп. 1, д. 366, л. 16.

12. *Семенков В. И.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 32.

13. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 10.

14. *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. 1, с. 183—185.

15. История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти т., т. 2, с. 241.

16. *Трапезников С. П.* Указ. соч., с. 191—192.

17. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 329.

18. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии, с. 142 и др.

19. Цит. по: *Лачко А. Ф.* Аграрная политика царизма в Киргизии в годы столыпинской реакции, с. 11.

20. ЦГВИА СССР, ф. 400. Азиатская часть, оп. 1914, д. 118, л. 4—5.

21. ЦГИА СССР, ф. 391, оп. 6, д. 863, л. 1.

22. Там же, ф. 1276, оп. 8, д. 320, л. 4—35.

23. Там же, ф. 391, оп. 5, д. 998, л. 12—19; Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Наманганский уезд, с. IV, 106.

24. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 320, л. 4—359; ф. 391, оп. 5, д. 998, л. 51—74.

25. Там же.

26. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии..., с. 137.

27. Там же, с. 144.

28. Там же, с. 155.

29. Там же, с. 150.

30. *Зима А. Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции, с. 63.

31. *Воротников В.* Хуторские участки в Семиреченской области, с. 222.

32. *Васильев В. А.* Семиреченская область..., с. 81, 243.

33. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии..., с. 151.

34. *Васильев В. А.* Семиреченская область..., с. 81.

35. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии..., с. 151—152.

36. ЦГА КиргССР, ф. И — 12, оп. 1, д. 27, л. 134.

37. Там же, л. 23.

38. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии..., с. 151.

39. В целях поощрения сельской буржуазии в 1912 г. был издан закон «О сдаче в аренду участков казенной земли в Сибири, степных областях и Туркестанском крае для коневодства и скотоводческого хозяйства».

40. *Ильясов С. И.* Земельные отношения в Киргизии..., с. 152.

41. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, изд. 2-е, с. 24.

42. Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX — начале XX в., с. 236.

43. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, изд. 2-е, с. 24.

44. *Сидоров А.* Проникновение иностранного капитала в экономику дореволюционной Киргизии, с. 54—57.

45. *Чормонов Б. Ш., Сидоров А. Ф.* Промышленный прогресс в Киргизской ССР, с. 26 (таблица).

46. ЦГА КазССР, ф. И — 239, оп. 1, д. 6, л. 6; там же, ф. II — 300, оп. 1, д. 63, л. 12.

47. *Чормонов Б. Ш., Сидоров А. Ф.* Указ. соч., с. 26 (таблица).

48. *Заорская В. В., Александер К. А.* Промышленные заведения Туркестанского края, с. 36 (таблица 13).

49. *Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С.* Народное хозяйство Киргизии..., с. 25—26.

50. *Чормонов Б. Ш., Сидоров А. Ф.* Указ. соч., с. 26.

51. Там же, с. 37.

52. *Дмитриев-Мамонов А. И.* Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской, с. 18.

53. *Юшкова Л. Н.* Совершенствование отраслевой структуры промышленности Киргизии, с. 29—30.

54. ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 1, д. 1167, л. 254; ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 12, д. 753, л. 24—32.

55. ОСО за 1911 год, ведом. 6; ОСДО за 1913 год, прилож. IX; ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 1, д. 1167, л. 254; ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 12, д. 753, л. 24—32.

56. *Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С.* Народное хозяйство Киргизии..., с. 17.

57. ОСДО за 1895 год, с. 8—9; то же за 1913 год, прилож. IX; ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 1, д. 1167, л. 254; *Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С.* Народное хозяйство Киргизии..., с. 17.

58. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства, т. VII, вып. 1, с. 344—362; т. VI, ч. II, с. 550—852.

59. Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября, с. 29.

60. Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Андижанский уезд, вып. 1, с. 61, 65, 91; ЦГИА СССР, ф. 432, оп. 1, д. 261, л. 29.

61. Краткий обзор Советского строительства и народного хозяйства Киргизии, с. 5, 6, 10, прилож.

62. ОСО за 1908 г., ведом. 6; *Аттокуров С.* Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Киргизии, с. 180; *Усенбаев К. У.* Общественно-экономические отношения киргизов..., с. 59.

63. ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 25, д. 1167, л. 217, 448; Статистический обзор Ферганской области за 1914 год, с. 47; *Аттокуров С.* Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Киргизии, с. 180.

64. *Пален К.* Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. II, отд. 1. с. 82.

65. Статистический обзор Ферганской области за 1906 год, с. 30; то же, за 1914 год, с. 45.

66. *Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С.* Народное хозяйство Киргизии..., с. 17, 18, 20.

67. *Пален К.* Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. 1, отд. II, с. 377; Статистический обзор Ферганской области за 1907 год, с. 111; то же, за 1908 год, приложение 5; то же, за 1914 год, с. 64; *Дмитриев-Мамонов А. И.* Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской, с. 139, 140.

68. Статистический обзор Ферганской области за 1908 год, с. 82; то же, за 1911 год, с. 52; то же, за 1913 год, с. 39; то же за 1914 год, с. 65; *Демидов А. П.* Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане, с. 37.

69. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства..., т. VII, вып. 2, текст, с. 378.

70. ЦГА УзССР, ф. И — 215, оп. 1, д. 54, л. 14—15, 24—25; там же, ф. И — 98, оп. 1, д. 1, л. 10, 175, 208; там же, ф. И — 215, оп. 1, д. 54, л. 14—15.

71. Статистический обзор Ферганской области за 1904 год, с. 50; то же, за 1914 год, с. 71; ОСО за 1912 год, с. 65.

72. ОСО за 1912 год, с. 65.

73. ЦГА КазССР, ф. И — 77, оп. 1, д. 2360, л. 5; ЦГА УзССР, ф. И — 98, оп. 1, д. 1, л. 147; Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1914—1915, с. 408.

74. ЦГА УзССР, ф. И — 461, оп. 1, д. 989, л. 122 об., 186 об.

75. История Киргизской ССР, т. 1, с. 648.

76. ЦГА УзССР, ф. И — 461, оп. 1, д. 1141, л. 42 об.

77. Там же, л. 4 об.

78. ЦГА КазССР, ф. И — 73, оп. 1, д. 9 а, л. 54.

79. История Киргизской ССР, т. 1, с. 649—650.

80. Там же, с. 651.

81. ЦГА УзССР, ф. И — 467, оп. 1, д. 17, л. 44, 100; *Галицкий В. Я.* История города Пишпека, с. 158.

82. ЦГА УзССР, ф. И — 467, оп. 1, д. 17, л. 47.

83. Там же, л. 20.

84. *Семенков В. Н.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 34.

85. ЦГА УзССР, ф. И — 461, оп. 1, д. 1141, л. 56 об., 57 об., 103 об.

86. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 74.

87. *Кирасиров С. А.* Сулюктинцы в борьбе за власть Советов, с. 38—39, 285.

88. *Старостин В. Т.* С кайлом и винтовкой, с. 24—25.

89. ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 269/912, д. 32, л. 5—12; Туркестанский курьер, 1910, 5 сент.

90. *Бабаханов М.* Социально-экономическое положение Северного Таджикистана..., с. 130.

91. Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане. Летопись событий, часть первая..., с. 176.

92. Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября, с. 38.

93. ЦГА УзССР, ф. И — 41, оп. 1, д. 107, л. 74.

94. *Власова Э. И.* Две забастовки шахтеров Кызыл-Кия..., с. 28—29.

95. Там же.

96. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 341.

97. Цит. по: *Иноятов Х.* Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане, с. 148.

98. Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане..., с. 180.

99. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, с. 28.

100. *Семенков В. Н.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 35.

101. История Киргизской ССР, т. 1, с. 646.

102. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 150.

103. *Якубов Б.* Из истории партийной организации Ферганы, с. 20.

104. *Чукубаев А.* Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии, с. 44—45.

105. История Киргизской ССР, т. 1, с. 647.

106. ЦГА КазССР, ф. И — 19, оп. 1, д. 1410, л. 7—10 и др.

107. *Зима А. Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции, с. 81.

108. У истоков Коммунистической партии Казахстана. Летопись важнейших событий, часть первая..., с. 280—281.

109. Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане, с. 175.

110. ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 1911, д. 9, 84 б, л. 28.

111. *Сапелкин А.* Аграрное движение среди русских переселенцев накануне Октября, с. 23.

112. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 180, л. 35.

113. ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, оп. 1907, д. 106, л. 192.

114. РФООН КиргССР, инв. № 1519, л. 80—81.

115. ЦГА ТаджССР, ф. И — 22, оп. 1, д. 46, л. 15.

116. ЦГА УзССР, ф. И — 19, оп. 1, д. 17700, л. 8.

117. ЦГА ТаджССР, ф. И — 4, оп. 2, д. 7, л. 39, 84.

118. *Бабаханов М.* Предпосылки революционного союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом, с. 289.

119. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 800, л. 5.

120. ЦГА УзССР, ф. И — 17, оп. 1, д. 9370, л. 491.

121. Там же, л. 492.

122. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 3.

123. *Семенков В. Н.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 35.

124. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, с. 28.

125. ЦГА КазССР, ф. И — 76, оп. 1, д. 391, л. 4—5.

126. *Семенков В. Н.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 36.

127. *Сапелкин А. А.* Аграрные отношения в Киргизии..., с. 236.

ГЛАВА VI

1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 331.

2. Там же, с. 1.

3. Там же, с. 331.

4. История Киргизской ССР, т. 1, с. 660.

5. См.: *Минц И. И.* История Великого Октября, т. 1, с. 112—113 и др.

6. Подробнее см.: *Табалдиев Р. Дж.* Восстановление сельскохозяйственного производства Киргизии, с. 33—34 и др.

7. *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 143; *Усенбаев К.* Восстание 1916 г. в Киргизии, с. 142; и др.

8. *Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С.* Народное хозяйство Киргизии..., с. 19, 48.

9. *Табалдиев Р. Дж.* Восстановление сельскохозяйственного производства Киргизии, с. 33.

10. *Татыбекова Ж. С.* История каменноугольного рудника «Кызыл-Кия», с. 19—20.

11. *Мамбеталиева К.* Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии, с. 8.

12. *Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С.* Народное хозяйство Киргизии..., с. 23.

13. Статистический обзор Ферганской области за 1914 год, с. 57—58.

14. *Есипов И. С.* Промышленное строительство в ранее отсталых странах, с. 38.

15. *Сыдыков М.* Богатства недр Киргизии и их использование, с. 8.

16. *Есипов И. С.* Промышленное строительство в ранее отсталых странах, с. 38.

17. См.: Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября, с. 63; *Джунушев К.* Развитие товарно-денежных отношений в дореволюционной Киргизии с. 33.

18. *Ковалев П. А.* Революционная ситуация 1915—1917 гг. и ее проявление в Туркестане, с. 45—46; Восстание 1916 г. в Казахстане. (Док. и материалы), с. X.

19. *Усенбаев К.* Восстание 1916 г. в Киргизии, с. 142.

20. *Сапелкин А. А.* Аграрные отношения в Киргизии..., с. 245—246.

21. *Галицкий В. Я., Джаманкараев А. Б., Сапелкин А. А., Усенбаев К. У.* Трудящиеся Киргизии в борьбе за социальное и национальное освобождение..., с. 151.

22. *Ковалев П. А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, с. 33.

23. Победа Октябрьской революции в Киргизии. Сб. док., с. 33; *Ковалев П. А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны, с. 94.

24. Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане. Летопись событий, часть первая, с. 211.

25. Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и материалы, с. 110.

26. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 12, д. 1925, л. 25—27.

27. Там же, оп. 31, д. 1182, л. 8.

28. Восстание 1916 года в Киргизстане. Док. и материалы, с. 5.

29. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док., с. 230—231.

30. Там же, с. 361.

31. Там же, с. 693.

32. *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, с. 164—166.

33. *Шерстобитов В. П.* Ленин и крестьянство Советского Востока, с. 246, 247.

34. Там же, с. 247—248.

35. См.: Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.: Сб. материалов и док., с. 510—512.

36. В августе 1915 г. за убийство известного среди солдат своей жестокостью полковника Васильева военный суд приговорил к расстрелу жителя г. Пишпека Абдул-Вали Хасеп Айтакеева (Советская Киргизия, 1959, 25 сентября).

37. *Тутлис В. П.* Первые антивоенные выступления трудящихся Киргизии в 1914 г., с. 51—52.

38. Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане, с. 205—206.

39. Там же, с. 208.

40. Там же, с. 207—208.

41. ЦГА УзССР, ф. И — 8, оп. 3, д. 99, л. 5; там же ф. И — 1, оп. 2, д. 10534, л. 163.

42. Цит. по: *Мусин Х. М.* Из истории возникновения пролетариата в горнодобывающей промышленности дореволюционной Киргизии, с. 52.

43. ЦГА УзССР, ф. И — 17, оп. 1, д. 2145, л. 1—2, 9, 17; Советская Киргизия, 1959, 25 сентября.

44. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 910, л. 12.

45. История Киргизской ССР, т. 1, с. 664.

46. *Зима А. Г.* Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции, с. 94.

47. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 910, л. 37.

48. Опросные материалы по восстанию киргизов 1916 года. — РФООН АН КиргССР, инв. № 1519, л. 5.

49. История Киргизской ССР, т. 1, с. 667.

50. Материалы о восстании 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области, собранные С. Аттокуровым. РФООН АН КиргССР, инв. № 1519, с. 85—87; *Усенбаев К.* Приобщение трудящихся Киргизии к революционной борьбе в России, с. 54.

51. Воспоминания о восстании 1916 г. в Киргизии С. Каралаева, РФООН АН КиргССР, инв. № 1487, л. 3.

52. ЦГА КазССР, ф. И — 76, оп. 1, д. 521, л. 9, 14; д. 1897, л. 9, 18, 19, 25—27; Восстание 1916 г. в Казахстане: Док. и материалы, с. 162 и др.

53. *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане, с. 164.

54. Материалы о восстании 1916 г. на территории Тянь-Шаньской области, собранные С. Аттокуровым, РФООН АН КиргССР, инв. № 1519, л. 88—90; *Усенбаев К. У.* Революционное движение в Киргизии накануне Октябрьской революции, с. 58.

55. РФООН АН КиргССР, инв. № 1, л. 665.

56. История Киргизской ССР, т. 1, с. 665.

57. *Семенков В. И.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 46—48.

58. Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане, с. 238.

59. Восстание в Средней Азии и Казахстане: Сб. док., с. 25.

60. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 25, д. 171, л. 2.

61. Там же, оп. 31, д. 1132, л. 14.

62. Там же, л. 151.

63. Там же, л. 173.

64. Там же, л. 151—152.

65. РФООН АН КиргССР, инв. № 1519(6), л. 82—84.

66. Там же, л. 23—28, 33.

67. Там же, л. 57—62.

68. ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 263/916, д. 4, л. 124.

69. Восстание 1916 г. в Средней Азии: Сб. док., с. 59—60.

70. ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 263/916, д. 4, л. 124.

71. ЦГА УзССР, ф. И — 276, оп. 1, д. 151, л. 64.

72. *Меджитов Дж.* Восстание киргизов в 1916 г. — РФООН АН КиргССР, инв. № 137, л. 120—121.

73. Там же.

74. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док., с. 387.

75. Там же.

76. Воспоминания активного участника восстания, члена КПСС с 1920 г. Кудайбергена Кошоева. — РФООН АН КиргССР, инв. № 1519(2), л. 75—77.

77. ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, оп. IV, д. 40, л. 321; ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1136, л. 208.

78. Восстание 1916 г. в Киргизстане: док. и материалы, с. 9; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. с. 17, 418—419.

79. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док., с. 366.

80. ЦГА КиргССР, ф. И — 75, д. 19, л. 4, 16; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док., с. 383.

81. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 1, д. 1128, л. 211—213, 215—216; там же, оп. 31, д. 1186, л. 24.

82. *Матвеев А.* Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г., с. 136.

83. Воспоминания Тынымкула Маасымыкова. — РФООН АН КиргССР, инв. № 1519/10, л. 1—3.

84. Воспоминания Канайтты Улакова. — Там же, л. 65—67.

85. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане: Сб. док., с. 388. Об этом же говорится и в воспоминании одного из руководителей данного выступления Шералы Ешимбекова. См.: РФООН АН КиргССР, инв. № 1519/11, л. 83—96.

86. *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии, с. 196—199.

87. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1182, л. 13—14; ЦГА КазССР, ф.

И — 76, оп. 1, д. 21406, л. 20; ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, оп. IV, д. 40, л. 253.

88. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1136, л. 70.

89. Краткая история СССР, ч. 1, с. 371.

90. ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 934, л. 20—21.

91. Воспоминания очевидца восстания П. И. Ливотова — заслуженного ветеринарного врача КиргССР. — РФООН АН КиргССС, инв. № 61, л. 1—2.

92. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1182, л. 14—15; там же, д. 1138-а, л. 52; ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, оп. IV, д. 40, л. 308—309.

93. Краткая история СССР, ч. 1, с. 371.

94. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1182, л. 15; там же, д. 1138-а, л. 55; там же, д. 1136, л. 209.

95. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 4, д. 1846, л. 59; там же, оп. 31, д. 1136, л. 98, 135—138; там же, д. 1138-а, л. 179—181; ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 2, д. 16219, л. 25; там же, д. 1438, л. 24—25; ЦГВИА СССР, ф. 400, Азиатская часть, оп. IV, д. 40, л. 406.

96. История Коммунистической Партии Советского Союза, в 6-ти т., т. 2, с. 585; Очерки истории Компартии Киргизии, 1966, с. 20; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VI, с. 618; История Киргизской ССР, т. 1, с. 683; История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней, с. 189; История Казахской ССР, в 5-ти т., т. 3, с. 466—467; Краткая история СССР, ч. 1, с. 371; и др.

97. *Иноятов Х. Ш.* Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана; *Кишибеков Д.* Клеветники и фальсификаторы истории народов Советского Казахстана; *Новоселов К.* Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии; *Рзаев Д. А.* О фальсификаторах истории Советской Средней Азии; *Турсунбаев А. Б.* Против буржуазной фальсификации истории Казахстана.

98. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1133, л. 7—8.

99. ЦГА КиргССР, ф. И — 1, д. 84, л. 32.

100. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1196, л. 1, 3, 6; Мужественные борцы за дело коммунизма, с. 237 и др.

101. Очерки истории Компартии Киргизии, изд. 2-е, с. 35; История Киргизской ССР, т. 1, с. 14.

102. Восстание 1916 года в Киргизстане: Док. и материалы, с. 9; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док., с. 17, 418—419; *Зима А. Г.* К 30-летию национально-освободительного восстания 1916 г. в Киргизии, с. 105; *Джамгерчинов Б. Д.* О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России..., с. 140.

ГЛАВА VII

1. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 12.

2. Возникновение капиталистических отношений в Киргизии..., с. 248.

3. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 23.

4. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1100, л. 93.

5. «Реквизированные рабочие» в революционной борьбе в 1916—1917 гг., с. 176.

6. Там же, с. 178.

7. *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 66.

8. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1172, л. 211, 323.

9. Там же, д. 1177, л. 110—110 об.

10. Борьба классов, кн. 7—8, с. 138.

11. *Ковалев П.* Рабочие-тыловики в революционных событиях 1916—1917 гг., с. 128—129.

12. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1177, л. 56.

13. Там же, л. 382.

14. Там же, д. 1172, л. 85—87, 158; там же, д. 1213, л. 22.

15. Там же, д. 1174, л. 263—266.

16. *Семенков В. И.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 47.

17. Там же.

18. История Киргизской ССР, т. 1, с. 689.

19. ЦГА КиргССР, ф. И — 7, оп. 1, д. 104, л. 1.

20. ЦГА КазССР, ф. Р — 9, оп. 1, д. 68, л. 6.

21. История Киргизской ССР, т. 1, с. 692.

22. ЦГА КазССР, ф. И — 44, оп. 1, д. 5120-б, л. 146.

23. СОВ, 1917, 15, 19 марта.

24. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 113—116, 145—148.

25. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, с. 35.

26. *Семенков В. И.* Первый большевистский Совет Сулюкты.

27. *Зима А. Г.* Советы в Киргизии в 1917 году, с. 26.

28. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, с. 47.

29. Вестник Временного правительства, 1917, 18 марта.

30. Туркестанское слово, 1917, 15 марта.

31. Госархив Алма-Атинской области, ф. Р — 9, оп. 1, д. 131, л. 68—75, 89—90.

32. СОВ, 1917, 14, 15 марта.

33. Туркестанский курьер, 1917, 28 марта.

34. Там же.

35. История Киргизии, т. 1, с. 573.

36. *Семенков В. И.* Борьба большевиков Кызыл-Кия за власть Советов, с. 18.

37. *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 83, 97.

38. *Галицкий В. Я.* История города Пишпека, с. 164.

39. Победа Октябрьской революции в Киргизии: Сб. док., с. 31, 36.

40. *Семенков В. И.* Борьба большевиков за власть Советов в Киргизии, с. 54—55.

41. СОВ, 1917, 22 марта, 4 мая.

42. История Киргизской ССР, т. 1, с. 695.

43. ЦГА УзССР, ф. 1613, оп. 1, д. 2, л. 136.

44. СОВ, 1917, 14 марта.

45. Победа Октябрьской революции в Киргизии: Сб. док., с. 30; ЦГА КиргССР, ф. И — 7, оп. 1, д. 104, л. 4, 7—8; Туркестанский курьер, 1917, 28 марта.

46. ЦГА КазССР, ф. И — 76, оп. 1, д. 825, л. 11—12; СОВ, 1917, 18 апр.

47. Комитеты общественной безопасности, образовавшиеся в ходе Февральской революции, не следует смешивать с карательными органами, которые создавались под тем же названием в Туркестане и Киргизии после июльских 1917 г. событий в Петрограде, а также с «Комитетами общественной безопасности» и «Комитетами спасения Родины и революции», которые формировались правыми эсерами, меньшевиками, кадетами, буржуазными националистами в октябре — ноябре 1917 г. во многих городах России для борьбы с социалистической революцией. — Ред.

48. *Семенков В. И.* Борьба большевиков Киргизии за власть Советов, с. 57.

49. СОВ, 1917, 15 марта.

50. Правда, 1917, 23 марта.

51. ЦГА КиргССР, ф. И — 13, оп. 2, д. 1, л. 24.

52. Победа Октябрьской революции в Киргизии: Сб. док., с. 38.

53. ЦГА КазССР, ф. И — 76, оп. 1, д. 825, л. 12.

54. Там же, л. 11.

55. ЦГА УзССР, ф. И — 725, оп. 1, д. 220, л. 6.

56. ЦГА КазССР, ф. И — 76, оп. 1, д. 641, л. 18.

57. ЦГА УзССР, ф. И — 725, оп. 1, д. 220, л. 6.

58. ЦГА КазССР, ф. Р — 9, оп. 1, д. 68, л. 41.

59. Там же, ф. И — 76, оп. 1, д. 641, л. 16.

60. Там же, ф. Р — 6, оп. 1, д. 68, л. 44.

61. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 68.

62. Туркестанский курьер, 1917, 15 апр.

63. *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 64.

64. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1172, л. 332, 337—338.

65. Борьба классов, кн. 7—8, с. 138.

66. ЦГА УзССР, ф. И — 1, оп. 31, д. 1172, л. 110, 154—156, 178, 213, 224, 251, 331.

67. Победа Октябрьской революции в Киргизии: Сб. док., с. 33, 57.

68. ЦГА КазССР, ф. И — 76, оп. 1, д. 696, л. 54.

69. ЦГА УзССР, ф. И — 1613, оп. 1, д. 2, л. 181.

70. *Семенков В. И.* Борьба большевиков Кызыл-Кия за власть Советов, с. 18—19.

71. *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 97.

72. Госархив Ферганской области, ф. 8, оп. 1, д. 2, л. 60, 70.

73. ЦГА КазССР, ф. Р — 6—9, оп. 1, д. 31.

74. Там же, д. 3, л. 2.

75. Там же, д. 28, л. 163.

76. Хроника событий Октябрьской революции в Узбекистане (февраль — ноябрь) 1917 г., с. 16—17.

77. Правда, 1917, 7 марта.

78. История коммунистических организаций Средней Азии, с. 121.

79. Там же, с. 121—122.

80. *Семенков В. И.* Первый большевистский Совет Сулюкты.

81. История таджикского народа, т. III, с. 9.

82. *Зима А. Г.* Победа Октябрьской революции в Киргизии, с. 79.

83. Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Изд. 2-е, с. 36.

84. Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии, с. 148—149; *Семенков В. И.* За власть Советов..., с. 182; Борьба большевиков Кызыл-Кия за власть Советов, с. 19.

85. *Семенков В. И.* Борьба большевиков Кызыл-Кия за власть Советов, с. 20.

86. ЦГА КиргССР, ф. 13, оп. 3, д. 3, л. 24.

87. Там же, оп. 1, д. 1, л. 191.

88. Там же, оп. 3, д. 27, л. 78—81.

89. СОВ, 1917, 29 марта; Партархив Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 4, д. 147, л. 17.

90. СОВ, 1917, 29 марта.

91. ЦГА КазССР, ф. 48, оп. 2, д. 345, л. 21.

92. Партархив Казфилиала ИМЛ, ф. 811, оп. 4, д. 147, л. 20; ЦГА Каз ССР, ф. 48, оп. 2, д. 345, л. 5.

93. СОВ, 1917, 26 мая.

94. Наша газета, 1917, 2 мая; ТВ, 1917, 30 апреля.

95. Госархив Алма-Атинской области, ф. 595, оп. 1, д. 6, л. 167.

96. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 190.

97. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 83—84.

98. Программа КПСС. Новая редакция. — Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 124.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1855 г., 17 янв.	Добровольное принятие присяги на подданство России киргизами Иссык-Кульской долины.
1856 г., май-июнь	Пребывание на Иссык-Куле Ч. Ч. Валиханова (1835—1865) и запись им отрывков эпоса «Манас».
1856—1857 гг.	Экспедиции П. П. Семенова — Тян-Шанского (1827—1914) и П. М. Кошарова к оз. Иссык-Куль и на Северный Тянь-Шань.
1857—1858 гг.	Восстание киргизов и казахов против гнета кокандских феодалов в Таласе и Чуйской долине.
1860 г.	Родился Байымбет Абдрахманов (Тоголок Молдо) — талантливый акын-демократ (ум. в 1942 г.).
1860 г.	Родился Муратаалы Куренкеев — народный музыкант (ум. в 1949 г.).
1862 г., лето и осень.	Восстание киргизов Чуйской долины против Кокандского господства и обращение их за помощью к российским властям в г. Верный.
1862, 1869 гг.	Поездки В. В. Радлова (1837—1917) в Присыккулье и Чуйскую долину, запись им отрывков эпоса «Манас».
1863 г., 13 окт.	Присяга на подданство России киргизов долины Ак-Сая и Чатыр-Куля. Завершение фактического вхождения северной части Киргизии в состав России.
1864 г., июль	Обращение к русским властям киргизов Чаткала с просьбой о принятии их в подданство России.
1864 г.	Принятие подданства России киргизами Сусамырской и Кетмень-Тюбинской долин.
1864—1879 гг.	Научные исследования в Киргизии Н. А. Северцова (1827—1885).
1864 г.	Родился Токтогул Сатылганов — выдающийся киргизский акын-демократ, композитор (ум. в 1933 г.).
1865 г., февр.	Образование Туркестанской области.

1867 г., 11 июля	Введение временного «Положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями». Учреждение Туркестанского генерал-губернаторства.
1867 г.	Восстание киргизов Алая против гнета Кокандского ханства. Взятие повстанцами укрепления Кызыл-Курган.
1867 г.	Родился Сагымбай Оразбаков — талантливый манасчи (ум. в 1930 г.).
1868—1871 гг.	Экспедиции по Туркестану и на юг Киргизии А. П. Федченко (1844—1873).
1869 г., 2 июля	Основание города Каракола (ныне г. Пржевальск).
1869—1870 гг.	Пребывание в Киргизии В. В. Верещагина (1842—1905) — выдающегося русского художника.
1870 г., 22 апр.	Родился Владимир Ильич Ленин.
1873 г., янв.	Обращение части южных киргизов с просьбой о принятии их в подданство России.
1873—1874 гг.	Восстание трудящихся киргизов и узбеков против господства Кокандского ханства.
1873 г., июнь	Обращение киргизов Ляйляка с просьбой о принятии их в подданство России.
1874 г., 1 окт.	Основание Каракольской киргизской школы совместного обучения (пансион).
1874—1887 гг.	Геологическое изучение Средней Азии и Казахстана И. В. Мушкетовым (1850—1902).
1874 г.	Обращение киргизов Узгена к представителям русской администрации с просьбой о принятии их в подданство России.
1876 г., 19 февр.	Упразднение Кокандского ханства. Завершение вхождения Киргизии в состав России.
1876 г.	Первое посещение Киргизии Н. М. Пржевальским (1839—1888) во время научной экспедиции в Центральную Азию.
1877—1883 гг.	Переселение дунган и уйгуров в Семиречье.
1878 г.	Селение Пишпек становится городом — центром Токмакского (впоследствии Пишпекского) уезда.
1882 г.	Родился Табалды Жукеев (А. А. Пудовкин) — один из первых киргизских революционеров-большевиков (ум. в 1930 г.).
1883 г.	Родился Токтомамбет (Карамолдо) Орозов — выдающийся комузист, народный композитор Киргизии (ум. в 1960 г.).
1884 г.	Родился Барпы Алыкулов — талантливый народный акын (ум. в 1949 г.).
1885 г., 19 янв. (2 февр.)	Родился в Пишпеке Михаил Васильевич Фрунзе — выдающийся советский партийный, государственный, военный деятель.
1885 г.	Опубликование записанных В. В. Радловым отрывков из эпоса «Манас» на киргизском языке в русской транскрипции и в переводе на немецкий язык.
1886 г., 12 июня	Введение «Положения об управлении Туркестанским краем».
1887 г., 15 янв.	Открытие в г. Ош русско-туземной школы.
1888 г., 1 окт.	Открытие Каракольской (Пржевальской) сельскохозяйственной школы.
1889 г.	Родился Абдыкадыр Уразбекович Уразбеков —

активный участник борьбы за победу Советской власти в Киргизии и Узбекистане, советский партийный деятель, первый председатель ЦИК Киргизской АССР (ум. в 1938 г.).

1889 г. — Открытие в Пишпеке А. М. Фетисовым (1842—1894) киргизской школы садоводства, преобразованной в 1894 г. в низшую сельскохозяйственную школу.

1891 г., 25 марта — Введение «Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями».

1893—1894 гг. — Научная экспедиция в Среднюю Азию и Киргизию В. В. Бартольда (1869—1930).

1894 г. — Родился Саякбай Каралаев — талантливый сказитель эпоса «Манас» (ум. в 1970 г.).

1894 г., 26 июня — Открытие памятника Н. М. Пржевальскому на Иссык-Куле.

1895 г. — Организация В. И. Лениным Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

1896 г. — Опубликование в Казани отрывка из эпоса «Манас» под названием «Кыса-и-Сайкал».

1897 г. — Первая всеобщая перепись населения Российской империи.

1897 г. — Открытие русско-туземной школы в г. Токмаке.

1898 г., март — I съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в г. Минске.

1898 г. — Открытие каменноугольных копей в Кызыл-Кие и Уч-Кургане.

1900 г., дек. — Выход первого номера первой общерусской марксистской нелегальной газеты «Искра».

1902 г. 14 мая — Открытие народной библиотеки-читальни в г. Пржевальске.

1903 г. — Поездка по Киргизии художника Б. В. Смирнова.

1903 г., июль-август — II съезд РСДРП (Брюссель — Лондон). Образование марксистской рабочей партии в России.

1903 г., нояб. — Распространение нелегальных антиправительственных изданий в Пишпеке В. И. Лойцпером.

1904 г. — Опубликование на русском языке отрывка из эпоса «Манас» в записях и прозаическом переводе Ч. Ч. Валиханова.

1905 г. — Начало разработок каменноугольных копей в Сулюкте.

1905 г., 9 янв. — Начало первой буржуазно-демократической революции в России.

1905 г., весна — Забастовка рабочих Кызыл-Кии и Сулюкты на юге Киргизии

1905 г., лето — 1914 г. — Образование и деятельность социал-демократических кружков и групп в г. Пишпеке.

1905 г., 6 авг. — Митинг-сходка безземельных переселенцев и трудящихся горожан в Пишпеке.

1905 г., окт. — Всероссийская октябрьская политическая стачка.

1905 г., 22 окт. — 3 нояб. — Митинги рабочих, ремесленников и крестьян в г. Пишпеке.

1905 г., 16—26 ноября. — Забастовка почтово-телеграфных служащих г. Пишпека.

1906 г. февр. — Первая Туркестанская конференция РСДРП (в г. Ташкенте). Создание комитета «Союза туркестанских организаций РСДРП».

1906 г., 28 сентября — Опубликование «особого приказа» по Туркестанскому краю об усилении репрессий за революционную деятельность.

1906 г., 9 ноября — Указ царского правительства о выходе крестьян из общины и закреплении земли в личную собственность.

1910 г., авг. — Забастовка шахтеров Сулюкты.

1911 г. — Публикация Г. Алмаши отрывка из эпоса «Манас» на венгерском языке.

1912 г., 4 февр., 9 апр., окт. — Забастовки шахтеров Кызыл-Кии.

1912 г., 22 апреля (5 мая) — Выход первого номера большевистской газеты «Правда».

1912 г., 26 дек. — Открытие Пишпекской мужской гимназии — первого среднего учебного заведения в Киргизии.

1913 г., март — Выход в свет журнала «Пржевальский сельский хозяин» — первого печатного органа в Киргизии.

1914 г. — Опубликование отрывка из эпоса «Семетей» в книге Б. В. Смирнова «В степях Туркестана».

1914 г., 19 июля (1 авг.) — Вступление России в первую мировую войну.

1914 г., 21—22 июля — Антивоенное выступление в Пишпеке запасных солдат.

1914 г., 19 авг. — Совместная забастовка шахтеров различных национальностей на Сулюктинских копях против жестокой эксплуатации и произвола администрации.

1915 г., 1 янв. — Введение «военного налога» среди местного населения взамен освобождения от воинской повинности.

1915 г., май — Ввод в эксплуатацию железнодорожной ветки Гурунч-Мазар — Джалал-Абад.

1915 г., июнь — Забастовка рабочих изыскательской партии ЧУПРа.

1915 г., авг. — Антивоенные волнения крестьян с. Барскаун Пржевальского уезда.

1916 г., 28 марта — Волнения среди солдаток с. Преображенское (Тюп) Пржевальского уезда.

1916 г., 25 июня — Указ царского правительства о мобилизации на тыловые работы коренного мужского населения Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Восточной Сибири.

1916 г., июль-окт. — Народно-освободительное восстание в Киргизии.

1916 г. — Издание «Телеграфного вестника» в г. Пишпеке.

1917 г., янв. — Активное участие «тыловых» рабочих из Киргизии в забастовках и демонстрациях трудящихся Москвы и Киева.

1917 г., 27 февраля — Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Свержение царизма. Создание Петроградского Совета рабочих депутатов.

1917 г., 2 марта — Образование буржуазного Временного правительства.

1917 г., 3—4 марта — Получение трудящимися Киргизии известия о свержении царского самодержавия.

1917 г., 3 марта	Митинг рабочих Сулюкты.
1917 г., март	Возникновение первых Советов рабочих и солдатских депутатов в Кызыл-Кие (6 марта), Пишпеке (6—7 марта), Оше (14 марта), Сулюкте (16 марта) и других местностях Киргизии.
1917 г., 11 марта	Освобождение политзаключенных из тюрем в гг. Пишпеке и Пржевальске.
1917 г., 17 марта	Постановление I Ферганского областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о смещении военного губернатора.
1917 г., 25 марта	Митинг в г. Пишпеке и массовая политическая демонстрация в г. Оше.

УКАЗАТЕЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ ИМЕН

Абдрахманов Байымбет (Тоголок Молдо), 7, 17, 24, 46, 98, 224—226
Абукин Канат 342—343
Айдараалы 226
Айтбаев Токтокожо 252
Айтбаева Г. М. 9
Айтмамбетов Д. О. 8, 31
Акиев Калык 46, 98, 224—225, 228, 231
Акименко Ф. 333
Акматов А. А. 9
Аксентович А. 269
Актан 226
Алагушев Б. 8
Александер К. А. 16
Аликеев Самсаалы 232
Алмаши Г. 216
Алтмышбаев А. А. 35
Алыбаев Таласбай 339
Алыкулов Барпы 17, 24, 98, 224—225
Арабаев Эшеналы 243, 256
Аралбаев Абдылда 243
Аргентов К. Н. 215
Аристов Н. А. 15, 214
Афтобачи Абдуррахман 76, 78—79, 81—82, 86

Бабкин А. А. 291, 309
Бабкин Н. А. 309
Баев К. (Калыгул Бай уулу) 17, 220—221
Байган 229
Бакырганы Сулейман 255
Балдысан 232
Балык 231
Бартольд В. В. 14, 19, 50, 204, 212—213
Батраков В. 20
Батюшков Н. Д. 148, 302, 314
Баялиева Т. Д. 8
Бедельбаев А. 8, 9
Бедиль 255
Бекарыстан 229
Беккетеи 226
Белевич И. А. 132
Белеков Куренкей 226—227, 229
Бельков А. А. 311
Бельков Н. Е. 359
Бендюков А. Е. 309
Бенингсен А. 38
Берг Л. С. 208
Березовский А. П. 42, 266, 269
Берикбаев Молдогазы 259
Бессонов А. Н. 215
Бияху 131—132
Благодарный Н. А. 42, 268
Бойлошев Арстанбек (Арстанбек Бойлош уулу) 17, 220—221
Бонвало Г. 37
Боогачы 226
Борзуков 22
Бороомбай (Бекмуратов) 64—66
Боронев Ниязаалы 226, 228
Боулджер Д. 36
Бошкоев Ашыр 181
Бошкоев Узбек 181
Бройдо Г. Н. 21
Брянов А. И. 17
Бурханов С. 231
Бучуков Тойкожо 229—230
Быховский В. В. 275

Вайнштейн О. Л. 36—37
Валиханов Ч. Ч. 14, 47, 49, 206, 216—217
Васильев В. Л. 16, 215, 255, 359
Венюков М. И. 49, 207
Вербов А. М. 302, 312
Верещагин В. В. 50, 117, 213—214
Ветохин К. И. 309
Викторов В. 274
Вирченко Н. 363—364
Власов А. И. 46, 231
Вышнегорский А. Ф. 15
Вышнольский В. 48
Вяткин М. П. 30, 33, 39

Гайворонский С. С. 333
Галицкий В. Я. 8, 9, 33
Галузо П. Г. 19—20
Гафуров М. 309
Гирс Ф. К. 48
Гладков В. С. 258
Глебов И. М. 267, 273, 276
Голенко В. И. 336
Голубев А. Ф. 207
Гольчевский Ф. 38
Горбачев М. С. 8, 39
Горький М. 217, 375
Граменицкий С. М. 248
Гродеков Н. И. 15
Громбчевский Б. Л. 31, 210, 215
Грум-Гржимайло Г. Е. 210
Гудков Т. С. 308, 311, 324

Данияров С. С. 34
Дасифу 131
Девятко П. 132
Деканов Д. Т. 309, 314, 336, 355, 359, 370
Денисов К. А. 21—22
Джабаев Джамбул 231
Джайсан 226
Джаманкараев А. Б. 8, 9, 30, 33
Джамболотов Айтбай 357
Джамгерчинов Б. Д. 8, 27—28
Джангарач (Карабеков) 68
Джантаев Шабдан 221, 233, 298, 320, 341
Джантай 62, 342
Джартаков Болот 46
Джоошбай 220
Джурабек 84
Дилк Э. 37
Дмитриев С. Е. 208
Добрынин А. К. 359, 370
Доронбекова Р. Е. 8
Досуев Коргол 224, 226, 228, 339
Драговозов 311
Дублицкий В. И. 18
Дудин С. М. 50, 51, 213
Едренкин И. И. 310, 314, 370
Елисеев В. А. 359, 370
Есипов П. С. 29
Ефремов Е. С. 276

Жаманкараев Музооке 226
Жантакбай 226
Женижок 231
Жигайлов В. М. 9
Жукеев Т. (Пудовкин А. А.) 31, 42, 271, 289
Жунусаалы 229

Загряжский Г. С. 15, 194, 233—235
Залялитдинов Ф. 370
Заорская В. В. 16, 215

Затаевич А. В. 229—230
Зима А. Г. 30
Зимин Л. А. 15
Знаменский М. С. 49

Иваницын А. И. 31, 324, 371
Иванов Д. Л. 50, 210
Иванов К. 371
Иванов Н. И. 301
Игнатьев И. В. 208
Ильясов С. И. 29, 33
Иса-Аулие 82
Исабаев Б. 366
Исабеков Байгазы 357
Исакеев Б. 21

Кадырбаев Заит 252
Кадыров З. 291, 314, 359, 370
Калашников А. Г. 333
Каллаур В. А. 15, 214—215
Каниметов А. К. 34
Капал 226
Капиносов 291
Капю Г. 37
Каразин Н. Н. 48, 50
Каралаев Салкбай 335
Кара Туран 229
Катунцев 274
Каульбарс А. В. 161, 208
Каутский К. 268
Кауфман А. А. 16, 75, 82, 84
Качканаков Максут 243
Каюров Н. 370
Кепен 231
Кенесары (Касымов) 61
Келдибеков Доолеталы 243
Кирасиров С. А. 312, 359
Климов С. Е. 289
Ковалев Б. Н. 213
Ковалевский Е. П. 48
Козлов П. К. 211
Колбасенко И. 48
Колесников П. Г. 291, 309
Колосов Н. А. 237
Константинов И. М. 290
Корольков Я. И. 15, 47, 215
Коротков В. Ф. 311
Корытов Н. 17
Костенко Л. Ф. 15, 210
Котломамедов Ю. С. 370
Краевский Я. Н. 208
Краснов Н. 359
Кошаров П. М. 49, 204—205
Кронгардт Г. К. 9
Крутоголовых М. Н. 324
Кузнецов Д. 274
Куйручук 220
Кулгутенов Орозбай 357
Кулкин Досумбай 298
Куранов Г. Г. 22

Куренкей 229
Куренкеев Муратаалы (Мураталы) 98, 226, 228—231
Куропаткин А. Н. 354, 363—364, 366
Куртис В. 38
Кучакбаев А. 366
Кочконбаев Джусупкул 298
Кушакевич А. А. 208
Кушелевский В. И. 48
Кушнер П. (Кнышев П. Н.) 20

Лаврентьев В. А. 20
Лейбин П. 51
Лемерсье-Келькеже Ш. 38
Ленин В. И. 10—12, 16, 18, 21, 40, 44, 55, 90, 108, 117, 138—140, 143, 145, 153, 183—185, 187, 219, 248, 251, 253, 261—263, 264—266, 269, 273, 275, 278, 283—287, 292, 310, 312—315, 319, 322—323, 348—349, 364, 373—375, 377
Ленсделл Г. 36—37
Лепесов Курман 299
Липский В. И. 208
Лойднер В. И. 47, 265—266
Лунин Б. В. 9, 39
Луцаев А. Д. 332

Мадажын 131
Майлыбай 226
Майсюк А. И. 370
Майчин Кыбрай 357
Мамашев 146
Мангельдинов Малике 357
Маркс К. 10, 90, 219, 265, 268
Масленников П. Д. 242
Матаев Джанибек 357
Мацуцин П. 269
Мергенов Мамыр 77—78, 84
Меркун И. С. 371
Миддендорф А. Ф. 210
Миклашевский А. 21
Минаев-Логинов 310
Мирза-Ахмет 67
Миразимов А. 371
Михайлов М. Л. 48
Михалев И. Е. 309, 370
Момуналиев А. 9
Монтей В. 38
Музооке 226
Мулла-Исак Хасан оглы (Пулат-хан) 77—79, 81—83, 86
Мулла Туйчи 231
Мураталиев Джаныш 279
Мураталин Тарлык 298
Мусабаев А. 366
Мусин Абдулла 181
Мусульманкул 79
Мушкетов Д. И. 215

Мушкетов И. В. 204, 209, 211—212, 215
Мыктыкбеков Кайназар 298

Навои А. 255
Наливкин Д. В. 215
Наркул 281
Насонов 291
Насреддин (Хан-заде) 81—83
Недзвецкий В. Е. 215
Недопасов М. П. 275, 291
Несол М. 317
Неуструев С. С. 215
Ниалло Азиз (Станишевский А. В.) 22
Никифоров П. М. 51
Николай II 224, 268, 282, 288, 317
Ниязбеков Ормон 62—67
Ногаев Файзулла 67
Ногоев Батыркан 344
Ногой 189
Нурмухамбетбаев Бабахан 154

Огонбаев Атай 228
Олейников И. 265—266
Олуорэ Э. 38
Ормонов Уметалы 64, 74
Орозбаков Сагынбай 216
Орозов Карамолдо (Токтомамбет) 226, 229—230
Осмонбекова Бурулча 226, 229
Особо В. В. 42, 45, 47, 275, 289
Остен-Сакен Ф. Р. 208
Ошанин В. Ф. 210

Павлов П. Н. 371
Пален К. К. 15, 48, 108, 320
Пантусов И. Н. 15, 214—215
Панфилов И. Е. 291
Панфилович В. В. 254
Певцов М. В. 211
Петровский Н. Ф. 15
Пиккель А. Ф. 309
Пирс Р. А. 38
Писаржевский 363
Пихалов И. 318
Погорелов И. 324
Погорельский П. 20—21
Подрыгин Т. 333
Полторацкий В. А. 208
Пономарев И. Т. 265—266
Попов 270
Поцелуев И. А. 42
Поярков Ф. В. 15, 43, 133, 214—215, 247, 258
Прасолов Л. И. 215
Пржевальский Н. М. 47, 162, 204, 210—211, 215
Пржегодский А. В. 97, 133, 247, 258
Проценко П. П. 208

Пугасов Н. И. 163
Путьковский А. В. 274, 291
Пушкин А. С. 254, 375
Писковский А. В. 30

Радлов В. В. 194, 204, 212, 216—217
Регель А. Э. 208
Реклю Э. 37
Рикмерс Р. 37
Роборовский В. И. 50, 211
Ровнягин В. П. 15, 215, 247
Родзянко М. 353
Родионов Ф. Т. 359
Романенко Е. 269
Романовский Г. Д. 211—212
Романовы 334, 358
Росс Э. 38
Роулинсон Г. 38
Рувимов А. И. 42, 267—268
Румянцев П. П. 16, 44, 116, 215
Русиков А. В. 247, 291, 316
Руцких А. Ф. 308
Рывкин М. 38
Рыскулбековы, манапы 191, 223
Рыскулов Т. 19, 21, 250

Салиев М. 353
Сальков В. П. 17
Санчы 226
Санаралиев Д. Б. 8, 9
Сапаров Кулуке 231
Сапелкин А. А. 8, 9, 33
Сапожников А. И. 247
Сапожников В. В. 215
Саркисян Е. 38
Сарыков Е. 341
Сарыкулаков Кожомурат 252
Сарыпбеков Туркмен 181
Сатылганов Токтогул 7, 17—18, 24, 32, 46, 98, 191, 222—228, 231, 271, 339
Сахаров М. Г. 20—21
Свинухов И. С. 42, 269, 290—291, 308, 311
Сгибнев А. 338
Северцов Н. А. 14, 50, 74, 204, 207—208, 210, 213, 215
Седов Иван 341
Семенов (Тян-Шанский) П. П. 14, 46, 49, 203—207, 215, 232
Сергиенко З. 266
Серкибаев К. 181
Сиверс В. 37
Сидоров А. С. 363
Силин Я. Б. 255
Сироткин М. 49
Ситников Н. 22
Ситняковский И. Ф. 15
Скайлер Юджин 36
Скобелев М. Д. 85
Скрайн Ф. 38
Славгородский А. М. 309
Смирнов Б. В. 50, 52, 217
Советкина М. М. 215
Сокол Э. Д. 38
Солнышко Л. Г. 165, 310, 314, 359, 370
Сорокин В. Н. 208
Стан 227
Степанов В. Ф. 246
Столыпин П. А. 287, 292, 294
Страшинский Г. С. 311
Студенцова-Воскресенская В. П. 270
Субботин М. 332
Сушапло М. Я. 8, 32
Сыдыкбеков Т. 49
Сыдыков О. 17, 221, 256
Сыртбай 226

Тагеев Б. Д. (Рустам-бек) 49
Тайлаков М. 299
Талызин А. 15
Татаринов 213
Телеев Ибраим 341
Терентьев И. Ф. 255
Терентьев М. А. 15
Термечиков Шаршен 231
Тойкожо 229
Токомбаев А. 49
Токсонбаев Сатылган 222
Токтобаев Шамей 243
Толтоев Эшмамбет 224
Толстой Л. Н. 268
Толубай 226
Трунов М. А. 311
Тулин Н. 181
Туркебаев Абак 259
Турсунбаев Д. 366
Тутлис В. П. 8, 9
Тыналин Чолпонкул 342
Тыныстанов К. 32

Узбеков А. 181
Уиллер Д. 38
Уйфальви К. — Е. 36—37
Усенбаев Алымкул 46, 98, 224, 228
Усенбаев К. У. 8—9, 27, 31, 33

Фалеев Н. В. 311
Федоров Е. 24
Федченко А. П. 14, 204, 209—210, 215, 232
Федченко Б. А. 215
Федченко О. А. 50, 209
Фетисов А. М. 43, 50, 214—215, 247, 249
Филиппова Е. Н. 291
Филиппова М. И. 269
Фирдоуси 255
Фрунзе В. М. 97, 133, 247, 258
Фрунзе К. В. 97
Фрунзе М. В. 97, 133, 247, 253

Харламов М. С. 289
Хасанбаев Н. 366
Хасанов А. Х. 8, 27
Хвощинский 289
Худов Н. Г. 15, 51
Хоментовский М. М. 206
Хорошхин А. П. 48—49
Худояр-хан 50, 75—76, 79—81, 83—84

Цзо Цзунтан 131

Чернышевский Н. Г. 375
Чиликов Калкабай 357
Чиркова К. 216
Чойбеков Абдылдабек 299
Чокоев Тынай 357
Чоробаев Абдыкалык 243
Чубуков А. Я. 22
Чукубаев А. А. 32
Чункелеев Абдраим 243
Чураков Д. Е. 275, 289
Чынгышбай 226

Шабданов А. 146
Шабданов М. 341
Шабдановы, манапы 17, 146
Шайбеков Ысак 243
Шамурзаков Мумын 79
Шамырканов Молдо Кылыч (Клыч) 17, 32, 221, 256
Шерстобитов В. П. 33, 38
Шинло Л. Т. 32
Ширалин Качибек 65
Шмидт П. П. 278
Шнитников В. И. 215
Шотт 148
Шоу Роберт 36
Шумилов Н. В. 369

Щербина — Крамаренко Н. Н. 50

Эйхгорн А. Ф. 232
Энгельс Ф. 10, 55, 90, 113, 219, 265

Юлдашбаев Бекмухаммед 318
Юсупов И. 32

Яворский И. 48
Яковлев Д. 269
Яншансин Ю. 32

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

Абаильдинская волость 342
Аджиновская волость 342—343
Азербайджан 95
Азия 21, 34
  Восточная 14
  Центральная 37—38, 47, 50, 162 203, 205, 210, 211
Аимская волость 305
Ак-Буринская волость 123—124, 361
Ак-Джольская волость 336, 339
Ак-Кочкор, с. 125
Ак-Мечеть, укрепл. 68
Акмолинск, г. 75
Акмолинский уезд 173, 175
Ак-Пикет, с. 295
Ак-Сай, местн. 206; р. 62
Акталинский р-н 243
Актепе, с. 356
Ак-Терек, с. 123, 190
Ала-Бука, мест. 77
Алабука, р. 79, 212
Алай, местн. 75, 76, 83, 86, 152, 196, 209
Алайская волость 340, 361
Алайский хр. 209, 211
Аламедин, р. 69
Аламединская волость 315
Алатавский округ 65, 68—71, 100
Александровка, с. 135, 279
Александровская волость 134
Александровское (Кировское), с. 126—127, 129, 246, 257
Алексеевское (Ойтал), с. 126, 317
Алма-Ата, г. 43
Алтынкульская волость 337—338
Америка (США) 37, 56
  Латинская 34
Амурско-Уссурийский край, 207
Англия 36, 57, 58, 68
Андижан, г. 42, 76, 78, 81—82, 85, 149, 152—153, 157, 241, 318, 332
Андижанский вилайет 77; уезд 101, 115; 120, 163, 174, 189, 190—191, 223, 268, 278—279, 281, 296, 307, 315, 317, 337—338, 360
Андреевка, с. 129
Антверпен, г. 148
Араван, с. 123, 125
Аравanская волость 338
Арна, р. 212
Арымская волость 246, 335
Арысь, ст. 153, 158
Аспаринская волость 334
Ассаке, ст. 81, 84, 153, 318
Асхабад, г. 255, 288
Асылбашевское, с. 319
Атбасарский уезд 173
Ат-Баши, с., местн. 92, 136, 146, 163—164, 178, 246, 255, 343
Атекинская волость 190, 340
Ауваль, с. 356
Аувальская волость 313
Аулие-Ата, г., укрепл. 67—71, 73, 127, 129, 150, 173—174, 214, 279
Аулие-Атинский уезд 74, 100—101, 106, 120, 135, 173, 268, 279—281, 304, 319—320, 333—334, 360
Афганистан 57—78
Африка 34
Ахмат, с. 77
Ачы, с. 123, 225

Багышевская волость 123, 280—281
Базар-Курган, с. 78, 123, 125, 257
Базар-Курганская волость 190, 279, 305, 337
Баку, г. 359, 370
Балыкчинская волость 337
Барскаун, с. 334; р. 208
Баткен, долина с. 123—124, 195
Баястанская волость 247
Бедель, перев. 131—132, 152
Бейшеке, с. 126
Беловодское, с. 36, 126, 128—129, 177, 256, 258, 268—269, 333—334, 372
Белогорка, с. 341
Белоруссия 351
Бельгия 148
Беш-Булак, с. 195
Бешташская волость 319
Благовещенское, с. 128
Боомское ущ. 71, 150, 341
Бостерекская волость 279
Бостон, с. 124
Британская империя 6, 11, 27, 57, 58, 88
Бугенская волость, 342
Будапешт, г. 216
Бужум, с. 124
Булак-Баши, 76
Булак-Башинская волость 191, 280, 340
Булекбаевская волость 342
Бульварная, ул. 159
Бурды, местн. 313
Бурное, ст. 327
Бурукчинская волость 343
Бурулдайское, с. 295
Бухара, г. 57, 241
Бухарский эмират 11, 74

Варшава, г. 289, 311
Верненский уезд 46, 100—101, 133, 135, 137, 265, 278, 282, 288, 317
Верный, г. 42, 45—46, 51, 65, 69—71, 100, 135, 150—151, 153—154, 156, 161, 163, 167, 170, 174, 204—206, 208, 214—215, 266—268, 270, 273—274, 288, 291 297, 303, 311, 332, 344, 353—354, 361, 371—372
Владивосток, г. 278
Владимировка, с. 129
Вознесенская волость 317
Воронежская губ. 294
Восток 10, 27, 37, 38, 57, 74, 87—88, 90, 377,
Советский 34, 38, 39
Восточно-Сокулукская волость, 109, 320

Ганьсу, провинция 130, 131
Германская империя 37, 146
Грозное, с. 126
Гульча, местн., с. 75—76, 86—87, 125, 152, 157, 209, 280
Гульчинская волость 335, 340, 351, 361
Гурӯнч-Мазар, ст. 327

Даргаз, с. 123
Дархан, с. 125, 196
Дархум, с. 123
Джалал-Абад, с. 125, 144, 146, 152—154, 157, 159, 257, 327, 330, 353, 372
Джалал-Абадская волость 310, 317, 335
Джалал-Кудукская волость 337
Джалпак-Тюбе, с. 135
Джамансартовская волость 281, 342
Джангарач, с. 320
Джаркент, г. 103, 135, 154, 161, 270
Джаркентский уезд 101, 133—135, 137, 163, 173, 265, 278, 282, 288
Джелялкудукская волость 192
Джергаланская долина 205—207
Джергес, с. 320
Джеты-Огуз, местн. 255, 259; р. 299
Джеты-Огузская волость 281
Джида-Булак, урочище 148
Джизакский уезд 100
Джин-Джиган, ущ. 148
Джон-Арык, местн. 343
Джуван-Арыкская волость 281
Джумгал, долина, укрепл. 49, 63, 71, 224, 242—243, 295—296, 343, 345
Джумгальская волость 295, 319, 342
Джуукучак (Заука), перев. 205
Дзержинского, бульвар 159
Дмитриевское (г. Талас), с. 126, 128—129, 246, 258
Донбасс 309
Драгомирово (Пролетарская), ст. 153, 312, 370
Дулатовская волость 316

Европа 55—56, 90, 373
  Западная 373
Екатеринославская губ., 291, 294
Есенгуловская волость 320

Жайылган, с. 125
Жайылма, с. 123.
Жакшеи, с. 126
Жаман-Кия, с. 123
Жаны-Арык, с. 124
Жапалак, с. 125
Женева, г. 291

Заалайский хр. 209, 211
Заилийский край 19, 62—65, 69, 207

[1] В указатель не включены названия «Киргизия» (со всеми подразделениями) и «Средняя Азия». Принятые сокращения: г. — город, местн.— местность, перев. — перевал, обл. — область, оз. — озеро, с. — селение, кишлак, ст.— станция, укрепл.— укрепление, ущ.— ущелье, хр.— хребет.

Заилийское 207
Западно-Сокулукская волость 298
Заунгинская волость 346
Зачуйский край 19, 207

Иванковское, с. 126
Или, р. 62—63
Илийская долина 133; ст. 309
Илийский (Кульджинский) край 133
Ирд, р. 56
Ирдык 51, 57—58, 157
Ирак 57
Ирмашлех, укрепл. 157
Иссык-Куль, оз. («Киргизское море») 64, 71—72, 93, 118, 129, 150, 155—156, 204—208, 211, 344
Иссык-Кульская котловина (Иссык-Куль) 34, 43—64, 66—67, 72—74, 97, 136, 153, 196, 341, 344—346
Иферра, местн. 85; р. 123
Иферринский уезд 101
Ичкилинская волость 190—191
Ишпик-Сенин, перев. 131

Кабул-Сай, ст. 154
Кавказ 11, 55, 88, 351
Казалинский уезд 100
Казань, г. 216, 242—243, 307
Казахстан 5, 12, 14, 16, 18—19, 23, 28, 36, 41—42, 48, 52—53, 61, 67—68, 88, 91—93, 95, 97, 128—129, 133; 135—136, 143, 145, 152, 168, 170, 177—178, 193, 203, 215, 273, 284, 287—288, 294, 315, 330 335, 337, 347, 376—377
Юго-Западный 75
Центральный 61
Кайнар, местн. 243
Капальский уезд 101
Капка, урочище 78
Кара-Арча, с. 125
Кара-Багыш, с. 124
Кара-Балтинское, с. 126, 128—129, 257, 268
Кара-Балтинская волость 342
Кара-Булак, с. 123—125, 195, 243
Карабуринская волость 281
Карабуринское уш. 74
Караван, с. 123, 125, 190
Каравшин, р. 123
Кара-Жыгач, с. 126
Кара-Кастек, р. 69
Каракечинская волость 315, 342—343
Каракиштакское уш. 74
Каракол-Сай, с. 190
Каракольская волость 319
Кара-Коо, местн. 178
Кара-Кульджа, с. 78, 124
Каракунуз, с. 135, 245
Карасуйская ст. 300
Кара-Суу, с. 125
Каратегин 152
Каркалинский уезд 173
Каркара, местн. 66, 212
Касан, г. 78; р. 79
Кастек, перев. 150; укрепл. 67—69, 71
Качкинская волость 342—343
Кашгар, г. 47, 89, 152, 157, 163, 206
Кашгар-Даван, местн. 75
Кашгария 64, 72, 220
Кашгар-Кишлак, с. 281
Кашка-Су, перев. 131
Кашка-Терек, с. 123
Кебин (Кемин), мест. 100, 242, 345; р. 72
Кепкол-Карагырская волость 189
Кепкольская волость 318, 319, 333
Кетмень-Тюбе, долина 35, 73, 77, 84, 100, 115, 152, 190, 222, 223, 279, 339; урочище 246
Киев, г. 352
Киевская губ. 294
Киргизский Ала-Тоо, хр. 100, 207
Кирлик, местн. 75, 76
Китай 6, 57, 61, 88, 130, 133, 157, Западный 59
Ключевое, с. 126
Ключевское, с. 129
Коканд, г. 50, 78—82, 157, 241, 275, 356, 370
Кокандский уезд 101, 109, 115, 148, 174, 268, 281, 296, 299, 338, 356
Кокандское ханство 6, 15, 27, 47, 53, 56, 57—59, 61—62, 63, 64—65, 67—71, 73—77, 80—81, 82—83, 101, 147, 150, 179, 209
Кок-Жатык, с. 123
Кок-Янгак, с. 165, 196, 326; урочище 278
Кок-Яр, с. 77
Кольцовка, с. 344
Конур-Жазы, с. 124
Конгур-Огуз, местн. 189
Кочкор (Кара-Коо), с. 63, 146, 177—178
Кочкорская волость 281, 342; долина 211, 242—243, 345
Красноводск, г. 271
Кронштадт, г. 278
Крым 241
Кугартская волость 278, 280, 317; долина 332
Куланакская долина 243, 343
Кульджинский район 51
Кумуш-Бель, перев. 190
Кунгей-Аксуйская волость 336
Кунгей Ала-Тоо, хр. 64, 206
Курагаты, р. 100
Кураминский уезд 79
Курасан, с. 125
Курган-Тепинская волость 305
Курган-Тюбе, ст. 154
Курдай, перев. 150
Курманкоджинская волость 342
Курментинская волость 191
Курская губ. 294
Куртка, р. 74; укрепл. 49, 71, 224, 243
Куршабская волость 123, 340; долина 152
Кутмалды (Рыбачье), с. 118, 129, 154, 206, 341
Кызарт, перев. 71
Кызыл-Арват, с. 255, 271
Кызыл-Джарская волость 247, 336, 339
Кызыл-Кия, с. 148, 153, 165—166, 184, 195—196, 268, 275, 291, 302, 309, 312, 314, 324, 355—356, 358, 367—368, 370
Кызыл-Курган, местн. 125
Кызыл-Тогай, урочище 79
Кыргыз-Кыштак, с. 195
Кырк-Угульская волость 148, 247,
Кырчин, с. 280

Лебединовское (Аламедин), с. 126
Леган, с. 356
Лена, р. 313
Ленинград, г. 24—26, 52
Лепсинск, г. 270, 311; станица 78
Лепсинский уезд 101
Лондон, г. 36, 149
Ляйляк, местн., с. 78, 81, 101, 327
Ляйлякская волость 148

Мадыган, с. 123
Майли-Сай, местн. 148—149, 165, 302
Майли-Сайская волость 281
Майли-Су, местн. 148
Майсырская волость 337
Майтобе, местн. 61
Малая Алмаатинка, р. 65
Маргелан (Новый Маргелан, Скобелев, Фергана) 45, 47, 83, 85, 152—153, 157, 275, 280, 356, 370
Маргеланский (Скобелевский) уезд 101, 109, 115, 174, 190—191, 268, 296, 299, 313, 360
Мариинская волость 134, 344
Мариинское (Ырдык), с. 12, 129, 135, 245
Массинская волость 337
Массы, с. 125
Махрам, укрепл. 82
Мельниково, ст. 312, 314
Мерке, с. 70, 153
Минская губ. 366
Мир-Абад, с. 338
Моногельдинская волость 342
Монок, с. 195
Москва, г. 14, 24—26, 51—52, 211, 213, 215, 217, 232, 274, 277, 291, 311, 314, 352, 370
Мулян, с. 356

Найман, с. 338
Найманская волость 123, 191
Наманган, г. 77, 79, 81, 149, 152—153, 157, 191
Наманганский уезд 101, 115, 118, 148, 174—176, 183, 189, 246—247, 279—280, 296, 335—336, 338—339, 351, 360, 366
Напай, с. 77, 247
Нарын, р. 74, 205—206, 224; укрепл. 14, 74, 92, 132, 136, 144, 146, 151—152, 157, 161, 163, 177, 208, 257—258, 311, 343—344, 361
Нарынская волость 337
Наукат, с. 125, 190
Наукатская волость 279, 305, 340
Нижний Новгород, г. 241, 289, 307
Николаевская волость 134
Николаевское (Панфиловское), с. 246
Николайполь, с. 129
Никольское, с. 310
Ниязбековская волость 342—343
Ново-Антоновка, с. 358
Ново-Николаевское, с. 268
Ново-Троицкое (Сокулук), с. 126, 128, 341
Ново-Чуйская волость 281, 316
Нойгут-Кипчакская волость 124
Нурманбетовская волость 342

Одесса, г. 213, 352
Олонецкая губерния 266
Омск, г. 51, 65, 156
Он-Арча, местн. 343
Оренбург, г. 243, 307, 344
Оренбургский край 80,
Орловка, с. 129, 279
Ош, г. 14, 44, 50, 76, 81, 85—86, 124—125, 131—132, 144—145, 152—154, 157, 159, 164—165, 169, 171, 190, 209—212, 215, 241, 254—258, 268, 270, 275, 280, 289, 301, 307, 328, 340, 352—353, 356, 359, 361—362, 372
Ошская обл. 225
Ошский уезд 16, 44, 101, 109, 115, 118, 120, 125, 131, 146, 152, 169—174, 184, 190, 192, 239, 241, 257, 268, 276, 280, 296, 299, 301, 305—306, 335, 339—340, 351, 361

Памир 48, 208—209, 211
Памиро-Алай 14, 35, 58, 88, 89, 209
Пекин, г. 130
Перовский уезд 100
Петербург (Петроград, Ленинград), г. 14, 51, 205, 211, 213, 215, 268, 274—275, 277, 288, 311, 322, 348, 352—353, 357—358, 366
Петровское, с. 126
Пишпек (Фрунзе), г. 14, 35—36, 42—44, 46, 49—52, 68—70, 91—93, 95, 97, 129, 135, 144—145, 150—151, 154, 156, 158—162, 165, 167—168, 171—172, 174—175, 215, 217, 239, 242, 246, 249, 252—256, 258, 265, 268, 270, 273—274, 276—277, 280, 289—291, 301, 307, 309, 311, 324—325, 356, 359, 361, 363, 370, 372; укрепл. 62
Пишпекский (Токмакский) уезд 16, 37, 43, 46, 77, 100, 101, 107—109, 114—115, 118, 120—121, 128, 133—135, 137, 143, 146, 163, 169, 171, 173, 177—178, 181—183, 189, 196, 239, 244, 245, 246, 251, 254, 257, 259, 265, 269, 274, 278, 280—282, 288—289, 291, 295, 297—301, 304—305, 307—309, 315, 317, 319, 320, 325, 329—330, 333—334, 341—342, 344—345, 358, 370, 372
Поволжье 241—242, 273, 337
Покровское, с. 126—129, 178, 257,
Полтавская губ. 294
Прага, г. 310
Преображенское (Тюп), с. 126, 128—129, 178, 335
Пржевальск (Каракол), г. 14, 36, 44, 47, 92, 95, 103, 129, 131, 135, 144—145, 150—152, 154, 157—158, 161, 163, 165, 167, 171, 177, 191, 211, 239, 241—242, 244—246, 248, 251, 253, 254, 256, 258, 265—266, 269—270, 274, 277, 290, 301, 307, 309, 311, 332, 344—345, 360—361, 363, 370, 372
Пржевальский уезд (Иссык-Кульский) 16, 37, 43, 46, 97, 100, 101, 108—109, 115, 118, 120—121, 128, 134—135, 137, 146, 157, 162, 169, 170—171, 173, 177—178, 182—184, 191, 239, 243, 244, 246, 251—252, 256—257, 259, 266, 269, 281, 289, 291, 295, 297—299, 301, 304—305, 309, 315—317, 320, 325, 329—330, 334—336, 344—345, 372.
Приссыккулье 74, 100, 125—126, 128—129, 143, 161, 163, 173, 178, 196, 204, 206—207, 211—212, 215, 295—296, 304, 306, 374
Восточное 49, 161
Прифергапье 150, 296
Восточное 159, 209

Рига, г. 307
Романовка, с. 129

Сазановское, с. 126, 128—129, 178, 257—258
Самара, г. 273, 307
Самарская губ. 294
Самарканд, г. 241, 285, 370,
Самаркандская обл. 43, 101, 268, 317
Сан-Таш, перев. 150
Саратов, г. 265, 289
Саратовская губ. 294, 351
Сарой, урочище 339
Саруйская волость 189, 247, 279
Сарыбагышевская волость 295, 319—320, 340—341
Сарыджаз, местн. 205
Сары-Добо, урочище 339
Сафид-Булан, с. 77, 79
Свеаборг, г. 319
Севастополь, г. 278, 319
Семипалатинск, г. 129, 156, 173
Семипалатинская обл. 100, 173
Семиреченская обл. 43, 51, 77, 100, 101, 106—109, 113, 133, 155, 157, 161, 170, 172, 173, 175, 184, 186, 239, 244, 250, 264, 266, 269, 273, 278, 282, 288, 294—295, 297—298, 305, 307, 327, 332, 337, 340, 354, 361, 363—364, 371
Семиречье 37, 42—43, 46, 48, 50, 88 89, 107, 133, 136—138, 150, 152—153, 160, 165, 170, 172—174, 208, 209, 210, 212, 213, 248, 267, 270, 274, 281, 291, 294, 297—298, 305, 309, 311, 319, 327, 372
Южное 207, 316
Сергиопольский уезд 101
Сибирь 11, 55, 80, 90, 108, 156, 175, 223—224, 273, 294, 323, 351
Восточная 313, 337
Западная 43, 61—62, 64—65, 69—72, 92, 126, 158, 316
Южная 203
Сибистан, с. 123
Синьцзян, провинция 131, 133
Скобелево, ст. 153
Сокулук, р. 341
Сокулукская волость 315, 319
Сон-Куль, урочище 71, 211, 343
Сох, укрепл. 76
Спасское, с. 128
СССР 10, 25, 38, 52, 99, 206
Старо-Чуйская волость 316
Степной край 103—104
Сузак, местн., укрепл., с. 72, 76, 225, 338, 353

Сулайман-гора 339
Сулюкта, с. 124, 147, 153, 165—166, 195, 302, 309, 312, 333, 336, 355, 359, 367—368, 370
Сурат, местн. 334
Сусамырская волость 190—191, 246, 279—280, 296, 335, 342; долина 73, 211, 343
Суфи-Курган, местн. 125
Сухуми, местн. 352
Сыр-Дарьинская обл., 43, 100—101, 106—107, 113, 168, 186—187, 294, 305, 327, 360
Сыр-Дарья, р. 73, 100

Таджикистан 123
Северный 148
Такта, с. 191
Таласская долина 70, 100—101, 106, 115, 121, 125, 127, 129, 173, 194, 207, 212, 258, 294, 296, 304, 306, 318, 320, 333, 336, 342
Талгар, р. 63
Талкановская волость 315, 319
Татыбек, с. 342
Таучубек, укрепл. 62
Ташкент, г. 15, 23, 25, 28, 43, 47, 51, 68, 85, 100, 129, 150—151, 156, 161, 163, 167, 173—175, 209, 211, 213, 215, 254—255, 265, 267, 270, 272—278, 285, 288—290, 303, 306, 311, 319, 344, 352—353, 357—358, 363, 366, 369—370
Ташкентский уезд 100
Таштак, с. 196
Таш-Тюбе, с. 196
Тегенская волость 336, 339
Текес, местн. 66
Темир-Булатовская волость 342
Темировское, с. 125, 196
Тенгизбай (Исфайрам), перев. 209
Тепке, с. 125, 196
Теплоключенское (Ак-Су), укрепл. 126, 128, 129, 162
Терекдаван, перев. 131
Теректы, перев. 152
Терской Ала-Тоо, хр. 205, 206, 208
Тогуз-Торо, местн. 77, 84, 169, 335, 339, 343
Токмак, г. 14, 36, 92, 97, 132, 144—146, 150—151, 153, 156—158, 161, 167, 171—172, 176, 215, 217, 224, 239, 242, 245— 247, 251, 255—258, 290, 301, 307, 344, 360, 370, 372; укрепл. 49, 68, 69, 145, 146, 150—151, 153—154, 156—158, 161, 167, 171—172, 212, 215, 224, 239, 242, 245—247, 251, 253, 255—258, 290, 301, 360, 370, 372
Большой Токмак, с. 146, 157, 161
Толейкен, местн., с. 123—124
Томск, г. 215
Тонская волость 243
Торуайгыр, хр. 205
Торугарт, перев. 152
Тулебердинская волость 341
Тургенская волость 191
Турдук, местн. 339
Туркестан, г. 73
Туркестан 11, 12, 21—22, 30, 35, 40, 42—46, 57, 80, 94, 101, 133, 153, 155, 156, 160, 173, 184—185, 187, 205, 211, 212, 265, 269, 272—273, 277—278, 282, 288—290, 294, 297, 300, 308, 312, 314, 318, 320—321, 326—327, 331, 334—335, 337, 351, 353—354, 365—366, 369—370, 372
Восточный 56, 125, 131, 152—153, 163, 177
Туркестанская обл. 100, 150
Туркестанский край 15—17, 20, 42, 46, 48, 51, 89, 91, 93, 97, 99, 101, 103—104, 106—108, 113, 134, 148, 155, 172—173, 177, 180, 184—185, 187, 208, 211, 215, 217, 239, 244—245, 251, 255, 264, 266—267, 272, 277—278, 283, 285, 288, 290, 293, 295, 297, 303, 305—306, 309, 313, 318, 324—326, 328, 331, 334, 336—337, 354, 359, 364—365, 375; уезд 100; хр. 209
Туркмения 5
Турукская волость 280
Турция 74, 220, 290
Туура-Суу, местн. 243
Тушино 352, 366
Туя-Муюн, местн. 302
Тюп, залив 204
Тюпская волость 242; долина 206—207
Тюпе-Курган, местн. 76, 79
Тянь-Шань 14, 19, 46, 48—49, 58, 70—71, 74, 205—206, 208
Внутренний 100, 215
Западный 207
Северный 204, 207, 336
Центральный 71, 72, 74, 152, 161, 163, 208, 212, 336, 341—342
Тянь-Шань, горы 132, 205

Узбекистан 16, 47, 51, 80, 95, 123, 128, 136, 145, 148, 168, 172, 177—178, 314
Узген, г., с., укрепл. 50, 76, 81, 85—86, 123—125, 144—146, 152, 159, 209, 340
Узгенская волость 361
Узунгырская волость 315
Украина 5, 108, 294, 303, 351
Урал 90, 242, 273

Урманбек, с. 338
Урсатьевская, ст. 370
Урюкты, р. 79
Успеновское, с. 128
Уфа, г. 242—243, 256
Уч-Курган, ст., нас. пункт 76, 125, 148, 152, 153, 340
Уч. Турфан, г. 131, 132

Фергана г., долина 67, 74—76, 86, 120, 125, 131, 147, 152—153, 163, 165, 168, 172, 173, 176, 195, 275, 304, 335, 344
Восточная 212
Ферганская обл. 43, 101, 106—107, 109, 112—113, 120, 122, 155, 157, 169, 172, 174, 176, 184, 187, 268, 275, 282, 288, 304—307, 317, 337, 338, 340, 351, 354, 356, 360
Ферганский хр. 212
Франция 37
Фрунзе, г. 5—7, 13, 21—22, 24—26, 28, 32, 34—35, 51—52, 213

Хазраты, местн. 75—76
Ханабад, г. 77
Хан-Тегри 205
Харьков, г. 307, 366
Харьковская губ. 294, 366
Хивинское ханство 11, 57
Хаджа-Абад, с. 338, 340
Ходжент, г. 82, 337, 355, 370
Ходжентский уезд 100, 101, 147, 268, 318, 366
Хорог, г. 152

Чадакская волость 279
Чакар, с. 340
Чала-Казакское, с. 125
Чалдывар, с. 126—129
Чангыр-Таш, местн. 123—148
Чанкентская волость 305
Чанкулукская волость 123
Чарджоу, г. 308
Чартак, укрепл. 79
Чаткал, долина 73—74, 78—79, 82, 115, 194, 207, 212, 339
Чаткальская волость 280
Чатыр-Куль, оз. 206, 212
Черик-Арчинская волость, 343
Черикчинская волость 334, 343
Черниговская губ. 294
Чимион, с. 148
Чимионская волость 353
Чимкент, г., укрепл. 67—68, 73
Чимкентский уезд 100
Чиндалат, местн. 281
Чон-Сарой, урочище 310
Чон-Урюкты, с. 125
Чоринская волость 281
Чу, р. 16, 63, 68—70, 100, 133, 154, 158, 204, 207, 255, 316, 346
Чуйская долина 34, 62—63, 67—71, 73, 100, 118, 125—129, 160—161, 173, 196, 207, 211—212, 215, 217, 224, 243, 257, 268, 296, 304, 306, 327, 330, 341, 345—346
Чулак-Курган, укрепл., с. 73
Чуст, местн., 157
Чустский уезд 101
Чыны, с. 339, 341
Чырак, с. 125, 196

Шаркратминская волость 335, 342
Шатеновская волость 342
Шахандская волость 189
Шахимардан 209
Шор-Тюбе, с. 135
Шураб, с., местн., 148, 314, 370
Шэньси, провинция 130—131

Ырдык, р. 129

Эрке — Кашка, с. 123

Юзовка 291, 359
Юмалах-Шейх, с. 87

Ягач-Курган, местн. 278
Янги-Курган, укрепл. 79
Япония 262
Ярбашинская волость 337
Ясинская волость 340, 361
Якекссек-Бостонская волость 281

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. — Соч., т. 3.

Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией? — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9.

Энгельс Ф. Действительно спорный пункт в Турции. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9.

Энгельс Ф. Эмигрантская литература. — 1. Польская прокламация. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.

Переписка между К. Марксом и Ф. Энгельсом. 1851 г. Энгельс — Марксу, 23 мая. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 27.

Письма Ф. Энгельса к разным лицам. 1884 г. Карлу Каутскому, 16 февраля. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36.

Письма Ф. Энгельса к разным лицам. 1888 г. Иоану Нэдежде, 4 января. — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 37.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов). — Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПБ., 1894 г. — Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. — Полн. собр. соч., т. 3.

Ленин В. И. Еще к вопросу о теории реализации. — Полн. собр. соч., т. 4.

Ленин В. И. Уроки кризиса. — Полн. собр. соч., т. 5.

Ленин В. И. Падение Порт-Артура. — Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. Первые уроки. — Полн. собр. соч., т. 9.

Ленин В. И. К еврейским рабочим. — Полн. собр. соч., т. 10.

Ленин В. И. Кровавые дни в Москве. — Полн. собр. соч., т. 11.

Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. — Полн. собр. соч., т. 12.

Ленин В. И. Уроки московского восстания. — Полн. собр. соч., т. 13.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Полн. собр. соч., т. 16.

Ленин В. И. Политические заметки. — Полн. собр. соч., т. 16.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. — Полн. собр. соч., т. 17.

Ленин В. И. События на Балканах и в Персии. — Полн. собр. соч., т. 17.

Ленин В. И. V Общероссийская конференция РСДРП 21—27 декабря 1908 г. (3—9 января 1909 г.). Проект резолюции о современном моменте и задачах партии. — Полн. собр. соч., т. 17.

Ленин В. И. Совещание расширенной редакции «Пролетария» 8—17 (21—30) июня 1909 г. — Полн. собр. соч., т. 19.

Ленин В. И. Заметки публициста. — Полн. собр. соч., т. 19.

Ленин В. И. Капиталистический строй современного земледелия. — Полн. собр. соч., т. 19.

Ленин В. И. Разногласия в европейском рабочем движении. — Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. Л. Н. Толстой. — Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. Начало демонстраций. — Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. — Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. Столыпин и революция. — Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. Политические партии за 5 лет третьей Думы. — Полн. собр. соч., т. 21.

Ленин В. И. Переселенческий вопрос. — Полн. собр. соч., т. 21.

Ленин В. И. Восстания в армии и во флоте. — Полн. собр. соч., т. 22.

Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос. — Полн собр. соч., т. 23.

Ленин В. И. Еще о переселенческом деле. — Полн. собр. соч., т. 23.

Ленин В. И. Нищета народных учителей. — Полн. собр. соч., т. 24.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24.

Ленин В. И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне. — Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). — Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне). — Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма (Популярный очерк). — Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. — Полн. собр. соч., т. 30.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 30.

Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года. — Полн. собр. соч., т. 30.

Ленин В. И. Письма из далека. — Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. Революция в России и задачи рабочих всех стран. — Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции. — Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. О двоевластии. — Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 3—24 июня (16 июня — 7 июля) 1917 г. Речь об отношении к Временному правительству 4(17) июня. — Полн. собр. соч., т. 32.

Ленин В. И. Партии на выборах в районные думы Петрограда. — Полн. собр. соч., т. 32.

Ленин В. И. Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 12 марта 1918 г. — Полн. собр. соч., т. 36.

Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. — Полн. собр. соч., т. 40.

Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля. — Полн. собр. соч., т. 41.

Ленин В. И. X съезд РКП(б) 8—16 марта 1921 г. — Заключительное слово по докладу о замене разверстки натуральным налогом 15 марта. — Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. А. М. Горькому. Ноябрь 1913 г. — Полн. собр. соч., т. 48.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 9-е изд., доп. и испр., т. 2. — М., 1983.

Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 15 октября 1985 г. — М., 1985.

Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 г. — М., 1985.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. — М., 1983.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. — М., 1985.

О 80-летии Второго съезда РСДРП: Постановление ЦК КПСС от 31 марта 1983 г. — М., 1983.

О 80-летии революции 1905—1907 годов в России: Постановление ЦК КПСС. — Правда, 1985, 3 янв.

О 250-летии добровольного присоединения Казахстана к России: Постановление ЦК Компартии Казахстана от 30 окт. 1981 г. — Казахстанская правда, 1981, 30 окт.

О 50-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии: Постановление ЦК Компартии Киргизии от 22 янв. 1974 г. — Фрунзе, 1974.

О 100-летии добровольного вхождения Киргизии в состав России: Постановление ЦК Компартии Киргизии от 22 янв. 1963 г. В кн.: Навеки вместе с русским народом! Сборник материалов празднования столетия добровольного вхождения Киргизии в состав России. — Фрунзе, 1964.

О столетии образования города Фрунзе: Постановление ЦК Компартии Киргизии от 7 янв. 1978 г. — В кн.: В единой братской семье. Сб. материалов о праздновании 100-летия города Фрунзе и вручения ему ордена Трудового Красного Знамени. — Фрунзе, 1981.

О 60-летии Киргизской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Киргизии: Постановление ЦК Компартии Киргизии от 26 апр. 1984 г. — Фрунзе, 1984.

О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик: Постановление ЦК КПСС от 19 февр. 1982 г. — М., 1982.

Отчет Центрального Комитета Компартии Киргизии XVIII съезду Коммунистической партии Киргизии: Доклад первого секретаря ЦК Компартии Киргизии тов. Масалиева А. М. — Фрунзе, 1986.

60 лет образования СССР: Совместное торжественное заседание Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР, Верховного Совета РСФСР, 21—22 дек. 1982 г. Стеногр. отчет. — М., 1983.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Горбачев М. С. Живое творчество народа: Доклад на Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» 10 декабря 1984 г. — М., 1985.

Горбачев М. С. Ленинизм — живое творческое учение, верное руководство к действию: Доклад на торжественном заседании в Москве посвященном 113-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина 22 апреля 1983 г.— М., 1983.

Горбачев М. С. О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. — В кн.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985.

Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. — М., 1985.

Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР: Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года. — М., 1982.

Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5—7. — М., 1976—1979.

Черненко К. У. Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. — В кн.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. — М., 1983.

Черненко К. У. Избранные речи и статьи. Изд. 2-е, доп. — М., 1984.

Черненко К. У. Речь на совместном торжественном заседании Фрунзенского горкома партии и городского Совета народных депутатов, посвященном вручению городу Фрунзе ордена Трудового Красного Знамени. — В кн.: В единой братской семье: Сборник материалов о праздновании 100-летия города Фрунзе и вручении ему ордена Трудового Красного Знамени. — Фрунзе, 1981.

ЛИТЕРАТУРА И ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Абрамзон С. М. К вопросам изучения истории и этнографии Киргизии. — Изв. КиргФАН СССР, вып. 3—13, 1954.

Абрамзон С. М. Киргизы. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана, т. 2. — М., 1963.

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Л., 1971.

Абрамзон С. М. Манапство и религия. — СЭ, 1932, № 2.

Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. — Фрунзе, 1946.

Абрамзон С. М. Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия (материалы к изучению быта киргизских рабочих). — СЭ, 1954 № 4.

Абрамзон С. М. Современное манапство в Киргизии. — СЭ, 1931, № 3.

Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. — Тр. ИЭ АН СССР. Новая серия. — М., 1951, т. XIV.

Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов. (По историко-этнографическим материалам эпоса «Манас»). — Тр. ИЯЛИ КиргФАН СССР, вып. 1, 1944.

Абрамзон С. М. Этнографическое изучение Киргизии за 20 лет. — В кн.: Наука в Киргизии за 20 лет. 1926—1946. — Фрунзе, 1946.

Абрамзон С. М. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857). — Сб. МАЭ, т. XIV. — Л., 1953.

Абрамзон С. М., Антипина К. П., Васильева Г. П., Сулайманов Д. Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. — М. -Л., 1958.

Абышкаев А. Ш. Из истории взаимоотношений киргизского и узбекского народов в XIX в. — В кн.: Страницы истории и культуры Киргизстана. — Фрунзе, 1975.

Абышкаев А. Ш. Каратегинские киргизы в конце XIX — начале XX вв. — Фрунзе, 1965.

Абышкаев А. Ш. Хозяйство и материальная культура каратегинских киргизов в конце XIX — начале XX века. — Уч. зап. историко-юридич. ф-та КГУ, вып. VIII, 1964.

Авшарова М. П. Русская периодическая печать в Туркестане (1870—1917): Библиографический указатель литературы. — Ташкент, 1960.

Авшарова М. П., Виридарский М. С. Евгений Карлович Бетгер (1887—1956). Очерк жизни и деятельности. — Ташкент, 1960.

Адрес — календарь Самаркандской области, вып. 1—17 (за 1893—1914 годы). — Самарканд, 1893—1914.

Адресная справочная книга Ферганской области. — Скобелев, 1912.

Адрес-справочник Туркестанского края на 1910 год. — Ташкент, 1910.

Азиатская Россия. — М., 1903.

Азиатская Россия, т. I—III. — СПб., 1914.

Айдаралиев А. А. Основные этапы развития здравоохранения в Киргизии. — Фрунзе, 1958.

Айтбаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов. (По материалам Иссык-Кульской области Киргизской ССР). — Фрунзе, 1957.

Айтбаев М. Т. Социально-экономические отношения в киргизском ауле в XIX — начале XX веков. — Фрунзе, 1962.

Айтмамбетов Д. Дореволюционные школы в Киргизии. — Фрунзе, 1961.

Айтмамбетов Д. Культура киргизского народа во второй половине XIX— начале XX в. — Фрунзе, 1967.

Айтмамбетов Д. Некоторые данные о лечебных, культурно-просветительных учреждениях и печати в Киргизии во второй половине XIX — начале XX вв. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1959, вып. V.

Акрамов И. М. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. — Душанбе, 1963.

Алтмышбаев А. А. Из истории развития общественно-политической и философской мысли киргизского народа в конце XIX и начале XX веков.— Изв. АН КиргССР, 1957, вып. IV.

Алтмышбаев А. К истории борьбы КПСС за распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии. — Фрунзе, 1960.

Алтмышбаев А. Ленин и пропаганда марксизма в Киргизии. (1905—1923). — Фрунзе, 1967.

Алтмышбаев А. А. Некоторые пережитки прошлого в сознании людей в Средней Азии и роль социалистической культуры в борьбе с ними. — Фрунзе, 1958.

Алтмышбаев А. Октябрь и развитие общественного сознания киргизского народа. — Фрунзе, 1980.

Алыкулов Барпы. Избранное. — М., 1958.

Аминов А. М. Проблемы экономической истории Средней Азии и ее зарубежные критики. — Ташкент, 1972.

Амитин-Шапиро З. Л. Киргизия на страницах журнала «Семиречье».— Изв. Кирг. географич. общества, 1970, вып. 8.

Амитин-Шапиро З. Л. Литература о Киргизии (1918—1924): Библиография Киргизии в четырех томах, т. 1. — Фрунзе, 1963.

Амитин-Шапиро З. Л., Морозов О. Д. «Туркестанские ведомости» как источник по истории Киргизии. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1955, вып. 1.

Антипина К. И. Народное искусство киргизов. Вып. 1, 2. — Фрунзе, 1971, 1977.

Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. — Фрунзе, 1962.

Аристов Н. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина. СПб., 1896, вып. 3—4.

Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов. — Живая старина. СПб., 1894, вып. 3—4.

Аттокуров С. А. Из истории горнодобывающей промышленности Киргизии в конце XIX — начале XX в. — Вопросы истории, философии, экономики и права, вып. 1. — Фрунзе, 1966.

Аттокуров С. А. К вопросу об источниковедении и историографии промышленности Киргизии в конце XIX — начале XX в. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, 1966, вып. IX.

Аттокуров С. А. К истории геологического изучения Киргизии. — Тр. КГУ, серия историч. 1967, вып. X.

Аттокуров С. А. Положение рабочих в дореволюционной Киргизии. — В кн.: Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии. — Фрунзе, 1964, вып. III.

Аттокуров С. А. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Киргизии в конце XIX и начале XX веков. — Тр. экономич. ф-та КГУ, 1964, вып. I.

Аттокуров С. А. Развитие мелкой промышленности в Киргизии в конце XIX — начале XX в. — Уч. зап. историко-юридич. ф-та КГУ, серия историч. — Фрунзе, 1964, вып. VII.

Аттокуров С. А. Развитие товарно-денежных отношений и появление купеческого сословия в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. — Уч. зап. историко-юридич. ф-та КГУ, серия историч. — Фрунзе, 1963, вып. VII.

Бабаханов М. Предпосылки революционного союза трудящихся Туркестанского края с российским пролетариатом. — Душанбе, 1975.

Бабаханов М. Социально-экономическое положение Северного Таджикистана накануне Октября. (Вопросы генезиса капитализма). — Душанбе, 1970.

Байбулатов Б. Социально-экономический строй Киргизии до Великой Октябрьской социалистической революции. — Фрунзе, 1958.

Бактыгулов Д. С. Из истории перехода киргизского крестьянства к оседлости и социалистическим способам хозяйствования. — Фрунзе, 1971.

Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. — Соч., т. II ч. 1. — М., 1963.

Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. — Зап. АН по отдел. истории и философии, сер. VIII, т. 1, № 4, СПб., 1897 (Соч., т. IV. — М., 1966).

Баялиева Т. Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов.— Фрунзе, 1972.

Баялиева Т. Д. Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. — Фрунзе, 1981.

Бекмаханова И. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII — 60-е годы XIX в.). — М., 1980.

Бернштам А. Н. Великое наследие киргизского народа. — Изв. КиргФАН СССР, 1945, вып. 1.

Бернштам А. Н. Из истории международных и военных отношений киргизского народа (с древних времен до 1924 г.). — Изв. КиргФАН СССР, 1945, вып. 1.

Бернштам А. Н. Рецензия. — СЭ, 1947, № 1.

Бернштам А. Н. Историческая наука в Киргизии за 20 лет. — В кн.: Наука в Киргизии за 20 лет. 1926—1946. — Фрунзе, 1946.

Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. — М., 1965.

Брагинский И. С., Раджабов С., Ромодин В. А. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. — ВИ, 1953, № 8.

Бройдо Г. И. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. — Новый Восток, 1924, № 6.

Брудный Д. Из истории русско-киргизских литературных и театральных связей. — Фрунзе, 1960.

Брудный Д. К вопросу об исторических корнях русско-киргизских культурных связей. — Коммунист (Фрунзе), 1959, № 7.

БСЭ, т. 2. — М., 1926.

БСЭ, т. 11. — М., 1973.

Бурабаев М. Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Казахстане. — Алма-Ата, 1965.

Вайнштейн О. Л. Иностранные путешественники о Киргизии 60—70 гг. XIX в. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, 1958, вып. V.

Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в пяти томах. — Алма-Ата, 1961—1968.

Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. — Пг., 1915.

Векселъман М. И. К вопросу о проникновении иностранного капитала в экономику Средней Азии до первой мировой войны. — ОНУ, 1961, № 1.

Венок Токтогулу. Сборник воспоминаний и посвящений /Сост. М. Сырдыбаев. — Фрунзе, 1964.

Венюков М. Замечания об озере Иссык-Куле и реке Кашгаре. — ВРГО, 1860, ч. XXX, № 10.

Венюков М. Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сыр-Дарья. — СПб., 1877.

Венюков М. Очерки Заилийского края и Причуйской страны. — ЗРГО, кн. 4. — СПб., 1861.

Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. — СПб., 1868.

Виноградов В. Киргизская народная музыка. — Фрунзе, 1958.

Виноградов В. Токтогул Сатылганов и киргизские акыны. —М.-Л., 1952.

Вирский М. Список населенных мест Самаркандской области. — Самарканд, 1906.

Виткович В. С. С вами по Киргизии. — М., 1959.

Власова Э. И. Две забастовки шахтеров Кызыл-Кия (февраль — апрель 1912 г.). — ОНУ, 1961, № 6.

Власова Э. И. Зарождение горной промышленности в Туркестанском крае. АКД. — Ташкент, 1963.

Власова Э. И. Из жизни рабочих горной промышленности дореволюционного Туркестана. — Научные работы и сообщения, кн. 6. — Ташкент, 1963.

Власова Э. И. К вопросу проникновения иностранного капитала в промышленность Туркестана до первой мировой войны. — Научные работы и сообщения, кн. 7. — Ташкент, 1963.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел, серия 1, т. 7—8. — М., 1970—1972; серия 2, т. 1—4. — М., 1974—1980.

Военные действия против кокандцев в 1875 г. (по официальным донесениям). — ВС, 1876, № 1.

Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане. Летопись событий, ч. 1 (1903 — февраль 1917 г.). — Ташкент, 1971.

Возникновение и развитие революционного движения в Киргизии в конце XIX — начале XX в. /Галицкий В. Я., Джаманкараев А. Б., Сапелкин А. А., Усенбаев К. У./. — Фрунзе, 1973.

Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX — начале XX в. /Сапелкин А. А., Джаманкараев А. Б., Вяткин М. П., Галицкий В. Я./. — Фрунзе, 1970.

Волк С. С. К. Маркс и русские общественные деятели. — Л., 1969.

Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии: Материалы докладов, представленных на I Среднеазиатскую конференцию историков естествознания и техники. — Фрунзе, 1967.

Вопросы истории естествознания и техники в Киргизии: Материалы докладов, представленных на II Среднеазиатскую конференцию историков естествознания и техники. — Фрунзе, 1969.

Воронков В. К вопросу о поземельном устройстве туземного населения Семиреченской области. — СОВ, 1908, № 27.

Воротников В. А. Хуторские участки в Семиреченской области. — Вопросы колонизации, № 7. — СПб., 1910.

Воспоминания участников революционных событий и гражданской войны в Киргизии. — Фрунзе, 1957.

Восстание 1916 г. в Казахстане (Документы и материалы). — Алма-Ата, 1947.

Восстание 1916 г. в Киргизстане. Документы и материалы, собранные Л. В. Лесной. — М., 1937.

Восстание 1916 г. в Средней Азии. — Красный архив, 1929, № 3(34).

Восстание 1916 г. в Средней Азии: Тезисы культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания. — М. — Ташкент, 1931.

Восстание 1916 года в Средней Азии: Сб. документов. — Ташкент, 1932.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов. — М., 1960.

Вяткин М. П. Монополистический капитал в Средней Азии. — Фрунзе, 1962.

Вяткин М. П. Социально-экономическое развитие Средней Азии (Историографический очерк 1865—1965 гг.). — Фрунзе, 1974.

Габитова М. Г. Рисунки Чокана Валиханова. — Изв. АН КазССР, серия филологич. и искусствоведч., 1955, вып. 3, 4.

Гаврилов М. Ф. Классовый состав «букары» Горной Киргизии. — В кн.: Современный аул (кишлак) Средней Азии (социально-экономические очерки). /Под ред. Б. В. Карп и И. Е. Суслова, вып. X. Загорная волость) (Караколо-Нарынского Округа Киргизской АССР). Ташкент, 1927. Приложение 1.

Гаврилов М. Ф. Манап. — В кн.: Современный аул Средней Азии, вып. X. Приложение II.

Гаврилов И. Переселенческое дело в Туркестанском крае. (Области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). — СПб., 1911.

Галицкий В. Я. В. В. Верещагин в Киргизии. — Советская Киргизия, 1963, 26 окт.

Галицкий В. Я. Историография. Раздел в статье «Киргизская ССР». — СИЭ, М., 1965, т. 7.

Галицкий В. Я. История города Пишпека. 1878—1917. — Фрунзе, 1980.

Галицкий В. Я. «Капитал» Карла Маркса в дореволюционном Киргизстане. — Пропагандист и агитатор Киргизстана, 1983, № 10.

Галицкий В. Я. Киргизия в рисунках Чокана Валиханова. — Советская Киргизия, 1965, 10 янв.

Галицкий В. Я., Я. И. Корольков и его деятельность в Киргизии. — Изв. АН КиргССР, серия обществ. наук. 1961, т. III, вып. 2.

Галицкий В. Я. Рисунки и очерки художника Б. В. Смирнова как историко-этнографический источник сведений о Киргизии начала XX столетия.— Изв. АН КиргССР, серия обществ. наук. Фрунзе, 1960, т. II, вып. 3.

Галицкий В. Я. Сподвижник (О П. М. Кошарове и его рисунках). — В кн.: Родная Россия, ты наш утренний век! Сб. статей. Фрунзе, 1964.

Галицкий В. Я., Джаманкараев А. Б., Сапелкин А. А., Усенбаев К. У. Трудящиеся Киргизии в борьбе за социальное и национальное освобождение в конце XIX — начале XX в. — Фрунзе, 1982.

Галицкий В. Я., Плоских В. М. К изучению Таш-Рабата. — В кн.: По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.

Галицкий В. Я., Плоских В. М. О структуре населения дореволюционной Киргизии (XIX — нач. XX вв.). — В кн.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Галицкий В. Я., Плоских В. М., Антипина К. И. Исторический очерк Кетмень-Тюбе XIX — начала XX веков. — В кн.: Кетмень-Тюбе. Археология и история. Фрунзе, 1977.

Галицкий В. Я., Плоских В. М., Каниметов А. К. Книги Карла Маркса в дореволюционном Семиречье. — Изв. АН КиргССР, 1983, № 4.

Галицкий В. Я., Умурзаков С. У. Научно-исследовательская деятельность А. М. Фетисова в Киргизии.— Тр. географич. ф-та КГУ, 1964, вып. 4.

Галицкий В. Я., Ялымов И. Искренний друг. — В кн.: Родная Россия, ты наш утренний век! Сб. статей. Фрунзе, 1964.

Галузо П. Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867—1914 г. — Алма-Ата, 1965.

Галузо П. Г. Национально-освободительное движение в Средней Азии. — В кн.: Революция в Средней Азии. Ташкент, 1929.

Галузо П. Г. Туркестан — колония. — М., 1929, 1935.

Гейнс А. К. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан. — В кн.: *Гейнс А. К.* Собрание литературных трудов, т. II. СПб., 1898.

Гейнс А. К. Каталог картинам, этюдам и рисункам Верещагина. — СПб., 1871.

Гейнс А. К. Киргизские очерки. — ВС, 1886, № 1, 6—8.

Гейнс А. К. Собрание литературных трудов, т. I—III. — СПб., 1897—1899.

Географическо-статистический словарь Российской империи. /Под. ред. П. П. Семенова, т. 1—5. — СПб., 1863—1885.

Гинс Г. К. В киргизских аулах. (Очерки из поездки по Семиречью).— Исторический вестник, кн. X, 1913.

Гирс Ф. Отчет ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. — СПб., 1883.

Гозулов А. И. Очерки истории отечественной статистики. — М., 1982.

Голубев А. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции. — ВРГО, ч. XXVIII, отд. 1, 1860.

Голубев А. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию — Заилийский край. — ЗРГО, 1861, кн. 3.

Горький А. М. О литературе. — М., 1937.

Гродеков И. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1. Юридический быт. — Ташкент, 1889.

Грум-Гржимайло Г. Е. Краткий отчет о результатах экспедиции в приалайские страны. — ИРГО, 1884, т. XX.

Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой (Закаспийская, Самаркандская, Ферганская, Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, а также Бухарское и Хивинское ханство). Производительные силы страны. — Асхабад, 1913.

Данияров С. С. О прогрессивном значении русской культуры в развитии культуры киргизского народа в конце XIX и начале XX веков. — Фрунзе, 1964.

Данияров С. С. Становление киргизской советской культуры (1917—1924 гг.). — Фрунзе, 1983.

Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности в Туркестане. — М., 1926.

Джаманкараев А. Б. Развитие торговли в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. — Фрунзе, 1965.

Джамгерчинов Б. Д. Важный этап из истории киргизского народа (К 100-летию присоединения Киргизии к России). — Фрунзе, 1957.

Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. — Фрунзе, 1963.

Джамгерчинов Б. Д. Из истории присоединения Северной Киргизии к России. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1958, вып. V.

Джамгерчинов Б. Д. Исторические связи киргизов с Россией в XIX в. — В кн.: Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г. Ташкент, 1958.

Джамгерчинов Б. Д. К вопросу о присоединении Киргизии к России.— Изв. Кирг. ФАН СССР, 1947, вып. 7.

Джамгерчинов Б. Д. Начало утверждения влияния России в Северной Киргизии. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1958, вып. V.

Джамгерчинов Б. Д. О прогрессивном значении присоединения Киргизии к России. — Тр. ИИ АН Кирг.ССР, вып. III, 1957.

Джамгерчинов Б. Д. О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. — Фрунзе, 1963.

Джамгерчинов Б. Д. Очерк политической истории Киргизии XIX века (первая половина). — Фрунзе, 1966.

Джамгерчинов Б. Д. Очерки политической истории Киргизии XIX века — Фрунзе, 1966.

Джамгерчинов Б. Д. Присоединение Киргизии к России. — М., 1959.

Джамгерчинов Б. Д. Присоединение Северной Киргизии к России. АДД. — Л., 1950.

Джамгерчинов Б. Д. Состояние и основные проблемы исторической науки в Киргизии. — Изв. КиргФАН СССР, вып. 1, 1951.

Джамгерчинов Б. Д. и др. Историческая наука в Киргизии. — В кн.: Ленин и наука Советского Киргизстана. Фрунзе, 1970.

Джунушев К. Развитие товарно-денежных отношений в дореволюционной Киргизии. — Фрунзе, 1965.

Джунушев К. Экономические предпосылки возникновения товарного хозяйства в дореволюционной Киргизии. — Фрунзе, 1962.

Доронбекова Р. Возникновение и развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве в северных районах Киргизии в конце XIX — начале XX вв. АКД. — Фрунзе, 1969.

Дружба народов СССР — источник силы и могущества нашей великой Родины. К 100-летию добровольного вхождения Киргизии в состав России: Материалы идеологического отдела ЦК Компартии Киргизии. — Фрунзе, 1963.

Дублицкий В. Н. Родословная таблица кара-киргиз, проживающих в Джеты-Суйской области, и краткая их история. — Алма-Ата, 1923.

Емельянов Н. Материалы для статистики Туркестанского края. — ТВ, 1886, № 11.

Есипов Н. С. Промышленное строительство в ранее отсталых странах. (Исторический опыт Советской Киргизии). — Фрунзе, 1962.

Желтова В. П., Пушкарева И. М. Хроника революции 1905—1907 гг. (Источниковедческий обзор). — В кн.: Вопросы источниковедения первой русской революции. М., 1977.

Живописная Россия, т. X—XI. — СПб., 1884—1885.

Жирмунский В. М. Введение в изучение эпоса «Манас». — В кн.: Киргизский героический эпос «Манас». — М., 1961.

За власть Советов: Сб. воспоминаний. /Отв. ред. — сост. В. Н. Семенков. — Фрунзе, 1966.

Забиров К. Аграрные отношения у киргизов (1870—1881 гг.) — Уч. зап. Кирг. заочного педагогич. ин-та, 1952, вып. 3.

Забиров К. Л. Влияние русского переселенческого движения на земельные отношения в Киргизии (1881—1905 гг.). — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, 1958, вып. VI.

Забиров К. Л. Переселение и колонизация Северной Киргизии. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, 1958, вып. VI.

Загряжский Г. С. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. — ТВ, 1874, № 25, 27, 29, 30, 32.

Загряжский Г. С. Заметки о народном суде у каракиргиз. — В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III. СПб., 1874.

Загряжский Г. С. Каракиргизы. — ТВ, 1874, № 41, 44.

Загряжский Г. С. Киргизские очерки: аш или тризна по умершим. — ТВ, 1873, № 1.

Загряжский Г. С. Очерки Токмакского уезда. — ТВ, 1873, № 9, 10.

Заорская В. В., Александер К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. — Пг., 1915.

Затаевич А. 250 киргизских инструментальных пьес и напевов. — М., 1934.

Затаевич А. Киргизские инструментальные пьесы и напевы. — М., 1971.

Зевелев А. И. Проблемы истории народов Средней Азии в трудах Ленина. — В кн.: В. И. Ленин и историческая наука. М., 1968.

Зима А. Г. Земельная политика царизма в Киргизии. — Тр. КГПИ, 1948, т. 2, вып. 2.

Зима А. Г. К 30-летию национально-освободительного восстания 1916 г. в Киргизии. — Изв. Кирг. ФАН СССР, 1947, вып. VI.

Зима А. Г. Киргизия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Фрунзе, 1959.

Зима А. Г. О характере восстания 1916 г. в Киргизии. — В кн.: Материалы объед. научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Зима А. Г. Победа Октябрьской революции в Киргизии. — Фрунзе, 1966.

Зима А. Г. Советы в Киргизии в 1917 году. — Фрунзе, 1962.

Зима Б. М. Историография восстания 1916 года в Киргизии. — В кн.: Б. М. Зима. Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. Фрунзе, 1982.

Зима Б. М. К вопросу становления советской историографии Киргизии (20-е — сер. 30-х гг.). — В кн.: Зима Б. М. Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. Фрунзе, 1982.

Зима Б. М. Новый труд по истории киргизов и Кокандского ханства. — В кн.: *Зима Б. М.* Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. Фрунзе, 1982.

Зимогляд В. С. Первая социал-демократическая группа в Оше. — Тр. Ошского гос. педагогич. института. Обществ. науки. — Фрунзе, 1970.

Знаменский М. С. Дневник аулие-атинского похода (1864). — В кн.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч., т. IV. — Алма-Ата, 1968.

Зорин А. Н. Из истории восстания киргизов и казахов в 1916 г. — Борьба классов, 1932, № 7—8.

Зорин А. Н. Как создавался комсомол Семиречья. — В кн.: За власть Советов. — Фрунзе, 1966.

Зорин А. Н. Революционное движение в северных районах Киргизии. — Фрунзе, 1931.

Ибраимов К. Об отражении идеологической борьбы в киргизской литературе XIX века. — В кн.: Сознание и действительность. Фрунзе, 1964.

Иовлев Н. П. Куратов в Казахстане. — Сыктывкар, 1981.

Из Верного. — ТВ, 1886, № 42.

Из истории распространения марксистско-ленинских идей в Узбекистане: Сб. матер. — Ташкент, 1962.

Измайлов А. Э. Очерки по истории советской школы в Киргизии за 40 лет (1917—1957 гг.). — Фрунзе, 1957.

Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС, вып. 1—2. — М., 1978.

Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС. — М., 1982.

Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — нач. XX вв. — Фрунзе, 1963.

Ильясов С. И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX — нач. XX вв. АДД. — Фрунзе, 1966.

Ильясов С. И. История, археология и этнография Киргизии в трудах русских ученых. — Изв. КиргФАН СССР, 1945, вып. 2—3.

Ильясов С. И. К вопросу о вакуфах на территории Южной Киргизии.— Изв. АН КиргССР, 1955, вып. 1.

Ильясов С. И. К вопросу об общественно-экономическом строе киргизского народа в начале XX в. — Тр. ИЯЛИ АН КиргССР, 1956, вып. V.

Ильясов С. И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Киргизии. — В кн.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Ильясов С. И. Пережитки патриархально-родовых и феодально-буржуазных отношений у киргизов до проведения сплошной коллективизации. — Тр. ИЯЛИ КиргФАН СССР, 1944, вып. 1.

Ильясов С. И. Складывание зачатков экономической общности киргизского народа. — Тр. ИИ АН КиргССР, 1956, вып. 2.

Ильясов С. И. Состояние и задачи разработки истории Киргизии. — В кн.: Первая научная сессия АН Киргизской ССР. Фрунзе, 1955.

Ильясов С. И., Нуров Г. О некоторых вопросах истории киргизского народа дооктябрьского периода. — Тр. ИЯЛИ КиргФАН СССР, 1952, вып. 3.

Иноятов Х. Ш. Ответ фальсификаторам истории Средней Азии и Казахстана. — Ташкент, 1962.

Иноятов Х. Ш. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1976.

Инфантьев П. На родине первых людей. Приключения двух гимназистов в Средней Азии. — СПб., 1912.

Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. — М., 1970.

Исаев К. Социальные проблемы деревни. (Деревня Киргизии вчера, сегодня, завтра). — Фрунзе, 1976.

Искандаров Б. И. Социально-экономические и политические аспекты истории Памирских княжеств (X — первая половина XIX в.). — Душанбе, 1983.

История Казахской ССР, т. 1. — Алма-Ата, 1949.

История Казахской ССР, т. 1. — Алма-Ата, 1957.

История Казахской ССР, в 5-ти т., т. 3. — Алма-Ата, 1979.

История Киргизии, т. 1. — Фрунзе, 1956.

История Киргизии, т. 1—2. — Фрунзе, 1963.

История Киргизской ССР, т. 1. — Фрунзе, 1968.

История коммунистических организаций Средней Азии. — Ташкент, 1967.

История Коммунистической партии Советского Союза. В 6-ти томах, т. 2. — М., 1966.

История Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1973.

История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 6-е, доп. — М., 1982.

История СССР с древнейших времен до наших дней, т. VI. — М., 1968.

История таджикского народа, т. III. — Москва—Душанбе, 1960.

История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. — Ташкент, 1956.

История Узбекской ССР, т. II — Ташкент, 1968.

История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней. — Ташкент, 1974.

К истории социально-экономических укладов Киргизстана: Сб. статей.— Фрунзе, 1972.

Кадыров Ш. Видные ученые о Киргизии. /Первые путешественники по Киргизии накануне и в период ее добровольного вхождения в состав России/. — Фрунзе, 1963.

Кадыров Ш. Вопросы истории Киргизии в трудах М. И. Венюкова.— Уч. зап. КГЖПИ, серия общ. наук, 1963, вып. 7.

Кадыров Ш. Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX века. — Фрунзе, 1961.

Кадыров Ш. Русские ученые путешественники (2-й половины XIX в.) о добровольном вхождении Киргизии в состав России. — Уч. зап. КГЖПИ, серия общ. наук, вып. 7. Фрунзе, 1963.

Какеев А. Марксистско-ленинская мысль в Киргизии. — Фрунзе, 1981.

Каниметов А. Культура возрожденного к новой жизни киргизского народа. — В кн.: Развитие социалистической культуры в союзных республиках: Сб. статей. М., 1962.

Каниметов А. Язык братского единства. — Фрунзе, 1976.

Каниметов А., Галицкий В. Я. Историческая наука. Раздел в статье «Общественные науки». — В кн.: Киргизская ССР. Фрунзе, 1983.

Каразин Н. Н. Кочевья по Иссык-Кулю; Катастрофа на Кастекском перевале; Наурусова яма; Байга. — В кн.: Каразин Н. Н. Собр. соч., кн. 12. СПб., 1904—1905.

Каракеев К. К. Академия наук Киргизской ССР. — Фрунзе, 1974.

Каракеев К. К. Великий Октябрь и наука Киргизстана. — Фрунзе, 1977.

Каракеев К. К. Развитие науки в Советском Киргизстане. — Фрунзе, 1962.

Кармышева Б. Х. Поездка к киргизам Джиргеталя в 1954 г. — Изв. отделения обществ. наук АН ТаджССР, вып. 10—11, 1956.

Касымов Ф. Х. Минуя капитализм. Советская историография перехода народов Средней Азии к социализму. — М., 1980.

Каульбарс А. В. Материалы по географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 г. — ЗРГО, по общей геогр., т. 5, 1875.

Кауфман А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. — СПб., 1904.

Кауфман А. Переселение и колонизация. — СПб., 1905.

Квитко А. З. Этапы эволюции и практики скотоводства Киргизии. — Фрунзе, 1981.

Ким М. П. Об ошибках в работах по истории Киргизии. — Вестник АН СССР, 1952, № 5.

Кимасов А. М. Деятельность статистических комитетов Казахстана и их роль в изучении истории края (1877—1917). АКД. — Алма-Ата, 1978.

Кирасиров С. А. Сулюктинцы в борьбе за власть Советов. — В кн.: За власть Советов: Сб. воспоминаний. /Отв. ред. — сост. В. Н. Семенков. Фрунзе, 1966.

Киргизская ССР в 1963 году: Библиографический указатель литературы. — Фрунзе, 1963.

Кишибеков Д. Клеветники и фальсификаторы истории народов Советского Казахстана. — Алма-Ата, 1961.

Ковалев Е. Очерки быта каракиргизов. — ТВ, 1894, № 62—64; 1895, № 20.

Ковалев П. А. Рабочие-тыловики в революционных событиях 1916—1917 гг. — Звезда Востока. Ташкент, 1957, № 12.

Ковалев П. А. Революционная ситуация 1915—1917 гг. и ее проявления в Туркестане. — Ташкент, 1971.

Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы первой мировой войны. — Ташкент, 1957.

Ковалевский Е. П. Встреча с Н. Н. — В кн.: Странствователь по суше и морям. СПб., 1871.

Кожоналиев С. К. Виды налогов, поборов и повинностей в Киргизии во второй половине XIX — начале XX вв. — Тр. юридич. ф-та КГУ, вып. 3, 1966.

Кожоналиев С. К. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. — Фрунзе, 1963.

Колосов Г. А. О народном врачевании у сартов и киргизов Туркестана, ч. I. — СПб., 1903.

Конкобаев К. Топонимия Южной Киргизии. — Фрунзе, 1980.

Конопка С. Р. Туркестанский край. 2-е изд. — Ташкент, 1912.

Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. — М., 1976.

Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. — СПб., 1871.

Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России, т. I—III. — СПб., 1880.

Краснов А. Н. В снегах и льдах Восточного Тянь-Шаня. (Из записной книжки путешественника). — Книжка недели, 1887, № 8.

Краткая история СССР, в 2-х частях, ч. 1. — М., 1983.

Краткий обзор советского строительства и народного хозяйства Киргизии. — Фрунзе, 1926.

Кривошеин А. В. Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестан. — Полтава, 1912.

Кублицкий Г. «И другие...». — В кн.: По материкам и океанам. М., 1957.

Кун А. Л. Очерк Кокандского ханства. — ИРГО, т. 12, отд. 2. СПб., 1876.

(Куропаткин А. Н.) Из дневника А. Н. Куропаткина. — Красный архив, 1927, № 1(20).

(Куропаткин А. Н.) Семиречье. Из дневника А. Н. Куропаткина. — Военная мысль, 1920, № 1.

Кушелевский В. И. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области, т. I—III. — Новый Маргелан, 1890—1891.

Кушнер П. (Кнышев). Горная Киргизия (социологическая разведка). — М., 1929.

Кушнер П. (Кнышев). Манапство в Горной Киргизии. — Революционный Восток, 1927, № 2.

Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. (Буржуазная колонизация Средней Азии). — М., 1930

Лачко А. Ф. Аграрная политика царизма в Киргизии в годы столыпинской реакции. АКД. — Фрунзе, 1951.

Лачко А. Ф. Распространение идей марксизма-ленинизма в Киргизии до победы Великой Октябрьской социалистической революции. — Изв. АН КиргССР, 1961, т. III, вып. 2.

Леонов И. П. Алексей Павлович Федченко. — М., 1972.

Лерх П. О туркестанском фотографическом альбоме. — ИРГО, 1874, т. X, № 3.

Литвак Б. К. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1977.

Лунин Б. А. Географические исследования Н. М. Пржевальского в Тянь-Шане. — Уч. зап. КГЖПИ, 1957, вып. 1.

Лунин Б. В. Жизнь и деятельность академика В. В. Бартольда. — Ташкент, 1981.

Лунин Б. В. Из истории деятельности статистических комитетов в Туркестанском крае. — ОНУ, 1962, № 6.

Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917). — Ташкент, 1958.

Лунин Б. В. Историография общественных наук в Узбекистане: Биобиблиографические очерки. — Ташкент, 1974.

Лунин Б. В. В. И. Ленин и народы Средней Азии. — Ташкент, 1967.

Лунин Б. В. В. И. Ленин и Средняя Азия. — Ташкент, 1983.

Лунин Б. В. Материалы к историографии истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана конца XVIII — начала XX в. — В кн.: Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975.

Лунин Б. В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX — начало XX в. — Ташкент, 1962.

Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. — Ташкент, 1965.

Лунин Б. В. У истоков великой дружбы. — Ташкент, 1972.

Лыкошин П. С. Чашкулукская волость Ходжентского уезда. — В кн.: Справочная книжка Самаркандской области на 1906 год. Самарканд, 1906.

Лялина М. А. Путешествия по Туркестану Н. А. Северцова и А. П. Федченко. — СПб., 1894.

Маанаев Э. Из истории памирских киргизов. — Уч. зап. историко-юридич. ф-та КГУ, серия историч., 1963., вып. VII.

Маанаев Э. К вопросу о переселении киргизов на Памир. — В кн.: Материалы по истории и экономике Киргизии. Фрунзе, 1963.

Маанаев Э., Плоских В. М. На «Крыше мира» (Исторические очерки о памиро-алайских киргизах). — Фрунзе, 1983.

Малый П. Г. Статистика в исследованиях В. И. Ленина по аграрному вопросу. — М., 1965.

Мамбеталиева К. Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии. — Фрунзе, 1963.

Маметбеков З. Новые материалы о «Манасе». — Советская Киргизия, 1964, 24 нояб.

Маргулан А. Х. Валиханов как художник. — Вести. АН КазССР, 1950, № 8.

Марков Е. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге, т. II. — СПб., 1901.

Марков Е. Фергана. Путевые очерки Кокандского ханства. — Русский вестник, 1893, № VI—VII.

К. Маркс и Ф. Энгельс и революционная Россия. — М., 1967.

Масальский В. И. Туркестанский край. — СПб., 1913.

Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. 1—5. — СПб., 1872—1879.

Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Андижанский уезд, вып. I. — Нов. Маргелан, 1897.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. — Ташкент, 1955.

Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области. (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). — Ташкент, 1915.

Материалы по истории политического строя Казахстана, т. 1. — Алма-Ата, 1960.

Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Аулие-Атинский уезд. — Ташкент, 1911.

Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Андижанский уезд. — Ташкент, 1913.

Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Наманганский уезд. — Ташкент, 1913.

Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. I—VIII. — СПб., (Пг), 1911—1916.

Махова Е. И. Поселение и жилище. — В кн.: *Абрамзон С. М. и др.* Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. — М.-Л., 1958.

Мебжитов Д. М. Восстание киргизов в 1916 г. — Изв. КиргФАН СССР, 1947, вып. IV.

Менский К. Путевые заметки по Семиречью (2300 верст на почтовых). — ВС, 1905, № 8.

Миклашевский А. Социальное движение 1916 г. в Туркестане. — Былое, 1924.

Минц И. И. История Великого Октября, т. 1. — М., 1977.

Миртов В., Семенков В. Большевик Алексей Иваницын. — Фрунзе, 1963.

Михайлов М. Киргизы. — Литературная библиотека, 1867, № 12.

Могучий фактор национально-языкового развития. — Фрунзе, 1981.

Молдобаев К. Принцип народности в творчестве акынов-демократов. — Фрунзе, 1963.

Мужественные борцы за дело коммунизма. — Ташкент, 1957.

Мужиков И. П. Влияние первой русской революции 1905—1907 годов на развитие революционного движения в Киргизии. — Фрунзе, 1955.

Мулладжанова И. К вопросу о дореволюционной историографии вхождения Киргизии в состав России. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, 1967, вып. 2.

Мурзаев Э. В далекой Азии. Очерки по истории изучения Средней и Центральной Азии в XIX — XX веках. — М., 1956.

Мусабеков О. От патриархально-феодальных к социалистическим аграрным отношениям. — Фрунзе, 1968.

Мусин Х. М. Из истории возникновения пролетариата в горнодобывающей промышленности дореволюционной Киргизии. — Тр. Пржевальского учительского института, 1952, вып. 1.

Мушкетов И. В. Туркестан, т. 1. — СПб., 1915.

Навеки вместе. К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. — Алма-Ата, 1982.

Навеки вместе с русским народом! Сборник материалов празднования столетия добровольного вхождения Киргизии в состав России. — Фрунзе, 1964.

Наливкин В. Киргизы Наманганского уезда. — ТВ, 1881, № 21.

Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886.

Народы Средней Азии и Казахстана, т. I—II. — М., 1962—1963.

Наука Киргизстана — юбилею Великого Октября. — Фрунзе, 1967.

Недзвецкий В. Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области (по сведениям на 1-е января 1913 г.). — Верный, 1913.

Недзвецкий В. Е. Обзор Семиреченской области во время состояния ее в составе Степного генерал-губернаторства (1882—1899). — Верный, 1900.

Ниалло Азиз. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. — Фрунзе, 1941.

Новоселов К. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. — Ашхабад, 1962.

Нурбеков К. История государства и права Киргизской ССР, вып. 1. — Фрунзе, 1965.

Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе, 1971.

Обзор Самаркандской области (за 1887—1910 гг.). — Самарканд, 1888—1912.

Обзор Семиреченской области (за 1882—1913 гг.) — Верный, 1883—1915.

Обзор Сыр-Дарьинской области (за 1885—1913 гг.). — Ташкент, 1886—1916.

Обзор Ферганской области (за 1884—1913 гг). — Новый Маргелан (Скобелев), 1889—1916.

Оглоблин В. И. Промышленность и торговля Туркестана. Из путевых заметок. — М., 1914.

Окладников А. П. Освоение Сибири — важнейший этап истории объединения народов России. — В кн.: Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982.

Омурзаков Д. О., Саралаев М. К. Киргизские национальные виды спорта и народные игры. — Фрунзе, 1981.

Остен—Сакен Ф. Р. Поездка в Зайсанский край летом 1867 г. — ИРГО, т. V, 1869.

Орузбаев А., Джунушев К., Мансурходжаев С. Народное хозяйство Киргизии в период революции, гражданской войны и иностранной интервенции (1917—1920). — Фрунзе, 1962.

Огорбаев К. Джалал-Абадская область Киргизской ССР (экономико-географический очерк). — Фрунзе, 1957.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II. — М., 1960.

Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. — Фрунзе, 1966.

Очерки истории Коммунистической партии Киргизии, 2-е изд. — Фрунзе, 1979.

Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. — Ташкент, ч. I. 1958; ч. II, 1959.

Очерки истории советских дунган. — Фрунзе, 1967.

Ошанин В. Ф. Каратегин и Дарваз. — ИРГО, 1881, т. XVII.

Пален К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Переселенческое дело в Туркестане. — СПб., 1910; Налоги и пошлины. Органы финансового управления. — СПб., 1910; Народные суды Туркестанского края. — СПб., 1910; Земское хозяйство. — СПб., 1910; Горное дело. — СПб., 1910.

Пален К. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. I. — СПб., 1911.

Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год, т. II. — Верный, 1898.

Пахмурный П. Большевики Казахстана в революции 1905—1907 гг. — Алма-Ата, 1976.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г., т. 83. Самаркандская область. — СПб., 1905; т. 85. Семиреченская область. — СПб., 1905; т. 86. Сыр-Дарьинская область. — СПб., 1905; т. 89. Ферганская область. — СПб., 1904.

Перепелицина Л. А. Роль русской культуры в развитии культуры народов Средней Азии. — М., 1966.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 2-е изд. — М., 1951.

Плоских В. М. Вклад русских исследователей в изучение истории киргизского народа. — В кн.: Крепить творческий союз науки и производства: Материалы республиканского совещания научных работников. Фрунзе, 3 декабря 1965 г. Фрунзе, 1966.

Плоских В. М. Киргизы и Кокандское ханство. — Фрунзе, 1977.

Плоских В. М. Советская историография социально-экономических отношений в дореволюционной Киргизии. — В кн.: Наука Киргизстана — юбилею Великого Октября. Юбилейная научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Фрунзе, 1967.

Плоских В. М., Галицкий В. Я. Верещагин-Туркестанский. — В кн.: *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Тропою первопроходцев. Фрунзе, 1973.

Плоских В. М., Галицкий В. Я. Врач, археолог, этнограф. (Ф. В. Поярков). — В кн.: *Плоских В. М., Галицкий В. Я.* Тропою первопроходцев. Фрунзе, 1973.

Плоских В. М., Галицкий В. Я. Странствователь по Киргизии. — Литературный Киргизстан, 1967, № 6.

Плоских В. М., Галицкий В. Я. Тропою первопроходцев. — Фрунзе, 1973.

Победа Октябрьской революции в Киргизии: Сб. документов (1917—1918). — Фрунзе, 1977.

Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1967.

Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. — М., 1930.

Позднеев А. Киргизы. — Энциклопедический словарь Брокгауз — Ефрон. СПб., 1895, полут. 29.

Половцов А. А. Отчет чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел А. А. Половцова, командированного в 1896—1897 гг. для собрания сведений о положении переселенческого дела в Туркестанском крае. — СПб., 1898.

Пономарев И. Оседлые поселения киргиз в Семиреченской области. — ТВ, 1900, № 16.

Понятовский С. В. Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. — СПб., 1913.

Поярков Ф. В. Последний эпизод дунганского восстания. — Верный, 1901.

Проект всеподданейшего отчета ген. -адъ. К. П. фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. — СПб., 1885.

Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. /Под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. — Пг., 1916.

Путеводитель по Туркестану и Среднеазиатской железной дороге. /Под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова. — СПб., 1903.

Пясковский А. В. К вопросу о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России. — ВИ, 1959, № 8.

Пясковский А. В. Приобщение среднеазиатских народов к революционной борьбе русского народа — важнейшее прогрессивное последствие присоединения Средней Азии к России. — В кн.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959.

Пясковский А. В. Революция 1905—1907 годов в Туркестане. — М., 1958.

Пясковский А. В. Революция 1905—1907 годов в Узбекистане. — Ташкент, 1957.

Пятидесятилетие Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии: Материалы в помощь пропагандистам, политинформаторам и агитаторам. — Фрунзе, 1974.

Пятьдесят лет первой русской революции (Тезисы). — М., 1955.

Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1907—1914 гг.: Сб. материалов и документов. — Алма-Ата, 1957.

Раджабов З.Ш. К вопросу о присоединении Средней Азии к России. —В кн.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1959.

Раджабов З. Ш. Туркестан на страницах большевистских газет периода первой русской революции (1905—1907 гг.). — Душанбе, 1970.

Радлов В. В. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. — ИРГО, 1870, т. VI, № 3.

Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V. Наречие дикокаменных киргизов. — СПб., 1885.

Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг.: Сб. документов и материалов. — Алма-Ата, 1955.

Редько С. К. Периодическая сельскохозяйственная печать дореволюционного Туркестана. — В кн.: Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1927.

Резцов Л. Октябрь в Туркестане. — Ташкент, 1927.

«Реквизированные рабочие» в революционной борьбе в 1916—1917 гг. — История пролетариата СССР, 1934, № 1(17).

Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география, т. VI. Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. — СПб., 1883.

Рзаев Д. О. О фальсификаторах истории Советской Средней Азии. — Фрунзе, 1962.

Р. Н. Каракиргизское самоуправление. — ТВ, 1909, № 149.

Роборовский В. И. Последние часы жизни Николая Михайловича Пржевальского. — Русский инвалид, 1888, № 250.

Россель Ю. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. — Вестник Европы, 1878, № 6—7 (ТС, т. 222).

Рыскулбеков М. Р. Из истории ремесленно-кустарной промышленности в дореволюционной Киргизии. — Тр. КГПИ, серия историч., вып. 2, 1950.

Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока. — Новый Восток, 1924, кн. 6.

Рыскулов Т. Киргизстан. (Историко-экономический очерк). — М., 1935.

Русские путешественники и исследователи о киргизах. — Фрунзе, 1973.

Рябушкин Т. В. В. И. Ленин и статистика. — М., 1971.

Рязанцев С. Н., Павленко В. Ф. Киргизская ССР. Экономико-географическая характеристика. — М., 1960.

Садыков Х. Д. Политико-административное устройство Туркестанского генерал-губернаторства (1867—1917 гг). АКД. — Ташкент, 1973.

Садыков Э. А. Развитие средств связи Киргизской ССР. — Фрунзе, 1981.

Салиев А. С. Человек входит в мир. — Фрунзе, 1983.

Сапаралиев Д. Зарождение дружественных взаимоотношений киргизов с народами Средней Азии, Казахстана и России. — В кн.: История и современность: Сб. статей. Фрунзе, 1982.

Сапаргалиев Г. Карательная политика царизма в Казахстане (1905—1917 гг.). — Алма-Ата, 1966.

Сапелкин А. А. Аграрное движение среди русских переселенцев накануне Октября. — В кн.: Революционное и национально-освободительное движение в Киргизии в конце XIX — начале XX в.: Тезисы докладов научной конференции. Фрунзе, 1974.

Сапелкин А. А. Аграрные отношения в Киргизии в начале XX века (1900—1917 гг.). — Фрунзе, 1977.

Сапелкин А. А. К истории феодализма в Киргизии в конце XIX — начале XX в. (административное устройство и налоговая система). — Фрунзе, 1968.

Сапелкин А. А. Налоговая политика царизма в Киргизии. — В кн.: Материалы по истории и экономике Киргизии. Фрунзе, 1963.

Сахаров М. Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. — М., 1934.

Северцов И. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенное по поручению Русского географического общества доктором зоологии, членом Русского географического и других ученых обществ Н. Северцовым. — СПб., 1873.

Седьмой съезд представителей мелкого кредита Семиреченской области. — СОВ, 1913, № 217.

Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 год. — Верный, 1915.

Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1915 год. — Верный, 1916.

Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края (Сыр-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская и Закаспийская области) за 1915 год. — Ташкент, 1916.

Семенков В. И. Борец за народное дело. (Т. Жукеев — А. А. Пудовкин. 1882—1930). О первом революционере-большевике Киргизии. — Фрунзе, 1963.

Семенков В. И. Борьба большевиков Киргизии за власть Советов. — Фрунзе, 1962.

Семенков В. И. Борьба большевиков Кызыл-Кия за власть Советов. — Изв. АН КиргССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960.

Семенков В. И. Первый большевистский Совет Сулюкты. — Советская Киргизия, 1967, 7 окт.

Семенов Д. Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученых исследователей, т. VI. Туркестанский край: Учебное пособие для учащихся. — М., 1887.

Семенов П. П. Записка действительного члена Географического общества П. П. Семенова. — В кн.: Бабков И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири 1859—1875 гг. Разграничение с Западным Китаем. 1896. СПб., 1912.

Семенов П. П. Небесный хребет и Заилийский край. — В кн.: Живописная Россия, т. X. СПб., 1885.

Семенов П. П. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет до верховья реки Яксарта или Сыр-Дарьи в 1857 году. — ВРГО, ч. 23, отд. II. —СПб., 1858.

Семенов П. П. Письмо действительного члена РГО П. П. Семенова о путешествии в Киргизские степи Сибирского ведомства в 1856 г., 18 сентября 1856 г. — ВРГО, ч. 18, кн. 3, 5. — СПб., 1856.

Семенов П. П. Поездка из укрепления Верного через горный перевал

у Суок-Тюбе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 г. — ЗРГО по общей географии, 1867, т. 1.

Семенов П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. — М., 1946, 1947, 1948, 1958.

«Семирек». Токмак. — СОВ, 1913, № 86—88.

Серебренников А. Г. Кокандский поход 1875—1876 гг. — Б. м. и г.

Сибирский торгово-промышленный ежегодник. — СПб., 1913.

Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914—1915 гг. — Пг., 1914.

Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь. — Томск, 1897—1907, 1910—1911.

Сидоров А. Проникновение иностранного капитала в экономику дореволюционной Киргизии. — Коммунист (Фрунзе), 1958, № 12.

Сидоров А. Л. Значение труда В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» для исторической науки. — В кн.: Доклады и сообщения ИИ АН СССР, вып. 1, 1954.

Сидоров А. Ф. Индустрия Киргизстана. — Фрунзе, 1961.

Симонов И. А. Большевистская печать в Туркестане. (1902—1907 гг.). — В кн.: Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане: Сб. статей. Ташкент, 1955.

Синг — Задс. К 30-летию Андижанского восстания 1898 года. — В кн.: Революция в Средней Азии. Ташкент, 1929.

Ситняковский И. Ф. Перечисление некоторых родов киргиз, обитающих в восточной части Ферганской области. — Изв. ТОРГО, т. II, 1900, вып. 1.

Ситняковский И. Ф. Таблица киргизских родов Ошского уезда. — Изв. ТОРГО. Ташкент, 1900, т. II, вып. 2.

Смирнов Е. Т. Сыр-Дарьинская область. — СПб., 1887.

Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС: Сб. ст., ч. I. — М., 1962.

Соколов А. О каракиргизах. — СОВ, 1910, № 10, 53, 54, 58.

Соколов А. Д. Тогуз-Торау. (По новой дороге из Семиречья в Фергану). — Верный, 1908.

Соронбаев К. О работе Института языка, литературы и истории Киргиз. филиала АН СССР. — Изв. КиргФАН СССР, вып. 1(8), 1948.

Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. — Ташкент, 1973.

Список населенных мест Ферганской области. — Скобелев, 1911.

Справочная книга Самаркандской области, вып. 1—10. — Самарканд, 1893—1912.

Справочник Самаркандской области (на 1899—1914 годы). — Самарканд, 1899—1914.

Спутник туркестанца. Карманный календарь и справочная книжка Туркестанского генерал-губернаторства на 1900 г. — Ташкент, 1899.

Ссудные кассы Сыр-Дарьинской области. — ТВ, 1886, № 32.

Старостин В. Т. С кайлом и винтовкой. — В кн.: За власть Советов: Сб. воспоминаний. /Отв. ред. -сост. В. Н. Семенков. Фрунзе, 1966.

Статистика Российской империи, т. V. Военно-конская перепись 1899—1901 гг. — СПб., 1902.

Статистический ежегодник. 1917—1923 гг., т. I, ч. III. — Ташкент, 1924.

Статистический обзор Ферганской области за 1904 год. — Новый Маргелан, 1905; то же, за 1906 год. — Скобелев, 1907; то же за 1907 год. — Скобелев, 1908; то же, за 1908 год. — Скобелев, 1909; то же, за 1910 год. — Скобелев, 1912; то же, за 1911 год. — Скобелев, 1914; то же, за 1913 год. — Скобелев, 1916; то же, за 1914 год. — Скобелев, 1917.

Степанов А. А. Михаил Иванович Вепюков. — В кн.: Вепюков М. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952.

Стродс Х. П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях. — В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1976.

Сулайманов Э. Традиции обработки металлов у киргизов. — Фрунзе, 1982.

Сухарева О. А., Турсунов И. О. Из истории городских и сельских поселений Средней Азии. — В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Сыдыков К. Богатства недр Киргизии и их использование. — Фрунзе, 1969.

Табалдиев Р. Дж. Восстановление сельскохозяйственного производства Киргизии. — Фрунзе, 1965.

Табышалиев С. Т. Значение добровольного вхождения Киргизии в состав России для судеб киргизского народа. — В кн.: Навеки вместе: К 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1982.

Табышалиев С. Т. О состоянии и задачах исторической науки в Киргизии. — Тр. ИИ АН КиргССР, вып. 1, 1955.

Тагеев Б. Л. (Рустам-Бек.) В заоблачной стране. Очерки и рассказы из жизни в Фергане и на Памире и воспоминания участника о памирских походах в 1892—1895 г. — М., 1904.

Тагеев Б. Л. На Востоке. Очерки и рассказы из жизни на далеких окраинах Азии. — Варшава, 1902.

Тагеев Б. Л. (Рустам-Бек). По Азии. Сборник статей для юношества. — М., 1903.

Тагеев Б. Л. (Рустам-Бек). Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире. — СПб., 1900.

Тагеев Б. Л. (Рустам-Бек). Через Алай и Памир. Очерки путешествий по Памиру. — М., 1905.

Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк. (1855—1868 гг.). — В кн.: Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год, т. II. Верный, 1898.

Тарновский К. Н. Советская историография российского империализма. — М., 1964.

Татыбекова Ж. С. История каменноугольного рудника «Кызыл-Кия» (1917—1963). — Фрунзе, 1964.

Татыбекова Ж. С. Положение женщины-киргизки до Великой Октябрьской социалистической революции. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, вып. 3, 1954.

Татыбекова Ж., Дуйшемалиев Т., Сейтказиева Н. Великий киргизский акын-демократ Токтогул Сатылганов (1864—1933). — Тр. ИИ АН КиргССР, вып. IV, 1958.

Таштемиров Дж. Барпы Алыкулов. — Фрунзе, 1957.

Терентьев И. Ф. Сведения о городе Пишпеке. — В кн.: Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год, т. II. Верный, 1898.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, т. I—III. — СПб., 1906.

Токомбаев А. Деятельность Института языка, литературы и истории и его дальнейшие задачи. — Изв. КиргФАН СССР, вып. I, 1945.

Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, т. I. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. — М., 1969.

Туркестанская справочная книга на 1885 год с календарем. — Ташкент, 1884.

Туркестанский календарь на 1880 год: Справочная книга. — Ташкент, 1879.

Туркестанский коммерческий адрес-календарь на 1898 год. — Самарканд, 1898.

Туркестанский на 1904 год календарь. — Ташкент, 1904.

Туркестанский сельскохозяйственный календарь на 1912 год. — Ташкент, 1912.

Турсунбаев А. Б. Против буржуазной фальсификации истории Казахстана. — Алма-Ата, 1963.

Турсунов Х. Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1962.

Тутлис В. П. Большевики Семиречья в борьбе за массы в первые месяцы двоевластия. — Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии, вып. IV, 1967.

Тутлис В. П. К истории становления социал-демократической организации в Семиречье. — В кн.: Материалы объединенной научной сессии, посвященной 40—летию Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1966.

Тутлис В. П. Некоторые особенности расстановки политических сил в Семиречье после свержения самодержавия. — Тр. КГУ, серия историч. наук, вып. X, 1967.

Тутлис В. П. Первые антивоенные выступления трудящихся Киргизии в 1914 г. — В кн.: Сб. статей КГЖПИ, вып. 12, 1974.

У истоков Коммунистической партии Казахстана: Летопись важнейших событий, ч. I. (Конец XIX века — февраль 1917 года). — Алма-Ата, 1966.

Умурзаков С. У. Краткие сведения по истории географического изучения Киргизии. — В кн.: Природа Киргизии. Фрунзе, 1982.

Умурзаков С. У. Краткий очерк истории географического изучения Киргизии. — Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР, 1962, т. 42, вып. 3.

Умурзаков С. Первая русская экспедиция на озеро Иссык-Куль. — ИВГО, т. 95, 1963.

Умурзаков С. С четырех сторон горизонта. — Фрунзе, 1983.

Усенбаев К. У. Восстание 1916 года в Киргизии. — Фрунзе, 1967.

Усенбаев К. У. К вопросу о присоединении Южной Киргизии к России. — Тр. ИИ АН КиргССР, вып. I, 1955.

Усенбаев К. У. К вопросу об общности территории киргизского народа в дореволюционный период. — Тр. ИИ АН КиргССР, вып. 2, 1956.

Усенбаев К. У. Обострение социальных противоречий в Киргизии в конце XIX — начале XX в., — Изв. АН КиргССР, 1979, № I.

Усенбаев К. У. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX век — до присоединения Киргизии к России). — Фрунзе, 1961.

Усенбаев К. У. Общественно-экономические отношения киргизов (вторая половина XIX — начало XX в.). — Фрунзе, 1980.

Усенбаев К. У. Приобщение трудящихся Киргизии к революционной борьбе в России. — Фрунзе, 1971.

Усенбаев К. У. Присоединение Южной Киргизии к России. — Фрунзе, 1960.

Усенбаев К. У. Прогрессивное значение присоединения Киргизии к России. — Фрунзе, 1957.

Усенбаев К. У. Революционное движение в Киргизии накануне Октябрьской революции. — Фрунзе, 1965.

Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. — Ташкент, 1925.

Федоров Е. Революция 1905—1907 гг. в Казахстане. — Большевик Казахстана, 1940, № 12.

Федоров Е. 1905 год и коренное население Туркестана. — Новый Восток. М., 1925, кн. 10—11.

Федченко А. П. В Кокандском ханстве. — СПб. — М., 1875.

Федченко А. П. Путешествие в Туркестан (1868—1871). — М., 1950.

Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX в.: (Социально-экономический аспект). — Ташкент, 1983.

Фрадкин И. Г. Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский. — В кн.: Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары, т. II. М., 1946.

Фридман Ц. Л. Банки и кредит в дореволюционном Киргизстане. — Алма-Ата, 1974.

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857—1868 гг.) — М., 1960.

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). — М., 1965.

Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. (Первая половина XIX в.). — М., 1974.

Хасанов А. Х. Взаимоотношения киргизов с Кокандским ханством и Россией в 50—70-х годах XIX века. — Фрунзе, 1961.

Хасанов А. Х. Взаимоотношения южных киргизов с Россией в период восстания 1873—1874 гг. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, вып. VI, 1958.

Хасанов А. Х. Из истории классовой борьбы в Киргизии во второй половине XIX — начале XX вв. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, вып. IX, 1966.

Хасанов А. Х. Историография Андижанского восстания. — Тр. КГУ, серия историч., вып. XII, 1972.

Хасанов А. Х. О присоединении северных киргизов к России. — ВИ, 1950, № 7.

Хасанов А. Х. Отражение в эпосе «Манас» и в фольклоре исторической связи киргизов с Россией. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, 1958, вып. V.

Хасанов А. Х. Экономические и политические связи Киргизии с Россией. — Фрунзе, 1960.

Хелимский Е. И. Социально-экономическое развитие киргизского аила в начале 20-х годов. — В кн.: Изменение социальной структуры народов СССР. Вопросы истории и историографии социальных преобразований 20—30-х годов. М., 1982.

Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1975.

Хорошхин А. И. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. — СПб., 1876.

Хроника событий Октябрьской революции в Узбекистане (февраль — ноябрь 1917 г.). — Ташкент, 1962.

Чабров Г. И. Собирание орнаментальных мотивов среднеазиатского искусства в дореволюционном Туркестане. — (Археология Средней Азии, т. VI, Ташкент, 1963). — Тр. Ташкентского госуниверситета, вып. 200, 1963.

Чебыкин П. Т. Утро Советов. — В кн.: За власть Советов: Сб воспоминаний. /Отв. ред-сост. В. Н. Семенков. Фрунзе, 1966.

Чиркин Г. Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. Записка командированного в Семиреченскую область летом 1908 года ревизора землеустройства Г. Ф. Чиркина. — СПб., 1908.

Чормонов Б. Ш., Сидоров А. Ф. Промышленный прогресс в Киргизской ССР. — Фрунзе, 1963.

Чубуков Я. А. Революционная борьба в северных районах Киргизии (1917—1918 гг.). Фрунзе, 1941.

Чукубаев А. А. Дореволюционная деятельность и творчество Токтогула Сатылганова. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, вып. V, 1958.

Чукубаев А. А. К вопросу об отношении Токтогула к Андижанскому восстанию. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, вып. IV, 1955.

Чукубаев А. А. Классовая борьба и общественная мысль в Киргизии (1900—1917 гг.). — Фрунзе, 1967.

Чукубаев А. А. Некоторые вопросы развития общественных идей в Киргизии во второй половине XIX в. — Вопросы истории, философии, экономики и права (КГУ), вып. I, 1966.

Чукубаев А. А. О влиянии передовой культуры русского народа на культуру народов дореволюционной Киргизии. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, вып. IX, 1966.

Чукубаев А. А. Революционные события и общественное движение в Киргизии в начале XX в. (1900—1907 гг.). — Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии, вып. III. Фрунзе, 1964.

Чукубаев А. А. Социально-экономическая и политическая обстановка и развитие общественной мысли Киргизии во II половине XIX — начале XX вв. — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, вып. IV, 1955.

Чукубаев А. А. Тоголок Молдо — идеолог трудового крестьянства дореволюционной Киргизии (конец XIX — начало XX в.). — Тр. КГУ, серия историч., вып. XI. Фрунзе, 1971.

Чукубаев А. А. Токтогул (эпоха, жизнь, творчество). — Фрунзе, 1958.

Ша (Шоу) Р. Очерк Верхней Татарии, Ярканда и Кашгара (Прежней Китайской Татарии). — СПб., 1872.

Шеварднадзе Э. А. Великий праздник дружбы и братства: Доклад, посвященный 200-летию дружественного Георгиевского договора между Россией и Грузией. — Заря Востока, 1983, 28 окт.

Шерстобитов В. П. История Киргизии на страницах периодических изданий вузов (1966—1970 гг.). — ИС, 1971, № 4.

Шерстобитов В. П. и др. История советского крестьянства Киргизстана. — Фрунзе, 1972.

Шерстобитов В. П. Историческая наука в национальных республиках после XX съезда КПСС. Киргизская ССР. — ИС, 1961, № 5.

Шерстобитов В. П. Новая экономическая политика в Киргизии (1921—1925). — Фрунзе, 1964.

Шерстобитов В. П. Ленин и крестьянство Советского Востока (на материале Киргизской ССР). — Фрунзе, 1969.

Шерстобитов В. П. и др. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960 гг). — Фрунзе, 1961.

Шибаева Ю. А. Материалы по жилищу мургабских киргизов. Сообщения республиканского историко-краеведческого музея. Вып. 2. (История и этнография). — Душанбе, 1955.

Щербина — Крамаренко И. И. По мусульманским святыням Средней Азии (Путевые заметки и впечатления). — В кн.: Справочная книга Самаркандской области на 1896 год. Самарканд, 1896.

Элебаев Б. Классовая борьба в Северной Киргизии накануне свержения царизма и в период борьбы за Советскую власть (1916 — конец 1918 г.). — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, вып. IV, 1955.

Элебаев Б. Классовая борьба за Советскую власть (1916 — конец 1918 г.). — Уч. зап. историч. ф-та КГУ, вып. IV, 1955.

Эрназаров Т. Э., Акбаров А. И. История печати Туркестана. — Ташкент, 1976.

Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. — М., 1965.

Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). — Ташкент, 1969.

Юсупов Э. Ю., Турсунов Х. Т. К вопросу о характере восстания 1916 года в Средней Азии. — ИС, 1981, № 5.

Юсупов Э. Ю., Турсунов Х. Т. К истории восстания в 1916 году. — ОНУ, 1981, № 4.

Юферев В. И. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана. — СПб., 1914.

Юшкова Л. Н. Совершенствование отраслевой структуры промышленности Киргизии. — Фрунзе, 1981.

Якубов Б. Из истории партийной организации Ферганы. — Ташкент, 1967.

Якубов Б. Революционные события 1905—1907 гг. в Ферганской долине. — Уч. зап. Андижанского госпединститута, вып. II. — Андижан, 1955.

Якунин А. Ф. Революция в Средней Азии и Казахстане в 1905—1907 гг. — В кн.: Первая русская революция 1905—1907 гг.: Сб. статей. М., 1955.

(Яновский А.). Киргизы и киргиз-кайсаки. — Энциклопедический словарь Брокгауз — Ефрон, полут. 29. — СПб., 1895.

* * *

Акыев Калык. Баскан жол (Өмүр баян). — Фрунзе, 1964.

Акыев Калык. Тандалган чыгармаларынын бир томдук жыйнагы. — Фрунзе, 1972.

Исаев Д. Жер-суу аттарынын сыры. — Фрунзе, 1977.

Кыргыз ССР тарыхы, 1 т. — Фрунзе, 1973.

Сыдыков О. Тарыхы кыргыз Шадмания. — Уфа, 1914.

Тоголок Молдо жөнүндө эстеликтер (эскермелер, макалалар). — Фрунзе, 1960.

Тоголок Молдо. Чыгармаларынын эки томдук жыйнагы, 1—2 т. — Фрунзе, 1970.

Токтогул. Чыгармаларынын эки томдук жыйнагы, 1—2 т. — Фрунзе, 1968.

Токтогулдун замандаштарынын эскермелери. — Фрунзе, 1959.

Усенбаев К. Революциянын тацында. — Фрунзе, 1974.

* * *

Adye I. M. Russia in Central Asia, Gibraltar, 1885.

Alleg H. Etoile Rouge et croissant vert. (L'Orient Soviétique). — Paris, 1983.

Bonvalot G. En Asia Centrale: En 2 vol. — Paris: Plon, 1884—1885.

Bonvalot G. Du Caucase aux Indes: A travers le Pamir. — Paris: Plon, 1889.

Bonvalot G. Through the Heart of Asia over the Pamir to India. — London, 1889.

Boulger D. England and Russia in Central Asia, 2 vols., London, 1879.

Boulger D. Central Asian Portraits, London, 1880.

Boulger D. Central Asian Questions, London, 1885.

Capus G. Le toit du monde (Pamir). — Paris: Libr. Hachette, 1890.

Capus G. A travers le royaume de Tamerlan (Asie Centrale). — Paris: Hennyer, 1892.

Curzon G. N. Russia in Central Asia, in 1889 and the Anglo-Russian question, London—New-York, 1889.

Curtis W. E. Turkestan: The Heart of Asia, London — New-York: Hodder, 1911.

Davies R. H. Report on the Trade of Central Asia, London, 1864.

Grabzewski B. Na sluzbie rosyjskiej. — Warszawa; PWN, 1926.

Grabzewski B. Podróże po Azji Srodkowej. — Warszawa; PWN, 1958.

Krausse A. Russia in Central Asia, London, 1899.

Lansdell H. Through Central Asia, London, 1887.

Radloff W. Aus Sibirien: In 2 Bd. — Leipzig: Weigel, 1884.

Rawlinson H. C. England and Russia in the East. — London: Murray, 1875.

Rickmers W. R. The Duab of Turkestan: A physiographic sketch and of account some travels. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1913.

Schuler E. Turkistan. Notes of a Journey in Rissian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. 2 vols, London — New York, 1876.

Sievers W. Asien: Eine allgemeine Landeskunde. — Leipzig; Wien: Bibliogr. Inst., 1893.

Skrine F. H., Ross E. D. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. — London: Methuen, 1899.

Vambery A. Central Asia and the Anglo-Russian Question, London, 1874.

Worms H. England's policy in the East, London, 1877.

Younghusband F. E. The Heart of continent, New-York, 1904.

РУКОПИСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архивные материалы по истории Киргизской ССР. — РФООН АН КиргССР, инв. № 54.

Материалы для составления сельскохозяйственного обзора Семиреченской области за 1916 год. — РФООН АН КиргССР, инв. № 18.

Материалы о восстании 1916 г. в Киргизии. — РФООН АН КиргССР, инв. № 61, 137, 1487, 1491, 1505, 1519.

Материалы о революционной борьбе в северных районах Киргизии. — РФООН АН КиргССР, инв. № 1617.

Материалы об общественно-экономических отношениях киргизов в XIX в. — РФООН АН КиргССР, инв. № 1679.

Материалы об общественно-экономическом строе киргизов в дореволюционный период. — РФООН АН КиргССР, инв. № 1695.

МАТЕРИАЛЫ НА КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ, ХРАНЯЩИЕСЯ В РУКОПИСНЫХ ФОНДАХ ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АН КИРГИЗСКОЙ ССР

Абдрахманов И. Зулумдар. Инв. № 322.

Абдрахманов И. Манап деген наамдын келип чыгышы жана манаптардын элге корсоткон жаман кылыктары. Инв. № 1713.

Абдрахманов И. Кыргызстанга оторлордун келиши. Инв. № 2044.

Кыргыздын түпкү теги, уруучулук курулушу, түрлүү салттары. А. Убукеев 1939—1940-жылдары Талып Байболотовдон жазып алган. Инв. № 787.

Молдо Кылыч. Зар заман. Инв. № 25.

Молдо Кылыч. Кысса-и-зар заман. Инв. № 1317.

Ноокаттын эл адабияты. Жыйнаган Мифтаков Каюм. Инв. № 205.

Чоң Алайдын тарыхый материалдары. Жыйнаган Мифтаков Каюм. Инв. № 381.

Шайбековдун чыгармалары. Исак Шайбеков (Фольклор бөлүмү, инв. № 406).

1916-жылкы көтөрүлүш (Фольклор бөлүмү, инв. № 202).

1916-жылдагы көтөрүлүш жөнүндө ырлар. Жыйнаган М. Татыбеков (Фольклор бөлүмү, инв. № 1448).

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ЦГИА СССР

ф. 102 — Комитет морских экскурсий.

ф. 391 — Переселенческое управление.

ф. 428 — Управление гидромодульной части.

ф. 432 — Изыскательские партии отдела земельных улучшений Министерства земледелия.

ф. 560 — Общая канцелярия министра финансов.

ф. 573 — Департамент окладных сборов.

ф. 1276 — Совет министров.

ф. 1284 — Департамент общих дел МВД.

ф. 1289 — Главное управление почт и телеграфов.

ф. 1290 — Центральный статистический комитет МВД.

ф. 1291 — Земский отдел МВД.

ф. 1396 — Ревизия сенатора К. Палена Туркестанского края.

ф. 1405 — Министерство юстиции, прокурорский надзор.

ЦГАОРСС СССР

ф. 102 — Департамент полиции.

ЦГВИА СССР

ф. ВУА — Военно-ученый архив.

ф. 400 — Главный штаб, Азиатская часть.

ф. 1396 — Штаб Туркестанского военного округа.

МИД СССР АВПР

ф. — Главный архив, 1—7, 1—9.

ЦГА КАЗАХСКОЙ ССР

ф. и. 17 — Главная контора Экибастузских копей Киргизского горнопромышленного акционерного общества.

ф. и. 19 — Заведующий переселенческим делом в Сыр-Дарьинской области.

ф. и. 44 — Семиреченское областное правление.

ф. и. 48 — Верненская городская управа.

ф .и. 64 — Канцелярия степного генерал-губернатора.

ф. и. 73 — Заведующий Верненским розыскным пунктом.

ф. и. 76 — Прокурор Верненского окружного суда.

ф. и. 77 — Верненский окружной суд.

ф. и. 146 — Аулие-Атинское уездное управление.

ф. и. 239 — Верненское отделение Государственного банка.

ф. и. 300 — Надзиратель 3-го округа управления акцизными сборами Туркестанского края Семиреченской и Закаспийской областей.

ф. и. 380 — Коллекция.

ф. и. 510 — Податной инспектор.

ЦГА УЗБЕКСКОЙ ССР

ф. и. 1. — Канцелярия туркестанского генерал-губернатора.

ф. и. 17 — Сыр-Дарьинское областное правление.

ф. и. 19 — Ферганское областное правление.

ф. и. 41 — Окружной инженер Туркестанского горного округа.

ф. и. 98 — Ташкентская контора торгового дома братьев Яушевых.

ф. и. 128 — Ташкентский окружной суд.

ф. и. 215 — Ферганский областной ветеринарный инспектор.

ф. и. 276 — Канцелярия военного губернатора Ферганской области.

ф. и. 461 — Туркестанское районное охранное отделение.

ф .и. 467 — Верненский розыскной пункт.

ф. и. 715 — Подготовительные материалы к составленной полковником Серебренниковым публикации документов «Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания».

ф. и. 725 — Судная часть штаба ТуркВО.

ф .и. 1760 — Туркестанский комитет Временного правительства.

ЦГА КИРГИЗСКОЙ ССР

ф. и. 7 — Пишпекское городское общественное управление.

ф .и. 12 — Пржевальское уездное переселенческое управление.

ф. и. 13 — Начальник Пишпекского уезда.

ф. и. 38 — Ошское уездное поземельно-податное присутствие.

ф. и. 39 — Податный инспектор Ошского уезда Туркестанской казенной палаты 16 участка.

ф. п. 75 — Коллекция документов по теме «Присоединение Киргизии к России».

ЦГА ТАДЖИКСКОЙ ССР

ф. п. 4 — Исфанейский участковый пристав.

ф. п. 22 — Мировой судья 2 участка Ходжентского уезда.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России МИД СССР
АДД — Автореферат докторской диссертации
АКД — Автореферат кандидатской диссертации.
АН — Академия наук.
Б м. и г. — Без места и года (издания).
БСЭ — Большая советская энциклопедия.
ВИ — Вопросы истории.
ВРГО — Вестник Русского географического общества.
ВС — Военный сборник.
ЗРГО — Записки Русского географического общества.
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества.
ИИ — Институт истории.
ИРГО — Известия Русского географического общества.
ИС — История СССР.
ИЭ — Институт этнографии.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
КГЖПИ — Киргизский государственный женский педагогический институт
КГПИ — Киргизский государственный педагогический институт.
КГУ — Киргизский государственный университет.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане.
ОСДО — Обзор Сыр-Дарьинской области.
ОСО — Обзор Семиреченской области.
ОФО — Обзор Ферганской области.
РГО — Русское географическое общество.
РФООН — Рукописные фонды отделения общественных наук.
СИЭ — Советская историческая энциклопедия.
СОВ — Семиреченские областные ведомости.
СЭ — Советская этнография.
ТВ — Туркестанские ведомости.

ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции.

ТОРГО — Туркестанский отдел Русского географического общества.

ТС — Туркестанский сборник. Ташкент.

ФАН — Филиал Академии наук.

Ф. и. — Фонд исторический.

ЦГА — Центральный государственный архив.

ЦГАОРСС — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ИСТОРИОГРАФИЯ 10

Методологическая основа изучения истории Киргизии второй половины XIX — начала XX в. 10
Досоветский период 13
Советский период 18

ИСТОЧНИКИ 40

ГЛАВА I. ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ КИРГИЗИИ В СОСТАВ РОССИИ 53

1. Исторические предпосылки вхождения Киргизии в состав Российского государства 53
2. Добровольное вхождение Киргизии в состав России . . . 63
3. Прогрессивное значение добровольного вхождения Киргизии в состав России 87

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КИРГИЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.) 100

1. Административная и земельно-налоговая политика царизма 100
2. Сдвиги в экономическом развитии края 114
3. Социально-экономические отношения и классовая борьба . 178

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ КИРГИЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. 193

1. Материальная культура и прикладное искусство киргизов 193
2. Начало изучения природы и населения Киргизстана. Устное народное творчество, акынская поэзия и музыка . . . 203
3. Музыкальное искусство. Игры, Обряды 225
4. Школы, культурно-просветительные и лечебные учреждения. Распространение периодической печати 239

ГЛАВА IV. КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг. В РОССИИ 261

1. Предпосылки революции. Политическая деятельность социал-демократов 261
2. Участие трудящихся Киргизии в первой российской революции 275

ГЛАВА V. КИРГИЗИЯ В ГОДЫ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА 286
1. Наступление реакции 286
2. Новый революционный подъем 300
ГЛАВА VI. КИРГИЗИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 322
1. Антинародная сущность войны, хозяйственная разруха . . 322
2. Назревание революционного кризиса 328
3. Восстание 1916 года 337
ГЛАВА VII. КИРГИЗИЯ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 348
1. Победа Февральской буржуазно-демократической революции 348
2. Историческое значение Февральской революции . . . 369
ПРИМЕЧАНИЯ 379
ПРИЛОЖЕНИЯ 423
Хронологический указатель 424
Указатель отдельных имен 429
Указатель основных географических названий 434
БИБЛИОГРАФИЯ 441
Произведения основоположников марксизма-ленинизма . . 441
Официальные документы 443
Произведения деятелей Коммунистической партии и Советского государства 444
Литература и публикации источников 445
Рукописные материалы 471
Материалы на киргизском языке, хранящиеся в рукописных фондах Отделения общественных наук АН Киргизской ССР 471
Архивные материалы 472
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 475

Осмыслированись

ИСТОРИЯ КИРГИЗСКОЙ ССР (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ)

ТОМ II

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ КИРГИЗИИ В СОСТАВ РОССИИ И ЕГО ПРОГРЕССИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (РАЗЛОЖЕНИЕ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1855—МАРТ 1917 г.)

Худож. редактор *Г. А. Куценко*
Техн. редактор *С. Чотиев*
Корректор *С. Джамакеева*

ИБ № 2485

Сдано в набор 27. 08. 1985 г. Подписано в печать 10. 11. 1985 г. Д—01745. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. «Обыкновенная» гарнитура. Печать высокая. 30,0+1,25+0,151 карты физич. печ. л. 30,0+1,25+0,151 карты услови. печатных листа. 34,597 уч.-изд. л. 31,500 усл. кр.-отт. Тираж 10000. Заказ № 144. Цена 1 руб. 80 коп.

Ордена Дружбы народов
Издательство «Кыргызстан».
7200737, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.